

П.В. Флоренский

Обретая Путь

Павел Флоренский
в университетские годы

Математика для меня – это ключ к мировоззрению, такому мировоззрению, для которого нет ничего настолько неважного, чем не надо было бы заниматься, нет ничего не стоящего в связи с другим. При *математическом* мировоззрении нет надобности намеренно или бессознательно игнорировать целые области явлений, урезывать и достраивать действительное. Натурфилософия соединяется в одно целое с этикой и с эстетикой. Религия получает совершенно особенный смысл и находит соответственное место в целом, место, которого она была лишена раньше, почему ей и приходилось строить себе отдельное, изолированное помещение. Но я пишу тебе, как будто всё это уже есть. Это не более, как смутные предчувствия будущего синтеза.

П.А. Флоренский — О.П. Флоренской, 1900.X.05

Тифлисъ
Tiflis

Вторая мужская гимназия - Тифли

П.В. Флоренский
автор-составитель

Обретая Путь

**Павел Флоренский
в университетские годы**

I

Прогресс-Традиция
Москва

ББК 63.3 (2) – 8
УДК 947:82 (044)

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Флоренский П.В.

Ф 73 Обретая Путь. Павел Флоренский в университетские годы. В 2 т. Т. 1 / Авт.-сост. П.В. Флоренский; Статьи П.В. Флоренский, А.И. Олексенко, В.А. Шапошников, Т.А. Шутова; Подготовка текстов, комментарии и подбор иллюстраций П.В. Флоренский, Л.В. Милосердова, А.И. Олексенко, А.А. Санчес, В.П. Флоренский, В.А. Шапошников, Т.А. Шутова. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 584 с., илл.

ISBN 978-5-89826-323-2

Издание посвящено наименее изученному периоду жизни Павла Флоренского – годам его учебы в Московском Императорском университете (1900-1904). В это время происходит формирование личности ученого и философа на фоне драматических событий пролога первой русской революции. В издании представлена переписка этого периода П.А. Флоренского с семьей, живущей на Кавказе, с сестрой Юлией, обучающейся в Швейцарии, а также с его друзьями А.В. Ельчаниновым, В.Ф. Эрном, Андреем Белым (Б.Н. Бугаевым), Н.Н. Лузиным и другими, большинство материалов впервые представлены читателю. Переписка сопровождается статьями и комментариями, посвященными событиям в общественной жизни России накануне великой трагедии в ее истории, а также различным сторонам деятельности студента Флоренского. Перед читателем раскрывается образ юного Флоренского, его поиски и устремления накануне водораздельного 1904 года, когда он окончательно посвящает свою жизнь Церкви. Издание представляет собой своеобразную документальную повесть, основанную на уникальном для отечественной истории корпусе документов, поэтому его можно рекомендовать всем, кто не равнодушен к судьбе отечественной культуры и чувствует свою неразрывную связь с нею, а в особенности молодому поколению и его наставникам-педагогам.

УДК 947:82 (044)
ББК 63.3 (2) – 8

ISBN 978-5-89826-323-2

© П.В. Флоренский, 2011
© Архив семьи Флоренских, 2011
© Прогресс-Традиция, 2011

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Основу настоящего издания составляют письма. Пожелтевшие от времени страницы, мелкий почерк, передающий пульсирующий ритм отношений, характер и темперамент пишущего... Неловко как-то читать чужую переписку, но эту можно и необходимо. Ибо она вводит нас в атмосферу событий столетней давности, когда Россия, будучи в апогее своего величия, переступила черту великой катастрофы.

Павел Флоренский, Владимир Эрн, Александр Ельчанинов, Сергей Булгаков, Андрей Белый, Валентин Свенцицкий, Михаил Асатиани, Николай Лузин... Каждый из них – часть истории России, каждый – неповторимая личность.

Публикуемые документы ограничены годами, когда основные ее участники, оставив дом и родных, прибывают в русские столицы, чтобы получить образование в лучших учебных заведениях страны. Им открывается целый мир во всем его богатстве и противоречиях, когда приходится делать выбор в соответствии с принципами, заложенными в их семьях. Такими они и останутся в дальнейших испытаниях, выпавших на их долю.

Семья – гнездо, где они выросли и воспитались, очаг, где выжили традиции, закалился характер, райский остров, куда они возвращаются в воспоминаниях и в своих посланиях.

Переписка основных участников дополнена письмами их родных и друзей, что позволяет полнее представить себе отношения между детьми и родителями, братьями и сестрами, учителями и учениками, сверстниками и соратниками в созидании новой культуры, точнее и рельефнее дать представление об эпохе, в которой они жили. Потом прошло совсем немного времени, когда «мир раскололся, и трещина прошла по сердцу...». Драма страны стала драмой участни-

ков переписки. Одни из них заплатили свободой и жизнью за великие заблуждения XX века, другие выжили в горьком изгнании, но все они оставили неизгладимый след в истории Отчизны, преодолев барьеры многолетнего забвения.

Представлено первое полное собрание сохранившихся писем Павла Флоренского, Александра Ельчанинова, Владимира Эрна, их родителей, братьев, сестер и их друзей и знакомых. Документы были сохранены в архивах семей Флоренских и Эрнов – Калашниковых – Фоминых и публикуются по подлинникам. Их сберегали несмотря на опасности, которым подвергались хранившие их в годы репрессий и запретов.

По возможности сохранена пунктуация и частично – орфография. Сам Флоренский очень внимательно относился к тем письмам, которые посылал, и к тем, которые получал и бережно хранил. На конвертах присланных писем он писал дату их получения, а позже весь корпус пронумеровал в хронологическом порядке цветным карандашом. Поэтому конверт стал неотъемлемой частью письма и сведения о нем даются в примечаниях.

Часть материалов и документов долгое время за семью печатями хранилась в архивах Москвы и Петербурга. Таковы письма Андрея Белого, А.С. Петровского и Н.Н. Лузина к Флоренскому, которые теперь опубликованы в различных изданиях. Документы, связанные с учебой, хранятся в архивах Московского и Санкт-Петербургского университетов. Возможно, – кто знает, – река вечности выбросит на берег памяти новые артефакты, свидетельства трагической и прекрасной поры величия России.

Корпус материалов каждого полугодия-семестра предваряется вступительной статьей, содержащей пояснения о событиях и сведения о разработке тех или иных идей в творчестве Флоренского. Прилагаются обширные примечания и именные указатели. Первый том включает материалы первого и второго курсов, с весны 1900 года, времени поступления в Университет, до сентября 1902 года, второй том – материалы третьего и четвертого курсов, с сентября 1902 года по август 1904 года. Во второй том включены летопись основных событий, упомянутых в письмах, и краткие биографии участников переписки, включающие сведения и о том, как сложились их судьбы.

Письма П.А. Флоренского подготовлены к печати П.В. и В.П. Флоренскими и А.А. Санчесом. Письма членов се-

мьи – Л.И. Милосердовой, А.И. Олексенко, Т.А. Шутовой, письма А.В. Ельчанинова – Т.А. Шутовой. Примечания подготовлены П.В. и В.П. Флоренскими, А.И. Олексенко, В.А. Шапошниковым, Т.А. Шутовой и др. Авторство важных примечаний указано. Визуальный ряд составлен П.В. и В.П. Флоренскими, А.И. Олексенко, Т.А. Шутовой.

Оформление двухтомника органично и проникновенно выполнено А.Б. Орешиной, при этом был учтен опыт подготовки шеститомника писем П.А. Флоренского и его союзников из Соловецкого лагеря особого назначения «...пребывает вечно» совместно с издательством МОО Международного Центра Рерихов (редактор И.С. Жарова, гл. художник С.В. Чернова).

Работу по подготовке издания поддерживали руководство завода экологической техники и экопитания «Диод» и лично В.П. Тихонов. Часть материалов из архива семьи Флоренских предоставил создатель Музея священника Павла Флоренского игумен Андроник (А.С. Трубачев). Отдельные документы получены из Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ. Фонд 418 Императорского Московского университета № 418 и Фонд духовной консистории № 203) и Центрального городского архива Санкт-Петербурга (ЦГИА С.-Петербурга. Фонд 14 Санкт-Петербургского Императорского университета). Составители приносят им глубокую благодарность.

П.В. Флоренский, А.И. Олексенко, Т.А. Шутова

СМЫСЛА ПЕРЕПИСКИ

Самое прочное, неуничтожимое и постоянно самообновляющееся в мире – это то, что проработано человеческим духом, человеческой мыслью. 21 сентября 1929 г. священник Павел Флоренский писал В.И. Вернадскому «о существовании в биосфере, или, быть может, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченного в круговорот культуры, или, точнее, круговорот духа». Отметим, что в богословии существует особый раздел учения о Святом Духе – пневматология. Далее естествоиспытатель Флоренский добавил естествоиспытателю Вернадскому: «Несводимость этого круговорота к общему круговороту жизни едва ли может подлежать сомнению. Но есть много данных, правда, еще недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в космосе». К этому ученый, придававший большое значение опытно-конкретному изучению вещества, добавлял: «В настоящее время еще преждевременно говорить о пневмосфере как о предмете научного изучения; может быть, подобный вопрос не следовало бы и закреплять письменно. Однако невозможность личной беседы побудила меня высказать эту мысль в письме»¹. Итак, мысль о пневмосфере сохранилась именно в письме. Любые письма, как и многие другие листочки исписанной бумаги, принадлежат пневмосфере, неотделимой от человека, одухотворенными усилиями которого и определяется «особая стойкость» ее «вещественных образований».

Многие работы священника Павла Флоренского по сути своей – личные беседы или письма, наполненные интимным внутренним светом, играющим на гранях композиции, и обращенные к читателю-другу. «Столп и утверждение Истины»² в подзаголовке даже имеет уточнение – «Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах». Иногда письма, доработанные П.А. Флоренским, превращались в главы его трудов. Так, предисловие «На Маковце» к труду «У водоразделов мысли»³ выросло из письма к В.В. Розанову. Слово у Флоренского – символ, т. е. оно всегда еще что-то. Это «что-то» должно быть раскрыто тем, кто в той или иной степени

Почтовая карточка, посланная П.А. Флоренским из Москвы 24 августа 1900 г. отцу А.И. Флоренскому в Кутаис. В ней он сообщает о своем поступлении в Московский университет

Дорогой мой человек!
 Я не писал тебе долго, так как решил
 ничего определенного не писать, а просто
 пишу тебе в С.Т.В. в моменты о поэзии
 твоей в Триверсенте. Там же там же
 Сиднейно и Маргариты. Но ничего не было,
 и мне пришлось идти отсюда в Москву.
 Ну, я же не знаю, куда вы все уехали,
 но только в Берлин, а вы обратно, то
 пришлось и уехать отсюда.
 Мне не хотелось в С.Т.В. мне не
 удалось; в Триверсенте был 1 раз 1/2 года,
 конечно это так мало, но в целом
 ушел. Моей партией, скоро, через
 2 года. Ну, я же не знаю, как вы
 истарину. Но я мне очень скучно и
 моему одному, мне там, мне
 мне определенно жаль. До сих
 пор я получаю только одно письмо от
 мамы (Сидней). Не знаю, то же
 и мне мое письмо во время: мой друг
 меня ушел в Сиднейно. Ушел
 мой человек. твой П.
 Москва, 192400. Мой адрес: Петровка,
 дом Обидной, кв. 133. П. А. О.

сродственен автору по мироощущению, – отсюда обращенность к личности, другу, а не к среднестатистическому индивиду, абстрактной публике.

Флоренский и его близкие жили в «эпистолярное» время. Жанр переписки друг Флоренского В.В. Розанов назвал «золотой частью литературы». Жанр этот – один из самых древних: письма, найденные при раскопках, дают представление об ушедших цивилизациях, о личных отношениях людей, а письма апостолов, обращенные к близким людям или христианским общинам, составили часть Священного Писания. Письма субъективны по определению и хранят неискаженным конкретный и сиюминутный диалог, но они и мифологичны, понимая миф как вечно существующую реальность. Эпистолярный жанр – это сократовская беседа, сохраняющая диалектику общения. Этим письма принципиально отличаются от мемуаров, которые по сути своей есть моделированные или снисходительные беседы мемуариста с самим собою в прошлом, или с заинтересованным собеседником в настоящем, или оправдание себя перед потомками в будущем. Вот почему эпистолярный жанр подчас более точен, чем проработанные временем мемуары, нередко претендующие на объективную переоценку прошлого.

В творчестве П.А. Флоренского обычно выделяют два этапа, которые завершились основополагающими трудами по теодицее и антроподицее.

Теодицея, что в несколько упрощенном переводе значит оправдание, объяснение, обоснование существования Бога, – это книга «Столп и утверждение Истины» (1914), написанная, когда автору было менее тридцати лет. Труд обращен к образованным, как теперь говорят, к интеллигентам, которые входят в Церковь. Книга действительно сыграла большую роль в воцерковлении интеллигенции как Серебряного, так и нашего, «железного» века. Мои ровесники ее читали и знали в 1960-е – 1970-е, когда чтение религиозной литературы было небезопасно. Флоренский был символом ученого-священника, погибшего в лагерях. О других не знали. Теперь забывается, что даже в конце 1980-х за Библию, обнаруженную таможенниками, человек становился по меньшей мере «невъездным». Имена церковных деятелей вообще, а имена религиозных философов особенно, вычеркивались и буквально и фигурально, как вымарывались имена неудобных «министерству правды» Оруэлла.

Другой труд П.А. Флоренского – антроподицея, оправдание человека – создан зрелым сорокалетним мыслителем без надежды на издание. Он включал несколько томов, рукописи которых втайне сохранила его семья. Сейчас они изданы усилиями его внуков, и многие, особенно «Иконостас»⁴ и «Имена»⁵, вошли в нашу культуру и нередко цитируются без ссылок, как общеизвестные.

Однако в творчестве П.А. Флоренского, как и в его жизни, уместно выделить еще, по крайней мере, два этапа, каждому из которых соответствуют завершённые и совершенные произведения – корпусы переписки начала и завершения жизненного и творческого пути.

Самый ранний этап – детство и юность. Это время формирования личности Флоренского, время отхода от семьи, от окружения, понимания ограниченности только научного мировоззрения и первые осознанные шаги к Богу. От этого времени, с одной стороны, сохранились его письма к родным и друзьям и многочисленные тетради с записями наблюдений и конспектами прочитанного, а, с другой стороны, это время проанализировано им в воспоминаниях «Детям моим», то есть оно дважды, из разного времени освещено самим Флоренским.

Последующие годы отражены в переписке во время учебы П.А. Флоренского в Императорском Московском университете. После углубленного занятия науками естественными в гимназические годы он пришел в университет уже сформировавшимся исследователем с определенным мировоззрением, четкими планами и перспективой дальнейшей деятельности. Занятия естественными, математическими и гуманитарными науками в университете положили основу для выработки собственного подхода к миропониманию, укрепили базу дальнейших занятий философскими и богословскими проблемами. Поставленную так задачу он формулирует в письме к матери О.П. Флоренской 3 марта 1903 года: «Произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с Церковью, но без каких-либо компромиссов, честно, воспринять все положительное учение церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т. д. – вот как мне представляется одна из ближайших целей практической деятельности... Я подходил к этому с самого детства...». Его поступление в Духовную Академию по окончании университета стало необходимой степенью освоения философии и богословия на «лестнице

восхождения» по пути, план которого у него созрел если и не в деталях, то по сути, еще в годы гимназического учения. Уместно назвать эти этапы оправданием себя, оправданием личности – эгодищей.

Письма к семье из лагерей 1933–1937 гг. – труд последнего этапа творчества заключенного П.А. Флоренского. В них он передает накопленное знание своим детям, а через них всем людям, поэтому главное направление их мысли – род как носитель вечности во времени и семья как главная единица человеческого общества. Средоточием переживаний становится единство рода, семьи и личности, личности, оформленной, неповторимой, но в то же время тысячами нитей связанной со своим родом, а через него – с Вечностью, ибо «прошлое не прошло». Род в свою очередь обретает в семье равновесие оформленных личностей, неслиянных и нераздельных, в семье происходит передача опыта рода от родителей к детям, дабы те «не выпали из пазов времени»⁶. По аналогии с предыдущими трудами письма из тюрем и лагерей можно назвать генодищей – оправданием рода, семьи⁷.

Своим философствованием, единством творческой биографии – теодицей, антроподицей, генодицей, эгодицей – священник Павел Флоренский охватил обычно непересекающиеся уровни: горний – надмирный, пневмато-сферный – человеческий и личностнородовой – семейный. Каждый со своими объектами, особой иерархией, специфической аксиоматикой.

П.А. Флоренский сознавал свою исключительность, свой гений «как поручение от Господа Бога», предчувствуя, что его жизнь будет представлять интерес для потомков. Поэтому он изучал и себя, фиксируя жизненные открытия, анализируя движения души, поиски и сомнения, хранил дневники, записки, черновики своих писем и ответы на них, скрупулезно нумеровал их, неоднократно возвращался к ним, делая пометки на полях. Признаваясь, что его «теперешнее сознание выталкивается чуждой их стихией, как кусок дерева водою Мертвого моря», П.А. Флоренский писал в 1920-е годы: «Я выслушиваю свои же старые дневники и проч., как спотыкающееся чтение по плохо написанной и недоступной пониманию читающего рукописи: и знаки препинания, и логические, даже музыкальные ударения, и ритмика чтения – все нещадно перевирается, а я, безусловно, не согласен в своем позднейшем понимании собственной своей жизни руководиться этим чуждым мне старым.

В записях того времени местами я просто не узнаю себя, но знаю: это происходит вовсе не от недостатка в памяти, а от неправильности самой записи. О важнейшем и наиболее глубоком я или не писал тогда, или писал неправильно, да и не мог писать; это были еще слишком тонкие и не доведенные до полной сознательности впечатления и внутренние движения, чтобы могли у меня в таком возрасте найтись слова для них». Он предупреждает своих будущих биографов о том, что необходимо различать его теперешние оценки событий и людей от документов и записей прошлого времени. «Измерять ими истинность позднейших воспоминаний – это значит признавать полную мою тогдашнюю беспристрастность к себе самому и к другим и какую-то нечеловеческую мудрость, позволяющую оценивать смысл и значение событий самих по себе, помимо общих линий жизни. Современные записи по необходимости субъективнее, чем позднейший взгляд на те же события, уже обобщающий и имеющий основание выдвигать вперед или отодвигать назад то или другое частное обстоятельство. Много, что за шумом жизни не было тогда услышано достаточно внимательно, по дальнейшему ходу событий выяснилось как самое существенное, тогда как много и очень много волновавшего прошло почти бесследно»⁸.

Предлагая читателям переписку П.А. Флоренского с его близкими начала прошлого века, мы надеемся на то, что читатель примет к сведению эти его замечания и не воспримет мысли и чувства корреспондентов как нечто незыблемое, окаменевшее навсегда, но как живую жизнь, образы и характеры в их становлении в интерьере времени. Благодаря этому составитя не только картина жизни молодых людей той эпохи и их взаимоотношений со старшим поколением, но отчетливей и рельефней станет картина самого времени, драматического периода русской истории. Ведь даже если отстраниться от личностей, участвующих в переписке, сам по себе ее корпус уникален, ибо представляет собой срез времени, поколение людей первых пяти лет XX века во всей полноте их жизни, срез, не искаженный редактурой публикаторов или переосмыслением мемуаристов.

Переписка, которая впервые публикуется полностью, неожиданно оказалась на редкость цельным произведением. В композиционном плане, как литературная форма, она имеет выраженную завязку, развивающийся сюжет и завершение. Однако классическое литературное произведение,

как и всякое произведение искусства, по определению есть вещь в себе, со своим пространством-временем, ни к кому не обращенным, никому не предназначенным, которое должно существовать само в себе, иметь четкие границы, начало и конец. Переписка же – часть реальной жизни, которая, как всякая реальность, не имеет границ, отделяющих ее от окружающего мира. Поэтому, хотя для публикации и выбран очерченный формальными границами – временем учебы в университете с 1900 по 1904 год – отрезок времени, сюда проникла атмосфера гимназических лет, горячий воздух родного Кавказа, а будущее обозначилось кругом новых знакомств, друзей и интересов. Таким образом и время в реальной, а не придуманной литератором переписке, тоже не четко ограничено и не имеет начала и конца, ибо подчиняется законам реального времени.

Однако спустя век реальное пространство-время переписки сгущается, обособляясь от пространства-времени исторического, и она приобретает символическое значение. Мерцающей неустойчивостью она производит впечатление живого организма, что свойственно истинным произведениям искусства, а отсутствие очерченных границ делает ее похожей не на один организм, а на биосферу или кусочек ее – лес, океан, саванну со стадами или рой пчел, муравейник. Подобное сопоставление не случайно: сам П.А. Флоренский называл свое мышление органическим и обрисовал его специфику во вступлении «Пути и средоточья» к своему фундаментальному труду «У водоразделов мысли»: «Строение такой мысленной ткани – не линейное, не цепью, а сетчатое, с бесчисленными узлами отдельных мыслей попарно, так что из любой исходной точки этой сети, совершив тот или иной круговой обход и захватив на пути любую комбинацию из числа прочих мыслей, притом, в любой или почти любой последовательности, мы возвращаемся к ней же»⁹.

Целостность переписки ощущается и в стиле, и в развитии от письма к письму отдельных сюжетов, и даже в некотором единстве, как в классической драматургии, места, времени и действия. Целостность и в сложной системе упоминаний людей и понятий, что так заметно при составлении примечаний и указателя. Сходные или одни и те же мысли, повторенные разным адресатам в разных редакциях, и ответы на них в разном контексте придают посланиям гетерофоническую и, в то же время, полифоническую структуру,

характерную для многоголосия русской народной песни. Это, по определению Флоренского, «полная свобода всех голосов, “сочинение” их друг с другом в противоположность подчинению». «Не отношение к ближайшим предшествующим и непосредственно последующим высказываниям мотивирует данное, но отношение этого последнего к целому, как это вообще бывает во всем живом, тогда как свойство механизма – иметь части, зависящие только от ближайших смежных, прямо к ней подсоединенных»¹⁰. В многоголосии переписки можно выделить мелодии, которые композиционно тоже оказываются стройными конструкциями, связанными с главной темой, имеют начало, свою структуру и естественное, хотя формально и не завершенное окончание. В этой юношеской, устремленной в будущее переписке, в отличие от писем из лагерей, нет еще трагического завершения, еще нет подведения итогов и мучительного стремления успеть в оставшихся страничках сохранить и сказать как можно больше. Еще предстоит жизнь.

Важность сохранения и публикации семейной переписки объяснил сам П.А. Флоренский в письме сестре своей Ю.А. Флоренской от 30 декабря 1916 года из Сергиева Посада в Москву¹¹. Приведем фрагмент его, который мог бы стать эпиграфом ко всему изданию:

+

Дорогая Люся! Поздравляю всех вас с праздниками и желаю немного хотя бы отдохнуть. Когда же кто-ниб. из вас приедет сюда? Здорова ли мама? У нас все идет по-старому, т.е. без конца хлопоты, все время занято. Анна устала от безумных ночей и от возни с Кириллкой...

Но прямая цель моего письма... вот в чем. Я давно думаю об основании «семейного» издательства, т.е. нашем и м.б. некоторых друзей. Цель его – собирать документы, воспоминания, сведения о разных лицах нам близких, с нами знакомых и т.д., т.е. тут будут воспоминания, дневники, письма, монографии и биографии о лицах и вопросах, генеалогий и т. п., собрания сочинений. Некоторые выпуски издательства предполагаю делать более интимными и не пускать в продажу, покрывая расходы на них из других, продаваемых. Вообще же, это предприятие мне представляется не доходным, а лишь себя окупающим.

Ближайшая задача – мне хотелось бы составить памятку о папе. Иначе все документы затеряются и погибнут, это един-

ственное средство сохранить их. Главное начать <нрзб.>, книжку издать его собственных вещей. Я думал бы издать его статьи и его письма, и б.м. выпусками – чтобы не откладывать дело в слишком долгий ящик.

Полагаю, что у тебя дов. много его писем, у меня тоже. У Лили наверно меньше. У остальных наших братьев, вероятно, их почти нет. Подумай, как осуществить это издание. Надо, конечно, письма отдать перепечатать – это я устрою. Но к ним нужны комментарии, хотя бы самые краткие. Затем хотя бы дать о папе воспоминания разных лиц, не сводя их к единству, в их непосредственной свежести. Не напишешь ли ты своих?

Вообще же, подумай об этом круге предприятий. Я думаю, это не легко лично для нас, но и общественно и научно они представляют значительность.

Целую тебя и вас всех. Поговорим об этом при личном свидании.

Твой брат священник Павел.

Как мама и Андрей?

Мне хотелось бы издать все Валино – особенно рисунки. Но это пока решительно не по нашим средствам.

Потом наступил 1917 год и издание не состоялось. Однако понимание ценности семейной переписки, мысль о необходимости ее сохранения остались и теперь материализуются.

Пожалуй, будет уместно рассказать о некоторых событиях, связанных с сохранением частной переписки священника Павла Флоренского и переходом ее за рамки семейного предания в пневмосферу. Эта история – пример того, как формируется, как создается пневмосфера через человеческие деяния любви, преодолевая ловушки зависти и своекорыстия.

В 20-е годы письма, перевязанные в стопочки и пронумерованные самим П.А. Флоренским, хранились в его доме в Сергиевом Посаде. Вскоре это стало небезопасно, как, впрочем, стало небезопасно и жить вообще. Тем не менее, связки их как будто валялись, а в действительности бережно сохранялись на чердаке, в чулане, на книжных шкафах. Они покрывались пылью, которая их охраняла. При аресте и конфискации его библиотеки в 1934 году письма и рукописи П.А. Флоренского чудом сохранились. Подчеркиваю, чудом. В Москве переписка его сестры Ю.А. Флоренской

хранилась в ее комнате в Хрущевском переулке, в полуподвале особняка, где она жила и где теперь находится музей А.С. Пушкина. После ее смерти в 1948 году письма были перевезены в Загорск. Письма, хранившиеся у О.П. Флоренской, в том числе и переписка младшего брата Павла Александровича А.А. Флоренского, тоже репрессированного, были перевезены после ее смерти в 1951 году также в Загорск. В Тбилиси после ареста А.А. Флоренского в 1938 году семейную переписку вывезла к себе в дом на Малотрибунальной улице его сестра Елизавета Александровна Кониева (Кониашвили). Дом находился на склоне Давидовской горы, в старых кварталах города, вверх по склону прямо от памятника Шота Руставели. В конце 1950-х Ольга Георгиевна Кониашвили, дочь Елизаветы Александровны, большую часть тифлисского семейного архива перевезла к себе на Пекинскую улицу, в новый многоэтажный дом, против глухого без окон торца здания архива КГБ. Ольга Георгиевна была широкообразованным человеком, прекрасной театральной художницей, позже она работала художником в археологических институте и музее.

В 1962 году она передала мне письма П.А. Флоренского, значительную часть переписки его сестер Юлии и Ольги и их родителей. Целую наволочку, которую я со страхом и с трудом упрятал в свой полевой рюкзак. Со страхом, потому что в это время имя, хотя и реабилитированного, но все же репрессированного деда, было еще под запретом, распространявшимся и на его сочинения. Пожалуй, самым страшным компроматом виделась картина М.В. Нестерова «Философы», фотографию которой как-то по секрету, заперев комнату, показала мне бабушка. Тем не менее, тогда, на Кавказе, я прикоснулся к тому, о чем мы все в семье постоянно думали, но молчали. Письма студента Павла Флоренского казались относительно безопасными, и я начал их переписывать, а потом перепечатывать у машинисток. Своей пишущей машинки у меня не было, она была тогда редкостью. Владельцы машинок обязаны были представлять куда следует образцы шрифта, а в учреждениях машинки на праздничные дни сдавали и опечатывали. Никакой надежды на публикацию писем, конечно, не было, исключалась для нас их передача за границу. С этого года, собственно, и начался посмертный этап жизни Флоренского. Для меня же это стало второй, тайной жизнью, в чем меня очень поддерживала бабушка Анна Михайловна.

Сегодня кажется невероятным, что вплоть до конца 1960-х имя Флоренского было вычеркнуто из памяти «министерством правды» и стало забываться. Первой достойной публикацией после 35 лет замалчивания стала «Обратная перспектива»¹². Хорошо помню, как о ней говорили шепотом и как гордились своим поступком А.А. Дорогов, Вяч. Вс. Иванов и Б.А. Успенский, опубликовавшие ее с весьма компетентным предисловием в 1967 году в Тарту. У совершивших поступок, по тем временам граничащий с подвигом, вероятно, был все-таки «внутренний цензор», и они «на всякий пожарный» сделали совершенно непонятные сегодня купюры.

В 1967 году было предпринято издание Советской философской энциклопедии. Первые четыре тома были собраны в основном из обычных осторожных марксистских статей, а вот пятый А.Г. Спиркин разрешил в 1970 году делать без оглядки, и том этот стал поворотным пунктом в развитии философии в СССР. Коллективом специалистов была подготовлена и статья «П.А. Флоренский»¹³, в написании которой участвовал и я. Из лучших побуждений и в силу некоторой неподготовленности сотрудница редакции Р.А. Гальцева включила в эту важнейшую статью ряд суждений, которые по тем временам, как я считал, могли задержать публикации трудов П.А. Флоренского. Уместные тогда мои возражения сегодня просто непонятны, но остались в памяти участников¹⁴. Я обратился за защитой к Алексею Федоровичу Лосеву, который, как я знал, дружил с моим дедом и бывал в нашем доме в Сергиевом Посаде. О том, как он нас рассудил, я и мой оппонент Р.А. Гальцева рассказали в своих статьях каждый по-своему. Скажу лишь, что А.Ф. Лосев поддержал меня, и фразы, которые тогда, казалось, таили опасность, были сняты из статьи самим А.Г. Спиркиным. С тех пор Алексей Федорович приглашал меня пить чай, и я свято храню в памяти по-отечески теплое, чуть покровительственное отношение ко мне современника и соратника моего деда, последнего философа русского Серебряного века.

Русский «Гомер» А.Ф. Лосев редко говорил о Флоренском, неохотно вспоминал о том времени. Он о многом молчал. Ведь он так же, как и многие его современники, прошел допросы, лагеря, утратил зрение на Беломорканале. Правда, однажды посетовал: «Я о Флоренском мог бы во-от такую книгу навалить...». Когда настали другие времена, а Лосев стал, как он сам выражался, человеком «призывного

возраста», мы решились просить рассказать его о Флоренском. Мы – это профессор Аза Алибековна Тахо-Годи, «Эккерман» Лосева и автор множества публикаций о нем Юрий Алексеевич Ростовцев и я. Но... опоздали. Беседы наши шли всего за несколько месяцев до его трагической кончины¹⁵.

Вскоре труды священника Павла Флоренского начал публиковать в церковных изданиях Анатолий Просвирнин (позже – архимандрит Иннокентий): в 1969 году вышли в свет в Журнале Московской Патриархии работы «Дух и плоть» и «Моленные иконы преподобного Сергия»¹⁶. В том же году мне удалось пробить публикацию «Органопроекции»¹⁷, которая вышла со сделанными в редакции многочисленными мелочными купюрами. Историки нравов когда-нибудь перепубликуют такие изуродованные статьи, обозначив курсивом выброшенные слова, чтобы потомки ломали голову над причиной их неуютности для редакторов.

Событием в науке стало издание в 1972 году «Иконо-стаса»¹⁸, который уже ходил из-за моей доверчивости в самиздате с 1967 года. Это издание я готовил по тексту перепечатки, которую сделал с разрешения А.М. Флоренской архимандрит (позже – архиепископ Новгородский и Старорусский) Сергей (Голубцов). Чтобы оградить меня от возможных неприятностей, публикатором поставил себя А.И. Просвирнин, наклеив их на самого себя. Что было, то было – таково было время. Две другие важные для общественного мнения публикации были «пробиты» П.В. Палиевским. Это были подготовленные мною вместе с А.А. Санчесом глава из воспоминаний П.А. Флоренского «Пристань и бульвар» в «Прометее 9» и «Строение слова» в «Контексте 1972»¹⁹. К этому времени сведения о философе Флоренском стали поступать из-за рубежа, где его работы публиковал в «Вестнике Русского Христианского движения» его редактор Никита Алексеевич Струве, зять А.В. Ельчанинова, друга П.А. Флоренского гимназических и студенческих лет. Этими публикациями он сделал много важного для сохранения и восстановления прежней культуры в России вообще, и для того, чтобы имя П.А. Флоренского вернулось в мировую культуру. Не ошибусь, сказав, что влияние «Вестника» на интеллигенцию было соизмеримо с влиянием «Нового мира». Родственные отношения между семьями Флоренских и Ельчаниновых восстановила вдова А.В. Ельчанинова Тамара Владимировна, когда в 1968–1970 годах дважды поистине героически приезжала в Москву, охваченную борь-

бой с диссидентами. Она успела навестить вдов гимназических друзей своего мужа, вдову В.Ф. Эрн Жечечку, Евгению Давыдовну Калашникову, и Аню, Анну Михайловну, вдову П.А. Флоренского.

Лед тронулся. Методом проб и ошибок было установлено, что, по крайней мере, политического запрета на издание трудов Флоренского в 1970-е давно уже не было, хотя остались осторожность, трусость или корысть. Теперь понимаю, что они исходили в основном от коллег ученого П.А. Флоренского. Как уже было сказано, в 1972 году в «Богословских трудах», одном из самых цензурируемых изданий, был опубликован уже ходивший в самиздате «Иконостас», а вот ссылки на него в искусствоведческих публикациях, особенно в издательстве «Наука», долгое время были категорически запрещены, хотя по сути дела все современное иконоведение – это разработка идей «Иконостаса». Возможно, историки искусствоведения когда-нибудь займутся анализом косвенного и прямого цитирования «Иконостаса» в 1970–1990-е, цитирования без ссылок, конечно. Я эту работу начинал, но потом бросил: слишком много и слишком скучно. Впрочем, были и другие, так, А.А. Салтыков, ныне протоиерей, на Флоренского регулярно ссылался²⁰. Вот, вкратце, обстоятельства возвращения трудов Флоренского в общественный обиход. И это тоже часть истории страны, наша история. Сам я в те годы занимался обработкой первых в мире изображений Земли, полученных из космоса. Готовя публикации, мы получали постоянные осложнения от редакторов и издателей, а тем более от своего собственного руководства. Мы обратились в военную цензуру, которая легко давала разрешения при соблюдении довольно простых писанных правил. Думаю, что так же должно было быть и с публикациями трудов Флоренского.

В такой обстановке в 1967 году к работе над письмами присоединился Алкаен Альбертович Санчес. Его отец Альберто, скончавшийся в Москве, – замечательный испанский художник и скульптор. Он был другом Пабло Неруды, Гарсиа Лорки и Пабло Пикассо. Мать Алкаена – героическая Клара, секретарь легендарной Пассионарии, Долорес Ибарури. Спасаясь от кровопролитной гражданской войны у себя на родине, Альберто, Клара и их сын нашли убежище в первой в мире стране социализма.

Работали мы «подпольно», так, чтобы не подвергать близких опасности, связав друг друга словом о молчании.

Ведь в это время разыскивали и осуждали диссидентов. Я разбирал довольно сложный почерк автора и диктовал, а он печатал на своей портативной машинке. Пять экземпляров под копирку. Второй экземпляр мы отдавали Анне Михайловне Флоренской в Загорск, третий экземпляр считался алкаеновым, а остальные я уносил к себе. Таким образом мы распечатали почти весь корпус писем П.А. Флоренского, привезенный мною из Тбилиси. Анна Михайловна, видя наши усилия, передала нам письма деда из тюрем и лагерей и другие немногочисленные разрозненные письма. Ко времени возвращения Алкаена на родину в Испанию нами была перепечатана большая часть писем П.А. Флоренского. Когда в 2003 году в Испании после тридцатилетней разлуки мы встретились с Алкаеном, теперь уже преподавателем арабского языка в Мадриде, я спросил его: «А ведь страшно было тогда?» Он согласился и, помолчав, добавил: «Зато как хорошо: православный и католик работали, оглядываясь на дверь, тайно, над рукописями православного священника, убитого большевиками».

В середине 1970-х к работе над наследием П.А. Флоренского присоединились и другие члены нашей семьи. За четыре десятилетия Нашего Семейного Делания, несмотря на его некоторую стихийность, а, быть может, и благодаря ей, было издано большинство главнейших трудов священника Павла Флоренского, выработались принципы их публикации, сформировалась школа исследователей его творчества.

К началу 1980-х публикации трудов Флоренского и упоминания его имени стали системой. Сначала в богословских и официальных церковных выступлениях. На годичном акте в Московских Духовной Академии и Семинарии 14 октября 1981 года Святейший Патриарх Пимен в своем Слове особо подчеркнул значение для Церкви трудов профессора Академии священника Павла Флоренского²¹. Подробному анализу его богословских взглядов много места уделит Митрополит Таллинский и Эстонский, будущий патриарх Алексий II в своей работе «В силе Святого Духа – служение миру»²². Общественной реабилитацией стало празднование 100-летия со дня рождения П.А. Флоренского, организованное в Доме художника на Кузнецком мосту в 1982 году²³. А вот главным событием стало собрание в Доме литераторов, организованное в день рождения П.А. Флоренского 22 января 1989 года Советским фондом культуры²⁴ при под-

держке академика Д.С. Лихачева, который, как и П.А. Флоренский, был когда-то соловецким узником. Собрание, прошедшее под девизом «Возвращение забытых имен», сопровождалось большой выставкой материалов из семейного архива П.А. Флоренского, подготовленной Марией Сергеевной и Александром Сергеевичем (теперь – игумен Андроник) Трубачевыми, который на базе этого собрания создал «Музей Флоренского» на улице Бурденко в квартире, где жила его мать, О.П. Флоренская²⁵. Грянул обвал публикаций трудов П.А. Флоренского и статей о нем в СССР и за рубежом. Его имя вошло в обойму тех, кого принято почитать. С упорством филателиста я долгие годы собирал упоминания имени П.А. Флоренского в печати и электронных СМИ. Когда-нибудь стоит проанализировать изменение его облика в глазах прессы. Теперь же собирать библиографию о нем мне не по силам. Однако я твердо знаю, что память о священнике Павле Флоренском как таковом, как личности сохранили его жена Анна Михайловна, его мать Ольга Павловна и его сестры, а вернули людям его дети и внуки. К 100-летию со дня его рождения, когда он стал востребован, мы оказались готовыми передать обществу его труды. Усилия семьи, сначала тайные, со страхом, потом за счет личных интересов и времени, порой приводящие к изменению жизненного пути, были сосредоточены на этом, как мы считаем, главном семейном деле. Сам П.А. Флоренский писал из Соловецкого концлагеря, что его мысли будут востребованы через пятьдесят лет. И это еще одно его прозрение: в 1990 году в партийном издательстве «Правда» были изданы два тома его трудов²⁶.

Говорят, что поэт в России больше, чем поэт. Продолжая эту мысль, можно сказать, что и философ больше, чем философ, тем более трудившийся во времена глубокого кризиса, который переживала его страна, весь мир. Кризиса политического, общественного, аксиологического. Павел Флоренский всегда был там, «где его народ к несчастью был». Он не покинул Россию на «философском» корабле, а, по словам его друга философа Сергея Булгакова, «избрал... Родину, хотя то были и Соловки, он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом... и сам он и судьба его есть слава и величие России...»²⁷.

Приговоренный в 1933 году к 10 годам лагерей, священник Павел Флоренский был отправлен сначала в восточносибирский лагерь «Свободный», а затем в знаменитый

СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения. 25 ноября 1937 года постановлением особой тройки УНКВД по Ленинградской области П.А. Флоренский был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 8 декабря 1937 года под Ленинградом.

Примечания

- ¹ Андроник, иеромонах. Предисловие к работе священника Павла Флоренского «Микрокосм и Макрокосм» / Богословские труды, 24. С. 230–232. Изд. Московской Патриархии. М., 1983; Письма П.А. Флоренского к В.И. Вернадскому. Публикация Ф. Перчонка. / Минувшее. Исторический альманах № 1. Париж. Атенеум. 1986. С. 275–293; Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского. Публикация П.В. Флоренского / Новый мир. 1989. № 2. С. 194–203.
- ² Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., Путь. 1914.
- ³ Флоренский П.А. «На Маковце», вступление к труду «У водоразделов мысли» / П.А. Флоренский. Избранные произведения в 2 томах. М., Правда. 1990.
- ⁴ Среди многих изданий «Иконостаса» лучшее: Флоренский П.А. Иконостас. Подготовка текста и комментарии А.Г. Дунаева. М., Искусство. 1994. С. 256.
- ⁵ Флоренский П.А. Имена. Первоначально издавались с 1988 г. по частям в журнале «Социологические исследования».
- ⁶ Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Письма с Дальнего Востока и Соловков. М., Мысль. 1998. Т. 4. С. 508. В дальнейшем: Священник П.А. Флоренский. Т. 4.
- ⁷ Олексенко А.И. О символах лагерных писем П.А. Флоренского / Вопросы философии, 1998. № 3. С. 144–159.
- ⁸ Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., Московский рабочий. 1992. С. 208.
- ⁹ Священник Павел Флоренский. Т. 3 (1). 1999. С. 35.
- ¹⁰ Священник Павел Флоренский. Т. 2. 1990. С. 30–31.
- ¹¹ Архив семьи Флоренских. Публикуется впервые.
- ¹² Флоренский П.А. Обратная перспектива. Публикация и предисловие А.А. Дорогова, Вяч. Вс. Иванова и Б.А. Успенского / Труды по знаковым системам, III. (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 198). Тарту, 1967. С. 381–416.
- ¹³ Р.Г. (Это автор – Прим. сост.) Флоренский П.А. / Советская философская энциклопедия. Изд. Советская энциклопедия, Т. 5. М., 1970. С. 377–379.
- ¹⁴ Флоренский П.В. История статьи «П.А. Флоренский» в «Философской энциклопедии». Слово А.Ф. Лосева о П.А. Флоренском / Мысли и жизнь. К 100-летию А.Ф. Лосева. Уфа, 1993. С. 40–50; Гальцева Р.А. Это был наш маленький Крестовый поход. К 25-летию завершения «Философской энциклопедии»./ Знамя. 1997, № 2. С. 166; Тахо-Годи Аза. Жизнь и судьба: Воспоминания. М., 2009. С. 642–643.
- ¹⁵ Лосев А.Ф. Об отце Павле Флоренском (Из бесед с П.В. Флоренским в январе 1988 г.) (По магнитофонной записи) / Вестник РХД,

- № 153, 1988. Париж. С. 92–99; Лосев А.Ф. Вспоминая Флоренского / Литературная учеба. 1988. № 2. С. 176–179; П.А. Флоренский по воспоминаниям Алексея Лосева. Публикация Ю.А. Ростовцева и П.В. Флоренского / Контекст 1990. М., Наука. 1990. С. 6–24; В.В. Библихин. Из рассказов А.Ф. Лосева / Вопросы философии. 1992. № 3. С. 124–144. Беседы неоднократно переопубликовывались.
- ¹⁶ Священник Павел Флоренский. Дух и плоть / Журнал Московской Патриархии, 1969. № 4. С. 72–77; Священник Павел Флоренский. Моленные иконы преподобного Сергия / Журнал Московской Патриархии, 1969. № 9. С. 80–91.
- ¹⁷ Флоренский П.А. Органопроекция / Декоративное искусство СССР, 1969. № 12 (145). С. 39–42.
- ¹⁸ Священник Павел Флоренский. Иконостас / Богословские труды. Сб. 9. Издание Московской Патриархии. 1972. С. 83–78.
- ¹⁹ Флоренский П.А. Пристань и бульвар / Прометей 9. Историко-биографический альманах. М., Молодая гвардия. 1972. С. 138–149; Флоренский П.А. Строение слова / Контекст 1972. Литературно-теоретические исследования. М., Наука. 1973.
- ²⁰ Салтыков А.А. Эстетические взгляды Иосифа Волоцкого (по «Посланию к Симону Ушакову») / Исследования по истории русской литературы X–XVII вв. Труды отдела древнерусской литературы. XXVIII. Л., Наука. 1974. С. 271–288.
- ²¹ Слово Святейшего Патриарха Пимена на годичном акте в Московских Духовной Академии и Семинарии. 14 октября 1981 года / Пимен, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения. Т. 2. М., Изд. Московской Патриархии. 1985. С. 359–361.
- ²² Алексей, Митрополит Таллиннский и Эстонский. В силе Святого Духа – служение миру / Журнал Московской Патриархии. 1980. № 1. С. 54–64.
- ²³ Костик В. Заседания Клуба искусствоведов. Москва, МОСХ, осень-весна 1982 / Советское искусствознание 82. № 2 (17). М., Советский художник. 1984. С. 368–372; Шкурская Е. Вечер, посвященный 100-летию со дня рождения П.А. Флоренского. Хроника / Там же, С. 374–375; Никитин В.А. Вечер памяти священника Павла Флоренского в МДА / Журнал Московской Патриархии, 1982. № 7. С. 24–26.
- ²⁴ Возвращение забытых имен. Павел Александрович Флоренский. Каталог выставки. Составители: А.С. Трубачев, М.С. Трубачева, С. З. Трубачев и П.В. Флоренский. М., 1989. С. 44. Выступления на вечере иеромонаха Андроника (Трубачева) и П.В. Флоренского, впервые опубликованные в газете «Московский литератор» (№ 5, 22 января 1989 г.), были воспроизведены в десятках изданий.
- ²⁵ Брагин В.И. Музей-квартира Священника Павла Александровича Флоренского (история создания). СПб., 2008. С. 240.
- ²⁶ Флоренский П.А. Избранные произведения в двух томах. М., Правда. 1990. Приложение к журналу «Вопросы философии».
- ²⁷ Булгаков Сергей, протоиерей. Священник о. Павел Флоренский / Свящ. Павел Флоренский. Собр. соч. Т. 1. Статьи по искусству. Париж, 1985. С. 15–16.

П.В. Флоренский

19 11 00
VIII

Павел Александрович Фроленкин

Мирский, 23 июня 1900 года.

1900

Поступление в Университет

Есть илжно просить Ваше Превоходительство
о записании меня в число студентов вооруженнаго
Ваша Университета. При сѣхъ прилагаю нѣтъ
слѣдующіе документы мои съ копіями ихъ:

П. Фроленкин.

- 1) аттестатаи зрѣлости,
- 2) формулярный списокъ отца,
- 3) свидѣтельство о припискѣ къ призывной
часткѣ города Мирска.
- 4) метрическое свидѣтельство,
- 5) три (3) фотографическія карточки.

ЕДЕМ К СОЛОВЬЕВУ

Последний год XIX века для Павла Флоренского – это время окончания гимназии и начала студенческой жизни, когда он прощается с Тифлисом, подводит итоги, намечает цели и пути их достижения. Этому «водораздельному» году в жизни Флоренского предшествовала пора поисков и метаний, которое его родители называли периодом «бури и натиска».

Павел Флоренский окончил 2-ю тифлискую гимназию. В 1927 году в своей «Автобиографии» он так писал о ней: «Учился во 2-й Тифлисской классической гимназии. Класс наш считался выдающимся, и из него вышло довольно много деятелей (упомяну Д. Бурлюка, И. Церетели, Л. Розенфельда (Каменева) и др.). Если не ошибаюсь, в классе было получено при окончании курса 6–7 золотых медалей и вдвое серебряных. Окончил я курс первым, но, думаю, по недоразумению, так как, занимаясь каждый день до 12 часов ночи своими делами, я довольно пренебрежительно отмахивался от уроков гимназических и учил их большей частью на переменах, в классное же время над партою обдумывал на бумаге постановку физических опытов»¹. 2-я тифлисская классическая мужская гимназия была одним из лучших учебных заведений России на рубеже веков. Имена ее выпускников часто встречаются в списках студентов обеих столиц начала прошлого века. Нередки они и в донесениях столичных департаментов полиции в списках бунтовщиков. Выходцы с Кавказа идут на север двумя потоками. Перефразируя строки Владимира Соловьева из стихотворения «Ех Oriente lux» («Свет с Востока»)², можно сказать, что они формируют парадигму «Россия Ксеркса и Христа», и кавказские революционеры внесут свой вклад в разрушение тысячелетней традиционной России, в то время как их бывшие соученики положат свои силы, а нередко и жизни во имя того, чтобы

Гимназист Владимир Францевич Эрн.
Весна 1900 г. Фото Э. Клара, Тифлис.
Фотография была приложена к документам
при поступлении в Московский университет.
Центральный Исторический архив Москвы
(в дальнейшем – ЦИАМ), Архив Император-
ского Московского университета. Фонд 418
(в дальнейшем – Ф. 418), прием 1900 г.
Опись 314 (в дальнейшем – Оп. 314). Ед. хр. 955

Гимназист Павел Александрович Флоренский.
Весна 1900 г. Фото Э. Клара, Тифлис.
Фотография была приложена к документам
при поступлении в Московский университет.
(ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Ед. хр. 859)

Гимназист Александр Викторович Ельчанинов.
Весна 1900 г. Фото Э. Клара, Тифлис.
(Городской архив Санкт-Петербурга, Архив
Императорского Санкт-Петербургского уни-
верситета (в дальнейшем – Фонд 14). Опись 3.
Дело студента А.В. Ельчанинова № 37298.
Л. 24а)

пронести через поколения и испытания неугасимую свечу веры и верность традиции. Впрочем, эта параллельность потоков присуща русской истории, является ее культурологической парадигмой.

Особенная дружба на долгие годы связала одноклассников Павла Флоренского, Александра Ельчанинова и Владимира Эрна. Когда они учились в седьмом классе, в гимназию пришел новый учитель истории Георгий Николаевич Гехтман. Он создал историко-философский кружок, участники которого обсуждали важные религиозные, философские и этические вопросы. Г.Н. Гехтман был удивительно талантливым, вдохновенным педагогом. Отношения с ним его ученики будут поддерживать долгие годы. Именно Гехтман привил своим любимым ученикам особый стиль общения учитель – ученик, столь свойственный русской педагогике, который мы назвали бы «кружковством». Важнейшей составляющей стиля является шефство старших учеников над

младшими. Отношения, сложившиеся в гимназии, сохранились и тогда, когда старшие наставники покинули ее стены. В своем архиве Флоренский сохранил письма младших гимназистов, которые пишут ему в Москву, а позже в Сергиев Посад, прося советов, рассказывая о своих новостях. Ельчанинов, будучи вторым сыном в семье, рано потерявшей кормильца, дает частные уроки, а кроме того, занимается с младшими учениками гимназии, кого называют «ельчаниновцы» и кто сохранит ему верность на долгие годы, а некоторые станут прихожанами священника Александра Ельчанинова во Франции.

В последние гимназические годы Павел Флоренский проходит полосу разочарований, оболещений и открытий, с юношеским пылом он бросается из одной крайности в другую, от полной абсолютизации научного знания, пылкому увлечению толстовством и обличения «поповства» к такому же страстному увлечению мистическими учениями и поисками путей к высшему знанию.

Ольга Павловна
Сапарова (Флоренская).
Конец 1870-х гг.
Фото Р. Бейера.
Санкт-Петербург

В 1898 году он вносит в дневник «Краткую характеристику П. Флоренского, написанную им же», где так определяет свое отношение к науке: «Он любит вообще науку, и особенно физику, и многим, не задумываясь, жертвует для нее. Это – одна из хороших черт. В своей отрасли он может сделать кое-что, но не важно, сделано будет много, но разработано мало. Тут служит помехой главным образом недостаток усидчивости. Также вредит успехам в избранной науке слишком большая не односторонность: он любит

*Александр Иванович
Флоренский.
Конец 1870-х гг.
Фото Колчина и
Ермакова. Тифлис*

и занимается кроме физики геологией, астрономией, очень немного химией, фотографией; любит математику, но не делает в ней почти ничего».

Тогда же он предлагает Александру Ельчанинову составить свой портрет-характеристику, но сделать это в форме диалога, где бы он, Флоренский, смог прокомментировать положения, выдвинутые другом. Вот один из фрагментов этой характеристики:

Ельчанинов:

...Вышеприведенный субъект в большой степени обладает нетерпимостью к чужим мнениям; резче всего эта черта выражается по отношению к богословию: он смотрит на всех «попов» как на мошенников, тунеядцев, тупейших людей и пр. и не задумывается о том, что может их оправдать, не говоря уже о том, что вышеприведенный взгляд весьма узок вообще и неверен в частности...

Флоренский:

Нетерпимость у меня, пожалуй, иногда бывает, но сильно проявляется лишь в том случае, когда не слушая ясных доводов, не приводя даже никаких, упрямо стоят на своем, как Коробочка. Взгляд на религиозность у меня вовсе не такой: хорошего священника (но не «попа» по духу, хотя бы это и не была духовная особа) я так же, если не больше, уважаю, как и всякое другое *полезное* должностное лицо.

Настоящую нетерпимость (прячущуюся, но не лезущую напоказ) я не только уважаю, но и сам обладаю ею, хотя, к несчастью, в слабой степени. Взгляд на священников виден выше. Что же касается до того, что большинство я считаю плохим, то это взгляд далеко не только мой, а и «духовных» особы (напр. Соколовский³ etc) говорят то же, если не хуже. Но я никогда в жизни не отрицал, что может быть хороший священник, хотя большинство идет в попы из разных видов, чем и определяется состав теперешнего духовенства...

Летом 1899 года Павел Флоренский пережил большой внутренний кризис. Пришло убеждение в ограниченности и относительности физического знания: «бесчеловечная научная мысль – с одной стороны, безмысленная человечность – с другой». Это открытие поставило перед ним вопрос об Истине абсолютной и целостной. Тогда же Флоренский испытал мистическое переживание, услышал на своей «дамасской» дороге призыв свыше и сделал шаг к религиозному мировоззрению. Об этом «обвале» он подробно рассказал в своих воспоминаниях «Детям моим...»⁴. Будучи по своей духовной конституции не только «человеком мыслящим», но и «человеком делающим», юный Флоренский ищет практический выход для своих открытий.

В то время по России ходила запрещенная и выпущенная тогдашним самиздатом «Исповедь» Толстого, которую читали и передавали друг другу участники кружка Гехтма-

Первая страница
конспекта сочинения
«Л.Н. Толстой.
"Царство Божие вну-
три вас"» (по изданию
1894 г.), составленного
гимназистом
8-го класса
П. Флоренским
2 ноября – 9 декабря
1899 г.

на. Флоренский увлекся этическими идеями Толстого, конспектировал многие его публицистические произведения, собирался бросить все и «идти в народ», как делали в то время многие молодые люди, покоренные идеями толстовства⁵. От опрометчивых решений периода «бури и натиска» уберег Флоренского его отец. В своих воспоминаниях П.А. Флоренский так пишет об этом: «Между тем решение пришло, откуда его не ждал. Источником же его стал тот скепсис в отношении человеческих учений и убеждений, которым был проникнут мой отец и который был впитан с детства мною»⁶. Тем не менее, увлечение учением Толстого не прошло бесследно и его влияние чувствуется на протяжении всей жизни Флоренского. В период обучения в Московской Духовной академии он знакомится с русской деревней, часто бывая в семье своего однокурсника С.С. Троицкого, сына сельского священника в Костромской губернии. Несмотря на то что Флоренский знакомится с жизнью крестьян в драматическое время первой русской революции, тем не менее, он строит планы создания сельских школ нового типа и даже крестьянского университета. Позже, не получив благословения на монашество, он и в супруги выбирает себе сельскую девушку и создает с ней семью в традициях своих пращуров, костромских сельских дьячков, сохраняя при этом принципы и стиль семьи своих родителей.

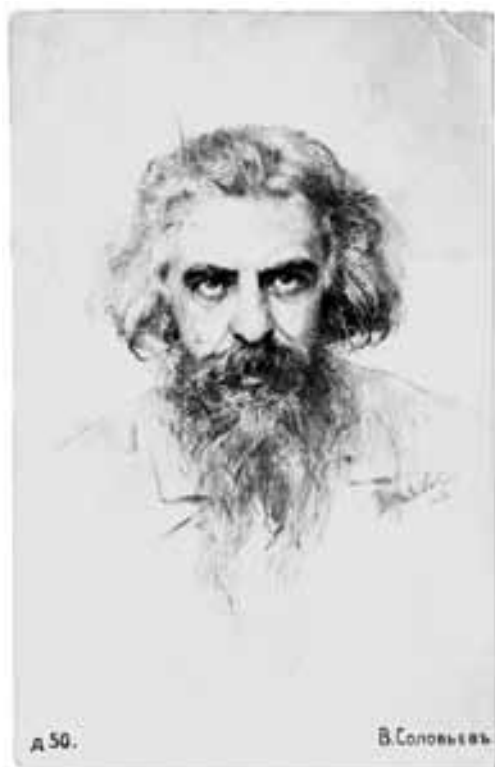
В 1900 году по окончании гимназии ее «золотые» выпускники Флоренский, Ельчанинов и Эрн покидают Тифлис, чтобы продолжить учебу в университете. В последний гим-

Поздравление с Пасхой
Р.П. Гавризовой
П.А. Флоренского
11 апреля 1899 г.
на почтовой карточке,
посвященной
Л.Н. Толстому.
Фототипия Шерер,
Набгольц и К°,
1890-е гг.

назический год кумиром друзей стал философ Владимир Соловьев, с произведениями которого они, судя по письмам, знакомились в кружке Г.Н. Гехмана. «Едем к Соловьеву», – решили друзья и отправились в русские столицы. Имя философа было связано для них как с Московским университетом, выпускником которого тот был, так и с Петербургским, где приват-доцент Соловьев читал лекции и откуда его вынудили уйти после того, как в публичной лекции весной 1882 года он призвал помиловать народовольцев, совершивших убийство императора Александра II. Справедливости ради следует сказать, что перед этим Владимир Соловьев обратился к радикальным революционерам, призывая их отказаться от террора и кровопролития. Когда поезд с тифлисскими юношами проезжал станцию Ростов, они узнали, что Владимир Соловьев скоропостижно скончался в Москве, вернее, в Узком, недалеко от Москвы, в имении своих друзей князей Трубецких. Так для русской философии закончился XIX век и наступил век XX, один из самых трагических в истории державы...

Павел Флоренский определил цель своей дальнейшей учебы и наметил этапы ее достижения еще весной, о чем сообщил отцу, мнением которого очень дорожил. В связи со своей служебной деятельностью А.И. Флоренский жил в это время в Кутаисе, поэтому свою обеспокоенность резкими сменами устремлений сына и опасениями о невыполнимости поставленной цели выражает в письме от 14 мая 1900 года: «Объединить знание и религию в одно – это задача была непосильна и остается непосильной. Религия есть частное дело каждого отдельного лица. Человек каждый, чтобы быть полезным, непременно должен до известной степени раздвинуться: одно – делать повседневное полезное дело, скажу, быть ремесленником, другое – сохранить уголок своей души, своего ума для высших требований человеческой природы. Мне очень не понравился твой крайне резкий переход от крайности к крайности. Кажется, еще в прошлом

*Владимир Сергеевич Соловьев.
Рисунок 1907 г.
с фотографии 1900 г.,
Санкт-Петербург.
Почтовая фотокарточка 1910-х гг.*

Его Превосходительству 2-му Ректору С.Петербургскаго Императорскаго Университета

Мойнъ сынъ съ формулярными
справками.

Окончившаго курсъ
во 2ой курсской
Импазіи Павла
Григорьевича

Промение.

Есть имено просить Ваше Превосходительство
о записаніи мене въ число студента временно
Ваша Университета. При семъ прилагаю нижеследующіе документи мои съ копіями ихъ:

П. Григорьевичъ.

- 1) аттестата зрѣлости,
- 2) формулярный списокъ оныхъ,
- 3) свидѣтельство о припискѣ къ привольной частной усадьбѣ города Мирна,
- 4) метрическое свидѣтельство,
- 5) три (3) фотографическія картонки.

19⁰⁰
10

Павелъ Александровичъ Григорьевичъ.

2. Мирна, 23^{ей} июня 1900 года.

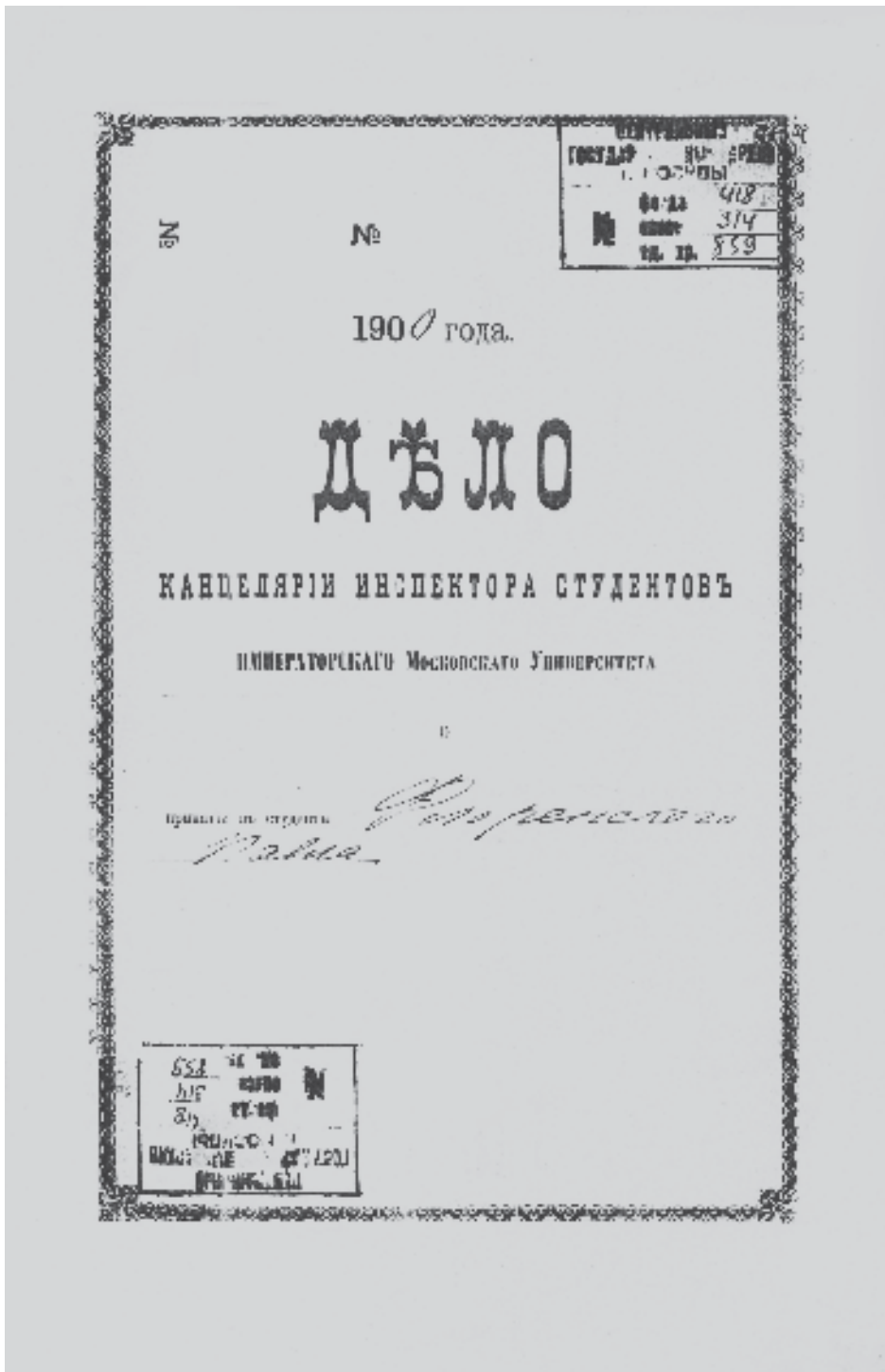

Санкт-Петербург.
Императорский
университет.
Здание коллегии.
Почтовая карточка
1900-х гг. Собрание
Ю.А. Ростовцева

году ты в ответ мне, что в жизни человека разные физические явления носят названия любви и ненависти, радости и страдания и т. п., ты сказал, что все это тебя не интересует, так как сущность вопросов кроется в чисто физических явлениях. В настоящее время ты совершенно перевернул свои взгляды. Я не говорю, что человек не изменяет своих взглядов со временем, но в устойчивой натуре процесс этот совершается медленно. Поэтому я боюсь за твою устойчивость, за твое будущее...»

Кроме того, отец не согласен с решением сына продолжить учебу в северной столице, о чем пишет в том же письме, называя Петербург «бумажным» городом, чей климат неблагоприятен для уроженцев юга. Тем не менее, несмотря на это Павел Флоренский посылает 23 июня прошение на имя ректора Санкт-Петербургского университета о зачислении его в студенты и все необходимые для этого документы. Не получив ответа, он посылает в Петербург повторное прошение и ждет ответа. В начале августа Павел Флоренский едет к отцу в Кутаис, где обсуждает с ним свое будущее. Вероятно, ему удалось добиться согласия отца на его учебу в Петербурге, куда он вскоре и отправляется. Но устроиться на учебу в Петербургском университете ему так и не удалось. Вероятно, это объясняется тем, что существовала, говоря современным языком, квота, по которой в столичные университеты принимали в первую очередь выпускников учебных заведений соответствующих учебных округов, а

Промение Павла
Флоренского
Г-ну Ректору Санкт-
Петербургского
Императорского
университета
о зачислении
в число студентов
университета.
Тифлис, 23 июня
1900 г. (Городской
архив Санкт-
Петербурга. Ф. 14.
Оп. 3. Дело студента
П.А. Флоренского
№ 37356, Л. 1)

Московский Императорский университет, старое здание. Почтовая карточка из серии «Москва», № 6, фототипия Шерер, Набогольц и К^о, М., 1900-е гг.

выпускники других учебных заведений принимались на оставшиеся места по конкурсу аттестатов. Однако Флоренский имел золотую медаль и мог рассчитывать на положительный результат, тем не менее в Петербургском университете он не остался, хотя документы его, судя по архивным материалам, приняты были. Возможно, что главную роль в том, что произошло, сыграло все же мнение отца, которым так дорожил Павел Флоренский.

Как бы то ни было, из Петербурга Флоренский отправляется в Москву, где хлопотами профессора Всеволода Миллера, родственника его одноклассника Николая Семенникова, становится студентом физико-математического факультета Московского университета. Вскоре он поселяется в общежитии имени Императора Николая II, где живет в одной комнате со своим другом Владимиром Эрном, который учится на историко-филологическом факультете. Их друг Александр Ельчанинов учится на историко-филологическом факультете Петербургского университета и пишет подробные письма друзьям в Москву. Владимир Соловьев продолжает оставаться кумиром тифлисских юношей: они среди многих, кто называет себя «соловьевцами». Даже в выборе факультетов для обучения они как бы повторяют университетский путь Владимира Соловьева, который начинал на математическом факультете, а потом перешел на историко-филологический. В неумной жажде знаний Флоренский посещает семинарии С.Н. Трубецкого и Л.М. Лопатина на историко-филологическом факультете, принимает участие

Обложка Дела студента Императорского Московского университета Павла Александровича Флоренского (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Ед. хр. 859. Л. 1)

в работе историко-филологического кружка, преобразованного в общество на том же факультете, где учится Владимир Эрн. Александр Ельчанинов стремится перевестись на учебу в Москву, ближе к друзьям, но он связан с целевой стипендией, которую платят ему из Тифлиса, и только по окончании Петербургского университета соединится с друзьями в Москве, а позже с Флоренским в Сергиевом Посаде.

Отметим, что Павел Флоренский был не первым в роду, кто прошел школу Московского университета. Тут учился его дед Иван Андреевич Флоренский. В биографической литературе о Флоренском об этом сказано немного, поэтому хотелось бы заполнить пробел.

Иван Андреевич Флоренский⁷ был сыном костромского дьячка. Отец его умер рано, и церковь взяла попечительство над мальчиком. Он был приписан к одной из церквей Костромской епархии, поступил учиться в Костромскую духовную семинарию, успешно закончил ее. В 1836 году состоялся, как мы сказали бы теперь, очередной «семинарский» призыв в Императорский Московский университет. Несколько десятков выпускников духовных семинарий были отправлены учиться на его медицинский факультет. Среди них был и костромской юноша Иван Флоренский. В Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) в фонде Московского университета (Ф. 418) сохранились документы, датированные летом 1836 года, откуда мы узнаем процедуру приема и имена семинаристов-медиков (Оп. 253. Дело 42. Л. 1–2):

5 августа

*Выписка из журнала Правления Императорского
Московского университета, состоявшаяся июля 30 дня
1836 года*

СЛУШАЛИ:

В Присутствии Г. Ректор объявил, что вследствие распоряжения Начальства касательно истребования из Семинарий воспитанников для поступления в сей Университет по Медицинскому Факультету на казенный кошт, из которых Семинарий оные прибыли, по размещении их в здании Университета вместе с студентами продовольствующих казенным Студенческим Столом, а именно: Иван Дмитриевский, Алексей Виноградский с 11 июля, Василий Преображенский, Алексей Кинчин,

Иван Андреевич Флоренский (1815–1866), дед П. А. Флоренского, выпускник медицинского факультета Московского Императорского университета.

Фото середины XIX века, переснятое в ателье фотографа Г. В. Трунова в Москве

Иван Флоренский с 16, Алексей Раминский, Николай Шайтанов с 19, Петр Остроумов, Федор Плоченский, Александр Страхов, Павел Кашинский, Николай Миролубов, Федор Александровский, Петр Внуков, Иван Малинов, Федор Альбов с 21, Георгий Ярошевский, Василий Медведев, Иван Румянцев с 22, Петр Преображенский, Флавий Шклярский с 23, Петр Попов, Иван Светозаров с 30, и вместо ученика Семинарии ученик Ярославской

Гимназии Дмитрий Розов с 27 того же июля, впредь до учения означенным лицам испытания в познаниях,

ПРИКАЗАЛИ:

предписать Эконому Валронту, чтобы он означенных воспитанников, прибывших из Семинарий и ученика Ярославской Гимназии, продовольствуемых казенным Студенческим Столом, свыше показанных чисел продолжил продовольствовать оным впредь до особого распоряжения Правления по сему предмету, о чем и дать знать выпискою Г. Инспектору студентов.

Верно Секретарь /подпись/

№ 1578

31го июля 1836

С подлинника считал Столоначальник /подпись/

Его Высокоблагородию

П.С. Нахимову

Платон Степанович
Нахимов, Инспектор
студентов Москов-
ского Император-
ского университета,
Флота Капитан 2-го
ранга и Кавалер.
Акварель.
Фонды Музея МГУ

Почти через месяц, когда прошли «испытания в познаниях» бывших семинаристов, в первый день учебного года была составлена новая бумага:

1 сентября

Выписка из журнала

Императорского Московского

Университета

17 августа 1836

При слушании Прошения Г. Ректор объявил, что из числа принимаемых и принятых в Семинарии 36 воспитанников для прохождения в Университет на казенный кошт 21 человек признаны по экзамену способными слушать лекции Медицинского Факультета, а именно: Иван Дмитриевский, Алексей Виноградский, Алексей Кинчин, Иван Флоренский, Николай Шайтанов, Петр Остроумов, Федор Плоченский, Яков Никольский, Александр Страхов, Павел Кашинский, Федор Александровский, Иван Малинов, Федор Альбов, Георгий Ярошевский, Петр Преображенский, Флавий Шклярский, Дмитрий Розов, Александр Скворцов, Павел Милов, Яков Попов, Иосиф Добровольский; из прочих 15 человек предлагает 8 человек как признанных не спо-

собными отправить обратно, а именно: в Воронежскую Светозарова, Рязанскую Миролюбова, Костромскую Преображенского, Вологодскую Ратенского, Смоленскую Румянцева и Екатеринбургскую Моторного, Егорова и Гречанского.

Петр Попов, Петр Внуков и Василий Медведев, о них сделано будет особое предписание Г. Попечителем, а 4 еще экзаменуется по случаю прибытия из Саратовской Семинарии только 16 сего августа.

ПРИКАЗАЛИ:

отчислить восемь студентов Семинарий, не удостоенных поступления в Университет, обратно в Семинарии, из которых они прибыли, а прогоны каждому и паспортные издержки <нрзб.> выдать бухгалтерские деньги по принадлежности каждому и экономические суммы, а именно: Светозарову 36 р. 41 к., Миролюбову 14 р. 75 к., Преображенскому 29 р. 14 к., Ратенскому 37 р. 7 к., Румянцеву 28 р. 47 к., Моторину, Егорову и Гречанскому по 65 р. 56 к., 196 р. 68 к., а всего 342 р. 52 к., о чем казначею дать указ и для надлежащего по сему предмету распоряжение Г. Инспектору студентов выписку из журнала; Эконому же предписать о прекращении лишь восьми человекам казенные издержки с 21 августа.

Верно Секретарь /подпись/

С подлинника считал Столоначальник /Воробьев/

№ 1805

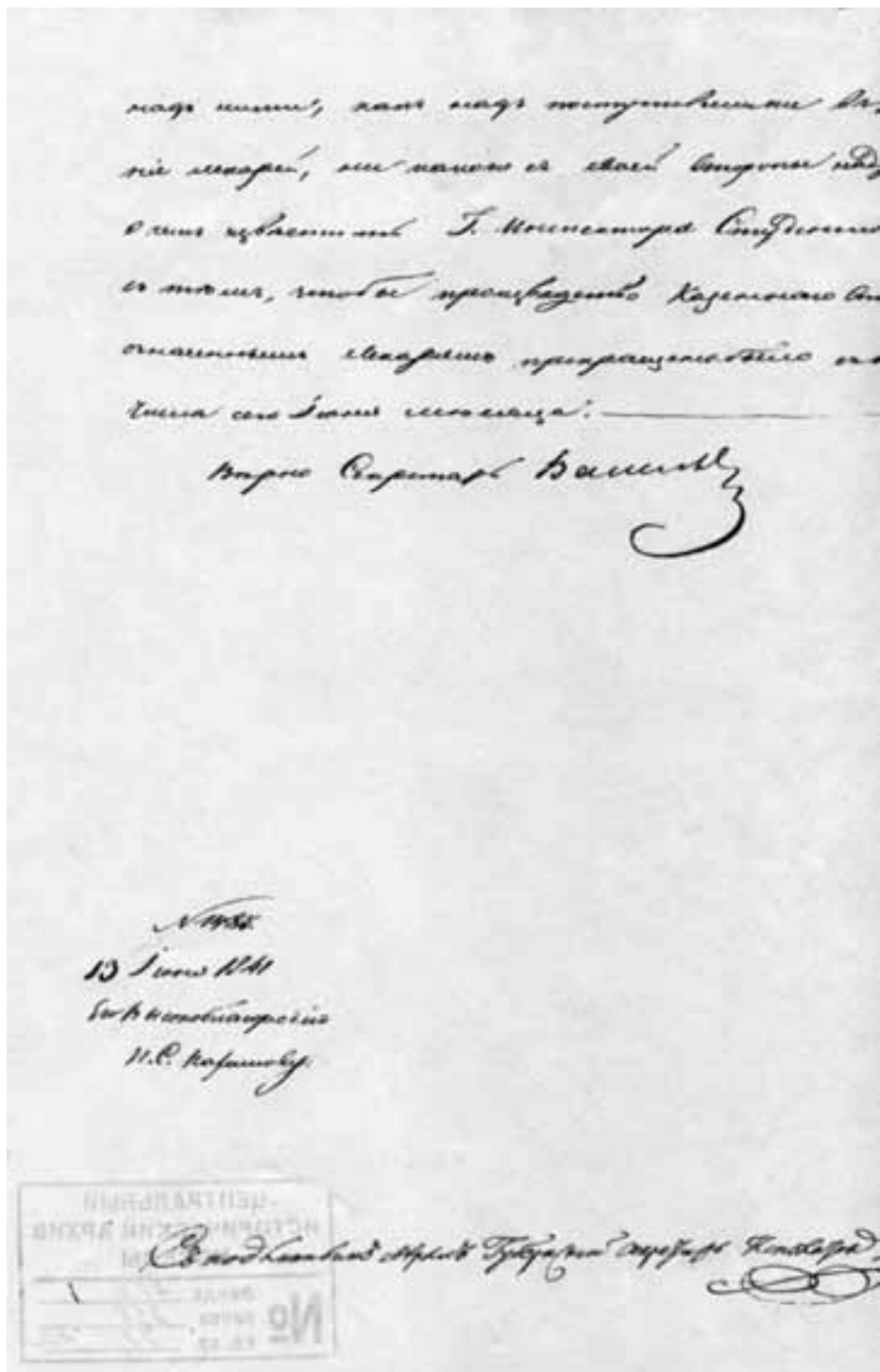
31-го августа 1836

Его Высокородию

П.С. Нахимову

На документах подпись: Инспектор Студентов, Флота Капитан 2-го ранга и Кавалер П.С. Нахимов. Речь идет о Платоне Степановиче Нахимове, брате легендарного адмирала-флотоводца Павла Степановича Нахимова, участника обороны Севастополя. В 1834 году в Императорском Московском университете была введена должность инспектора студентов. Первым инспектором, назначенным 30 июля 1834 года попечителем князем С.М. Голицыным, стал Платон Степанович, «золотое сердце», «отец студентов», как называли его в университете. Несмотря на видимую строгость, он принимал большое участие в жизни и организации быта студентов. Морской офицер, он считал высшим принципом соблюдение дисциплины, формы и внешнего единообразия. Известна история, когда П.С. Нахимов, отчитывая студента, носящего не по форме длинные волосы, обещал выгнать

Выписка из журнала Правления Императорского Московского университета от 30 июля 1836 года о зачислении прибывших из Семинарий воспитанников на казенный кошт (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 253. Ед. хр. 42. Л. 1, 1 об.)

его вон из университета, если тот не пострижется. Студент не постригся, а инспектор Нахимов под ухмылки студентов всеми силами избегал встречи с непослушным. Или другой пример. В годы инспекторства Нахимова в университете действовал строжайший запрет переводить студентов с одного факультета на другой. Тем не менее, Нахимов этот запрет нарушил. В архивах университета есть курьезный документ. Речь идет об одном из студентов, «который испытывает стойкое отвращение к трупам в анатомическом театре», из-за чего его переводят с медицинского на историко-филологический факультет.

Кстати, о дисциплине. В России существовало правило, по которому христианин был обязан иметь письменное свидетельство о том, что говел, то есть должным образом постился, готовясь к причастию, в Великую Четыредесятницу. Громадные, в тысячу и более страниц, ежегодные «Свидетельства Священников и Пасторов о Приобщении Св. Таинств» по всем храмам Москвы и Московской губернии хранятся в ЦИАМ в фонде Духовной Консистории (Ф. 203, Оп. 747). В ведомостях «города Москвы Никитского Сорока церкви Святой Мученицы Татианы, что при Московском университете», встречается в такого рода свидетельствах и имя студента Ивана Флоренского: «I курс, 1837 г., 21 год, № 165 (Ед. хр. 1303. Л. 948); II курс, 1838 г., 22 года, № 176 (Ед. хр. 1324. Л. 1070); III курс, 1839 г., 23 года, № 165 (Ед. хр. 1340. Л. 911); IV курс, 1840 г., 24 года, № 230 (Ед. хр. 1368. Л. 938):

Сохранилась «Ведомость города Москвы Никитского Сорока, Церкви Святыя Мученицы Татианы, что при Императорском Московском Университете Протоиерея Петра Матфиева Терновскаго с притчем обретающиеся при оной церкви в приходе нижеявленных чинов людям, с изъявлением против коегождаго имени о бытии их в Святую Четыредесятницу у Исповеди и Святых Таин Причастия и ктож исповедался токмо, а не причастился и ктож не исповедался за тысяча восемьсот тридцать восьмой год». Список начинается с Ректора, его семьи и челяди, за ним следует инспектор П.С. Нахимов с семьей и челядью, а студент Иван Флоренский находится среди других воспитанников под номером 176.

Студенты, говевшие в других храмах (в том числе католики и лютеране), представляли в университет свидетельства о говении. Так, студент Московского университета и

Число.			Дата опис. рождения		Показание дѣйствна:		
Людск.	Дополн. или Авария.		Мужского пола.	Женского пола.	Кто были у Исповяди и Святаго Прича-стїа	Кто оуъ исповядался покая, а не причаща-лось, и за какиѣ виновности.	Кому-рне у Исповяди не были.
166.		Иванъ Давыдовъ	26.		бы		
167.		Иванъ Любимовъ	23.				
168.		Григорій Суворовъ	24.				
169.		Симонъ Вуковичъ	21.				
170.		Котляковъ Иванъ Суворовъ	19.				
171.		Стефанъ Васильевъ	20.				
172.		и Мирослава Васильевъ	20.				
173.		Михаилъ и Любовинъ	22.				
174.		и Антонъ Васильевъ	19.				
175.		Михаилъ Угрюмовъ	20.				
176.		Иванъ Флоренскій	22.		бы		
177.		Иванъ Дмитруковъ	19.				
178.		Михаилъ Владимировъ	23.				
179.		Михаилъ Ивановичъ	20.				

его будущий ректор, знаменитый историк и отец философа Владимира Соловьева Сергей Михайлович Соловьев в 1839 и 1840 годах исповедовался у своего отца, священника Михаила Васильевича Соловьева, о чем сохранилось свидетельство (Ф. 418. Оп. 259. Ед. хр. 71. Л. 73; см. на с. 48).

В 1841 году Иван Флоренский завершает обучение, что удостоверяет «Список утвержденных в звании Лекаря казеннокоштных воспитанников и своекоштных студентов Московского Университета по окончании ими курса учения в 1840/41 академическом году», подписанный Ректором Императорского Московского университета Киченовским 18 июня 1841 года. В списке из 53 выпускников среди 31 казеннокоштного воспитанника 1 отделения 26-м по алфавиту стоит имя Ивана Флоренского. Для казеннокоштных воспитанников медфака (института) в Московском университете существовала система распределения, и вот как расписало Правление дальнейшую деятельность таковых в 1841 году:

Имя Ивана Флоренского в списке причащавшихся в университетской церкви Св. Мученицы Татианы в 1838 г. за № 176 (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Ед.хр. 1324. Л. 1070)

516
2

ф. ф. 107. 4к.

43

Свидетельство.

Дано сія Прочинская Корова Маріанна²
при Конверсионной Училищъ Корова Свендга-
нская Михаилъ Васильевичъ, Коллежскій,
изъ Московскаго Императорскаго Универ-
ситета Студентъ Сергейъ Михайловичъ Соло-
вьевъ сего 1840 года въ Св. Кембриджскому
Училищу и Св. Драматическаго Машинъ
продвигенъ. — Въ томъ удостовѣренъ озерни-
кой Маріанна² Корова Свендганскій Михаилъ
Коллежскій. 1840 года Августа 11 гуд.

Выписка из журнала Правления Императорского Московского университета, состоявшегося 11 июня 1841.

СЛУШАЛИ: Отношение Университетского Совета от 11 июня за № 311, коим изъясняет, что казеннокоштные воспитанники Медицинского Института по окончании в минувшем академическом году курса учения и по надлежащем испытании удостоены звания Лекаря 1-го Отделения: Александровский, Виноградский, Добровольский, Жданович, Зрашевский, Миловский, Лаптев, Медведев, Леонтьев, Малинов, Молчановский (с отличием), Никольский, Остроухов, Ольшевский, Петр Попов, Преображенский (с отличием), Яков Попов, Раменский, Розов, Светозаров, Синявский, Сиверцов, Уточкин, Флоренский, Шайтанов, Шкляревский, Ярошевский, 2-го Отделения: Березин, Соболевский. По чему Совет, утвердив 10 текущего июня означенных казеннокоштных воспитанников в звании Лекаря тех отделений, которые назначены Медицинским Факультетом, кроме Степана Синявского, Михаила Лаптева и Николая Уточкина, об исключении коих из купечества будет представлено начальству, просит распорядиться об отправлении всех показанных лекарей, равно и удостоенных звания Лекаря Синявского, Леонтьева и Уточкина, до времени распределения их на службу в Московский военный госпиталь для лучшего узнания существующего в сем заведении порядка и способа лечения военнослужащих с произведением им же надлежащей на содержание суммы.

ПРИКАЗАЛИ: Отправляющимся в Московский военный госпиталь для лучшего узнания существующего там порядка и способа лечения военнослужащих означенным 28-ми лекарям и 3-м удостоенным звания Лекаря выдать каждому впредь с 13 сего июня за месяц на содержание и на стол и наем квартиры по 14 р. 28 4/7 к. сер. Всего 442 р. 85 5/7 коп. из экономической суммы, о чем Казначей Баланаеву дать указ, Господину Рейтару предоставить объявить помянутым 28 лекарям равно Синявскому, Леонтьеву и Уточкину, удостоенным звания Лекаря, о явке их Главному Доктору Москвы Военного госпиталя для вышеизложенных занятий по Госпиталю и о нахождении под непосредственным его ведением и распоряжением, о чем немедленно сообщить Главному Доктору Госпиталя с изъяснением, что за таковым распоряжением Инспекция Университета не будет уже иметь над ними как над поступившими в звании лекарей никакого с своей стороны надзора, о чем известить Г. Инспектора студентов с тем, чтобы производство Казен-

Свидетельство о том, что студент Сергей Михайлович Соловьев, будущий историк и ректор Университета, исповедовался и причащался святых Христовых тайн 11 апреля 1840 г. Свидетельство дано его отцом – священником Михаилом Соловьевым (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 259. Ед. хр. 71. Л. 73)

ного Стола означенным лекарям предназначено было с 13-го числа сего июля месяца.

Верно Секретарь Васильев

№ 1485

13 июля 1841

Его Высокоблагородие

П.С. Нахимов

С подлинным сверил Губернский секретарь /подпись/

(Ф. 418. Оп. 258. Ед. хр. 74. Л. 2-4а).

Так начался путь из Московского университета на Кавказ, в пекло Кавказской войны, военного лекаря Ивана Флоренского. Через шесть десятилетий тот же путь, но в обратном направлении, с Кавказа в Московский университет, повторит его внук Павел Флоренский. К слову сказать, Иван Флоренский поступил на медфак Московского университета в год, когда его окончил знаменитый Н.И. Пирогов, создатель военно-полевой хирургии и один из основателей Красного Креста России. Кавказ станет местом, где будут жить и работать потомки военврача русской армии на Кавказе Ивана Флоренского, принявшего смерть при исполнении служебного долга. Во время эпидемии холеры он врачевал больных, солдат действующей армии и местных жителей, умер и был похоронен в осетинском селении Ардон.

Так сложилось, что точное место захоронения И.А. Флоренского долго не было известно его потомкам. «Обретение» могилы состоялось весной 2006 года, когда его старшему праправнуку П.В. Флоренскому удалось посетить Осетию. В церкви Святого Георгия в Ардоне был отслужен молебен, возложены цветы в церковном дворе, где некогда находился погост, на котором, по предположениям, и был захоронен И.А. Флоренский. Представители рода Флоренских внесли большой вклад в науку и культуру Осетии, тут их имя благоговейно почитается, вот почему местная пресса откликнулась на событие целым рядом публикаций и теле-репортажей. Вскоре от краеведов, живущих во Владикавказе и Ардоне, Юрия Георгиевича Ясько и Андрея Борисовича Борисова пришло сообщение о том, что местонахождение могилы и раньше было известно. Дело в том, что в Ардоне, кроме прихрамового, было и до сих пор существует городское кладбище, на котором и покоится прах военного лекаря И.А. Флоренского. Надгробие хорошо сохранилось, веро-

ятно, благодаря и благоговейному отношению к почившим на Кавказе. Надгробие расширяется к западу, сверху выбит православный крест, над ним солнце – сакральный знак осетин, по краям растительный орнамент. По бокам надпись в три строки, с северной стороны: «Под симъ камнемъ покоится прах / раба Божия коллежского советника / Ивана Андреевича Флоренского», с южной стороны «скончавшегося въ 1865 году ноября 2-го/ дня на 50 году отъ рождения / МИРЪ ПРАХУ ТВОЕМУ». Однако, дата на надгробии ошибочна. Вслед за П.А. Флоренским, игумен Андроник на основании документов и воспоминаний установил, что И.А. Флоренский умер не 2, а 11 ноября. Скорее всего, каменотес посчитал цифру 11 за римское II.

Универсальность Павла Флоренского как исследователя и особенность дарования, сочетающего теорию с практикой, еще в детстве предопределилась разнообразием интересов и увлечений. Он много читает, ведет дневник, проводит наблюдения за природными явлениями, собирает коллекции минералов и гербарии, проводит химические и физические опыты. Об этом свидетельствует переписка между гимназистами Флоренским и Ельчаниновым, которые на летние каникулы разъезжались в разные дачные места. Мальчики делятся своими метеорологическими наблюдениями, пересылают друг другу схемы геологических структур, зарисовки животных и растений, рассказывают о проводимых

*Надгробие
Ивана Андреевича
Флоренского
в станице Ардонская,
указанное А.Б. Бори-
совым и Ю.Г. Ясько
в апреле 2006 г.*

Павел Герасимович Сапаров (1820–1878), дед П.А. Флоренского по линии матери. Фото 1870-х гг.

Герасим Сапаров – прадед П.А. Флоренского. Портрет первой половины XIX века работы тифлисского мастера из рода патриарших иконописцев

опытах, а также о переводах из древних авторов. Ученый и мыслитель в представлении Флоренского и его друзей – это не пустынный в «башне из слоновой кости», вззирающий на мир и людей с высоты своего знания, не только «*homo sapiens*» – «человек мыслящий», но и «*homo faber*» – «человек делающий». Ни сам Флоренский, ни его ближайшие друзья юности этому принципу не изменяли. Владимир Эрн и Александр Ельчанинов были организаторами Христианского Братства Борьбы, активными деятелями Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева. Ельчанинов – педагог милостью Божией – отдал всю жизнь своим ученикам, сначала в тифлиских гимназиях, а затем во Франции, где руководил Русским Христианским Студенческим Движением (РХСД), был священником и духовным наставником русских изгнанников. Флоренский реализовал принцип единства «думания и делания», став священником и философом, исследователем, изобретателем, как мы теперь сказали бы, ученым-производителем. Даже будучи в узилище, он мыслил и работал, став одним из родоначальников мерзлотоведения в лагере на Дальнем Востоке, создателем производства йода и агар-агара в Соловецком концлагере, и рассказал об этом и многом другом своим потомкам в письмах, посылаемых из лагерей.

Свое детство, свою семью П.А. Флоренский описал в книге «Детям моим. Воспоминанья прошлых дней». Это удивительная, вдохновенная проза, где завораживают картины природы, гор, моря, неба и впечатлений пытливого, пылко-го и алчущего понять мир мальчика. В своих воспоминаниях он называет отчий дом «островным раем», где царит гармония, любовь и преданность каждого каждому, но он говорит «остров», а значит, отмечает, что мир этот был некоторым образом герметичным, изолированным от окружающего из-за боязни поколебать эту райскую гармонию.

Сохранившаяся переписка супругов Флоренских свидетельствует об их удивительно гармоничном браке, полном взаимопонимания, о создании почти религиозного культа семьи, благоговейного отношения ко всем семейным атрибутам. Быть может, причиной тому была оторванность в юности от близких и Александра, и Ольги. Более того, отец Ольги, Павел Герасимович Сапаров, при всех своих прогрессивных взглядах был недоволен выходом дочери замуж за русского, и дочь всю жизнь чувствовала себя

Семья инженера А.И. Флоренского. Слева направо: Юлия Ивановна, Юля, Александр Иванович, Павлуша, Ольга Павловна. Около 1888 г. Фото. Тифлис

виноватой перед семьей. На девятом десятке лет своей жизни при слове «Кавказ» и «армяне» она преображалась, любая деталь, связующая с ними, была ей дорога. Во имя мужа и своей семьи она пожертвовала своим древним родословным преданием и причастностью к своим.

Впрочем, говоря о герметичности семьи, надо подчеркнуть и другое: это был открытый и гостеприимный дом, где русское хлебосольство сочеталось с кавказским гостеприимством, особенно по отношению к родственникам, которые были частью этого мира. В семье вплоть до своей ранней кончины жила сестра Александра Ивановича Юлия, постоянно гостили сестры Ольги Павловны и их дети. По-видимому, этот дом сочетал в себе традиции русской усадьбы и армянской семьи-крепости. И такое явление было характерно для многонационального Тифлиса – столицы русского Кавказа.

Герметичность семьи, которую созидали родители, сочеталась с уважением к личности детей, их стремлениям, желаниям, уверенностью в них. Такая атмосфера привела к удивительной индивидуальности каждого из детей, разности их устремлений и интересов. Священник Павел, врач-психиатр Юлия, романтик до авантюризма, натуралист и историк Александр, художница-революционерка Елизавета, художница-мистик Ольга, техник-инженер Андрей и тихий иконописец Раиса – такие разные по биографии и профессиям и такие похожие, целеустремленные, высокие духом и богатые внутренним миром люди. Теперь, много лет спустя, когда все они, пройдя через страшные годы революций и войн, исполнили свой жизненный долг, можно сказать, что каждый из них оставил достойный след в нашей истории и культуре.

Начало прошлого века, последнего столетия второго тысячелетия с начала новой эры. На наше счастье, тогда главным средством общения на расстоянии была почта, сохранившая материальные свидетельства эпохи. Письма

А.И. Флоренский с сестрой Юлией. Фото братьев Кудриных. Москва. Надпись рукой А.И. Флоренского (?): «От Флоренских милорду Гулишамбарову 4 мая 1866 года, г. Москва». Рукой П.А. Флоренского: «Александр Иванович и Юлия Ивановна Флоренские». Степан Иосифович Гулишамбаров – товарищ А.И. Флоренского по гимназии (см. «Детям моим...». С. 306, 310-311)

идут не в пример нашему времени быстро, и всего два-три дня требуется, чтобы письмо из рук студента Петербургского университета Саши Ельчанинова попало в руки его друга Павлуши Флоренского. Немногим больше времени нужно, чтобы конверты, перевалив в почтовом дилижансе через Кавказский хребет, пройдя Военно-Грузинскую дорогу, попали в Тифлис, где живут семьи верных и неразлучных друзей Владимира Эрна, Александра Ельчанинова и Павла Флоренского. Мы встретимся с нашими героями, их семьями и близкими в то время, когда происходит становление образа исследователя и деятеля, когда формируется характер и определяется круг интересов. Мы услышим их голоса так, как они звучали сто лет назад, и сделаем это, читая их письма.

Семья инженера А.И. Флоренского перед отъездом старшего сына Павла на учебу в Санкт-Петербург. Весна 1900 г. Слева направо в первом ряду: Александр Иванович Флоренский, Раиса, Павел, Елизавета, Ольга Павловна, Александр; во втором ряду: Ольга, Елизавета Павловна Мелик-Беглярова (Сапарова), Юлия

Примечания

- ¹ *Флоренский П.А. Автобиография / Наше наследие. 1988. № 1. С. 75.*
- ² Владимир Соловьев. *Ex oriente lux. 1890 г.:*
«О Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?».
- ³ Соколовский Анатолий – одноклассник Флоренского, Ельчанинова и Эрна.
- ⁴ *Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней / М., Моск. рабочий. 1992. С. 209–216.*
- ⁵ См письмо П.А. Флоренского Л.Н. Толстому от 22 октября 1899 г. («Детям моим...». С. 264). Высокую оценку «Исповеди» Толстого находим и в лекционном курсе о Павла «Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания» (1921): «Если исключить конец, который тенденциозно написан в позднейшее время, то это – лучшее сочинение апологетического характера, которое надо бы всячески распространять. Оно действует, как взрыв огромного тяжелого снаряда, и сразу уничтожает благодушное отношение к жизни, появляется дилемма: или найти Истину, или же умереть от жажды к Ней, умереть не только телесно, но и в более глубоком смысле, метафизически, хуже самоубийства. Поэтому "Исповедь" надо всячески рекомендовать, так как от нее не может быть ничего, кроме пользы». На полях текста лекций о Павле приписал: «Догматическое учение Л. Толстого – наивная и невежественная болтовня на богословские темы» (Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3(2). С. 475).
- ⁶ «Детям моим...». С. 245.
- ⁷ Надпись на обороте фото И.А. Флоренского: «+ Иван Андреевич Флоренский / *1815 В С. Борисоглебском Костромск. губ. Макарьевск. У возле Юрьевца. / + 11 ноября 1866 в станице Ардонской. / С фотографической карточки его, снятой когда ему было 49 лет, т.е. за год до смерти. / Этот экземпляр, увеличенный, принадлежал Елизавете Владимировне Флоренской, второй жене Ивана Андреевича, а по смерти ее был передан дочерью ее Зинаидой Ивановной мне в подарок. / Свящ. П. Флоренский / 1916.XII.8. Сергиев Посад. / Отца Ивана Андреевича звали Андрей Матвеевич».

П.В. Флоренский, Т.А. Шутова

ПЕРЕПИСКА.
1900 год. Май – август

1900. V .14.

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому
Кутаис. Конверт отсутствует. <№ 43>

14/V 1900

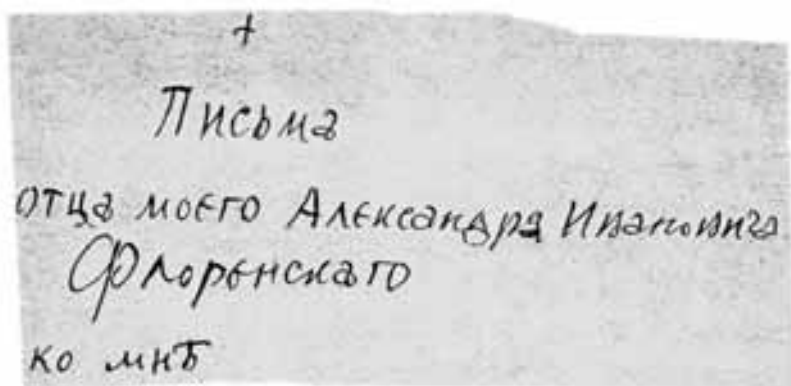
Дорогой Павлуша,

Ты много возбуждаешь слишком сложных вопросов. И вопросов, которые для меня неразрешимы. Как отцу мне желательно видеть в тебе в будущем положительную силу, а то направление, или скорее настроение, в котором ты теперь находишься, мне, конечно, не может нравиться, так как может повести к совершенно бесполезной растрате в тебе имеющегося запаса сил. Книга и одна книга – опасная вещь. Книга изолирует от жизни. Книга же, как пособие – великая вещь. Ты собираешься строить большое грандиозное здание на прочном фундаменте и надеешься, что этот фундамент построишь из книг. Но это не верно. Здание это будет без фундамента и развалится при первом соприкосновении с действительными фактами. Объединить знание и религию в одно – это задача была непосильна и остается непосильной. Религия есть частное дело каждого отдельного лица. Человек каждый, чтобы быть полезным, непременно должен до известной степени раздвинуться: одно – делать повседневное полезное дело, скажу, быть ремесленником, другое – сохранить уголок своей души, своего ума для высших требований человеческой природы. Мне очень не понравился твой крайне резкий переход от крайности к крайности. Кажется, еще в прошлом году ты в ответ мне, что в жизни человека разные физические явления носят названия любви и ненависти, радости и страдания и т. п., ты сказал, что все это тебя не интересует, так как сущность вопросов кроется в чисто физических явлениях.

В настоящее время ты совершенно перевернул свои взгляды. Я не говорю, что человек не изменяет своих взглядов со временем, но в устойчивой натуре процесс этот совершается медленно. Поэтому я боюсь за твою устойчивость, за твое будущее. Не забудь еще мой личный взгляд на взаимные отношения членов одной семьи: обязательства передаются от отца к сыну. Этот взгляд в настоящее время отходит по разным, даже уважительным, причинам, в область преданий. Семья перешла в какое-то разнообразие состояний, от которых через одно поколение – не остается и следа. Как это не естественно, как это не есть результат всего существующего порядка, я все-таки могу, как отец, пожалеть об этом.

Отсюда перейдем к Петербургу¹. Ты не думай, что я связываю какие-либо надежды с Меликовыми², имею желание отдать тебя под защиту и покровительство того или другого лица. Каждый должен создать свое положение, и навязывать тебе чужую волю, чужие желания, чужие влияния у меня вовсе нет охоты. Но я боюсь Петербурга именно как исключительно бумажного города, города, желающего бумагой объединить все и вся. Это как раз совпадает с твоим направлением. Боюсь за твое физическое здоровье, на что тоже имею некоторое право.

Вот почему мне хочется, чтобы ты начал с какого-либо провинциального университета и чрез год, два, решил бы, действительно ли тебе так нужен Петербург. Наконец, я, безусловно, считаю нужным, чтобы ты познал и Петербург, но только несколько установившись. Если появление Гехтмана³ могло на тебя так повлиять, то почему ты думаешь, что другие лица, другие условия не могут также на тебя повлиять?

Надпись на пакете,
в котором П. А. Флоренский хранил
письма своего отца.
1910-е гг.

Ты видишь, что у меня очень много своих предположений относительно тебя. Мне крайне неудобно выражать все в резкой форме, так как я все-таки насилия не желаю ни над чьей душой. Но желание – остается желанием. Коротко – я желаю большей устойчивости в тебе, чтобы ты смотрел на книгу только как на пособие в своих занятиях, а не замену жизни и мира; чтобы отказался от абсолютных построений, которых нет ни в знании, ни в религии. А затем еще многое, но всего не напишешь. До свидания, мой дорогой; надеюсь еще с тобой увидеться и больше поговорить обо всем, прежде чем ты пустишься в круговорот жизни. Есть такие люди, которые прикладывают к бумагам, как обличительную санкцию, печать, не зная часто даже содержания бумаги. В таком положении приходится быть и матери с отцом, когда дети требуют от них окончательных санкций их решений, не входя в рассуждения этих решений. Но не забудь, что у нас тоже голова на плечах, которая жила, думала и не может отказаться от этих функций.

Если я могу быть счастливым, но человеческим счастьем своих близких, то я не считаю себя грешным. Если твое земное довольство может мне доставить много хороших минут, неужели это не имеет оправдания без всяких дальнейших рассуждений? Вот причина и право вмешательства нашего в вашу судьбу и право желания поправить ее известным образом.

Не бойся, дорогой, говорить со мной; не бойся моей иронии, иногда проскальзывающей. Это в моем характере. Ты не доволен слишком большою дозою относительности, которую я признаю в жизни, но другого я не могу дать. Жизнь есть, в конце концов, рецептура, т.е. ряд отдельных временных правил, и эти правила создаются знанием, и без них жить совершенно было бы невозможно. Для абсолютного мы слишком малы, а то, что принимается за абсолютное, – есть самообман. Поэтому при разговорах с нами, посмотри на нас хотя бы как на посторонних людей, которые имеют

Гимназист
Павел Флоренский.
1899 г. Фото
А.В. Ельчанинова

№ 18
Копія.

ВЫ П И С К А.

Из метрической записи Тифлисской Исаакиинской Давидовской церкви видно, что у Дворянина Гражданского Инженера Александра Ивановича Флоренского и законной жены его Ольги [Саломе] Павловны, урожденной Саларовой, муж православного вероисповедания, с женой Армяно-Григоріанскаго исповѣданія, родился сын Павелъ 9-го Января 1882 года, который крещенъ 21-го Октября того же года при воспріимникахъ: секретарѣ Тифлисскаго Судебнаго Палаты Леоніи Яковлевичѣ Мгеборѣ и Елии Ивановѣ дѣвицѣ Флоренской, въ чемъ подписью моею и приложениемъ церковной печати удостоверяю. 16 Октября 1882 года. Тифлисскаго Исаакиинскаго Давидовскаго церкви Священникъ Захарій Григорьевъ. [и.п.] - 432.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Губернскій Инженеръ

И.Д. Діагнопроизводителя

право не только прикладывать печать, но и разговаривать со своими детьми. Твой папа.

¹ Обсуждается поступление Павла в Петербургский университет.

² Меликовы – вероятно, родственники О. П. Флоренской через Сергея Теймуразовича Мелик-Беглярова, мужа Елизаветы Павловны.

³ Гехтман Георгий Николаевич (1870–1956) – преподаватель истории во 2-й тифлисской гимназии, создатель историко-философского кружка, в который входили П. Флоренский, В. Эрн и А. Ельчанинов.

1900.V.17

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Кутаис. Конверт отсутствует.

17/V 1900

Дорогая мамочка, высылаю тебе перевод на 400 р. Бумаги Павлика¹ вышлю в Понедельник.

Тифлис. Крепость Нарикала и часть старого города. Фото 1880-х гг. Альбом Т. Герсамия «Старый Тбилиси». Тбилиси, 1984. Рис. 7

Выписка из метрической записи о рождении П.А. Флоренского (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Ед. хр. 859. Л. 17)

Чиатуры, марганцевые копи. Почтовая карточка из серии «Кавказ». № 73. Фототипия Шерер, Набгольц и К^о, 1910-е гг.

Здесь у меня все благополучно и на будущей неделе собираюсь в Сухум. Надеюсь, что и у вас тоже без особых перемен. Дела порядочно. До свидания, дорогая. Целую детей.

Твой Мики².

¹ Документы, необходимые для поступления Павла в университет.

² Подписи в письмах А.И. Флоренского супруге О.П. Флоренской, как правило, начинаются с «Твой», а затем неразборчивое слово – возможно, «Миша», «Мики» или «Муж».

1900.V.19

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской
Кутаис. Конверт отсутствует.

19/V 1900.

Дорогая моя, твои беспокойства совершенно излишни. Странно, что люди пугаются более всего болезни, чем дальше от нее. Чиатурцы ни на что не обращают внимания и меньше всего говорят о болезни. Вследствие скопления рабочих, лошадей и т.п., при самых безобразных условиях развился тиф. Сегодня получил сообщение, что Чиатур выгорел: вероятно, просто сожгли.

Насколько там громадное скопление народа, можешь судить по тому, что за аренду пустопорожнего места, без построек, платят за одну квадратную сажень 20 рублей в год. По этому расчету наша квартира стоила бы только за место до 2000 рублей.

Я был в Поти – с губернатором для встречи Министра; но его не дождался и уехал назад. Пока я должен еще побыть здесь.

До свидания, дорогая. Целую малюток. Пусть Люся¹ мне напишет, передай ей.

Твой Миша.

¹ Юлия Александровна Флоренская.

1900.V.26

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Кутаис. Конверт отсутствует.

26/V 1900.

Дорогая моя, сегодня после долгого ожидания я получил твое и детей письмо. У вас такое было скверное с Осипом¹, но ты мне ничего не пишешь. Я думал к вам приехать на два дня,

*Поти, порт, мол.
Почтовая карточка
из серии «Кавказ».
Изд. Д.П. Ефимова,
1900-е гг.*

Штамп на бланках документов кутаисского губернского инженера. Эту должность занимал в 1900 г. А.И. Флоренский

но накопилась масса дела, и я никак не могу вырваться. А затем предстоит еще осмотреть все дороги и работы. Живу себе, кажется, не дурно, даже как-то теперь оживилось вокруг меня; чуть ли не каждый день кто-нибудь заходит, кто по делам, кто отвести душу. Даже соседка художница – прислала банку варенья собственного изделия. Но, несмотря на все, я чувствую себя вовсе не хорошо.

Иногда хочется себя пощупать, представляю ли я нечто реальное или просто какой-нибудь фантом. Такие ощущения, вероятно, испытываются после долгого одиночного заключения. Прости, что пишу, но ощущения остаются ощущениями. Изолированность от вас слишком для меня тяжелая вещь, чтобы я долго мог выдержать.

Но перейдем к реальным вещам. У вас, вероятно, нет денег, а у меня их тоже нет, т.е. нечего выслать. Я ожидаю получить с Батума 1000 рублей за проверку проекта, что хорошо, если кончится в Июле месяце. А затем, я никогда не верю в деньги, пока они у меня не в руках. Таким образом, во всяком случае, тебе придется сделать какую-либо комбинацию, хотя бы с надеждой на эту 1000 рублей. Своевременно, т.е. около 20 июля я могу выслать 225–250 рублей.

Вот, дорогая, положение вещей. Я не прочь повидать бы детей и пригласить их к себе, но боюсь, что вдруг придется ехать экстренно куда-нибудь. Вообще теперь время напряженное и не знаешь ни дня, ни часа, где что нужно. Во всяком случае, дорогая, работать нужно и пользоваться случаем. Обстоятельства относительно очень благоприятные. Становишься нужным многим, а это более верно, чем зависеть от одного учреждения. Даже и уход открывает более широкие двери. Неладно у меня с моей публикой немного, но что же делать. Если бы не так нервничали, то было бы лучше. Хотел поехать в Озургеты² – Батум – но и это приходится пока отложить. Так я совсем здоров, хотя почему-то начались головокружения. Питает меня мой Павел³ основательно: очевидно, привык ко мне и всеми силами заботится, хотя я, неблагодарный, мало это чувствую. М-ме Сахарова опять дает мне поручения купить ей в Тифлисе шерсти. Образцы присылаю: каждого по три мотка, всего трех цветов. Если не затруднит, пожалуйста, вышли почтой на имя Сахарова.

Жду с нетерпением окончания экзаменационных тревог Люси и Павлуши. Не знаю – почему до сих пор не прислали

Приписное свидетельство военнообязанного П.А. Флоренского (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Ед. хр. 859. Л. 19)

СВИДѢТЕЛЬСТВО

О ПРИНЯТІИ КЪ ПРИЗЫВНОМУ УЧАСТКУ.

Дворянина Павла
Александрова Фларен-
скій, родившагося 2го Января тысячи восемьсотъ восемьдесятъ
второго года, принявшаго, по отбытіи военной повинности, къ призванному
участку города Тивелиса.

Вѣроисповѣданіе православное.

Изъ 8 класса Тифлисскаго 2го гимназіи.

Вышепоименованный Павелъ Фларенскій
подлежитъ исполненію военной повинности въ тысячу девятьсотъ третьихъ
году и обязуется доставить въ Тивелисскіи Городской по военной повинности Присутствіе, не позже перваго марта означеннаго 1903 года, свидѣнія о семейномъ его состояніи,
согласно Высочайшаго повелѣнія 24 июля 1874 г. (смотри на оборотѣ), если таковыхъ
не доставлять при принятіи.

Выданы Тивелисскимъ Городскимъ по военной повинности Присутствіемъ 12
Юня 1900 года, за № сорокъ пятимъ.

Председатель Присутствія

Завѣд. дипломатическаго

В. Завидова

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ.

Дать сей Тяблгу Флоренскому
православнаго исповѣданія, сына Двѣрж-
ника, родившагося въ год Старопись
 числа восемьдесятъ второго года января 9 дня, обучающагося
въ классѣ въ Старописьской 2-й
 гимназій и пробывшаго 1 годѣ въ VIII классѣ, въ томъ,
 и, вѣрится, что, на основаніи наблюденій за все время обученія его въ Тяблговской 2-й
 гимназій, поведение его было с о л о д к о м, исправность и посѣщеніе
 и исполненіе уроковъ, а также въ исполненіи assignments работъ принималъ,
 проявляю образованъ и добросовѣстность восторженна
 и, и, вѣрится, что онъ обладаетъ нѣсколькими талантами.

№ 103.

Предметы гимназическаго курса.	ОТМѢТКИ ВЫСТАВЛЕННЫЯ	
	въ периодическомъ собѣщаніи 2-го класса для аттестации учащихся гимназій, учрежденнаго Г. М. И. П. 11 марта 1901 года.	на экзаменѣ. Прислуживающаго: 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26 мая, 1, 2, 3, 4, 5, 12 / мая 1900 года.
Законы Божіи	5 (пять),	5 (пять),
Русскій яз. съ грамматическими и словесность.	5 (пять),	5 (пять),
Логика	5 (пять),	—
Латинскій языкъ	5 (пять),	5 (пять),
Греческій языкъ	5 (пять),	5 (пять),
Математика	5 (пять),	—
Математическая географія	5 (пять),	—
Физика	5 (пять),	5 (пять),
Исторія	5 (пять),	—
Географія	5 (пять),	—
Нѣмецкій языкъ	—	5 (пять),
Французскій языкъ	5 (пять),	—
Численность	4 (четыре).	—

1565

Во внимание къ постоянно отличному поведению и прилежанию и къ отличнымъ успѣхамъ въ наукѣ въ особенности же въ ~~математическомъ~~ педагогическій совѣтъ постановилъ наградить его ~~дипломомъ~~ медалью и выдать ему аттестатъ, предоставляющій все права, обозначенныя въ §§ 129—132 Высочайше утвержденнаго 30 июля 1871 года устава гимназій и прогимназій. *Сентя 13 дня 1900г. Губ. Мирный.*

Директора гимназій *А. Арбузовъ*
Университетъ И. Самаринска

Законспициемъ авиационнаго вѣд. *А. А. А. А.*
Преподаватель древнихъ языковъ *В. М. М.*
Преподаватель математики и физики *В. В. В.*
Преподаватель естественныхъ наукъ *В. В. В.*
Преподаватель русского языка и литературы *В. В. В.*
Препод. естественныхъ наукъ *В. В. В.*
Преподаватель древнихъ языковъ *В. В. В.*
Преподаватель математики *В. В. В.*
Преподаватель естественныхъ наукъ *В. В. В.*
Преподаватель русского языка *В. В. В.*

За секретаря педагогическаго совѣта *В. В. В.*

- Приложение: 5 обозначаетъ похвалы и успѣхи отличные,
 4—хорошіе,
 3—удовлетворительные,
 2—несколько удовлетворительные,
 1—вообще неудовлетворительные.

Артвин. Ныне –
Турция. Почтовая
карточка начала
1900-х гг.

гимназиста⁴ для Шуры. Может быть, надо напомнить через Павлушу.

Вот и все, дорогая. Будь здорова и бодра. Целую детей.
Твой Миша.

¹ Слуга в доме Флоренских.

² Озургеты – уездный город Кутаисской губернии.

³ Вероятно, слуга.

⁴ Т.е. репетитора.

1900.VI.02

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Батум. Конверт отсутствует.

2/VI 1900

Дорогая мамочка, я пишу из Батума и через час уезжаю в Артвин¹ и дальше. Поэтому не беспокойся обо мне, что не получишь некоторое время обо мне известий. Надеюсь к вам приехать недели через две, если что-либо не случится. До свидания, дорогая. Целую детей.

Твой Миша.

¹ Артвин (или Ливан) – окружной город Батумской области.

На с. 68–69:
Аттестат зрелости
П.А. Флоренского
(ЦИАМ. Ф. 418.
Оп. 314. Ед. хр. 859.
Л. 15)

1900.VI.08

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Кутаис. Конверт отсутствует.

8/VI 1900

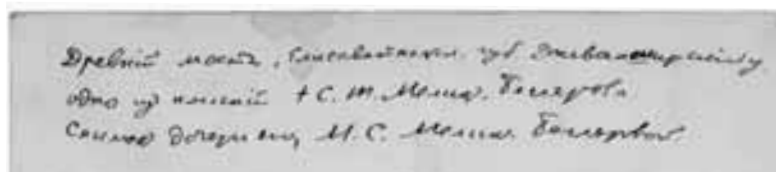
Дорогая, вчера я вернулся из поездки в Ардануч¹, которую совершил совершенно благополучно. Никак не могу вырваться отсюда: то одно, то другое налетает.

Нового ничего нет, да и не может быть: такое время за-тишья.

Давно не имею от вас ничего. Во всяком случае, нам надо повидаться в ближайшем будущем, так как приблизился срок всевозможных вопросов, писать о которых нет возможности. До свидания, дорогая. Целую детей.

Твой Миша.

¹ Ардануч – селение Артвинского уезда Кутаисской губернии.

Елизаветполь.
Древний мост. Фото
М.С. Мелик-Бегля-
ровой.
Подпись под фото
П.А. Флоренского

Елизавета Павловна Мелик-Беглярова с детьми Давидом и Маргаритой. Фото А. Монбарона, Нешатель, Швейцария. Около 1900 г.

1900.VI.26

Е.П. Мелик-Беглярова¹ –

О.П. Флоренской

Ханаля². Конверт отсутствует.

26 июня

Дорогая Оля,

Давно не имею от вас письма. Больше недели не посылали за почтой – речка разлита. Соскучилась по вас, мне кажется, что целый год не виделась с вами. Пишу, но не знаю, куда адресовать. Может быть, вы уже уехали. Весь июнь было так прохладно и дождливо, как никогда. Эти дожди приносят нам много вреда. Посевы переспели и нельзя жать, запустили лечение сада. Рабочие сидят дома без дела и т.д.

Теперь и Люся сдала свои экзамены, и дети успокоились. Должно быть, идет вопрос о Павлуше. Куда ему ехать. Надеюсь, получу письмо и все узнаю.

Пока дети мои здесь, и мне спокойно. Жаль, что Марго³ вечно как на иголках. То собирается в Баку, то к мужу⁴.

Давид⁵ на свои объявления найти место не получил ни одного предложения и теперь подумывает вернуться в Германию и подготовиться по какой-нибудь другой специальности. По горной части, гидравлике или электротехнике. Я его отговаривать не хочу. Хотя для меня его долгое отсутствие все равно, что лишение всего. Досадно, что он имеет такое желание жить в деревне, заняться домом и не может. Хоть эти два года он проведет хорошо в Европе, лучше, чем ежедневное задевание самолюбия и ухудшение отношения с близкими. Постараюсь добыть средства. На что ему имение, если в молодые годы испортит свое здоровье и характер.

27 июня

Уже настала жара. Давид все торопит ехать в горы. На днях уезжает его товарищ.

Кланяюсь Ремсо⁶. Где находится Александр Иван<ович>? Будете ли видеться летом?

Целую Андрюшу⁷. Удачная ли попалась ему няня? Что пишет Соня⁸ и где она?

Ваша Е. Мелик-Беглярова

¹ Елизавета Павловна Мелик-Беглярова – сестра Ольги Павловны Флоренской.

² Деревня, где находилось имение Мелик-Бегляровых.

³ Маргарита Сергеевна – дочь Елизаветы Павловны.

⁴ Христофор Александрович Оганьян – муж Маргариты Сергеевны.

⁵ Давид Сергеевич – сын Елизаветы Павловны.

⁶ Репсимия Павловна Тавризова – сестра О.П. Флоренской.

⁷ Андрей Александрович Флоренский.

⁸ Софья Павловна Карамян – сестра О.П. Флоренской.

1900 [VII.01]

П.А. Флоренский – Н.Г. Барсову¹

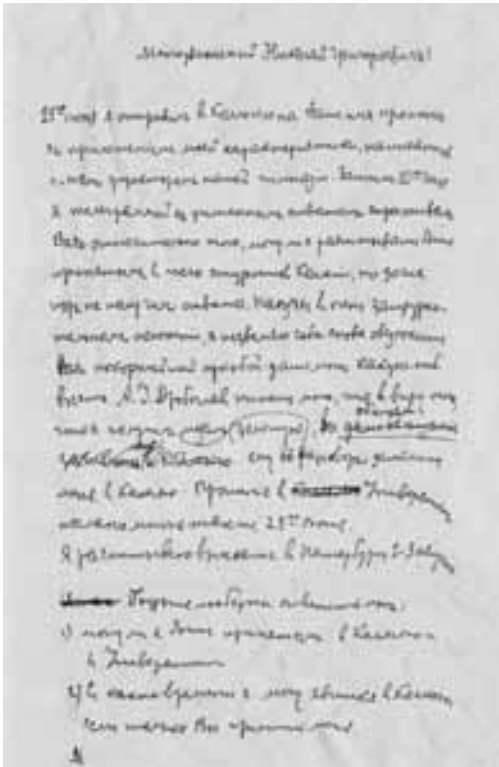
Тифлис. <Черновик письма.>

Многоуважаемый Николай Григорьевич!

23-го июня я отправил в Коллегию на Ваше имя прошение с приложением моей характеристики, написанной

2-я Тифлисская мужская классическая гимназия. Почтовая карточка 1900-х гг.

Запрос П.А. Флоренского Н.Г. Барсову о поступлении в Санкт-Петербургский Императорский университет. Повторное прошение 10 июля 1900 г.

г-ном директором нашей гимназии². Затем 10-го июля я телеграммой с оплаченным ответом спрашивал Вас относительно того, могу ли я рассчитывать быть принятым в число студентов Коллегии, но до сих пор не получил ответа. Находясь в очень затруднительном положении, я позволяю себе снова беспокоить Вас покорнейшей просьбой дать мне какую-ниб<удь> весть. А.И. Дробоглав³ пишет мне, что в виду того, что я получил золотую медаль, Вы обещали ему в разговоре зачислить меня в Коллегию. Прошение в Университет послано мною также 23-го июня.

Я рассчитываю выехать в Петербург 2–3 августа.

Будьте любезны ответить мне:

1) могу ли я быть принятым в Коллегию и в Университет.

2) С какого времени я могу явиться в Коллегию, если только Вы примите меня.

¹ Барсов Николай Григорьевич (1851–1902) – заведующий Коллегией Александра II Санкт-Петербургского Императорского университета.

² Прошение П.А. Флоренского на имя ректора Санкт-Петербургского университета: «Честь имею просить Ваше Превосходительство о зачислении меня в число студентов вверенного Вам Университета. При сем прилагаю нижеследующие документы мои с копиями их: 1) аттестат зрелости, 2) формулярный список отца, 3) свидетельство о приписке к призывному участку города Тифлиса, 4) метрическое свидетельство, 5) три (3) фотографические карточки». (ЦГА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37358. Л. 1, 2).

В это время действовало положение, по которому в университеты принимались в первую очередь выпускники учебных заведений тех же учебных округов, а на оставшиеся места – из других, прежде всего имеющие золотые медали. Вероятно, зная об этом, 10 июля на тот же адрес Флоренский отправляет повторное прошение, особо подчеркнув золотую медаль: «Честь имею просить Ваше Превосходительство уведомить меня возможно ли принять меня в вверенный Вам Университет. Г-н заведующий Коллегией Александра II Николай Григорьевич Барсов сказал А.И. Дробоглаву, сыну директора нашей гимназии, что принять меня в Коллегию возможно в виду того, что я окончил курс с золотой медалью и в виду некоторых других обстоятельств. Документы мои высланы 23-го июня. С почтением П.А. Флоренский».

³ Дробоглав (Дрбоглав) А.И. – сын директора 2-й тифлисской классической мужской гимназии действительного статского советника Иосифа Федоровича Дробоглава (Дрбоглава).

1900.VII.04

С.П. Карамян – О.П. Флоренской

Баку. Конверт отсутствует.

19 4/VII 00

Баку.

Дорогая Оля!

Вот уже 4-ое Июля, <3 слова *нрзб.*> еще в Баку. Теперь уж откладывать невозможно, поэтому мы едем 9-го. Пока еще не решила, где буду жить, возможно, в Железноводске.

А Вы уже порешили с этим тяжелым вопросом и отдыхаете на прохладе¹. Маргарита приехала и уехала. Видно было, что у нее карман был крепко набит, на этот раз она была особенно несимпатична, вполне дочь своего отца.

Маргарита говорит, что Лиза хотела лето провести с вами, пожалуй, она уже приехала в Коджоры. Говорит, что у них в этом году <*нрзб.*> неурожаем фруктов.

Вообще Маргарита называла варварством стоять у огня и готовить варенье и чурчхелы, когда все это можно иметь готовым за гроши, но все же, в заключение своих слов снова просила сварить на водах побольше малины и на ее долю.

Почему-то мне кажется, что это лето у вас должно быть очень весело, к тому же еще целый ряд семейных праздников. Скоро твои именины: поздравляю тебя, дорогая Оля, хоть на расстоянии, дай Бог тебе весь свой век прожить так спокойно и безмятежно, как до сих пор жила. Конечно, А.И. постарается к этому дню попасть в Коджоры.

Акция компании бакинского нефтяного магната А.И. Манташева. Собрание И.Г. Фукса

Семья Карамьянов.
Слева направо:
Хамаяк, Маргарита,
Софья Павловна,
Эльза и Николай
Ростомович.
Германия.
Начало 1900-х гг.

Что же вы ничего о детках не пишете, в особенности об Андрюше ни слова; я думаю, он немало места занимает в семье; приходится даже избавлять от обилия твоих поцелуев?

Благодарю милую Валечку за внимание; я получила ее милое письмецо, на которое отвечаю из Железноводска.

Амо и Грета все время вспоминают деток и высчитывают дни и недели до осени, когда и *<нрзб.>* к себе из Тифлиса милых гостей.

На днях Манташев² подошел к Н<иколаю> Р<остомовичу>³ в клубе, обошелся с ним особенно дружески и заявил, что если Правление не увеличит осенью жалованье, то он, Манташев, переведет Н<иколая> Р<остомовича> к себе. Что это значит и каковы будут результаты, не знаю.

Еще одна маленькая удача. Католикос⁴ написал лично письмо Н<иколаю> Р<остомовичу> и сообщает, что распорядился выдать 1000 р. на печатанье всеобщей истории, над которой Н<иколай> Р<остомович> работал прошлую зиму⁵. Надеемся на днях получить деньги и приобщить к печатанью, чтобы поспеть к учебному сезону.

Затем довольно, не буду тебя утруждать своим письмом.

Мой сердечный привет Ремсо, А<лександр> И<ванович> и Лизе, которая, вероятно, уже у вас.

¹ В это время Флоренские уже выехали в Коджоры.

² Манташев Александр Иванович (1842 – 1911). В 1872 году поселился со своим отцом в Тифлисе и торговал тканями, как и П.Г. Сапаров (1820 – 1878). «В доме деда Павла околачивался Манташев, тогда бедный. Собирался жениться на ком-ниб<удь> и делал предложение Соне тете, но был отвергнут, как бедный жених». (Флоренский П.А. Детям моим... 1992. С. 318). Впоследствии Манташев разбогател: «Дед (П.Г. Сапаров) был беспечен. Кажется, он был ограблен приказчиком своим, теперь на его деньги ставшим миллионером, Манташевым». (Флоренский П.А. «Детям моим...». С. 375).

³ Николай Ростомович Карамян – муж Софьи Павловны.

⁴ 125-й Католикос всех армян Мкртич I (Хримян Айрик) (1892–1907). Был активным политическим деятелем, религиозным писателем и просветителем-богословом.

⁵ Об учебнике Н.Р. Карамяна ничего неизвестно.

1900. VII.04

Н.С. Перевозчикова¹ – Ю.А. Флоренской

Манглис. Конверт отсутствует.

4 июля

Дорогая Люсичка, ждала, ждала я от вас письмо и, наконец, вчера получила, а я уж думала, что или вы уехали в Кутаис, или не отвечаете, потому что я не писала адреса; но тут писем не разносят, и я каждый день хожу на почту. Вчера я, мама, папа и Соня пошли после обеда в рощу; папа зашел на почту (ваше письмо мне принес), а мы остановились около будки с объявлениями; вдруг я вижу, идет Шульгин², я сказала маме, а сама спряталась за будку. Шульгин подошел, поздоровался с мамой, а мама сказала, что я все прячусь; так было неловко, пришлось поздороваться, он посмеялся надо мной, увидел письмо в руках и говорит, что «должно быть, с Флоренской переписываетесь». Говорил с мамой довольно долго, спросил, где мы живем, обещал приходить (что делать!), просил и нас к себе. Мы зашли к одному ташкентскому знакомому, которого мама и папа не видали лет 10, и вместе с ним пошли в рощу; когда шли назад, встретили опять Шульгина (шел к себе на старый Манглис); оказывается, что он знаком с Гласко (наш знакомый), когда-то вместе путешествовали. Опять проболтали и вернулись домой очень поздно.

Ельчанинову³ встретила еще раз, опять просила ее приходить, но она все только обещает; несколько раз видела Ассафрей и Стояновскую⁴. Раз с мамой и Борей⁵ я встретила в лавке директора; он поздоровался с нами, а Боря, видя это, протянул свою ручонку и потребовал, чтобы и с ним поздоровались. Люсичка, теперь у меня к вам есть просьба: к 15 июля папа и Костя уедут в Кисловодск, у нас будет свободно, приезжайте, пожалуйста, к нам; Люсичка, я вас прошу! пожалуйста! К 20-му августа мы поедем в Тифлис, потому что Лиле нужно ехать в Петербург. Попросите вашу маму, чтоб она вас пустила. Дилижанс уходит в 7 часов, а к трем приходит в Манглис; если ваша мама боится вас пустить одну, пусть она (или вы) узнает у Юзбашева, кто едет, и, если едет кто-нибудь подходящий, пусть попросит, чтобы за вами посмотрели; сюда очень много ездит учительниц; если же ваша мама боится вас пустить, напишите, пустит ли она вас к нам, тогда, может быть, кто-нибудь из нас поедет за вами. Люсичка, мама вас тоже просит. Ах, если вы приедете, как

будет хорошо! Мы вместе будем писать французский, читать что-нибудь вместе, хоть Парашу-Сибирячку!⁶ Будем ходить в рощу с книгой, читать вместе, я постараюсь через Гласко доставать книги в полковой библиотеке⁷; Люся, приезжайте, пожалуйста!!! Наш адрес: Штаб-квартира, дача Солохина.

Люсичка, приезжайте! Надя

¹ Надя Перевозчикова – одноклассница Ю.А. Флоренской.

² Шульгин – учитель 1-й женской гимназии.

³ Евгения Викторовна Ельчанинова – сестра А.В. Ельчанинова.

⁴ Одноклассницы.

⁵ Боря – брат Нади.

⁶ Луполова Прасковья Григорьевна (ок. 1784 – 1809) – дочь ишимского ссыльного, прототип ряда художественных произведений западноевропейских и русских писателей XIX века.

⁷ В Манглисе, дачном месте в 60 верстах от Тифлиса, стояла воинская часть, при которой имелась библиотека и был даже возведен полковой собор. Полковые библиотеки на Кавказе отличались полнотой и разнообразием.

1900.VII.05

Н.С. Перевозчикова – Ю.А. Флоренской

Конверт: Коджоры. Ее Высокородию Юлии Александровне Флоренской. Дача Ротинава. Штемпели: Манглис. 1900.07.08; Коджоры. <нрзб.>

5 июля – среда

Дорогая Люся,

Сегодня получила ваше письмо и, к своему стыду, должна сознаться, что ни волки меня не съели, ни разбойники не убили, а одолела меня лень, которую прежде волей-неволей приходилось отгонять. А тут еще у Исаковых нашлись книги – соч. Боборькина¹ и Теккеря², и я целыми днями читаю. «Преступление и наказание» я прочла прошлый год летом: впечатление, конечно, очень сильное, но задумываться над тем для чего жить, я не стала, да и не стоит – все равно теперь не узнаем, а, может быть, как Женя³ говорит, «когда умрем, тогда узнаем». А ответов на этот вопрос много: вспомним второй или третий билет по З<акону>Б<ожьему> – иудейские секты: «садукеи цель жизни полагают»... и т.д.

Женя также говорит, что разочаровалась в людях, все ей надоели, а, однако, любит гостей, сама ходит в гости; мне кажется, еще очень рано разочаровываться – ступайте в ваш парк, вспомните хотя бы Ланге⁴ и... проснитесь.

Как мне нравится, Люся, ваше письмо! Вспоминаю я Рухиладзе⁵, Женю – может, они и очень умны, да очень уж, по моему, холодны; мы с Женей целый вечер проспорили: она меня все уверяла, что умный человек лучше хорошего – не могу я с этим согласиться!

Хочу писать вам, да как-то нескладно выходит; конечно, лучше говорить, чем писать, да ничего, скоро уже поговорим – мы поедем в Тифлис числа 20-го.

Не читайте, Люся, пока Достоевского, читайте его вперемешку с кем-нибудь, а то, право уж, очень тяжелое остается чувство; я прошлый год собралась его всего перечитать – прочла несколько вещей, начала «Идиота» и бросила и даже меня не тянет его читать; пусть пройдет это чувство, тогда буду читать.

Боборыкин мне совсем не нравится, и читаю его только от нечего делать, а Теккерей мне очень нравится – особенно «Ярмарка тщеславия». Вот там как раз Ревекка, должно быть, Женина симпатия – умная, но дрянь, а мне, да я думаю и вам, она, должно быть, только говорит, что нужен только ум, и даже самой Жене *гораздо больше нравится* Амелия. Я говорю, гораздо больше нравится, будто бы мне и Ревекка нравится, но я на нее так зла, что даже вспоминать не хочется, по-моему, хуже быть человека не может; я даже, должно быть, ошиблась, предполагая, что это Женина симпатия – вспомнила, что Ревекка даже не честная, а уж, конечно, не может нравиться Жене.

Мама зовет спать – придется письмо дописывать завтра, а не люблю я откладывать, да теперь уж двенадцатый час.

6 июля

Люсенька, не хотела я откладывать письмо и напрасно отложила: сегодня приехали папа и Костя⁶, и уж писать не могу, а если и теперь не пошлю, то, возможно, что мое письмо останется у меня; уж лучше послать неоконченное письмо, чем никакого. Хоть тороплюсь, но все-таки не могу не сказать неприятную весть: *кажется*, Бренева у нас не будет, а будет Филиманов⁷, очень жалко, но я надеюсь на *кажется*.

Я видела Бренева у Исаковых – прелесть, хотя шуточки его напоминают Городенского⁸.

Надя.

¹ Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) – русский писатель, автор более 100 романов, повестей и пьес, издатель журнала «Библиотека для чтения».

² Теккерей Вильям (1811–1863) – английский писатель.

³ Е. В. Ельчанинова.

⁴ Ланге – вероятно, Александр Семенович Ланге-Поздеев.

⁵ Рухиладзе – одноклассница Ю.А. Флоренской по гимназии.

⁶ Костя – брат Н. С. Перевозчиковой.

⁷ Бренев и Филиманов – учителя в женской гимназии.

⁸ Городенский Михаил Николаевич – учитель во 2-й тифлисской гимназии.

1900.VII.11

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Тифлис. Конверт отсутствует.

11 июля 1900 г.

Дорогая, я последнее посещение опять тебя оставил под дурным впечатлением. Мое положение безысходно: надо думать о деньгах, и о больших деньгах. Питаться надеждами, что можно прожить на всякие средства – это если не миф, то близко к этому. Конечно, необходимость может заставить сжаться донельзя, но всякое такое сжимание не может уничтожить самую нужду, и мысль должна безысходно работать в одном и том же направлении: освободиться от этих нужд, т.е. удовлетворить их.

Ошибочно это или нет, но для меня я не вижу выхода.

Высылаю, дорогая, перевод на 200 рублей. Больше пока не имею возможности. Перевод делаю на имя Ремсо, так как тебе трудно выходить за получением. То одиночество, которое я испытываю, одно вполне позволяет оценить все те блага, конечно, относительные, которые мы пока имеем в семье. Я бы желал, чтобы ты могла тоже испытать это чувство, проживши одна. Желание эгоистичное, конечно, но было бы очень полезное.

Дома все благополучно, кроме его самого. В мой приезд он показался совершенной развалиной, и я еще больше прихожу к убеждению, что класть на него заплаты не стоит. Осип исполняет добровольную свою службу – лоханки налиты водою. Теперь я примусь за дела, чтобы к Августу месяцу прикончить их, а поэтому и не надеюсь ранее приехать. Пишу несколько слов Шуре. Целую детей и дорогую мамочку.

Твой Миша.

P.S. С переводом денег произошло недоразумение: вместо перевода на банк сделан перевод почтой на имя Ремсо.

Наш дом в Тифлисе (Николаевская, 61)
до ремонта.

«Наш дом в Тифлисе
(Николаевская, 61)
до ремонта». Фото
П.А. Флоренского.
Около 1897 г.

Придется у Мгеброва¹ засвидетельствовать повестку, которая получится по Тифлисскому адресу.

11 июля 1900 г.

Дорогой мой Шура,²

Позволяю себе еще раз, милый, напомнить тебе о необходимости постараться поступить в 3-ий класс. Это даст тебе в будущем выиграть целый год. Кроме того, поступивши, наконец, ты будешь иметь свободное время каждое лето.

Надеюсь, мой мальчик, на тебя. Надеюсь, что скоро ты даже будешь помогать и твоим сестрам в занятиях, а следовательно, и маме.

До свидания, мой дорогой. Поцелуй сестер и Андрюшу.
Твой папа.

¹ Мгебровы Леван Яковлевич и Александр Богданович – близкие знакомые А.И. Флоренского еще с гимназических лет. О ком конкретно идет речь, не ясно.

² Письмо двенадцатилетнему сыну Александру написано крупным разборчивым почерком.

Сергей Френ и Саша Ельчанинов (4-й класс гимназии)

1900.VII.12

Е.П. Мелик-Беглярова – П.А. Флоренскому

Конверт: Коджоры Его Высокоблагородию Павлу Александровичу Флоренскому. Дача Миримановой, бывшая почта. Штемпели: Тертер Елисаветпол. 1900.07.13; Тифлисская почт. тел. конт. 1900.07.16. <№ 44>

«Сергей Френ и Саша Ельчанинов (4-й класс 2 гимназии)». Окраина Тифлиса. Фото П.А. Флоренского. 1895 г.

12 Июля

Дорогой Павлуша!

Мне очень хотелось повидаться с вами, но приехать не удалось. У нас становится невыносимо жарко. Маргарита была здесь и недавно уехала в Петербург. Тороплюсь кончить, человек уедет.

Целую тебя, дорогой Павля. Кланяюсь вам всем.

Твоя тетя Лиза

Адрес: Петербург Лесное Английский проспект № 3.
Хр<истофор> Ал<ександрович> Оганьян.

П.А. Флоренский
(стоит слева) возле
дилижанса, направля-
ющегося в Коджоры.
Лето 1899 г. Фото
А.В. Ельчанинова

1900.VII.17

В.Н. Худадов и А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому
Коджоры. Павлу Александровичу Флоренскому. Штем-
пели: Почтовый вагон № 8. 1900.07.18; Коджоры. 1900.07.18.
<№ 46>

Павлуша! У нас к тебе большая просьба. Мы собираемся на Цхра-Цхаро¹ в субботу; ты сделаешь всем большое удовольствие, если присоединишься к нам. Приезжай не позже пятницы; участвуют все близкие знакомые. Пишу я, потому что Володьки² нет. Повторяю, приезжай непременно, прогулка затянется ненадолго, дня на 3-4.

Твои В. Худадов
А. Ельчанинов
1900 VII/17

¹ Цхра-Цхаро – вершина Кавказа недалеко от поселка Бакуриани, куда ходили в поход ученики 2-й тифлисской гимназии. Вероятно, эта вершина для Флоренского имела большое значение. Именно здесь в 1904 г. он создаст свое первое мировоззренческое произведение «Эмпирея и Эмпирия», посвященное А.В. Ельчанинову.

² Володька – по-видимому, Владимир Эрн.

1900.VII.17

А.И. Дробоглав – П. А. Флоренскому

Конверт: Тифлис. Коджоры, дача Ротиновой (бывшая почта). Его Высокородию П. А. Флоренскому. От А. Дробоглава. Штемпели: С.-Петербург. 17.07.1900; Коджоры. 22.07.00.

Спешу ответить Вам на Ваши вопросы. С Н.Г. Барсовым я говорил относительно Вас еще в мае месяце, и еще тогда он записал Вас в число кандидатов и обещал все устроить. Прошение Ваше он, наверно, уже получил, так как около 10-го июля он приезжал с дачи в Петербург. Вам вот что следовало бы теперь сделать. Напишите письмо Барсову: в письме напомните ему, что я говорил с ним о Вас, что Вы медалист, что послали прошение в коллегия, а также в университет, и попросите ответить Вам. Адрес его: Териоки, ст. по Финляндской жел. дороге, Его Высокородию Николаю Григорьевичу Барсову, дача Захарова № 2.

Он Вам ответит, приняты ли Вы в университет и когда Вам приехать. Обыкновенно в коллегия съезжаются к 25–30 августа.

Плата в коллегия – 300 руб. в год; вносится плата по полугодно (по 150 р.); из этой суммы возвращается обратно «на карманные расходы» – 54 р. или в год 108 р., так что само содержание в коллегия обходится не 300 р., а только 192 р. На частной квартире при существующих в Петербурге ценах на такие деньги не прожить, если к тому принять во внима-

*Старый Тифлис:
на дачу (в Коджоры).
Худ. О.И. Шмерлинга. Почтовая
карточка из серии
«Уходящий Тиф-
лис». № 35. 1920-е гг.*

ние все преимущества: здоровый стол, близость университета, читальня, библиотека и т.п.

Отец мне писал, что Ваши товарищи Эрн и Ельчанинов тоже хотели бы поступить в коллегию; посоветуйте им немедленно послать прошение; Ельчанинов пусть припишет, что он хочет поступить «стипендиатом». А кроме того, пусть они также напишут Барсову лично, что я их знаю, что они медалисты и т.д. Барсов мне сказал, что он постарается принять всех тифлисцев, которых я рекомендую.

Желаю всем Вам успеха.

А. Дробоглав.

С.-Петербург

Центральная Лаборатория М-ва финансов

Забалканский пр. 19-17/VI 1900 г.

¹ Описка в обозначении месяца – надо VII.

1900.VII.19

О.П. Флоренская – А.И. Флоренскому

Конверт отсутствует.

Коджоры

19 Июля.

Милый Миша.

Вот у нас опять непогода, туман, дождь и т.п. Сидим все дома и копошимся себе. На этой даче как-то легче переносится коджорская непогода, вероятно, благодаря относительно простору. Ремсо ездила в Тифлис и вчера вечером вернулась. Конечно, все ей очень обрадовались, хотя отсутствовала она всего одни сутки. Представь себе, что она проездилась почти напрасно. Никакой повестки она не нашла и денег, конечно, не получила. К счастью, у нас и у нее были небольшие получки по июльским купонам, и мы можем пока обойтись. Лучше будет, если ты денег на Тифлис не пришлешь, а привези сам, когда приедешь. – У нас все здоровы и бодры. Андрюшу поздравь с зубчиком. – Шура занимается довольно усердно; боюсь даже, что слишком усердно для лета, и к осени он будет утомленным и несвежим. Павлик ответа пока никакого не получил. Вчера Ремсо привезла нам целую кучу газет и журналов, и теперь всем есть развлечение.

Вчера я прилегла отдохнуть на корзину, и этот пустяк напомнил мне прошлое.

Помнишь, когда я приехала из Тифлиса в Петербург, и вы приютили меня в своей комнате? Отчего я тогда и не думала о том, что тебе, вероятно, не очень-то удобно спать на корзине! А теперь иногда тоже забываю. А ты, скажи, помнишь об этом?

Дети кланяются и целуют тебя. Агуся просит напомнить тебе, чтобы ты не забыл о ее куклах.

Тв. Мама

1900.VII.19

Е.П. Мелик-Беглярова – О.П. Флоренской

Ханала. Конверт отсутствует.

19 Июля

Дорогая Оля.

Только сегодня получили объявление и завтра посылаю человека на Тертер¹ за посылкой. Детям не нужно ходить. Два раза я им заказывала чулки и ни одна пара не пригодилась.

Дождей нет, и у нас порядком жарко, хотя дети не унывают.

Маргарита уехала в Стокгольм в начале июля. Давид теперь в Баку и на днях должен выехать за границу. Значит, отложили поездку Люси, если вы уехали на Манглис². Я рада за тебя за поездку на дачу – все же какая-нибудь перемена.

Здесь уже начали молотить пшеницу. Мое хозяйство в этом году довольно плохо. Получила из Москвы банки для консервов, а плодов, кроме груш и яблок, никаких нет, разве будут персики.

Соня с детьми здорова. Напишите, когда собираются Павля и Люся уехать. О детях не беспокойтесь, когда нужно будет, я их привезу. А пока не скучают.

Сергей совершенно выздоровел после лечения. Надеюсь, вам на Манглисе будет веселее, чем в Коджорах.

Целую вас.

Ел. М.-Беглярова

¹ Тертер – старинный город в Джеванширском уезде Елизаветпольской губернии на одноименной реке. В Тертере находилась почта, где Е.П. Мелик-Беглярова получала и отправляла свою корреспонденцию.

² Елизавета Павловна ошибается: Флоренские сняли дачу в Коджорах, а не в Манглисе.

Книга «М. Фарадей. Его жизнь и научная деятельность» из серии «Жизнь замечательных людей» Ф. Павленкова. Читать эту книгу П.А. Флоренский будет рекомендовать своим детям в письмах из Соловецкого концлагеря

1900.VII.26

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому
Кутаис. Конверт отсутствует.

26/VII 1900 г.

Дорогой Павлуша, тебе, кажется, хотелось поговорить о будущем, о твоих занятиях. Мне же, откровенно говоря, во все этого не хотелось, так как я нахожу теперь все это и преждевременным, и беспочвенным.

Я желал бы, чтобы ты осмотрелся сначала в новом периоде своей жизни, сам бы переработал и решил бы многое, что тебе предстоит. Я, дорогой, не сомневаюсь в твоей исключительной жажде к мысленной работе. В этом желания наши совпадают, но в этом кроются и большие опасности для тебя, а для нас с мамой, может быть, большое горе. Относительность, предельность – вот человеческая участь. Поставить себе границы – это одна из величайших задач для человека, желающего быть в мире практической реальной величиной.

Что касается склада твоего мышления, твоей природы, то я думаю, что наиболее ты мог бы проявить свои силы при методе Фарадея¹, которого ты ставил так высоко прежде, но не знаю, как теперь. Я не связываю это имя с известною областью знаний, так как такой метод может быть применен в очень различных отраслях человеческого знания, хотя бы, например, в истории, философии, как я понимаю их.

Вот, дорогой, главная суть моих мыслей о тебе. Надеюсь, что, отправляясь отдаляясь от нас, начиная новую жизнь, ты не забудешь, что мама и я будем много думать о тебе и желать жить с тобою мыслями. Поэтому надеюсь, что ты не будешь жалеть бумаги делиться с нами всем, что тебя будет тревожить.

До свидания, дорогой. Если найдешь желательным повидаться со мной, приезжай на день, на два; а если нельзя будет, то не приезжай с спокойным духом. Сообщаю тебе адрес.

Пекок². Бутырки, Большая улица, дом № 16 (Смоленцова.)

Павлович Ольга Христиановна и Репина Елена Платоновна: Кавалергардская, № 42 (гор<одская> школа Ратькова-Рожнова. Около Тавр<ического> сада)

Сомов. Васильевский остров, Волковской пер., № 4 (недалеко от университета)

Твой отец.

¹ Фарадей Майкл (1791–1867) – английский физик и химик, основоположник учения об электромагнитном поле. Любимый ученый П.А. Флоренского. По примеру Фарадея Флоренский с детства вел записные книжки, куда заносил все, что его интересовало, и которые он также называл «Экспериментальные исследования». Вот что пишет он своему сыну Михаилу из заключения на Соловках: «Когда я называл тебя Михаилом, то имел в виду также и Михаила Фарадея. Ты меня обрадовал бы, если бы прочел его биографию... Он был очень хорошим человеком и величайшим из ученых; каждый год приносит новые доказательства, как глубоко он мыслил и видел и насколько он опередил в своих замыслах и убеждениях современных ему ученых... Когда я был маленький, мне казалось, что нет имени красивее, чем Михаил Фарадей, и я постоянно писал его инициалы М.Ф. А ведь это твои инициалы, ты тоже М.Ф.» (Флоренский П.А. Письма с Дальнего Востока и Соловков. М., 1998. Соч. в 4-х т. Т. 4. С. 138; 159).

² Пекоки: Александра Владимировна Пекок – сестра мачехи А.И. Флоренского; Готлиб Федорович – ее муж, преподаватель музыки в московских гимназиях.

1900.VII.27

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Тифлис. Конверт отсутствует.

27/VII 1900.

Дорогая, я тебе выслал перед отъездом повестку на 200 р. Сообщи мне, получила ли ее, а также и деньги, или опять какие-либо затруднения. Дом наш находится в пе-

чальном состоянии, и я положительно становлюсь в тупик, что с ним делать. На осень надо подмазать в разных местах, перебрать крышу, чтобы не текла. Надеюсь, что буду иметь возможность быть к этому времени в Тифлисе и помочь, чем могу. Здесь нового ничего: все по-старому. Погода постоянно меняется. Душно только и постоянная испарина.

Я посылаю Павлику письмо. Пожалуйста, удержи его от поездки в Кутаис, так как это его задержит. Ему, по моему расчету, если правильны имеющиеся сведения, необходимо будет дать:

Для взноса в <нрзб.> – 150 р.

– « – за лекции – 50 р.

Проезд _____ 50 р.

На первоначальные расходы – 100 р.

Итого – 350 р.

Так я думаю, а впрочем, сообразите вместе.

До свидания, моя дорогая. Поцелуй детей и поклон всем. Твой Миша.

Р. S. Передай Павлику нашу грушу, ответит Пекок. Я все-таки желал бы, чтобы он повидал стариков теперь же.

1900.VII.28

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Коджоры П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1900.07.28; Коджоры. 1900.07.29.

Дорогой Павлуша! Благодарю тебя за советы. Я еду числа 10-го, не знаю, зачем ты так торопишься. Если Эрн у тебя, попроси его передать мне каким-нибудь путем моего Ницше, и спроси, как передать ему его Шиллера. В Тифлисе я к тебе зайду.

А. Ельчанинов

Тифлис 1900/VII/28

1900.VIII.01

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Кутаис. Конверт отсутствует.

1 августа 1900 г.

Дорогая моя, вот я и попрощался с Павликом. Все-таки хорошо, что он приехал повидаться со мной. В последние

Кутаис. Общий вид и Белый мост. Почтовая карточка 1910-х гг.

годы мы с ним жили отдельно совершенно жизнью и даже как-то побаивались взаимно говорить. Явилась рознь, естественная вследствие разности возрастов и отношения к разным вопросам. Теперь мы могли с ним о многом поговорить. Будет ли какой-либо полезный результат от этого для него или для нас – право, не могу сказать: это обнаружит будущее. Натура его сложная, в голове и сердце много разнородных течений, причем направляющее – кажется, еще не определилось и, может быть, никогда не определится. Чем он будет, чем кончит – не знаю.

В умственном отношении преобладающая черта имеет мирозерцание, которое объяло бы все, из которого можно было бы все построить. Признать необходимость неизбежную идти от элементарного к сложному – он не может, и это в нем не есть что-нибудь навеянное извне – а одна из прирожденных черт ума. Во всяком случае, это путь опасный для него, так как может привести к полному разочарованию во всем. Может быть, и обратно: жизненные инстинкты возьмут верх, когда явится реальная работа и реальные обязанности.

Я опять остался, дорогая, один и немного жутко. Послал Люсе письмо через Павлика, где хотел ответить ей на многое, что вызывает в ней хандру. Заканчиваю рассмотрение Батумского водопровода, затем поеду в Сванетию¹, а потом возьму отпуск. Надо немножко побыть дома, а то совсем разнервничаюсь. Но отпуск едва ли могу получить ранее сентября, т.е. начала этого месяца. Может быть, придется и

в половине августа заехать домой, так как мне на дорогу в Сванетию нужны некоторые вещи, которые в Тифлисе.

До свидания, дорогая. Поцелуй детей и кланяйся Ремсо.
Твой Миша.

¹ Сванетия – высокогорная область Западной Грузии на южных склонах Большого Кавказа в верховьях рек Ингури и Цхенисцкали.

1900.VIII.06

Е.М. Кутателадзе¹ – Ю.А. Флоренской

Конверт: Коджоры. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне М-ше Флоренской. Дача Ротиновой. Штемпели: Шуша Елисаветпол. 1900.08.15; Почтовый вагон. 1900.08.17; Гирыусы Елисаветпол. 1900.08.19².

6 августа

Мой адрес: Гирыусы³. Зангезурск. УКЖП
Е.В.Б. Елизов. Мих. Кутател.

С каким удовольствием сажусь поговорить с тобою, моя милая и дорогая Люся!
Не обвиняй меня за то, что не писала

тебе до сих пор письма: дело в том, что я первое письмо посылала тебе в Боржом, а не в Коджоры, но не получая от тебя ответа, поражалась твоим молчанием и даже обвиняла тебя в письме к Асе, но последняя ответила, что ты живешь не в Боржоме, а в Коджорах, в это же время получила письмо от тебя. Ну что, как живешь, что подельваешь, переписываешься ли с кем и вспоминаешь ли изредка меня и других подруг? Много ли читаешь? Прости, дорогая, я забросала тебя бесконечными вопросами, но это оттого, что тебя не видела так давно, давно, а поговорить хочется с тобою так сильно...

Пойми, столько времени прошло и столько новых впечатлений накопилось!... Но начну с самого отъезда из Тифлиса. Тебе известно, что я уехала в Кургсты к Дедушке – долго не стоит описывать, но скажу – что провела время так весело, как никогда; Дедушка доставлял мне удовольствие – насколько только мог – имей в виду, что там масса родственников, которые тоже старались принять меня порадушнее и гостеприимнее, много – новых знакомых, а с одной барышней (окончившей курс порядочно давно – ей 26 лет) я даже переписываюсь – личность, скажу, очень оригинальная (в смысле взгляда на жизнь) – не

удивляйся такому близкому сближению – мы жили почти в одном дворе и виделись каждый день, вместе читали, гуляли, катались.

Месяц пробыла у Дедушки, я уже собиралась приезжать в Тифлис, как получаю приглашение от одной тетки (живет в гор. Кутаисе). Дедушка решил меня повезти (он сознался, что ему со мною очень не хочется расставаться), и мы быстро собрались. Вечером, перед отъездом пришла к нам масса молодежи и взрослых попрощаться со мною, и мы по этому случаю должны были уезжать на второй день. На Рионе меня встретили мой дядя двоюродный (молодой помещик, мальчишка лет 23-х веселого нрава и любимец всех родственников) и двоюродный брат-студент. Я первый раз увиделась с моей теткой-вдовушкой и с дочерью ее – взрослой барышней.

Мне очень понравилось вполне родственное, теплое и простое обращение их ко мне. Мы с Дедушкой хотели ехать на второй же день, но по настоянию тетки остались на 3 дня, больше я не могла, т.к. дала телеграмму отцу, чтобы он меня встретил на 5-й день. В первый день, конечно, провела в кругу родственников – у них собрались гости. На второй день я с сестрой и одним родственником (советником при губерн<ском> правлен<ии> Абиладзе) – разъезжали и осматривали город, на 3-й то же самое – Кутаис и месторасположение его мне нравится очень. Как много я вспомнила тебя там. Мне хотелось осмотреть очень монастыри, котор<ые> видела ты, но не могла: пошел сильный проливной дождь.

На четвертый день я выехала с Дедушкой, до Михайлова; провожал меня брат-студент – портрет твоего брата и такой же философ, но только с той разницей, что тот очень любит веселых барышень и каждый раз говорит, что «терпеть не может угрюмых барышень», на мое возражение, что «чрезмерная веселость барышни доказывает ее ветренность и легкомысленность», он стал доказывать противное и всю веселость стал считать за бодрость духа человека – я снова стала противоречить ему, и у нас поднялся такой спор, что Дедушка, уснувший в вагоне, проснулся и спросил: «не случилось ли чего», брат, указывая на меня, ответил ему: «это, Дедушка, виновата Лиза – дух противоречия». Мы с ним продолжали спорить и подсмеиваться над друг другом и, в конце концов, расстались друзьями. Я с Дедушкой подъехали к Евлаху (к

последней станц<ии> железной дороги), где должен был встретить меня Папа. Но оказалось иначе, Папа не понял мою телеграмму и в полной уверенности, что Дедушка едет со мною, встретил меня в г. Шуше в 105 верстах от Гирюсов. Дедушка со мною не мог ехать, так как все именно оставить не мог, да и я боялась за него: мог ли старик вынести ту тяжелую дорогу, котор<ая> предстояла мне! Мне предстояло ехать с знакомой семьею – подчиненного Папы. Путешествие на фаэтоне первые два дня было невыносимое: степная жара, комары и знойный душный ветер. Приходилось по ночам останавливаться, но спать в каких-то ужасных почти конюшнях нет возможности. На 3-й день подъехали вечером к Шуше. Какой контраст! Сразу освежающий воздух и горная прохлада, кругом зеленеющие долины и ущелья. Эти 5 дней путешествия и мучений, сопровождаемые им, позабыты, я теперь чувствую себя вполне бодрой и здоровой. Подъехали к старой Шушинской крепости (разрушенные стены) и приходится делать крутой подъем. Можешь себе представить, моя дорогая, около горы, на верхушке которой находится Шуша, 7 раз обходим эту гору и, наконец, выезжаем в Шушу. Меня встречает Папа. Так кругом весело: горный ветерок, знакомое городское движение и улыбающееся, ласковое и радостное лицо Папы. Все кругом располагает к радостному чувству. Мы остановились у одних хороших наших знакомых – ветеринарного врача. «Тебе и здесь не будет скучно», – говорит Папа, вот тебя встречает семья доктора; и действительно, я увидела целую ораву молодежи, но я не хочу ничего – лишь бы только немного уснуть после утомительной 5-тидневной дороги от Озурдет до Шуши. На второй день мы решили остаться в Шуше отдохнуть и осмотреть город. Со мною ходила одна барышня-курсистка (Бестужевск<их> курсов), большая болтушка и остроумная барышня. Не могу восхищаться самим городом вполне – «азиатский городок». Знаешь, Люся, я ожидала тут увидеть массу ешаков, но видела только всего трех! «Где же тут эти знаменитые карабахские ешаки?» – спросила я барышню, сопровождавшую меня. «Погодите, я Вас познакомлю тут с некоторыми господами, представителями карабахских пород!», и при этом она указала на двух молоденьких офицеров, идущих к нам. На другой день я с Папой выехали из Шуши. На фаэтоне нет возможности ехать – тут непременно нужно ехать на перекладной: я

заранее предчувствую предстоящую тряску. Папа, зная это хорошо, велит стражнику ехать дальше и на первой же станции приготовить лошадей для меня и для него – я этому очень рада. Но виды кругом, что за виды! Извозчик привык, должно быть, к этим горам, потому что гонит лошадей – даже захватывает дух. Дорога очень опасная: узкая тропинка и по сторонам зияющие пропасти, но охоты нет смотреть вниз, когда кругом такие чудные картины! Подъезжаем к первой станции почтовой – тьма, зги не видать, и только видим, между зеленью мелькают огоньки кочевников. Какая прелесть, я вижу русских мужиков-сектантов! Я разговорилась с одним, он прыгун, оказывается тут и в Гирюсах масса сектантов: молокане, прыгуны, духоборцы... На второй день вечером мы в Гирюсах. Однако ж, как я тебе надоела, моя милая, со своей болтовней; я лучше на первый раз перестану говорить о себе и в другом письме напишу о настоящей жизни в Гирюсах. До свидания, дорогая. Целую тебя.

С нетерпением жду от тебя письмо. Где Надя живет и что делает? Тося тебе кланяется. Ася тоже едет в Париж. – Я вчера получила от Олейниковой письмо – не ожидала и чего ради! Мой привет твоим.

¹ Кутателадзе Елизавета Михайловна – подруга Ю.А. Флоренской по тифлисской женской гимназии.

² В конверт вложено степное растение.

³ Гирюсы – уездный город в Елизаветпольской губернии в 110 км от Шуши.

1900.VIII.07

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Открытка: Тифлис, Коджоры. Ея высокоблагородию Ольге Павловне г-же Флоренской. Дача Ротиновой (бывшая почта). Штемпели: Харьковской. 1900.08.07; Коджоры. 1900.08.09.

Дорогая мамочка!

Пишу тебе из Ростова¹. Сейчас только пересели в новый поезд, и я расстался с Эрном². До сих пор мы ехали хорошо: много спали, много ели. Не знаю, как будет теперь. Дорога страшно надоела: едем, едем, и нет конца, да и скучно без вас. Семенникова³ постоянно угощает нас чаем, кофе и т.д. Вообще, я вижу с Колей и Варварой Николаевной часто,

то они приходят к нам, то я к ним. Как я завидую тому, что вы теперь все вместе в Коджорах. Мне бы и самому хотелось сейчас повернуть назад. Все время такое чувство, как будто поехал немного погулять, а теперь пора и домой. Сейчас пойду телеграфировать Маргарите⁴.

Вам телеграфирую из СПб. Целую всех вас.

Твой П.

¹ П.А. Флоренский по пути в С.-Петербург.

² Эрн направляется в Москву для поступления в Московский университет.

³ Семенниковы: Николай – одноклассник Флоренского по гимназии; Варвара Николаевна – его мать.

⁴ Маргарита Сергеевна Мелик-Беглярова.

1900.08

Павел Флоренский

НА СМЕРТЬ В. СОЛОВЬЕВА¹

Ты к свету истины стремился,
его повсюду ты искал,
и с пошлой жизнью не мирился,
и высшей Правды ты алкал.
В мерцавшем блеске Идеала,
в закономерности прямой
душа твоя всегда искала
стремленья к Цели Мировой.

Заметив истины частицу,
ее из лжи ты извлекал,
понять умея небылицу.
И все Христом ты претворял.

Москва, 1900

¹ Владимир Соловьев скончался 31 июля 1900 года. Эта весть настигла Флоренского и его друзей в Ростове. Стихотворение было включено П.А. Флоренским в неопубликованные сборники «Ступени», в раздел «Всюду символы», и в «Сборник II» в раздел «Идеализм». Опубликовано в книге «Павел Флоренский и символисты. Опыт литературные. Статьи. Переписка». Сост. Е. В. Иванова. М., 2004. С. 126.

Любительские фотографии похорон В.С. Соловьева 3 августа 1900 г. Дама в шляпе, идущая за гробом, – Анна Николаевна Шмидт (1851–1905), чьи записи опубликовали П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков (1916), рядом – князь А.Д. Оболенский (1855–1933), сенатор, товарищ министра внутренних дел. (Андрей Белый и Александр Блок. Москва. Сост. М.А. Спивак, Е.В. Наседкина, А.Э. Рудник, М.Б. Шапошников. М., 2005. С. 77)

1900.VIII.07

Н.С. Перевозчикова – Ю.А. Флоренской

Открытка: Коджоры. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне Флоренской. Дача Ротинова. Штемпели: Тифлис. <нрзб.>; Коджоры. 1900.08.08.

7 августа

Дорогая Люся, я могу написать, что жива, но не совсем здорова, хотя теперь, кажется, уже совсем поправилась. Что это Павля так рано уехал? Лиля¹ поедет только в конце августа.

Люся, напишите, пожалуйста, когда вы поедете в Тифлис. Я собиралась поехать к вам на той неделе, но потом узнала, что Костя должен был играть на концерте 6-го августа, и хотела подождать, но 5-го Косте сказали, что этот концерт не состоится, а он собирался вас благодарить за ноты: на бис он хотел играть «Simple à Venø». Все это время он играл на скрипке и забыл, кажется, что у него переэкзаменовка – не занимался. Мама боится, как бы он не провалился. Я целыми днями лежу и читаю; прочла теперь исторические романы Соловьева. Надя.

Мы едем в Тифлис числа 17–18. Я, может быть, и не приеду к вам, скоро и так увидимся. Как мне страшно подумать о первой гимназии!!

¹ Старшая сестра Нади.

1900.VIII.09

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Кутаис. Конверт отсутствует.

9/VIII 1900.

Дорогая, наконец, я получил давно ожидаемое письмо. Не то что бы я особенно беспокоился о вас с Павликом: против этого у меня теперь имеется достаточный запас фатализма. Но все-таки щемит что-то непрерывно. Очевидно, физическая связь с детьми нами чувствуется сильнее, чем ими. Вероятно, и это есть форма эгоизма и любовь ко всякой собственности, как ты думаешь? Одним словом, делаешь все – не резонерствуя, а, сделавши, начинаешь вопросы: зачем и почему? В последнее время, дорогая, я был вообще занят и, наконец, привел к концу злополучный проект водо-

провода Батума. Для поездки в Сванетию по всем сведениям теперь самое лучшее время. Вернусь я в конце месяца, т.е. около 25 числа. Раньше сентября месяца, во всяком случае, мне приехать к вам трудно, т.е. совсем невозможно. Вообще я хочу пожить спокойно, не мудрствуя над разными служебными вопросами. Относительно денег я еще тебе напишу, когда можно ждать от меня. Постараюсь поскорей, но в случае задержки не вини. Погода уже пахнет осенью, т.е. жара безусловно спала; а если и выпадает жаркий день, то, очевидно, случайно. Ты мне ничего не пишешь относительно Шуры. Я не особенно беспокоюсь за его судьбу, так как его знаю и знаю, может быть, более, чем ты. Он слишком еще молод и болезненен, чему я и приписываю, а также его судьбы с <nrзб.>, недостаточные усилия в занятиях.

Очень жаль, что не могу повидаться с Лизой и Датико¹, но обстоятельства не позволяют. Одно можешь передать Датико, что из своей личной и окружающих жизни я вынес впечатление, что дети гораздо менее терпимы к недостаткам своих родителей, чем остальные.

Целую всех моих дорогих. Надеюсь, что Андрик помнит своего папу.

Твой Миша.

¹ Елизавета Павловна Мелик-Беглярова, Датико, Давид – ее сын.

«Древняя часовня в Коджорах возле Тифлиса. Первый мой снимок, к удивлению, вышедший удачно». Фото П.А. Флоренского. 1895 г.

Маргарита Сергеевна
Мелик-Беглярова.
Фото 1890-х гг.

Дело студента
Павла Александровича
Флоренского.
Государственный
исторический архив
Ленинградской области.
Фонд 14 (Санкт-Петербургского
государственного
университета).
Опись 3. Ед.
хр. 37358. Обложка

1900.VIII.12

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Кутаис. Конверт отсутствует.

12/VIII 1900

Дорогая мамочка, через три часа я уезжаю в Сванетию и дней 10-12 не буду ничего знать о вас. Напоминаю о себе, чтобы ты не забыла мне сообщить обо всем. Я не могу застраховать билеты 2-го займа на 1 сентября, а потому не забудьте сделать это сами. По расчету вы должны переехать около 22 домой. Погода совсем осенняя: ветры, дожди, прохладно. Нового ничего нет. Водопровод закончил и отправил.

Целую детей и мамочку. Кланяйся всем.

Твой Миша.

1900.VIII.14

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В С. Петербург. Самсониевский проспект, № 16. Ее Высокоблагородию Маргарите Сергеевне *Оганьян*. Прошу передать П.А. Флоренскому. Штемпели: Коджоры. 1900.08.15; Тифлис. 1900.08.15; С.-Петербург. 1900.08.21.

Коджоры

14 августа [1900]

Милый мой Павлик.

Вчера мы получили твою телеграмму, но признаться мало ее поняли. Где же ты теперь? Значит, думаешь ехать в Москву?

Я очень рада, что ты встретился там с Маргаритой. Это все-таки поможет тебе не испытать того острого чувства тоски по родине, которое приходится всем испытывать в первое время.

У нас после твоего отъезда стало не особенно весело, благодаря непогоде. Все время идут дожди, туман и т.п. Гулять детям приходится очень мало. Давид и Лиза тетя уехали

Санкт-Петербург.
Николаевский мост.
Открытка 1900-х гг.

сегодня домой, мы же собираемся уехать после двадцатого числа. Вчера мы получили на твое имя открытое письмо от Барсова¹, в котором он уведомляет, что не ответит тебе телеграммой, так как в университете не решено еще о принятии тебя. Думаю, что теперь вопрос уже совершенно разъяснен, и ты принял то или другое решение. Письмо было от 6-го Августа.

Если ты будешь не в петербургской коллегии, а в Москве², то прошу тебя не устраиваться ни в каком случае в каком бы то ни было семействе, а тем более в знакомом. Это имеет большие неудобства, и я надеюсь, что ты примешь во внимание мой совет. Я прошу тебя также написать подробно о своем житье-бытье, о том, какое впечатление произвели на тебя новые люди и новая обстановка. Папа, кажется, уехал в Сванетию и будет в Тифлисе к 1-му Сентября. Надеюсь, что ты написал ему несколько слов с дороги и не будешь забывать его. Он писал мне, что испытывает ужасную тоску и беспокойство за тебя, хотя и без особенной, собственно, причины. В тебе мы уверены совершенно, но береги себя, милый мой мальчик.

Мы все целуем тебя и ждем с нетерпением известия о тебе.

Твоя мама

Андрюша здоров совершенно.

Передал ли ты Эрну его «Мысли» Паскаля³? Я привезла книгу в Тифлис и оставила в твоей комнате.

- ¹ См. письмо П.А. Флоренского от 1 июля 1900 г.
- ² Документы П.А. Флоренский отправил 16 июля 1900 года в Петербургский университет, где открыли «Дело № 106 Императорского Петербургского университета студента Павла Александровича Флоренского», которое хранится в архиве университета. Поскольку зачисление не состоялось, 11 августа Флоренский забрал документы из канцелярии университета, уехал в Москву и 18 августа подал прошение о зачислении его на физико-математический факультет Московского университета.
- ⁴ Паскаль Блез (1623–1662) – французский религиозный философ, писатель, математик, физик. В центре занятий Паскаля в последние годы жизни – попытки «оправдания» христианства средствами философской антропологии. Труд не был закончен, афористические наброски к нему после смерти Паскаля в «исправленном» виде вышли в свет под заглавием «Мысли г. Паскаля о религии и о некоторых других предметах» (1669). Вероятно, имеется в виду издание: Паскаль Блез. Мысли. Изд. М.А. Бонч-Бруевича, изд. 2-е, 1899.

1900.VIII.19

О.П. Флоренская – А.И. Флоренскому

Конверт отсутствует.

Коджоры

19 Августа

Мой милый Миша,

Где-то ты теперь находишься в такую погоду, так как я думаю, что не у нас только дожди, туман и т.п.? Как-то нелегко на сердце, когда все в разных местах и не знаешь, что терпят, что испытывают. Во всяком случае, эта продолжительная верховая езда должна утомить тебя чрезвычайно. Будь же здоров! Ты теперь, вероятно, беспокоишься о Павлике. До сих пор еще мы не имеем подробного письма от него. Сегодня он прислал телеграмму, в которой сообщает, что, вероятно, будет принят в Московский университет, а письмо просит адресовать на имя Семенниковых в Москву. Хоть он и сам находится теперь там же, но, видно, не устроился и своего адреса не дает. Все это, авось, скоро уладится. Из письма Маргариты мы знаем, что он здоров и бодр, хотя первые дни ему было очень трудно. Он не нашел ни знакомых, ни Маргариты, так как с ее адресом вышло недоразумение, и она была в Петербурге, когда мы предполагали ее в Москве. После двухдневного блуждания по Петербургу, он наконец нашел ее в Лесном¹. Жаль, что ты не помогал ему в первых шагах. Тогда, быть может, ему удалось бы учиться в Петер-

бургском университете и жить в Коллегии; но кто знает, что лучше! Может быть, убийственный петербургский климат не раз заставил бы пожалеть об этой мнимой удаче!

Здесь у нас все здоровы.

Все наши мысли направились теперь к дому. В понедельник 21 числа мы уезжаем в Тифлис. С учителем мы уже распрощались сегодня. Кое-как дотянули мы с ним до приличного срока, и думаю, что временно вздохнули свободно, освободившись друг от друга. Не уверена, что Шура благополучно справится с экзаменами, но теперь уже поздно. Познаний он имеет гораздо больше, чем имел их Павлик в этом возрасте и классе, но осенний экзамен гораздо труднее весеннего.

Маленькие наши здоровы и бодры. Андрюша уже часто заседает с нами, а сегодня даже пробовал водить карандашом по бумаге. Он стал ужасно милый. Дома у нас все благополучно. Ремсо недавно была там. Она ездила провожать Лизу с Давидом, которые провели у нас не очень-то веселую неделю, благодаря плохой погоде. Мы так жаждали тебя видеть!

Перевод получили. Целуем тебя.

Тв. Ма

¹ Лесное – дачное место под Петербургом, получившее название от расположенного тут Лесного института, где в то лето жили Оганьяны.

1900.VIII.19

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва, Петровка, дом Обидиной № 33, Варваре Николаевне Г-же Семенниковой. Прошу передать Павлуше Ф. Штемпели: С. Петербург 1900.08.20; Москва. 1900.08.21. <№ 48>

Дорогой Павлуша! Сегодня был в Лесном и узнал, что ты в Москве и прочее; раньше я никак не мог к тебе собраться – меня водят за нос около недели; последний раз сказали прийти за результатом 22-го, но, вероятно, поведут еще. Напиши, пожалуйста, принят ли ты в Москву и могу ли я попасть туда, а если не принят, то куда едешь.

Твой Ельчанинов.

P.S. Если знаешь, сообщи адрес Эрна.

1900/VIII/19

Санкт-Петербург.
Московский вокзал.
Почтовая карточка
1910-х гг.

1900.VIII.22

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Петровка, дом Обидиной, кварт. № 33. Ее Превосходительству Варваре Николаевне Г-же Семенниковой. Прошу передать П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1900.08.22; Москва. 1900.08.27. <№ 52>

Тифлис

22 Августа

Мой милый Павлик.

До сих пор еще ты не собрался написать нам о себе, и только из телеграмм узнаем, где ты и что поддельваешь. Мы имели также письма от Пекок и от Маргариты, но от тебя ни слова.

Думаю, что ты ждешь, пока выяснится вопрос о твоём поступлении в университет, и тогда уже напишешь, но напрасно это. Лучше бы нам и теперь узнать, как поживаешь и что поддельваешь. Вижу, что нравиться умеешь. Пекоки в восторге от тебя. Передай им мой нижайший поклон и скажи, что я скоро соберусь писать им; теперь уж у меня слишком много забот. Вчера только мы съехали с Коджор, и теперь приходится водворять порядок в квартире. Сегодня утром я была в гимназии, чтобы справиться об экзаменах Шуры. Я имела удовольствие познакомиться с Гашкрендус¹, который справлялся о тебе и говорил, что ты обещал ему писать.

Папа еще в Сванетии; домой приедет, вероятно, к началу Сентября. Надеюсь, что ты писал ему уже из Москвы

*Профессор Московского Императорского университета, кавказовед
В.Ф. Миллер*

или с дороги и не заставил понапрасну беспокоиться о себе. Старое письмо его к тебе я прислала на имя Маргариты в Петербург для передачи тебе.

Нового у нас ничего нет. Володя Худадов попал, кажется, в петербургский университет. Кого из гимназических товарищей видишь там, и как намерен устроиться, пожалуйста, напиши. Насчет помещения мог бы посоветоваться с Пекок; ведь они московские старожилы. Если не поступишь в общежитие, то у тебя останется на руках порядочная сумма денег. Будет лучше, если не будешь держать их при себе, а сдашь на сбережение, чтобы получать по мере надобности.

У нас все здоровы. Дети теперь все время копаются в саду и сажают растения, привезенные с Коджор. Валя делает это, конечно, систематически, как и все, а остальные ограничиваются боль-

ше желанием это делать. Андрюша целует тебя. Пока, кроме умения сидеть самостоятельно на полу, он не обнаружил никаких новых талантов. Тетя кланяется тебе. До свидания, милый. Не забывай своих.

Твоя мама

Варваре Николаевне и Коле наш общий поклон. Сегодня я была у них. Скажи Варваре Николаевне, что они все здоровы.

¹ Гашкрендус И. – инспектор во 2-й тифлисской гимназии.

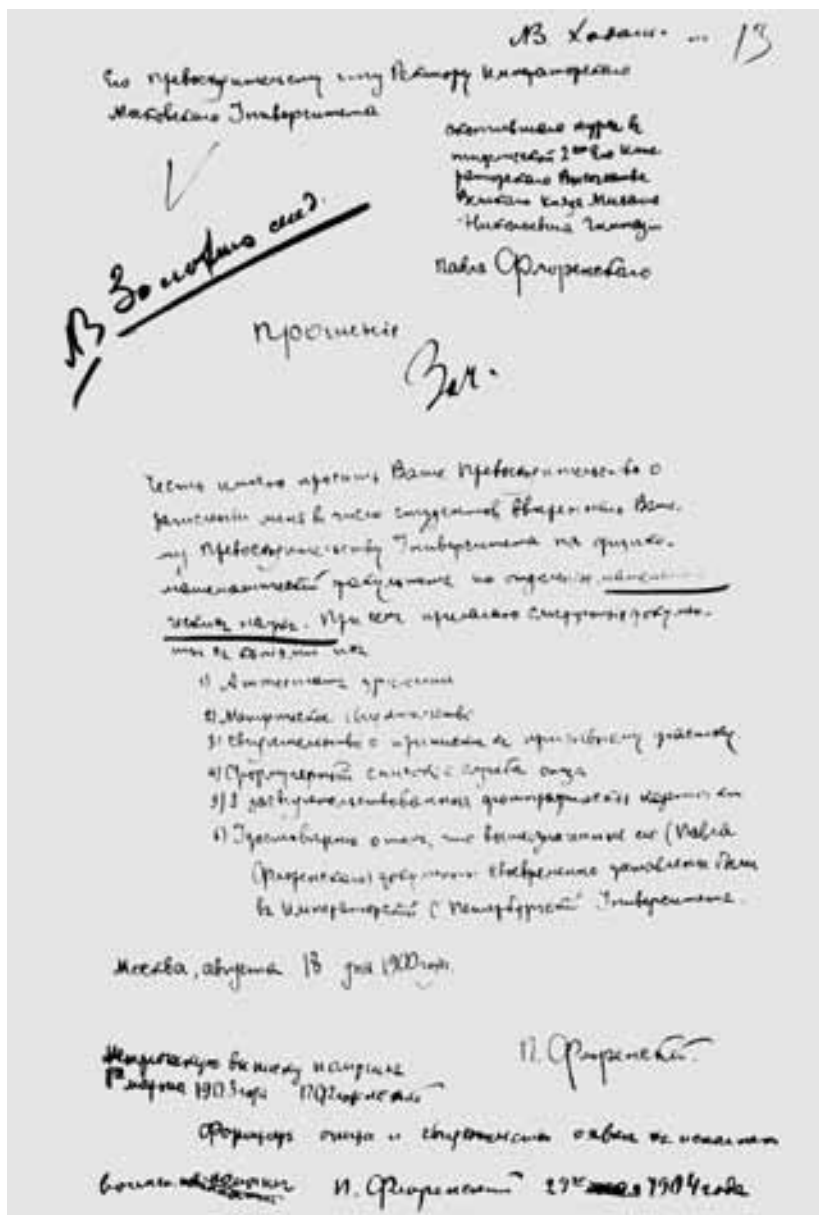
1900.VIII.24

П.А. Флоренский – А.И. Флоренскому

Открытка: Кутаис. Е.В.Б. Губернскому инженеру А.И. Флоренскому. (Гегутская улица). Штемпели: <нрзб.>

Дорогой мой папочка!

Я не писал тебе до сих пор, т.к. решительно ничего определенного не знал. Я пробыл целую неделю в СПб в хлопотах о поступлении в Университет. Там же нашел случайно и

Прошение Павла Флоренского о зачислении его в Императорский Московский университет от 18 августа 1900 г. (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 314. Ед.хр. 859. Л. 13)

Маргариту. Но ничего не вышло, и мне пришлось ехать обратно в Москву. Тут за меня похлопотала Семенникова¹, но только вчера я узнал наверно, что принят и устроился окончательно.

Ничего посмотреть в СПб мне не удалось; в Эрмитаже был 1 раз 1 ½ часа; конечно, это так мало, что в счет не идет.

Дорное утро!
 А дабы тебе соблаговоили написать тебе, по
 все время тебе заочно было преподавание по
 предмету матем. в Университете и университетскую
 свой командир, то я не могу написать тебе
 никакой статьи. Скоро издана издана издана
 книгу за чужием книжной-издательством
 я передаю ему все свои книги и бумаги. При
 том дело, т. к. передаю в скором времени, в
 по черт книжечек своей дачи на книгу Маргариты
 которую я пишу издана. До сих пор я пишу не
 ни одной, т. к. все время занятый
 даму книгу моего сына. Сейчас со мной
 от компании живем друг. Это можно от
 посетит в этот на всю зиму; это будет в своем
 сам себе пригласит в общество. Через я поведу
 немало от матери, т. к. мать, которая
 лет переезды Маргариты. Теперь все же
 ни? Мне интересно жить и писать
 Счастливая добродуша, карьеристка замечательная
 и много работ, но все время только
 и пишу как бы, но все время только
 издана. Как бы издана в новой издании
 издана у вас будет издана в издании
 издана; я собираюсь тебе издана в издании
 на издании, т. к. от тебе издана в издании
 издана издана. Конечно интересно
 издана у вас будет издана. Конечно интересно
 издана, т. к. от тебе издана. Конечно интересно
 сама, или от тебе издана. Конечно интересно
 издана. Конечно интересно издана, т. к.
 издана и издана. Конечно интересно издана, т. к.
 издана, т. к. от тебе издана. Конечно интересно
 издана. Конечно интересно издана, т. к.

Почтовая карточка,
 посланная П.А. Фло-
 ренским сестре
 Ю.А. Флоренской.
 Москва.
 26 августа 1900 г.

Лекции начнутся скоро, через 3–4 дня. Тут у меня будут кое-какие товарищи. Пока мне очень скучно и тоскливо одному, тем более что нет определенных занятий. До сих пор я получил только одно письмо от мамы (сегодня). Не думаю, чтобы ты получил мое письмо вовремя: ты ведь теперь уехал в Сванетию. Целую тебя, дорогой папочка.

Твой П.

Москва, 19/24/VIII 00. Мой адрес: Петровка, дом Обидиной, кв. № 33. П.А. Флоренскому.

¹ Из записей П.А. Флоренского известно, что Семенникова В.Н. была «родственницей проф. Миллера в Москве» («Детям моим...» С. 261). Несомненно, это Всеволод Федорович Миллер (1846–1913) – филолог-востоковед, кавказовед, специалист по былинам, глава московской этнографической школы, профессор Московского университета (с 1883 г.). Его фотография сохранилась в архиве П.А. Флоренского.

Московский Императорский университет. Новое здание, справа храм Велико-мученицы Татианы. Почтовая карточка 1890-х гг. Изд. Фон-Гиргенсон, Москва

1900.VIII.24

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует. <№ 18>

<Рукой О.П. Флоренской: 1900.>

Адрес Пекок: Москва, Бутырки, Большая улица, дом Семенова, Пекок.

Дорогая мамочка!

Теперь я могу написать тебе сравнительно более спокойно. Благодаря хлопотам Варвары Николаевны и моей золотой медали, меня уже окончательно приняли в университет,

так что я даже внес деньги и записался на лекции. Только в Московск<ом> университете есть одно важное неудобство: не разрешается посещать лекции на других факультетах и курсов необязательных, не будучи записанным на них; а записываться стоит довольно дорого¹. Потом как-нибудь постараюсь устроить свои дела поудобнее. Я нанял себе комнату рядом с Семенниковыми сравнительно дешево – и устраиваюсь в ней. Вчера сюда приехал Эрн. Может быть, приедет сюда же и Ельчанинов, т.к. кажется его в СПб не принимают; по крайней мере, он просил меня справиться, примут ли его сюда. Был один раз на целый день у Френ², они приглашали меня бывать у них. Несколько раз посещал Пекок; они принимают меня очень радостно, даже Пекок думает, чтобы я устроился вместе с ними; бабушка очень милая и добрая старушка, для своего времени и очень образованная, и либеральная даже, но все-таки мы слишком далеки друг от друга во всем, начиная от общего мировоззрения и кончая мелкими привычками и условиями жизни. Френ, прежде всего отец, особенно он, страшные консерваторы. Он, напр., даже не хочет мне давать читать Герцена (у них есть один том), чтобы я как-нибудь от этого не испортился, дает советы Варваре Николаевне, чтобы она держала нас в духе строгого монархизма etc. Я думаю, мне с ними будет скучно, т.к. нет смысла и возможности изменять их. Бабушка все время спрашивает про детей, сожалеет о том, что не видела тебя, вспоминает Лизу тетю и папу и т. д. Маргарита, как только получит деньги, выезжает из СПб в Баку и по дороге остановится на несколько дней в Москве. Хотя целый день мне приходится бросаться из стороны в сторону, но все-таки очень тоскливо без вас. Мне все кажется, что я сижу в своей комнате, и стоит мне выйти из нее, чтобы попасть в нашу столовую; но выхожу я в какой-то полутемный коридор. Ведь вообще нам важно не исполнение желаний, а только возможность удовлетворения их. Я могу сидеть сколько угодно совершенно один, если только знаю, что у меня есть возможность попасть к вам; и этой возможности с меня довольно по большей части; и когда возможность исчезает, то делается грустно и тоскливо. Да, кроме того, в этой суматохе, продолжающейся уже целый месяц, у меня голова стала совершенно пустой, и я не способен думать о чем-нибудь. Почему вы так долго не пишете мне? Пусть напишут дети, если у тебя нет времени. Я хотел написать Люсе, но сейчас нет времени и *poste-carte* с видом Москвы. Напишу дня через 2–3. Сообщи папе мой адрес на всякий случай, если мое

Обязательство, подписанное А.В. Ельчаниновым при поступлении в Императорский Санкт-Петербургский университет 28 августа 1900 г. (ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Дело № 37298. Л. 33)

письмо не дойдет. Поцелуй Ремсо тетю и детей. Целую тебя, мой дорогой мамок.

Твой П.

Москва 19 24/VIII 00. Петровка, дом Обидиной кв. 33.

¹ Во время учебы Флоренского практиковалась подобная система посещения лекций, что вызывало недовольство студентов.

² Френ Сергей Николаевич – одноклассник Флоренского по 2-й тифлисской гимназии, немец, лютеранин. Окончил Казанский университет. Впоследствии инженер-техник, служил на Казанском вокзале в Москве.

1900.VIII.24

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва, Петровка, дом Обидиной, № 33.
П. Флоренскому. Штемпели: С. Петербург. 1900.08.24; Москва. 1900.08.26. <№ 50>

Вчера мне сказали, что я принят! Я ужасно рад, конечно. Завтра запишусь на лекции. Как твои дела? Надеюсь, Павлуша, что мы будем переписываться зимой?

А. Ел.

Маня¹ достала мне урок у одной курсистки, т. чт. я могу теперь приступить к изучению этой интересной разновидности *hominis sapientis*².

Твой А. Ельчанинов
1900/VIII/24

¹ Маня – Мария Худадова, сестра В.Н. Худадова.

² *Hominis sapientis* (лат.) – человека разумнейшего.

1900.VIII.26

П.А. Флоренский – Ю.А. Флоренской

Открытка: Тифлис. Е.В.Б. Юлии Александровне Флоренской. Николаевская улица, д. 67 (Куки). Штемпели: Москва. 1900.08.27 <1900>

«Первокурсник». Худ.
Н. Найдин. Почтовая
карточка из серии
«Типы студентов».
№ 85. 1911 г., Киев

Дорогая Люся!

Я давно уже собираюсь написать тебе, но все время так занято было хлопотами по принятию меня в Университет и устройству своей комнаты, что я не мог найти ни минуты свободной. Сегодня проездом из СПб к нам заезжал Николай Алексеевич Худадов¹. Я передал ему для вас клюкву и баранки. Присылаю пока мало, т.к. надеюсь в скором времени, вероятно через несколько дней, дать посылку Маргарите, которую я жду из СПб. До сих пор я ничего не мог делать, т.к. был занят хлопотами, да и лампу купил только сегодня. Сейчас со мной в одной комнате живет Эрн. Быть может он поселится со мной на всю зиму; это будет в случае, если его не примут в общежитие². Вчера я получил письмо от мамы с письмом папы, которое мне переслала Маргарита. Почему вы не пишете мне? Пока интересного тут ничего нет: страшная дороговизна, картинная галерея и музеи закрыты, плохая погода, даже холодно порядочно. Как ты устроилась

в новой гимназии? Вероятно, у вас будет преподавать педагогику Гехтман; я советую тебе обратить внимание на его уроки, т.к. он очень увлекательно и интересно рассказывает. Особенно интересный отдел у вас будет психология, тем более интересный, чем больше ты будешь читать сама. Если он вам книг не укажет, то напиши мне. Во всяком случае, я могу тебе купить их тут и выслать; кое-что у меня находится и дома, и можно будет указать, что именно. Целую тебя.

Москва 19 26/VIII 00. Твой Павля.

Мой адрес: М., Петровка, дом Оби-
диной, кв. 33.

¹ Худадов Николай Алексеевич (1850 – 1907) – друг семьи Флоренских, врач, общественный деятель радикальных убеждений, основатель в Тифлисе общества трезвости, воскресных школ грамотности для рабочих, отец Владимира и Марии Худадовых. Принимал активное участие в революционном движении в 1904–1905 гг. и был убит в Тифлисе.

² Об обстановке в общежитии, где Флоренский и Эрн жили в одной комнате, см.: *Кейдан В.И.* Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др. М., 1997. С. 58–59.

Люся Флоренская.
Фото А.С. Норд-
штейна. Тифлис.
1900 г.

1900.VIII.27

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Петровка, дом Оби-
диной, № 33. Его
Высокоблагородию Павлу Александровичу Флоренскому.
Штемпели: Тифлис. 1900.08.28; Москва. 1900.09.02. <№ 55>

Тифлис
27 Августа

Мой милый Павлик.

Вот ты и устроился в Москве. Хотелось бы мне видеть тебя
теперь в новой сфере и с новыми интересами. Надеюсь, что
ты не будешь долго скучать и втянешься так в свои занятия,

Развалины в Сванетии.
Гравюра. «Живописная
Россия». Т. 9, «Кавказ».
М., 1883. С. IX

что Тифлис и его обитатели покажутся тебе чем-то весьма отдаленным. Эти дни мы часто вспоминаем тебя. Я ходила с Шурой в гимназию на экзамены, и твои бывшие учителя спрашивали о тебе. Шура принят в третий класс, и мы, наконец, покончим с этим вопросом. Не могу все-таки не быть признательной учителям за теплое отношение и всякое содействие.

Сегодня папа вернулся домой. В Сванетии ему пришлось путешествовать пешком и идти по горам, что его, видно, порядком утомило.

Теперь он пробудет здесь дня три, а потом опять вернется в Кутаис. Если тебе нужно будет что-нибудь, то ты, конечно, напишешь без стеснения.

До свидания, милый мальчик. Целуем тебя вместе с Андрюшей, который и до сих пор еще упорствует и не хочет научиться говорить мама. Береги себя и постарайся питаться лучше.

Твоя мама

из книги В. Фроленко

Словеса греческого происхождения в языке древних,
книги она является в языке греческого происхождения.
Почему.

1900

Открытая 1ая

I курс

1 семестр

Введение в англистику.

ПЕРЕПИСКА. 1900 год. Сентябрь – декабрь

1900.IX.01

Е.М. Кутателадзе – Ю.А. Флоренской

Конверт: В гор. Тифлис. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне Г-же Флоренской. Николаевская улица, № 67, дом собственный. Штемпели: Доплатить Гирюсы. Гирюсы Елисаветпольск. 1900.09.04; Гирюсы. 1900.09.05; Тифлис. 1900.09.07.

1 сентября

С грустным чувством и с тяжелым сердцем сажусь тебе писать, моя милая и дорогая Люся! Причиной – твое письмо; если бы ты знала, моя дорогая, как глубоко завидую тебе, конечно, я сама сознаюсь, что это порок, но в данном случае порок весьма прощительный: подумать только, что ты около своей любимой и любящей подруги, ты можешь с нею говорить, посмеяться, пофилософствовать и, наконец, ты в 8-м классе! Вместе с тем, как я должна довольствоваться одной только перепиской, в которой никогда как следует не выразишь свои мысли и, наконец, согласишься, что мы, беседуя лично, одной мимикой только выражаем часто свои самые затаенные мысли, а в письме все как-то выходит официально...

Ты пишешь, Люся, что я в прошлом письме описывала только свою внешнюю жизнь; но если бы ты видела меня в тот момент, когда Папа передал мне твое письмо: увидав на конверте твой почерк, я почему-то вздрогнула, быстро уселась на диван в мою комнату и распечатала твое письмо, но я не читала, а, прильнув губами к твоему письму, я плакала: не могу тебе объяснить, какая причина моим слезам: радость ли или просто я находилась в нервном состоянии в тот день, но я чувствовала досаду, что не могу

повидаться с тобою, поговорить так, как иногда бывало зимою, я тогда почувствовала, сколько затаенных мыслей у меня, котор<ых> я не могла высказать тебе, моя Люся, а потребность поговорить именно с человеком, котор<ый> тебя понимает, одолевала меня. В таком положении меня застал Папа – он был удивлен: утром я до упаду хохотала, а теперь сижу и плачу. Он спросил, от кого я получила письмо, я вместо ответа опять поцеловала твое письмо и снова повеселела. «А должно быть от самой любящей подруги или от тайного друга!», – шутя проговорил Папа, лаская меня. Последние слова оскорбили меня, и я круто отвернулась, проговорив: никаких у меня тайных друзей нет, а если есть, так пусть не получу от них письма, а это письмо от Люси. «Так неужели Люся больна или случилось с нею что-либо, что заставляет тебя плакать?» «Да Вам не все равно ли?», – спросила его горько. Папа отошел – ему было должно быть неприятно, и еще больше стала плакать. Читая каждую твою строчку, я ясно представляла тебя, твое лицо, выражение. О, с каким бы удовольствием я повидалась с тобою, моя дорогая! Теперь тут, вдали от тебя я чувствую особенно нашу разлуку. И я тебя не увижу до марта. Я в начале марта приеду и два месяца буду подготавливаться держать экзамен, а остальное время сама буду заниматься или же, может быть, приеду после Рождества и поступлю в гимназию¹. Люся, могла ли я когда-нибудь осрамиться еще хуже, я никогда не думала, что могла остаться в 7-ом классе? Какой только стыд – я соврала Тосе, моей подруге, которая с таким доверием относится ко мне, что я *не держала* экзамен! Я этого никогда не прощу себе, мне даже стыдно отвечать на ее последнее милое письмо. Подумать только, на все ее откровенности ответить ложью. Но что же мне делать?.. Боюсь, что и ты недовольна и даже возмущена моим поступком относительно Тоси, и я достойна вполне твоего презрения, молю только не быть строгим судьей! Прерву на минутку свое писанье, а ты пока отдыхай от моей глупой болтовни – нужно мне идти заниматься с учеником. После о нем! Целую тебя мысленно.

Кончила заниматься и снова сажусь с тобою поболтать. Ну что тебе еще сказать о себе. В общем, скучно. Недавно были именины Мамаы, и мы устроили большой вечер – была приглашена вся Гирюсинская аристократия – т.е. 60 человек. Веселились вдоволь. Я удивлялась самой себе, я никогда

не ожидала, чтобы я могла растеряться в таком большом обществе и, скажу не хвастаясь, замечательно сумела развеселить молодежь, благодаря которой и все старые развеселились. Барышень было мало: одна заведенка из 6-го класса и две барышни-армянки – дочери богатых здешних помещиков, котор<ые>, между прочим, очень плохо говорили по-русски, первый раз в общество вышли только этот раз. Танцевала я без устали. Можешь себе представить, меня все выбрали помощницей тамады и не позволили даже отказываться; я с удовольствием исполняла свою должность, т.е. следила у всех ли полные бокалы вина и все ли веселье?!... И, наконец, я ничего не имела против того, чтобы за мое здоровье пили: ведь около сто раз пили за мое здоровье, по крайней мере, один из студентов (бывший тифлисс<кий> гимназист Баронянц) мне шутливо сказал: «Елизав<ета> Михайловна; я ручаюсь, что Вы еще 100 лет проживете – сегодня так усердно пьют за Ваше здоровье». Действительно хорошо праздновалось в этот вечер – все так просто и по-домашнему. Разошлись утром в 8 часов. С тех пор я никуда не выходила (после 26-го). Сегодня был молодой доктор – очень симпатичный и веселый господин – общая симпатия; и, между прочим, все спрашивал, 5-го сентября, на мои именины устраиваю ли что-нибудь, но я ему ответила, что если будет пирог и то ни за что «нехриста не приглашу», ведь он еврей – тоже тифлисс<кий>. Он дает слово креститься из-за пирога: на его вопрос, какое имя выбрать для себя, я ему говорю: «ЛиЛюНа» (т.е. Лиза, Люся и Надя). Хотя он и нашел, что это довольно «поэтичное» имя, но боится навлечь на себя чей-нибудь гнев, так как, по его мнению, это «тайна» кого-нибудь. Я продолжаю надсмехаться над моим жиденчиком – следующий раз придет, я ему буду проповедовать православное Евангелие. Правда, какая комедия?!...

При всем этом я ему благодарна за книги, котор<ые> он мне доставляет: теперь читаю Писарева² все – я стала давно

Старый Тифлис:
кинтоури. Худ.
О.И. Шмерлинг.
Почтовая карточка
из серии «Уходящий
Тифлис». 1920-е гг.

его читать и страшно увлеклась – я бы хотела, чтобы и ты читала его. Прелесть! Впрочем если ты прочтешь, поговорим о нем после, читаю роман Михайлова³ «Жена». Почему-то я разлюбила в одно время читать романы, но этот раз я с удовольствием читала Михайлова. Читала ли ты, я уверена, что читала «Ранние всходы» Мамин-Сибиряка⁴. Героиня романа Мария Истомина – курсистка. Я теперь читаю снова, а раньше читала, кажется, в «Мире Божиим»⁵ – в гимназии, но как будто бы под другим впечатлением – не помнишь ли ты, моя милая, наверно? О, Люся, пиши почаще и побольше о себе, ну что, виделась, должно быть, с Надей – как ревную я тебя к ней! Передай Наде мой привет и напиши, как она живет – я ей хочу написать. Я часто и ее вспоминаю. Ну что, будешь ли ты в 8-ом классе и какую берешь специальность, я тебе бы советовала русский или же историю. Опять отвлекли, дорогая, прощай, до завтра. Не надоела ли я тебе? Ничего, нападет хандра, тогда читай.

Лиза

2 сентября

До сих пор не могу послать тебе это письмо, дорогая Люся, почтовый день понедельник. У нас в доме суматоха: сегодня вечером или завтра приезжает новый губернатор, каждую минуту приходят чиновники к Папе, который целый день занят делами, чистят город и вообще напоминает очень одну сцену из «Ревизора», именно, когда на сцену появляется ревизор, наводит страх на подчиненных!!!

Идут слухи, что в Тертер назначают Папу исправить уезд, а Уездного Начальника Тертера прогнали, как мне не хочется ехать туда! Хотя ближе к тебе. Люсик, большая к тебе просьба: противная Аргутинская получила от меня деньги за группу, а высылать не хочет, ради Бога, если будешь проходить около Нордштейна, зайди к нему и спроси, сколько я должна ему за мои карточки, исключая группу, за которую заплатила Аргутинская (я забыла совершенно, давала ли я какой-нибудь залог за карточки). Ради Бога, дорогая, не забудь и потом напиши, сколько мне нужно доплатить: если *ничего*, то возьми и группу и карточки и вышли мне, а деньги истраченные я выплачу тебе сейчас же, или пусть вышлет сам Нордштейн с наложенным платежом, а ты возьми себе одну мою карточку, только пришли свою – первую, помнишь? Я хочу ее поставить у себя на столе. Прости за беспокойство, моя дорогая – но думаю, что ты не откажешь.

Сейчас мне бросился в глаза твой вопрос: «отчего на тебя нападает хандра?» Вопрос довольно интересный! Еще так недавно я читала в каком-то журнале, что хандра есть просто болезненное состояние человека или что-то в этом роде – наверно не помню определения ее, но я думаю, что это периодическая лихорадка, которую вызываем мы сами в минуты, когда мы не довольствуемся окружающей средой, но которая тебя не вполне понимает – или если и может понимать, то сама не хочешь делиться с ними своими мыслями, зная, что есть другие, которые лучше их могут понять, утешить; а часто хандра – прямо сознание собственной ничтожности и бесполезности... Но последнее касается не тебя, а *меня*. Наконец хандра – результат невысказанных мыслей, которыми хочется делиться, а не с кем! По моим определениям можешь судить причину моей хандры. Не смейся, Люся, над моим определением, а пойми мою мысль, а то меня смущает твоя улыбка, при чтении моего объяснения. Мои письма не показывай никому, даже Наде, которую хотя и люблю. Между прочим, вспоминает ли она когда-нибудь меня – поклон им всем. Тося болеет, беденькая, пишет, что в этом году ей веселее, кончила курс очень успешно. Жду от тебя письма в скором времени, не осуди за мое глупое, преглупое письмо – чувствую сама хорошо.

Пиши же, дорогая, и не забывай тебя искренно любящую и крепко обнимающую

Твою Лизу.

¹ Система обучения в женских гимназиях Министерства народного просвещения того времени включала классы приготовительный, 7 основных и 8-й педагогический. Окончившим 7 классов выдавался аттестат на звание учительницы начальной школы. После 8 класса открывался доступ на Высшие женские курсы без экзамена.

² Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868) – революционер-демократ, публицист, литературный критик, философ-материалист. В 1861 г. стал постоянным критиком и идейным руководителем журнала «Русское слово», в последние годы жизни сотрудничал в журналах «Дело» и «Отечественные записки».

³ Михайлов Александр Константинович (Шеллер) (1838–1900) – русский писатель.

⁴ Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (Мамин) (1852–1912) – русский писатель.

⁵ «Мир Божий» – ежемесячный литературный и научно-популярный журнал, издававшийся в Петербурге в 1892–1906 гг.

1900.IX.02

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. Ольге Павловне г-же Флоренской. Николаевская ул., д. № 67. Штемпели: Москва. 1900.09.02; Тифлис. 1900.09.07 <марка вырезана>.

Дорогая моя мамочка!

Я писем от вас все не получаю и не получаю (пока *все*го получил 2), и начинаю беспокоиться. Почему никто мне не пишет. Не думаю, чтобы много писем могло пропасть, тем более что теперь все обстоит благополучно. Я нашел более удобным для себя жить в общежитии¹. Там же Эрн, туда же перейдет после и Семенников. Меня туда приняли, но когда перейду, – не знаю. Может быть, останусь здесь до 20, а, может быть, перейду завтра, послезавтра. Еще одно письмо, пожалуй, можете написать по старому адресу, а потом пишете в общежитие студентов имени Николая II (Большая Грузинская, комната № 42). Я ничего не знаю, где папа, когда он вернется и т.д. Непременно напиши мне обо всем этом. Перехожу в общежитие в виду того, что там сравнительно жить дешево (112 р. в полугодие)² и удобно: не приходится ни о чем заботиться, нет никаких мелких расходов; а то с этой поездкой в СПб и житьем на частной квартире,

за вычетом 70 р., кот<орые> я одолжил Маргарите, у меня ничего почти не остается; но мне пока и не надо денег; я, вероятно, скоро достану себе урок. Тут очень много соблазнов в виде книг, как у букинистов, так и в книжных магазинах, так что трудно удержать в руках деньги, если бы они и были. Кроме того приятно, что общежитием заведует приват-доцент физики³, очень любезный и, насколько можно заметить в 3 посещения, симпатичный человек; можно будет через него удобно доставать книги и т.д. – Пока еще у нас было только 2 лекции, по химии, для меня скучные, т.к. читает Каблуков⁴ довольно банально; все, начиная от фактов и порядка изложения и кончая фразами, очень напоминает мне стереотипные пьесы шарманок; сами

*Заведующий общежитием студентов имени Императора Николая II приват-доцент Московского Императорского университета
П.В. Преображенский*

по себе они, быть может, и очень хороши, но наше внимание имеет свойство раздражаться, возбуждаться непривычными формами, новым способом изложения. Собственно говоря, ум великих людей и заключается в том, что их внимание утомляется труднее нашего; они умеют вечно удивляться, не скользят по запыленной поверхности будничной обстановки усталым взором, а стараются освободиться от гнета мертвых, стереотипных движений духа. И тем скорее удается им очистка себя от всех отбросов духа, чем сильнее их удивление, чем более по-детски, наивно созерцают они жизнь. Желая поделиться своею радостью с другими, они громко кричат о своем успехе, о своей радости, и на короткое время люди, более чуткие в своем сне, пробуждаются, протирают глаза и подымаются навстречу оживающей для них природы. Но, к сожалению, не принадлежит к числу таких «оводов» (Сократ)⁵ человечества этот господин. Может быть, он и хороший человек, но когда он говорит о давно знакомом и перезнакомом, тогда невольно начинаются судороги в челюстях от желания зевнуть. Впрочем, что будет дальше, не знаю.

Недавно мы ходили смотреть громадную картину – панораму венгерского художника Яна Стыки⁶, под назва-

*Москва. Большая Грузинская улица.
Почтовая карточка
1910-х гг. Из собрания
А.В. Стрыгина*

Ян Стыка. Живописная панорама «Голгофа» (4 части).

Фото из архива архиепископа

Сергия (Голубцова)

нием «Голгофа». Я очень жалел, что вас не было со мной, т.к. эта картина стоит того, чтобы посмотреть ее. Не говоря уже об удивительной технике (*невозможно* отрешиться от иллюзии пространственности), самое общее настроение в связи с идеей очень замечательно. Представь себе местность, похожую немного на окрестности Тифлиса. По небу наползает свинцовая туча. Чувствуется, что наползает что-то бесформенное, неопределенное, но ужасное, непреодолимое; это что-то, как греческий рок, захватывает собою все, медленно, медленно, зловеще придвигается все ближе и ближе. Только с противоположной стороны еще видно немного светлое небо. Толпы народа, одни с ненавистью, смешанною с чувством надвигающегося, бесформенного чудовища, другие со страхом, мольбой и надеждою. Даже сквозь толстую, надменно индифферентную фигуру Пилата проглядывает при виде мук Марии вопрос, уже не бросаемый со светскою небрежностью, а вопрос, волнующий человека, заставляющий его колебаться между надеждой и отчаянием: «что есть истина?» В центре стоит Христос. В данном случае решительно все равно, видеть ли в нем реальное историческое лицо, как о Нем повествуют, или только символ, знак известной идеи, подобно тому, как буква является символом ничего общего с нею не имеющего

звука, я говорю, это решительно все равно. Эта фигура, во всяком случае, должна произвести на человека чувствующего известное впечатление. Та двойственность природы, на которую напорают богословы, человека вообще, а Его в особенности, представлена очень реально. С одной стороны – Он не от мира сего, Он чужд мелким волнениям толпы. А с другой – видно, бесконечно жаль Ему ту толпу, которая сама не знает, что собирается делать.

Скажи детям, чтобы они писали мне и не ленились. У меня вообще столько беготни (не занятий), что при московских расстояниях на писание не остается времени. Вот и теперь уже довольно поздно, я хотел закончить письмо папе и, вероятно, придется лечь спать. А без писем совсем тоскливо. Я только что развесил фотографии⁷, да скоро придется снова снимать их для переселения в общежитие.

Приехал ли к вам Худадов? Я ему дал к вам маленькое поручение. Напишите, исполнил ли он его. Думает ли Ремсо тетя приехать сюда? Я не надеюсь на Рождество явиться к вам, если только не достану выгодного урока.

Целую вас всех. Твой П.

Москва 1900 I/IX

Сегодня получил твое письмо от 27-го августа. Очень рад, что Шура принят. Сажу в Университете на лекции. 19 2/IX 00.

Адресы:

- 1) Петровка, дом Обидиной; кв. № 33.
- 2) Большая Грузинская, Общежитие студентов имени Императора Николая II, комната № 42.

- ¹ Общежитие студентов имени Императора Николая II было открыто в Москве на Б. Грузинской улице 19 сентября 1899 г. В апреле 1900 г. общежитие посетил император с супругой, генерал-губернатор Москвы Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Федоровна. У входа в общежитие были установлены две мемориальные доски: одна, посвященная отпуску 300 тыс. рублей на устройство общежития, другая с именами жертвователей. Общежитие управлялось Высочайше утвержденным Комитетом для содействия устройству студенческих общежитий при Императорском Московском университете и попечительным советом. В 1-м полугодии 1900 г. в общежитии проживало 117 студентов, во 2-м – 152 студента. Зав. учебной частью общежития был профессор А.И. Кирпичников, в общежитии имелась большая библиотека, рояль, поступали газеты и журналы (58 наименований), были бесплатные билеты в зоосад, в театр Корша, студентам общежития были предоставлены льготы при посещении интернационального театра.
- ² С 1900 г. решением Комитета была понижена плата с жильцов общежития. Годовая плата собственно за квартиру была установлена в следующем размере: за одиночную комнату 50 р., с жильца, помещавшегося вдвоем, 15 р., втроем 9 р. Стипендиатам была сохранена льгота: они не вносили плату за квартиру, а платили только за содержание.

³ Заведующий общежитием – приват-доцент П.В. Преображенский. По субботам вечером в общежитии проводились занятия по французскому и немецкому языкам под руководством профессора А.И. Кирпичникова, иногда его заменял приват-доцент П.В. Преображенский.

⁴ Каблуков Иван Алексеевич (1857–1942) – физико-химик, в то время приват-доцент Московского университета.

⁵ В принадлежащей Платону версии речи Сократа на суде последний, обращаясь к гражданам Афин, говорит: «...если вы меня убьете, то вам нелегко будет найти еще такого человека, который, смешно сказать, приставлен к городу, как овод к лошади, большой и благородной, но обленившейся от тучности и нуждающейся в том, чтобы ее подгоняли. В самом деле, мне кажется, что бог послал меня городу как такого, который целый день, не переставая, всюду садится и каждого из вас будит, уговаривает, упрекает. <...> Но очень может статься, что вы, как люди, которых будят во время сна, ударите меня и с легкостью убьете, <...> и тогда всю остальную вашу жизнь проведете во сне, если только бог, жалея вас, не пошлет вам еще кого-нибудь». (Платон. Апология Сократа // Платон. Соб. соч. в 4-х томах. М., 1900. Т. I. С. 85).

⁶ Стыка Ян (1858–1925) – живописец, ученик Яна Матейко. Написал ряд картин на библейские сюжеты, серию палестинских этюдов и иллюстраций к «Quo vadis» Г. Сенкевича. Кроме «Голгофы», известна панорама «Мучения христиан в цирке Нерона». Переписывался с Л.Н. Толстым, написал его портрет-картину «На пути к бесконечности. Л. Н. Толстой».

⁷ Фотографией П.А. Флоренский начал заниматься еще с гимназических времен в Тифлисе.

Николай Семенников.
Весна 1900 г. Фото
А.С. Нордштейна.
Тифлис.
Фотография была
приложена к доку-
ментам при посту-
плении в Московский
Императорский уни-
верситет (ЦИАМ.
Ф. 418. Оп. 314. Дело
студента Н. Семен-
никова.
Ед. хр. 762. Л. 25).

1900.IX.02

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: Заказное. В Москву. Его Высокоблагородию Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому. Петровка, дом Обидиной, кв. № 33. Штемпели: Кутаис. 1900.09.04; Москва. 1900.09.09. <№ 54>

2/IX 1900.

Дорогой Павлуша, я был в Сванетии, а потом дома и только по возвращении нашел твое письмо у себя. Очень жалею, что ты не был со мной в Сванетии, так как трудно представить себе, даже бывалому человеку в горах, те <нрзб.> главного хребта с его ледниками, которые видишь в Сванетии. Кроме того, часть пути пришлось сделать пешком, что для тебя представляется, кажется, лучший способ путешествия.

Дома у нас по-старому, и только тебя нет, а это очень многое. Дети

довольны, занявши твою комнату, но не нарушают святуго святых шкапов. Я желал бы очень, чтобы как-нибудь мама проехала к тебе зимою, но не знаю, удастся ли это. Пока жизнь твоя представляет мало интересного, но с началом лекций я очень желал бы знать твои первые впечатления. Может быть, Московский университет в своем физико-математическом факультете и стоит ниже Петербургского, но я думаю, что на первое время он может удовлетворить тебя; а что будет дальше – посмотрим.

До свидания, мой дорогой. Кланяйся Пекок и Варваре Николаевне. Поблагодари ее за павшие на нее хлопоты по твоему приему.

Твой отец.

P.S. Вообще, пиши маме, так как я собираюсь взять отпуск и, вероятно, не застану твоих писем.

1900.IX.03

П.А. Флоренский – А.И. Флоренскому

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогой папочка!

Теперь окончательно известно, что меня приняли в Москве; сегодня я даже ходил на лекции, но их не было. Я просматривал расписание лекций на нашем отделении, и очень разочаровался в Московском университете: на первом семестре очень мало предметов и некоторые, как напр. химия, проходятся безалаберно, а другие – напр<имер> астрономия, не проходятся вовсе. Новых языков тоже вовсе нет, так что немецким придется заниматься самому. Затем, тут нельзя ходить на лекции других факультетов, если только не записаться на них. Придется записываться. Я подал сегодня прошение в канцелярию общежития Николая II. Если мне разрешат, то, может быть, я переселюсь туда, а то так жить очень дорого и сравнительно не так удобно. Удобно ли там, мне скажет Эрн, который с завтрашнего дня переселяется туда.

Теперь я устроился в меблированных комнатах рядом с Семенниковыми.

Пока я получил только 2 письма от мамы за все время; мне пишут, что моих писем до сих пор не получали, а между тем я писал довольно много.

Давно уже начал я это письмо и не продолжал его, т.к. все время прошло в хлопотах. За это время я успел переселиться в общежитие и устроиться здесь. За сравнительно небольшую плату я могу жить вполне спокойно. Удобно, даже роскошно и пользоваться библиотекой, читальней. Тут же заведующий общежитием Преображенский (он приват-доцент физики) предполагает устроить практические работы etc. Поселился я в одной комнате с Эрном; сюда скоро довольно переедет и Семенников.

У нас пока было лекций очень мало; по химии лекции мне пока очень неинтересны, т.к. лектор особенными талантами не отличается, а вещи все говорит хорошо известные, даже заранее известными фразами и в известном порядке. Это скучно. Были затем 2 лекции по теории детерминантов¹, но пока трудно что-ниб<удь> сказать о них определенное кроме того, что профессор спешит. Вот завтра будет читать введение в анализ здешняя знаменитость Бугаев².

Издатель П. Фрунзева
1900

Введение в анализ
и
Дифференциальное исчисление

Лекции
для проф. Н. В. Баранова

Издание второе

(Объяснения вышле без просмотра
э. профессора.)

1898

Профессор Московского Императорского университета Николай Васильевич Бугаев (1837–1903), декан физико-математического факультета Московского университета. Собрание Музея Андрея Белого

Пока книг я почти не покупал, т.к. не знаю, что именно нужно купить для обязательных занятий в Университете. Мне брат Френа³ (они живут в Москве) обещал кое-какие лекции. Я и возьму у него, т.к. покупать навсегда не имеет смысла в большинстве случаев.

Тут читает ист<орию> философии превосходный лектор и талантливый исследователь Трубецкой⁴; но, к сожалению, мне не придется слушать его: лекции его совпадают с обя-

Лекции заслуженного профессора Н.В. Бугаева «Введение в анализ и дифференциальное исчисление» (М., 1898), принадлежавшие П.А. Флоренскому и с его пометками

зательными моими по теории детерминантов. Может быть, удастся сделать это на втором семестре.

Я почему-то очень редко получаю письма от мамы; а от тебя не получал ни одного. Теперь я буду писать тебе часто; а то в сутолоке, постоянных переборках и устройствах я все откладывал со дня на день писание писем тебе, тем более что много времени шло на то, чтобы писать маме. Целую тебя, дорогой папочка. Пиши мне скорее, т.к. мне без вас очень скучно. Только утешение в фотографиях, которыми увесил комнату. Не хватает только Андрюшки.

Твой П.

Москва 19 3/IX 00. Пиши по адресу:

Москва, Студенческое общежитие имени Императора Николая II, студ<енту> *Флоренскому*. (Комната № 41)

¹ Детерминант (опредетель) – одно из основных понятий линейной алгебры.

² Бугаев Николай Васильевич (1837–1903) – математик, с 1869 г. ординарный профессор Московского университета, с 1886 г. декан физико-математического факультета. Один из основателей Московского математического общества (1864), с 1891 г. его президент.

³ Френ Владимир Николаевич – старший брат Сергея Френа.

⁴ Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905) – профессор Московского университета (1900), первый выборный ректор университета (1905), религиозный философ, публицист, общественный деятель, один из создателей кадетской партии.

1900.IX.03

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Его Высокоблагородию Павлу Александровичу Флоренскому. Петровка, дом Обидиной, № 33. Штемпели: Тифлис. 1900.09.04; Москва. 1900.09.09. <№ 53>

Тифлис

3 Сентября [1900]

Мой милый Павлик.

Мы получили твои последние письма и посылку, присланную с Николаем Алексеевичем¹. Очень рада узнать, что ты бодр и здоров. Дети были, конечно, очень довольны твоими московскими гостинцами, но я думаю, что ты напрасно возился со всем этим. Лучше бы себя угостил лишний раз фруктами. Лекций Г.Н. Гехтману мы еще не успели передать. Завтра же постараюсь послать. Ты спрашиваешь о Шуриных занятиях, но пока трудно сказать что-нибудь определенное.

Как видно, у них не начались еще серьезные уроки, да и сам он ходит какой-то растерянный, так ново для него все, что он видит в гимназии. За эти три дня мы больше узнали от него о гимназии, нежели от тебя за шесть лет. Приемные экзамены сошли у него, кажется, довольно хорошо, за исключением арифметики. Я говорила с Бабанским² и обещала ему поупражнять Шуру на задачах. Папа был здесь у нас четыре дня, а теперь он опять в Кутаисе. На этот раз он был какой-то утомленный и невеселый. Нам его ужасно жаль. Он так мечтает об отдыхе, а я о лечении, и все не удается.

Мы получили все твои письма и телеграммы, и теперь знаем о тебе все. Этим не смущайся.

Ты пишешь о дороговизне московской жизни. Напиши же, сколько тебе нужно слать для порядочной жизни, чтобы не нуждался ни в чем необходимом. Не обрезывай себя в пище, это будет с твоей стороны самая плохая экономия. Просимые тобою вещи высланы с почтой, как-то успела сшить. Тебе должно быть ужасно холодно. Я часто вспоминаю о том, как тебе невесело без солнца и тепла. И у нас после нескольких дней сильной грозы наступили холода и дожди, а все-таки мы дома, а ты там один.

Такие дни имеют одну хорошую сторону, что направляют мысли на самые ближайшие, жизненные вопросы и пригибают нас к земле. – До свидания, мой милый мальчик. Целуют тебя все.

Твоя мама.

Люся получила твое письмо. Конечно, ей было бы очень нужно слушать уроки Гехтмана, если только он будет заниматься в их отделении. У них ведь никто не заботится о том, чтобы расширить немного их горизонт.

¹ Н.А. Худадов.

² Бабанский В. – преподаватель математики и физики во 2-й тифлисской гимназии.

1900.IX.03

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Кутаис. Конверт отсутствует.

3/IX 1900

Дорогая, несколько дней как я здесь и чувствую себя довольно хорошо в отношении здоровья. В остальном –

продолжается все тоже. Погода резко изменилась, дожди и холодно: я выхожу в пальто. Не посылаю тебе письмо Павлуши, так как он прислал мне маленькое открытое письмо-записку, очевидно, главным образом для исполнения долга. Жалуются на скуку и тоску, как и тебе, за исключением определенных занятий (писано до начала лекций.) Я ему тоже пока не писал, но завтра пошлю.

Мне очень интересно знать о первых шагах Шуры в гимназии. Вообще мне кажется, что если он и не будет особенно блестящим наследником Павлуши вследствие особенностей характера – а не головы, то все-таки пойдет недурно, и мы не будем особенно озабочены им. Все больше и больше жалею, что не могу быть вместе с вами теперь. Приезд мой к вам, вероятно, запоздает до начала октября. Если Степан¹ придет, то не затягивай дела с кухней и с крышей над домом. Надо теперь же все исправить к зиме. Не забудь также запастись дровами: купи сажени две.

На этой неделе мне предстоит занятие по делу оценки проектов реального училища. Отказаться трудно, а с другой стороны, миссия довольно неприятная, так как кто-либо из конкурентов да будет обижен.

До свидания, моя хорошая, дорогая. Целую мои хорошие добрые глаза и детей. Пусть что-нибудь мне напишут. Кланяйся Ремсо.

Твой Миша.

¹ Садовник.

1900.IX.07–08

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская, Общежитие Студентов имени Императора Николая II, комната № 41. Его Высокоблагородию Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1900.09.10; Москва. 1900.09.15. <№ 56>

Тифлис

7 Сентября

Милый мой Павличек.

Сегодня я получила твое письмо от 2-го числа. Мне было как-то тяжело его читать. Видно, что ты несколько смущен разными житейскими вопросами, а в особенности, денеж-

ными. Напрасно беспокоишься, мой милый мальчик. Лучше ты напиши мне, какой твой месячный расход, сколько тебе нужно на каждую статью и т.п. Насчет урока ты слишком рано начинаешь думать. Лучше работай сам, не слишком утомляй себя; а когда нам придется трудно, то мы напишем тебе сами. Итак, прошу тебя не тревожиться об этом вопросе.

Мне как-то странно слышать, что ты скучаешь по дому. Казалось, что ты так мало интересуешься своими домашними и так мало входишь в их жизни! Да, было бы хорошо, если бы не отделяло нас такое большое пространство.

Хотелось бы знать поподробнее о тебе, о твоём настроении, впечатлениях. Последнее твоё письмо, правда, отвечает всему этому. То, что ты пишешь о Голгофе, выражено чрезвычайно выпукло и интересно; но мне было болезненно это читать. Я думаю, что нужно быть соответственно настроенным (даже взвинченным), чтобы так воспринять эту картину. В тебе же мне хотелось бы видеть более спокойствия и веселости. Будь же бодрее, милый.

Папа в Кутаисе. Он рассчитывает взять отпуск на месяц и провести это время с нами.

Шура уже ходит в гимназию.

Занятия у него пока очень легкие, но с ним случилась неприятность, которая его страшно огорчила. Приняли его в первое отделение, а теперь его пересадили во второе, говорят по желанию Ягулова¹ и Сватоша². Это бы ничего, но он лишается своих хороших товарищей. Третьего дня я ходила в гимназию просить Багажемидзе³, чтобы его оставили в прежнем отделении, но из этого ничего не вышло.

Присланные тобою лекции мы передали Гехтману. Вернул ли ты Эрну его Паскаля? – Теперь у нас началась настоящая зимняя жизнь. Каждый час занятия и все-таки не успеваешь ничего сделать. Мне так жаль, что я не могла до сих пор сшить тебе фланелевую рубашку. Все собираюсь скроить, да некогда. Купи пока какую-нибудь дешевую, если тебе нужно, а на той неделе или даже раньше постараюсь тебе выслать почтой.

8. Сегодня провозилась целое утро с Шуриными уроками. Видно, что с переходом во второе отделение, ему будет труднее учиться. Люся и Женя пригласили сегодня детей к нам для совместной игры, и сами возятся с ними. Тебе, видно, интересно знать о них все, вот и пишу о каждом пустяке. Внес ли ты уже плату в общежитие, и сколько именно осталось у тебя?

Кокарда ученика 1-й тифлисской гимназии, 1910-е гг.

На этом прекратила письмо, так как не дают писать. Есть ли у тебя новые знакомые?
 Дети целуют тебя. Люся собирается писать тебе на днях.
 Твоя мама

- ¹ Ягулов Александр Иосифович – преподаватель древних языков 2-й тифлисской гимназии.
- ² Сватош Ярослав Иосифович – преподаватель 2-й тифлисской мужской гимназии.
- ³ Багажемидзе – педагог 2-й тифлисской мужской гимназии.

1900.IX.10

А.А. и О.П. Флоренские – П.А. Флоренскому
 Конверт отсутствует.

Тифлис
 10-го сентября 1900 года

Дорогой Павля, я поступил в гимназию 26-го числа. Экзамены длились 3 дня. Все учителя относятся ко мне очень хорошо, в особенности Ягулов и Гамкрелидзе¹. Ягулов

каждый день говорит, чтобы я написал тебе письмо. И сегодня взял с меня слово, что я сейчас же после обедни напишу тебе. Я был в I-ом отделении, но Ягулов попросил Гамкрелидзе, чтобы меня перевели во II-ое отделение. Как здоровье бабушки и дедушки? Передай им поклон от меня. Пиши мне побольше писем. Напиши, хорошо ли тебе в Москве?

Сад наш сделался очень хорошим, в особенности много многолетнего лилового флокса. Сегодня я сажу к тебе на грядку белых лилий. Вчера вечером уехал Сергей дядя. У нас очень неровная погода, то так холодно, что по ночам бывает мороз, то очень жарко. Андрюшка стал очень хорошеньким и начинает уже стоять, держась за перила кровати. По греческому и латыни у нас Ягулов, а по русскому – Сватош, по математике Бабанский, по французскому Лиозен². В гимназии

Сад дома Флоренских в Тифлисе. Фото А.А. Флоренского. 1930-е гг.

мне довольно весело, и почти не пристают. Бабанский говорит, что для твоего здоровья лучше, что ты не попал в Петербург. Я познакомился с Соколовским, он мне очень понравился. Классным наставником у нас теперь священник. Уроки мне не позволяют писать дальше. До свидания, милый Павля.

Твой Шура.

Ягулов просил Шуру передать тебе его поклон. Он очень внимательно относится к Шуру, который уже примирился с переводом его во второе отделение.

Мама

¹ Гамкредидзе Иван Евдокимович – инспектор 2-й тифлисской классической гимназии, преподаватель математики.

² Лиозен Э.К. – преподаватель 2-й тифлисской гимназии.

Письмо Шуры от
10 сентября 1900 г.

1900.IX.10

О.А. и О.П. Флоренские – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

10 сентября Воскресенье 1900 г.

Милый Павля,

погода здесь теплая. Какая погода в Москве? Мы приехали в Тифлис 21 августа. С тех пор, как мы приехали, дождь шел один раз. К нам через несколько дней по-

сле приезда приехал папа, но через 5 дней уехал. В эту субботу, я думаю, он приедет. В эту среду к нам приехал Сергей дядя, сегодня утром он уехал. Недавно Лиза тетя прислала ящик яблок и груш. Сергей дядя тоже привез с собой корзину инжира, корзину яблок и висели сладкие. Дома все здоровы. Здоров ли ты? 16 цыплят, которые были, когда ты уезжал, все живы, 1 цыпленок схватил Барбос, но у него отняли, через несколько часов он выздоровел. Сегодня утром у нас вывелось 9 цыплят. Васику¹ приходит к нам часто, сегодня он у нас, вчера у меня был первый урок музыки. Недавно у нас были Шурины товарищи, мы играли все. Прощай, целую тебя.

Твоя Валя.

Милый Павлик,

Присылаю тебе рубашки и несколько персиков, которые возьми поскорее, а то испортятся.

У нас все здоровы. Папа приедет сюда в Октябре. Напиши о своих денежных обстоятельствах. Если нужно, пришлем.

Будь здоров, милый. Целуем тебя.

Твоя мама.

¹ Васику – двоюродный брат детей Флоренских, сын Варвары Павловны Сапаровой и Шио Эйдишеровича Давидова, ее второго мужа.

1900.IX.11

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Кутаис. Конверт отсутствует.

11/IX 1900.

Дорогая, вчера ночью вернувшись из Хопи¹, я застал твое и Павлино письма, которые долго ожидал. Ты напрасно, дорогая, все каешься в своей неумелости и особенно в неудаче

покупки материи на мебель. Во-первых, наверно мы с этой мебелью проживем лет пять, а что дальше будет – неизвестно, да и неинтересно. Во всяком случае, дорогая, со своей неумелостью ты мне и дороже и милей, чем со всевозможными практическими талантами.

Насчет Шуры я опять совершенно не согласен с тобой, фактически и теперь ты его репетируешь, а это неудобно, так как занятия будут нерегулярны, и ты будешь упускать другие дела. Вообще, я о многом думаю, но осуществить, хотя бы в части, трудно, но необходимо. По приезде надо будет о многом переговорить.

Письмо Павлуши присылаю тебе, но только не затеряй его, так как я желал бы сохранить их. В отношении денег он мне ничего не пишет, но я ему вышлю 50 рублей в 20-х числах, если ты уже не выслала.

У меня столько накопилось дела теперь, в особенности по гимназии и реальному училищу, что ранее начала октября я не могу вырваться отсюда. Отчасти это совпадает и с моими желаниями: быть свободным в октябре, когда Тифлис *<нрзб.>* и все уже переживут период последачной сутолоки. Живу по-прежнему, только комиссия тревожит непрерывно: заседания да заседания. Но это заставляет двигаться и возбуждает голову, что мне не бесполезно. Решение о Павлике (высылку денег) сообщи поскорей, чтобы не затягивать. Твой Миша.

Детей целую. Ремсо поклон.

¹ Селение на берегу реки Хопи (Хоби), протекающей по Колхидской низменности и впадающей в Черное море.

«Приготовишка».
Худ. Н. Найдин.
Почтовая карточка
из серии «Типы студентов». № 50–93.
1911 г., Киев

1900.IX.12

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: Заказное. В Москву. Университет, общежитие Императора Николая II, комната № 41. Студенту Павлу

Александровичу Флоренскому. Штемпели: Ярлык заказного. Кутаис 1900.IX.11; Москва 1900.IX.17 <№ 58>

12/IX 1900

Дорогой мой, с большой радостью получил твое последнее письмо. Если общежитие дает порядочные условия для жизни, то, конечно, хорошо сделал, что переехал; этим твоя месячная денежная смета более или менее принимает определенные размеры и тебе легче сказать, что можно сделать, чего нельзя.

Мне кажется, что твое разочарование в некоторых лекциях явилось бы и в Петербурге. Я в былое время слушал читавших лучших профессоров Петербурга, но из них как лекторов – могу назвать только двух действительно талантливых в последнем отношении. Затем, первое впечатление очень мало дает. Не талантливый лектор может быть часто выше гораздо в других отношениях, что обнаруживается при работах и в частных беседах. Поэтому буду ждать других писем от тебя и дальнейших выводов. Мне кажется, что в университетской жизни лекции составляют очень малую долю того, что вообще могут дать тебе такие учреждения, как университет, и ищущий, особенно в таком старом уни<ерситете>, как Московский, найдет если не все, то многое, что ему нужно, помимо лекций.

Вот, дорогой, и все. Я был несколько дней дома, о чем, кажется, писал тебе. Живу по-прежнему, но много более мне дают здешняя гимназия мужская и реальное училище. До свидания, мой дорогой. Пиши лучше в Тифлис. Твой отец.

1900.IX.14

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Его Высокоблагородию Павлу Александровичу Флоренскому. Большая Грузинская ул. Общежитие Студентов имени Императора Николая II, комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1900.09.16; Москва. 1900.09.21. <№ 59>

Тифлис

14 сентября

Дорогой Павля!

Сердишься ты, должно быть, на меня, что до сих пор не писала. Я тебе хотела описать нашу новую гимназию, и все ждала, когда, наконец, начнутся интересные занятия; но

теперь решила, что никогда. Учителя у нас все самые неинтересные, каких только можно, или даже их нельзя и представить. Все повторяют одно и то же, что мы большие, что единицы не будет (совсем как маленьким детям, как будто хотят польстить нашему самолюбию тем, что мы большие), что будем проходить общую педагогику, часть ее: дидактику и методику, потом следует определение каждой, таким образом мы проходим — — — и т.д. и начинается сказка про белого бычка. Скука невыносимая.

Думаю, что интересна будет математика, но мы пробавляемся такими микроскопическими порциями тригонометрии, алгебры, вперемежку с методикой арифметики, что выходит, как говорится, через час по столовой ложке, вроде пилюль для глотания по необходимости и для нас, и для нашего учителя. Интересней всего будет гигиена (мы уже теперь с места в карьер полетели, хоть чем-нибудь можно заняться) и, кажется, педагогика. Гехтман единственный не читает по книжке, или что то же, если не хуже, говорит наизусть.

Чувствуешь, что живой человек, и что он тоже думает и говорит сам, а не повторяет чужие слова. Очевидно, он считает меня продолжением тебя, потому что с первого урока мы с ним как знакомые и по этому случаю он меня постоянно тревожит, вызывает каждый урок, так что я подумываю, нельзя ли как-нибудь с ним поссориться, чтобы он оставил меня в покое. Но это, конечно, в шутку.

Ты ничего не пишешь, что делается у вас, какие профессора по чему, как читают и о чем. Напиши их фамилии и есть ли среди них кто-нибудь более или менее известный.

Как бы мне хотелось быть теперь там или не там, и вообще, что-нибудь делать. Конечно, и тут, если захотеть, можно работать, но я не могу заниматься серьезно. У меня какое-то чувство, что это так, что пройдет и тогда начнется жизнь; т. е. под жизнью я подразумеваю возможность заняться медици-

«Медик». Худ.
Н. Найдин. Почтовая
карточка из серии
«Типы студентовъ».
№ 86. 1911 г., Киев

ной. Теперь я окончательно решила, что не пригодна ни к чему другому и, несмотря на все препятствия, я должна и поеду на курсы.

Пожалуйста, узнай о приеме на медицинские курсы, о плате и условиях, если встретишься с медиками: Правда ли, что в будущем году <откроются> курсы; тут поговаривают об этом, но не знаю, насколько это верно¹.

Но я все говорю о себе. Теперь расскажу о наших. – Папа давно уже не приезжал и, кажется, не скоро собирается к нам. Мама целые дни занята: утром по хозяйству, а после обеда с Шурой, так как он сам не готовит уроков и занимается постоянно со слезами. Его перевели во 2-ое отделение, чем он очень огорчен, так как все его товарищи остались в первом. Учителя относятся к нему замечательно хорошо и многое спускают с рук, чем он и пользуется. Вообще, мне его направление очень не нравится, он и так слишком развязан и чванится там, где это не опасно, но чуть малейшая беда, он начинает трусить. Между тем с ним все там нянчатся. Лиля тоже ходит в гимназию и учится математике у моего бывшего врага – Шенгера² – но, кажется, он и не подает вида, что знает меня.

Андрейка тебя целует – то есть слюнявит. У него теперь два зуба внизу и прорезывается один наверху, так что он прекрасно может укунить тебя.

Что твои товарищи? Как устроился Эрн, с тобой ли вместе он опять живет? Что делает Семенников, скучает ли без своих, ведь он так привык жить под крылышком мамы. Опиши мне подробно, как ты устроился, как живешь? Я тебе, кажется, подробно описала все, даже слишком много написала, ты, пожалуй, не разберешь моего почерка. Если не разберешь, то напиши.

Мы тебе выслали сегодня по почте рубашки и персики. Боюсь, что испортятся, пока дойдут, хоть мы уже старались отобрать получше. Напиши, как доехали.

Все мы благодарим тебя за клюкву и баранки.

А пока до свиданья.

Целуем тебя все.

Тв<оя> Люся.

¹ Медицинские курсы в ожидаемое время открыты не были.

² Шенгер Рудольф Карлович – преподаватель математики в женской гимназии.

1 Сент 1900.

Годъ поступления изъ числа студентовъ СПб. Университета 1900.

Убо

ЗМ

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ.

Господину Ректору Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

ОТКА

ПРОШЕНИЕ:

Честъ являю покорнѣйше просителю *бы освобожденъ на 1900 учебный годъ отъ взноса платы за суровые лекции.*

ОТКАЗАНО

Секретаря

ОСВОБОЖДЕНЪ

Проситель

родомъ изъ *Муромской губернии* факультета *историко-филологическаго*
вѣдѣнія *Филологическаго* разряда
основанъ *вторично* семестра *I*

освобожденъ-ли отъ взноса платы? _____
получаетъ-ли стипендію, и если получаетъ,
то какую? _____

1. дня . сент. 1900 . мѣсяца 1900 года.

Подпись (или печать, факсим.) Студента *Александръ Викторовъ*
Зыганитовъ.

*) Зѣсь должна быть обозначена испрашиваемая льгота, т. е. должно быть написано: *бы освобожденъ на 1900 учебный годъ отъ взноса платы за суровые лекции, или: продолженъ на сей семестръ и на слѣдующій годъ.*

1900.IX.15

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва. Флоренскому Павлу Александровичу, студенту Университета (Через адресный стол). <Рукой почтового работника>: Пресня, д. № 10 Университета по Б. Грузинской ул. 22 сент. 1900. <Подпись> Штемпели: С. Петербург. 1900.09.15: Москва. 1900.09.16. Адрес: Васильевский Остр<ов> 9 л., д. 64, кв. 26. <№ 61>

Чем объяснить твое упорное молчание, Павлуша? Я написал тебе одну открытку и потом ждал от тебя адреса, сообщения о том, принят ли ты, но ни того, ни другого не дождался и пишу снова. Может быть, ты даже и не в Москве? Отвечай, пожалуйста, мне очень интересно, как ты устроился; когда я узнаю твой адрес, тогда напишу подробно насчет моего университета, а теперь не хочу рисковать: вдруг 7 коп. пропадут даром.

1900 IX/15 А. Ельчанинов

Дом, где снимал комнату студент А.В. Ельчанинов. Санкт-Петербург, Васильевский Остров, 9 линия, д. 64. Фото П.В. Флоренского. 2004 г.

1900.IX.16

А.И. Флоренский – Ю.А. Флоренской

Кутаис. Конверт отсутствует.

16/IX 1900.

Дорогой Люсек, последнее время я все ждал от тебя письма, чтобы ты сообщила мне о своих первых впечатлениях, о своих занятиях на педагогических курсах. Но до сих пор ничего не имею. Что у вас читается, хорошо или дурно, в чем ты затрудняешься – ничего не знаю. Напиши мне, дорогая. Вероятно, мама давала тебе читать письма Павлика. Он собирался тебе писать, но исполнил ли, не знаю.

Желал бы, чтобы ты мне сообщила и объяснила о твоих занятиях. По многим ты могла бы помочь и Шуре, и Лиле и облегчить мамин труд. Тебе это тоже было бы полезно. Немножко будь откровеннее, дорогая, с нами.

Желательно знать, что кроется в твоей умной головке. Исполнимо или неисполнимо это, но отчего же не подумать вместе о многом, дорогая. Маме будет легче и нам, и – думаю – и тебе.

Целую мою дорогую.

Твой папа.

1900.IX.16

Е.А. и Н.А. Сапаровы¹ – П.А. Флоренскому

Конверт: Здесь. Его Высокоблагородию Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому. Студенту 1-го курса. <№ 57>

19 16/IX 00.

Павлик!

Мы в Москве уже три недели и только вчера узнали, что ты здесь, из маминого письма. Сегодня Еля бродила по улице у университета, чтобы найти тебя, но не встретила. Наш сосед-студент вызвался найти тебя. Как только получишь письмо, не поленись прийти. Наш адрес: Калужская ул. Голицынская больница, квартира смотрителя.

Твои сестры Еля и Нина Сапаровы

¹ Елена Аркадьевна и Нина Аркадьевна Сапаровы – двоюродные сестры П.А. Флоренского.

Двоюродные сестры
П.А. Флоренского:
Ляля, Тамара и Ма-
руся Сапаровы.
1904 г., Астрахань

1900.IX.17

П.А. Флоренский – А.И. Флоренскому

Москва. Конверт отсутствует.

На письме рукою А.И. Флоренского написано:

Общежитие <имени> Им<ператора> Николая II, комната 41.

Дорогой папочка!

Я не отвечал на твое первое письмо, т.к. ты писал мне, что собираешься уезжать в Тифлис. Но так как ты снова написал мне из Кутаиса, то я подумал, что ты отложил свою поездку, и пишу тебе в Кутаис.

Профессор Московского Императорского университета Лев Михайлович Лопатин (1855 – 1920)

Насколько я заметил, мама чего-то беспокоится обо мне. Совершенно напрасно. Напиши ей, что при всем желании есть плохо или быть на плохой квартире я не могу, так как на $\frac{1}{2}$ года связал себя в Общежитии. Но тут жить настолько удобно и недорого сравнительно с московскими ценами, что я вовсе не думаю, вообще, и после выходить отсюда, если только не будет каких-нибудь серьезных неудобств. Впрочем, пока я решительно ничего в таком роде не предвижу, а, напротив, пользуюсь полным комфортом: хожу гулять в зоологический сад на Пресненские пруды, забираю к себе в комнату сколько угодно книг из библиотеки etc.

Занятия у нас вполне установились, и я уже получил порядочное понятие о своих профессорах. Интересных вообще очень мало, особенно на математическом факультете; а на дру-

гих читают Тимирязев¹, Герье², Виноградов³, Трубецкой⁴, Лопатин⁵ и некоторые другие, превосходные лекторы. Все выгоды лекционного преподавания: непосредственное влияние, возбуждение интереса, умение оттенить важное и т.д. исчезают при чтении профессора, который не отличается талантливостью. Я вовсе не желаю какого-ниб<удь> блестящего красноречия, блеска, а только желал бы, чтобы видна была работа мысли во время чтения. А то иногда трудно удерживаться от зевоты. Жаль, что особенно скучно читается физика и химия.

Действительно хороший профессор у нас – это Бугаев⁶, довольно известный своими трудами. Он пересыпает свои лекции остротами, афоризмами, сравнениями, залезает и в психологию, и в философию, и в этику, но все это делается так уместно, что только дает возможность яснее понимать его объяснения. Читает он введение в анализ и диф<ференциальное> счисление, и мне очень приятно, что этот предмет, для меня из нашего теперешнего, самый интересный, я буду знать сносно. Затем видно симпатичный человек, настоящий ученый, Андреев⁷. Но этот уже совсем

в другом роде. Аналитическ<ую> геометрию читает Млодзеевский⁸, талантливый лектор, но как человек он мне почему-то внушает сильную антипатию. Все какие-то необычайно плавные телодвижения, декламаторский тон. Можно подумать, что он готовился поступить на сцену. Вдруг ни с того ни с сего трагический голос, слезы в голосе; потом – глубокая нежность и т.д. Но читает он хорошо. Больше интересно, кажется, нет ничего.

Я занимаюсь понемножку немецким, перевожу немецкое Евангелие. Что выйдет из этого – не знаю.

Ты мне говорил о каком-то курсе диф<ференциального> счисления, кот<орый> тебе нравился, но я забыл фамилию автора. Написан ли он Штурмом⁹ (2 Т) или кем-ниб<удь> другим. Пока я занимаюсь по лекциям, понемножку читаю Сальмона¹⁰, Dostor'a¹¹ и др.

Узнай ты у мамы, пишу ли я ей достаточно часто, или нет. Если она получает письма редко, то я могу писать чаще. Правда, у меня времени не много, но все-таки найти всегда будет можно. Дети почему-то мне не пишут.

Вчера я получил письмо от Нины и Ели Сапаровых, которые, как оказалось, тут. Я был у них. Нина поступила в консерваторию, а Еля хотела попасть на курсы, но опоздала с прошением. Скоро уезжает Варвара Николаевна. Если что-ниб<удь> нужно, то напиши; она предлагала мне исполнить поручение к вам. Не думаю только, чтобы твое письмо застало ее еще тут.

Целую тебя, дорогой папочка. Твой П.

Москва

19 17/IX 00

P.S. На адресе не надо писать «Университет», т.к. он не имеет к общежитию отношения. Пиши прямо «Общежитие etc.»

*Профессор Московского Императорского университета
Болеслав Корнелиевич
Млодзеевский
(1858 – 1923)*

¹ Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) – естествоиспытатель, один из основоположников русской школы физиологии растений.

С 1878 г. профессор Московского университета. В 1911 г. покинул университет в знак протеста против действий министра просвещения А.А. Кассо.

² Герье Владимир Иванович (1837–1919) – гражданин Гамбурга, окончивший Московский Императорский университет (1858) и принявший российское подданство (1862). Историк, профессор Московского университета (1868–1904), член-корр. АН (1902), общественный деятель. В 1872 г. основал Высшие женские курсы в Москве. Гласный Московской городской думы (1876–1908), член Государственного Совета (1907).

³ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – историк-позитивист, исследователь истории западноевропейского Средневековья. С 1884 г. профессор Московского университета. Будучи сторонником университетской автономии, в 1902 г. подал в отставку и уехал в Великобританию. С 1903 г. профессор Оксфордского университета. В 1908 г. вернулся в Московский университет. В 1911 г. в знак протеста против увольнения ряда профессоров подал в отставку. После октябрьской революции 1917 г. принял английское подданство. Умер в Париже.

⁴ Трубецкой С.Н. – см. прим. к письму П.А. Флоренского к А.И. Флоренскому от 3 сентября 1900 г., с. 130.

⁵ Лопатин Лев Михайлович (1855–1920) – профессор Московского Императорского

Профессор Московского Императорского университета Константин Алексеевич Андреев (1848–1921). Фото А. Федюки, Харьков

университета, философ и психолог, близкий друг семьи Соловьевых и Трубецких. В то время, о котором речь, Лопатин занимал кафедру философии. Кроме курса истории философии и психологии он вел семинарий по психологии. Для него Флоренский написал реферат «Учение Милля об индуктивном происхождении геометрических понятий», прочитанный в феврале 1901 г. (См.: Историко-математические исследования. Вторая серия. Вып. 3 (38). М., 1999. С. 32–73).

⁶ Бугаев Николай Васильевич – см. примечание к письму П.А. Флоренского, с. 130.

⁷ Андреев Константин Алексеевич (1848–1921) – математик, геометр, профессор Московского Императорского университета (1898), член-корр. АН (1884).

⁸ Млодзевский Болеслав Корнелиевич (1858–1923) – профессор Московского Императорского университета (1892), математик, геометр. В осеннем семестре 1900 г. впервые в Московском университете стал читать курс по теории функций действительного переменного.

⁹ Штурм Жак Шарль Франсуа (1793–1855) – французский математик, член Парижской Академии наук, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук, профессор Политехнической школы в Париже. В письме речь идет о книге: *Sturm Ch. Cours d'analyse de l'École polytechnique*. Paris, 1857–1859. Т. 1–2.

¹⁰ Сальмон Джордж (1819–1904) – ирландский математик и теолог, своими трудами способствовал распространению новых теорий линейной алгебры и их геометрическому применению. Флорен-

ский, скорее всего, пользовался французскими переводами книг Сальмона: *Traité de géométrie analytique à deux dimensions (sections coniques)*. Paris, 1870; *Traité de géométrie analytique (courbes planes)*. Paris, 1884; *Traité de géométrie analytique à trois dimensions*. P 1–3. Paris, 1882–1892.

¹¹ Вероятно, речь идет о книге: *Dostor Georges. Éléments de la théorie des déterminants*. Paris, 1877.

1900.IX.17

Ю.А. Флоренская – А.И. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Ты угадал, папочка, что ждал от меня письма, я его написала, но не отослала, так оно и лежит у меня.

Ты спрашиваешь, что я делаю? Буквально ничего. В гимназии никаких занятий нет, делать совершенно нечего, а сама я работать не умею, да и не хочу. Для чего? Учителя у нас отвратительные, каких только можно найти. Все приходят, говорят зазубренный урок по той или другой книжке и после звонка забывают о нас и уроке, так же как и ты о них. Вся разница в том, что один скажет больше фраз, а другой меньше. Единственное, о чем они стараются, это говорить попышнее, чтобы внушить нам должное уважение и к себе, и к другим. Единственное исключение составляет Филиппов – математик, который предпочитает, наоборот, молчать, и хорошо если за весь урок скажет 10 фраз, да и то не всегда. Я думала, что интересная личность будет Восторгов, но оказывается, что такой же фразер, как и все. С первого же урока он начал доказывать нам истинность Библии, подтверждая сотнями доказательств, из которых половину можно было тут же опровергнуть. Одним словом, все они так мне надоели, что противно вспомнить. Вставать приходится мне очень рано, так как гимназия далеко. В гимназии каждый день часа 2-3 свободных, на которых мы должны слушать уроки в классах, но от этого слушания я так устаю, что не могу потом ничего делать, так что хожу только когда необходимо. Скучно мне страшно и такая тоска. Ведь я совершенно одна – нет ни одного человека, который бы пожелал узнать, что у меня на душе, а когда сама говоришь, так только смеются, находят, что в этом возрасте бывает только увлечение временное. И ты тоже меня обвиняешь, что я вас не люблю, что я неблагодарная. И перед всеми, всеми я виновата и ничего не

могу сделать. Если бы ты знал, как это тяжело. А главное, что я ничего не могу делать и должна сидеть и ждать, что будет дальше, что сделают другие.

1900.IX.19

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. Ольге Павловне г-же Флоренской. Николаевская ул., д. 67. Штемпели: Москва. 1900.09.19; Тифлис. 1900.09.24.

Дорогая мамочка!

Теперь получаю от вас письма довольно часто; сегодня получил письма детей. Ты для чего-то в каждом письме спрашиваешь относительно денег. Я же писал тебе, что мне денег *не надо*, тем более что скоро получу от Маргариты. Пожалуйста, больше не пиши об этом: когда будет надобно, то я попрошу сам. Недавно какой-то студент в Университете передал мне письмо, оно оказалось от Ели и Нины Сапаровых, которые приехали сюда для поступления на курсы и в консерваторию. Но Елю на курсы не приняли, т.к. она опоздала с прошением. Знакомых у меня тут новых нет. Все старые, тифлиские. В Университете я немного познакомился с 2–3, но очень немного. Вообще, насколько я заключил, среда очень несимпатичная, так что я предпочитаю пока держать себя в стороне. Но это я говорю на основании тех немногих наблюдений, кот<орые> имею возможность произвести. Хороших профессоров тоже сравнительно мало, особенно у нас, так что можно было ожидать от московского Университета гораздо большего. Пока самому как-то заниматься не особенно хочется, т.к. с интересными предметами или недостаточно еще освоился, или после плохого чтения профессора начинаешь переносить невольное неудовольствие на самый предмет. – 20-го числа Семенникова едет в Тифлис, и я просил ее передать к вам маленькое поручение. Между прочим, она передаст тебе конспект, написанный мною, который ты хорошенько спрячь для меня; он мне нужен, а держать его при себе неудобно. От вас посылки я пока еще не получал; вероятно, она задержалась дорогой.

Пекок все ждут Алину¹ и говорят, что она непременно должна приехать в этом году. Но так ли это, не знаю. Она все

время болеет и оживляется только, когда к ней приходит кто-нибудь <удь>. Но мне приходится бывать у них редко: при громадных московских расстояниях пойти к ним на 1 час – это значит выйти после обеда и вернуться поздно вечером. Да и вообще тут, особенно в общежитии, куда ни пойдешь, уж менее 2–3 часов положить никак нельзя. Мы ведь живем на самой окраине Москвы; минут через 5–10 ходьбы можно выйти в открытое поле, а через ½ часа, мне думается, прийти в лес. – Хорошо, что Шура, наконец, окончательно устроился. На днях я напишу Ягулову, что ему будет приятно, как мне кажется. Как идут занятия Люси в гимназии? Она мне что-то ничего не пишет, уж не знаю почему. А я сразу более двух писем в день не могу писать при всем желании. Для этого надо слишком много времени. Еля мне говорила, что в скором времени сюда приедет Лункевич². Тогда я могу бывать у него изредка, а пока лучше ограничиться чисто воспринимательной деятельностью.

P.S. пишу карандашом, т.к. мы слишком много налили воды в чернила.

¹ Алина – Александра Готлибовна, дочь Пекоков, певица, выступала в миланском оперном театре Ла Скала под псевдонимом Алина Марини.

² Лункевич Владимир Валерианович – преподаватель 2-й тифлисской гимназии.

1900.IX.19

Р.П. Тавризова – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. В Общежитие Студентов имени Николая II (Большая Грузинская). Е.В.Б. Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1900.09.21; Москва. 1900.09.26. <№ 62>

Тифлис

1900-го 19-го октября¹.

Дорогой Павлушенька,

Сегодня я получила твое письмо. Вижу, что как раз мое место в общежитии – жаль только, ты говоришь,

«Музыкальные курсы». Худ. Н. Найдин. Почтовая карточка из серии «Типы студентов». № 93. 1911 г., Киев

дамы не допускаются. Что-то ты чересчур соблазнительно описываешь – с вами нянчатся, вас развлекают... Что же касается расстояний, то для ваших молодых ног это прямо пустяк.

Ты меня уже ждешь, а ведь я *еще* и не думала собираться. Приглашают в Баку; положим, будь охота можно всюду побывать – зима длинная.

Какое распределение дня ты пишешь. Разве вас рано запирают? Что же ты меня зовешь, ведь на ваши музыкальные вечера дамы не допускаются. Скажи, ты очень скучаешь? И думал ли ты, что можешь скучать, раз у тебя есть занятия и книги. Маргарита уже приехала в Баку с двумя финляндками-женщинами. Выживут ли они там? Бог ведает. Пока от нее не имею писем.

Ты пишешь, что мы редко пишем. Мама так часто пишет тебе. На днях Люся писала тебе; должно быть, ты получил письмо и посылку от мамы. Что касается детей, то ведь они довольно ленивы в этом отношении. Шурке Ягулов напоминает послать тебе поклон. Ему Ягулов очень нравится, старается знать его уроки, и сегодня пришел в восторг, сообщая, что получил 5 по латыни. Он, кажется, умеет расположить к себе детей – по крайней мере, Шура уже относится с доверием к нему, а это очень важно, и довольно скоро, по-моему, он заслужил. Только Шура огорчен, что его перевели во второе отделение; он все-таки дружил в 1 от<делении> с Карповичем² и Ельчаниновым³.

Недавно Сергей Теймуразович был здесь. Тетя Лиза и Давид у нас прогостили в Коджорах всего 10 дней и довольно неудачных (все время лил дождь), а теперь дома заготавливают гири и т.д. и для тебя. Могу тебе сообщить, если тебя хоть немного интересует, что мельница *наша* работает и уже дает доход. Давид мне завидует.

Я спрашивала Госю, что она хочет, за полчаса она два желания высказала: то пусть привезет маленького Андрея, потом, говорит, сказки с картинками, ты сам разберись как хочешь.

Теперь моими соседями трое, нельзя сказать, чтобы они были пока аккуратны, но *иногда* стараются ими быть. Андрей, представь себе, и теперь еще не говорит «мама», верхних два зуба тоже показываются. Все дети занимаются и довольно, кажется, хорошо.

Папа сегодня писал, что приедет в Тиф<лис> не ранее 5–6 октября.

Ты не морщишься, что я у тебя отымаю столько времени своим письмом. Ну, до свидания, дорогой Павлушка. Целую тебя. Опиши подробно 1 день.

Твоя тетя Ремсо

¹ Ошибка, следует писать «сентября».

² Карпович Михаил Михайлович (1887–1959) – историк. Учился во 2-й тифлисской гимназии, был членом детского содружества ельчаниновцев. В 1906 г. по окончании гимназии поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где учился вместе с Г.В. Вернадским. В 1904–1906 гг. входил в Москве и Тифлисе в организации эсеров, подвергался аресту и высылке за пределы Кавказского наместничества. Весной 1914 г. сдал государственные экзамены и был оставлен на кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию, но вскоре перешел в Петербургский университет. После Февральской революции отправился в США и работал в российском посольстве до его закрытия в 1924 г. В 1927 г. начинает преподавать историю в Гарвардском университете, становится профессором и заведующим славянским отделением. С 1943 г. главный редактор основанного в Нью-Йорке «Нового журнала».

³ Ельчанинов Борис – младший брат А.В. Ельчанинова.

1900.IX.19–20

Е.П. Мелик-Беглярова – О.П. Флоренской

Ханала. Конверт отсутствует.

19 сентября.

Дорогая Оля!

Письмо твое и Давида я получила только вчера. Давид уехал побывать на Тертер и вернуться. Не знаю, удалось ли ему, наконец, получить ссуду и что он сделал с своим долгом банка в Баку. Не думаю, что он поехал в Россию после этого.

Извини, дорогая, что я <нрзб.> тебя еще своим капотом. Такая возня ходить к портнихе. Не торопись высылать его по почте. Еще не так холодно, в начале октября Сергей будет в Тифлисе и привезет. Напиши, пожалуйста, передал ли Давид тебе мой долг и за платье.

Что-то Марго и Соня давно не пишут. Не знаю что с ними.

Только вчера кончили давку винограда. Приспособлений почти никаких. Все делается первобытным способом. Не добьешься чисто вымытых бочек, чтобы вино некисло, как в этом году; вдобавок, еще их не хватит. Давид оставил прошлогодние в Баку. Месяц сбора всех продуктов, и ежедневно у меня масса рабочих и женщин. Всю неделю я во-

зились с чурчхелами, которые не удаются, как в Кахетии или Эривани. Я сожалею, что не имею рецепта Эриванских чурчхел. В будущем году я обязательно должна иметь сушильню для фруктов и машинку для выжимания винограда. Пока все мое время занято. Разом получила восемь книг Русской Мысли¹ и читать некогда. Весь дом в большом беспорядке, и мастер еще не скоро кончит красить, если б убрать хоть две комнаты. И часто я задаю себе вопрос: для кого? Когда сын наш не хочет жить дома. Если в Баку у него была бы семейная жизнь. И там он целый день в компаниях и не находит времени даже газету прочесть.

Сообщи мне адрес Павлуши.

20 сентября. Сегодня была почта, и от Давида все нет известия. – Мне большое удовольствие доставляют письма девочек, и не бывает никакого настроения ответить им.

Если не выслала мне платья, то у меня еще есть просьба к тебе. Только заранее извиняюсь, что надоедаю. Купи у Алевтины Жирарди для меня *фланелевую* верхнюю блузу опять темно-серую или *черную* к моим юбкам. № воротничка, кажется, 38 или 28. Лучше передать несколько лишних рублей, чтобы были хорошей работы. Мои платья сшиты для улицы, а дома нечего надеть. Готовые дешевле обходятся, а то все заказываю неудачно и нигде нельзя надеть. Хотела переслать тебе деньги, но завтра воскресенье и не примут на почте. Я хочу узнать, передал ли Давид мой долг.

В каком настроении Александр Иванович? – Думает ли Давид приехать, мать все спрашивает. Целую вас – пишите.

¹ «Русская мысль» – ежемесячный литературно-политический журнал, издававшийся в Москве в 1888–1918 гг.

1900.IX.22

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Общежитие Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Заказное. Кутаис. 1900.09.24; Москва. 1900.09.29.

22/IX 1900.

Дорогой мой мальчик, вчера собрался писать тебе письмо, но приостановился в ожидании твоего, которое и получил сегодня.

Видно, ты уже вполне вошел в колею новой твоей жизни и нашел даже кое-что для тебя приятное в лекциях. Я вообще, как уже и писал, не придаю особого значения лекциям. Атмосфера университета, личные занятия и общение с известного рода людьми – вот суть университетского влияния. Очень жаль, конечно, что по физике и химии ты не имеешь того, что нужно; но, вероятно, есть приват-доценты, которые более живо относятся к этим предметам. Надеюсь, что ты и сам поместишь в будущем эти предметы на должную высоту, хотя бы участвуя в создании практических занятий. Москва отзывчива и на хорошее дело всегда найдет деньги. Главное, нужно, наконец, создать для физики те лаборатории, которые пока отсутствуют у нас.

Курс анализа, который я тебе рекомендовал – Duhamel'я¹. Ты спрашиваешь меня, достаточно ли часто ты пишешь маме. Этот вопрос должно разрешить твое сердце. Для матери от сына не бывает слишком частых писем. Каждая мелочь в твоей жизни, для тебя не имеющая значения, имеет для нее значение. Но не только в этом дело: умственное, нравственное общение – еще более интересно для твоей матери.

Я позволяю тебе, между прочим, написать письмо Люсе. Ей очень нужно, чтобы ты ей писал часто; писал бы ей о той умственной атмосфере, которая тебя окружает; писал бы о своих мыслях, взглядах на все вопросы, которые тебя интересуют.

Я уже стар, дорогой, и устал и много задач на мне. Твоя и ее души молодые, которые лучше могут понять друг друга, а если и не понять, то заставить работать мысль. Твоя сестра имеет умную, с большой волей голову, но характер у нее довольно мрачный, или, скорее, сосредоточенный. Заставить вылиться кому-нибудь такую натуру, значит много ей помочь легче нести свою жизнь. Мы мало ей можем дать; а ты высылкой книг, сообщением своих взглядов на нее и просьбой написать ее взгляды дашь ей много хороших минут, а, может быть, и будешь влиять на все ее будущее.

Мне, однако, хочется, чтобы ваше будущее было возможно светлее. Я не хочу сказать этим – счастливее, но дающее возможность смотреть на себя, как на исполнивших свой долг. До свидания, мой дорогой. Целую тебя. Кланяйся Пеккок. И я буду просить тебя отнестись к ним сердечнее. Не сочти для себя тяжестью навещать их, оказать им внимание, чем можешь. Принеси цветы и приятное что нибудь. Если увидишь, что надо им помочь деньгами, то сделай это. Я найду средства на эти лишние якобы расходы.

Вообще и на себя не жалея. Что нужно, сделаем. В будущем мы сочтемся в твоих братьях и сестрах.

Твой отец.

Флоренский (подпись)

P.S. Ты мог брать отдельные уроки немецкого языка, а может быть, и английского. Подумай об этом. Кланяйся Варваре Николаевне. Поручений у меня никаких нет. Пиши мне через адрес мамы, так как я собираюсь на месяц в Тифлис.

¹ Речь идет о книге: *Duhamel Jean Marie. Éléments de calcul infinitesimal.* Paris, 1856. Т. 1–2.

1900.IX.22

А.И. Флоренский – Ю.А. Флоренской

Конверт: В Тифлис. Ея Высокоблагородию Юлии Александровне Г-же Флоренской. Николаевская, № 67. Заказное. Штемпели: Кутаис. 1900.09.23; Тифлис. 1900.09.23.

22/ IX 1900

Дорогой Люсек, твое молчание подготовило меня к тому, что ты находишься в не особенно хорошем состоянии духа, но все-таки не думал, что это у тебя проявляется в такой сильной степени.

Дитя мое, пойми, что тебя глубоко любят твои близкие, и твое горе, твои радости и наши радости. Но пойми также, что в нашей жизни забот много, и не можешь их выполнить все в той степени, в какой это необходимо. Ты или мало знаешь маму, или, может быть, под впечатлением своего нехорошего настроения внушаешь себе мысли, что ты одинока, что о тебе никто не думает. Если бы ты сознала, сколько в твоей матери нежности, любви, самоотверженности, полного забывания своего я, то ты не сказала бы того, что выразила в письме. Ты уже своим женским сердцем должна бы была понять все, что скрывается в сердце и думах другой женщины и твоей матери.

Что ты мало или ничего не находишь для себя в той жизни, этому я вполне верю. Я бы был рад, чтобы ты освободилась от всего этого и употребляла бы свое время более разумно, более сознательно. Но, дорогая, есть обязательства, которые многие вещи делают необходимыми, как они ни кажутся бесполезными: это приобретение бумажных прав. Ты хочешь быть медиком, но знаешь условия

поступления? По крайней мере, четыре года тебе придется ждать, пока тебя примут. На высшие курсы тебя не примут сейчас. Затем тебе только 16 лет. Если бы мы были достаточно богаты, то я нисколько бы не препятствовал тебе поступить иначе. Ты знаешь историю Маргариты: она для тебя должна быть достаточно поучительна. Наконец, дорогая, я думаю о тебе постоянно, и, может быть, что-нибудь придумаю, если не для избавления окончательного тебя от обязательного курса, то, по крайней мере, для некоторого облегчения. Я уже писал или говорил тебе об этом. Затем, не думай, что в других местах, хотя бы на Высших курсах или медицинских, ты будешь иметь все интересное, поглощающее твою голову. Также и там натолкнешься на то, на что жалуешься теперь в гимназии: на бессодержательность. Мне бы было очень желательно, чтобы ты переписывалась с Павликом, и он бы тебе сообщил свои впечатления от университетских лекций. Мне очень жаль, что ты, раз написавши мне письмо, сейчас же не посылаешь их. Молчание, дорогая, приводит к взаимному непониманию. Обидно не высказать все, что ты думаешь: это и нам поможет выйти из тяжелого состояния.

Что ты нас глубоко любишь, это я знаю и мама тоже. Обвинять тебя, дорогая, мы не собираемся. Но ты делаешь нам больно и очень больно, не высказываясь. Если ты хочешь что-нибудь делать и тебе нужна помощь, то скажи это мне вслух. Ты можешь натолкнуться на прекрасное отношение с нашей стороны к твоим желаниям, поверь, это право каждого, а тем более и наше. Затем мы тоже люди и люди слабые, с недостатками, которые, может быть, укоренились в нас благодаря возрасту. Но что же делать; ты со своей гибкой, молодой натурой можешь иногда простить нам это, а иногда и подумать о причинах этого: каприз ли это, предрассудок ли, или вывод большого опыта.

Я хочу тебя видеть сильной ни от кого не зависимой женщиной. У тебя есть на это все качества: ум и сильная воля. Но чтобы воспользоваться этим, приходится пройти через долгий искус школы. Я сам вовсе не доволен этой школой, но думаю, что без нее может быть еще хуже. Когда-нибудь ты узнаешь нашу прошлую с мамой жизнь, узнаешь, как много повлияли на эту жизнь невыполнение ничтожных мелочей.

Если бы эти мелочи были восполнимы, тогда и наша общая жизнь была бы другая. Лучше или хуже была бы она – я, впрочем, не могу сказать.

Я скоро приеду, дорогая, к вам и, надеюсь, на целый месяц. Тогда надо будет серьезно нам поговорить. Верь только своему старому отцу, что и он, и мама тебя глубоко любят и страдают, когда видят тебя страдающей. Целую мою девочку крепко, крепко.

Твой папа.

1900.IX.23

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. Ольге Павловне г-же Флоренской. Николаевская ул., д. № 67. Штемпели: Москва. 1900.09.24; Тифлис. 1900.09.29.

Дорогая мамочка!

Напрасно ты думаешь, что тут нет солнца, холодно и т.д. Ничего подобного. До сих пор, кажется, был всего один день не солнечный. Да и жарко на солнце очень, так что я все жду холодов. Посылки вашей я не получал. Должно быть, задержалась по почте. Сегодня я был на семинарии по древней философии у Трубецкого и вообще думаю посещать его¹, тем более что в эти часы у меня лекции очень неинтересные. Мы будем писать рефераты и разбирать затрагиваемые в них вопросы. Темой, предложенной мне этим профессором, я очень доволен, т.к. она вполне совпадает с моими занятиями, предположенными на эту зиму. Может быть, буду ходить также и на лекции по психологии Лопатина².

Недавно уехала Варвара Николаевна. Я заходил к ним попрощаться, но оказалось, что за несколько минут до моего прихода они уехали на вокзал. Коля переселился в Общежитие, и мы некоторыми предметами занимаемся вместе. Сегодня у меня было много гостей, так что уже после обеда и вечер пришлось сидеть с ними; по правде сказать, я этому не особенно-то рад: итак времени совсем почти нет, а занятий очень много (*ars magna – vita brevis est*³). Если бы я находил в знакомых то, чего ищу, то я, конечно, не задумываясь, пожертвовал бы всеми своими занятиями и своим временем. Но до сих пор я не умею находить то, чего ищу в тех, с кем приходится сталкиваться, а избегать – не считаю возможным. Напиши мне о Ремсо тете. Может быть, она напишет мне как-нибудь.

Шуру, мамочка, заставляй готовить уроки самому и рано. Я боюсь, что если он вначале (особенно вначале) не

будет готовить их как следует, то хорошее отношение учителей может измениться как раз на обратное. Если бы я приехал на Рождество к вам, то мог бы заняться с ним греческим и др., т.к. думаю, что это ему будет надо. Но едва ли придется приехать. Письмо Люси я получил, но ответчу на него как-нибудь после. Теперь нет времени и трудно.

Твой П.

Москва 19 23/IX 00

*Конверт письма
П.А. Флоренского к
О.П. Флоренской от
23 сентября 1900 г.*

¹ Семинарий по Платону и Аристотелю стоял в учебном плане историко-филологического факультета как обязательный для третьего курса классического отделения. В 1899 г. таких студентов было двое, они пожелали не посещать семинарий, а ограничиться рефератами, необходимыми для получения зачета. С.Н. Трубецкой во время своей лекции по истории древней философии предложил студентам первого курса принять участие в этом семинарии, на что откликнулось значительное число студентов. На семинарии разбирались диалоги Платона, времени для изучения Аристотеля не хватило, и тогда в 1901–1902 гг. Трубецкой организовал занятия для тесной группы студентов у себя на дому. Для семинария по древней философии С.Н. Трубецкого Флоренским был написан реферат «Идея блага в платоновом «Государстве»».

² Лопатин А.М. (1855–1920) – профессор Московского Императорского университета. См. примечание 5 к письму П.А. Флоренского к А.И. Флоренскому от 17 сентября 1900 г., с.146.

³ *Ars magna – vita brevis est (лат.)* – искусство велико – жизнь коротка.

*Автограф письма
П.А. Флоренского
к О.П. Флоренской
от 23 сентября 1900 г.
(на с. 156–157)*

Дорогая мамочка!

Напрасно ты думаешь, что пишу лишь солнышко, солнышко
и т.д. Написано полюбилось. До сих пор, кажется, был весь
один день не солнышко. Да и жарко на солнышко лето,
так что я все пишу солнышко. Прежде всего я не пишу
Должно быть задремала по почте. Сегодня я пишу
на семикорню по устной философии у Мухоморова и вобще
у меня посылать ао, т.е. больше, что в эти часы у
меня лекции очень интересны. Мы будем писать
рефераты и рефераты записываемые в виде реферата
темы, предметный курс описан профессором, я очень
люблю, т.е. она входит совершенно с моими желаниями,
предположительно на эту тему. Можно быть буду
только маме и на лекции по психологии Ломоносова
презенто уехала в Вятку Кудрявцева. Я думаю что
нам поощряется, но кажется, что я не совсем
мне же до моего приезда от усталости на
всего. Все переписал в двукорню, и мы
каждому предмету занимаемся вначале
Сегодня у меня одно много часов, так что

уже повсюду и берег пришлось спустить к нему
по праву скажамь а этому не особенно. но фарт:
франц брашии соешиз потти нши, а захвни
вери мшо (ans magna, - vita brevis est). Если бы
я паргуез и жасамыт мо, что ишу, то а, конечно,
не захвнивалел итермивавл ^{ди} вшии своии жакшиям
и своии времеша. Но до сих пор я не чинно
нахожусь что, что ишу и тко, с киди иритуише
ешактиванше, а уфтамб — не считаю возможным
нашии мш о Релес мшиз. Момши доши ош
нашии мш как-нибудь.

Муру, мшии, ждмашей готовиш урочи самш
ифато. Я боюс, что сам от внаши ^(готовиш самш) не дшфтш
готовиш ие как-нибудь, то хорошее отношение
уштелей мшии иржешител как фарт на офранше
Если бы я уржеш на Рущешво а вши, то мшди
жакшиел с мшии урешешител ир, т, к, уржешо,
то ^{мо} ~~сам~~ паробуаш. Но ~~жакшии~~ ^{жакшии} иржешител иржешител
мшешошши я иржешител, но ошвешу на кешо как
ишбуи мшии. Мешешител мшии времеши и мшш
Москва 19 ²³/_{IX} 00 мшии П.

1900.IX.26

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие Студентов имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1900.09.27; Москва. 1900.10.02. <№ 64>

Тифлис

26 Сентября [1900]

Милый мой Павличек.

На днях приехала Варвара Николаевна и привезла нам известие о тебе. Посылки твои тоже получили. Дети были, конечно, ужасно довольны ими и занялись этим целый вечер. Все-таки очень жаль, что ты посылаешь нам оттуда сюда и лишаешь, может, себя в чем-нибудь.

В тот же день заходил к нам Городенский¹, который приехал на время в Тифлис. Он очень сожалел о прерванной с тобою переписке и просил твой адрес. Судя по его рассказам, петербургское общежитие не представляет из себя ничего заманчивого. Самое же главное его неудобство это то, что обитатели его страшно мешают друг другу и не дают заниматься. Нечего говорить уже о других его неудобствах. Похоже ли ваше общежитие на это? Видно, что с материальной стороны вы обставлены недурно. Я очень рада, что ты воздерживаешься пока от ненужных знакомств и стараешься ограничиться пока только восприимчивой стороной, как ты выражаешься. В этом и заключается пока твоя задача, по-моему. Некоторое же разочарование, испытываемое тобою, бывает очень часто, так как от университета ожидается слишком много. Много ли ты работаешь и чем ты больше всего заинтересовался? – Письмо Люси ты теперь, верно, уже получил. Она не особенно довольна своими занятиями в гимназии. Находит их скучными и мало дающими. Относительно письма к Ягулову могу сказать тебе, что, собственно, для Шуры это будет излишним. Ягулов к Шуре, видно, и так относится внимательно и хорошо, а создавать ему привилегированное положение я нахожу вредным для него. Я и теперь замечаю в нем излишне свободное отношение к гимназии, а к концу курса это может перейти в нечто совсем нежелательное. Я теперь не раз вспоминаю тебя и рада, что ты так хорошо сумел поставить себя там и пройти совершенно без историй гимназический искуc. Поэтому-то полагаюсь на твое умение и дальше, хотя не желала бы видеть в тебе слиш-

ком большого честолюбия, опять-таки для твоего счастья. Неудачи и разочарования не проходят бесследно, какой бы философией не был вооружен человек, а всякое твое страдание будет двойным для нас...

Но все это преждевременно и пришлось только к слову. – У нас теперь всевозможные осенние хлопоты, довольно-таки надоедливые. Все здоровы и целуют тебя. Андрик, наконец-то, вчера научился говорить и «мама». Мы его уже водим за руки. Папа еще не приехал.

Твоя мама.

Извини за неразборчивость: палец болит.

¹ Городенский Иван Николаевич – старший брат Михаила Николаевича Городенского, учителя П.А. Флоренского в тифлисской гимназии.

1900.IX.26

О.А. и Р.А. Флоренские – П.А. Флоренскому
Тифлис. Конверт отсутствует.

Среда 26 сентяб. 1900

Дорогой Павля,

здесь ветер, пыль и довольно холодно утром, вечером здесь тепло. Скоро приедет к нам папа. Напиши мне. Маргарита приглашает Ремсо тетю в Баку.

Как мы приехали из Коджор, папа был у нас один раз. Те цыплята, которые были при тебе, все живы. У нас недавно вывелось девять цыплят, но один зашел под балкон и не мог вылезти. Вчера умер один из маленьких цыплят. Мерси за подарки. У Лили болит горло. Два дня тому назад был дождь. Холодно ли в Москве? Здоров ли ты? Получил ли ты посылку? Я буду ждать от тебя письмо.

Милый Павля, прощай, целую тебя.

Твоя Валя.

Милый Павля,

Я рада твоему подарку. У меня есть очень много орехов грецких, их подарила мне Алексеина девочка. Приезжай поскорей. Приезжай поскорей непременно на Рождество. Если ты не приедешь, в наказание пошлю письмо. Напиши мне непременно письмо.

Твоя Раиса.

1900.IX.27

П.А. Флоренский – А.И. Флоренскому

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогой папочка!

Пишу тебе второпях: через $1/2$ часа надо бежать на лекции. Я нашел возможным на 2 из своих лекций вообще не ходить, и заменить их тремя посторонними семинариями. Лекции, которые я буду пропускать, так неинтересны и так плохо читаются, что все равно слушать их внимательно нет возможности. Только не знаю, можно ли мне будет посещать лекции не своего факультета. Это такая канитель! Надо подать лично прошение ректору, тот что-то скажет инспектору, потом с разрешением последнего явиться к субинспектору и т.д. Придется сегодня все это проделать. На семинариях, в которых я хочу участвовать, задаются интересные работы, рефераты, при том такого рода, что нужно поработать и подумать самостоятельно; вообще, они приучают к работе. Только наш обязательный семинарий (по физике) представляет нечто отчаянно скучное: $1/3$ часа решаем задачи по физике, причем лектор не говорит ни слова, а только делает пометки в книжке, а следующие $2/3$ пишем под его диктовку задачи на следующий раз. Да и физика поставлена у нас очень плохо. Должен читаться курс «опытной физики». Соколов¹ же опытов вовсе не показывает, но и математической физики тоже не читает. Пока, положим, еще нечего почти было показывать, т.к. мы проходим механику. Но мне говорили его бывшие слушатели, что он все время только пишет на доске, и в этом заключается «опытная» физика.

Времени, вообще, у меня очень мало. Даже обязательными предметами нельзя пока заниматься вполне, как следует, а мои личные почти совсем находятся в загоне. Но нельзя сказать, чтобы особенно много было занятий. Просто, вероятно, я еще не привык обращаться со временем в новой обстановке. А, кроме того, очень много времени отнимают путешествия по Москве. Куда ни пойти, надо непременно потратить целое после-обеда.

Самостоятельно заниматься математикой пока мне очень трудно, вероятно, потому, что еще не освоился; это видно из того, что когда я сам прочитываю что-нибудь новое, то далеко не всегда улавливаю общую связь, главное, что мне надо, и не замечаю общего смысла, для чего я вообще занимаюсь математикой. А на лекции все это выясняется. Зато сложные чи-

сто механические преобразования, выкладки, когда их производит на доске профессор, остаются китайской грамотой, пока не посмотришь в запись дома. Сальмона я читал немного, но он мне совсем не нравится. Может быть, у него хорошо изложена теория конических сечений, но начало у нашего профессора и яснее, и более обобщено, чем у Сальмона. Если Люся будет заниматься с тобой аналитическ<ой> геометрией, то напиши мне, чтобы я выслал ей лекции. Это и гораздо интереснее и легче, т.к. там объясняются подробно начала и основания этой науки, чего совсем не делает Сальмон.

Я смотрел темы на нашем факультете, предлагаемые профессорами для получения медали к сентябрю 1900 года, но брать их не хочу. О медали мне, конечно, думать не для чего, а темы, особенно по физике, такого рода, что надо или ограничиться компиляцией и бесконечным копанием по журналам etc., или кроме этого дать нечто действительно оригинальное, для чего кроме талантов надо иметь и обширные познания по математике и физике. Но тема эта меня очень интересует, т.к. она может выяснить вопрос (помоему, совсем *не* решенный) о прерывности и непрерывности явлений физического мира, о многозначных функциях и т.д., что меня очень занимает. Сама тема формулирована так: «Уравнения состояний материи». С течением времени я все более и более убеждаюсь, что «аксиома» непрерывности очень односторонняя гипотеза, в очень многих случаях не выдерживающая критики. Дуализм тела и духа, масса затруднений могут быть улажены при принятии математического, числового мировоззрения и при применении учения о *прерывных* функциях. Тогда многие явления выступят с совсем особой точки зрения, сделается понятным, и главное, более реальным то, что теперь игнорируют, т.к. оно не поддается подведению в априорно-определенные рамки². Я хочу идти *исключительно* от факта и притом явление более реальное поставить не позади, а впереди явления менее реального. Я говорю «хочу» в том смысле, что считаю во-

Профессор Московского Императорского университета Алексей Петрович Соколов (1854–1928)

обще необходимым для того, кто теперь будет устанавливать новое мировоззрение. От фактов путем, если хочешь, откровения, интуиции надо перейти к тому, что прежде называли гипотезой. Из этого основного положения путем развития начнут выделяться соподчиненные ему части. Все сильнее и сильнее дифференцируются основоположения, все ближе к обыкновенному здравому смыслу подходят результаты, чтобы вернуться, наконец, к тем самым фактам, созерцание которых пробудило основную идею. Но при этой дифференциации целое не разлагается, не расплзается в клочки, а сохраняет свою идеальную связь, которая выступает еще раздельнее³. Но ты не думай, что я хочу возвращения к геометрическому методу Декарта или Спинозы⁴. Вовсе нет. Там была чистая мысль, лучше сказать один голый рассудок. Это было односторонностью, которая и погубила их. Я же хочу положения, одинаково требуемого как умственными запросами человека, так и эстетическими и этическими, в силу чего основоположение не может быть понятно фиктивному чистому рассудку. Оно для него одна из бесчисленных возможностей, одна из бесчисленных поверхностей пространства, геометрическое место возможностей. Только пересечение с эстетической и этико-религиозной поверхностями геометрических мест дает одну точку, точку абсолютного если не в его целом, то качественно подобном целому. Это будет сектор, проникающий до самого центра абсолютного, быть может, с дугой бесконечно малой⁵.

Целую тебя, дорогой папа. Пиши.

Твой П.

19 27/IX 00. Москва.

¹ Соколов Алексей Петрович (1854–1928) – профессор Московского Императорского университета (1891), физик, исследователь радиоактивности и ее вредного влияния на организм, издал первое руководство по физическому практикуму.

² Здесь появляется «аритмологическая» («бугаевская») тема. Флоренский воспроизводит основную мысль статьи Н.В. Бугаева «Математика и научно-философское мирозерцание» (Вопросы философии и психологии. Ноябрь-декабрь 1898. Год IX. Кн. 45 (V). С. 697–717).

³ Флоренский начинает формулировать требования к «новому мировоззрению», над установлением которого он будет работать всю жизнь. Уже здесь, в переписке, проглядывает характерная особенность мышления Флоренского, сочетающая крайности: полноту реальности, фактуальности, конкретности с полнотой смысла, идеаль-

ности, целесообразности. Его мысль стремится жить в точке встречи феномена и ноумена. Об этом Флоренский писал в 1920 г. в воспоминаниях – глава «Особенное» (Детям моим... М., 1992. С. 153–159).

⁴ Декарт Рене (1596–1650) – французский философ и математик, представитель классического рационализма. Спиноза Бенедикт (Барух) (1632–1677) – нидерландский философ-рационалист.

Речь идет о методе изложения философских или научных рассуждений, который подражает «Началам» Евклида: первым делом даются «определения», «постулаты» и «аксиомы», затем – последовательный ряд положений, каждое из которых сопровождается доказательством, ссылающимся на перечисленные выше начала, а также на доказанные ранее положения. Образцы такого геометрического метода – это произведения Спинозы «Основы философии Декарта, доказанные геометрическим способом» (1663), и «Этика, доказанная в геометрическом порядке» (издана посмертно в 1677). Рационализму Нового времени Флоренский стремится противопоставить новую методологию, которую несет с собой нарождающееся «новое мировоззрение».

⁵ Флоренский утверждает единственность и абсолютность искомого мировоззрения, опираясь в своем рассуждении на геометрический образ-картинку. К этой важной для него мысли он вернется в письме отцу от 25 октября 1900 г.

1900.IX.29

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие Студентов имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1900.09.30; Москва. 1900.09.05. <№ 65>

Тифлис

29 Сентября, [1900]

Милый мой Павличек.

Сегодня я была у Варвары Николаевны и узнала более подробно о тебе. Видно, тебе было довольно тяжело первое время, а ты был так сдержан и мало писал нам об этом. Напрасно ты стараешься урезать себя во всем. Я тебя очень и очень прошу не делать этого. О каких-нибудь побочных занятиях, а тем более уроках, пожалуйста, не думай. Береги себя, не утомляй понапрасну; это будет гораздо производительнее, я тебя уверяю. Сегодня мне ужасно хотелось бы повидать тебя, но, увы! только несколько слов на бумаге должны заполнить все, что хотела бы выразить. Да и слова-то, в сущности, так бедны, так мало могут передать...

Письмами твоими мы все очень довольны. Они не бесследно пройдут для детей. Я в этом уверена. – Жалко, что ты до сих пор еще не получил посылоч. Странно, что и письма доходят до тебя с опозданием. Завтра посылаю тебе немного денег, собственно, на еду, фрукты и т.п. Пожалуйста, купи себе фуфайку и теплое нижнее белье. Я не дала тебе здесь, думая, что ты купишь его там. Купи себе непременно одеяло и покрывало, а также теплое нижнее белье и теплые носки. Пожалуйста, позаботься о себе.

Папа еще не приехал; ожидаем на днях. Напиши, как удобнее всего посылать тебе письма, деньги и т.д. Видно, что ты не скоро получаешь. Ремсо тетя кланяется тебе. Она еще здесь, хотя Маргарита и соблазняет ее приехать в гости в Баку. Напиши, купил ли ты, что я тебе говорила.

1900.IX.29

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Пятница 29 сентября 1900 г.

Милый Павля,

я получила сегодня твое письмо. Ты просишь написать, какие книги я читаю. Мы вчера получили «Всходы», «Профессор Допотопнов». Сочинение Майевского. Этот рассказ в двух томах. Я расскажу тебе его вкратце. Ты, верно, читал книгу «Доктор Мухоловкин» и знаешь, кто

был лордом Пуцкинсом. В редко посещаемой туристами местности ехал человек с проводником. Это и был профессор Допотопнов, он то доставал камешек или ракушку, то кость и довольный возвращался на дорогу. Профессора звали Лешек, а проводник был верный слуга его Станислав. Он был хорошим знакомым д-ра Мухоловкина. Глава 2.

Лорд Пуцкинс, явившись в Лондон, счел долгом сделаться председателем Клуба Чудаков. В клубе обсуждалась программа, как его чествовать. В конце концов, порешили напечатать его приключения в 3 изданиях. Начиная с самого дешевого, кончая прекрасным с картинками известных художников. Все обсуждалось и держалось в тайне. Но на третий день по появлении книги было раскуплено 50 изданий. Появились очень лестные отзывы. Пуцкинс стал героем

дня, приключения его были у всех на устах. Он почувствовал себя несчастным от тысячи поздравлений. Со всех сторон к нему сыпались письма с поздравлениями. Первые дни он просматривал корреспонденцию с удовольствием, через неделю уже скучал за этой работой. Вскоре он перестал скучать и стал злиться. Наконец в 1 прекрасный день вид писем привел его в исступление. Письма он даже не распечатал, а секретарю заявил, чтоб он не принимал бы с почты писем. Куда он ни являлся бы, его забрасывали без конца вопросами, он затыкал уши и убегал от людей; но были и такие лица, которых нельзя было не слушать, и слушал с улыбкой на дрожащих от досады устах. А эти лица были несноснее всех и терзали на все лады бедного лорда. Вздумал он заглянуть на скачки. Как только он вошел, к нему подошел сэр Джемс Льюнсбюрни, одевался он всегда в черное и никогда не улыбался, лорд немало удивился увидев его в светло-голубой одежде, с веточкой сирени в петличке сюртука и с сияющим лицом. Вместо того чтобы с похоронным видом пожать ему руку лорда, он горячо и искренно сказал: Здравствуйте, лорд, поздравляю вас! В скором времени вы окажетесь благодетелем человечества. Сэр Льюнсбюрни был автор книги, толкующей о мрачном будущем, которое ждет человечество от непрерывно увеличивающегося населения.

— Продолжение следует.

Милый Павля этот рассказ окончится еще после очень многих писем. Ты пиши мне всегда, на чем остановилась. В следующем письме напишу о занятиях. Прощай, дорогой Павля. Целую.

Твоя Валя.

1900.IX.30

П.А. Флоренский – Ю.А. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. Ольге Павловне г-же Флоренской. Николаевская ул., д. № 67. [Для передачи Люсе.] Штемпели: Москва. 1900.10.01; Тифлис. 1900.10.06.

Дорогая Люся!

Я порядочно давно получил твое письмо и не отвечал тебе отчасти оттого, что не было времени, а отчасти оттого, что не знал, как собственно отвечать тебе. Дело в том, что очень трудно нам бывает отрешиться от взгляда, что, когда кто-нибудь не согласен с нами, он не соглашается не из лич-

ных отношений, или не из нежелания понять состояние другого. Поэтому-то я и боялся писать, чтобы это не вызвало одного неприятного чувства непонятости, и теперь боюсь, т.к. уверен, что передать того, что хочу, не смогу в точности.

В твоём письме проглядывает общий тон недовольства и разочарования, но не разочарования вообще, а разочарования именно данной жизнью, данным своим положением. С одной стороны, оно, конечно, основательно, т.к. вытекает из несогласия, из резкого различия между теми требованиями, которые ты ставила своей жизни, в частности 8-му классу, и реальным. Недовольство жизнью вообще, как состояние, настроение и как воззрение, мне вполне понятно; понятно также желание улучшения в том или другом отношении своей жизни. Но сильное разочарование, правильное, сильное недовольство *данным* положением, по правде сказать, мне является совсем загадочным, и я склонен думать, что *она* происходит от нежелания или неумения выяснить себе свои идеальные требования. Ни один момент жизни, мне кажется, не должен быть только средством к дальнейшему, точно так же, как он не должен быть только целью для самого себя. Необходимо соединение и того и другого, цели и средства. Каждое состояние в своей жизни можно и должно рассматривать, а стало быть, и постараться привести в исполнение, как средство для дальнейшего, и вместе с этим, как цель в себе. Если гнаться *все* время только за будущим, то где же сама жизнь? Если же все обращается в само-цель, и только, то это перестанет быть жизнью сознательной по той простой причине, что действие одно не будет целестремительно вытекать из другого, а они будут просто беспорядочно сложены в бесформенную, бесструктурную кучу. Каждую минуту человек может и должен употреблять с пользой для будущего, но в то же время он не менее того должен, кроме своего приготовления к дальнейшей деятельности, делать и нечто положительное, приближаться к исполнению своего долга, воплощать в себе свои лучшие идеалы, будешь ли ты их называть идеалами Добра, или Истины, или, наконец, Красоты¹. Ты, вероятно, скажешь так: «вот сумасшедший у меня братец. Городит огород, неизвестно для чего, подступает издалека к «пустякам». Может быть и так, но каждый вопрос я не могу решать иначе, как в общем виде, дать общую формулу, а потом чисто механической работой подводить под него индивидуальное и конкретное. Говорю я все это вот для чего. Ты хочешь заниматься медициной. Превосходно. Но

можешь ли ты сказать, что ты готова к тому, чтобы приступить к такой ответственной и трудной отрасли человеческой деятельности, что достаточно развита для этого. Я, напр<имер>, очень жалею, что не имею возможности выйти на год из Университета, чтобы быть сколько-нибудь готовым к нему. А ведь дело тебе предстоит не шуточное. Ведь настоящий врач (вспомни Пирогова², напр<имер>: быть может ты достанешь его сочинение «Дневник врача»; биография его в моем шкафу) не столько лечит тело, сколько душу; медицина не есть свод механических и иных формул и правил для лечения. Необходимо ему самое широкое, шире, чем кому-ниб<удь>, кроме педагога, образование, глубокое понимание души человека, умение чувствовать вместе со своими пациентами, откликаться сильнее их на их радости, болеть душою сильнее них их горестями. Мне кажется, если ты серьезно спросишь себя, «имею ли я право, могу ли я браться за такое серьезное дело», то ответишь отрицательно. А пока ты имеешь возможность, пока ты имеешь время, тебе не только было бы полезно, но ты, по-моему, должна, именно должна, стараться составить определенное мировоззрение, уяснить не так себе, не поверхностно, традиционно многие, очень многие вопросы. Надо пережить историю этих вопросов, пережить, можно сказать, нравственную и умственную жизнь человечества, мучиться отчаянием в их разрешении, торжествовать при просветлении густого облака тумана, снова отчаиваться, снова надеяться. Только таким образом, очистившись ото всех традиций, ото всех вредных привычек мышления, от так или иначе натверженного, воспринятого механически, только из себя развивши мировоззрение и миропонимание, которое бы органически срослось с человеком, было бы его выстраданным достоянием, человек имеет право приступить к исполнению своих обязанностей перед обществом, в котором он живет. В противном же случае он будет скорее вредным, чем полезным, т.к. догматизм представляет явление в высшей степени нежелательное. А что

Создатель военно-полевой хирургии и один из основателей Общества Красного Креста России врач Николай Иванович Пирогов (1810–1881)

может быть хуже догматизма, который чем дальше, тем становится прямолинейнее, грубее, деревенеет, сохнет и человека превращает в какую-то ходячую мумию. Помнишь ли ты слова Гоголя (в главе о Плюшкине), которые начинаются «забирайте с собою в молодости etc». Ты немножко остановись над ними. Между прочим, я позволю себе посоветовать тебе прочесть внимательно книгу Паульсена «Введение в философию»³, книгу очень легко написанную, но замечательно содержательную, возбуждающую много вопросов, и на многие дающую если не самый ответ, то, по крайней мере, указание, в каком направлении надо идти *самому* к их разрешению. Ты не подумай, что я могу себе позволить поучать тебя или просвещать. Я просто рекомендую эту книгу всякому интересующемуся мировоззрением человеку, который ее не читал.

Итак, ты, если захочешь, свое время можешь употребить и с пользой, и подготовкой к исполнению своего долга, и с удовольствием, т.к. всякого рода занятия, относящиеся к духу, если только они производятся сознательно, доставляют наслаждение *всякому* человеку.

Затем, ты можешь жить тем, что есть, т.е. не исключительно стремиться далее, далее и так до бесконечности, не спешить, скажу образно, объехать страну на курьерском поезде, а любовно останавливаться на каждом уголку, как бы он ни казался скромным и обыденным, стремиться найти внутреннюю красоту, отражение Той Красоты, в каждом человеке. А жить, все с большим и большим ускорением двигаясь вперед, гнаться за тем, чего нет, искать счастья, успокоения вовне, механически, что это за жизнь. «Patriae quis exsul se quoque fugit?»⁴, – сказал Гораций, и я с ним вполне согласен.

Что касается до меня самого, то мои занятия, с твоей точки зрения, наверно, скучнее твоих. Но мне все-таки заниматься интересно. Интересны не сами предметы по себе, то *целое*, частями чего они являются. Взятые в отдельности они сухи, скучны. Можно сказать, они засыхают, будучи отрезанными от общего ствола. Но при рассмотрении их в целом получается совсем иное. И вовсе нет надобности разом заниматься этим *всем*: надо только видеть то, что они связаны с другими, с целым и как связаны.

Твой Павел
19 30/IX 00
Москва

Если вы знаете, то сообщите мне адрес Сони-тети в следующем письме. Напишите также, приехал ли папа в Тифлис, чтобы я знал, наконец, определенно, куда надо ему писать.

Целую вас всех.

Коля приказывает всем вам кланяться.

Если жизнь тебя обманет,

Не печалься, не сердись!

В день уныния смирись...⁵

¹ Подобное рассуждение – применение идей Вл. Соловьева к построению собственной жизни. Дух философа с его концепцией всеединства, идеалом цельного знания, критикой отвлеченных начал и пафосом конкретности витает над страницами университетских писем Флоренского. В этом же русле, восходящем не только к Соловьеву, но и к литературе и философии романтизма, находится противопоставление органического мировоззрения и миропонимания механического. В этом контексте строится и критика догматизма: организм живет и постоянно обновляется, механизм же мертв и предполагает догматическую неизменность. В том же духе выдержан и заключительный абзац письма об интересных и неинтересных занятиях.

² Пирогов Николай Иванович (1810–1881) – ученый, врач, педагог и общественный деятель. Один из основоположников хирургии как научной медицинской дисциплины, заложил основы оперативной и военно-полевой хирургии. Во время обороны Севастополя (1854–1855) привлек сестер милосердия к уходу за ранеными на фронте, один из создателей Красного Креста России.

³ Паульсен Фридрих (1846–1908) – немецкий писатель и философ неокантианского направления, профессор философии и педагогики Берлинского университета. «Введение в философию». М., 1894.

⁴ «Какой изгнанник, уехавший из отечества, убежит также и от самого себя?» Гораций (65 г. до н.э. – 8 г. до н.э.) – римский поэт. Цитата из оды *Carmina* II. 16, 19–20. Современное издание: Q. Horati Flacci Opera. Ed. Fr. Kvingner. L. 1970.

⁵ В конверт был вложен маленький клочок бумаги, вырезанный из какой-то книги или календаря, со стихотворением А. С. Пушкина 1825 г.

1900.X.02

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Общежитие студенческое Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Комната № 41. Заказное. Штемпели: Кутаис. 1900.10.5; Москва. 1900.10.11. <№ 67>

2/X 1900

Дорогой Павлуша, сегодня получил твое письмо. Не знаю, получил ли ты мое предыдущее письмо. По всему вид-

но, что ты совершенно освоился с университетской жизнью и ее интересами.

Ты пишешь мне, что ты с трудом воспринимаешь математику при самостоятельных занятиях. Мне кажется, что это так и должно быть при твоём складе ума, насколько я тебя знаю. Тебя математика соблазняет широкими перспективами, твоим желанием концентрировать все вопросы в формулах. Но мне кажется, как я тебе и ранее говорил, что природа и человеческие вопросы гораздо сложнее, чем все математические выводы. Мы до сих пор в вопросах движения жидкостей живём эмпирическими формулами, в которых теория фактически не играет никакой роли. А между тем насколько другие явления сложнее такого простого факта, как движение воды в цилиндрической трубе. Другое дело, что математика может дать аналогии для многих выводов, для решения в общих основаниях многих вопросов, о некоторых из которых и ты мне пишешь. Вопрос о прерывности функций в приложении к физическим вопросам действительно чрезвычайно интересный и мог бы не только многое разъяснить в настоящем, но открыть совершенно новые пути для всех человеческих знаний. Самое понятие о прерывности даже в математике, мне кажется, едва затронуто, и его можно было бы расширить применением и к бесконечно малым величинам. Я хочу сказать, что в самых бесконечно малых величинах, элементах – есть уже не только количественное, но качественное различие, не позволяющее их приравнивать и даже сравнивать. Элемент переменной независимой и её \log – величины, вообще, не соизмеримые, т.е. математически качественно различные. Отсюда от понятий дуализма в природе так же легко перейти и к *полиизму*, если я правильно выражаюсь; но, принимая во внимание равенство пределов всех элементов – легко вернуться и к монизму. Ты заманчиво ставишь вопрос на почве нахождения точки пересечения двух или трех поверхностей, представляющих разные стороны человеческой деятельности. Конечно, вопросы эти далеко бы подвинулись, но для этого надо прежде всего решить вопрос, действительно ли существует несколько, говоря по-твоему, несколько поверхностей и сколько именно? А может быть, эти совпадающие поверхности или функции, имеющие соизмеримые бесконечно малые элементы, т.е. однородные по качеству и разнородные только в количественном отношении? Иначе вопрос сведётся только к аналогиям, может быть, и временно полезным, но в дей-

ствительности ничего не доказывающим. Даже если и в этом направлении будут достигнуты наибольшие возможные результаты, то и тогда мы нисколько не приблизимся к тому, что ты называешь абсолютным. Все останется столь же относительным, как и теперь. К счастью людей, самое понятие их об абсолютном так же изменчиво во времени и пространстве, как и все наше знание, т.е. опять только относительно. Абсолютное для одного, не будет абсолютным для другого. Абсолютное сегодня – перестанет им быть завтра. Пишу тебе, дорогой, что – умело или неумело – сам думал об этом и до сих пор думаю. Твои мысли для меня, во всяком случае, более чем интересны: не потому только, что они твои, а по их общему значению для удовлетворения духовных нужд человека. Поэтому не принимай написанного за желание старшего господствовать над твоею мыслью, а просто как за одного из возможных твоих оппонентов. Поэтому не забывай нас в своих мыслях, т.е. думай и с нами¹.

Перейдем к житейским делам. Сообщи мне, сколько ты платишь в общежитии и за лекции. Мне нужно это знать.

Относительно Люси (аналитическая геометрия) напишу тебе, когда буду дома. Я туда скоро собираюсь, поэтому пиши мне в Тифлис. Если увидишь Пекок, передай мой поклон. До свидания, мой дорогой.

Твой отец.

P.S. Вообще пиши маме, так как я собираюсь взять отпуск и, вероятно, не застану твоих писем.

¹ Это письмо А.И. Флоренского – ответ на письмо сына от 27 сентября 1900 г. Отец предостерегает его от переоценки тех мировоззренческих перспектив, которые открывает математика (еще ярче эта мысль будет выражена в письме матери от 5 октября 1900 г.).

1900.X.03

М.Н. Городенский – П.А. Флоренскому

Конверт: г. Москва. Большая Грузинская. Общежитие студентов. Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпли: Тифлис. 1900.10.3; Москва. 1900.10.8. <№ 66>

<Письмо на раскладке с видом: Paris - Place de la Concorde>

Дорогой Павлуша!

Как странно распорядилась нами судьба – ты перелетел на север, а я низринулся в вонючий Тифлис, когда меньше

всего ожидал этого. Не знаю, как для тебя, а для меня такая мена далеко не желательна.

Проездом через Москву я справлялся в адресном столе о твоём местожительстве, но меня направили на старую квартиру, где и запах твой уже успел выдохнуться; я облегчил душу крепким словом по адресу адресного стола и последовал дальше, потому что не оставалось ничего другого. Очевидно, нам не суждено свидеться ни в одной из столиц, чтоб им пусто было.

Я побывал у ваших и подоспел к довольно исключительному случаю: из многочисленных ящичков и коробочек извлекались на свет Божий вещественные доказательства родственной нежности, которая вырвалась, наконец, наружу за 2000 верст от родины. «Вот (сказал я сам себе), вот сердце, которое умеет любить и биться для других даже тогда, когда следовало бы заняться делом и постараться уловить тонкости полярной системы координат, что было бы и дешевле и назидательнее».

Справедливость требует заметить, что мои мысли так и остались при мне, и в продолжение всего обряда я сохранял полную корректность, хотя один Бог видит, чего это мне стоило. Когда показались шоколадные папиросы под стеклом, я прослезился и вспомнил с горечью, что мне никто никогда не дарил шоколадных папирос, без которых, как известно, жизнь совершенно теряет свою розовую окраску. Жаль, что мало места, а то я объяснил бы тебе подробно, как трудно жить, не имея под рукой шоколадных папирос. Это мы оставим до следующего раза, а теперь позволь облобызать тебя в виде взятки, чтобы ты не сердился на меня за привычную болтливость.

Твой М. Городенский

Адрес: Тифлис, Александровская, 45

1900.X.05

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Конвент: Тифлис. Е.В.Б. Ольге Павловне г-же Флоренской. Николаевская ул., д. № 67. Штемпели: Москва. 1900.10.05; Тифлис. 1900.10.10. <№ 24>

Дорогая мамочка!

Я не писал тебе довольно долго, так ты все равно читаешь, наверно, письма мои домой, а писать сразу несколько

писем у меня не хватает времени, тем более что почти всегда приходится одновременно посылать письма и папе, и другим еще.

Занимаюсь теперь я математикой, которой надо будет заняться больше, и немного философией. Как то, так и другое мне совершенно необходимо, и я чувствую, что математикой я увлекаюсь всё сильнее и сильнее. Везде находишь соотношения, аналогии, параллели. То, чего я хотел еще со 2-го класса от математики, я теперь начинаю малопомалу получать, и вполне уверен, что получу больше, чем ожидаю и надеюсь. Математика для меня – это ключ к мировоззрению, такому мировоззрению, для которого нет ничего настолько неважного, чем не надо было бы заниматься, нет ничего не стоящего в связи с другим. При *математическом* мировоззрении нет надобности намеренно или бессознательно игнорировать целые области явлений, урезывать и достраивать действительное. Натурфилософия соединяется в одно целое с этикой и с эстетикой. Религия получает совершенно особенный смысл и находит соответственное место в целом, место, которого она была лишена раньше, почему ей и приходилось строить себе отдельное, изолированное помещение. Но я пишу тебе, как будто все это уже есть. Это не более, как смутные предчувствия будущего синтеза. Когда он будет сделан, где, кем? – все это еще вопросы. Я только убежден, что это совершится исключительно при вмешательстве математики, скорее даже философии математики¹.

Философией и психологией я занялся, как и прежде занимался, т.к. это мне, во-первых, совершенно необходимо вообще, а, во-вторых, начавшееся в прошлом году увлечение Платоном у меня все усиливается². Я нахожу у него все более и более гениальных мыслей, не проблесков, а именно ясно выраженных мыслей, только что немного наивным языком, что делает их еще прекраснее. Многие проблемы разрешены, по-моему, исключительно у него, а после того или придерживались его мнений в той или другой форме, или высказывали мнения, с которыми невозможно согласиться.

Михаил Николаевич Городенский – репетитор гимназиста П. Флоренского, а впоследствии его учитель и корреспондент. Надпись на обороте: «Дорогому Павлуше на доброе воспоминание. Городенский».
Фото Г.Н. Бабанова. Тифлис. Около 1899 г.

Вот почему я с большим удовольствием читаю и буду читать по-гречески: существующий перевод весьма неверен часто, а новый, соловьевский остановился пока со смертью Соловьева на 1-ом томе и будет выходить еще не особенно скоро³. В каждом слове его, да и не только его, а вообще греческих произведений, чувствуется какой-то особенный оттенок изящества; эту гармоничность, это $\mu\eta\delta\acute{\alpha}\nu \acute{\alpha}\gamma\alpha\nu$ (ничего слишком) нельзя вполне определить. Она даже сразу не замечается, но чем более вчитываешься, тем сильнее разгорается в книге искра духа, брошенная двойным гением: народа и писателя. Именно духа, т.к. нет ни одного слова машинного производства, каким способом фабрикуются теперь произведения по большей части. Быть может, фабричное производство удобно, даже красиво; с этим я не стану спорить, но сам я предпочитаю то произведение, на котором есть отпечаток духовности, как бы оно ни было неудобно во всех отношениях. Вот именно такое настроение и влечет меня к Рескину⁴.

19 4/X 00

Только вчера получил повестку, и сейчас пойду получать вашу посылку. Вы, кажется, послали ее как-то не так, не на главную почту, так что мне надо сначала отыскать ее, а потом приплатить.

У меня, мамочка, есть хорошая рабочая лампа, очень удобная. Не выслать ли ее вам. Мне она не нужна, т.к. в общезнания нам дают лампу.

Ремсо тетя мне писала о мельнице, но я ничего не понимаю, почему она действует только теперь. Она говорила об этой мельнице, как будто бы она находится в Тифлисе, а не у Лизы тети. Напишите мне адреса Сони тети и Городенского.

Целую тебя, дорогая мамочка, тороплюсь послать письмо.

Твой П.

19 5/X 00

Москва

¹ Это одно из важнейших в университетской переписке мест о мировоззренческой роли математики. Чаемое Флоренским мировоззрение мыслится им не только всеохватным, целостным и абсолютным (единственным), но и математическим, т.е. несущий каркас этого здания задается чистой математикой. Идеи Вл. Соловьева и Н.В. Бугаева встретились. Мысль о таком мировоззрении Флоренский развил в ноябре 1902 г. в наброске речи, которую он планировал прочесть на открытии студенческого математического кружка, созданного главным образом по его инициативе (см.: *Флоренский П.А.* Черновик выступления на открытии студенческого математического кружка при Московском математическом обще-

- стве // Историко-математические исследования. М., 1990. Вып.32-33. С. 467–473).
- ² Платон Афинский (427 до н.э. – 347 до н.э.) – древнегреческий философ, родоначальник платонизма. Около 387 г. до н.э. основал в Афинах собственную школу – Академию. Особую любовь к Платону как философу Флоренский пронес через всю жизнь. Весьма вероятно, что именно увлечение философией Платона в последнем классе гимназии определило выбор Флоренским математического отделения для получения университетского образования, ведь именно Платон в «Государстве» настаивал, что путь к подлинной философии идет через занятия математикой, и нет другого пути.
- ³ Первый том «Творений Платона» (диалоги «Феаг», «Алкивиад I и II», «Ион», «Хармид»), в переводе Вл. Соловьева с его предисловием и статьями к отдельным диалогам, вышел в Москве в издательстве К.Т. Солдатенкова в 1899 г. Второй том не успел выйти при жизни Соловьева. Для него он перевел диалоги «Протагор», «Меньший Иппий» и «Евтидем». Работу над переводами других диалогов продолжил брат покойного философа М.С. Соловьев, статьи к некоторым из них написал кн. С.Н. Трубецкой. Второй том вышел в том же издательстве только в 1903 г. с предисловием Трубецкого, в котором тот сетовал, что вряд ли кто, кроме Вл.Соловьева, мог бы действительно «дать русской литературе Платона», и говорил о «замечательной конгенитальности» переводчика и переводимого им автора. «Существующий перевод», о котором упоминает Флоренский, это: Сочинения Платона. Пер. Карпова. СПб., 1863. Ч. I–IV; М., 1879. Ч. V–VI.
- ⁴ Раскин (Раскин) Джон (1819–1900) – английский писатель и теоретик искусства. Идеолог прерафаэлитов, группы английских художников и писателей, идеалом для которых служило «наивное» искусство средних веков и раннего возрождения. Об отношении Павла Флоренского к Рёскину см.: Флоренский П.А. «Детям моим...». М., 1992. С. 60.

Творения Платона.
Из библиотеки
П.А. Флоренского

1900.X.05

Ю.А. Флоренская – А.И. Флоренскому
Тифлис. Конверт отсутствует.

5 октября

Дорогой папочка!

Как долго ты не едешь. Мы тебя уже сколько времени ждем; оттого и я до сих пор не писала, что каждый день ду-

мала увидеть тебя. Твое письмо я получила, и мне стыдно теперь того, что я писала. Это было под минутным настроением, когда я была не в духе. Ты говоришь, что поговорим, когда приедешь – но не нужно совсем говорить, ты забудь об этом письме.

Мы все здоровы, только мама устает – ей приходится готовить с Шурой все уроки.

От Павли мы получили вчера письмо, судя по нему, он довольно бодр, шутит в письме. Я послала ему, но все не могу дождаться ответа, а мне очень бы хотелось узнать о его первых лекциях, о жизни его, как студента. Обещался мне скоро написать, но все нет письма.

На днях ты от него получишь, по крайней мере, он собирался писать.

У нас в гимназии работы не особенно много, постоянно свободные часы, так что я там готовлю уроки, а дома ничего не делаю. Мне жаль только, что математика проходится так плохо; учитель наш полуживой человек, так что иногда боишься, чтобы с ним чего-нибудь не случилось в классе; конечно, при таких условиях занятия невозможны, и у нас, на математическом отделении, математика проходится хуже всего.

Мама говорит, чтобы я перешла на другое отделение, но мне кажется, что теперь уже поздно, и раз я начала, должна закончить.

Должна кончать письмо, потому что боюсь опоздать в гимназию.

Целую тебя, дорогой мой папочка.

Тв. Люся

Все дети тебя целуют.

1900.X.05

Р.П. Тавризова – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Большая Грузинская. В Общежитие студентов имени Императора Николая II. Е.В.Б. П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1900.10.06; Москва. 1900.10.11. <№ 68>

1900 – 5-го октября

Тифлис

Вчера я ходила справляться насчет посылки твоей и, конечно, ничего не узнала. Может быть, тебе необходима те-

Тифлис. Николаевский (бывший Мальтий Михайловский) мост и вид на левобережную часть города, где находился дом Флоренских. Альбом Т. Герсамия «Старый Тбилиси». Тбилиси, 1984. Рис. 106

пляя блуза, а на почте так долго задерживают. Воображаю, как хороши те несколько персиков, которые мама тебе положила!

Какая у нас чудная осень в этом году! У вас как, холодно? Ты спрашиваешь, как надо занимать двоюродных сестер – без всяких подготовлений о чем вздумается – надеюсь, тебе не вздумается спросить, что они кушали сегодня, или что-нибудь в этом роде. Да и вряд ли твои товарищи так мало опытни, чтобы не могли тебе помочь (Эрн и Семенников). Папа к нам приедет скоро, как он обещал, на целый месяц.

А насчет спора вашего ничего не могу сказать¹; может быть, ты и не признанный гений, а в чем дело, мы никто не поняли – если ты должен, они твои – или тебе должны – будь я там, решила бы просто: очевидно, кому-нибудь из вас были нужны эти 16 коп. в данную минуту, и я бы снабдила, и вопрос разрешен.

Маргарита уже устроилась в Баку, ждет скоро Хр<истофора> Алек<сандровича> и приглашает меня к себе.

Дома все здоровы. Андрей только теперь говорит «мама» и что-то вроде «папа», у него 4 зуба.

Шурка пока занимается так себе: по одному и тому же предмету есть 5 и 2. Все-таки он еще ребячлив, потом свыкнется и отнесется серьезнее. Скажи Коле, что Варвара

Никол<аевна> уже ждет писем от него. Пожалуйста, Павля, когда ты пишешь кому бы то ни было из нас, сообщай всегда и о Коле, что он здоров и ты его видишь.

Напиши, как вы довольны обществом друг друга.

До свидания. Целую тебя.

Передай привет твоим товарищам и С. Френу.

Твоя Р. Т.

¹ Предмет спора неясен.

1900.X.06

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Е.В.Б. Павлу Александровичу Флоренскому. Большая Грузинская. Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Штемпели: Тифлис. 1900.10.07; Москва. 1900.10.12. <№ 69>

6 октября

Тифлис

Наконец-то я получила от тебя письмо, дорогой Павля! А я уже думала, что ты забыл о моем существовании. С одной стороны, мне было очень приятно получить его, так как я нашла там именно то, что я думала сама, с другой же стороны, я должна сказать, что ты не так меня понимаешь. Я действительно недовольна этой жизнью, действительно разочарована, если можно так выразиться, но не тем, что ты думаешь.

До сих пор я не жила, а как-то спала, и грезила во сне райскими садами, где бродят люди-идеалы. Узнать сразу все «несовершенство жизни и людей», конечно, было очень трудно, и мне пришлось перенести слишком много разочарований и в окружающем и в себе самой, так что вся моя сила и уверенность в себе подорваны. Я хочу заниматься медициной – между тем я сознаю, что беру на себя слишком много ответственности, которой могу не вынести, а потом другим я заниматься положительно не могу при всем моем желании.

Теперь у меня педагогическая специальность – но зачем, право, не знаю! Давать – гимназия почти ничего не дает, а между тем мы получим права и многие даже места учительниц. Что же мы знаем? Неужели мы имеем право создавать людей? Педагогическая деятельность так ответственна, так

много зависит от педагога, а между тем никто этого не хочет думать. Меня возмущает это бессердечие, это отношение к учащимся.

Учитель, потому что ему нужно есть хлеб, берется образовывать новое поколение, т.е. отметить по книжке «откудова и докудова» выучить и поставить свою все решающую для умника и ничего незначащую для него единицу. Думает ли кто-нибудь о том, сколько страданий, сколько жизней духовных и физических зависит от учителя. Мне часто хочется сказать всем этим учителям, что они кровопийцы, поддерживающие *одну* свою жизнь, и даже *полжизни*, жизнью сотен других существ, только на том основании, что эти существа еще малы, и требуют знаний, образования.

Быть может, я смешно выражаюсь и слишком наивно, но по смыслу – преступление братья за педагогическую деятельность, когда не имеешь на это права. Я сама лично не имею этого призвания – следовательно, не имею права и думать о такой деятельности. Я хочу заниматься медициной, но разве я знаю, что такое медицина? Разве смогу я любить то, чего не знаю?! И, наконец, имею ли я право этим заниматься.

Я сознаю, что я неразвита, чтобы не сказать, глупа, что я смогу жить только для того, чтобы жить – ни в каком случае не могу никому принести пользы. Между тем я занимаю место, я, так или иначе, отнимаю у окружающих их часть – их силы, не давая ничего взамен. На каком же это основании? Имею ли я право жить?

Скажу о самом простом, о деньгах: быть может, у кого-нибудь из наших детей есть талант, кто-нибудь из них может быть выдающимся человеком, но может только при известных условиях: внимании к нему, образовании и т.д.

Я же отвлекаю это внимание, требую и себе всего того же, что получают они, и в результате вместо одного человека, являются сотни паразитов, живущих на чужой счет.

Ты говоришь, что идея человека – это он сам. Будь я уверена в этой мысли, я должна покончить с собой, а покончить с собой – по-моему, это в высшей степени несообразно, и раз я признаю себя человеком, я не имею права этого сделать и в отношении себя, и в отношении других.

Вот и является несообразность: чувствуешь, что нельзя жить – нельзя умирать – остается полужизнь-полусмерть, как и живут все окружающие, какое-то остывание, которое не отвечает ни той, ни другой цели. Человек не хочет

уступить своего места другому, пока смерть не потащит его сама, и пользы сам тоже не сможет приносить.

Что будет в будущем, это еще Аллах ведает (может быть меня не будет и на свете), а в настоящем полная пустота. Летим в бездонную пропасть, надеясь зацепиться за какой-нибудь кустарник¹, а встретится ли он сам!

Извини, что я тебе не написала ничего о наших. Папа пока в Кутаисе, но на днях приедет, он уже получил отпуск на целый месяц, так что письма пиши ему сюда. Папа бедный мучается и страдает за нас всех и себя, и как облегчить его страдания, я не знаю. Что очень тяжело ему, это видно по всему – такой он последний год худой, бледный, больной.

Получил ли ты, наконец, посылку? Все это там, должно быть, давно сгнило. Лиза тетя заготовила много чурчхелы и хочет тебе выслать.

Кланяйся или целуй (не знаю, что будет удобнее) бабушку и дедушку. Часто ли ты у них бываешь? Каковы они. Сегодня Варвара Николаевна рассказывала, как Коля собирается поразить их блеском своего мундира и шпаги. Желаю успехов.

Благодарю Колю, что вспомнил нас. Передай, что теперь «я приказываю» тебе ему кланяться от меня и нас всех. Кланяйся и другим.

На каком факультете Эрн, и вместе ли вы опять с ним, или ближе с Колей?

Сейчас «тетушка» ушла от нас и шлет поклон своему сыну и племяннику (мнимому).

Андря говорит, наконец: «мама» и что-то подобное «папа».

Кланяйся Нине и Эличке, когда их увидишь; как устроишься Эля, принята ли на курсы?

<нрзб.> напиши письмо Лизе-тете: адрес: Тертер (Елисаветпольской губернии) Е. П. М.-Б. (Ханаля)

<нрзб.> мы целуем тебя.

Твоя Люся

Адрес Сони-тети:

Баку, Отделение Тифлис

Коммерческого банка

Н. Р. Карамян для С. П.

¹ По-видимому, это аллюзия на образ из «Исповеди» Л.Н. Толстого, когда речь идет о путнике, застигнутом в степи разъяренным зверем. Спасаясь, путник вскакивает в безводный колодезь, но на

дне его видит дракона, готового наброситься на него. Несчастный путник ухватывается за ветви дикого куста. Руки его слабеют, он оглядывается и видит, как две мыши, белая и черная, подтачивают ствол куста. Путник понимает, что он неминуемо погибнет; но пока он находится на листьях куста капли меда и лижет их. Далее автор пишет: «Так и я держусь за ветки жизни, зная, что неминуемо ждет дракон смерти, готовый растерзать меня, и не могу понять, зачем я попал на это мучение. И я пытаюсь сосать тот мед, который прежде утешал меня; но этот мед уже не радует меня, а белая и черная мышь – день и ночь – подтачивают ветку, за которую я держусь. Я ясно вижу дракона, и мед уже не сладок мне. Я вижу одно – неизбежность дракона и мышей, – и не могу отвести от них взор. И это не басня, а это истинная, неоспоримая и всякому понятная правда» (Толстой Л.Н. Собр. соч. в 20-ти томах. М., 1964. Т. 16. С. 108). Вообще дух Толстого витает над этим письмом. В своих воспоминаниях Флоренский писал, что, готовя реферат для устроенного совместно с Г.Н. Гехтманом научного кружка, он «столкнулся с рукописной “Исповедью” Толстого и даже переписал ее». П.А. Флоренский запомнил: «Исповедь», хранившаяся у него, переписана не им, а вот «Царство Божие внутри вас» действительно законспектировано им (см. на с. 33). Весьма вероятно, что сестра была знакома с этими конспектами.

1900.X.09

Е.П. Мелик-Беглярова – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Общежитие Императора Николая II. Большая Грузинская. Его Высокоблагородию Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тертер Елисаветпол. 1900.10.10; Москва. 1900.10.16. <№ 70>

9 октября [1900]

Ханаля.

Дорогой Павлуша!

Наконец-то ты вспомнил свою старую тетю и написал несколько слов. Я уже просила маму твою сообщить мне твой адрес.

В другой раз не пиши открытого письма. Мало что можно узнать. А мне интересно, как живется тебе, как проводишь свободные дни и как нравится тебе студенческая жизнь.

О Христофоре более месяца я сама ничего не знаю. Не знаю, как пошли его экзамены. Маргарита в Баку и пока еще не совсем устроилась.

Давид занят хозяйством и очень интересуется этим делом, но тяжела его жизнь здесь. Он не прочь найти по хозяйству место в России. Даже собирается послать объявление в сельскохозяйственную газету «Хозяин». Пожалуй,

лично для него было бы недурно, а мне будет очень скучно без него.

Дом наш строится и никак не достроится. Может быть, я как-нибудь соберусь в Тифлис, но пока неизвестно когда.

Пишут ли тебе сестры? Наконец у нас настали теплые дни, а то целое лето было дождливое.

Посылаю тебе коробку инжира и несколько чурчхел – деревенский гостинец. О получении сообщи.

Передай мой поклон Пекок. Целую тебя крепко, мой милый мальчик. Береги свое здоровье.

Твоя тетя Лиза.

1900.X.11

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Среда 11 октября. [1900]

Милый Павля, вчера получила твое письмо. Из французского я прохожу 11 параграф, а всего параграфов 15. Из арифметики сегодня, верно, я начну именованные числа на все четыре действия. Получил ли ты мое третье письмо? Здесь сейчас холодно. Есть ли в Москве лед?

Профессор Допотопнов. Продолжение.

Лорд Пуцкинс удивленно приподнял брови. – Я уже 20 лет ломаю себе голову, чтоб найти средство отстранить неизбежную катастрофу, которая будет от размножения людей. И вот я из ваших приключений узнал о напитке Нурредина. – Ничего не понимаю! – Я коротко объясню вам, в чем дело. Земной шар имеет около 9 географических миллионов миль. Больше половины занимают океаны, леса и горы. Для житъя остается около 2 10 000, всех людей около полутора миллиардов. И на каждую милю приходится около 750 людей. Теперь еще можно мириться с таким положением. Но в течение 10 лет люди увеличатся в 8 %. Через 100 будет 6 миллиардов. Все это очень хорошо или, вернее, очень плохо, и какое отношение имеет к напитку Нурредина? – Очень близкое! Эта жидкость увеличивает почву. Ведь она уменьшает рост в 120 раз, и земля для нас увеличится чуть ли не до размеров солнца. – Правда! Поразительно

простая мысль. – Желаю вам как можно скорей основать фабрику индийского эликсира... – В этом-то я рассчитывал на вашу помощь, – ответил Джеймс Льюнсбюрни. – Чем я могу услужить вам? – Надо разыскать Нурредина и вырвать у него драгоценную тайну. Мы толковали об этом с доктором Тайлором. И решили, что не можем обойтись без вас. Ах, вот и он кстати! – Простите, я ухожу, – сказал лорд, но сэр Льюнсбюрни его удержал, и позвал д-ра Тайлора. – Мы сейчас говорили с лордом о нашем великом проекте. Как вы думаете, могли бы все народы выпить этот напиток в один день? – Отчего же? Могли бы! – Важно ответил д-р Тайлор. – Конечно, это связано с затруднениями. Нужно разумно организовать дело: разделить весь земной шар на области, надо разослать напиток в самые глухие места, не исключая полюсов. – Это зачем? – Чтобы нигде не осталось нынешних людей. Потому что один такой великан в приступе радости или злости в 1 час был бы способен раздавить 100 таких городов, как Лондон. Один ребенок мог бы затмить славу Чингисхана и Наполеона. – Правда, – заметил огорченный сэр Льюнсбюрни. Лорд, прищурив глаза, поглядывал то на одного, то на другого.

– Продолжение будет.

Милый Павля, прощай. Гося еще не умеет писать. У тебя на грядке была кукуруза. Листья падают.

Целую. Твоя Валя.

1900.X.13

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Студенческое общежитие имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1900.10.15; Москва. 1900.10.20. <№ 81>

Тифлис

13 октября [1900]

Милый мой Павличек.

С большим удовольствием получаем твои письма и радуемся твоей полной, занятой жизни. Если ты сумеешь не скучать и устроить себе сносную жизнь, мне больше ничего и не нужно от тебя.

Вчера приехал к нам папа на целый месяц в отпуск. Он здоров, насколько это слово допустимо относительно его распатанного организма. Мы с ним много вспоминаем тебя.

Баку. Набережная.
Почтовая карточка.
Изд. Фото Кинотреста.
1920-е гг.

Думаю, что будет хорошо, если ты приедешь к нам на Рождество вместе с остальными твоими товарищами, и надеюсь, что это можно будет.

Папа и я находим, что ты напрасно не взял себе отдельной комнаты, а поселился с товарищем. Это может быть стеснительно для тебя относительно занятий, а дружба ведь несколько не пострадает, а даже выиграет при отсутствии чересчур большой близости. Если ты это сделал из-за средств, то напрасно. Нам вовсе не хочется, чтобы ты чувствовал недостаток в чем-нибудь.

Извини, что так плохо удружила тебе с посылкой. Воображаю твою досаду на напрасную потерю времени. Постараюсь в другой раз быть повнимательнее.

Маргарита в Баку. Адреса ее мы пока не знаем. Адрес Сони тети: В Бакинское Отделение Коммерческого Банка Н.Р. Карамяну для передачи. Ремсо тетя и Люся ответят тебе сами на твои письма. Папа тоже. Дети целуют тебя. Андрюшин портрет еще не можем прислать, так как не снимали. Думаю, что лучше подождать еще месяц, когда личико его станет осмысленнее. Теперь же он очень мило указывает по стенкам на портреты, вытянувши пальчик и приговаривая: ай!

Детьми мы чрезвычайно довольны, так они мило себя ведут все. Лиля ко всякому делу и вопросу относится с полным увлечением. Иметь такую ученицу может быть большою радостью для всякого учителя, так много смысла и старания вкладывает она в свои занятия.

Про Шуру тоже плохого нельзя сказать, хотя и получил уже несколько двоек. Он еще не приноровился к школьным порядкам, и в этом вся причина. Но довольно. Уже поздно, и я только теперь улучила время, чтобы написать это бессвязное письмо. Целуем тебя все. До свидания, милый мальчик. Получил ли ты деньги? Мы будем тебе высылать каждый месяц.

Твоя мама

1900.X.16-17

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогой мамок!

Я что-то давно уже не получаю от тебя писем и начинаю беспокоиться. Прошел ли твой палец? Непременно напиши мне скорее ответ. Нового у нас ничего нет. Только в университете с полугодовыми зачетами ужасная казенщина, так что начинает иногда хотеться сдать все как попало, лишь бы только поскорее отвязаться. Я взял себе сегодня реферат по физике для зачета, но такие на него казенные требования, вдобавок слишком маленькие, что писать как следует, вероятно, не придется и не захочется. Настоящего знакомства я пока ни с кем не свел, сегодня только познакомился со своими соседями, из которых один очень недурно играет на цитре. Поэтому мне показалось интересным присоединиться к ним. 19 16/X 00.

Наша университетская среда, в общем, кажется мне очень несимпатичной, особенно на нашем факультете и курсе. Правда, заметить в какие-ниб<удь> 1 ½ месяца людей интересных при полном незнакомстве друг с другом почти невозможно. Я надеюсь и даже уверен, что таких довольно много, но в общем, ничего «университетского» у студентов нет. ^¾, если не больше, с нашего курса готовятся держать экзамены в специальные заведения, а что это значит, тебе, конечно, известно. На других факультетах (я бываю довольно много с филологами) большинство даже о карьере не думает, а так просто прозябает. Зато если уж найдется несколько человек знающих и занимающихся, то они вполне справедливо смотрят на себя, как на *exemplum unicum*¹ и даже друг друга не удостаивают лишнего слова. Бывают, напр<имер>, такие сцены. Приходят почти одновременно

двое людей занимающихся. Они знакомы друг с другом, надо поздороваться. Но как? Кто подойдет первым? И вот, выступая по ½ шага вперед они сходятся на нейтральной почве и, не уронив своего достоинства, важно подают руки, а потом тем же порядком расходятся. Или вот еще случай: Один, уже не помню справедливо или несправедливо упрекнул другого в том, что он употребил вместо «трансцендентальный» – «трансцендентный», а может быть, и наоборот. Положим, это ошибка важная, но эти термины путали и сам Кант, и Шопенгауэр². Тот глубоко оскорбился, и дело чуть не дошло до настоящей драки.

Конечно, есть и другие, хотя и занимающиеся. Но тут, мне кажется, мы имеем дело с новой разновидностью философии и науки с салонным оттенком. А, впрочем, может быть, что это и не так. Кто разберется во внешних проявлениях чужой души?

Приехал ли к вам папа? Мне надо отвечать ему да не знаю, как собраться со временем.

Что делает Андрюшка (правильнее: что с Андрюшкой делают?)? Бабушка вам всем кланяется и целует вас. Ей теперь хуже, да и Готлиб Федорович не вполне здоров. Вчера она передала мне несколько писем дедушки. Быть может папа захочет, чтобы я прислал их ему?

Варваре Николаевне кланяйся от меня и скажи, что Коля здоров и, по видимому, доволен всем. Она, кажется, спрашивала, часто ли мы с Колей видимся. Я не знаю, почему ей от этого более или менее беспокоиться, но скажи, что более чем часто, почти целый день непрерывно. Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас. Тороплюсь.

Москва 19 17/X 00

Твой П.

¹ *exemplum unicum* (лат.) – единственный экземпляр.

² Кант настаивал на том, что термины «трансцендентальный» и «трансцендентный» – не тождественны (см.: Критика чистого разума // Собр. соч. в 8-ми томах. М., 1994. Т.3. С. 272).

«Филолог».
Худ. Н. Найдин.
Почтовая карточка из серии «Типы студентов». № 88.
1911 г., Киев

Трансцендентальное – это априорное, до-опытное, но обнаруживающее себя изнутри сферы опыта как условие возможности опыта и знания (например: априорные формы чувственности – пространство и время, категории – отношение причинности и др.). Трансцендентное – это лежащее за границами всякого возможного опыта, и как таковое – недоступное теоретическому познанию (вещь в себе), но являющееся предметом веры (например: Бог, душа, бессмертие). Подробнее о понимании Флоренским соотношения трансцендентального и трансцендентного см.: Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 713–714.

1900.X.17

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

С.-Петербург. Конверт отсутствующему. <№ 60>

Дорогой Павлуша!

Когда я получил твое первое письмо, меня взяла злость, и я написал ответ в резком тоне, но потом раздумал и письмо спрятал в комод; через неделю (приблизительно) злость моя утихла, и мне захотелось поделиться с тобой питерско-университетскими впечатлениями; я даже написал около трех страниц, но не послал. Твое последнее письмо, эти десятка два строчек совершенно изменили мое настроение: хоть я и оправдал тебя в своих глазах, понял, каким настроением вызвано было твое письмо, но неудовольствие исчезло совершенно только теперь. Так ты и знай, что меня всегда можно взять искренним тоном, это моя слабость. Насчет того, что Христос не может не быть, я не согласен, пока не приступил к изучению Соловьева, что нужно скоро сделать; кстати, знаком ли ты с ним?¹ Мне кажется, что ты согласился с ним во многих пунктах. Тут я познакомился с одним студентом, рьяным соловьевцем; это удивительно начитанный господин, особенно в русской философии; он аскет в Соловьевском смысле, вегетарьянец, дышит через нос, ходит без пальто и уверяет, что единственная возможная метафизическая система – это система Владимира Соловьева. Он меня так заинтересовал, что я постараюсь одолеть основной труд Соловьева «Критику отвлеченных

«Математик».
Худ. Н. Найдин.
Почтовая карточка из серии «Типы студентов». № 96.
1911 г., Киев

начал». На филологическом факультете под руководством Лаппо-Данилевского² ведутся раз в две недели «беседы»: читается какой-нибудь реферат, а после прения; на последней беседе к моему крайнему удовольствию договорились до моей задушевной мысли, что нет и не может быть системы обязательно-необходимой, т.к. исходные точки всякой догматичны; соловьевец, о котором я говорил, не согласился с этим и обещал на следующее заседание представить реферат, в котором изложит метафизику, для всех логически обязательную.

Поклон Эрну, пусть извинит, что до сих пор не написал ему.
Прощай твой А. Ельчанинов
1900/Х/17

Письмо, которое я не послал; <две строки карандашом неразборчиво>.

Не писал я тебе, т.к. ждал накопления материала, во-первых, а, во-вторых, не знал, что тебе интересно; но материалу так много, что я просто трескаюсь по швам и не обращаю внимания на «во-вторых». Я, конечно, мог бы поделиться всем «моим изобилием» с Соколовским или Гехтманом, но не хочу им писать, т.к. не получил пока от них ответа на мои последние письма. Собственно говоря, дело обстоит немного иначе: получив твое übermensch'евское³ письмо, пропитанное холодом в -20° по С, я взбесился и написал довольно резкий (неосновательный) ответ, но потом раздумал послать (если хочешь, пришлю, но, конечно, не как показатель моего теперешнего настроения, ибо «я кроток и смирен сердцем»), а о тебе слышал из косвенных источников, что ты хандришь. Самое большое, что

<Отсутствует страница>

педагогических теорий, рассматривая их как философские течения. 5) Лосский⁴. Психология воли и чувств, покамест прочел лекции 3-4. 6) Вознесенский⁵. История схоластики. 7) Нечаев⁶. Педагогическая психология. В будущем году прибавятся психология и логика. Я слушаю почти исключительно этих, а на историю, литературу, языки пока не хожу, чтобы не разбрасываться.

¹ Вопрос Ельчанинова: «знаком ли ты с Соловьевым?» – вряд ли нужно понимать буквально. Интерес Флоренского к Соловьеву не вызывает сомнений, как не вызывает сомнений и замечание Ельчанинова, что Флоренский оказался в согласии с Соловьевым «во многих пунктах». В данном случае, возможно, речь идет о знаком-

стве с системой метафизики Соловьева и основными его сочинениями, например, с той же «Критикой отвлеченных начал», о которой упоминается далее в письме, однако, скорее всего, этот вопрос носит иронический характер.

² Лапшо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – историк, профессор С.-Петербургского университета.

³ Übermensch (нем.) – «сверхчеловек», употребляется Ф. Ницше в книге «Так говорил Заратустра» и других сочинениях.

⁴ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) – религиозный философ, историк философии. С 1900 г. приват-доцент кафедры философии С.-Петербургского университета.

⁵ Вознесенский Павел Иванович – приват-доцент Петербургского университета. Читал курс лекций по истории схоластики.

⁶ Нечаев Александр Петрович (1870–1948) – психолог, философ и писатель, один из основоположников экспериментальной психологии в России. В те годы приват-доцент философии и психологии С.-Петербургского университета.

1900.X.19

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Студенч. общежитие имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1900.10.20; Москва. 1900.10.25. <№ 82>

19/X 1900

Тифлис.

Дорогой мой, как видишь, я уже в Тифлисе и пробуду до 15 ноября. Твое письмо маме и тете – получили. Жду от тебя с нетерпением писем с вестями о твоей жизни, работах. Попал ли ты на курсы других факультетов, на которые желал. Меня очень интересуют твои идеи о значении прерывных функций в физическом мире: вопрос до сих пор нетронутый, кажется, никем. А между тем: это вопрос первостепенной важности, который хотя я и считаю пока неразрешимым, но подготовить кое-что для будущего я думаю можно. Мне кажется, что кое-что могут в этом отношении дать ряды химических элементов Менделеева. Что-то мелькает у меня в голове, но так туманно, неясно, что даже не имею возможности выразить своих мыслей. Да и думать некогда и поздно.

Вероятно, тебе будет трудно привыкать к московской зиме в первый год. Здесь еще совсем тепло, и в садах цветут розы; а хризантемы без конца.

Дети тебе кланяются; вообще, ты оставил по себе у них большую память. Очень сожалею, что ты так мало пишешь

Люсе. Я тебе уже уяснял, почему это имеет для нее, а следовательно, и для нас, большое значение. Она живет мечтами не дома, а в будущем. До свидания, мой дорогой. Твой отец.

1900.X.21

М.Н. Городенский – П.А. Флоренскому

Конверт: г. Москва Большая Грузинская ул. Общежитие студентов Николая II. Ст-у П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1900.10.22; Москва. 1900.10.27. <№ 83>

21 октября 1900

Дорогой Павлуша!

Изумился я, прочитав твое долгожданное письмо, и опечалился. Изумился при виде букв, которые далеко оставляют за собой твои прежние выкрутасы; с позволения сказать, это уже не письмо, а Бог знает что такое. А опечалился я, сделал открытие, что в обращении со мной «нужна осторожность, чтобы не написать чего-нибудь нежелательного». Признаюсь, эти твои доподлинные слова поставили меня в тупик. Осторожность требуется в обращении с агентами Тайной Полиции, с профессиональными шантажистами и вообще с лицами, переписываться с которыми никто не пожелает по доброй воле. Если твоя осторожность касается тех пружин, которые на полгода заперли тебе рот, то скажу откровенно, – это меня радует: возвращаться к этому предмету бесполезно, потому что мне уже поздно рядиться в зипун и шутовской колпак, а ты, как видно, не в силах расстаться с ними. И вообще, я должен тебе сказать, что эта тема, кроме уныния, никакого удовольствия мне не доставляет, так что ты мог бы не упоминать о ней хоть из жалости ко мне.

О себе не могу сообщить ничего утешительного. Болел воспалением легких, экзаменов не сдавал, получил выпускное свидетельство, уехал из Петербурга, приехал в Тифлис, поселился в нем и буду жить до тех пор, пока не подует попутный ветер. От нечего делать занимаюсь науками довольно прилежно и, если наковыряю средства, поеду весной в Петербург сдавать экзамены. Кстати о науках. Чего ради пришла тебе в голову фантазия слушать начертательную геометрию? Это – сборник правил и условных положений, не нужный вовсе для чистой науки и не представляющий никакого самостоятельного интереса; слушают ее только те из студентов, которым не дают спать лавры технологов, архи-

Санкт-Петербург.
Охтенский мост.
Почтовая карточка
1910-х гг.

текторов и других технических профессий. Этим есть смысл, а тебе на что? Другое дело, если бы ты захотел помочь мне кой-какими специальными указаниями при постройке многоэтажного дома, который советуешь выстроить на окраине города (неизвестно, впрочем, для какой надобности). Теперь я начинаю догадываться, что ты пошутил, потому что кто же решится на Таковую Штуку: выстроить дом и одновременно жениться – разврат и мрачное злодейство! Ах, Павлушка, если бы ты знал, какой ты еще комик, невзирая на твой синий воротник, и с каким бы удовольствием я зашекотал тебя до полнейшего изнеможения сил (твоих, конечно). Хочешь сердись, хочешь нет, но уж доберусь я до тебя когда-нибудь, и будет у нас здоровенная драка с затрещинами, подзатыльниками и неизбежной ругатней. А покамест даю тебе торжественное обещание не покидать «фальшивого тона» и «насильственной насмешливости» до тех пор, пока ты не забудешь свою осторожность. Кстати позабудь и про мою гениальность: черт с ней, если она приобрела мне такого сердитого «поклонника», который чуть не лезет в открытую драку с предметом своего поклонения. Впрочем культ всевозможных «обещаний» в духе институток, а общежитие для г<оспо>д студентов – тот же институт благородных девиц (только без древних...). По крайней мере, в Петербурге оно пропитано кумовством и уже настоящим развратом.

Ну, прощай, злюка. Не ленись писать вещи приятные и забавные, а на мрачную ахинею будь скуп, как Гарпагон.

Твой М. Городенский

1900.X.22

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Студенческое общежитие имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1900.10.25; Москва. 1900.10.30. <№ 85>

Тифлис

22 октября

Милый мой Павлик.

Сегодня мы ждали письма от тебя, но не получили. Я и сама не писала тебе давно, так как была как-то не в настроении.

25 Октября. Вчера мы, наконец, получили твое письмо. Я много смеялась, читая твои картинки из университетской жизни. Видно все-таки, что не так-то легко освоиться с новой средой, а вернешься сюда, наверно, будешь скучать по московской деятельной жизни.

Сегодня у нас выпал первый снег, и невольно заставил вспоминать Москву и тебя. Воображаю, как тебе холодно. Купил ли ты себе теплые вещи? Получил ли деньги, ты не пишешь ничего. Папа здесь, в отпуску. Он все какой-то невеселый, не бодрый. Лиза тетя все еще в деревне. Собирается к нам, но когда приедет, мы еще не знаем. Маргарита устраивается в Баку. Христофор Александрович выдержал уже экзамены и теперь, вероятно, тоже в Баку. Об остальных домашних не могу сообщить тебе ничего нового. Дети все учатся довольно старательно, но Шура не успел еще хоро-

Москва. Кремль.
Троицкие ворота.
Почтовая карточка
1910-х гг.

шенько освоиться с гимназией и порой получает двойки. Я думаю, что, в конце концов, он поставит себя хорошо, так как довольно серьезно относится к делу. Поклон тебе от всех. Целуем тебя. Твоя мама

Пожалуйста, не обрезывай себя в пище и одежде. Если что нужно, пиши.

Твоя мама

1900.X.22

Р.П. Гавризова – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва Большая Грузинская, в Общежитие студентов имени Николая II Е.В.Б. Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1900.10.23; Москва. 1900.10.29. <№ 84>

1900-го года 22 октября

Тифлис

Дорогой Павлушенька,

твое письмо от 13-го я получила. Мне кажется, что тебе часто пишут, ты же говоришь, что редко получаешь. Лизы тети нет еще здесь; она одна в деревне. Давид уехал в Баку познакомиться с Христофором Алекс<андровичем>, который, наконец-то, освободился от всяких экзаменов и с дипломом вернулся в Баку.

Я тебе сообщала относительно нашей мельницы, потому что в то время меня это очень интересовало – она только теперь стала молотить, и она у нас с Давидом одна в деревне, а не в Тифлисе; она в прошлую зиму даже не была готова. И как это ты не забыл об этом?

Ты соблазняешь меня Москвой, «и рада бы в рай да грехи не позволяют». Скоро ты приедешь сюда – осталось меньше двух месяцев до рождественских праздников. – Папа здесь уже неделю, пробудет еще три.

Немецким языком пока и я не занимаюсь – изредка сама, да и то мало. Все-таки я уверена, что ты больше сделал за это время, чем я знаю.

Скажи, надоело тебе в Общежитии или свыкся? Где ты бываешь? Ты вовсе не пишешь, а интересно, с кем встречаешься.

Холодно, должно быть, теперь в Москве. Вчера Шура с гимназией и Ягуловым был в Караязаке, остался очень доволен прогулкой – со своей музыкой и директором ученики

поехали на освящение переселенческой школы. Ему пока хорошо, хотя учиться неважно и все оправдывается, говоря, что и ты первый год получал 2-ки и т.д.

До свидания, милый Павля, целует тебя твоя Ремсо тетя.

1900.X.24

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Вторник 24 октября 1900 г.

Милый Павля,

получил ли ты все мои четыре письма? Если ты не получил письма, в которых было написано про Допотопнова, скажи. Писем с этим рассказом было два. Здесь очень холодно, но льда еще ни разу не было. Иней здесь был только пять, шесть раз. Какая погода в Москве. Теперь у нас папа, он приехал на месяц, а у нас он уже был почти полмесяца. Лиза тетя опять прислала нам ящик яблок и бочонок вина. Теперь я буду продолжать этот рассказ.

Профессор Допотопнов. (Продолжение).

Вы забыли о зверях, – сказал Пуцкин серьезно. – Вы правы, сказал Джемс. – Этой беде можно помочь, – изрек д-р Тайлор. Надо в назначенный день поймать всех зверей и заставить их выпить напиток Нурредина. Лучше всего утопить всех животных и оставить только полезных, сказал Джемс. – Пуцкин много раз хотел уйти, но его все останавливал Джемс. Наконец он сумел уйти, когда они очень увлеклись этим разговором. Он кое-как ушел в ближайшую кофейную. Едва уселся он в самом дальнем углу залы, как ему в глаза бросился его же портрет на первой странице лежавшей тут же газеты. Взбешенный лорд швырнул газету в лакея, который нес ему кофе. Не успел он сделать двух шагов, как услышал за собой голос: «Вон гляди, идет лорд Пуцкин. – А это тот, который был лилипутом? Жаль, что ты не указал мне на него раньше. У меня есть к нему дело». Испуганный лорд выбежал на улицу, сел на первый попавшийся экипаж и велел извозчику ехать как можно скорей. Когда он опомнился, то воскликнул: «Нет, так больше жить нельзя! Неужели нет спасенья? Ах, как я мог забыть своего друга, д-ра Мухоловкина! Решено! Я еду в Варшаву!»

III.

Дня четыре спустя лорд вступал в мирную обитель нашего энтомолога. Можете себе представить, какой это был сюрприз для любезного хозяина. Скажите, друг мой, спросил лорд, напечатали ли вы наши приключения? – Да, ответил, краснея д-р. – И вы еще здесь! – С удивлением воскликнул лорд. – Где же мне еще быть? Как видите, работаю над своей монографией. – Значит, вам дают работать? Кто же может мне помешать? Кто? Спрашиваете вы, кто? Конечно ваши читатели! – Помилуйте! – Значит, вас не забрасывают письмами с поздравлениями, не устраивают в честь вас вечеров, маскарадов, дамы не наряжаются кузнечиками, бабочками, пауками, не добиваются ваших портретов и не помещают портретов в магазинах, – одним словом не терзают вас на все лады? – Нисколько! – В скольких же изданиях разошлась ваша книга? – В изданиях? спрашиваете вы. Я сомневаюсь, разойдется ли когда-нибудь первое. – Вы шутите! Неужели газеты обошли вашу книгу молчанием? – Наоборот! некоторые дали самые лестные отзывы. – Чему же приписать это спокойствие? У нас много текущих вопросов и некогда заниматься научными открытиями.

Продолжение будет.

Дома все здоровы. Идет дождь. Прощай, дорогой Павля, целую тебя. Напиши ответ.

1900.X.25

П.А. Флоренский – А.И. Флоренскому

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогой папочка!

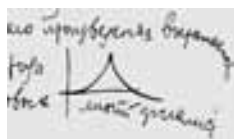
То, что ты просишь написать, именно о физическом значении прерывных функций, я попробую, но могу ограничиться только некоторыми намеками, тем более что и математики я не знаю, и этим вопросом не занимался по этой же причине.

Относительно необходимости применения именно прерывных функций к системе Менделеева я знал уже несколько лет тому назад по той простой причине, что сам Менделеев («Основы...» С. 461–463)¹, перечисляя способы выражения периодической системы, замечает, что «действительный периодический» закон не отвечает по-

следовательному изменению свойств с последовательн<ым> изменением атомного веса, словом, он не выражает функцию непрерывную, а как закон чисто химическ<ий>, исходящий из понятий атомов и частиц, соединяющихся в кратных отношениях разрывно, а не сплошно и кратно, как такой закон, он, *прежде всего*, опирается на формы соединений; их немного, они арифметически просты и *повторяются*, они переходов непрерывных не представляют, а потому в каждом периоде содержится лишь определенное число периодов. Периодическ<ий> закон поэтому следует выражать не геометрическими фигурами, всегда подразумевающими сплошность, а в роде того, как поступают в теории чисел». В числе таких попыток он упоминает попытки Mills'a выразить атомные веса показательными функциями $[A=15n - 15(0,9375)^t]$. n и t *целые* числа; для O $n=2t$; $t=1$; для Sb $n=9t=0$. etc]. Флавицкий и Rudberg изображали эту зависимость функц<иями> тригонометрическими; Чичерин дал такую формулу: объем атомов щелочн<ых> металлов $= A(2 - 0.042^A)$ и т.д. Особенное внимание Менделеев обращает <на> соответствие между элементами и сложными углеродистыми радикалами.

Мне очень приятно, что мои мысли совпали с мыслями нашего Бугаева; он постоянно на лекциях (конечно, не в такой резкой форме, чтобы можно всем было заметить), в особой статье («Вопросы философии и психологии», 1899 Ноябрь[?])² напирал на тот пункт, что математика состоит из двух равноправных частей – Анализа и Аритмологии, что далеко не всё исчерпывается непрерывностью, что последняя есть только более частный случай прерывности, что, наконец, слишком блестящие успехи Анализа вскружили голову математикам и они переувлеклись...

Но, в самом деле, примеров много. Еще давно мне казалось несовместимым с идеей непрерывности понятие спектра (фраунгоферовы линии)³, внезапного скачка потенциала при соприкосновении металлов, внезапного изменения состояния тел при переохлаждении, перегревании. Особенно любопытен спектр Rowland'a⁴, висящий частями у нас в аудитории, тем более убеждаюсь, что тут именно скачки. Фраунгоферова линия может делить на десятки тысяч других, но никогда границы ее не делаются расплывчатыми. Да, вся психо-физика, вся эстетика, с какой бы точки зрения последнюю ни рассматривать, именно основана на движении

скачками⁵. Мне кажется (это, конечно, просто гадание), что «идеальность» художественного произведения выражается, примерно, кривой такого рода.

Относительно фраунгоферовых линий делались некоторые попытки. Приведу несколько примеров. Balmer дал для серий линий водорода формулу такого вида:

$$\Lambda_n = A \frac{n^2}{n^2 - 4}, \text{ где } A = \text{const}, n = 3, 4, 5, \dots 15 \quad A = 3647,20.$$

По Kaiser'у и Runge спектральные линии выражаются так:

$$\frac{1}{\Lambda_n} = A + Bn^{-2} + Cn^{-4} \quad n = 4, 5, 6, \dots 11.$$

Новая формула Balmer'a

$$\Lambda_n = a \frac{(n + c)^2}{(n + c)^2 - h}; \quad a, b, c - \text{постоянные}^6.$$

Всем этим попыткам никакого особенного самостоятельного значения не придаю, но они мне могут сослужить некоторую службу для совсем иных целей.

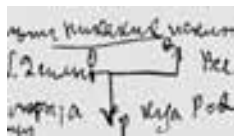
Конечно, полезно и интересно решить частные вопросы, показать, как есть на самом деле. Но сейчас мне *нужно* не то. Я хочу только показать возможность существования прерывности⁷, показать также, так сказать, что разветвления причинного хода природы, многозначность, возможность исчезновения из поля зрения опыта нисколько *не* противоречат закономерности, от которой я тоже не могу отказаться⁸. А дальше – дальше я иду своим методом. Раз я показал (что первое) возможность такого-то, такого-то и т.д. рациональных, хотя и *нерационалистических* мировоззрений, я вторым делом делаю их оценку с других сторон. Да, они все одинаково не противоречат разуму, но этого мало. Несколько из них выбираются как удовлетворяющие религиозным запросам; из этих – этическим; из этих – эстетическим и т.д. Остальные отбрасываются.

Дело не в порядке, а в том, что метод просеивания даст возможность известную часть возможных, но негодных, откинуть безусловно. Может быть, я не спорю (хотя и сомневаюсь), в результате останется 2, 3 или 4 мировоззрения, но ведь различное дело выбрать из бесчисленного множества, или, во всяком случае, из большего числа и из небольшого количества. Тогда могут явиться свои, новые соображения,

в силу которых произведется новое просеивание, соображения более частные. Если хочешь, мною руководит неискоренимая вера, что, в конце концов, возможно одно, развивающееся мирозерцание, что такое мирозерцание будет рано или поздно. И я вовсе не хочу *создать* что-нибудь новое, я не думаю, чтобы в этом была надобность⁹. Вместо того чтобы говорить, что нигде нет истины, я говорю: везде она есть по частям, везде, начиная от древнейших религий Востока и кончая современными научными теориями. Великий процесс синкретизма, совершенно справедливо прекращенный течением новой струи христианства, начинается теперь, имея все данные, снова, и следы этого можно видеть почти на всяком мыслящем человеке. Мало-помалу догматики, буквалисты исчезают. Среди ученых – движение в сторону религии, среди духовных – в сторону науки. Взаимодействие с философией с обеих сторон, которая служит соединительным звеном, все усиливающийся интерес к философии, метафизике – все это признаки чего-то нового, и не обращать на них внимания, пренебрегать тем или другим явлением духовной жизни, мне кажется, теперь, особенно теперь, невозможно. Быть может, культура движется толчками, выдвигая сразу вперед то ту, то другую свою часть. Но из этого не следует, что остального тела ее не существует. Повторить с древними «*de non apparentibus et non existentibus eadem est ratio*»¹⁰ теперь едва ли возможно, конечно, при отсутствии той или другой односторонности.

Я сейчас вспомнил и, чтобы не забыть, напишу об одной идее, которая мне кажется заслуживающей осуществления. Баббедж, занимаясь своими арифмометрами¹¹, показал, что можно построить механизм такого рода, что он будет долгое время давать ряды чисел, составленных по тому или другому закону, а потом *вдруг* сам изменит закон или же просто начнет совершенно новый ряд. У меня тут является такого рода вопрос. Да ведь может наш солнечный механизм, или вообще наша вся вселенная подчиняются известным законам до поры до времени, а в один прекрасный или не прекрасный момент мы узрим «новы небеса и новы земли». Невозможного тут ничего нет: все исследования (Лапласа¹² и т.д.) относительно устойчивости нашей системы производились именно на предположении о неизблемости законов. Да, наконец, связь между обновленной вселенной и прежней, может быть, может выражаться законом, но каким? – Хотя бы какой-нибудь прерывной аналитической или

неаналитической функцией. Если есть кривая, да вдруг делается мнимой или появляется там, где менее всего ожидали ее¹³. А между тем, это не случайно. Нет. Зачем? Закон есть, и из него нет *никаких* исключений. Возьмем какие-ниб<удь>

2 силы. Все как следует: есть точка опоры; а когда $P = Q$, то получается пара, точка приложения равнодействующей ушла в бесконечность. То же самое и относительно гармонических точек¹⁴.

Я придаю громадное значение увлечению позитивизмом, который, как выражается Вл. Соловьев, «покончил и с катехизисом Филарета, и с катехизисом Бюхнера»¹⁵, а кроме того, внушил уважение к факту. Но его роль сыграна. Это – тоже факт, с которым надо считаться. Да вот еще факты. Теперь нельзя уже говорить, как говорит Дюринг¹⁶: «чепуха», «мистицизм» и т.д., и отделаться хотя бы от фактов математических презрением. Вот и строй, кто может, но если не принять во внимание *всех* запросов духа, то снова будет неудача.

Прежде же всего надо беречься того, чтобы думать, что вся задача человечества закончена на особе автора системы, что делали и Шопенгауэр, и Фихте, и Гегель, и Спенсер¹⁷ и т.д. Если у нас нет данных для чего-нибудь, то от нас требуется только одно: не забывать, что данные могут быть у других, что необходимо оставить для них место. Если у меня недостаточно развито чувство прекрасного, я не стану замазывать наглухо тот промежуток в здании, где оно должно поместиться, а я постараюсь оценить место, для него необходимое, и предложу знающим достроить эту часть и т.д.¹⁸

Невольно вспомнишь не раз, по-видимому, парадоксальную фразу Лейбница: «все философы правы в своих утверждениях и неправы в своем отрицании». Она выражена неудачно, но заключает в себе указание на источник того, что ты называешь фанатизмом, а я догматизмом, «отсутствием внутренней свободы».

Все это, дорогой, слишком сложные вопросы, чтобы можно было о них, как следует писать теперь, а особенно в письме. Хотя я ими занимаюсь *давно*, но не имею никакого фундамента, почему не могу работать систематически. А просто так, придет иногда в голову; ну, иногда запишешь кое-что, иногда нет. Как придется. А масса вопросов уже совсем еще неясны, так что даже тебе я не могу писать о них. Ведь все, что я пишу, не более как догадки, отчасти полеты вообра-

жения. Если я пишу о подобных вещах, то вполне чувствую «незаконность» своего писания и делаю, т.к. ты сам хотел. А что же будет, если писать о не оформившихся даже грезах?

Целую вас всех. Люсе напишу на днях. Целую тебя, дорогой.

Твой П.

Москва 19 25/X 00

Р.С. 8-го ноября золотая свадьба Пекок. Напишите им поздравительное письмо.

<Письмо написано черными чернилами, содержит стилистические правки карандашом рукой П.А. Флоренского.>

¹ Менделеев Д.И. Основы химии. СПб., 1889. Гл. 15. С. 461–462.

² Бугаев Н.В. Математика и научно-философское мирозерцание // Вопросы философии и психологии. Ноябрь – декабрь 1898. Год IX. Кн. 45 (V). С. 697–717. См. примечания к письму от 27 сентября 1900 г.

³ Фраунгоферовы линии – темные линии в спектре Солнца, возникающие в результате поглощения света в солнечной, а отчасти, и в земной атмосферах. Впервые были обстоятельно исследованы в 1814 году немецким физиком Йозефом Фраунгофером (1787–1826).

⁴ Спектр Rowland'a – солнечный спектр, фотография которого была помещена в атласе Rowland'a, изданном в 1888 г. в Балтиморе. Общая длина его, разделенного на 20 частей, равна 13,247 метра.

⁵ В статье «Математика и научно-философское мирозерцание» Н.В. Бугаев пишет: «Явления сознания представляют много сторон, не подчиняющихся аналитическому взгляду на природу». Пример аритмологических закономерностей в области психо-физики дает закон Вебера-Фехнера, устанавливающий прерывную связь между ощущением и впечатлением. Флоренский проявлял большой интерес к этой теме и собирал в университетские годы материалы для работы «О прерывности в области явлений сознания». В статье также заявлена тема «аритмология и эстетика». В русле этих идей Флоренский в университетские годы стремился найти общий вид «числовой музыкальной функции», желая, по его словам, «положить начало математической эстетике» (письмо отцу от 23 января 1902 г.).

⁶ Эти сведения о распределении спектральных линий, получаемом при разложении света, испускаемого светящимися газами или парами (спектр испускания атомного водорода), заимствованы из издания: Хвольсон О. Д. Курс физики. СПб., 1898. Т. 2. С. 310–311.

⁷ Здесь перед нами в зародыше позиция «пробабилизма» (если бы Истина была, то каким формальным условиям она должна была бы удовлетворять), развернутая Флоренским в «Столпе и утверждении Истины» (М., 1914. С. 41).

⁸ Мысль о том, что признание прерывности не влечет за собою отрицание закономерности вообще, очень важная для Флоренского, так же восходит к упомянутой выше статье Бугаева.

⁹ Тема соотношения старого и нового занимает важное место в студенческой переписке Павла Флоренского. Новое для него есть, в

Моховая улица.
Справа Румянцевский
музей. Почтовая
карточка из серии
«Москва», № 47. Изд.
Эккель и Калах. М.,
1900-е гг.

первую очередь, правильный синтез того ценного, что уже давно известно, но или незамечено и не оценено по достоинству, или занимает неподобающее место. Это платоновское «припоминание» – долгий и трудный путь к восстановлению для нас сокровища, собранного от века (ср. письмо к матери от 10 ноября 1900 г.).

¹⁰ *de non apparentibus et non existentibus eadem est ratio* (лат.) – О не являющихся и несуществующих то же рассуждение.

¹¹ Бэббидж Чарльз (1791–1871) – английский ученый, занимался созданием вычислительных машин. В 1822 г. создал действующую механическую модель. С 1834 г. и до конца жизни работал над проектом универсальной вычислительной машины. Бэббидж был убежден в возможности управления посредством математических методов всем происходящим в мире. Информацию о Бэббидже Флоренский почерпнул в книге: *Джевонс Стенли. Основы науки. Трактат о логике и научном методе*. СПб., 1881. С. 691.

¹² Лаплас Пьер Симон (1749–1827) – французский астроном, математик и физик.

¹³ Эти слова примыкают к сказанному выше по тексту письма: «возможность исчезновения из поля зрения опыта несколько не противоречит закономерности». В этих местах намечается основной образ работы «Мнимости в геометрии» (1922), первоначальная версия которой была написана в августе 1902 г. («Новая интерпретация мнимых величин», рукопись).

¹⁴ Примеры с равнодействующей двух сил (из теоретической механики) и с гармоническими точками (из проективной геометрии) объединяет одна и та же идея: если считать, что параллельные прямые пересекаются, но не в обычной, а в «бесконечно удаленной» точке, то закон: всякие две различные прямые пересекаются ровно в одной точке, не будет иметь исключений. Этот прием введения «идеальных элементов» позволяет придать некоторому положению максимальную общность: «закон есть, и из него нет никаких исключений». Тайная мысль: соединить научную картину мира и христианскую эсхатологию («новы небеса и новы земли»), причем так, чтобы последняя перестала восприниматься как исключение

из правил, а стала необходимым элементом высшего, охватывающего закона.

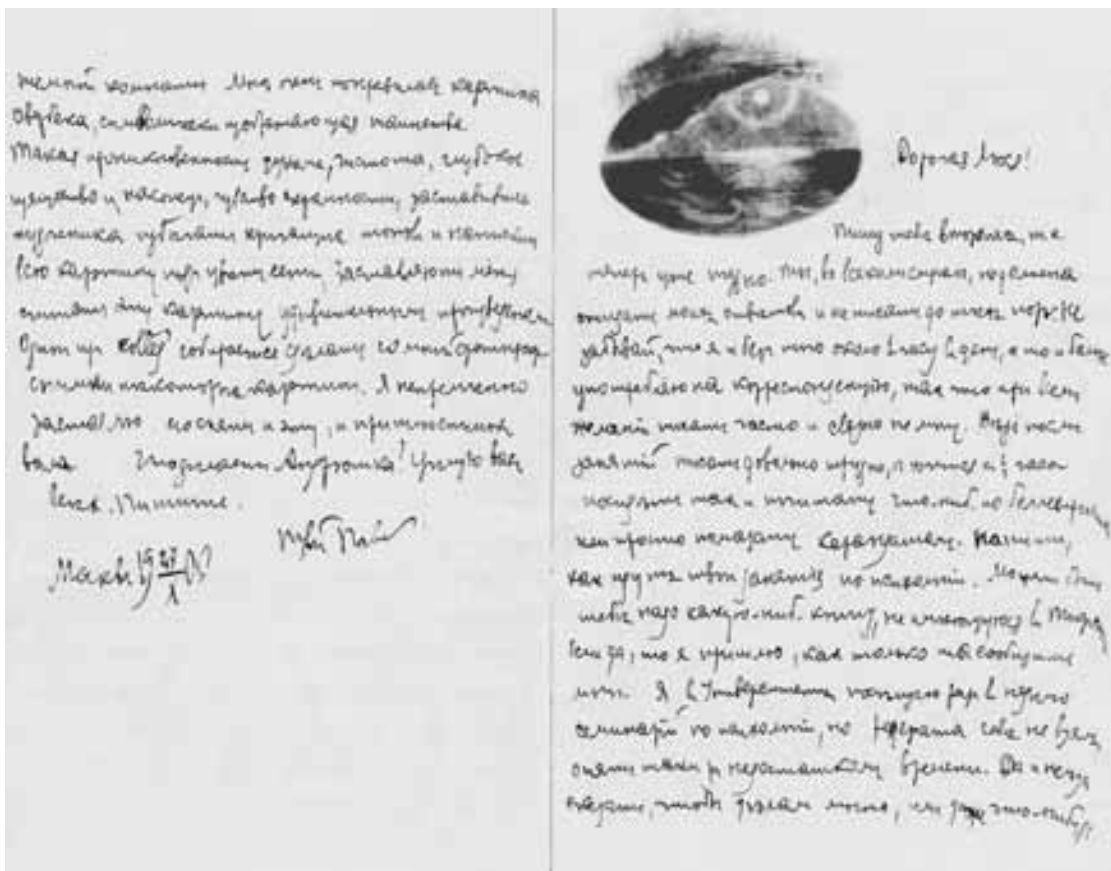
- ¹⁵ Имеется в виду статья Вл. Соловьева «Письмо к редактору “Вопросов философии и психологии” Н. Я. Гроту (О заслуге В. В. Лесевича для философского образования в России)» (Вопросы философии и психологии. 1890. № 5), где обсуждается роль увлечения позитивизмом для философского образования в России во второй половине XIX в. См.: Собр. соч. Вл. Соловьева. СПб., 1911–1914. Т. VI. С. 269–275.
- ¹⁶ См.: Дюринг Е. Критическая история общих принципов механики. М., 1893. С. 339–352, 416–422, 513–517.
- ¹⁷ Шопенгауэр Артур (1788–1860) – немецкий философ, его иррационалистическая и пессимистическая по духу система изложена в произведении «Мир как воля и представление». Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814) – представитель немецкой классической философии, автор системы «наукоучения». Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – представитель немецкой классической философии, создатель грандиозной философской системы на основе спекулятивного метода, наиболее полное представление о которой дает трехтомная «Энциклопедия философских наук». Спенсер Герберт (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма и автор десятитомной «Системы синтетической философии».
- ¹⁸ Ср. с критикой «системоверия» у зрелого Флоренского: Пути и средоточия (1918–1922) // Соч. в 4-х томах. М., 1999. Т. 3(1). С. 35. Новое мировоззрение – плод соборного творчества. Тема соборности сознания и собирания сделанного в веках находилась в центре внимания у кн. С.Н. Трубецкого, соединившего идеи Хомякова и Вл. Соловьева.

1900.X.27

П.А. Флоренский – Ю.А. Флоренской
Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая Люся!

Пишу тебе второпях, т.к. теперь уже поздно. Ты, во всяком случае, не должна ожидать моих ответов и не писать до тех пор. Не забывай, что я и без того около 1 часа в день, а то и более употребляю на корреспонденцию, так что при всем желании писать часто и связно не могу. Ведь после занятий писать довольно трудно, а хочется с ½ часа посидеть так и почитать что-ниб<удь> по беллетристике или просто помазать карандашом. Напиши, как идут твои занятия по психологии. Может быть, тебе надо какую-ниб<удь> книгу, не имеющуюся в Тифлисе. Если да, то я пришлю, как только ты сообщишь мне. Я в Университете посещаю раз в неделю семинарий по психологии, но реферата себе не взял опять-та-

ки за недостатком времени. Да и нельзя сказать, чтобы делал много или даже что-нибудь цельное. Даже своим занятиям по математике и физике не приходится уделять достаточно времени. Вот, напр<имер>, надо было сегодня прочесть к завтрашнему семинарию по философии диалог Платона «Протагор», а пока прочел 80 стр. – ушел целый вечер. Впрочем, жаловаться не могу (да и не считаю себя вправе): занятия по большей части интересные, тем более что, по моему убеждению, интерес того или другого предмета всецело зависит от нас самих. Мне, вообще, кажется, что жаловаться на жизнь с точки зрения неинтересности как-то неудобно человеку. Можно сказать, в любом положении человек, обладающий общим мирозерцанием, человек с разностороннеразвитым вниманием, способный замечать прекрасное там, где оно есть (а оно в большей или меньшей степени *везде* есть), не может не заинтересоваться теми явлениями, теми мыслями, с которы-

Разворот письма П.А. Флоренского сестре Ю.А. Флоренской от 27 октября 1900 г.

ми волей судеб ему пришлось столкнуться. В этом отношении мне очень любопытным представляется Гехтман. Когда у него появляется какая-ниб<удь> новая обязанность, к которой он специально не готовился, он начинает учиться и делает это не с чувством гнетущей необходимости исполнить долг, легко, без принуждения. Выражаясь словами Сенеки, я скажу: «volentem fata ducunt, nolentem – trahunt», т.е. судьба человека согласного с ее решениями ведет, а несогласного – тащит¹. В умении вовремя пожелать необходимого, мне кажется, и заключалась вся этика стоической философии, а мой принцип – черпать истину отовсюду, где бы она ни находилась.

Что делают наши? Почему мне так редко пишут?

Вчера я ходил в Румянцевский музей, но осматривал почти исключительно картины, да и то очень бегло. Есть много интересного, но такой хаос, беспорядок, так неудобно смотреть вследствие темных помещений и неудобного расположения, что вынес оттуда я очень мало. Напр<имер> знаменитую «Тайную вечерю» Леонардо-да-Винчи (громкая копия в нат<уральную> величину) смотреть совсем нельзя, т.к. она висит в совершенно темной комнате. Мне очень понравилась картина Овербека², символически изображающая таинства. Такая проникновенность духом, чистота, глубокое изящество и, наконец, чувство скромности, заставившее художника избегать кричащих тонов и написать всю картину под цвет сепии, заставляют меня считать эту картину удивительным произведением. Один из colleg' собирается сделать со мной фотограф<ические> снимки некоторых картин. Я непременно заставляю его снять и эту, и пришлю снимок вам.

Что делает Андрюшка? Целую вас всех. Пишите.

Твой Павля

Москва 19 27/X 00

¹ «Volentem fata ducunt, nolentem – trahunt»(лат.) – «Покорных рок ведет, влечет строптивного». См.: *Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию*. М., 1977. Письмо CVII. С. 270. Это латинский перевод строки из ямбов греческого стоика Клеанфа.

² Овербек Иоганн Фридрих (1789–1869) – немецкий живописец, выпускник Академии художеств в Вене. В 1809 г. основал вместе с другими художниками «Братство Св. Луки». Целью братства было возрождение религиозного искусства через обращение к ренессансной и средневековой живописной традиции. В 1810 г., порвав с Академией, члены братства перебрались в Рим, где за христианскую тематику картин получили прозвище «назарейцев». Флорентский пишет о картине Овербека «Семь таинств» (1861).

1900.X.28

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

28 октября 1900. Суббота.

Милый Павля,

позавчера получила твое письмо. 2 дня тому назад и вчера здесь был снег, но он уже растаял. Какая погода в Москве? Ты спрашивал, кто что тебе сломал, но никто не сломал, только Шура несколько 2-3 стеклянных трубки уже и без того сломанных. Шура теперь болен и лежит

со вчерашнего дня. Рассказ профессор Допотопнов теперь я буду писать совсем вкратце.

Профессор Допотопнов. (Продолжение).

Не прошло и часу, как лорд Пуцкинс поселился в Варшаве. Квартиру он нанял как раз против квартиры д-ра Мухоловкина, так что приятели могли даже разговаривать, приставив ко рту в виде трубки кулак. Спустя несколько дней по приезде, когда лорд вошел к д-ру Мухоловкину, то увидел, что тот с озабоченным видом читает газету. – Что случилось? – спросил лорд. – Случилась страшная вещь. Землетрясение! Газеты переполнены подробностями катастрофы. Землетрясение в Альпах, Карсте, Шешире, Колвазии, Далмации и Боснии. Час назад я получил телеграмму от профессора Допотопнова, в которой он сообщает мне, что едва не погиб под развалинами обрушившегося дома. В 1 деревне открылась бездонная пропасть. Лорд слушавший все с большим вниманием делался все оживленнее. Когда д-р кончил, он предложил ему вопросы о Допотопнове, и с спокойствием сказал: «Я не видел землетрясения, хочу теперь увидеть его, и даже не прочь заглянуть в пропасть. Я отправлюсь в Боснию, и прошу вас дать мне рекомендательное письмо к вашему приятелю». Лорд не замедлил уехать и в тот же день, несмотря на предостережения Мухоловкина, он уехал.

Глава IV.

Через несколько дней Пуцкинс ехал рысцей. Около него шел проводник и толпа поселян. Несчастных крестьян, которые пострадали от землетрясения, он взял с собой, надеясь оказать им помощь. Один очень старый старик сказал,

что он думает, что землетрясение было проделкою дьявола. Старое предание говорит, что недалеко от Урбаса есть вход в большой грот, полный чудес и несчетных богатств, вход туда называется «адскими воротами». На сводах грота висят золотые и серебряные сосульки, а чудовища, которые живут в гроте, питаются рудой, и когда эта руда переваривается, то превращается в чистое золото. Грот один раз в год раз-верзается для тех, кто знает, как можно проникнуть туда. В остальное время адские ворота недоступны. Но и в тот день чудовища: черные псы, жабы, пауки сберегают вход туда, и нужно знать «секрет», с помощью которого можно войти и выйти невидимым и невредимым. Много уже смельчаков тщетно пытались проникнуть в пещеру, наконец, недавно нашелся один, который попал как раз в тот момент, когда пещера открылась, и вошел. Путем каких чар он пробрался туда, неизвестно, но факт тот, что он проник. Но «дьявол» взбунтовался. И земля затряслась с такой силой, что в самых отдаленных городах обрушились дома и церкви. Продолжение будет.

2 ноября

Шура встал уже три дня и совсем здоров. Напиши мне. Сегодня Гося получила картинку, которую ты прислал. Милый Павля, прощай, целую тебя. Твоя Валя.

1900.X.30-31

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. Ольге Павловне г-же Флоренской. Николаевская, № 67. Штемпели: Москва. 1900.11.01; Тифлис. 1900.11.06. Край письма оборван.

Дорогая мамочка!

Я вижу, что ты беспокоишься, не получая писем. Совершенно напрасно, тем более что может ведь так выйти, что я не буду иметь возможности напр<имер> неделю или больше вам написать. Но я пишу довольно аккуратно и ваше неполучение объясню или задержанием на почте, или пропажей. Хотя я сегодня отправил письмо Ремсо тете, но, получив вечером от тебя, пишу снова <нрзб.>. Я не знаю, относительно каких денег ты спрашиваешь меня. Ведь я уже несколько раз писал, что получил те 25 р., кот<орые> ты выслала уже довольно давно. Разве ты хочешь выслать или вы-

слала другие? Если еще не выслала, то, пожалуйста, не делай этого: у меня еще много.

19 30/X 00

Вальке скажи, что отвечу ей в следующий раз.

Я сейчас сижу и не знаю, что писать. Не знаю не потому, чтобы нечего было писать, а потому, что слишком много. Если уж писать, чтобы высказаться, так надо писать сотни страниц, а не письма. Только тогда можно не уловить, а внушить другому отчасти каким-то чудом неуловимое и невыразимое.

Как-то даже начинает казаться, что если напирать <нрзб.> на его существование, то и другой человек сам, соответственно, почувствует ту быстро сменяющуюся игру теней и света, как играют перед закатом лучи Солнца, прошедшие сквозь листья, ту сущность <нрзб.>, которая моментально исчезает, улетучивается при первой попытке схватить ее насильно грубыми руками, запахать в положения и формулы и потом <нрзб.> в виде напечатанных таблиц на стенку. По-видимому, нет никакой связи между отдельными настроениями, оттенками чувств, представлениями, идеями, которые легко проскальзывают перед умственным взором. Но почему же тогда человек испытывает в таком состоянии восторг, как будто ему вот-вот сейчас откроется завеса сущего мира идей. Мне кажется, такое состояние в жизни каждого человека должно быть наилучшим, и более всего надо остерегаться преждевременно прекратить процесс созревания чего-то, попытавшись закрепить то, что не созрело. Тютчев где-то сказал: «мысль изреченная есть ложь»¹. Мысль может быть очень <нрзб.>, но попробуй ей придать форму – она станет, <нрзб.> яснее, но жизнь ее остановится, она станет <нрзб.>. Вот почему, если уж придавать ей словесную оболочку, то только тогда, когда она все равно не может измениться больше². Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас. Прости, что написал, сам не знаю что. Я, кажется, не в настроении сейчас, а письма задерживать не хочется.

Тифлис. Площадь Майдана и Метехский замок. Почтовая карточка 1910-х гг.

Целую тебя. Твой П.
Москва 19 31/X 00
Что Андрюшка?

- ¹ Строка из стихотворения «Silentium!» Ф.И. Тютчева, которого символисты воспринимали как «своего». Рассуждение Флоренского по настроению характерно для мировосприятия символизма (недоговоренность, что-то чувствуется на грани сна и яви).
- ² Противопоставление живой мысли, имеющей свой органический рост, мысли мертвой, искусственной, внешне систематизированной, проходит через все творчество Флоренского. См.: Разум и диалектика (1914) // Соч. в 4-х т. М., 1996. Т. 2. С. 137–142; Диалектика (1918–1922) // Соч. в 4-х т. М., 1999. Т. 3 (1). С. 121–125.

1900.X.31

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва Е.В.Б. Павлу Александровичу Флоренскому. Большая Грузинская, Общежитие Студентов имени Императора Николая II. Штемпели: Тифлис. 1900.10.31; Москва. 1900.11.5. <№ 86>

Скорей отвечай!

19 31/X 00

Тифлис

Непонятно, почему ты мне не пишешь, дорогой Павля!

Неужели ты не получал моих писем, или не хочешь, или не можешь почему-нибудь отвечать? Мне бы так хотелось постоянно переписываться с тобою.

Теперь я жду твоего приезда и высчитала, что через 49 дней ты можешь уже быть с нами. Мы тогда будем ближе жить, не так, как прежде, не правда ли? Или, может быть, я *только* фантазирую. Скажи мне, пожалуйста, *где ты доставал в Тифлисе книги?* То, что ты мне писал, я не могу достать нигде (Введение и философия <нрзб.>), так же как и др<угие> книги, которые бы мне хотелось прочесть. Книг надо читать массу, но доставать я решительно не знаю где; особенно много упоминает Гехтман. Надо тебе сказать, что Педагогика и Гигиена – 2 предмета, по которым мы что-нибудь делаем, а на остальные все я уже махнула рукой – все равно ничего нет, одни названия предметов. По педагогике Гехтман нас заставляет работать, и осмысленно. Теперь он надавал конспекты работ «Антропология» Ушинского¹, в которой разобраться мне было довольно трудно.

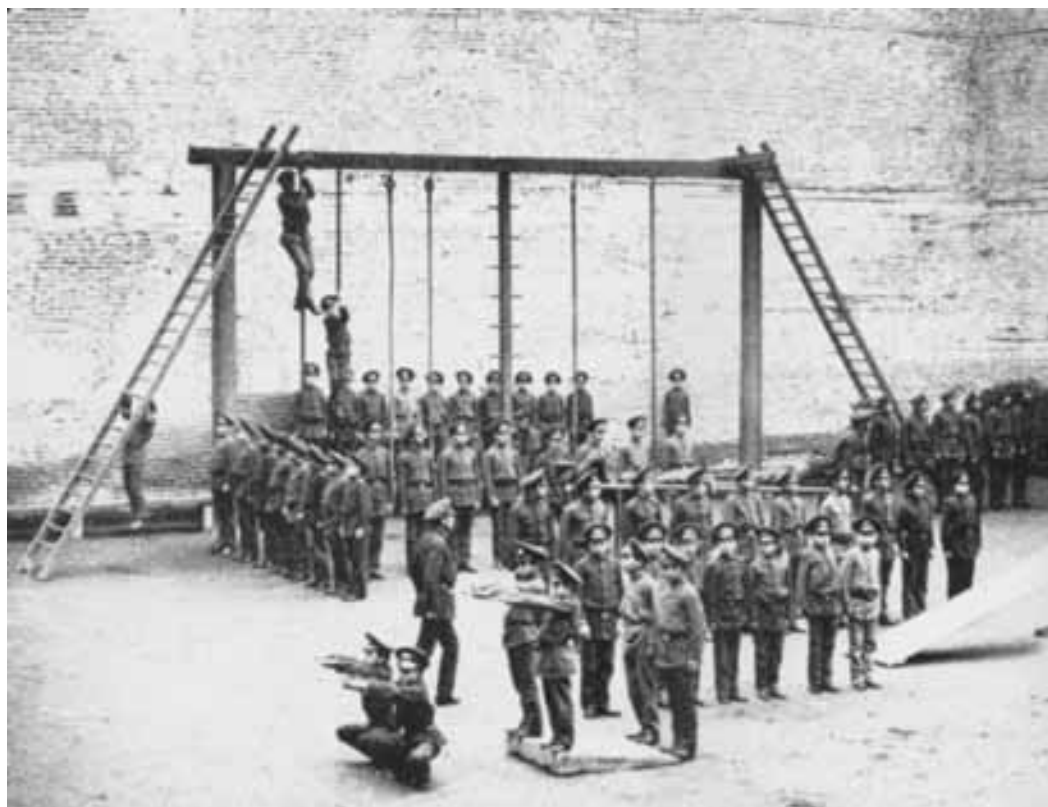
Но я тебе расскажу, какое вступление он сделал относительно этих конспектов: «У меня, – говорит он, – всегда пи-

шут конспекты, как в мужской, так и в женской гимназии, в 8 классе 2-ой мужск<ой> гимн<азии> я добивался того, что мне конспектировали все прочитанные книги, и брат одной из ваших подруг (смотрит на меня), который был одним из лучших моих учеников и всегда вполне сознательно относился к делу etc., хотя он очень не любил писать, постоянно записывал все прочитанное». Как тебе нравится такое мнение о тебе, громогласно провозглашенное в женской гимназии.

Вообще, он, вероятно, по старой памяти к тебе, не дает мне покою и с самого начала года только 2 урока не произносит моей фамилии; по этому случаю мне приходится очень внимательно относиться к его урокам, часто в ущерб другим. Вообще, я начинаю входить, или лучше, втягиваться в гимназическую жизнь, хотя меня беспокоит, что нет совершенно времени читать, так что я уже сама *чувствую*, как тупею.

Ты сразу получишь несколько писем; тебе собираются писать сегодня все; только не знаю, напишут ли. У нас все здоровы, только у папы постоянно бывают головные боли.

Ученики 3-й тифлисской мужской гимназии на уроке гимнастики. Альбом Т. Герсамия «Старый Тбилиси». Тбилиси, 1984. Рис. 168

Андрик страшно вырос, потолстел и научился злиться, если не исполняют его желания.

Все мы целуем тебя. Напиши мне, пожалуйста, скорее; если бы ты знал, с каким нетерпением мы ждем твоих писем и как потом оно по очереди переходит из рук в руки.

Кланяйся Коле.

Напиши, где ты советуешь доставать книги.

Христофор Александр<ович> выдержал все экзамены и теперь в Баку; там же Давид и Марго. Скажу тебе по секрету, что Соня тетя готовит тебе нового братика или сестрицу к январю.

¹ Ушинский Константин Дмитриевич (1824 – 1870) – педагог, основоположник научной педагогики в России, автор многочисленных трудов по педагогике. В русской дидактике утвердил принцип единства обучения и воспитания.

1900.XI.02

Р.А. Флоренская – П.А. Флоренскому
Тифлис. Конверт отсутствует.

Четверг 2 ноября 1900 г. вечером.

Милый Павля!

ты спрашиваешь, как нарисована эта картинка? Она, кажется, нарисована растушевкой. Я еще не умею писать, и это

Автограф письма
Р.А. Флоренской
П.А. Флоренскому
от 2 ноября 1900 г.

письмо написала Валя. Буквы, которые написаны крупно карандашом, написала я. Картину, которая здесь нарисована, рисовала я. Сегодня приехал из деревни Лизы тети Дамир, и он привез лошадь для какого-то доктора, она немного была у нас в сарае, он привез также и чурчелы и пшаты. Пиши мне часто. Приедешь ли ты на Рождество? Хорошо ли там? Скучно ли тебе без мамы?

Твоя Гося.

[1900.XI]

А.А. Флоренский – П.А. Флоренскому
Тифлис. Конверт отсутствует.

От Шуры Павле
Дорогой Павля извини что я тебе не писал полное письмо я напишу скоро. Передай поклон бабушке и дедушке.

1900.XI.04

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Студенческое общежитие имени Императора Николая II. Ст. П.Ал. Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1900.11.04; Москва. 1900.11.09.
<№ 87>

4/XI 1900.

Дорогой Павлуша, на твои два письма я как-то до сих пор не собрался отвечать. Посылаю письма детей. Валя тебе <нрзб.> посылает чуть ли не целую <нрзб.> лекцию по геологии. Шура ограничивается пока – как говорят – коротким сообщением и художественными произведениями.

Отпуск мой скоро истекает, а потому пиши мне опять в Кутаис. Нового у нас ничего нет: жизнь идет своим порядком. Мама тебе высылает переводом 30 рублей, из которых просит тебя на пять рублей сделать какой-либо подарок Пеккок. Поздравь их от нас.

До свидания, дорогой. Мама и Лиля тебе, вероятно, напишут на днях.

Твой отец

1900.XI.04

Г.Н. Гехтман – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Большая Грузинская, Общежитие имени Императора Николая II. Студенту математического факультета П.А. Флоренскому. От Г. Гехтмана. Штемпели: Тифлис. 1900.11.07; Москва. 1900.11.12. <№ 88>

Тифлис 1900/4–XI

Дорогой друг Павел! Никак не мог собраться ответить на Ваше письмо; наконец, выбрал удобный момент и одновременно пишу Вам, Эрну и Ельчанинову. От последнего я имею уже четыре письма; в последних двух он весьма обстоятельно (насколько, конечно, это возможно в письме) сообщает о лекциях проф<ессора> Нечаева по педагогической психологии. Если не ошибаюсь, наш Александр попал в свою сферу.

Большое спасибо Вам за Введенского и за ту энергию, с какой Вы разыскивали для меня книги.

Проф. Бугаев, о котором Вы пишете в своем письме, действительно, выдающийся ученый. Я давно его знаю по философским статьям, которые печатались в журнале «Вопросы психологии и философии». Лекции такого разностроннего ученого, по моему мнению, должны быть очень содержательны и интересны. Хотел бы я знать, чем Вы теперь

Гостиница «Кавказ». Фото начала 1900-х гг. Альбом Т. Герсамия «Старый Тбилиси». Тбилиси, 1984. Рис. 117

занимаетесь (особенно) и какие предметы первого курса привлекли Ваше внимание. Пишите о своих занятиях обстоятельнее.

Наш богоспасаемый Тифлис спит сном праведника; ни мысли он не знает, ни дела, выходящих за пределы обыденных житейских волнений. Словом, «тишь да гладь да Божья благодать». Скоро будут праздновать юбилей нашего выдающегося публициста Михайловского¹, писателя, много потрудившегося для пробуждения сонного царства нашей интеллигенции; кажется, вся Россия собирается принять участие в этих литературных празднествах, а Тифлис молчит, – правильнее, не молчит, а как-то робко и боязливо высказывает свое полужелание тоже принять участие в этом общем движении.

Что касается нашей гимназической жизни, то она течет медленно и мерно... все тоже и люди те же! Впрочем, А.С. Казинцев перевелся в Москву и состоит там преподавателем в каком-то промышленном училище. Нового словесника пока не имеем.

Недавно прочитал «Историю философии» Геффдинга²; это сочинение дает очень толковое и, главное, правильное понятие о новых философских системах. Жаль только, что местами перевод тяжеловат и плоховат. Будьте так добры – зайдите к Карбасникову и попросите *немедленно* выслать мне с наложением платежа соч<инение> *Исаева* «Пять вопросов обществоведения»³, 1901 г., ц. 2 р. 50 к. По оглавлению, которое мне удалось прочитать в «Новом времени», это сочинение должно быть очень интересно, так как оно затрагивает весьма важные социально-экономические вопросы.

Не будем считаться письмами; пишите чаще; ведь у Вас свободного времени достаточно.

Искренне любящий Вас

Г. Гехтман

¹ Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – публицист, литературный критик, социолог, один из теоретиков народничества. Литературную деятельность начал в «Отечественных записках» в 1868 г., затем сотрудничал в журналах «Северный вестник» и «Русская мысль».

² Геффдинг Г. История новейшей философии. Очерк истории философии от Канта до наших дней. СПб., 1900.

³ Исаев А.А. Пять вопросов обществоведения. Берлин, 1901.

1900.XI.05

П.А. Флоренский – Ю.А. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. Ольге Павловне г-же Флоренской. Николаевская ул., д. № 67 (для передачи Люсе). Штемпели: Москва. 1900.11.06; Тифлис. 1900.11.11. <1900> <№ 25>

Дорогая Люся!

Я сегодня получил твое письмо и спешу ответить, тем более что ты, как оказывается, моего письма не получала. Правда, я пишу тебе не особенно часто, но все-таки пишу, и если ты писем не получаешь, то тут уж виновен не я, а почта. Насчет книг вполне определенно я ответить тебе не могу, т.к. это зависит от той специальности, к которой книги, нужные тебе, относятся. Отчасти я доставал книги у товарищей, отчасти в дешевой библиотеке. Там, конечно, очень многого нет, но все-таки кое-что иногда случайно найдешь. Вот, напр<имер>, я в прошлом году разыскал там полное собрание сочинений Вольтера¹, о котором даже библиотекаря не знала. Наверно, по одной, по две книги ты сможешь достать у своих подруг; часто бывают они даже случайно. Когда у меня будут лишние деньги, я тебе привезу или пришлю Паульсена и еще кое-что. На всякий случай ты напиши, т.к. тут иногда можно редкие книги достать у букинистов.

Недавно вышла книжка Кюльпе «Введение в философию»² (Ц. 1 р 25 к). Я ее приобрел, но не успел еще пробежать. Кажется, книжка хорошая, тем более что там весьма ценные библиографическ<ие> указания. Да, наконец, попроси Паульсена у Гехтмана. У него есть 2 экз., так что он даст наверно. Может быть, у тебя есть подруги, кот<орые> могут брать книги из библиотеки «Кружка»³. Попытайся действовать через них. Там библиотека старенькая, но есть много интересного.

Я, собственно, не знаю, почему тебе не нравятся твои занятия кроме двух предметов. Насколько я знаю, у вас проходит методика арифметики⁴ и т.д. Я с этим вопросом не знаком совершенно, но, мне думается, что тут-то именно, особенно *при занятиях с маленькими детьми и наблюдениях над ними*, можно оказать громадные услуги: 1) общей теории познания, гносеологии, 2) основам, так сказать, подпочве математики и теории чисел в частности, 3) психологии и 4) педагогике, и я напираю на то, что это можно делать *именно* при занятиях арифметикой, а не

чем-либо иным, как напр<имер> географией, языками etc. Ты бы попутно со своими обязательными занятиями, ну, хоть, летом, если нет теперь времени, могла бы заняться немножко *основаниями* арифметики. Уж не говоря о том, что это практически очень полезно, это в высшей степени интересно. Я бы мог указать тебе (только не знаю, достанешь ли) сочинение: *Duhamel: «Des méthodes dans les sciences de raisonnement»*. Paris 1866. *Deuxième partie* (7 fr, 50). Хотя это сочинение в 5 томах, но о данном вопросе говорится именно во втором томе, кот<орый> я еще не <успел> прочесть целиком. Но, во всяком случае (ты, конечно, достанешь и другие книги), затрагиваются тут чрезвычайно важные и интересные вопросы, о происхождении идеи числа, о времени и пространстве, о выведении математики из логики (этот вопрос особенно хорошо разбирается у Девонса в «*Основах науки*»⁵); общие теоремы арифметики, которые составляют непосредственное следствие законов логики, проливают сильный свет на все дальнейшее, объединяют и вместо каких-то рецептов для решения задач о купцах и поездах, рецептов, которые мне всегда внушали глубокое отвращение, появляется стройное, целое и законченное по своей красоте здание. Но это я так, увлекся в сторону. Чем бы ты ни интересовалась, мне все будет одинаково приятно, лишь бы интересовалась чем-нибудь и лишь бы не было фанатической узости, из-за которой не хотят допустить существования всего того, чем сами не заняты, даже хотя бы оно несколько не противоречило собственным взглядам.

Понемногу начинает чувствоваться, что я нахожусь, так сказать, в лаборатории духа. Особенно в <этом> отношении замечательны семинарии по философии, т.к. тут каждый имеет право и возражать и говорить, что ему угодно, конечно, на тему. Недавно, напр<имер>, поднялся крупный спор относительно подлинности диалога «Протагор». Дело в том, что Влад<имир> Соловьев, недавно скончавшийся, учитель обоих наших профессоров философии, объявил «Протагора» подложным⁶. У нас возгорелся по этому поводу спор, каждый, конечно, говорил настолько хорошо, насколько мог. Читал профессор свою готовящуюся к печати статью, но еще не напечатанную и т.д. Может показаться со стороны: «какой неважный вопрос! Да не все ли равно, кто автор этого диалога и т.д.». Да, по-видимому, это неважно. Но ведь спор, собственно

говоря, идет не об имени автора, а о его мирозерцании, о том, можно ли, напр<имер>, такой-то момент развития включать в генетический ход его системы, как понимать этот момент и т.д. (Между прочим, чтобы не забыть, в «Энциклопедическом» Слов<аре>» Брокгауза масса очень хороших статей Соловьева и Трубецкого по философии и др. Ты бы воспользовалась ими.)

Как теперь здоровье папы? Почему мамочка не пишет мне? Я ей напишу завтра или послезавтра. И теперь уже пишу отчаянно плохо, т.к. сегодня написал почти целую тетрадь мелким почерком, и рука устала. А Андрюшке я задам, если он будет злиться, так что ты предупреди его и напхни о моем существовании. Он, наверно, уже не подозревает даже о том, что я еще существую, не говоря уже о возможности приезда моего к нему. Получила ли Лиля мой вид с письмом? Целую вас всех.

Москва 19 5/XI 00 Твой Павля

P.S. Вам кланяется Коля. Передай мой поклон Ельчаниновым и Семенниковым.

P.S. Напиши, как часто получаете вы от меня письма, т.к. мне хочется приблизительно определить % пропажи.

¹ Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778) – французский писатель, философ и публицист.

² Кюльте Освальд. Введение в философию. СПб., 1901.

³ Кружок по истории и философии во 2-й тифлисской мужской гимназии, основанный и руководимый Г.Н. Гехтманом.

⁴ Эти мысли о важности методики арифметики имеют продолжение в творчестве П.А. Флоренского. В 1908–1909 учебном году о. Павел вел занятия по математике в Сергиево-Посадской женской гимназии, а в 1919–1920 учебном году читал в Сергиево-Посадском Институте народного образования лекции по методике геометрии.

⁵ См.: *Джевонс Ст.* Основы науки. Трактат о логике и научном методе. СПб., 1881. С. 150–153. Джевонс Уильям Стенли (1835–1882) – английский экономист, статистик и философ-логик. Профессор логики, философии и политической экономии в Манчестере и Лондоне.

⁶ Статья Вл. Соловьева «Рассуждение о “Протагоре”» была напечатана во втором томе «Творений Платона», который вышел в Москве в 1903 г. (С. 81–99). Соловьев приводит в этом тексте аргументы в пользу того, что автором диалога «Протагор» мог быть не Платон, а другой ученик Сократа – основатель гедонистической школы Аристипп из Кирены. В ответной статье «“Протагор” Платона в связи с развитием его нравственного учения» (Там же. С. 374–395) кн. С.Н. Трубецкой, споря с Соловьевым, отстаивает авторство Платона.

*Москва. Петровка
зимой. Почтовая
карточка 1900-х гг.*

1900.XI.10

П.А. Флоренский – О.П. и А.И. Флоренскому

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая мамочка!

Когда же ты, наконец, напишешь мне? Мне очень скучно без твоих писем, если уж нельзя быть с тобой. Получили ли мои письма папа и Люся?

Письмо от папы получил, точно так же, как и письма детей. Им отвечу в следующий раз, т.к. теперь надо написать еще папе. Повестку на 30 р. получил, но денег еще не брал. Поручение относительно подарка Пекок постараюсь исполнить, хотя теперь и поздно.

Не особенно давно я был в театре, куда пошел только ради того, что давалась комедия Шекспира¹, и остался доволен. Несмотря на массу отрицательных сторон театра вообще, пьеса все-таки производит положительное действие, именно потому, что она написана Шекспиром, а не современной машинной работой. В Америке это, по крайней мере, делается откровенно и последовательно. «Все фабрикуется; отчего же нам не фабриковать романы и т.д.? Тут мы сразу можем выгадать и время, и силы, а, кроме того, по внешней форме до известной степени сделать свои произведения похожими на настоящие». Да, впрочем, какими же их и можно сделать? Как ни комбинируй данные элементы,

абсолютно нового не получишь; все будут «старые погудки на новый лад». А для всякого нового элемента необходим процесс творчества. Чтобы создать новую машину, т.е. способ производить новое, чтобы дать новый образец для машины, необходим известный духовный процесс, который мне представляется двусторонним. Субъективная его сторона, требование от нас заключается в производстве известной работы, известного усилия воли, заставляющего чувства и мысли сосредоточиться на данном объекте. Сторона же объективная, как мне кажется, единственно возможным образом может быть понимаема, как некоторое откровение или, если хочешь, платоновское «воспоминание», что, в сущности, одно и то же. Все же другие попытки, в конце концов, заранее предполагают объясненным то, что хотели объяснить.

Теперь в Москве очень хорошо. Мороз около 8°, совершенно спокойный воздух, тишина, т.к. сани скользят как-то неслышно – все это производит очень бодрящее впечатление, особенно, когда выйдешь на улицу. Тогда и заниматься начинаешь гораздо больше, и сил прибавляется и, вообще, как-то очищаешься. Т.к. ветру нет, то совершенно не холодно, и мы все до сих пор ходим в летнем пальто.

Кстати, сообщаю мой способ сохранения нашей «провизии». Мы, выходя к чаю, набираем там себе булок. Но т.к. они скоро засыхают, а иногда приходится держать долго, то я придумал на веревочке вывешивать их за форточку. Они промерзают насквозь и потому не сохнут. А когда надо, то мы их подогреваем на лампе. То же самое собираемся делать и с другим провиантом. Сегодня хотели делать опыт с сосисками, но потом сочли за лучшее покончить с ними сейчас же, так что о результатах будет сообщено после.

Приехала ли к вам Лиза тетя? Если да, то кланяйся ей и скажи, что я письма от нее не получал до сих пор, и не знаю, куда писать. Целую тебя мой милый мамок.

Твой П. Москва. 19 10/XI 00.

P.S. Дальнейшее, если хочешь, можешь считать просто за продолжение. Если папы нет, то *перешли* ему это письмо.

P.P.S. Деньги взял.

Дорогой папочка!

Я хочу написать тебе несколько слов об одном вопросе, который довольно давно меня интересует, но в котором я не

могу разобраться. Я буду писать не в логическом, а психологическом порядке.

Если мы производим известные действия над рядом величин, то, по общепринятым взглядам, в результате может получиться 0. Даже при бесконечном числе действий такой результат возможен. Но мне это кажется не только совершенно непонятным, таинственным, но прямо-таки *несправедливым*, если хочешь, безнравственным. Это так не может быть. Может показаться диким, как это так применять принцип справедливости, начала нравственности в математику. Сейчас я оставляю в покое то взаимодействие, которое, по моему мнению, не только возможно, но и совершенно необходимо между ними, оставляю, т.к. сейчас неважно, как я пришел к известным заключениям. И, мне кажется, они *не* противоречат чисто рационалистическому воззрению, хотя им и *не* требуются. Вопрос я ставлю так: «возможно ли и, если возможно, то как возможно исчезновение каким бы то ни было путем бесконечного (и конечно-го) ряда величин?» Ты не подумай, что я стану утверждать, что $+A - A \neq 0$. Оно-то нулю равно, но *только* с известной точки зрения. Поясню примерами; *если* мы имеем векторы, то $\overline{AB} + \overline{BA} = 0$. Вот тут то и проявляется очевидно двусмысленность этого равенства. В смысле *конечного* передвижения $\overline{AB} + \overline{BA}$ равно нулю. Но значит ли это, что это *совершенно* равносильно стоянию на месте в *A*. Нет, не думаю. В первом случае мы двигались, хотя и вернулись назад. Во втором мы просто стояли на месте. Другой пример. Ударяются два неупругих шара равных масс с равными противоположно направленными скоростями. С известной точки зрения их энергия из величины конечной превратилась в нуль. Если бы мы были существами, которые бы могли воспринимать только движение, то, думаю, мы бы так и решили: «запас их механическ<ой> энергии уничтожился и все тут». Пойдем дальше. Положим, что теперь у нас есть только одно «электрическое» чувство, т.е. мы способны воспринимать только те деформации, кот<орые> производит наэлектризованное тело в эфире. Мы имеем два шара с равными разнозначными зарядами. Мы сознаем, что они обладают известн<ым> количеством электрическ<ой> энергии. Но мы их сблизили, шары «разрядились», и для нас *все* исчезло, и энергия шаров, и сами шары, т.к. они более *ничем* не способны обнаружить для нас своего присутствия. Мы бы так и сказали. «Была величина, и превратилась в ничто,

т.к. нуль есть именно ничто, отсутствие чего-ниб<удь>». А между тем, между ними произошел колебательный разряд, графически представляемый затухающей синусоидой, шары послали целый комплекс волн электромагнитных, световых, тепловых, звуковых etc.

Я понимаю, что действие одной величины может нейтрализовать действие другой, но ведь нейтрализация не есть уничтожение. Если мы имеем целый ряд поколений, из которых в каждом совершается и хорошее и дурное поровну, то значит ли, что в сумме, правильнее, в результате совершенное ничто? С этим я никогда *не могу* согласиться, даже если бы мне приводили доводы; но их я пока не вижу. Если бы мы вздумали решить вопрос на основании «здравого смысла»², то сказали бы, я уверен, что

$$\lim_{n \rightarrow \infty} \left[1 + \frac{1}{n} \right]^n = 1, \text{ тогда как оно} = e.$$

Приведу свои собственные примеры, в которых, по моему мнению, кроется ошибка. Возьмем ряд $S = +1 - 1 + 1 - 1 + 1 - 1 \dots$. Мне говорят, что это ряд «колеблющийся», т.к. S то равно 1, то 0. По-моему же, это ряд *расходящийся*. Я рассуждаю так: разбиваем его на 2 группы: $S_{n \rightarrow \infty} = (1 + 1 + 1 + 1 + 1 + \dots) - (1 + 1 + 1 + \dots)$. $S = \infty - \infty$. Но ведь знак при бесконечности не имеет того смысла, какой он имеет при конечных величинах. Соображения из тригонометрии, анализа и аналитической геометрии показывают, что он указывает *только* на то, каким образом получилась ∞ . Бесконечно удаленная точка, прямая только одна $+\infty = -\infty$. Мы имеем полное право поставить на место $(-\infty)$ $(+\infty)$. Тогда получается $S = 2 \cdot \infty = \infty$. То же самое относительно другого «колеблющегося» ряда $S = 1 + \sqrt{-1} - 1 - \sqrt{-1} + \dots$ ³.

Ты, я думаю, и сам заметил, что я не отдаю себе отчета, чего я собственно желаю, а потому и не могу заняться этим вопросом. Но, мне кажется, все-таки есть что-то недосказанное в этом отделе математики, что именно, сам не знаю. Я скорее чувствую, чем понимаю, что тут можно было бы дать нечто совершенно новое, так сказать, выдвинуть вопрос о «многосмысленности» величин в математике, а потому об угле зрения, под которым на них в том или другом вопросе смотрят. Быть может, я тебе написал все настолько неясно и сбивчиво, что ты даже не поймешь, что я хочу сказать; но яснее выразаться мне те-

перь почти невозможно, т.к. *я не знаю, я чувствую*. Resumé: «ноль может быть *качественно* отличным от нуля, не говоря уже о различии *количественном*; исчезнуть бесследно *ничто* не может, а стало быть, и величина, характеризующая все (или большинство?) существующего»⁴.

Целую тебя.

Твой П.

Москва 19 10/XI 00.

¹ Шекспиру Флоренский посвятил статью «Гамлет» (1905 г.) (См.: Соч. в 4-х т. М., 1994. Т. 1. С. 250–280). См. также письма из Соловков. Соч. в 4-х т. М., 1998. Т. 4. С. 379, 387.

² Математика как корректив к здравому смыслу – не случайная для Флоренского тема: за ней стоит убеждение в высоком апологетическом потенциале математики, которая способна расчислить путь человека к Богу. Обсуждению этой темы он посвятил много места в лекциях по энциклопедии математики, которые читал в 1908–1909 учебном году студентам Московской Духовной академии.

³ Приводимые примеры навеяны лекциями Н.В. Бугаева. Манипуляции, которые производит с бесконечными рядами Флоренский, только приступивший к изучению высшей математики, с классической точки зрения некорректны.

⁴ В рассуждениях Флоренского «о нуле» центральной является следующая мысль: если мы чего-то не воспринимаем («нуль»), то отсюда не следует, что этого нет в действительности (например, духовной реальности). Такой ход мысли распространяется и на прошлое. Если что-то «прошло», то это не значит, что оно исчезло бесследно, и в результате мы всегда имеем, независимо от того, что и как было, один и тот же бескачественный «нуль». Флоренский убежден, что «исчезнуть бесследно ничто не может», а потому нуль нулю – рознь, нули должны количественно и качественно различаться. Это, в первую очередь, религиозное и нравственное требование. Ведь для Флоренского математика необходимо должна быть взаимосвязана как с этикой, так и с религией. Религиозный подтекст рассуждений сына о нуле вполне очевиден для отца, что явствует из ответного письма от 26 ноября 1900 г.

Кроме того, рассуждения «о нуле» связаны с важными для творчества Флоренского понятиями символа и границы. Символическое искусство имеет главным своим предметом границу внешнего и внутреннего, чувственного и духовного. Сама эта граница – почти ничто, неуловимая грань, «нуль», – и в то же время, она – точка встречи феномена и ноумена, вбирающая в себя всю полноту бытия. Целостность человеческой личности мыслится Флоренским как сосуществование дневного и ночного сознания, сумма которых равна нулю («Золотое сечение», 1917 // Соч. в 4-х т. Т. 3 (1). С. 477). Как такая символическая грань им трактуется и иконостас, граница миров, место встречи дольного и горнего («Иконостас», 1922), и двусторонняя плоскость, место встречи действительных чисел и мнимых («Мнимости в геометрии», 1922).

1900.XI.12

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие Студентов имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1900.11.13; Москва. 1900.11.18. <№ 90>

Тифлис

12 Ноября [1900]

Милый мой Павлик.

На этот раз мы очень запоздали с письмами и боюсь, что ты беспокоишься о нас. Я не писала тебе просто за недосугом. То были дети больны, то не имели прислуги, мы и теперь еще без няни, так что трудно было выбрать свободное время. У Шуры болело горло, так что он лежал в постели и не ходил несколько дней в гимназию. Теперь он уже поправился, но заболела Валя, которая, надеюсь, выздоровеет тоже скоро. Андрюша и остальные здоровы. Этот твой Андрюша довольно-таки буйный молодой человек, и ты в нем сильно разочаруешься по приезде.

Папа здоров. Послезавтра кончается срок его отпуска, и он уезжает в Кутаис. Ремсо тетя тоже усиленно приглашает погостить в Баку. Думаю, что она скоро уедет. Давид теперь в Баку.

Маргарита и Хр<истофор> Ал<ександрович> были здесь недавно – первая всего на один день. Теперь она, кажется, становится совершенно положительной особой; как будто бы она стала от нас далекой совершенно; такое впечатление вынесла я от нее в ее последний приезд. Лиза тетя думает быть здесь у нас в первых числах декабря. Кажется, я написала тебе о всяких наших новостях, что касается внешней нашей жизни. А об остальном было бы долго распространяться. Духовная жизнь становится для нас роскошью недоступною. Бываешь рад, если успеешь справиться с самым необходимым.

Думаешь ли приехать домой на праздники и когда? Люсе приходится читать кое-что чего она не умеет достать здесь. В следующий раз я пришлю тебе денег собственно на книги и сумеешь привезти их с собою, когда приедешь. Дети с нетерпением ждут тебя. Я же боюсь, как бы ты у нас не соскучился.

Приобрел ли ты себе теплое? Кланяются тебе все домашние.

Твоя мама

P.S. Письма твои мы все получаем. Они, кажется, не пропадают, а только расходятся по времени с нашими. Если ты очень занят, то, пожалуйста, не утруждай себя и не обязывай писать мне часто. Пиши только, когда захочется. Мы не будем в претензии.

1900.XI.13

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Е.В.Б. Павлу Александровичу Флоренскому. Общежитие студентов имени Императора Николая II, Большая Грузинская. Штемпели: Тифлис. 1900.11.14; Москва. 1900.11.19. <№ 91>

1900.13/XI

Тифлис

Дорогой Павля!

Извини, что я не писала тебе; тем более что письмо твое я получила, когда утром шла в Гимназию, я отослала тебе свое, а пришла – получила твое. Во всяком случае, чтобы знать, пропадают ли письма, давай их занумеровывать; это письмо будет № 1.

Недавно сюда приезжала Маргарита с мужем, привезли его больного брата, уже при последнем градусе чахотки. Впрочем, мы ее совсем почти не видели, потому что она утром приехала, а вечером уехала. Валя совсем почти здорова, через день уже сможет встать; я так боялась, чтобы у нее не было чего-нибудь серьезного, ведь жар у нее стоял более 39°, но теперь спал, и она хорошо себя чувствует.

Чтобы не забыть, я тебе сначала напишу все необходимые сведения: папа у нас, – завтра уезжает в Кутаис; у него болит палец, ногтед образовался на 2-х и не проходит сколько уже времени.

В общем, и папа, и мама здоровы, Андрейка научился прекрасно ползать, быстро, быстро, так, что его нельзя оставить без надзора 5 мин., сейчас же уползет куда-нибудь, схватит, переопрокинет; вообще, он секунды не может поси-

Маргарита с мужем, Христофором Александровичем Оганьяном. Фото К. Шапиро, Санкт-Петербург, 1900-е гг.

деть спокойно и все время производит какие-то несогласные движения руками, ногами, головой.

Шура и Лиля получили отметки; у Лили хорошо, у Шуры же по русскому, французскому и, кажется, латыни 3.2.; впрочем, он не очень огорчен и надеется исправить в следующую четверть. У Бори Ельчанинова тоже подобные, он все собирается писать тебе, но не соберется, просил извиниться.

Екатерина Ивановна и Женя кланяются. Соня тетя здорова и ждет повышения мужа в скором времени.

Теперь я сообщила все, что нужно, и хочу рассказать о своих занятиях, а занятий у меня масса.

На этой неделе у меня 4 письменные работы, и все ужасно трудные; сегодня была работа по педагогике на тему: «История памяти и ее значение для человека» – тема очень богатая, но на нее надо, по крайней мере, день, а не 1 час, как нам дали; понятно, что я написала чепуху невозможную, и заранее горю от стыда, думая о том времени, когда Гехтман будет их просматривать. Гехтман же сам дал работу на дом, сроком на 2 недели, из них одна уже почти прошла, а я еще ничего не делала; тема такая: «Основы нравственного воспитания», об этом можно дать большое сочинение, но для меня она слишком трудна, так что я в отчаянии: писать нужно, а что? Источники, данные Гехтманом:

- 1) Психология Снегирева¹.
- 2) Воспитание чувств Томá².

Первую из этих книг я не могу найти, хотя искала еще не везде.

Ты говоришь, что сможешь привезти мне некоторые книги. Когда мама будет посылать тебе деньги на проезд, я попрошу послать лишнего, а ты поищи, когда будешь у букинистов, книгу, точное название которой я забыла, и только сейчас вспомнила, что тетрадка, в которой записано, не у меня.

В следующий раз я тебе напишу. Мне теперь нужно такую массу читать, а между тем, пока не сдам работы Гехтману, не могу ничего делать; она меня давит и гнетет, и я все думаю, что мне еще недолго так мучиться. С завтрашнего дня я приступаю к ней основательно.

Извини, что я пишу таким почерком, я почти не понимаю, что пишу, так мне хочется спать, вчера я занималась ночью, так что очень мало пришлось спать.

До свидания, увидимся через 35 дней.

Обнимай или целуй бабушку и дедушку; я не знаю, что будет удобнее.

Поклон Коле.

Все тебя целуют.

Твоя Люся

¹ Снегирев Владимир Федорович (1847–1916/17) – гинеколог, профессор с 1884, основатель и руководитель первой кафедры гинекологии с 1874 г. Вероятно, речь идет об издании «Систематический курс чтений по психологии». Харьков. Тип. А. Дарре, 1893. Vol. 1. – 700 с.

² *Томá Феликс*. Воспитание чувств, пер с франц. СПб. Изд. Павленкова, 1900, – 245 с.

1900.XI.15

Е.М. Кутателадзе – Ю.А. Флоренской

Конверт: Заказное. В Тифлис. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне Флоренской. Николаевская ул., № 67, собственный дом. От Лизы. Штемпели: Гирюсы Елисаветпольск. 1900.11.16; Тифлис. 1900.11.21. <1900 г. 337>

15 Ноября

Гирюсы

1900

Моя дорогая и любимая Люся!

Прости, прости меня за мое долгое молчание, но все же моя совесть пред тобою совершенно чиста, могла ли я во время болезни беседовать с кем-либо, даже с тобою, с любимейшим другом; вялость, мысли бессвязные и меланхолические тебя бы не утешили особенно, и если бы даже и успокоили, то не обрадовали бы тебя так, как меня твои. Знаешь, мне страшно делается иногда при мысли о том, что я тебя, быть может, не увижу, или ты не будешь присылать мне весточки о себе. О, с каким нетерпением я жду марта, когда я буду около тебя, буду говорить с тобою? Я, как влюбленный, жажду встречи с тобою. Странно, мне кажется, что если ты только изменишься ко мне, то и вся жизнь моя должна измениться, потому что мне страшно жить и не думать о «Люсике», о «Флоренской». О, дорогая, я так долго с тобою не говорила, что не знаю с чего начать, тупая головная боль доказывает, что я еще не отделалась от Гирюсинской лихорадки, мысли как-то несвязны. Мне хотелось бы поговорить с тобою, «по душам», как мы с тобою называем самую задушевную бесе-

ду, дело в том, что недавно произошел комичный инцидент, который, конечно, *очень мог повлиять* на всю мою последующую жизнь, но этого не случилось, по моему же желанию. Но говорить пока об этом не хочу, потому что еще свежо впечатление и трудно поэтому рассказывать хладнокровно. Быть может, ты догадываешься сама, в чем дело? – Ты ведь так умеешь угадывать мои мысли, моя дорогая!

Отдельно, в другом конверте присылаю тебе по почте же свою фотографию – меня с папой снимал один любитель-фотограф, офицер здешний – сравнительно удачный кажется. Дорогая, прости меня, больше трудно писать, я сегодня написала Асе, Тосе, одной барышне Олейниковой и тебе, а я так слаба еще после болезни! Я слышу из другой комнаты, кричит мне знакомый тебе доктор, сейчас пришедший к нам в гости: «Когда же, Елизавета Михайловна, появитесь на нашем горизонте; чувствую, Вы пишете самой любимой подруге!» Правда, как он угадал! Пиши, дорогая, о себе больше и не забывай вечно любящую тебя и обнимающую твою Лизу.

Каждый день занимаюсь со своими уроками по два часа, пишу тебе, чтобы ты не подумала, что я не занимаюсь. Целую, твоя Лиза.

Поклон классу. Целую крепко Надю.

1900.XI.17

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая моя мамочка!

Я уже столько времени жду от вас известий, что не знаю, что и думать. Пожалуйста, напишите хоть что-нибудь поскорее. Здорова ли ты, моя дорогая, что ты так давно не писала мне? Я, кажется, неожиданно сэкономлю, т.к. заведующий, как говорят, решил выдать по 12 р. всем тем, которые на месяц уезжают из общежития. Тогда можно будет приехать, т.к. тех денег, кот<орые> ты мне прислала да плюс этих 12 р., более чем хватит. Уже в Тифлисе мне надо будет как следует засесть заниматься. Дела так много, что даже при самых усиленных занятиях, наверно, не успею сделать и половины того, что отложить никак нельзя.

Как идут занятия у детей? С Шурой нужно будет, вероятно, заняться древними языками и математикой. Если толь-

ко это не будет слишком поздно, то пусть подождет меня. Переслала ли ты папе мое письмо? Мне очень хочется свидеться с вами, так что я с нетерпением жду, когда можно будет уехать. Но когда это будет возможным, – не знаю; думаю, что не скоро. Приедет ли на Рождество домой папа? Было бы хорошо, чтобы уж собрались все, а то, когда знаешь, что кто-нибудь в отсутствии, делается как-то жалко до боли. Научился ли Андрюшка говорить что-нибудь? Я думаю, он совсем не узнает меня, когда я приеду к вам, и будет кричать на весь дом: «мама!» Пусть дети напишут, что им привезти. Может быть Люсе нужны книги. Есть ли у нее что-нибудь по психологии? Я, вероятно, привезу ей «Психологию» Джемса¹ или Бэна², если только она не достала себе еще. Пусть напишет. Озеро у нас замерзло, и я в первый раз ходил по льду.

Поверхность... 19 17/XI 00

Если Варвара Николаевна будет спрашивать о Коле, то можешь ей сказать, напр<имер>, следующее. Коля здоров, довольно много занимается. Если я приеду, то, конечно, мы поедем все вместе, тем более что в одно время покончим с зачетами.

Я надеялся, что будут интересны и полезны наши семинарии по физике, т.к. было позволено для зачета писать

Тифлис. Винный подъем и Песковская улица. Литография Ведель и Науман. Лейпциг. Почтовая карточка 1890-х гг.

рефераты. Но оказалось дело совсем не таким, каким я его хотел видеть. Темы не выбираются из нескольких, а каждому дается одна только. Просил указать источники – он ссылается на наш курс; книг невозможно достать, так что в результате получается желание как-нибудь только сбить его с рук, и начинаем просто дословно переписывать с учебника, чтобы, по крайней мере, после этого можно было заняться как следует.

Люся мне не пишет, как идут ее занятия в гимназии. Напиши мне, заинтересовалась ли она чем-нибудь, или нет пока еще. Мне кто-то писал, не помню, кто именно, что Датиго уехал в Баку. Это он поселился там, или только выехал на некоторое время? Собирается ли Ремсо тетя туда, или на праздники остается дома? Целую тебя, моя милая мамочка. Непременно пиши скорей.

Москва 19 17/XI 00 Твой П.

¹ *Джемс Уильям*. Психология. СПб., 1896. 2-е изд. – 1898. Джемс Уильям (1842–1910) – американский философ и психолог, один из основателей прагматизма, профессор Гарвардского университета.

² *Бэн Александр*. Психология. СПб., 1881. 2-е изд. – 1887. Бэн Александр (1818–1903) – английский философ и педагог, представитель ассоцианизма в психологии XIX в. Профессор Абердинского университета.

1900.XI.17

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Общежитие студентов Николая II. П.А. Флоренскому. Штемпели: С.-Петербург. 1900.11.18.; Москва. 1900.11.19. <№ 92>

Дорогой Павлуша!

Ты меня очень заинтриговал своим письмом; но я буду терпеливо ждать того времени, когда ты «добьешься своего». Я, право, иногда тебе завидую: завидую твоему умению идти прямо, «куда влечет тебя свободный ум»; у меня этого нет, я не способен уйти с головой в вопрос, поглотиться им, как бы он интересен для меня ни был. Теперь меня прямо раздражает на части гносеологическая задача. Вместо изложения по порядку напишу тебе, какие мысли лезли и теперь лезут мне в голову ежедневно и еженощно.

Я совершенно не могу быть уверенным в чем-нибудь: ведь я знаю, что наряду с моим мнением сотни и тысячи лю-

дей думают иначе; если применить сюда теорию вероятности, то уверенность вряд ли возможна.

Пока мы занимаемся логическими построениями – абсолютная истина для нас невозможна, т.к. логические законы – чистая случайность; будь они другими у человека, и истина была бы другая, мы связаны ими по рукам и ногам, не говоря уж о Кантовских формах интуиции и категориях рассудка – обязательной для всех системы быть не может, так как всякая система зиждется на нескольких постулатах, принятых догматически (таковы предпосылки Канта¹), а раз в основе каждой системы кладутся постулаты, принятые на веру, то таких систем, конечно, можно понастроить сколько угодно.

С этикой обстоит у меня не лучше; если успокоиться даже на относительном решении этического вопроса, то дело не поправляется (передай это Эрну): положим нам говорят: «поступайте по совести». Но известно, что у разных племен и у разных лиц *одного* народа совесть бывает развита неравномерно, так по указаниям какой же совести поступать, брать ли совесть бушмена или кафра, или просвещенного европейца? «Конечно европейца», отвечают обыкновенно, «европейца христианина», т.к. он достиг высшей ступени развития; если допустить даже, что европеец достиг высшей ступени etc, то это не значит, что и совесть его достигла высшей ступени, может быть, она как раз регрессировала; ведь у нас нет критерия для такого различения, пока мы еще не установили нравственного принципа (*petitio principii*²).

При всем этом у меня появилось отвращение ко всему определенному, положительному. Если ты не читал «По ту сторону добра и зла»³, то я приведу тебе несколько афоризмов, которые я больше других понимаю, т.к. чувствую сам: «Сообщая выводы своего разума другим, невольно к ним охладеваешь». «Все безусловное, положительно, принадлежит к области патологии». «То, что становится понятным, перестает интересоваться». «Два человека с одинаковыми принципами часто стремятся к совершенно противоположному».

«Зачем вам непременно нужна истина?» «Никто до меня не смотрел так глубоко подозрительно на все явления нашего мира, как я». «Часто я пытался избавиться и отдохнуть от самого себя и, как усталый путник, шел на неверный, загадочный огонек, в виде какого-нибудь почитания любви, вражды, или учености, наивности и даже глупости!.. Я должен был искусственно все это добывать, или творить, или, наконец, подделывать...»

Санкт-Петербург.
Сенат и памятник
Петру Великому.
Почтовая карточка
1910-х гг. Собрание
Ю.А. Ростовцева

Последние места особенно важны, т.к. ими вполне освещается весь характер сочинения Ницше; кроме того, я думаю, ты можешь кое-что отсюда применить к себе. Извини, если я выписал цитаты тебе знакомые или неинтересные. Поклон Эрну и Семенникову. Я давно уже собираюсь писать Эрну, но меня останавливает мысль, что все интересное ему в моих письмах ты сообщишь ему, а писать одно и то же в двух экземплярах скучно; впрочем, кое-что я имею ему написать, если он только найдет время для ответа; если да, пусть пришлет открытку; к тому же мне очень интересно знать, как ему нравятся профессора, чем он занимается и прочее.

Не знаю, писал ли я тебе, что познакомился я здесь с одним «соловьевцем»; этот студент очень хорошо, самым детальным образом знаком с философией, особенно русской, и последователь Соловьева, и чуть ли не наизусть знает все его сочинения; он, как и следует последовательному соловьевцу, аскет, вегетарьянец, может не есть несколько дней сряду, дышит носом и прочее; несмотря на эти, несколько курьезные на обыденный взгляд подробности, он очень мил, любит поговорить, на наших беседах, где выступают опытные диалектики с огромной эрудицией, он играет, не скажу первую скрипку, но все же видную роль. Фамилия его Турчанинов; кстати, напиши, знаком ли ты с метафизикой и теорией познания Соловьева: Маня, которая «глубоко подозрительно смотрит на все явления жизни», заинтересовалась Соловьевым и теперь уже кончает его основной труд «Критику отвлеченных начал» и говорит, что покамест не нашла там ни-

чего (не считая мелочей), к чему можно было бы придаться. Кстати, если тебе интересно, я могу подробнее написать о Мане Худадовой, на мой взгляд, она очень интересная особа.

Жду с нетерпением, когда ты «сможешь».

Твой Саша Ельчанинов СПб 1900 XI/17.

¹ Ельчанинов обсуждает содержание самого известного произведения Канта «Критика чистого разума» (Собр. соч. в 8-ми т. М., 1994. Т. 3).

² *Retitio principii* (лат.) – предвосхищение основания, т.е. логическая ошибка, когда в качестве аргумента в доказательстве используется утверждение, обоснованность которого неявно уже предполагает истинность доказываемого тезиса.

³ «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего» – труд немецкого философа Фридриха Ницше (1844–1900), написанный в афористической манере.

1900.XI.17

Е.П. Мелик-Беглярова – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Большая Грузинская, Общежитие имени Имп. Николая, Студенту Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому. Штемпели: Тертер. 1900.11.19; Москва. 1900 11.25. <№ 95>

17 ноября [1900]

Извини, мой дорогой Павля, что так давно не писала. Ездил я в Карачинар на несколько дней навестить Варвару Соломоновну. Мне очень хотелось побывать в Тиф<лисе>, навестить сестер и племянников, но не удалось. Не знаю, сумею ли я поехать в конце этого месяца.

Уже месяц, как Давид уехал в Баку к Маргарите. На днях он должен приехать.

Должно быть, тебе писали, что Христофор сдал удачно экзамен и теперь находится в Баку. Напиши мне, собираешься ли на праздники домой. Может быть, увидимся. Очень жаль, что ты не имеешь знакомых. Нехорошо жить в замкнутом кругу.

Должно быть, теперь в Москве очень холодно. Хотя зимою лучше жить в Москве, чем в Тифлисе. Там квартиры гораздо теплее.

Не знаю, приехала ли Варвара Николаевна или она все еще в Москве.

Часто ли бываешь у Пекок? Ведь они живут довольно далеко. Передай им мой поклон.

Папа был в Тифлисе и теперь, должно быть, уехал в Кутаис.
До свидания, дорогой Павля, будь здоров и живи немно-
го веселее. Целую тебя крепко,
твоя тетя Е.П. Мелик-Беглярова.

1900.XI.19

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конвент: В Москву. Большая Грузинская. Общежи-
тие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту
П.А. Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис.
1900 11.20; Москва. 1900.11.25. <№ 94>

Тифлис
19 Ноября 1900
Милый Павлик.

Напрасно ты жалуешься на неполучение писем. Я пишу довольно часто, даже слишком часто для себя. У нас ведь, собственно, слишком мало интересного. Ты можешь представить себе весь наш домашний строй, как было при тебе. Перемен решительно никаких. Папа уже уехал в Кутаис. Письмо твое я пересылаю ему. Ты описываешь мне свои способы сохранения провизии и т.д. Немножко странно видеть такую хозяйственность. Разве нельзя иметь к вечеру свежий хлеб или что-нибудь для еды? Считаю с сегодняшнего дня, остается еще месяц до твоего приезда.

Напиши, которого ты думаешь выехать. В первом письме декабря я пришлю тебе денег на проезд, а пока наслаждайся северной зимой. Она, правда, имеет в себе много прелести, в особенности, если бы тебе удалось побывать где-нибудь за городом и насладиться этой особенной зимней тишиной и тихонечко падающим снегом. В такой картине есть что-то действительно очищающее душу. У нас пока погода не установилась, но нет особенной слякоти. – Отчего ты не пишешь ничего о своих работах? Это очень интересно знать. До свидания, милый мальчик. Целуем тебя все. Дети здоровы. Андрюша уже стоит сам, но ходить еще не решается, а осторожно-осторожно приседает на пол, после того как устает стоять. Теперь у него опять новая няня. Ремсо тетя кланяется тебе и все собирается ответить на твое письмо. Авось к приезду твоему и соберется. Лиза тетя пока еще в деревне. Кланяйся Пекок и твоим товарищам.

Твоя мама.

1900.XI.19

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Воскресение 19 ноября. 1900 г.

Дорогой Павля,

я встала позавчера, но вечером того же дня еще до чаю снова легла, вчера я встала совсем, теперь я здорова. Лежала я шесть дней. Твое письмо я получила 11 ноября. Давно ли ты не получал от меня писем? Здесь почти каждый день лед. Какая погода в Москве? Не знаешь ли ты, какого числа ты приедешь к нам? Марья Александровна¹ почти каждый день говорит, что «...урок выучен хорошо». Я пропустила прошлый урок с ней. С мамой эти дни я не занималась, потому что была больна, и у мамы не было времени. Узнал ли ты, кто нарисован на карточке, которую тебе прислала Ремсо тетя? Эту карточку прислала тебе Лиля. У Лили тоже теперь болит горло. На двор меня не пускают. Андрей умеет немного стоять. У него теперь идет пятый и шестой зуб.

Профессор Допотопнов. (Продолжение.)

На место «адских ворот», продолжал старик, открылась бездонная пропасть. Мне это известно уже несколько дней, – ответил Пуцкинс. Я приехал затем чтобы проникнуть в пещеру. Ведь это золото дьявола, сказал старик. И к несчастью, теперь пещера замуровалась. – Какое несчастье! – воскликнул лорд. При этих словах старик впился суровым, испуганным взглядом в лорда, потом с чувством плюнул и отошел прочь. В одно мгновение кучка крестьян рассмеялась и исчезла из виду. По-видимому, старик принял Пуцкинса за колдуна или за самого чорта. Они доехали до гостиницы. Стоявший у дверей человек пошел навстречу лорду и поздоровался с ним. «Что же слышно у "адских врат"? Я ведь приехал, чтобы заглянуть с вами в глубь земли. По лицу геолога пробежала тень. – Не напоминайте мне о печальной действительности, сказал он и на минуту замолчал. – Ваше молчание подтверждает печальную новость.... – Ах.... не растревляйте моей раны. – Значит правда, что отверстие закрылось? – Увы, это правда! – Но вы все-таки видели его? – Видел, но только издали... Клубы пара вырывались из земли и мешали подойти близко. Правда, следы разрыва остались и даже на довольно значительном расстоянии... – И то хо-

рошо! – Да что мне из этого? – сказал геолог. – Проникнуть внутрь нельзя, а в этом вся суть. Мне говорили, – и это сильно смахивает на сказку, – что до моего приезда один смельчак спустился в открытое тогда еще отверстие и рассказывал чудеса о том, что видел там. Я даже сам разговаривал с этим героем, но разве можно полагаться на чужие слова в таком важном деле. Теперь я ищу трещину, через которую можно было бы пройти внутрь земли. Но я очень сомневаюсь в том, что мне удастся ее найти. Лорд принялся утешать профессора. – Отчаиваться не надо! Если хотите, давайте искать вместе! Конечно, – ответил профессор. Завтра, как мы встанем, примемся за поиски. Когда новые знакомые уничтожили незатейливый ужин и исчерпали все текущие темы, они вошли в комнату, загроможденную палеонтологическими экземплярами. (Продолжение буд.)

Милый Павля, прощай, целую тебя.

20 ноября. Твоя Валя

Сегодня меня пустили на двор. Сегодня тепло и солнце.

<Рисунок запечатанного письма>

¹ Мария Александровна, княжна Туманова – учительница музыки детей Флоренских.

1900.XI.21

П.А. Флоренский – Ю.А. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. Ольге Павловне г-же Флоренской. (Для передачи Люсе.) Николаевская, № 67. Штемпели: Тифлис. 1900.11.27. <1900 г.>

<На обороте конверта рукою Ю.А. Флоренской:> Психология Психиатрия Маниак Тератологические уроды.

Дорогая Люся!

Письмо твое получил и, как видишь, тороплюсь тебе ответить, чтобы не откладывать писания со дня на день. Относительно книг сделаю, что будет можно. Когда увидишь Женю, то кланяйся от меня ей и Екатерине Ивановне. Часто ли у нас бывает Боря и что он, вообще, делает? Коля тебе кланяется.

Относительно твоих работ я тебя не совсем понимаю; ну, написала плохо. Что же из этого? Конечно, неприятно порицание учителя, но, по моему мнению, часто бывает в высшей степени полезно написать именно плохо, так чтобы самым

наглядным образом убедиться в своем невежестве. «...Ты думаешь ли, что он решился бы исследовать, или изучать то, в чем представляет себя знающим, не зная, пока не впал бы в недоумение и, уверившись в своем незнании, *не пожелал бы узнать?*» Так говорил «мудрейший из эллинов» у Платона¹, и с ним нельзя не согласиться. Чем больше обнаруживается наше незнание, тем лучше; чем глубже скептицизм, чем сильнее отчаяние в возможности познания – тем надежнее, тем шире будут дальнейшие познания². Только при этом необходимо одно: «томление духовной жаждою». Если под влиянием необходимого момента духовного развития – сомнения человек отступит, скажет, что он не станет больше искать, что ему все эти неудачи надоели, то он в известном смысле погиб. Даром ничего не дается, и если кто не хочет истины, то, конечно, и не получит ее. Если нужно уметь во время оценить свои силы и способности, то тем более нужно держаться правила знаменитого (уж не знаю, как назвать его) Юнга³: «другие могут, значит, и я могу». Я это говорю все к тому, что ты прекрасно сможешь заниматься, когда захочешь; а в занятиях самое важное умение работать, т.е. заниматься в свое время (напр<имер> не слишком поздно), регулярно и вдумываться. Я собственно не совсем представляю себе требований, предъявляемых к твоей работе; но все-таки мне она не кажется трудной. Если взять да продумать систематично материал, то не думаю, чтобы при такого рода вопросе возможна была какая-ниб<удь> путаница. Прежде всего, выясни себе тему, что требуется. Возьми из данных тебе книг определение понятий, заключающихся в теме. Далее само все пойдет гладко, если только материал продуман и известен.

Мне на Рождество придется тоже много поработать. Уж не говоря о своих собственных занятиях и занятиях по математике и физике, я взял себе 2 реферата по некоторым вопросам; да еще надо будет взять по физике *обязательный*. А для рефератов надо будет основательно проштудировать «Логикку» Милля и его «Разбор философии Гамильтона» вместе с еще другими томами и томищами, «Республику» Платона, да и вообще все его сочинения в количестве 8 больших томов и др.⁴ Так что ты можешь быть довольна.

Теперь в университете начались у некоторых профессоров зачеты, так что некоторые лекции не читаются; вообще хочется поскорее от него избавиться, т.к. уже в воздухе чувствуются каникулы и занятия идут уже не так, как прежде. Но приеду (если только будет возможно) во всяком случае еще не скоро.

Относительно книг напиши мне определенно, что именно надо тебе. Может быть, ты узнаешь незаметно, что бы хотелось детям, и вообще укажи, чем теперь кто занимается и чем интересуется.

Как теперь здоровье папы и мамы? От папы я уже давно не имею писем и не знаю даже, в Кутаисе ли он сейчас. Целую тебя и всех вас. Тороплюсь окончить письмо.

Твой Павля

Москва 19 21/XI 00

¹ «Мудрейший из эллинов» у Платона – это Сократ. В платоновской «Апологии Сократа» есть рассказ о том, как афинянин Херефонт спросил оракула в Дельфах, есть ли кто мудрее Сократа и получил ответ, что никого мудрее нет.

² Это замечание Флоренского, с одной стороны, перекликается с темой незнания, как она развита в «Апологии Сократа» Платона, а с другой – носит автобиографический характер, содержит намек на кризис, пережитый Павлом Флоренским в последнем классе гимназии (см. об этом: «Детям моим...». С. 242–245).

³ Речь идет о Томасе Юнге (1773–1829), английском ученом, одном из создателей волновой оптики. Он работал также в области акустики, физики теплоты, механики, астрономии, геофизики, зоологии, математике, филологии, египтологии. Флоренского не могла не привлекать разносторонность интересов Юнга, вероятно, фраза «уж не знаю, как называть его» намекает именно на эту разносторонность.

⁴ Имеются в виду рефераты: «Учение Милля об индуктивном происхождении геометрических понятий» для семинария по психологии Л.М. Лопатина; «Идея блага в платоновом “Государстве”» для семинария по древней философии С.Н. Трубецкого. Для подготовки к ним Флоренский собирается изучать произведения английского философа-позитивиста Джона Стюарта Милля (1806–1873): *Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М., 1899; Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона и главных философских вопросов, обсужденных в его творениях. СПб., 1869. «Республика» – другой перевод названия диалога Платона «Государство».*

1900¹.XI.21

О.П. Флоренская – А.И. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Тифлис

21 Ноября

Милый Миша,

Дети и я поздравляем тебя с твоим праздником, как они говорят. Мне, собственно говоря, и писать не хочется, так

мы все были уверены, что ты будешь здесь к 23 Ноября. Но, увы приходится разочаровываться. Валя все вздыхает: Ах, когда будет новый год, чтобы папа приехал. Мы уверены, что к этому времени ты, конечно, приедешь. Эти несколько дней у нас ужасная погода. Мокро и идет снег. Я с некоторым страхом ожидаю, что ты должно быть в разъездах в такую ужасную погоду. У нас все идет гладко и хорошо. Сидим дома и не особенно скучаем. Люся начинала в гимназии учиться латинскому языку, а Шура сегодня взял первый урок музыки. Он все эти дни сам не свой от волнения. Все ожидает получить какие-то чудеса на свой праздник и приглашает нас выйти из дома, хоть на <нрзб.>.

До свидания, милый.

Я все-таки надеюсь, что, может быть, это письмо дойдет до тебя.

Твоя Ма...

¹ Год поставлен по содержанию.

1900.XI.21

М.Н. Городенский – П.А. Флоренскому

Конверт: г. Москва. Большая Грузинская. Общежитие студентов Николая II. Ст-у П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1900.11.23; Москва. 1900.11.27. <№ 96>

21 ноября 1900.

Дорогой Павлуша!

Когда я получил и прочитал твое последнее письмо, то сильно рассердился, как это ты сам предвидел. Вот причина моего молчания. Подумай, мог ли я отвечать, будучи в столь возбужденном состоянии? Как человек благоразумный и практический (NB. Зри «мебель», «собственный экипаж» и пр.), я решил дать себе поостынуть. Чтобы избежать репутации ругателя. Несколько раз я принимался за перо, но с горечью замечал, что вовсе не в состоянии придумать что-

Тифлис. Кавказский татарин. Снег.
Почтовая карточка из серии «Кавказ».
Изд. Эккель и Калах.
М. 1900-е гг.

нибудь более правдоподобное, чем «дубина, лентяй, шарманщик» – и прочее в таком роде. Как ни приятно человеку, рожденному от женщины, слышать правду, но тебе она могла не понравиться, и я предпочел переварить в себе все эти мерзости, чем нажить врага (человека ехидного и злопаятного).

Недавно я был у ваших и взял «Механику Бобылева». Александр Иванович не решался отдать ее мне и упорно стоял на том, что она может тебе понравиться и даже понадобится. А на что, интересно знать? Если усматривать в ней средство от бессонницы, то для этого можно использовать известные книжки известного философского содержания (напр<имер> «Чем люди живы?»). Я поручился ему, что действительной надобности в ней не предвидится для тебя до третьего курса, к пониманию которой она и подогнана; что, наконец, я клятвенно обещаю возвратить ее, как только ты этого потребуешь – в уверенности, что ты не сделаешь такой подлости. Мало этого – я так глубоко уважаю тебя как человека и как ученого мыслителя, что надеюсь не встретить отказа и в другой своей просьбе. Если мне не изменяет память, у тебя должна быть «Физика» Хвольсона. Видишь ли, у меня есть первый том ее, есть также и второй, а третий и четвертый покамест у тебя; но я думаю, что не поленишься захватить их с собой, когда будешь подниматься на Рождество в Тифлис; я буду тебе признателен, насколько это позволят мои силы, и стану на всех перекрестках провозглашать тебя величайшим философом всех времен вообще и двадцатого столетия в частности. А что ты приедешь, я в этом боюсь сомневаться и уже, конечно, не из-за жидовской физики; мне бы хоть глазком взглянуть на твой синий воротник, хоть краешком уха послушать твои вдохновенные речи – и на меня, может быть, сойдет утешительный сон, что и я студент и снова вдохновен и по-прежнему пытаюсь схватить Славу голыми руками...

Как на улице Варваринской

Спит Касьян мужик Камаринский...

Может быть, пригожусь чем-нибудь в твоих приготовлениях к экзаменам; начинающие обыкновенно находятся в совершенном недоумении, с какого конца следует приняться, а я эту школу уже прошел.

Приезжай скорее. Нацелуемся на славу и подивуемся друг на друга, как, мол, он того и этого и все такое...

Меня ты найдешь в кургузом пиджаке с длинными как у Черномора усами – предупреждаю нарочно, чтобы ты впопыхах не откусил их. Сходим вместе в театр. Послушаем старика Глинку, помянем и Пушкина, не забудем и других. А может быть, ты, как просвещенный европеец, научился уже брезговать русским искусством? Оно ведь задумчивое и тихое, сразу и увидеть мудрено. Ну что же, если и в этом мы не поймем один другого, все-таки остается про запас Новый Год, Новое Столетие, подумай только! Сколько блестящих гипотез предстоит нам высказать молодому веку и сколько помоев вылить на лысую голову столетия Старика, которого предстоит нам пережить (?).

Одним словом, жду, жду и жду тебя, как вечный жид Мессию; если же не приедешь, прерву всякие сношения, а пока обнимаю.

Твой М. Городенский

1900.11.22

Е.П. Мелик-Беглярова – О.П. Флоренской

Ханаля. Конверт отсутствует.

22 Ноября 1900 г.

Дорогая Оля,

Вчера мы приехали в Карачинар повидать <фамилия нрзб.>, у которой умерла <нрзб.> Завтра возвращаемся домой. Грязь и холод, и приходится ехать долго. Коля приехал из Баку, и по словам Н.Р. он и Соня¹ в прошлое воскресенье должны были уехать в Петербург.

Машину для очистки хлопка еще не ставили. И еще остается не собранный хлопок. Табак сортируется.

Не знаю, что делается у вас. Жду письма Ремсо. Только здесь Давид мне сказал, что он ошибся и сосчитал тебе % на один год меньше. Сочтемся при встрече.

Если Ремсо купит мебель, попроси заказать и чехлы из цветного кретона.

Пиши мне, моя Оля, хоть изредка. Какие известия от детей? Мы еще очень не скоро соберемся в городе.

Е. М-Б

¹ Николай Ростомович и Софья Павловна Карамян.

1900.XI.25

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. Ольге Павловне г-же Флоренской. Николаевская, д. № 67. Штемпели: Москва. 1900.11.26. Тифлис. <нрзб.>

Дорогая моя мамочка!

Когда я выеду, еще неизвестно, т.к. неизвестно число официального отпуска и прекращения лекций. Думаю, что числа 15–17, а может быть, случится и раньше. Очень жаль, что теперь у нас морозы прекратились, даже снег немножко подтаивает, так что уже нет той прелести, какая была раньше.

Сегодня был у Пекок; вспоминали вас всех. Бабушка показывала мне твое письмо, написанное 29-го сентября. Но пришло оно к ней только несколько дней тому назад. Ты неверно написала их адрес; он таков: Москва, Бутырки, Большая улица, дом Семенова etc. Я ей передал портрет Вали, кот<орый> рисовала Лиля. Относительно твоего поручения я решил так: промучившись 2 недели с мыслью о том, что выбрать для подарка и как зайти в магазин (ко всем магазинам, кроме книжных, я питаю боязливое почтение), я решил, наконец, что явиться к ним с подарком после праздника я все равно не посмею, да и будет странно, а лучше понемножку и незаметно приносить нужное.

Бабушке теперь, как будто, лучше. Она и бодрее и сильнее стала на вид.

Ты пишешь, что я не сообщаю ничего о своих работах. Я не совсем понял, о каких именно ты говоришь, но, во всяком случае, могу ответить так: писать вообще – слишком, вообще значило бы давать ряд голословных утверждений; вдаваться в частности, детали, едва ли кому-нибудь, кроме меня самого, будет интересно читать об этом, т.к. невозможно будет разобраться, что для чего. Да и, кроме того, чтобы написать все, как следует, надо иметь и силы, и знания, которых я вовсе не имею. Сколько ни пиши, все будет слишком мало по сравнению с книгой, и слишком много для письма. Подожди, поработаю, и тогда вместе поговорим, моя дорогая. Я папе иногда пишу о некоторых мелочах, но только для того, чтобы он помог мне: самостоятельного интереса эти мелочи не имеют, а, в общем, для меня могут значить много, так что, думаю, ни тебе, ни папе они не могут быть интересны.

Что делают дети и Люся? Много ли надо будет заниматься с Шурой, или нет?

Я знаю, дорогая, что у тебя нет времени и возможности писать мне так часто, как я бы этого хотел. Если я вздыхаю, что не получаю писем, то это только так, и ты не обращай внимания. Немецким я почти не занимаюсь: нет времени, да и желания также особенного нет. Уж займусь летом, когда можно будет распределить день по своему усмотрению.

Письмо Ремсо тети застану, вероятно, дома на ее письменном столе. Передай ей мой поцелуй и скажи, что у нас теперь разгар всяких студенческих концертов, вечеров с благотворительными целями etc. Впрочем, я пока нигде не был, да и не думаю быть где-нибудь. Уж не говоря о времени, я вижу, что совсем не гожусь для светского общества. Как только начинается порхающий по разнообразным темам разговор, я сейчас как-то цепенею, мысли путаются, голова пустеет, и я чувствую, что даже глаза как-то останавливаются на месте. А после этого целый день головной боли и тошноты ко всему. Самое большее я могу поддержать «раз-

*Новомейские.
Надписи на обороте:
«Дорогому Павлуше
от горячо любящей
его семью Марии Но-
вомейской» и рукою
П. А. Флоренского:
«Северин Феликсович,
Мария Сергеевна,
Ева Севериновна и
Феликс Северинович
Новомейские»*

говор» это $\frac{1}{4}$ часа, а после этого уж никак не могу выжать из себя ни одного слова.

То ли дело, когда тема ясно поставлена, говорят собеседники не для процесса говорения, а для выяснения вопроса, когда слышишь не голословные утверждения или традиционные, истершиеся и истрепавшиеся мысли, а новое нечто, основанное на знаниях, являющихся результатом внутренней работы. Тогда совсем другое положение.

Как теперь здоровье папы? Люся мне что-то писала о его пальце, но я не вполне понял. Здоров ли он теперь. Письма от него очень давно не имею. Завтра, вероятно, напишу ему снова. Целую тебя, дорогая моя мамочка, и вас всех.

Твой П.

Москва 19 25/XI 00

1900.XI.25

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву Большая Грузинская Общежитие Студентов Имени Императора Николая II Студенту П.А. Флоренскому Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1900.11.26, Москва. 1900.12.01. <№ 97>

Тифлис

25 Ноября [1900]

Мильий Павлик.

Наконец-то ты приедешь домой. Может быть, окажется, что здесь вовсе не так уж весело, как казалось издали, но это ничего, зато Москва больше понравится по возвращении. У нас ничего нового. Папа уже уехал, как я тебе писала в предыдущем письме. Письмо твое я переслала ему. Ожидаем приезда Лизы тети и, может быть, Давида к 28 Ноября. Последний, наконец, кажется, поступит на службу в Баку, так как жизнь в деревне ему невыносима. Ты спрашиваешь о занятиях детей. Они идут довольно успешно у всех, за исключением Шуры, который немножко хромает. Думаю, что во вторую четверть у него будут лучше отметки. Люся работает довольно, в особенности старается об этом Гехтман. Порой ей даже трудно приходится, так как времени слишком мало для задаваемых уроков. Лиля идет отлично. Мне крайне жаль, что твои занятия тебя так мало удовлетворяют. Неужели в таком большом городе, как Москва, нельзя найти необходимых книг? Или тут какая-нибудь другая причина?

Не экономь особенно. Деньги на проезд мы вышлем, а ты не отказывай себе в нужном. – Ремсо тетя еще здесь. Она уедет в Баку уже по приезде Лизы тети сюда и думаю, что на праздники вернется в Тифлис. Кланяйся Пекок и своим товарищам. Дети с нетерпением ждут тебя. До свидания, милый мальчик. Не забывай свою

Маму

1900.XI.25

С.Ф. Новомейский¹ – А.И. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Глубокоуважаемый Александр Иванович,

Если Вы не переменили Ваше решение с Нового года оставить место Губернского Инженера в Кутаисе, то уже пора заявить о Вашем желании перейти на службу в распоряжение Главного начальствующего.

Я лично просил Князя о назначении Вас и Бутенко и получил его согласие. Вот только нужно подать Докладную записку (хотя бы почтой) по прилагаемой форме, данной мне в Канцелярии Главного начальствующего.

Не знаю только, нужны ли будут гербовые марки, вероятно, Вы это сами узнаете в Кутаисе.

Относительно размера Вашего вознаграждения свыше 3/т<ысячи>. р. не могу поручиться, это вопрос, который можно будет возбудить потом. При распределении % мы втроем будем участниками по усмотрению Главного начальствующего. Относительно Ваших пятилеток не знаю, как будет, не потеряете ли Вы свои права при переходе на службу не на штатное место. Это будет зависеть от применения того или иного закона. По получении от Вас докладной записки Канцелярия спросит Кутаисского Губернатора, не имеется ли с его стороны препятствий к Вашему переводу и потребует Ваш послужной список.

Если к этому времени Гершенмани возвратится из отпуска, то надо будет Вам его предупредить, и в случае если почему-нибудь он не пожелает назначить Сахарова, то я готов ему рекомендовать Анатолия Викторовича, который очень желает переехать на Кавказ и в особенности в Кутаис и которому тогда можно будет телеграфировать.

Проект Дерчского моста в день получения Вашего письма был отправлен в Канцелярию с мотивировкой о необхо-

димости разрешить эти работы к производству хозяйственным способом.

Буду ожидать ответа Вашего на это мое письмо, а пока прошу принять заверение моего искреннего уважения.

Преданный Вам

С. Новомейский

25 ноября 1900 г.

г. Тифлис

Бутенко уехал осматривать дороги Тифл<исской> губернии.

¹ Новомейский Северин Феликсович – коллега Александра Ивановича и друг семьи Флоренских.

1900.XI.26

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Студенческое общежитие имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: 1900.11.; Москва. 1900.12.02.

26/XI 1900.

Дорогой мой Павлуша, мне кажется, что все твои рассуждения о 0 в последнем письме совершенно правильны, но и не представляют ничего нового или неясного. Конечно, безотносительный 0 , абсолютный, не то же самое, что 0 в природе и человеческих действиях, если последние выделить в отдельное нечто от природы. В последнем случае 0 выражает законченность известных действий, прохождение ими полного цикла, если я правильно выражаюсь, или закон равновесия, т.е. равенства действия и сопротивления, выражаемые математически, уравнением. Закон этот, кажется, гораздо ранее был применен в торговом производстве, под названием сведения баланса, т.е. математическая сумма операций денежных всякого торгового учреждения в каждый данный момент равна 0 . Это ты можешь проверить в каждой газете по печатаемым отчетам банков и т.п., где кредит = дебиту всегда, т.е. кредит – дебит = алгебраическая сумма всех операций = 0 .

Что 0 и ∞ не есть собственно определенные величины, которые можно соединять знаком равенства, видно из того, что если допустить, что вообще $0 = 0$ всегда, то придешь к

Москва. Улица
Б. Пресня и Зоологи-
ческий сад. Почтовая
карточка 1910-х гг.

абсурду, что и всякая величина равна всякой другой, что и доказывают любители математических фокусов.

Мне кажется, что выражение противоположности в математике знаками $+$ и $-$, недостаточно удовлетворительно, и не может обнять всех противоположностей реального мира; а из того, что введение отрицательных величин привело к мнимым выражениям, т.е. невозможным, необходимо доказывать и фактическое несуществование отрицательных реальных величин. Противоположность должна быть выражена как-нибудь иначе, но как, не знаю.

Ты довольно хитро своими умозаключениями хочешь доказать то, во что человечество старается верить, т.е. что ни оно, ни индивидуум не могут обратиться в ничто. Но мне только одно ясно, что для каждого быть *ничто*, это быть в известной желаемой форме; но этого-то, кажется, нам тщетно ожидать, так как этому условию можно удовлетворить не уравнением, а абсолютным 0 , а не тем условным 0 , который ставится во 2-ой части уравнения, по переносе всех членов в одну сторону. Вот почему, дорогой, высшая желаемая форма жизни для меня выражается формулой предлагаемой какого-то римского императора «*laboremus*»¹, чем заканчивается и Фауст Гете. А эта формула выражает и мою заветную мысль, что реальное знание – есть наиболее желаемое и наиболее светлое в истории человечества. Всякие же формулы чисто спекулятивного характера, как напр<имер> религиозные, именно благодаря их абсолютности и всеобъемлемости по линии адептов их, приводят так или иначе

к ауто-да-фе, хотя и с добрым желанием – спасти души противников.

Но довольно, дорогой, философствовать. Надеюсь скоро тебя увидеть. Говорить нам мало придется, потому что по понимаемым вопросам легче писать, чем говорить. Но мне все-таки интересны эволюции твоей мысли, хотя я уверен, что ты скоро придешь вновь к старому, т.е. к опытно-теоретическому знанию. До свидания, мой дорогой, помни мать и своих сестер и братьев. Это высшее мое желание. Твой отец.

¹ laboremus (лат.) – будем трудиться!

1900.XI.28

О.П. Флоренская – А.И. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Тифлис

28 Ноября

Мой милый, дорогой Мишенька.

Мне очень жаль, что ты уехал под таким тяжелым впечатлением. Правда, что с твоего отъезда мало что переменялось, но мы уже привыкли, и болезнь детей не так уже страшит нас. Маленькое терпение, и все пройдет. Теперь мы даем детям довольно значительные <нрзб.>, и кажется, что у Люси и Шуры болезнь пройдет в гораздо более легкой форме, по крайней мере, без этих закатываний, как у Лили и Вали. Агуля чуть-чуть уже лучше, чем прежде. Ремсо переселилась в детскую и помогает смотреть за ними ночью, без чего было мне крайне трудно. Надеюсь, что через несколько дней наступит более спокойный период болезни. Вчера погода была хорошая, солнечная, и я попробовала прокатить детей в Муштаид¹; сегодня уж опять пасмурно. Хорошо, что ни одна учительница не отказывается приходить, и дети могут хоть немного заниматься. Ты уехал, а мне кажется, что я не успела хорошенько повидаться и поговорить с тобою перед отъездом. Как ты себя чувствуешь? Устроился хоть немного удобнее? Пожалуйста, миленький, возьми себе из Эривани человека, чтобы иметь порядочный, регулярный стол. Это весьма важно, при твоём состоянии здоровья и рассчитывать на это более чем страшно с твоей стороны. Как же ты хочешь, чтобы мы пользовались спокойно окружающим нас благополучием? Дети целуют тебя. Они все хлопочут, что бы им приготовить к твоим насту-

пающим именинам, с которыми и я поздравляю тебя. Чем же ты отпразднуешь их? Напиши, не очень ли будешь скучать и как проведешь день. Кланяемся тебе все.

Твоя Мама...

¹ Муштаид – сады на окраине Тифлиса.

1900.XI.28

Р.П. Тавризова – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Большая Грузинская. Общежитие Студентов имени Императора Николая II. Павлу Александровичу Студен. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1900.11.29; Москва. 1900.12.4. <№ 100>

1900. 28 ноября

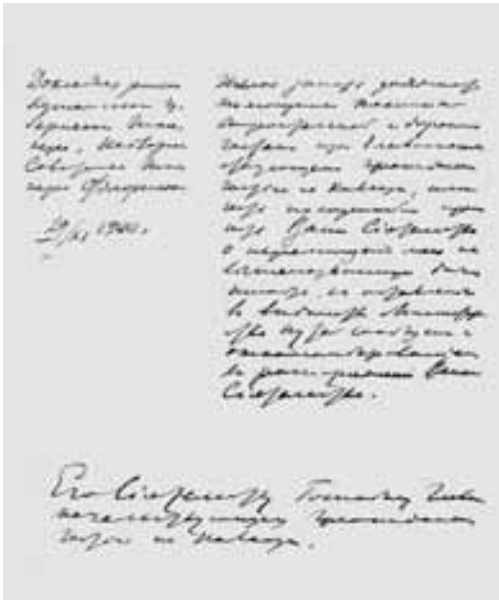
Тифлис

Дорогой Павлушенька,

Давно собираюсь писать тебе, но все откладывала.

Мама и папа постоянно пишут тебе, поэтому-то мне и кажется, что интересного вряд ли остается и на мою долю, чтобы могла сообщить. За это время у нас побывали Марго и Хр<ристофор> Ал<ександрович>, у него здесь брат больной, и приезжали его навестить. Скоро и ты соберешься, но Люся говорит, что ты взял себе много работы – не перетрачиваешь ли силы и не слишком ли злоупотребляешь своей головой? А твой брат *пока* <относится> философски к занятиям, правда, что он очень мал для класса, потом он будет смотреть на занятия более серьезно. Приедешь, увидишь их. Лучше было бы, если бы ты приехал с большим запасом свободного времени, чтобы могли наслаждаться обществом старшего отсутствующего брата. Андрей говорит пока только «папа, мама, тата» и больше ни-ни. Сегодняшним вечером мы разочарованы: Лиза тетя обещала быть сегодня, а потом известила, что не может приехать; завтра верно приедет Сергей дядя. Давид сейчас дома, но скоро вернется в Баку. Тебе, в сущности, и нечего писать обо всех подробно, ты сам, несмотря на частые письма, мало в них сообщал о жизни своей и столкновениях в новой жизни.

Ведь и разговором не выманишь у тебя ничего; впрочем, может долгий пост (отсутствие своих) на тебя иначе подействует. Папа вернется не раньше праздников.

Черновик Докладной записки, с которой А.И. Флоренский обратился к Главноначальствующему кн. Г.С. Голицыну с прошением о повышении и переводе в Тифлис

1900.XI.29

А.И. Флоренский – Главноначальствующему гражданскою частию на Кавказе кн. Г.С. Голицыну¹

Докладная записка Кутаисского Губернского Инженера, Надворного Советника Инженера Флоренского.
29/XI 1900

Желая занять должность Помощника Техника по строительной и дорожной частям при Главноначальствующем гражданскою частию на Кавказе, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о перемещении меня на выше-названную должность с оставлением в Ведомстве Министерства Путей Сообщения и откомандированием в распоряжение Вашего Сиятельства.

Его Сиятельству Господину Главноначальствующему гражданскою частию на Кавказе.

¹ Главноначальствующий гражданскою частию Кавказской администрации и, одновременно, Командующий войсками Кавказского округа и Наказной атаман казачьих войск в 1896–1905 гг. – князь, генерал от инфантерии Григорий Сергеевич Голицын (1838–1907).

Если тебе интересно, я тебе сообщая, что думаю на будущей неделе поехать в Баку, а на Новый год быть дома.

Худадовы, конечно, тоже собираются домой на праздники.

У нас все здоровы. Говорят, у вас много заболеваний инфлюэнцией, береги себя, иначе плохо придется. Тебе уже совсем мало времени осталось до приезда домой.

До скорого свидания, милый Павля, целую тебя.

Твоя РТ

Люся и Гося получили твои письма.

1900.XI.29

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

29 ноября. Среда. 1900 г.

Дорогой Павля,

твое письмо я получила 23 ноября, и не ответила тогда же, потому что у меня было уже тогда написано письмо, и мама еще не посылала тебе письмо. Лиза тетя вначале обещала приехать 28 ноября, то есть вчера, но раздумала, и позавчера получили от нее письмо, в котором пишет, что пока останется в деревне. Ремсо тетя на будущую среду поедет к Соне тете. Папа уехал 14 ноября и приедет к Рождеству. Здесь, верно, так уже неделю идут дожди, и грязно. Какая погода в Москве? Здесь снегу не было кроме тех раз, которые я тебе писала. Лед почти каждый день. Гося позавчера получила твоё письмо.

Профессор Допотопнов. (Продолжение.)

Неужели все эти богатства набрали в этой деревушке? – спросил лорд. – О, нет! коллекция составлялась мало-помалу в разных местностях. Теперь я все это сортирую и упаковываю для дальнего пути. Большая часть уже в сундуках. У меня есть предметы, которыми я не натешусь. – Что же, вы сделали какое-нибудь открытие?.. – Нет! Я нашел несколько окаменелостей для нашего музея, из них мне дорог экземпляр пещерного льва. – Когда в Боснии жили львы? спросил Пуцкинс. – Очень недавно! – Сколько же лет тому назад? – Несколько тысяч. – Действительно, «очень недавно», – улыбаясь, проговорил лорд. Ирония, звучавшая в этих словах, не ускользнула от профессора. – Я говорю, – поспешил он объяснить, – о породе вымершей. Теперешние львы были недавно в Европе очень часто. Повторяю: все позавидуют мне, когда я выставлю его скелет в большой зале музея. Все косточки налицо! Правда, мой лев составлен из костей нескольких львов, но это уж не моя вина. Раз не один из них не сумел сохраниться в целости, они должны все вместе послужить к воссозданию их типа. – Отсутствующие кое-какие косточки вы, вероятно, без большого труда заменили косточками их невинных жертв – антилоп, лошадей... – Перестаньте! – воскликнул геолог, затыкая уши, – я не могу слушать подобных слов. Мой скелет безупречен. Если хоть одна

косточка окажется чужой, я отказываюсь от своего звания ученого. Прежде всего – точность, любезный друг. Прошли времена ученых, которые складывали скелеты змей и драконов из костей медведя и проч... Минули также времена академиков, как Генриен, доказывающий, что праотец наш Адам был вышиной в 38 ½ метров, а Ева в 37 метров!!... И так же времена Вольтера, который писал в своем «Философском словаре», что присутствие морских раковин на вершинах известковых альп объясняется тем, что когда-то через эти горы проходили богомольцы в шляпах, украшенных раковинами, и что эти раковины по дороге осыпались с их шляп и остались до сих пор. И т.д.

Продолжение будет.

Милый Павля, целую тебя.

30 ноября.

Сегодня идет дождь, вчера вечером приехал Сергей дядя.

1900.XI.30

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому и В.Ф. Эрну
С.-Петербург. Конверт отсутствует. <№ 98>

Дорогой Павлуша! Спасибо тебе за письмо и за «предварит<ельные> замечания»; они много для меня выяснили, особенно твое рассуждение о суждениях и псевдосуждениях (комбинациях слов). Конечно, я очень хочу продолжения, если тебе не особенно трудно. Прости, пожалуйста, но твоя

Ельчанята. Гимназисты, ученики А.В. Ельчанинова. На обороте надпись: «Флоренскому. Тифлис. 1900.I.6. А. Ельчанинов»

фраза «я, кажется, почти согласен с учением церкви *православной*... главным образом, на осн<овании> занятий математикой и философией» для меня звучит дико; признавать вообще христианство на основаниях такого рода, это еще ничего; но именно православного толка, этого я покамест не могу понять, ведь разница и основывается на толковании текстов, на некоторых догматах etc.

Я часто наблюдал субъектов, которым нравится скептицизм, отрицание всего, и которые крайне были бы недовольны, если бы им логически указали на твердые основания для филос<офского> мировоззрения, таков например Минский¹, питающий «вражду к тому, что есть» и который жаждет «святых, которых нет». Пишу об этом для нижеследующего; уверяя тебя, что я не таков, я самым искренним образом хочу на что-нибудь опереться, и тем неприятнее мне было, что твое рассмотрение афоризма Ницше не убедило меня. Есть суждения истинные и суждения ложные (напр<имер> суждение, что гром – это колесница Ильи – ложно, в нем нет совпадения мысли с действительностью); отсюда вопрос, нужно ли такое совпадение? (это вопрос, а не утверждение, как ты понял это, Ницше *не* говорит, что не нужно истинных суждений, он просто показывает, что мы не имеем указания, выбирать ли нам ложное суждение, или истинное) это вопрос этики, поведения, пожалуй. Твое доказательство и есть софизм «истец»², потому что Ницше не отрицает того, что бывают суждения истинные, а бывают и ложные, неизвестным остается только, почему мы должны брать одни и отвергать другие.

Насчет возможности других логич<еских> законов вопрос не так важен, потому что я *согласен* мыслить так, как к этому принуждает меня свойство моего разума, лишь бы хоть эту, относительную истину можно было бы с полным правом получить.

Ельчанина –
Наталья и Михаил
Михайловичи
Карповичи. Фото
А.М. Иванецкого,
Харьков. 1900-е гг.
Архив К.Д. Фомина

Один из ельчанят –
Калашиков Михаил
Георгиевич с матерью
Ниной Викентьевной.
1900-е гг.
Архив К.Д. Фомина

Не посоветуешь ли ты или Эрн мне какого-нибудь курса логики, я хотел прочесть Милля, но мне сказали, что он труден; кажется, остановлюсь на Троицком³. Часто ли тебе пишет Гехтман, мне он написал всего два раза, а я ему раз 5.

Я с нетерпением жду весны, чтобы увидеть тебя и Эрна, на словах, я думаю, все выяснится, а писать трудно.

Прощай, твой Александр

Дорогой Володя! Теперь, когда Введенский подошел к изложению Сократа, для меня многое у Платона стало ясно; по вопросу о софистах и Платоне я прочел Гилярова «Греческие софисты» и читаю теперь «Платон, как исторический свидетель»⁴; обе книги дают огромный материал, слабы только исторические взгляды автора и его мнение, что все этические системы в основаниях имеют эгоизм, даже этика катег<ория> императива (!)⁵. К вам бы я перевелся с удовольствием, если бы не одно обстоятельство; может быть, оно устранится в скором времени, тогда я непременно переведусь в Москву. < Последнее время я себя скверно чувствую (морально); пока я не получал от вас писем, я как-то не чувствовал, чего мне не достает, а теперь особенно ошутительно стало, что некому. Это ерунда, письмом ничего не выразишь все равно.>

Когда будешь в Тифлисе, посмотри, пожалуйста, на моих мальчиков, кланяйся им от меня, а потом напиши, если тебя не затруднит, какими ты их нашел, особенно о Цицианове⁶ и Карповиче; я ужасно зол на Соколовского, я совершенно не

понимаю его: письмах в пяти я «слезно» просил его писать мне о III классе, а он ни слова!

Твой Александр
СПбург 1900 XI/30

P.S. Вообрази себе, Павлуша, я ужасно зол на Вл. Соловьева и на его «Критику» (я ее не читал): До самого последнего времени М. Худачова разделяла со мной все мои сомнения; была полная солидарность в этом отношении, и потому мы были, можно сказать, добрыми друзьями по несчастью. И вдруг прочитывает Маня однажды (по моему же совету, кажется) «Критику» и радикально меняется, у ней теперь «своя» метафизика, «своя» этика etc, etc, мы говорим теперь на разных языках, и я опять один... целая драма, с не совсем обычными персонажами.

Прощай
А. Ельчанинов
1900 XI/30
С.Петербург

¹ Минский (Виленкин) Николай Максимович (1855–1937) – поэт, философ и публицист, декадент и символист. Ельчанинов намекает на «меонизм» Минского: учение о «несуществующих святыхнях» («меонах»). См.: *Минский Н.М.* При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни. СПб., 1890.

² Скорее всего, речь идет о споре между софистом Протагором и его учеником Еватлом, о котором сообщают Диоген Лаэртский (IX, 56) и Авл Геллий (V, 10). Ученик должен был по договору выплатить учителю условленную сумму денег, как только он выиграет свой первый судебный процесс. Обучение закончилось, а ученик и в судебных процессах не участвует, и денег не платит. Тогда Протагор пригрозил подать на него в суд, и сказал: «Если дело выиграю я, то ты заплатишь по решению суда; если выиграешь ты, то заплатишь согласно договору». Но Еватл возразил: «Ни в том, ни в другом случае я не заплачу. Если судебное разбирательство выиграешь ты, то я не стану платить согласно нашему договору, если же выиграю я, то не буду платить по решению суда».

³ Речь идет о книгах: *Милль Дж. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1899; *Троцкий М.М.* Учебник логики с подробными указаниями на историю и современное состояние этой науки в России и других странах. М., 1885–1888. Кн. 1–3.

⁴ *Гиляров А.Н.* Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции. Критическое исследование. М., 1888. 2-е изд. – 1891. *Гиляров А.Н.* Источники о софистах. Платон как исторический свидетель. Опыт историко-философской критики. I. Методология и свидетельства о философях. Киев, 1891.

⁵ Этика категорического императива – этика Канта. См.: *Кант И.* Основание метафизики нравов (1785) // Кант И. Лекции по этике. М., 2000.

⁶ Цицианов Павел – ученик 2-й тифлисской гимназии, член содружества ельчанят – группы мальчиков младших классов, с которыми занимался А.В. Ельчанинов. В нее входили также М.М. Карпович и М.Г. Калашников. Дружбу с некоторыми из членов кружка А.В. Ельчанинов сохранил на всю жизнь.

1900.XII.02

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Комната № 41. Е.В.П. Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1900.12.02; Москва. 1900.12.08. <№ 102>

Тифлис

2 Декабря [1900]

Милый мой Павлик.

Вчера мы с папой с большим удовольствием получили твое письмо. Теперь мы уже ждем тебя домой. Говорят, что остальные твои товарищи будут в Тифлисе к 18-му числу. Отчего бы и тебе не поехать вместе с ними? Не забудь, что теперь везде морозы и ветры, на дороге могут быть задержки, а потому надень непременно под низом теплое белье: ведь шубы у тебя нет, и ты можешь простудиться.

Папа приехал к нам опять по пути. Есть предположение, что с нового года он совсем переедет в Тифлис, так как, вероятно, получит назначение здесь же. Он здоров теперь.

Ремсо тетя все еще здесь. В среду на той неделе она думает ехать в Баку. Насчет письма ты ошибся; оно уже отправлено. До свидания, милый Павлик. Надеюсь, скоро увидимся, так что писать больше не буду. Сегодня высылаем тебе деньги на проезд. Не стоит много думать о детских финтифлюшках. Купи им всем по хорошенькой чашке с шоколадом и сюрпризом, и довольно. Они будут счастливы.

Прокладка дороги на Кавказе. Гравюра. «Животисная Россия». Т. 9, «Кавказ». М., 1883. С. 30

Твоя мама
Поклон Пекокам и товарищам.

1900.XII.03

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Е.В.Б. Павлу Александровичу Флоренскому. Большая Грузинская. Общежитие студентов Имени Императора Николая II. Штемпели: Тифлис. 1900.12.04; Москва. 1900.12.09. <№ 103>

№ 3 (твое № 2)
1900 3/XII
Дорогой Павля!

Давно уже я получила твое письмо, но до сих пор не собралась ответить. Раньше всего отвечу на твои вопросы.

Папа 2 дня как приехал, но послезавтра уезжает. Он, кажется, совсем уже приедет сюда к Рождеству, т.е. переведется сюда. Он теперь плохо выглядит, но, кажется, у него только простуда. Впрочем, это у всех в Тифлисе: у нас переболели все дети, у Семенниковых больна бабушка, отец и Варвара Ник<олаевна>. Впрочем (я вчера вечером заходила справиться о здоровье), им теперь лучше, даже В<арвара> Ник<олаевна> встала, хотя у нее был плеврит. Пишу это, собственно, для Коли, если он спросит о своих.

В среду уезжает Ремсо тетя в Баку, но к праздникам будет тут. Лизу тетю мы ждали на прошлой неделе, но в самый день приезда получили письмо, что не едет, а приедет, должно быть, позже. Что касается подарков для детей, то мне кажется, что лучше всего, если ты всем привезешь чашечки, какие ты присылал, только немного побольше, потому что тут и польза – чашки и конфеты, и сюрприз.

Я надеялась, что на праздники ты опять сможешь заниматься, но оказывается, ты так много работы берешь себе, что все время занят будешь.

По педагогике я от одной работы отказалась, хотя Гехтман обещался потребовать в свое время, другую должна подать к 15 декабря. Это «Педагогические идеи» Ушинского.

*Николай Семенников.
Фото 1899 г. Тифлис*

Жаль, что ты не можешь приехать немного раньше, чтобы несколько сгладить и пополнить мою работу, а то я не умею писать.

Что касается того, что ты пишешь о недостатке работы вообще, и о следующем за нею исправлении, то это, мне кажется, применимо в случае систематического писания, или же если оценивает работу равный, товарищ и т.п., но никак не учитель.

Тут я узнаю только, что X любит, чтобы писали так, а Z иначе, Y еще что-нибудь третье, а не настоящие недостатки и достоинства, которых, впрочем, не может и быть в содержании, потому что не может быть оно моим, а господа X, Y никогда не станут критиковать авторитетов, которые они, кстати, сами же мне посоветовали прочесть. Выходит, что я пишу пересказ такой-то книги, а учитель говорит, что следует писать подробнее или короче, мельче, крупнее и т.д. Одним словом, вся моя деятельность должна ограничиваться тем, чтобы узнать вкусы X и Y и уметь всегда под них подделаться. Согласись сам, что деятельность довольно неинтересная, бесполезная, скучная и все это угодно, поэтому я по возможности избегаю работ, как переливания из пустого в порожнее. Эту работу, во всяком случае, мне придется написать, Гехтман этого «категорично» требует, хотя очень боится, что я не напишу, и все просит не подвести его.

До свидания. Целую тебя.

Твоя Люся.

1900.XII.03

В.Н. Семенникова – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва. Большая Грузинская. Общежитие студентов имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1900.12.03; Москва. 1900.12.08. <№ 101, В. Семенникова>

Спасибо Вам, Павлуша, за Ваше внимание к Коле, только отчего Вы мне не написали хоть несколько строк о болезни Коли? Поблагодарите также и Эрна. Если Коля еще не вполне оправился, то пусть без совета врача не выезжает и уж лучше пусть едет один, только не торопится, пока совсем не поправится. Мы тоже здесь все переболели, но теперь поправляемся. Пожалуйста, в случае Коля опять заболит, теле-

Москва. Кремль.
Царская площадь
зимой. Почтовая кар-
точка 1900-х гг. Изд.
В. Пфистер. СПб

графируйте немедленно. Надеюсь, что исполните эту просьбу. Ну, будьте же здоровы. Еще раз благодарю Вас и Эрна.

В. Семенникова

1900.XII.07

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Телеграмма: В Москву. № 16. Брестский вокзал. Из Кутаиса. Принята 7 XII 1900

Телеграмма Мск Общежитие Императора Николая 2 Флоренскому № 6101.

Выезжай немедленно Деньги высланы Флоренский

1900.XII.09

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Общежитие студентов имени Императора Николая II. Большая Грузинская. Студенту П.А. Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1900.12.10; Москва. 1900.12.15. <№ 104>

Тифлис

9 Декабря [1900]

Милый Павлик,

Мы уже собирались поджидать тебя домой, а оказывается совсем иное. Придется подождать еще дней 10. Советую

Кутаис. Общий вид с Белого моста зимой. Почтовая карточка 1900-х гг.

тебе все-таки не особенно жалеть об этом. Здесь уже вовсе не так весело. Боюсь, что дня через три по приезду ты будешь уже думать, как бы убежать от нашей убийственно-однообразной жизни. В особенности в настоящее время у нас в доме полнейшее затишье. Папа уехал. Ремсо тетя в Баку. Лиза тетя у себя в деревне. Остаюсь я одна с детьми. Никто у нас не бывает, а я едва могу справиться со всеми своими мелкими заботами. Как бы хотелось, чтобы с представлением о доме у тебя соединилось нечто более живое, веселое и интересное. Ты будешь сильно разочарован по приезду. Твою комнату мы тебе еще не приготовили. Вся та половина стоит у нас холодная и запустелая пока до вашего приезда: детей я перевела на время сюда. Твои последние письма как-то ближе нам. Они так передают твоё настроение, как будто бы мы увиделись. Теперь уж, надеюсь, это будет скоро, и мы встретим тебя благополучно. Главное, постарайся не простудиться дорогой. Ты знаешь, как жарко бывает натоплено в вагонах. При выходе из них нужно особенно остерегаться простуды.

Ты приедешь домой совершенно здоровым и не слишком утомленным, не правда ли?! Запасись непременно нижним теплым платьем. Извини за это постоянство советов. А пока до свидания, мой милый мальчик. Целую тебя. Дети кланяются.

Твоя мама

1901

I курс

2 семестр

Его Превосходительству 2-му Ректору
и М.Т. Сп. 2-е к. гр. Мам. ~~Фок.~~ П. Орловский

Баявент

Честно и горько говорю доверенным Вашему Превосходительству
слова, что я, ~~считаю себя~~ своим знакомым
товарищам, указывавшим на стужу и считая
себя солдатами с ними, прощу и себе
прикажало мне наказать в виду того, что
по некоторым ^{революционным} ~~революционным~~ ~~идеям~~, которые мешают
считать революционными, не ~~идеями~~ ~~идеями~~ на
их стороне до сих пор.

П. Орловский

ПРОШУ И ТРЕБУЮ СЕБЕ ОДИНАКОВОГО С НИМИ НАКАЗАНИЯ...

Годы учебы Павла Флоренского в Московском университете – это один из самых драматических периодов истории не только университета, но и всей России, время, предшествовавшее первой русской революции, пора смуты, беспорядков, митингов и забастовок. Российские университеты стали первой площадкой, на которой разворачивалась русская драма начала прошлого века. В то же время на Кавказе, где живет семья Флоренских, так же начинаются бурные события – пролог революции, – и их отзвуки мы находим в письмах родных Павлу Флоренскому. Для того чтобы читателю яснее стали события, о которых идет речь в письмах Флоренского, его друзей и их родных, расскажем подробнее о том, что происходило тогда в столичных университетах.

Революционная лихорадка поразила высшую школу России еще в конце XIX века. Пытаясь противостоять смуте, царское правительство 29 июля 1900 года издает «Временные правила», авторами которых были тогдашний министр внутренних дел Сипягин¹ и министр народного просвещения Боголепов². Один из пунктов «Временных правил» предписывал студентам, участвовавшим в «беспорядках скопом», исключать из университета и отдавать в солдаты. «Правила» были применены по отношению к 183 студентам Университета Святого Владимира в Киеве, участвовавшим в волнениях 7 декабря 1900 года. Это вызвало возмущение в либерально настроенном российском обществе. Максим Горький в письме к Валерию Брюсову писал: «Я, видите ли, чувствую, что отдавать студентов в солдаты – мерзость, наглое преступление против свободы личности, идиотская мера обожравшихся властью прохвостов. У меня кипит сердце...»³. Ленинская «Искра» распяляла молодежь, стремясь связать студенчество с рабочим движением: «Студент

шел на помощь рабочему, – рабочий должен прийти на помощь к студенту»⁴.

В Московском университете первая большая сходка протеста состоялась 29 января 1901 года. Она выдвинула требования отменить «Временные правила», амнистировать киевлян, отданных в солдаты, пересмотреть университетский устав 1884 года. «Передовые студенты» требовали «выразить энергичный протест против мер царского правительства, ответив на них общей забастовкой». Решено было созвать всеобщую студенческую сходку 23 февраля в здании Московского университета на Моховой.

Университетское начальство, обеспокоенное сходкой, обратилось к студентам с призывом продолжать занятия:

«С самого начала учебного года недоброжелательные правильному ходу университетских занятий элементы пытались взволновать студентов прокламациями, возмутительными по форме и лживыми по содержанию. До вчерашнего дня все эти попытки оставались совершенно бесплодными. К сожалению, вчера, 29 января, группа в 308 студентов (из коих 1-го курса – 171, 2-го – 116, 3-го – 16, 4-го – 5), собравшись в Актовом зале, помешала чтению в нем лекций. Та же группа позволила себе от имени будто-бы всех студентов Московского Университета объявить “обструкцию”.

Правление Университета, в виду незаконности поступка означенных 308 студентов, расследует их действия и выясняет степень ответственности каждого из них. Правление уверено, что студенты исполнением своих истинно университетских обязанностей, т.е. учебным занятиям, достойным образом ответят на произвольную претензию участников противозаконных действий.

Ректор А.А. Тихомиров
Пом. Ректора Е. Нефедьев
Деканы А. Кирпичников
Н. Бугаев
А. Алексеев
И. Клейн».

Следует отметить, что уже накануне этих драматических событий студенчество Московского университета не было единым. Выделились два крыла: радикально-политическое – «политики» и так называемые «академисты», сторонники академических реформ в высшей школе. Первые требовали замены самодержавного строя конституционным, перехода от абсолютизма к народному представительству, автоно-

мии высшей школы, окраин и органов общественного самоуправления. «Академисты», напротив, считали, что университет не должен становиться «политическим клубом», что студенчеству нужны только академические реформы. Пытаясь предотвратить беспорядки, студенты-«академисты» писали в воззвании, что «выражение русской обструкции (забастовки) есть поступок по меньшей мере безрассудный, ибо какие-либо благоприятные результаты при настоящих условиях немыслимы. Таким путем студенты лишь ухудшат свое положение и ничего не добьются». И так, бастовать или продолжать учиться? Ответ на этот вопрос и должна была дать всеобщая сходка.

К полудню 23 февраля на Моховую к зданию университета стала стекаться толпа. Пришло более шестисот человек. Актовый зал университета был переполнен. Часть студентов осталась во дворе «старого здания».

Кроме университетских тут были воспитанники Константиновского Межевого Института, Императорского Технического Училища и слушательницы Высших женских курсов Герье. Сходка шла около 4 часов. Она подтвердила решения, принятые 29 января. Резолюция была принята от лица всех высших учебных заведений Москвы, а протест должен был быть подкреплен всеобщей забастовкой в учебных заведениях Империи. Резолюция через особую депутацию была отослана Ректору. Тот принял текст резолюции и обещал сообщить ее содержание попечителю округа, при этом потребовал передачи в распоряжение жандармерии всех присутствовавших на сходке лиц, не принадлежащих к студентам университета. В случае согласия всех остальных обещал отпустить по домам, переписав их фамилии. Сообщение было встречено свистками и выкриками.

К этому времени стало ясно, что участники сходки оказались в ловушке. Ворота университетского дворика были заперты, а сам университет окружен войсками и полицией, которые отесняли толпу, рвущуюся на помощь студен-

«Цикл юридических наук. Полицейское Право». Худ. Н. Найдин. Почтовая карточка из серии «Типы студентов». № 105. Киев, 1911 г.

там от Манежа и Никитской. Сохранились воспоминания, описывающие энтузиазм участников тех событий: «Конные жандармы пробуют отгеснить от нас толпу, но она уже хлынула к нам, неудержимым потоком прорвала все три цепи нашей стражи, и среди нас уже десятки, сотни людей разных полов, возрастов, положений, и эти незнакомые, совсем чужие люди обнимают нас, пожимают нам руки, задыхаются от волнения»⁵. Толпе удалось отбить от жандармов около полусотни студентов, остальных полицейские препроводили и заперли в Манеже. К студентам в Манеж приходят профессора университета, убеждая их смириться и разойтись по домам. Однако студенты держатся стойко, настаивая на своих требованиях, а самую непримиримую позицию занимают слушательницы Высших женских курсов Герье, сестры и подружки арестованных студентов.

На следующий день собравшаяся около университета двухтысячная толпа двинулась к Манежу, требуя освободить студентов. Начались волнения, которые усмирились казаками. Еще через день новый состав Исполнительного комитета, отражавший настроения академистов и либералов, обратился к студентам с воззванием, в котором убеждал их не участвовать в уличных демонстрациях, отказаться от схода, призывая лишь к непосещению лекций.

25 февраля стало высшей точкой напряжения: центр города превратился в арену массовых демонстраций, пошли аресты среди рабочих и интеллигенции. В ночь на 26 февраля полиции удалось сломить сопротивление студентов, измученных двухсуточной голодовкой и пребыванием в холодном Манеже. Угрожая применить силу в случае дальнейшего сопротивления, полиция под конвоем переправила арестованных студентов в Бутырскую тюрьму. Дело происходило ночью, студентов партиями вели по улицам и переулкам. Когда одна из групп проходила на Пресне мимо университетского общежития, где жили «папинькины сынки», подконвойные остановились и спели револю-

*Казаки в оцеплении
около Университета.
1905 г. Литография*

*Студенческая сходка
в аудитории Уни-
верситета. 1905 г.
Собрание Музея
истории МГУ*

ционную «Марсельезу». В это время в общежитии студентов имени императора Николая II по Большой Грузинской в комнате № 41 жили студенты-первокурсники Владимир Эрн и Павел Флоренский.

26 февраля к студентам обратились профессора Московского университета. Студент Флоренский послал листовку с этим воззванием своим родителям, и она приводится в публикации. Ее подписали 66 крупнейших ученых Москвы – гордость российской науки. Листовка – свидетельство действительно отеческого отношения преподавателей к своим студентам. Против воззвания выступил К.А. Тимирязев, будущий «депутат Балтики» в исполнении Николая Черкасова. Он отказался поставить подпись под документом, заявив на заседании Совета Московского университета 24 февраля, что «не имея возможности, на основании ныне действующего Устава, исполнять свои нравственные обязанности по отношению к студентам, не признает за собой и нравственного права обращаться к ним с воззванием». Тимирязев заявил о своей отставке, что вызвало восторг у радикального студенчества.

Представители радикалов клеймят своих профессоров, обвиняя их в предательстве студентов, большая группа слушательниц Высших педагогических и фельдшерских курсов призывает студентов-юношей к самым радикальным мерам, называя тех, кто не участвует в протестах, трусами, страдающими «шкурной болезнью», а более умеренные 27 февраля

отвечают своим профессорам листовкой, которая ходит по рукам. В ней есть такие строки: «...в самые тяжелые минуты университета, с высоты почти всех кафедр без исключения не умолкало научное слово, но зато в пространственных аудиториях часто оказывались лишь немногие избранники, обладавшие неиссякаемым гражданским мужеством и беспримерной любовью к науке – которая заглушала в них даже элементарное человеческое чувство товарищества. Такие избранники, без сомнения, найдутся и теперь, и их неугаемый научный пыл не остынет и без ваших взываний, что же касается нас, то ваше обращение... вряд ли поможет нам заглушить мучительный голос совести теоретическими и практическими занятиями».

В ночь на 1 марта 1901 года был арестован весь состав Московского Комитета РСДРП, куда входили 5 студентов Московского университета. На следующий день ректор Московского университета А.А. Тихомиров довел до сведения студентов то, что Советом Университета образована «Комиссия по вопросу о причинах студенческих волнений и о мерах к упорядочению университетской жизни», в состав которой вошли В.И. Герье, Д.Н. Зернов, Н.А. Умов, В.О. Ключевский, К.А. Андреев, В.Ф. Снегирев, граф А.А. Камаровский, П.Г. Виноградов, И.Т. Тарасов, В.К. Цераский, А.А. Бобров и М.В. Духовской. Задачей Комиссии было «упорядочение университетской жизни путем точного исследования фактов, осведомления студентов и другие законные меры общения профессоров и студентов». Председателем Комиссии был назначен профессор П.Г. Виноградов, почему она получила название «виноградовской».

В течение двух недель большинство студентов бойкотируют занятия. Судя по публикуемой переписке и воспоминаниям современников, студент физмата Павел Флоренский был одним из немногих, кто продолжал посещать занятия. Причиной того была, конечно, не трусость и «шкурная болезнь», а как раз именно те «неиссякаемое гражданское мужество и беспримерная любовь к науке», то избранничество, о котором пишет в вышеупомянутой листовке «группа старых студентов». Тем не менее, даже это не могло заглушить в нем «мучительный голос совести и чувство товарищества». В архиве семьи П.А. Флоренского сохранились черновики его заявления на имя тогдашнего ректора университета А.А. Тихомирова. Из поправок к тексту видно, как мучительно работал над ним студент Флоренский, стараясь ус-

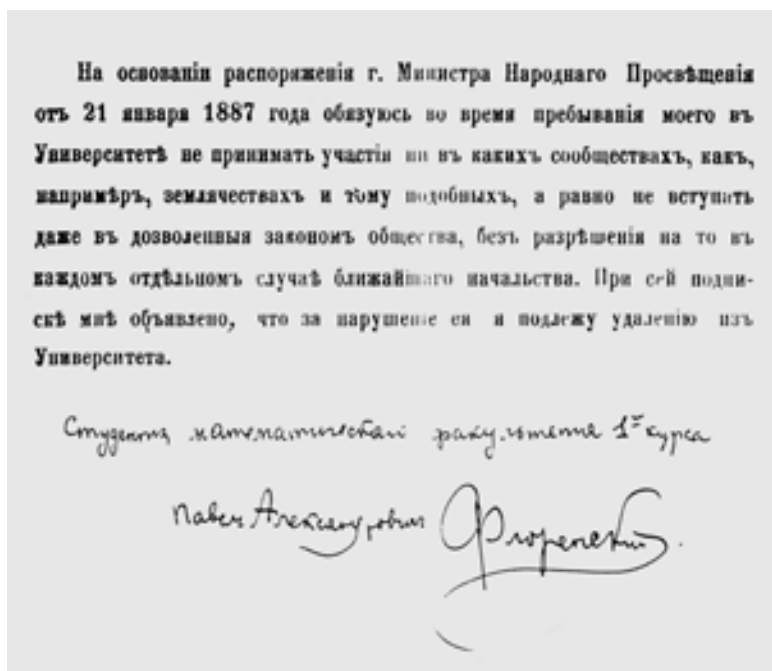
губить свою сопричастность, вернее, солидарность с теми, кому грозило исключение из университета (см. Переписку 1901 г.).

Судьба участников беспорядков 29 января и 23 февраля решалась на заседаниях Правления Университета, проходивших 5–8 марта. Отметим, что заявление свое Флоренский пишет 3 марта, накануне заседаний, о дате и повестке дня которых в университете знали все. Кроме того, деканатам факультетов вменялось в обязанность заполнить опросные листы, в которых студенты должны были ответить на вопросы о причинах своего участия и о своем отношении к сходкам. Опросные листы тщательно присовокуплены к личным делам. Казалось бы, краткие ответы, всего в одну-две строчки. Но читаешь эти четкие или сбивчивые объяснения, и невольно замечаешь, что перед глазами встает человек, личность – прямая или уклончивая, отважная или осторожно-расчетливая. Имена некоторых студентов знакомы по истории будущего революционного движения. Однако в их ответах на вопросы часто встречаются в пункте «причины, по которым оказался на сходке» формулировки «случайно... не знал о нелегальности... раскаяние... проступок». Среди многих опросных листов есть и тот, что подшит к личному делу студента 3-го курса физико-математического факультета А.Ф. Вангенгейма, будущего ученого-метеоролога, ставшего соузником П.А. Флоренского по Соловецкому концлагерю в 30-х годах. Вангенгейм – убежденный социал-демократ, революционер по призванию. Его ответы на вопросы опросного листа честны, полны достоинства и готовности к наказанию. Он остался таким же в Соловецком концлагере – стойким и несгибаемым большевиком, который все годы неволи верил, что его арест и заключение – недоразумение, ошибка товарищей по партии. Так же, как и священник Флоренский, партиец Вангенгейм будет расстрелян в 1937 году, а тогда, в начале века, он был «уволен», как тогда называли исключение, из университета, но вскоре восстановлен. На его опросном листе стоит резолюция декана «Принять меры...».

*Бутырская тюрьма.
Картина
С.В. Иванова. 1905 г.*

Обязательство студента не принимать участия в обществах, подписываемое при поступлении в Университет (ЦИАМ, Ф. 418. Оп. 314. Ед. хр. 859. Л. 12)

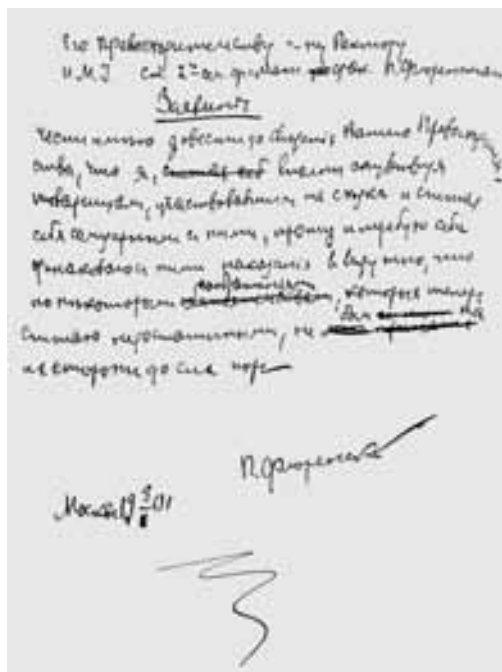
Скорей всего Флоренский отдал в деканат свое заявление. Несомненно, что резолюцией на нем должно было также стоять «Принять меры», а заявление должно было быть отправлено дальше по инстанции, в департамент полиции. Однако заявления студента Флоренского в его личном деле нет, как нет опросного листа его и еще нескольких студентов в их личных делах. Возможно, секрет этого открывают подписи, которые стоят в деле каждого студента. Подписи и резолюции на опросных листах ставят деканы факультетов профессора А.И. Кирпичников, А.С. Алексеев, К.Ф. Клейн, а на физмате декан Н.В. Бугаев и его помощник А.К. Лахтин, талантливые ученые и преподаватели, воспитавшие плеяду русских ученых, составивших славу московской математической школы. Вероятно, мудрые наставники, они вполне понимали «избранничество» некоторых своих студентов и отводили от них удар, навлекаемый ими самими на себя своим юношеским максимализмом.

Тогда, в первом году прошлого века, благодаря небывалой солидарности и широким протестам «Временные правила» в пункте «отдача в солдаты» применены не были. К участникам сходов зимы 1901 года были применены иные меры: исключение из университета, административная вы-

сылка и другие взыскания. Студенческие волнения пошли на убыль. Они вспыхнули с новой силой в 1905 году. Опасаясь трагического для университета исхода, его добрый гений первый выборный ректор князь С.Н. Трубецкой, «наш князинька», как называли его студенты, 22 сентября 1905 года закрыл университет и выехал в Петербург для объяснений с министром народного просвещения Глазовым, в кабинете которого с ним случился сердечный приступ, от которого он и скончался 29 сентября.

В это время Павел Флоренский был уже студентом Московской Духовной академии, куда поступил по окончании университета в 1904 году несмотря на предложения профессоров, среди которых были Н.Е. Жуковский и А.К. Лахтин, продолжить научную деятельность при университете. В Сергиевом Посаде Флоренский много занимается богословием, философией. Тем не менее, события, происходящие в стране, не обходят его стороной, а обстоятельства университетской смуты удивительными контрапунктами повторяются в Лавре.

В 1905 году русское общество, жестоко травмированное событиями «кровавого воскресенья», охватило повальное протестное отношение к властям. Ближайшие друзья Флоренского – Эрн, Ельчанинов и Свенцицкий⁶ – целиком отдались митинговой стихии под христианско-социалистическими знаменами. 23 августа 1905 года Флоренский пишет сестре Юлии в Берлин: «Кровь, озлобление, дикость со всех сторон... Я знаю, что надо изменить внешний порядок; но знаю также, что то, что делается, невозможно, что это – хаос и зло. Я вполне понимаю озлобление людей, понимаю, что не смогли терпеть; быть может, втайне сочувствую многому, т.е. в том смысле сочувствую, что знаю, что будь я несколько иным, я бы и сам стал так же действовать. Но, понимая психологию всего этого, я решительно отказываюсь признать нормальность того, что происходит. Это – такой хаос, какого не видала русская земля, кажется, никогда, разве только в Смутное время».

Черновик заявления студента Павла Флоренского ректору от 3 марта 1901 г. Архив семьи Флоренских

Брожение проникает и за высокие стены Троице-Сергиевой лавры. В Московской Духовной академии, где учится Флоренский, начинается движение за реформу и автономию духовных учебных заведений, алгоритмом своим повторяющее процессы в светской высшей школе, когда методами борьбы становятся митинги, сходки, призывы к обструкции, с одной стороны, угрозы закрыть МДА, принятие Временных правил и их последующая отмена – с другой. Павел Флоренский принимает деятельное участие в движении, не прекращая как своих научных изысканий, так и поисков жизненной стези. В это мятущееся время он осуществил свое гимназическое желание «уйти в народ», отправившись летом 1905 года в костромскую деревню Толпыгино, родное село своего одноклассника и друга Сергея Троицкого⁷, где близко сходитя с крестьянами, мечтая жить в деревне, иметь свой приход, нести «Свет Христов» в самые гущи русского народа. «Хожу по деревне и набираюсь сведений, а, вместе с тем, что могу, сообщаю другим, – пишет он отцу 17 августа. – Тут волей-неволей приходится обращаться в “универсального человека” гуманистов. То приходится отвечать на вопрос об электричестве или каких-нибудь взрывчатых веществах, то говорить об аскетике или о почитании икон. Утром читал проповедь, – вечером надо вести радикальный разговор и доказывать, что положение дел в государстве весьма плохо. То сражаешься против влияния “Дня”, “Света”, “Московских Ведомостей” и т.п., то против атеистических воззрений. Это в области “общественности”. А в области искусства крайние границы: составление красок для церкви, да стихотворных эпитафий – и собственное произведение в стихах и проч. Думаю, впрочем, что большинство тех разговоров, которые ведем мы с крестьянами, были бы тобою одобрены. Дело в том, что те тонкости, которые составляют наиболее важное для меня, едва ли сейчас понятны были бы собеседникам. Приходится “упрощать” и из двух зол выбирать меньшее. Да, кроме того, речь не заходит об общих теориях общества и т.п., а более касается частных и практики; ну, а в практических делах, как ты знаешь, мои стремления во многом близки к “прогрессивным” направлениям, по крайней мере до поры до времени».

Пора и время таковы, что на смену «террору улицы» приходит террор со стороны властей. По всей стране прокатывается волна репрессий, арестов и казней, что в свою очередь вызывает ответную реакцию бунта бессмысленного

Вопросный лист, который должны были заполнять все студенты университета после волнений. Собрание Музея истории МГУ

и беспощадного. Чтобы передать атмосферу времени и настроения Флоренского той поры, а также для того, чтобы яснее стал его поступок, о котором мы скажем ниже, приведем полностью еще одно письмо, отправленное им матери 22 августа 1906 года из Толпыгина:

«Дорогая моя мамочка!

Здоровы ли вы все, спокойны ли? Как папа? Как ты сама? Хотя и не особенно давно я получил от тебя письмо, но ты об этом ничего не пишешь. Уехали ли дети из Тифлиса?

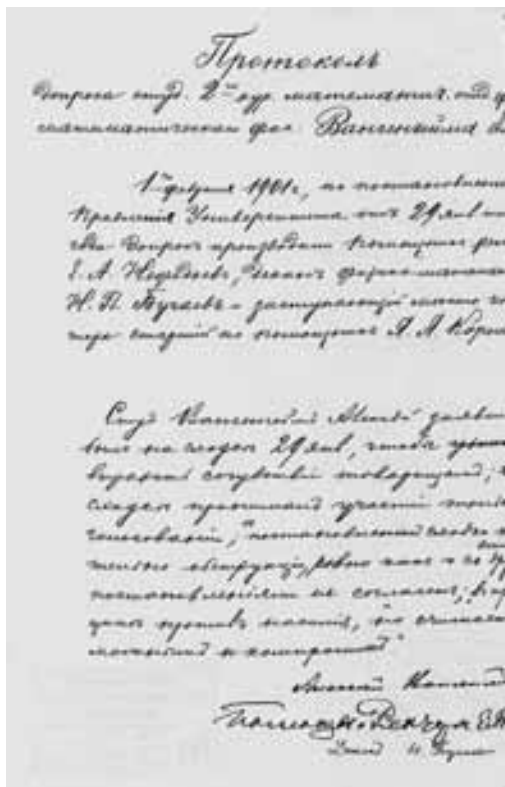
Следующее письмо направляйте в Посад. К первому сентября я наверно буду уж там. В Толпыгино меня задержали разные обстоятельства, предполагавшиеся в Саров, как и поездку в Москву, пришлось пока отложить. Тут, в Толпыгине, начались осенние дожди и сильные холода, так что невозможно сидеть в комнатах, которые не топлены, почему все стекаются либо в кухню, либо в большую комнату, которую топят.

Самое интересное для меня лично было тут бегание по пожарам. Это было обыкновенно ночью, после 12-ти часов в субботу, когда возвращаются фабричные. Только что соберешься ложиться, полуразденешься или затворишься с чем-нибудь, как кто-нибудь закричит: "В Столове (или еще где-нибудь) пожар", а затем посылаются тревожные звуки деревенского набата. Все приходят в какое-то особое волнение. Ищут второпях сапоги из грубой кожи и т.п. и, наскоро одевшись, стремглав бегут в какую-нибудь из соседних деревень, задыхаясь, падая в темноте в какую-нибудь рытвину

или овраг. Сильный свет освещает всю местность верст на 1 ½ – 2, но он же слепит глаза и дает глубокие тени, так что бежать делается еще труднее. Наконец прибегаешь. Соломенные крыши, деревянные постройки с легко-горящим житом горят, как факел. Наскоро взбираешься на какую-нибудь крышу, которую помогаешь обкладывать безжалостно вырубленными деревьями и поливать водою, чтобы она не возгорелась от "галки" (пучек горящей соломы, летящей по ветру) или потока искр. Жарко, как у камина. Зрелище великолепное и сильное. А хорошо то, главным образом, что совершенно забываешь о себе и обо всем. Энергия притекает такая, что не узнаешь себя, и часа 1 ½ сутолоки и крика пробегают, как 2-3 минуты.

Наконец изолированное здание – костер меркнет, и наговорившись вдосталь с знакомыми из деревни той или другой (на пожар стекаются отовсюду), уходишь освеженный домой.

Протокол допроса
студента А.Ф. Ван-
генгейма (ЦИАМ.
Фонд 418. Оп. 514. Ед.
хр. 51. Л. 262 об.)

Тут вообще я гуляю, хотя и не особенно много, собираю грибы (тут – пропасть шампиньонов, которых почему-то никто не хочет есть), рябину, а больше всего разговариваю со своими знакомыми. Их делается все больше, т.к. разные лица изъявляют желание поговорить с нами и устроить свидание. Это важно, т.к. такие лица – лучшие сыны деревни. Очень интересны иные, и замечательнее всего то, что все они ищут разрешения своих вопросов в связи и даже на почве религии.

Не особенно давно гостили несколько дней у одного священника, тоже особенного по образованию, интересам и любви к своему делу. Буквально ему проходу не дают, все требуя советов, утешений и т.п., так что ни минуты у него нет свободной. И это – в Серее (о которой вы вероятно знаете кое-что из газет, хотя в газетах была весьма преувеличенная “середецкая революция”), на фабриках, куда приезжает множество агитаторов. Этот священник очень симпатичен и всем интересуется. Единственное развлечение его – небольшой огород и цветник, который он поставил образцово (работает все сам). В огороде в парниках выращивает он дыни и арбузы, помидоры и т.п. и конечно ими весьма гордится. Он все угощал меня помидорами – меня, т.к. я оказался единственным ценителем их, а все остальные только морщатся.

В другой области – занимаюсь, больше все готовлюсь к целому ряду статей. Перевожу также с латинского вместе с Сергеем Семеновичем один трактат Спинозы. Целый день пролетает совершенно незаметно, и ничего не успеваешь сделать. Таково уж свойство деревенской жизни. Впрочем, если ты занят своим домом, то время не уходит так попусту.

Меня удивило в твоём письме, что ты спрашиваешь меня о том “когда я буду читать лекции”. Вот, дорогая мамочка, почему я так боюсь писать или говорить о своих делах. – Ведь я написал о мимоходом сделанном предложении одного профессора, а ты уже пишешь о лекциях. Ну, представь себе, что ты это сказала кому-нибудь. Ведь я ока-

Гимназист Алексей Федосьевич Вангенгейм (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 313. Ед. хр. 96)

зываюсь в неловком и даже в нечестном положении какого-то самозванца, распускающего о себе слухи. Пожалуйста, ничего не думайте о моих делах, покуда я сам не напишу о них: ведь вы знаете и сами, что я пишу о всякой сколько-нибудь важной внешней перемене моей жизни, и поэтому вам нечего делать догадки. Так или иначе, но, если будет малейшая возможность, я должен докончить курс в Академии. Ведь я все еще ровно ничего не знаю в нужных мне областях, и вдобавок все условия, как в Университете, так и особенно в Академии, будто нарочно сложились для того, чтобы не дать знать что-нибудь. Тут и политика, тут и академические волнения, тут и прекращение занятий, и нравственное напряжение, и беспокойство... Как вы живете, дорогая мамочка, что делаете?

Иногда мне так хочется хоть на несколько минут пови-
даться тебе, папу и Всех вас. Целую тебя, дорогая мамочка, и
всех вас».

Сполохи пожаров достигают самого сердца России. 12 марта 1906 года в храме Московской Духовной академии ее студент Павел Флоренский произносит пламенную проповедь, в которой содержится призыв к прекращению взаимного кровопролития и отмене смертной казни. Проповедь была нелегально издана брошюрой под названием «Вопль крови», на титульном листе которой было обозначено: «Слово в неделю Крестопоклонную. Сказано в храме Московской Духовной Академии за литургией 12 марта

Санкт-Петербург.
Здание Министер-
ства народного
просвещения, где скон-
чался кн. С.Н. Тру-
бецкой. Почтовая
карточка 1910-х гг.

1873 г. от смерти И. Христа». Для современников и сам пафос проповеди, и дата, указанная в брошюре, и время ее прочтения – в день, когда стало известно о казни лейтенанта Шмидта, который в то время был кумиром российской молодежи, – говорили многое. Студент Духовной академии Павел Флоренский был арестован и заключен в губернскую тюрьму на Таганке.

Отметим реакцию на поступок Флоренского его родных и друзей. Вот что пишет 26 марта 1906 года Владимир Эрн из Москвы своей невесте Е.Д. Веккиловой в Красные Колодцы (ныне Сигнахский район Грузии): «Вчера вечером зашел ко мне один академик и сообщил мне, что П. Флоренский, бывший когда-то мне очень близким человеком (и теперь очень дорогой мне), арестован. 12 марта в академической церкви он произнес проповедь (это уж у них такой обычай, чтобы студенты произносили проповедь), в которой с большим религиозным чувством он говорил о совершающихся теперь расстрелах, казнях и убийствах. Был составлен протокол. Академики, т.е. студенты, встретили проповедь его восторженно (это как раз было в тот день, когда пришло известие о казни Шмидта) и решили издать ее бесцензурно на свои собственные средства, что и сделали. А 23-го вызвали Павлушу повесткой власти и, арестовав, переслали в Москву в Таганскую тюрьму... Все это произошло страшно неожиданно, потому что Павлуша Ф. был очень враждебно настроен к какой бы то ни было общественной деятельности и говорил всегда, что можно влиять лишь на отдельные личности, и в этом пункте как раз очень расходился с нами, а в остальном мы всегда были очень близки в воззрениях. И теперь вдруг этот самый Павлуша так удивительно и неожиданно выступил в роли проповедника. Проповедь поражает глубиной и искренностью чувства и производит даже при чтении сильное впечатление. А в церкви это должно быть совсем было удивительно. Пойду сейчас узнавать о подробностях, а главное узнать, что ожидает Павлушу и нельзя ли ему как-нибудь помочь. Про-

Князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905), профессор Императорского Московского университета, его первый выборный ректор (1905 г.). Литография по фото. Архив П.А. Флоренского

поведь я тебе пришлю. Меня все это поразило, потому что, по-моему, это знамение Возрождения Церкви и подлинно христианской жизни не может обойтись без гонений и потому арест Павлуши говорит моему сердцу очень много».

Вскоре сам Эрн и привез в Тифлис «Вопль крови» Флоренского. 5 апреля того же года он пишет Ельчанинову из Тифлиса в Москву: «Я был у твоих в первый день Пасхи. Они взяли 20 экз. Павлушиной проповеди, остальные взял священник Иона Брихничев⁸, который, помнишь, написал письмо Городцову⁹ в “Вестник Возрождения”... С Булгаковскими оттисками¹⁰ и Павлушинными брошюрками поступи, как знаешь. Что же Павлушу дорогого выпустили наконец?..»

Арест Флоренского имел большой резонанс. Благодаря стараниям представителей общественности, особенно Г.А. Рачинского¹¹, Флоренский через неделю заключения был выпущен из тюрьмы. Но событие это продолжало удивлять и волновать общество. Вот что пишет 17 мая 1906 года С.Н. Булгаков¹² из Кореиза А.С. Глинке¹³ в Симбирск: «Получил от Мережковского¹⁴ преувеличенно ласковое письмо,

которое однако все-таки меня порадовало... Д.С. просит меня снести с Флоренским и просить его описать свои переживания в тюрьме etc (!) Здесь приходится поставить только вопросительный и восклицательный знак перед такой непроницательностью даровитого беллетриста. Я отвечаю, что едва ли Флоренский согласится и излишне просить его об этом...»

Родители Флоренского, не одобрявшие выбор сыном церковного пути, относятся к проповеди и последовавшему заключению с нескрываемой гордостью. Мать Флоренского Ольга Павловна пишет ему 7 апреля 1906 года: «Милый мой Павлик. Только третьего дня узнали мы о случае с тобою, таком неожиданном и непредвиденном для нас. Я была очень огорчена за тебя. Не могу представить себе тебя, имеющего дело с полицией и сидящего под арестом. Почему ты так

П.А. Флоренский.
Вопль крови. Слово
на неделю Крестопоклонную.
Сказано
в храме Московской
Духовной академии за
литургией 12 марта
1873 года от смерти
I.Хр. М., 1906

кратко сообщая обо всем этом, не пишешь при каких условиях перенес ты это заключение и что испытывал. Как ни досадно на все это, но случай доставил нам удовлетворение, как доказательство отзывчивости твоей души на теперешнюю действительность. Мы читали твое слово. Ты должно быть знаешь, что оно издано и попало в Тифлис в порядочном числе экземпляров. Я было хотела быть в церкви в этот день и видеть, как отнеслись к нему непосредственные слушатели. Скажи, не заметил ли ты, какое впечатление оно производит?

Эрн приехал. Нехорошо, что от нас скрывали так долго. Что бы ни случилось, надо нам всегда говорить вовремя. Ведь не могли же знать, что кончится так. Хотела бы выразить свою признательность всем высказавшим участие к тебе. До свидания, милый. Будь здоров и умерен в своих занятиях».

Проповедь и отклики, которые она вызвала, явились выражением чувства солидарности, которое традиционно вызывают у лучших русских людей поверженные и гонимые, а со стороны самого Флоренского, кроме того, убеждение в необходимости христианского всепрощения. В это время многие, в том числе П.П. Шмидт, вовсе не будучи революционерами, встали перед трагическим выбором: отстраниться от происходящего или принять удар на себя. Потомственный морской офицер лейтенант Шмидт не бросил своих матросов и пошел с ними на эшафот. Будущий священник Флоренский «милость к падшим призывал» и пошел в узилище. 29 апреля, вскоре после освобождения из тюрьмы, Флоренский в записке своему душевному другу Сергею Троицкому, «брату Сереже», так характеризует свое состояние: «Меня удовлетворило бы только одно – это непрерывный подвиг, требующий напряжения всех сил души, не дающий ни минуты подумать и в ближайшем будущем заканчивающийся крестом. Но я хорошо сознаю, что вполне недостоин этого, и мучаюсь своим недостойнством и

Лейтенант Петр Шмидт. Почтовая фотокартонка 1910-х гг.

знаю, что лучше стать могу не иначе, как через подвиг же и крест. Тут я путаюсь и терзаюсь».

Во время своего первого ареста в 1906 году, как и в последующие аресты в 30-е годы, Флоренский продолжает работать. В большой тетради он пишет работу «Об элементах α -иричной системы счисления». На титульном листе обозначено: «Павел Флоренский студент 2-го курса М.Д.А. Губернская тюрьма на Таганке, № 290 Москва, 1906 III 26 – III 28.» Флоренский явно не теряет присутствия духа, он даже шутит, бросая вызов тюремщикам посвящением работы: «Истинному виновнику предлагаемого труда – В.Ф. Дубасову¹⁵ – посвящает его признательный автор». При освобождении тетрадь была подвергнута тюремной цензуре и в конце ее отмечено: «В сей тетради пронумерованных и скрепленных сорок четыре /44/ листа. Старший помощник начальника (ропись)». Эта работа легла в основу брошюры «Приведение чисел (к математическому обоснованию числовой символики)», изданной в Сергиевом Посаде в 1916 году.

В связи с событием 12 марта 1906 года в жизни Флоренского невольно напрашивается аналогия с эпизодом биографии почитаемого им философа Владимира Соловьева. В 1881 году закончилась преподавательская деятельность Владимира Соловьева в Петербургском университете, причиной чего стала прочитанная им 28 марта публичная лекция, в которой он призывал помиловать убийц Александра II. Владимир Соловьев последователен в своей позиции христианского гуманизма, потому что еще 13 марта того же года в другой публичной лекции он протестовал против всякого революционного насилия, а в письме Александру III писал, что «только духовная сила Христовой истины может победить силу зла и разрушения...».

Увы, ни трезвые голоса прагматиков, ни страстные призывы к умиротворению, будь то сказанные с нравственных позиций гуманности или в духе христианского всепрощения, не смогли остановить кровавой катастрофы, надвигавшейся на Россию.

В годы реакции, последовавшие за первой русской революцией, ректор Московского университета А.А. Мануйлов, его помощник М.А. Мензбир и проректор П.А. Минаков встали на защиту студентов против ужесточения режима, которое начал проводить министр народного просвещения Л.А. Кассо, в 1901 г. подписавший воззвание к студентам. Они не нашли иного пути, как в знак протеста подать в от-

Профессора Императорского Московского университета, подавшие в отставку в знак протеста против отставки ректора и проректоров Университета. Сидят: В.П. Сербский, К.А. Тимирязев, Н.А. Умов, П.А. Минаков, А.А. Мануилов, М.А. Мензбир, А.Б. Фохт, В.Д. Шервинский, В.К. Цераский, кн. С.Н. Трубецкой. Стоят: И.П. Алексинский, В.К. Рот, Н.Д. Зелинский, П.Н. Лебедев, А.А. Эйхенвальд, Г.Ф. Шершеневич, В.М. Хвостов, А.С. Алексеев, Ф.А. Рейн, Д.М. Петрушевский, Б.К. Млодзевский, В.И. Вернадский, С.А. Чаплыгин, Н.В. Давыдов. 1911. Фото А. Стейкера. Анонимно изданная почтовая карточка. М., 1911

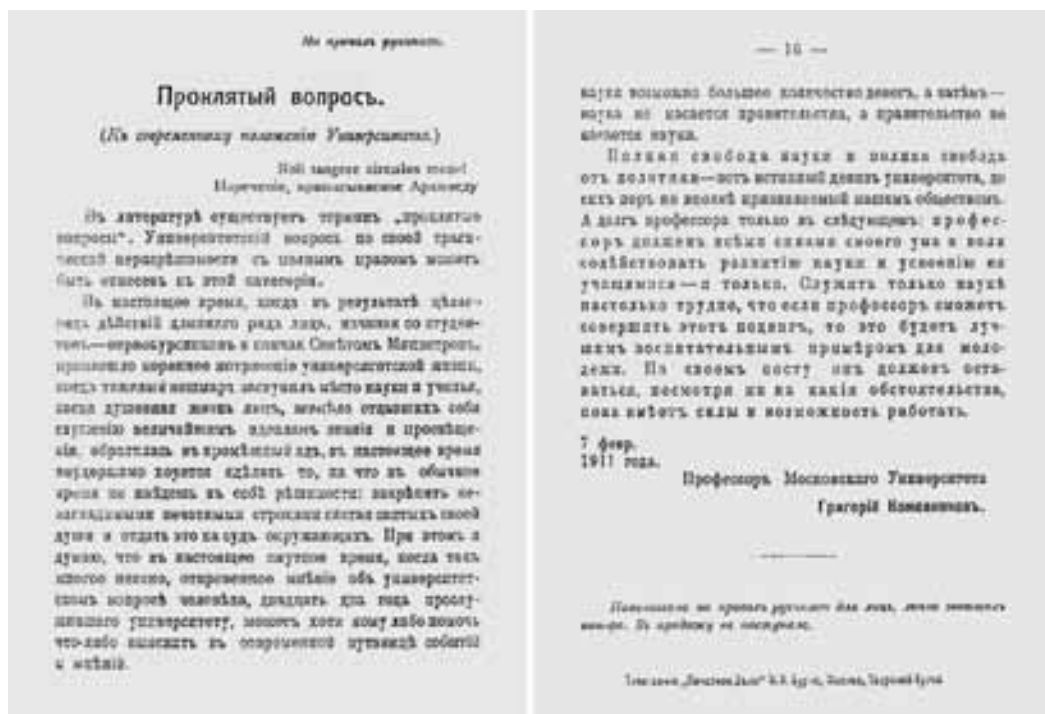
ставку. Но правительство опередило их, уволив всех троих из университета. В знак протеста против увольнения ректора начался массовый выход из университета профессуры. Всего подало в отставку 130 профессоров, доцентов, преподавателей – более трети профессорско-преподавательского состава. В знак солидарности с ними в отставку подали ректор и проректор Петербургского университета Д.Д. Grimm и Д.Д. Андреев. Если десять лет назад подавший в отставку Тимирязев был в одиночестве, теперь одиночками стала малая кучка преподавателей, не бросивших своих студентов в ответственный момент. Оставшиеся были повергнуты остракизму. Сохранилась статья профессора Г.А. Кожевникова¹⁶, напечатанная «на правах рукописи для лиц, лично знающих автора». Она носит название «Проклятый вопрос», и в ней автор обсуждает моральную неправомоч-

ность из-за конфликта с правительством предавать учеников. «Я считаю, что ни при каких обстоятельствах не следует покидать своего поста, пока самое пребывание на нем не потеряло своего смысла или вследствие моей собственной неспособности делать свое дело, или вследствие того, что независимые от меня и неустрашимые обстоятельства не дают мне выполнить своего долга».

Напротив, подавшие в отставку профессора были убеждены в правильности своей гражданской позиции. Самые известные из них увековечились на коллективной фотографии работы А. Стейкера, которую потом издали как почтовую открытку. Ее публиковали неоднократно, но с вымаранными лицами некоторых господ профессоров. В разное время – разными, согласно императивам времени. Ряд тех, кто снят на фотографии, стал лидером демократического движения, вошел во Временное правительство. По-видимому, мало кто из них догадывался, что после февраля 1917 наступит октябрь, а после 1917 года придет и 1937...

События в Московском университете в первое десятилетие прошлого века – трагическая и славная история борьбы

Профессор Г. Кожевников. Проклятый вопрос. Первая и последняя страницы брошюры. Архив Д.А. Кожевникова

его профессоров за реформу высшей школы, университетскую автономию, за своих учеников, за то, чтобы университет стал, по словам князя С.Н. Трубецкого, «рассадником высшего научного знания». События эти явили собой множество примеров самопожертвования и солидарности профессоров и студентов университета. Другое дело, что история России делала головокружительные виражи, которые не смогли предвидеть лучшие умы страны. Россия надорвалась, и произошло то, что произошло. Чем головокружительней восхождение, тем бездонней бездна.

Что же касается Павла Флоренского, то несомненно, что университетские годы много дали ему не только в научном, но и в нравственном отношении. Его учеба в Духовной академии так же не стала пребыванием в «башне из слоновой кости», и он всегда был со своим народом там, где его народ, к несчастью, был. Позже, во время тяжких испытаний, при допросах, арестах, заключении в тюрьмах и лагерях Павел Флоренский сохранил свои убеждения, честь, человеческое достоинство, солидарность с товарищами по беде.

Профессор Императорского Московского университета Г.А. Кожевников, не подавший в отставку. Архив Д.А. Кожевникова

Примечания

- ¹ Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) – министр внутренних дел. Убит 2 апреля 1902 г. в вестибюле Мариинского дворца, где помещался кабинет министров Российской империи, 20-летним студентом Степаном Балмашевым, членом Боевой организации эсеров. Балмашев был приговорен военно-полевым судом к смертной казни, отказался от помилования и был повешен 3 мая 1902 г. в Шлиссельбургской крепости.
- ² Боголепов Николай Павлович (1846–1901) – министр народного просвещения с 1898 г., а до того ректор Московского университета. Был смертельно ранен 24 марта 1901 г. бывшим студентом Московского университета, с 1907 г. членом Боевой организации эсеров Петром Карповичем, который был арестован, приговорен к каторге, бежал, жил в эмиграции.
- ³ М. Горький. Собр. соч. М., 1954. Т. 28. С. 153.
- ⁴ В.И. Ленин. Соч. Т. 4. С. 392.
- ⁵ А.А. Титов. Из воспоминаний о студенческом движении 1901 г. М., 1906. С. 18–19.

- ⁶ Свенцицкий Валентин Павлович (1881–1931) – богослов, публицист, прозаик и драматург; в 1905 г. вместе с В.Ф. Эрном создал первую в России христианскую политическую организацию – Христианское братство борьбы, в 1906–1908 гг. товарищ председателя Московского религиозного философского общества памяти памяти Вл. Соловьева, с 1917 г. православный священник, умер в ссылке.
- ⁷ Троицкий Сергей Семенович (1881–1910) – однокашник по МДА и друг Флоренского, женился на сестре Флоренского Ольге, уехал в Тифлис, где преподавал русскую словесность в 1-й тифлисской гимназии. Был убит гимназистом Шалвой Тавдгеридзе на почве национальной ненависти.
- ⁸ Брихничев Иона Пантелеймонович (1879–1968) – православный священник до 1907 г., публицист, после 1917 г. активист Союза воинствующих безбожников. Учился в одном классе с Иосифом Джугашвили в Тифлисской духовной семинарии. В июне 1906 г. был арестован и приговорен к году тюремного заключения.
- ⁹ Городцов Сергей Дмитриевич (1866–1956) – священник в Тифлисе, церковный деятель. В 1942 г. принял монашество под именем Варфоломей, хиротонисан митрополитом Сергием (Страгородским) во епископы.
- ¹⁰ Вероятно, речь идет об оттисках статьи С.Н. Булгакова «Достоевский и самодержавие», опубликованной впоследствии под заглавием «Через четверть века» в первом томе Полн. собр. соч. (1906) Ф.М. Достоевского.
- ¹¹ Рачинский Григорий Алексеевич (1859–1939) – переводчик, религиозный мыслитель, председатель Религиозно-философского общества в Москве.
- ¹² Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – философ, богослов, критик, публицист, в 1918 г. принял сан священника, скончался в эмиграции.
- ¹³ Глинка Александр Сергеевич (псевдоним Волжский) (1878–1940) – религиозно-философский публицист, критик, историк литературы.
- ¹⁴ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – прозаик, поэт, критик, философ; заочное знакомство с ним у П.А. Флоренского состоялось благодаря А.В. Ельчанинову, посещавшему в Петербурге Религиозно-философские собрания и редакцию журнала «Новый путь», где П.А. Флоренский опубликовал свою первую статью «О суеверии» (1903, № 8), а очное – благодаря Андрею Белому в 1905 г.
- ¹⁵ Дубасов Владимир Федорович (1845–1912) – адмирал, генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с ноября 1905 по июль 1906 гг. московский генерал-губернатор.
- ¹⁶ Кожевников Григорий Александрович (1866–1933) – естество-испытатель, зоолог, основоположник природоохранного движения в России, один из основателей ВООП. С 1904 по 1931 гг. директор Зоологического музея и заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных Московского университета. Брошюра «Проклятый вопрос. (К современному положению Университета.) Напечатано на правах рукописи для лиц, лично знающих автора. В продажу не поступало». Типография «Печатное дело» Ф.Я. Бурне, Тверской бульв.

ПЕРЕПИСКА.

1901 год. Январь – август

1901.I.03

Е.М. Кутателадзе – Ю.А. Флоренской

Конверт: В гор. Тифлис. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне М-ше Флоренской. Николаевская, № 67, собств. дом. *На конверте написано от руки:* Гирюсы¹ (Зангезурский уезд). Штемпели: <нрзб.> 1901.01.05; Тифлис. 1901.01.10.

3-го Января

Спасибо тебе, мой дорогой друг, за добрые пожелания, я же не буду распространяться в них: во-первых, потому, что раз я уже поздравила тебя, а во-вторых, по-моему, между такими любящими друзьями, как мы с тобой, они лишни, так как мы ежеминутно желаем друг другу счастья и благополучия.... На твое прошлое письмо я тебе ответила, но решила теперь не отсылать его, так как все письмо состоит в утешениях и рассуждениях о твоём грустном настроении (о чем ты писала прошлый раз), да и смешно было бы утешать тебя теперь, когда, быть может, ты в самом лучшем настроении духа!!!

На праздники я веселилась вдоволь и продолжаю... Занятий никаких нет. Мама моя болеет, и мне самой приходится хозяйничать, принимать визитеров... Не порицай меня, ты может быть думаешь, что я стала вполне «светской» барышней, со всеми жалкими прихотями ее, но нет, мой дорогой Люсик. Меня пока забавляет вся эта новая обстановка, жизнь, меня более чем когда интересуют окружающие меня. Много лиц переменилось за это время в Гирюсах, и вот эти новые лица гораздо интереснее первых, все это молодежь, только что кончившие университеты, большинство их юристы и медики (3 молодых юриста и 4 доктора – 2 доктора, а 2-е ветеринары), и вот они внесли в Гирюсах оживление и

что-то новое, свежее, и мысли, и взгляды более интересные. Ты спрашиваешь меня про доктора? Пожалуйста, ты, Люся, не думай, что я влюблена в него – могу только руку на сердце сказать «нет». Иногда приходится писать про него невольно, потому что бывает у нас чаще, чем другие, а отсюда и больше разговору о нем. Впрочем, если он так уж интересуется мою Люсю, готова исполнить просьбу: он хорошей души человек, совсем не провинциал (намекаю на его наружность), любит общество, но отнюдь не *дамское*, на что у него свои взгляды, но «страшно преклоняется перед девушкой или женщиной вообще с сознательным умом, собственной волей и выдержанным характером, но отнюдь не «синих чулков» (его слова). К своей специальности относится замечательно серьезно и проявил себя (по крайней мере, тут в Гирюсах) понимающим свое дело, и главное достоинство его – страшно не любит прописывать лекарства больным, у него средства более домашнего характера (как натирания, массаж и т.д.). Но взгляды *чересчур уж* реальные, и странно даже часто слушать его, хотя, между тем, слушая его, все время думаешь: «правда, какую истину он говорит». В разговорах он второй Горюденский; никогда не скажет слова лишнего, взвешено у него, кажется, каждое его слово, но самая фигура и жесты его невольно внушают с первого же раза симпатию, хотя он не из красивых. И еще нужно добавить одно его качество – если он полюбит и его любят взаимно, не остановится ни перед чем, и всю жизнь готов посвятить человеку, которого любит, но если же он замечает, что его не любят, никогда и не постарается выказать себя лучше своему предмету и избегает его. Вот последняя его черта, про которую рассказывали мне его коллеги, которые страшно его любят.

Вот видишь, Люся, я, кажется, подробно описала его. Недавно он мне сказал: «Знайте, признаюсь, я не имею вообще обыкновения знакомиться с девушками и дамами первый, пока не будет случая, но с Вами я захотел – меня интересовало, какая Вы, кончившая гимназию, и на сколько переменились в окружающей среде; в первых разговорах Вы выказали себя очень не глупой, хотя многое наивное, неопределенное высказывалось в Вас. Затем мне понравилось, что вы не желаете нравиться другим; далее, раз, когда я пришел, невольно заметил в зале на столе открытое письмо к какой-то «Еле», я невольно прочел первую строку в ожидании Вашего прихода – содержание меня заинтересовало, я прочел дальше... и дальше... Вы писали об обществе Гирюсинском, о чтении

Вашем, несколько слов о Белинском, о Писареве, Решетникова² метко охарактеризовали... я прочел до конца и с тех пор я решил доставать во что бы то ни стало книги для Вашего чтения; да, и все это веду к тому, чтобы Вы простили мне мою первую нескромность в чтении Вашего письма». Я его побранила за это как следует. Теперь приходит каждый день к маме. Такой строгий – злился вчера за то, что я не приняла лекарства против кашля. Кажется все. Насчет свадьбы Тоси тебе должно быть Ася рассказала. Не буду снова повторять, потому что это известие больно было даже получать мне, и я до сих пор не могу примириться с мыслью, что она вышла за пьяницу – она кланялась в последнем письме тебе (позавчера получила ее письмо).

Как ты-то проводишь время теперь, моя дорогая девонька, как часто, часто я думаю о тебе и не дождусь того дня, когда я тебя увижу. После праздников опять примусь за занятия и уже *очень серьезно*. Позавчера был вечер – большой – разошлись к утру – было весело, хотя возвратилась домой с каким-то неудовлетворенным чувством. Спасибо тебе за карточку, хотя их я еще не получала.

Зачем Надя не прислала свою карточку, неужели она совсем забыла Лизу?

Сажусь писать Асе – она расскажет тебе мой новый рассказ, так нужно было одной из вас написать – ты знаешь ведь, я не любительница повторять одно и то же несколькими лицам, а поэтому простишь.

Целую тебя, моя дорогая Люся, крепко-крепко. Истинно предан<ная> тебе,
твоя Лиза

¹ Гирюса – населенный пункт на юго-востоке Армении, куда был назначен служить отец Елизаветы Кутателадзе.

² Решетников Федор Михайлович (1841–1871) – писатель, печатался в журналах «Северная пчела», «Современник», «Русское слово», автор повестей «Подлиповцы», «Ставленник», «Воспоминания детства», романов «Горнорабочие», «Глумовы», «Где лучше?».

Тифлис:
Имеретинские франты.
Худ. О.И. Шмерлинг.
Почтовая карточка
из серии «Ушедший
Тифлис». 1928 г.

1901.I.19.

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

1901.01.19. Понедельник.

Дорогой Павля!

Папа уехал в пятницу в Баку и, хотя обещал приехать в четверг, приехал только сегодня. Тут был большой снег, но уже почти что совсем растаял. Шура и Андрей опять простудились. Твое письмо я получила. Люсе оно очень нравится. Лиза тетя на праздник не приехала, папа говорит, что она приедет скоро за отъездом <нрзб.> дяди в Москву <нрзб.>. Маму приглашают в Баку. Сегодня Прасковья так поздно разбудила, что Лиля пошла ко второму уроку. Она тоже была нездорова. Андрюшка поет все время «Марсельезу», этому его научил папа. Лиля музыкой больше заниматься не будет, брала последний урок в пятницу. Шура еще до праздников променял двух своих голубей на двух других, их <так в письме> которых один совсем ручной и живет в комнатах. Шурин орел тоже ручной, когда подходишь в нему, он идет навстречу, а завидя мясо бежит со всех ног.

Дорогой Павля! Целую тебя.

Твоя Валя.

1901.II.01

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Кутаис. Конверт отсутствует.

1/II 1901

Дорогая моя, высылаю тебе перевод на имя Ремсо. Не думай, что я старался достать денег поскорей; это вышло само собой, и я все равно должен был взять, так как другие взяли.

Здесь были дожди, грязно, но, в общем, тепло: весна кажется окончательно наступила. Все обстоит по-прежнему.

Мне как-то этот раз очень не хотелось уезжать из дома; вероятно, вошел уже во вкус, что я в Тифлисе.

Береги себя, дорогая. Целую, дорогие. Твой Миша.

1901. II. 04

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва. Николаевское Общежитие студентов. П.А. Флоренскому. Штемпели: С.-Петербург 1901.02.05; Москва <нрзб.>. <№ 105>

*Баку. Общий вид.
Почтовая карточка
1900-х гг. Фототипия
Шерер и Набгольц*

Я доехал до Питера благополучно, но там меня ожидала маленькая неприятность: Представь себе, у моего маленького Феда¹ что-то сделалось с желудком, какое-то бурчание, обильные выделения, а последние два дня 2 и 3-го вроде запора что-то; но только запор не полный: кое-как пищеварительная система работает; все же я ужасно боюсь, как бы доктор не применил клистира. Как ваша Танюша²? Я слышал, что тоже с желудком что-то. Это удивительно! Кажется, не лето, а такие усиленные заболевания желудком.

Прощай, Твой А. Ельчанинов 1901 II/4

¹ Феда – вероятно, ученик А.В. Ельчанинова.

² Не установлена.

1901.П.05

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие Студентов имени императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Комната № 42. Штемпели: Тифлис. 1901.02.05; Москва. 1901.02.10. <№ 106>

Тифлис

5 февраля. [1901]

Милый Павлик.

Вчера мы получили твою телеграмму о приезде в Москву. Интересно знать, как вы доехали и не слишком ли устали дорогой. Напиши нам также, что ты нашел в Москве. Я думаю, что на этот раз тебе не покажется там уж так чуждо, и о Тифлисе не пожалеешь. Ты, вероятно, будешь страшно недоволен – задаром пропащие две недели, о которых и я очень сожалею, тем более что ты провел их без всякого удовольствия.

Теперь у нас все разъехались. Папа уехал на другой же день после твоего отъезда, а Лиза тетя вчера. У нас нового решительно ничего нет.

Все здоровы, кроме Вали, которая теперь простудилась и кашляет. Мы ее выдерживаем в комнате. Я же совсем поправилась, хотя не выхожу. До свидания, милый мальчик. Надеюсь получить подробное письмо о том, как ты устроился. Наши все кланяются тебе.

Твоя мама.

Продажа угля.
Почтовая карточка
из серии «Типы
Кавказа». № 91.
1910-е гг.

1901.П.08

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует.

*Дом, в котором жила
семья Флоренских
в Тифлисе. Фото
М.С. Трубачевой.
1980-е гг.*

Дорогая моя мамочка!

Теперь я окончательно устроился и могу спокойно заниматься, хотя на несколько масляничных дней лекций нет.

В общем, в Университете спокойно. Было три сходки, но на них присутствовало очень мало. На одной из них всех участников (308 человек) переписали и теперь их «дело» разбирается; ходят, впрочем, слухи, что его постараются замять и оставить без последствий. На последнюю сходку, назначенную в понедельник, собирались как-то бестолково, и их не пустили в актовую залу. (Это все говорят, а за достоверность *не* ручаюсь.) Говорят даже, что сходка так и не состоялась, но что какой-то студент, явившийся в актовую залу во время предполагавшейся сходки, был записан, как участвовавший в ней etc.

В Университете висят везде объявления, напечатанные крупными буквами, что де «недоброжелательные правильному ходу университетской жизни элементы» мешают заниматься etc., но теперь в числе 308 человек переписанных, и что назначенная ими «от лица всего университета «обструк-

ция» не состоится, так как надеются, что etc. Объявления, впрочем, весьма невинного свойства и написано в сдержанных выражениях. Не понимаю, почему закрыли какую-то из здешних газет, напечатавших у себя его.

Математический факультет, по-видимому, самый «консервативный». Со всего факультета присутствовало на сходке 2 человека, да и те покались.

Сегодня я был у Лункевича¹; но там был какой-то господин, так что разговора интересного вообще не было.

Скоро ли приедет в Тифлис папа? Я не знаю, писать ли ему в Кутаис, или к вам. – Интересного у нас вообще ничего нет, тем более что лекции не читаются пока.

Бабушкино здоровье все также, то немножко лучше, то снова хуже, пока я был у них один раз.

На всякий случай предупреждаю тебя: если мне понадобится написать что-нибудь секретно, то я напишу на чистой стороне листа сахарным сиропом. Написанное станет видно, если вы подержите письмо над лампой. На том письме я тогда сделаю особый знак: «Σ».

Пишите мне скорей, дорогая мамочка. Целую вас всех.
Москва 19 8/II 01. Твой П.

¹ Лункевич Владимир Валерианович – преподаватель во 2-й тифлисской гимназии. П.А. Флоренский в своих воспоминаниях писал о нем: «...довольно известный популяризатор естествознания, полунемец, полуармянин, он познакомил меня с химией...» («Детям моим...». С. 262).

1901.II.08

В.Ф. Эрн – А.В. Ельчанинову

Отрезной купон: сумма перевода 5 руб. _ коп. От В. Эрн. Москва. Студенческое общежитие имени Императора Николая II, комн. № 41. Б. Грузинская. Штемпели: Москва. 1901.02.08; С.-Петербург. 1901.02.09

Дорогой Саша! Посылаю тебе 5 рублей для того, чтобы ты купил мне Виндельбанда¹, Мальбранша² и Декарта³. Те 3 рубля дал тебе за меня Флоренский, для него ты и купи на эти деньги книг.

В. Эрн

¹ Виндельбанд Вильгельм (1848–1915) – немецкий философ, глава баденской школы неокантианства. Вероятно, речь идет об «Истории новой философии» (русский перевод: Т. 1–2, 1902–1905).

² Мальбранш Никола (1638–1715) – французский философ-идеалист, главный представитель окказионализма. В 1664 г. принял сан священника. Основное сочинение «Разыскание истины» (1674–75, русский перевод, т. 1–2, 1903–1906 гг.).

³ Декарт Рене (1596–1650) – французский философ и математик, представитель классического рационализма.

1901.П.08

Нижегородский кружок любителей физики и астрономии – П.А.Флоренскому

Конверт: Его В.Б. Г-ну Флоренскому. Тифлис, Николаевская, д. № 67. Штемпели: Нижний Новгород <нрзб.> Тифлис 1901.03.05. <№ 289>

Нижегородский
КРУЖОК ЛЮБИТЕЛЕЙ
физики и астрономии¹

Февраля 8 дня 1901 года.
Нижний Новгород

Правление имеет честь уведомить гг. членов Кружка, что перемещение научных журналов Кружка в читальню

Письмо
П.А. Флоренскому
от Нижегородского
кружка любителей
физики и
астрономии.
8 февраля 1901 г.

Известия Русского астрономического общества, где были опубликованы две первые статьи П.А. Флоренского, о чем он не знал. Их обнаружил в 1970-х гг. астроном Н.А. Беляев, ныне иерей. (Титульный лист и страницы с одной из двух статей П.А. Флоренского)

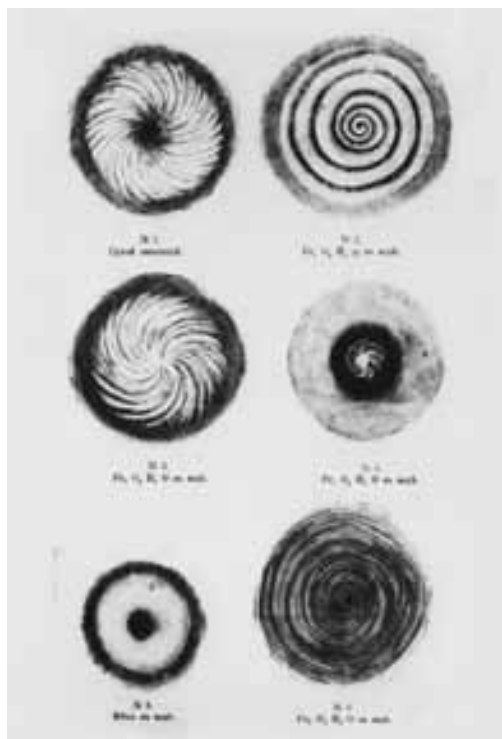
Всесословного клуба состоялся. Члены Кружка получают с сего числа свободный доступ в читальню Всесословного клуба по предъявлению членского билета Кружка. Членские билеты получают в канцелярии Реального училища с 9 до 3 часов дня, а в дни собраний – в помещении Кружка.

Правление.
(см. на обороте).

Нижегородский
КРУЖОК ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФИЗИКИ И АСТРОНОМИИ

Февраля 8 дня 1901 года.
Нижний Новгород
Члену Кружка Г-ну Флоренскому

Правление Кружка в виду предстоящего отчета за истекший год имеет честь покорнейше Вас, Милостивый Государь, уплатить причитающуюся за Вами недоимку по уплате членских взносов за 1900/1 г.

— 107 —

... но бы

... ..

... ..

К. Флоренский

Взносы адресуются: Аракчеевский Корпус, кв. Полковника Алферьева, Казначей Кружка В. В. Адрианову. Правление.

¹ Первый в России астрономический кружок, образованный 23 октября 1888 года в Нижегородском Педагогическом институте. Он был вторым в мире подобным сообществом любителей астрономии после Французского астрономического общества, основанного за год до него Камилем Фламарионом.

1901.П.09

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва. Общежитие студентов Николая II. П.А. Флоренскому. Штемпели: С. Петербург. 1901.02.10; Москва. 1901.02.11. <№ 107>

Напиши мне, пожалуйста, что делать с Бергманом: продается издание этого года, I т. – Физика част. силы, II-ой т. Теплота? Оба стоят 6 р. и отдельно друг от друга не продаются; впрочем один коллега обещал лишь I т. за 2 р 50 к., покупать

ли? Мальбранш и Виндельбанд еще не вышли. Декарта и Введенского¹ я купил. Рескина ты мне пока не высылай, напиши сколько надо тебе за него прислать. У нас в Университете все спокойно, акта не было, человек около 20 пока отданы в солдаты; несколько десятков исключены с правом поступления в другие Университеты. Надеюсь, что крутые меры подействуют.

Твой А. Ельчанинов 1901 II/9

¹ Введенский Александр Иванович (1856–1925) – представитель русского неокантианства, с 1890 г. экстраординарный профессор кафедры философии Петербургского университета и Высших женских курсов, читал логику, психологию и историю философии, а также курс «Древняя философия с обзором влияния на средневековую». Один из инициаторов создания Философского общества в Петербургском университете, образованного в 1898 г.

1901.II.10

О.А. и О.П. Флоренские – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие Студентов имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Комната № 42. Штемпели: Тифлис. 1901.02.13; Москва. 1901.02.18. <№ 109>

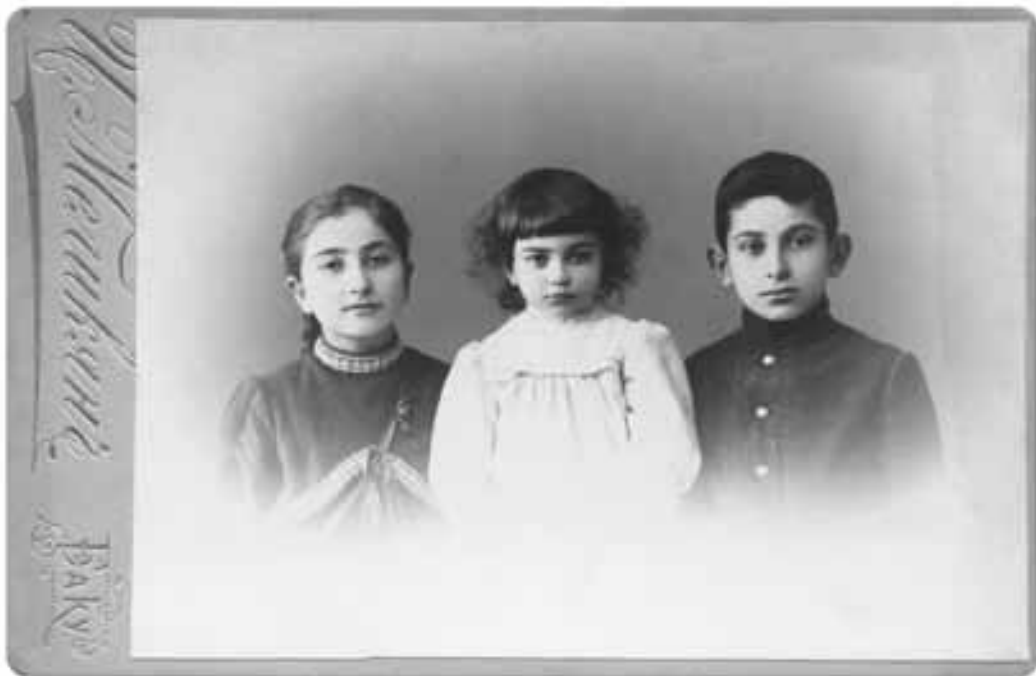

Суббота 10 февраля 1901 г.

Дорогой Павля.

Позавчера и вчера ночью шел дождь, остальное время тепло, один день даже было жарко. Какая погода в Москве? Без тебя получили только два журнала, оба за прошлый месяц: один приложение к «Всходам», называется «От Земли». Я это еще не читала и потому не могу писать тебе, а другая книга «Родник»; там несколько мелких рассказов, один я еще не читала; напиши мне письмо. Знаешь ли ты, что у Сони тети родилась девочка¹, видал ли ее или, когда ты был у Сони тети, ее еще не было?

Лиза тетя уехала в воскресенье 4 февраля после завтрака. Она поехала к Соне тете. Я с тех пор, как ты уехал, не занималась. С Марьей Александровной я пропустила 2 урока, потому что я кашляю и у меня довольно сильный насморк. Сегодня обещали в гимназии взять на Соленое или Лисье озеро тот раз, в котором Шура, но так как сегодня грязь, то

не взяли, и обещали взять завтра, если будет хорошая погода. Теперь мне нечего писать. Целую тебя.

Твоя Валя

Тифлис 12 февраля

Милый Павлик.

Вижу из твоего последнего письма, что Москва лучше понравилась тебе на этот раз. Я так и думала. Остается только пожелать, чтобы она не понравилась тебе чересчур в ущерб нашему Тифлису.

У нас все хорошо. Только скучно как-то. Могу обрадовать тебя, что папа, наконец, назначен в Тифлис, и мы на днях ожидаем его приезда. Давид получил место в гимназии около Дербента. На днях он был у нас, и мы провели довольно весело эти два дня. Что делается у вас в Москве? Успел ли ты преодолеть пропущенное? Варваре Николаевне и Пекокам передай мой привет. До свидания, милый.

Твоя мама.

*Грета, Эльза и
Хамаяк Карамяны.
Фото И. Меликяна.
Баку. Около 1904 г.*

¹ У С.П. Карамян было трое детей: Хамаяк, Маргарита и Елизавета. Речь идет о младшей – Маргарите.

1901.II.15

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва. Общежитие студентов имени Николая II го. Б. Грузинская. Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому. Штемпели: С. Петербург. 1901.02.15; Москва 1901.02.16. <№ 108>

Бергмана оба тома я выслал тебе сегодня утром; купил я его у букиниста за 6 р. в переплете. Как я писал тебе и Эрну, Виндельбанд еще не вышел, хотя Риккер (книгопродавец) ожидает, что ему пора уже выйти; Мальбранш тоже. Напишите, высылать ли вам ваши оставшиеся деньги, или подождать выхода книг; потом, я забыл, покупать ли Эрну Введенского «О видах веры...», «Об условиях допустимости веры в смысле жизни» и «О пределах и признаках»; пусть напишет. Как у вас настроение? У нас что-то готовится, вчера распространился очень сенсационный слух о покушении на Боголепова.

Твой АЕ.

1901/II/15

1901.II.20

Б.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Большая Грузинская, Общежитие имени Императора Николая II. Е.В.Б. П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.02.20; Москва 1901.02.26. <№ 111>

Дорогой Павлуша.

Мы хотели устроить научное общество по естествознанию, каждый член брал себе какую-нибудь специальность, чтобы на заседаниях читать по этой специальности лекцию. Я взял себе химию и астрономию, Шура Х.¹ химию и физику, ваш Шура²: археологию, Карпович ботанику и астрономию, Калашников³ взял паровые машины, хотя это не принадлежит к естествознанию.

Цицианов взял тоже машины. Еще не было ни одного заседания. Саша мне не говорил ничего о книге с вопросами. Напишите, пожалуйста, если вам не трудно, что это такое.

У нас была по латыни письменная работа, я получил 3.

Вам кланяется мама. Кланяйтесь от меня Эрну.

Cornix⁴

- ¹ Худадов Александр – младший брат Владимира Худадова.
- ² Флоренский Александр – средний брат Павла Флоренского.
- ³ Калашников Михаил Георгиевич (1886–1970) – гимназист, двоюродный брат Михаила и Наталии Карповичей, впоследствии выпускник Петербургской академии художеств, художник-архитектор, женился на вдове В.Ф. Эрн Е.Д. Векиловой-Эрн.
- ⁴ Cornix (лат.) – ворона. Вероятно, у учеников гимназии были «птичь» прозвища. Например, у П.А. Флоренского – «Сокол».

1901.П.21

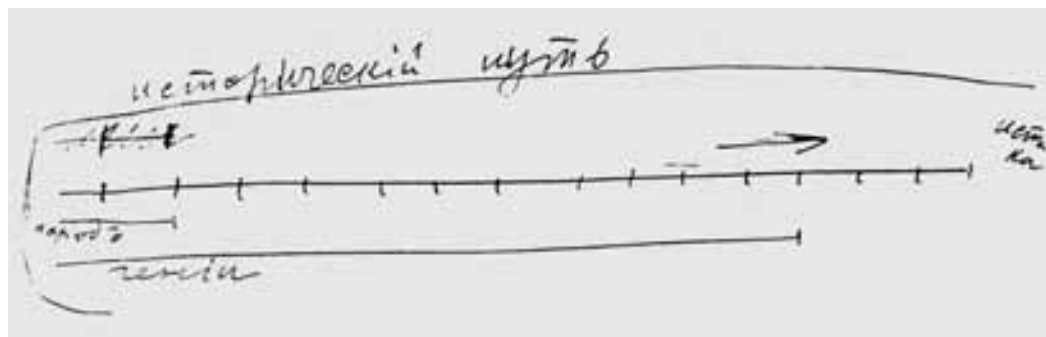
А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

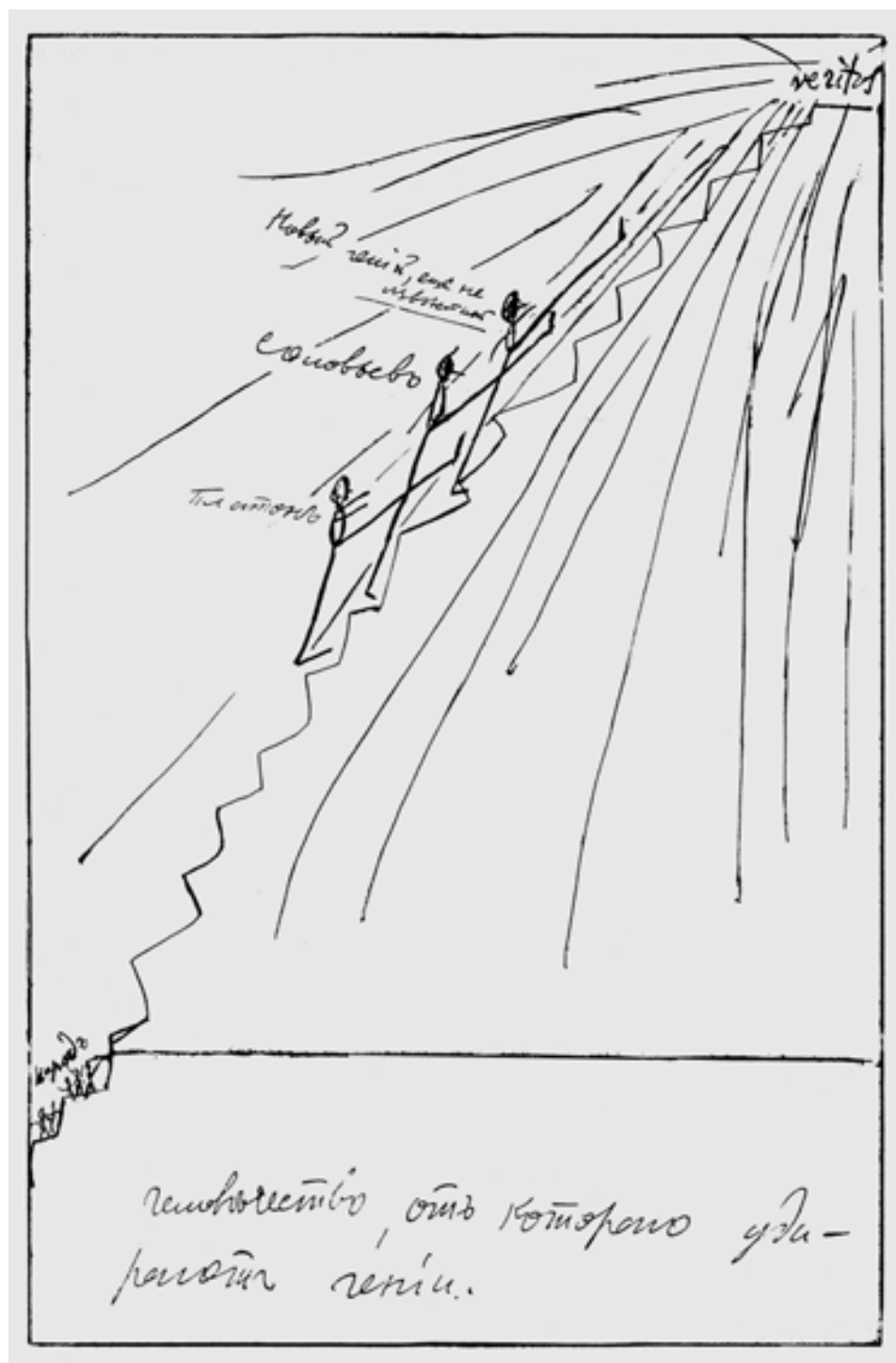
Конверт: Москва. Общежитие студентов Николая II-го. П.А. Флоренскому. Штемпели: С.-Петербург. 1901.02.22. Москва. 1901.02.26. <№ 110>

Дорогой Павлуша! Благодарю тебя за твое предложение; но мне, право, деньги не очень нужны сейчас, во всяком случае, не так, чтобы приходилось занимать у кого бы то ни было. За второе твое предложение: работать летом вместе, конечно, очень благодарен, но только ведь я тебе ничего не помогу, а, пожалуй, еще помешаю; если я ошибаюсь, то, конечно, при наличности возможности с огромной радостью принимаю твое предложение (ты ведь знаешь, что на лето мне почти наверное придется взять работу). – Мне бы хотелось поделиться с тобой такими мыслями, которые беспокоят меня последнее время: стремление к истине прирожденно всякому, оно безусловно должно являться регулятором нашей жизни, и счастливы те, которые чувствуют себя способными приблизиться к истине, работать для нее головой: синтезировать последние выводы метафизиков и продолжать развивать этот синтез, но что делать остальным людям, у которых есть стремление к истине, а нет сил не только приближаться к ней дальше современного состояния ее понимания, но даже понять, сознательно усвоить то «приближение», которое теперь получили эти единицы, монополисты метафизики, о которых я говорил раньше? Неужели им бросать практическую деятельность и браться за учебники философии? Ты, может быть, ответишь, что чувство истины, непосредственная ее интуиция может открыться независимо от учебников, что истину можно преследовать в практической деятельности, но и здесь затруднения: никакая практическая деятельность невозможна без установленного мировоззрения,

а это последнее невозможно без остального знания философии, по крайней мере, для ума с критическими склонностями. Право, думая об этом, придешь к мысли, что идеалом является царство, в котором пророки с высоты кафедр возглашают истину, а толпа лежит внизу и воспринимает совершенно пассивно «глаголы мудрости». Я бы мог писать об этом еще много, но боюсь утомить тебя. – Я очень рад, что ты познакомился с Турчаниновым¹: у него много знаний, но нет творческой мысли, такого полета фантазии (в лучшем смысле), как у тебя. Напиши, что с ним. – Я бы написал тебе о скандале на Невском 19 февр<аля>, когда студентов и курсисток сильно избила полиция, но боюсь, будет неинтересно. – Я с нетерпением жду твоего очерка, твоей летней работы, но только, когда будешь писать, не особенно рассчитывай на мою понятливость. – Насчет того сомнения, которое я тебе изложил выше, прибавлю, мне бы очень хотелось верить, что мировоззрение человечества и его этика развиваются сл<едующим> образом: I Передовыми борцами, завоевывающими истину на той или другой стадии ее диалектического развития, являются гении; II они распространяют эти взгляды в толпе, и таким образом и мировоззрение народа развивается диалектически; III сообразно с развитием мировоззрения эволюционирует и поведение каждого человека, этика человечества; I-ое я еще могу сознательно усвоить, II-го я прямо не вижу; не вижу, чтобы метафизика какого-нибудь профессора философии фон Шеллинга² распространялась по всему человечеству; если же и есть такое распространение, то почему гении так быстро шагают? почему, почему пока народ прошел один этап и едва-едва добирается до второго, гений уже проходит двадцатую станцию:

А.В. Ельчанинов.
Рисунки из письма.
График
исторического
развития.
Гении, восходящие
к истине

Я говорю неясно: я думаю, что гений должен вещать новые слова тогда, когда старые, открытые прежним гением, уже усвоены человечеством. Говорят, что гении способствуют ускорению нашего приближения к полному знанию, но это приближение состоится для единиц, для десятка человек на всю Европу, а несчастное человечество в это время с трудом, обливаясь потом, будет доходить, скажем, до третьего этапа, в то время, как десяток счастливициков будет уже спасено. Это положение, по-моему, крайне ненормально, направлять все свои силы на то, чтобы поскорей долезть доверху!; вместо этого, если я сильнее других, я предпочитаю спуститься на несколько ступенек ниже и помочь оставшему большинству.

Прости за болтовню.

Твой Саша Ельчанинов.

Петербург 1901/IX/21

Поклон Эрну и Коле. Вы все-таки не пишете, высылать ли вам деньги обратно, или подождать выхода книг.

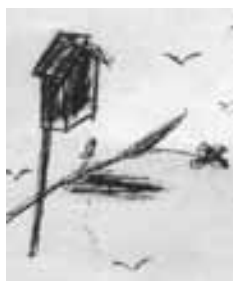
¹ Иных сведений о встрече Турчанинова с П.А. Флоренским не имеется.

² Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775–1854) – представитель немецкой классической философии. Идеи Шеллинга оказали большое влияние на русскую религиозную философию, в том числе на Вл. Соловьева.

1901.П.22

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Четверг 22 февраля 1901 г.

Дорогой Павля.

13 февраля здесь был снег, но он на 3 день растаял, вчера был маленький дождь, но уже почти сухо. Папа приехал к нам навсегда в воскресенье. Недавно к нам приезжал Сергей дядя, он пробыл в Тифлисе два или три дня. У Андрюши идут 9 и 10 зубы. Какая погода в Москве? Я прочла «Всходы», которые называются «От земли», там говорится о том, как из крестьянина стал художник. Мы за этот месяц пока получили только самый журнал «Всходы», еще должны получить приложение к

«Всходам» и «Родник». «Юный читатель» в этом году мы не получаем. Ремсо тете немного нездоровится. Теперь мне нечего писать. Прощай, целую тебя.

Твоя Валя.

1901.П.22

А.И., О.П. и Ю.А.Флоренские – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская, общежитие студентов Императора Николая II, комната № 41. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.02.22; Москва. 1901.02.27. <№ 112>

22/П 1901.

Дорогой Павлуша,

В Воскресенье я переехал в Тифлис, т.е. освободился от места в Кутаисе. Поэтому более не посылай мне писем в Кутаис. Дома у нас все благополучно; мама здорова и вероятно сама напишет. Ничего нового нет; жизнь идет заведенным порядком, как и при тебе.

Нам с мамой более подробно хотелось бы знать о твоём, или скорее твоих настроениях в области твоих мыслей и дум. Мне кажется, что тут и одобрение и неодобрение с нашей стороны – не должно играть никакой роли.

Само собой понятно, что разность взглядов неразрывно связана с разностью возраста; но это еще не уничтожает умственного общения. Я бы желал знать судьбу твоих рефератов, которые ты приготовил для семинарий, но содержание которых мне неизвестно¹.

Я, вероятно, скоро поеду в Баку недели на три, а может быть, и четыре. До свидания, мой дорогой. Кланяйся Пекок и Варваре Николаевне и твоим товарищам.

Твой папа.

P.S. Пожалуйста, сообщи, получил ли ты все деньги, т.е. (150+50+40) р. Тогда можно будет уничтожить почтовые квитанции.

Говорят, что Коля был болен. Как ему теперь? Бедная бабушка его сильно беспокоится и все хочет знать правду, думая, что от нее скрывают что-то. Напиши мне о нем, а я ей сообщу при встрече, утешу ее. Кланяйся всем Пекокам и Варваре Николаевне.

До свидания, милый будь здоров и весел. Не занимайся слишком много, думай о будущем.

Целует тебя твоя мама.

Милый Павлик,

Я была очень довольна получить твое последнее письмо, увериться, что все у вас спокойно. Как ни мало веришь разным слухам, а все-таки они оставляют некоторую долю тревоги.

Говорят, что студентам, не желающим принимать участия во всех этих историях, приходится переносить задевания и насмешки своих товарищей. Правда это? Напиши.

У нас ничего интересного. Занятия детей идут довольно хорошо. Шуре мы взяли репетитора по настоянию папы. Это некто Гвиниев, ученик VIII класса. Знаешь ли ты его? Шура рассказывает, что Погирев² сошел с ума и находится теперь в Михайловской больнице. – Еще новость. Давид взял место управляющего в имении около Дербента.

¹ В осеннем семестре первого курса П.А. Флоренский подготовил два реферата: «Учение Милля об индуктивном происхождении геометрических понятий» для семинария по психологии профессора А.М. Лопатина (прочитан в феврале 1901 г.) и «Идея блага в платоновом “Государстве”» для семинария по древней философии профессора С.Н. Трубецкого.

² Вероятно, речь идет о Погиреве Валентине – приятеле Эрна, Ельчанинова и Флоренского по Тифлису. Позже Погирев посещал Флоренского в Сергиевом Посаде. 7 ноября 1906 года А.В. Ельчанинов писал П.А. Флоренскому в Сергиев Посад: «Милый Павлуша! Очень прошу тебя, обрати внимание на Валу Погирева, который должен был приехать в Посад 7-го вечером. История обычная, хочет Бога: недели две назад он был в полном отчаянии, а сейчас мучит себя аскетизмом, не спит, не ест. Я знаю, что у тебя в этом большой опыт – помоги ему, как можешь, или направь к кому-нибудь». Если он был уже у тебя, то ты знаешь его намерение: не спать до воскресения и абсолютно молчать. Ну, вот и все, прости, Саша XI/7 Москва».

1901.П.25

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому
Тифлис. Конверт отсутствует.

Воскресенье 25 февраля 1901 г.

Дорогой Павля,

сегодня я получила твое письмо. Погода вчера была жаркая, сегодня после обеда был очень маленький слепой дождь. Ка-

кая погода в Москве? Андрюша немного нездоров. Весело ли тебе? Мама со мной немного занимается. Книг пока еще больше не получали. Мы сегодня были у Меера, он дал нам много фиалок, маргариток и гвоздик кустами. Больше нечего писать. Целую тебя.

Твоя Валя.

1901.П.26

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. Ольге Павловне г-же Флоренской. Николаевская, д. 67. Штемпели: Москва. 1901.02.27; Тифлис 1901.03.04.

Дорогая мамочка!

Пишу тебе в довольно-таки неприятной обстановке. Волнение все усиливается и грозит принять серьезные размеры, тем более что одновременно с движением панучебным вспыхивает что-то среди фабричных: сегодня была крупная драка на Тверской с полицейскими. 23-го февраля была сходка; всех собравшихся загнали казаки в Манеж, где их держали 2 дня и только вчера ночью перевели в тюрьму на Бутырке. Рассказывают о целом ряде самых возмутительных историй, говорят, будто запертых студентов полицмейстер обещал «заморить голодом» и т.д. Сейчас, как говорят, происходит у нескольких человек в Общежитии обыск; да и вообще тут подслушивают, подглядывают за нами по случаю волнений. Сегодня Тверская была баррикадирована скамейками с бульвара, фабричные грозят перевернуть конки и т.д.

Не думаю, чтобы были после этого серьезные занятия в Университете; я слышал, но, быть может, это только сплетня, что ректор подал <в> отставку; инспектор же давно заблаговременно подал рапорт о болезни.

Оставаться в бездействии в скором времени будет невозможно. Может быть, мы будем действовать в том направлении, чтобы подали петицию на Высочайшее Имя с просьбой об отмене «временных правил». Но это надобно было сделать раньше, а теперь, думаю, поздно уже.

Хотя я занимаюсь, но чувствую, что от этих занятий мало проку: такое у нас неопределенное и нерешительное положение. Но уезжать теперь из Москвы мне нельзя; надо будет как-нибудь действовать; а не удирать.

Профессора Университета (Н. Н. Ноовский, В. Н. Герье, Н. О. Клейн, Н. В. Бугаев, А. Д. Булагинский, А. М. Махтев, Д. Н. Зернов, П. Н. Нейдинг, А. П. Лебедев, Н. А. Ужов, В. О. Ключевский, Н. А. Езюковский, Н. В. Дятлов, В. С. Богословский, А. Б. Фохт, К. А. Андреев, В. О. Снегирев, граф Л. А. Кахаровский, Д. И. Сахаров, А. П. Кириллович, Ф. Ф. Фортунатов, А. П. Сабитов, П. Н. Мротек-Дродонский, В. Ф. Миллер, И. Т. Тарасов, Р. Ф. Врангел, А. С. Алексеев, Д. Н. Анучин, А. П. Соколов, Н. Е. Жуковский, Ф. И. Сивилев, Г. Е. Колоколов, А. П. Павлов, А. А. Тихомиров, В. К. Цераский, П. Э. Соколовский, Е. А. Нефедьев, С. Ф. Бубнов, Л. М. Лосатин, В. Д. Шеринский, Н. Н. Любимов, В. А. Тихомиров, Н. Ф. Филатов, Н. Ю. Зограф, М. В. Духовской, Н. С. Суворов, В. К. Млодтвенский, К. М. Павлов, П. М. Попов, С. И. Соболевский, Л. А. Кассо, М. И. Соголов, Н. С. Корсаков, А. А. Краков, Н. О. Годунов, Н. А. Митропольский, Н. Д. Зелинский, П. И. Дьяконов, Л. З. Морозов, М. Н. Никифоров, И. К. Спирин, В. К. Рот, Л. К. Лахтин, К. Ф. Клейн, А. П. Губарев, В. И. Вернадский, В. М. Хвостов, Р. Р. Вавилов, Э. Е. Лейб, П. Н. Лебедев, князь С. Н. Трубецкой), обратившись на экстренных заседаниях 24 и 25 февраля, постановила обратиться к студентам с следующими указаниями:

Когда к вам семь случается горе, обязанность старших стать на стражи семьи и дать свой совет. Потому мы, профессора, Ваши учителя, друзья и товарищи по научной работе, считаем долгом обратиться к Вам с советом и просьбой.

Чтобы выйти из тяжелого положения нужны самообладание и вера во всеобъемлющую силу истины. Первое необходимо для того, чтобы точно распознать правый путь от ложного, второе — чтобы уничтожить в себе ушлые духа. Проникнитесь этика двумя началами и выслушайте нас, как людей опытных, проводивших десятки лет в стенах Университета, доказавших честию и достоинством его и любящих Вас.

Вас заботит, обманывает и внутренне удушает Ваше и без того нелегкое положение.

Люди, неучастные к интересам науки и Университета, назвали Вас новое пошлостное студенту слово и дѣяние „заблестел“, т.-е. заставили Вас смотреть на Университет как на учреждение фабричное, а не научное, чтобы такими образом стереть самое название Университета. Вдумайтесь в такое положение дѣл и скажите по совету, возможно ли подоб-

Присылаю вам прокламацию профессоров. Спрячьте ее для меня. Целую вас всех.

Пишите скорей.

Твой П.

Москва 19 26/II 00¹

¹ В дате письма ошибка: правильно — 1901 г.

В письмо вложено обращение к студентам профессоров Московского Императорского университета, подписанное 66 именами¹.

¹ Алексеев Александр Семенович (1851–1916) — проф. (1885–1911), правед.

Обращение
профессоров
Московского
Императорского
университета
к студентам.
Листовка из
письма студента
П.А. Флоренского
родителям

ное отношение к Университету со стороны людей, посвятивших себя изучению науки! Достойно ли это слово русского народа, — народа, который последние сроки свои отдал на Ваше научное воспитание. И так это путь доканий и опасный. Этакая путевка уже достигнута „Временных правил“; теперь Вам предлагают продолжать идти тем же путем, т.-е. несомненно стремится ухудшить еще больше Ваше положение. Вам устранивают сходки и на эти сходки приглашают людей совершенно чуждых Университету; частное положение Университетской жизни стремится разуть в общий пожар. Вм. Васъ будят страсти, сообщая Вам докания съдѣнія, сообщая Вам мыслью, что въ Вашемъ дѣлѣ принимаютъ участие всѣ учебныя заведенія и само общество, называя также факты „гражданинскими манифестациями“. Вамъ печатаютъ и рекламируютъ о замысленныхъ злодѣяніяхъ, которыя возбуждаютъ ужасъ и трепетъ. Въ нашу университетскую семью закладываютъ доверчивыхъ и остраотательныхъ женщинъ, пернисть и возбуждаютъ которыя еще болѣе скупить и волнеть Васъ. Выпѣшиваютъ плакаты съ надписью „Требуемъ отмены Временныхъ правилъ“, хорошо соображая, что требование решительно приказу, и темъ отражая Вамъ путь къ отступлению. Вм. Васъ будятъ чувства жалости и негодованія, смущая Васъ переставивъ тайны, и все это совершаютъ люди, не ижебно, можетъ-быть, никакой силой ни съ Вами, ни съ Университетомъ, ни съ наукой.

Университетъ становится злобастой отдушиной, чрезъ которую люди всѣхъ ранговъ и сословій стараются пропустить свое недовольство бюджетъ и то недовольство политическое, экономическое, социальное и. т. д.

Университетъ находится въ осаду. Какъ же выйти изъ этого положенія? Завбудь слово „забастонка“ и всегда не приближай его къ стѣнамъ Университета. Выйдемъ изъ тяжелого положенія путемъ точнаго изслѣдованія фактовъ—единственно вѣрнымъ путемъ. Но для этого необходимо, чтобы жизнь Университета не прерывалась, и занятія шли безнаруженными; только при этомъ условіи и при полномъ доверіи съ Вашей стороны профессора получаютъ возможность содѣйствовать приведенію въ порядокъ столь осложненнаго университетскаго дѣла. Мы просимъ Васъ, продолжайте Ваши занятія.

- Андреев Константин Алексеевич (1848–1921) – проф. (1898), член-корр. АН (1884), математик, геометр.
- Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923) – проф. (1889), академик (1896), зоолог, путешественник, основатель Института антропологии АН.
- Богословский Виктор Степанович (1841–1904) – проф. (1894), зав. каф. фармакологии (1882).
- Брандт Роман Федорович (1853–1920) – проф. (1902), член-корр. АН (1902), филолог-славист.
- Бугаев Николай Васильевич (1837–1903) – проф. (1867), декан физико-математического факультета (1886), математик и философ.
- Булыгинский Александр Дмитриевич (1838–1907) – проф. (1863), создатель каф. медицинской химии (1871).
- Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – проф. (1898–1911), зав. каф. минералогии (1891–1911), помощник ректора (1905–1911), академик (1912), геолог, геохимик, создатель учения о биосфере. Один из

- основателей кадетской партии (1905), член Государственного Совета (1905–1911), товарищ министра просвещения во Временном правительстве, министр просвещения на Украине и в Крыму.
- Вишпер Роберт Юрьевич (1859–1954) – проф. (1899–1922), академик (1943), историк.
- Герье Владимир Иванович (1837–1919) – проф. (1868–1904), член-корр. АН (1902), историк. Основатель Высших женских курсов (1872), гласный Московской городской думы (1876–1908), член Государственного Совета (1907).
- Голубов Николай Федорович (1856–1943) – проф. (1897), зав. каф. клинико-факультативной терапии (1912–1917).
- Губарев Александр Петрович (1855–1931) – проф. (1893), директор гинекологической клиники (1901).
- Духовской Михаил Васильевич (1849–1903) – проф. (1892), криминалист, общественный деятель.
- Дьяконов Петр Иванович (1855–1905) – проф. (1893), зав. каф. оперативной хирургии и топографической анатомии (1901). По его инициативе 21.03.1906 хирургическое общество приняло протест против смертной казни и репрессий. Основатель студенческого научного общества.
- Елеонский Николай Александрович (1843–1910) – протоиерей, проф. богословия, экзегет, настоятель домовая церкви Святой мученицы Татианы.
- Жуковский Николай Егорович (1847–1921) – проф. (1886), член-корр. АН (1894), математик, гидродинамик.
- Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953) – проф. (1883–1911, 1917–1953), академик (1929), химик-органик.
- Зернов Дмитрий Николаевич (1843–1917) – проф. (1873), зав. каф. нормальной анатомии (1873–1917), декан медицинского факультета (1898–1899).
- Зораф Николай Юрьевич (1851–1919) – проф. (1888), зоолог.
- Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – проф. (1899), юрист, министр народного просвещения (1911). С ним связана реформа учебных заведений в 1911 г., изгнание студентов и выход в знак протеста 130 профессоров Московского университета.
- Кирпичников Александр Иванович (1845–1903) – проф. (1898), член-корр. АН (1894), историк литературы.
- Клейн Иван Федорович (1837–1922) – проф. (1869), зав. каф. патологической анатомии (1869–1906), декан медицинского факультета (1878–1880).
- Клейн Карл Федорович (1853–1904) – проф., хирург клиники Ново-Екатерининской больницы.
- Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – проф., академик (1900), автор многоотомной истории России.
- Колоколов Григорий Евграфович (1851–1909) – проф. (1881), криминалист, доктор уголовного права.
- Комаровский Леонид Алексеевич, граф (1846–1912) – юрист, профессор по кафедре международного права.
- Корсаков Николай Сергеевич (1852–1925) – проф., зав. каф. педиатрии и зав. клиникой детских болезней (1902–1922).
- Крюков Адриан Александрович (1849–1908) – проф. (1892), директор глазной клиники (1895).
- Лахтин Леонид Кузьмич (1863–1927) – проф. (1903), математик, помощник ректора, а затем ректор (1905).

- Лебедев Петр Николаевич (1866–1912) – проф. (1900–1911), физик, доказал давление света.
- Лейст Эрнест Егорович (1852–1918) – проф., геофизик, метеоролог.
- Макеев Александр Матвеевич (1829–1913) – проф. (1884), зав каф. акушерства и гинекологии и акушерской клиники (1874).
- Миллер Всеволод Федорович (1848–1913) – проф. (1884), академик (1911), директор Лазаревского института восточных языков (1897–1911).
- Митропольский Николай Афанасьевич (1848–1918) – проф. (1903), зав. каф. частной патологии и терапии (1913–1917), декан медицинского факультета (1914–1917).
- Млодзеевский Болеслав Корнелиевич (1858–1923) – проф. (1892–1911), математик, президент Московского математического общества (1900).
- Мороховец Лев Захарович (1848–1918) – проф. (1893), зав. каф. истории медицины (1896) и зав. каф. физиологии (1901–1912).
- Мрочек-Дроздовский Петр Николаевич (1848–1902) – проф. (1876), историк русского права
- Нейдинг Иван Иванович (1838–1904) – проф. (1879), зав. каф. судебной медицины (1879–1900), декан медицинского факультета (1894–1896 и 1899–1906).
- Нефедьев Евгений Алексеевич (1851–1910) – проф. (1896), зав. каф. торгового права и судопроизводства.
- Никифоров Михаил Никифорович (1850–1915) – проф. (1894), создатель школы патологоанатомов.
- Новацкий Иван Николаевич (1827–1902) – проф. (1868–1891), глав. врач Екатерининской больницы (1897).
- Павлинов Константин Михайлович (1842–1907) – проф. (1871), зав. каф. госпитальной терапевтической клиники (1902).
- Павлов Алексей Петрович (1854–1929) – проф. (1886), академик (1916), геолог, палеонтолог
- Попов Петр Михайлович (1862–1920) – проф. (1892), зав. терапевтической клиникой (1896).
- Рот Владимир Карлович (1848–1916) – проф. (1855–1911), создатель школы невропатологов.
- Сабанеев Александр Павлович (1843–1923) – проф. (1887), химик.
- Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1843–1911) – проф. (1873, 1894), археолог и историк русского права, директор Московского архива Министерства юстиции (1892).
- Синицин Федор Иванович (1835–1907) – проф. (1907), зав. каф. урологии и клиники урологии (1907).
- Снегирев Владимир Федорович (1847–1916) – проф. (1884), основатель кафедры гинекологии (1874).
- Соболевский Сергей Иванович (1864–1963) – проф. (1892), член-корр. АН СССР (1928), филолог-классик.
- Соколов Алексей Петрович (1854–1928) – проф. (1891), физик, исследователь радиоактивности.
- Соколов Матвей Иванович (1855–1906) – проф. по кафедре русского языка и словесности.
- Соколовский Павел Емельянович (1860–1934) – проф. (1896), специалист по римскому праву.
- Спизарный Иван Константинович (1857–1924) – проф., зав. хирургической клиникой (1924), декан медицинского факультета (1922).

- Суворов Николай Семенович (1848–1909) – проф. (1899) церковного права.
- Тарасов Иван Трофимович (1849–1929) – проф. (1889) полицейского права.
- Тихомиров Александр Андреевич (1850–1931) – проф. (1888), ректор Университета (1888–1905), директор зоологического музея (1896–1904).
- Князь Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905), проф. (1900), первый и единственный выбранный ректор (1905), религиозный философ, публицист, общественный деятель, один из создателей кадетской партии.
- Умов Николай Алексеевич (1846–1915) – проф. (1893–1911), физик-теоретик, электрик, оптик.
- Филатов Нил Федорович (1847–1902) – проф. (1891), зав. каф. детских болезней.
- Фохт Александр Богданович (1848–1930) – проф. (1880–1911 и с 1917), зав. кафедрой общей патологии.
- Фортунатов Филипп Федорович (1848–1914) – проф. (1876–1902), академик (1889), языковед.
- Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920) – проф. (1911), историк и социолог.
- Цветаев Иван Владимирович (1847–1913) – проф. (1877), филолог-классик, археолог, основатель Музея имени императора Александра III, отец поэта М.И. Цветаевой.
- Цераский Витольд Карлович (1849–1925) – проф. (1889), зав. Московской университетской обсерваторией (1890–1916).
- Шервинский Василий Дмитриевич (1850–1941) – проф. (1884), директор терапевтической клиники (1899–1907).

1901.III.01

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Открытка: Тифлис. Николаевская, 67. Е.В.Б. О.П. г-же Флоренской. Штемпели: Москва. 1901.03.01; Тифлис. 1901.03.06.

Дорогая мамочка!

Теперь такое неприятное положение, что писать не о чем, да и прямо не могу. Пока у нас все не кончится, заниматься нельзя. По долгу «службы» теперь посещаю университет, но от этих занятий не выходит, конечно, ничего. Относительно студентов тебе говорили совсем не верно; на этот раз все держали себя вполне благородно и терпимо.

Коля давно уж совсем здоров, так что его бабушка беспокоится понапрасну; раньше же он был немного простужен.

Говорят, завтра будет новая сходка. Целую вас всех, дорогая мамочка. Вальке напишу в следующий раз.

Москва 19 1/III 01 П. Флоренский.

Деньги получил.

В архиве П.А. Флоренского сохранились два последовательных черновика заявления, текст которых приводится:

Вариант 1

«Его Превосходительству г-ну Ректору Московского
Императорского Университета
студента 2-го семестра
физико-математического факультета
Павла Флоренского

Заявление.

Чсть имею довести до сведения Вашего Превосходительства, что я, ~~считая себя~~ вполне сочувствуя товарищам, участвовавшим на сходке, и считая себя солидарным с ними, прошу и требую себе одинакового с ними наказания, в виду того, что по некоторым ~~обстоятельствам~~ соображениям, которые теперь считаю недостаточными, ~~не мог принять~~ не был с ними на их стороне до сих пор.

П. Флоренский
Москва 19 3/III 01»

Вариант 2

«Его Превосходительству г-ну Ректору Московского
Императорского Университета
студента 2-го семестра
физико-математического факультета
Павла Флоренского

Заявление

Чсть имею довести до сведения Вашего Превосходительства, что я, вполне сочувствуя товарищам, участвовавшим на сходке и считая себя солидарным нравственно с ними, прошу и требую себе одинакового с ними наказания, тем более что на сходках не был на основании некоторых соображений, которые теперь ~~считаю недостаточными~~ не могли бы меня удержать от участия в сходке.

П. Флоренский
Москва 19 3/III 01»

*Борис Васильевич
Ключевский, сын
В.О. Ключевского, –
содельник священника
Павла Флоренского
по делу 1933 г.
Бутырская тюрьма,
9 марта 1933 г.*

1901.III.01

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва. Общежитие студентов имени Николая II-го, б. Грузинская. П. Флоренскому. Штемпели: С. Петербург. 1901.03.01; Москва. 1901 03.02. <№ 113>

Дорогой Павлуша! Не пишу покамест большого письма, т.к. не в настроении, кругом такие вещи, что, право, голова кругом идет. У нас объявлен очень интересный курс проф<ессора> Никольского¹ (было уже 3 лекции) «Лирическая поэзия Фета». Он декламирует чудно. Благодаря этим трем лекциям, я понял 1) что такое Фет и 2) какое огромное значение имеет для понимания поэта искусство декламировать. В конце этой недели выйдет первое полное собрание соч. Фета 3 т. 5 р.² Издано оно (я видел еще несброшюванный экземпляр) очень изящно Марксом, причем... но об этом в письме, а теперь очень прошу тебя написать подробнее о ваших событиях, мне это крайне важно. Твой А. Ельчанинов.

1901 II 27

¹ Никольский Борис Владимирович (1870–1919) – политический деятель, публицист, приват-доцент кафедры русского языка и словесности Петербургского университета.

² Стихотворения А.А. Фета под ред. и с предисл. Б.В. Никольского. В 3 т. СПб.: Изд. А.Ф. Маркс, 1901.

1901.03.02

**Ректор Московского Императорского Университета
А.А. Тихомиров – студентам¹**

Сим доводится до сведения студентов, что Советом Университета образована «Комиссия по вопросу о причинах студенческих волнений и о мерах к упорядочению университетской жизни». Состав Комиссии: В.И. Герье, Д.Н. Зернов, Н.А. Умов, В.О. Ключевский, К.А. Андреев, В.Ф. Снегирев, Граф Л.А. Камаровский, П.Г. Виноградов, И.Т. Тарасов, В.К. Цераский, А.А. Бобров и М.В. Духовской. Ближайшей задачей Комиссии будет упорядочение университетской жизни путем точного исследования фактов, осведомления студентов и другими законными мерами общения профессоров и студентов.

Ректор А. Тихомиров.

2 марта 1901 года

¹ Листовка. Объявление о создании комиссии в связи со студенческими волнениями. Собрание Музея истории МГУ.

1901.III.02

О.П. и А.И. Флоренские – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Общежитие Студентов Университета Императора Николая II, Большая Грузинская, студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис .1901.03.03; Москва. 1901.03.08. <№ 115>

Тифлис. 2 марта 1901 г.

Милый Павлик.

Мы ждали письма от тебя эти два-три дня, но не получили ничего. Хочется удостовериться, что с тобой не случилось ничего, так как слышишь то и другое, а насколько это

*Профессор
Московского
Императорского
университета
историк Василий
Осипович Ключевский*

Число	ВОНЕДЕЛЬНИКЪ.	ВТОРНИКЪ.	СРЕДА.
I.	<p>Числовой исчислѣній. З. О. П. Гусевъ. [3]</p> <p>Введеніе въ теорію исчислѣній. З. О. П. Гусевъ. [4,4]</p> <p>Гурвица. П. Д. Ковалевскій. (4,4)</p> <p>Алгебраическая геометрія. П. Д. Ковалевскій. (4,4)</p>	<p>Аналитическая геометрія (курсъ). О. П. Кудрявцевъ. [1]</p> <p>Теорія трансцендентныхъ. П. О. П. Ляпуновъ. [4,4]</p> <p>Уравненія въ эллиптическихъ функцияхъ. П. Д. Ковалевскій. [4]</p>	<p>Аналитическая геометрія. О. П. Кудрявцевъ. [3]</p> <p>Начала дифференціальной геометріи. П. О. П. Ляпуновъ. [4]</p>
II.	<p>Введеніе въ теорію исчислѣній. З. О. П. Гусевъ. [4,4]</p> <p>Гурвица. П. Д. Ковалевскій. (4,4)</p> <p>Дифференціальная геометрія. О. П. Жуковский. [3]</p> <p>Алгебраическая геометрія. П. Д. Ковалевскій. (4,4)</p>	<p>Аналитическая геометрія (курсъ). О. П. Кудрявцевъ. [3]</p> <p>Теорія трансцендентныхъ. З. О. П. Ляпуновъ. [4,4]</p> <p>Алгебраическая геометрія. П. Д. Ковалевскій. (4,4)</p> <p>Уравненія въ эллиптическихъ функцияхъ. П. Д. Ковалевскій. [4]</p>	<p>Аналитическая геометрія. О. П. Кудрявцевъ. [2]</p> <p>Начала дифференціальной геометріи. П. О. П. Ляпуновъ. [4]</p>
III.	<p>Дифференціальные исчисленія. З. О. П. Гусевъ. [3]</p> <p>Специальная геометрія. П. Д. Ковалевскій. [4]</p> <p>Начала геометріи въ связи съ кривыми. З. О. П. Ляпуновъ. [5]</p> <p>Дифференціальная геометрія. О. П. Жуковский. [4]</p>	<p>Основы геометріи. З. О. П. Кудрявцевъ. [2]</p> <p>Метрическая геометрія въ связи съ кривыми. З. О. П. Ляпуновъ. [4]</p> <p>Начала геометріи. П. Д. Ковалевскій. (4,4)</p> <p>Дифференціальная геометрія. П. Д. Ковалевскій. (4,4)</p>	<p>Дифференціальные исчисленія. З. О. П. Гусевъ. [3]</p> <p>Введеніе въ геометрію въ связи съ кривыми. О. П. Жуковский. [4]</p> <p>Дифференціальная геометрія (курсъ). З. О. П. Ляпуновъ. [4]</p>
I.	<p>Дифференціальные исчисленія. З. О. П. Гусевъ. [3]</p> <p>Специальная геометрія. О. П. Жуковский. [4]</p> <p>Начала геометріи въ связи съ кривыми. О. П. Жуковский. [5]</p> <p>Специальная геометрія въ связи съ кривыми. З. О. П. Ляпуновъ. (4,4)</p>	<p>Дифференціальная геометрія. П. Д. Кудрявцевъ. [2]</p> <p>Начала геометріи. П. Д. Ковалевскій. (4,4)</p> <p>Уравненія кривыхъ. О. П. Жуковский. [4]</p> <p>Введеніе въ геометрію. З. О. П. Ляпуновъ. (4,4)</p>	<p>Начала геометріи. З. О. П. Гусевъ. [4]</p> <p>Начала геометріи въ связи съ кривыми. О. П. Жуковский. [4]</p> <p>Специальная геометрія кривыхъ. П. Д. Ковалевскій. [2]</p>
II.	<p>Специальная геометрія. О. П. Жуковский. [4]</p> <p>Начала геометріи въ связи съ кривыми. О. П. Жуковский. [4]</p> <p>Специальная геометрія. О. П. Жуковский. (4,4)</p>	<p>Дифференціальная геометрія (курсъ). П. Д. Кудрявцевъ. [3]</p> <p>Уравненія кривыхъ. О. П. Жуковский. [4]</p>	<p>Начала геометріи. З. О. П. Гусевъ. [4]</p> <p>Специальная геометрія. П. О. П. Ляпуновъ. (4,4)</p> <p>Специальная геометрія. О. П. Жуковский. (4,4)</p> <p>Дифференціальная геометрія. О. П. Жуковский. [4]</p> <p>Специальная геометрія кривыхъ. П. Д. Ковалевскій. [2]</p>
III.	<p>Примененіе геометріи въ связи съ кривыми. О. П. Жуковский. (4,4)</p> <p>Примененіе геометріи въ связи съ кривыми. З. О. П. Ляпуновъ. (4,4)</p> <p>Специальная геометрія. О. П. Жуковский. (4,4)</p>	<p>Уравненія кривыхъ. П. Д. Кудрявцевъ. [2]</p> <p>Уравненія кривыхъ. П. О. П. Ляпуновъ. (4,4)</p> <p>Примененіе геометріи въ связи съ кривыми. З. О. П. Ляпуновъ. (4,4)</p>	<p>Начала геометріи. З. О. П. Гусевъ. (4,4)</p> <p>Примененіе геометріи въ связи съ кривыми. О. П. Жуковский. (4,4)</p> <p>Специальная геометрія. О. П. Жуковский. (4,4)</p>

Распределение лекцій и практическихъ занятій на Физико-Математическомъ факультетѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета на весеннее полугодіе 1901—1902 академическаго года.

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Расписание лекцій и практическихъ занятій на физико-математическомъ факультетѣ, по которому учился студент П. Флоренскій в весеннее полугодіе 1901—1902 учебнаго года

правда, неоткуда узнать. Слухи ходят, впрочем, больше насчет петербургскаго студенчества. Пожалуйста, пиши подробнее о себе. Правда ли, что занятія в Московскомъ университетѣ приостановлены?

ЧЕТВЕРГЪ	ПЯТНИЦА	СУББОТА
<p>Описание Ботаники. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Счетка (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Герасимъ. [2] Ученый въ историческомъ муз. [2] П. Д. Виноградскій. [2] Декларация о гражданствѣ (урокъ) [2] З. О. П. Уагънъ. [2]</p>	<p>Финансовый отчетъ. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Счетка (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Герасимъ. [2] Описание (урокъ). [2] О. П. Жуковскій. [2]</p>	<p>Декларация о гражданствѣ. [2] О. П. Жуковскій. [2] Финансовый отчетъ. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Подлинная грамота. [2] П. Д. Виноградскій. [2] Ученый въ историческомъ муз. [2] П. Д. Виноградскій. [2]</p>
<p>Описание анатом. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Декларация о гражданствѣ (урокъ) [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Счетка (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Герасимъ. [2] Описание анатом. [2] П. Д. Виноградскій. [2] З. О. П. Уагънъ. [2]</p>	<p>Описание анатом. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Финансовый отчетъ. [2] П. Д. Виноградскій. [2] Описание (урокъ). [2] О. П. Жуковскій. [2]</p>	<p>Декларация о гражданствѣ. [2] О. П. Жуковскій. [2] Подлинная грамота. [2] П. Д. Виноградскій. [2] Анатомия (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Виноградскій. [2] Ученый въ историческомъ муз. [2] П. Д. Виноградскій. [2]</p>
<p>Описание анатом. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Декларация о гражданствѣ (урокъ) [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Счетка (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Герасимъ. [2] Описание анатом. [2] П. Д. Виноградскій. [2]</p>	<p>Описание анатом. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Декларация о гражданствѣ (урокъ) [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Счетка (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Герасимъ. [2] Описание анатом. [2] П. Д. Виноградскій. [2]</p>	<p>Описание анатом. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Описание анатом. [2] П. Д. Виноградскій. [2] Анатомия (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Виноградскій. [2]</p>
<p>Описание анатом. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Декларация о гражданствѣ (урокъ) [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Счетка (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Герасимъ. [2] Описание анатом. [2] П. Д. Виноградскій. [2]</p>	<p>Декларация о гражданствѣ (урокъ) [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Счетка въ иностранной валютѣ (урокъ) [2] О. П. Жуковскій. [2] Декларация о гражданствѣ (урокъ) [2] З. О. П. Уагънъ. [2]</p>	<p>Описание анатом. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Описание анатом. [2] П. Д. Виноградскій. [2] Анатомия (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Виноградскій. [2] Проектъ испр. въ законѣ объ образованіи [2] О. П. Жуковскій. [2]</p>
<p>Описание анатом. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Декларация о гражданствѣ (урокъ) [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Счетка (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Герасимъ. [2] Описание анатом. [2] П. Д. Виноградскій. [2]</p>	<p>Описание анатом. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Декларация о гражданствѣ (урокъ) [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Счетка (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Герасимъ. [2] Описание анатом. [2] П. Д. Виноградскій. [2]</p>	<p>Описание анатом. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Описание анатом. [2] П. Д. Виноградскій. [2] Анатомия (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Виноградскій. [2] Проектъ испр. въ законѣ объ образованіи [2] О. П. Жуковскій. [2]</p>
<p>Описание анатом. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Декларация о гражданствѣ (урокъ) [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Счетка (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Герасимъ. [2] Описание анатом. [2] П. Д. Виноградскій. [2]</p>	<p>Описание анатом. [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Декларация о гражданствѣ (урокъ) [2] З. О. П. Уагънъ. [2] Счетка (лонг. курсъ). (5,5) П. Д. Герасимъ. [2] Описание анатом. [2] П. Д. Виноградскій. [2]</p>	<p>Ученый въ историческомъ муз. [2] П. Д. Виноградскій. [2] Проектъ испр. въ законѣ объ образованіи [2] О. П. Жуковскій. [2] Декларация о гражданствѣ (урокъ) [2] З. О. П. Уагънъ. [2]</p>

Дома у нас все идет хорошо. Папа уже переехал в Тифлис, но думаю, что ему все-таки придется немало разъезжать по службе. Занятия детей идут довольно хорошо. На этом я заканчиваю в ожидании известия от тебя. Как-то не пишется мне теперь. До свидания, милый. Будь здоров.

Твоя мама.

Дорогой мой, вероятно, тебе теперь не особенно легко правильно заниматься. Очень печально все это и главное – нечем тебе помочь. Боюсь, что потеряешь много времени

совершенно даром. До свидания, мой дорогой. Кланяйся Пекок и Варв<аре> Никол<аевне> Если ты пожелаешь приехать на Пасху, то напиши.

Твой папа.

2 марта 1901 <письмо мамы>¹.

¹ Записка на отдельной бумажке, написана П.А. Флоренским. Вероятно, это указание на то, что в письме матери от 2 марта есть приписка А.И. Флоренского.

1901.III.03, 07

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

19 3/III 01 г.

Дорогой Павля!

Извини, что так давно не писала тебе, но, право, было совершенно не о чем. Да и теперь не знаю, с чего начинать и чем кончать. Дома у нас все благополучно; впрочем, это только теперь; дело в том, что Шура и Васику, играя с пистолетом, спустили курок у заряженного; пуля попала в бок Васе. Конечно, мы все страшно испугались, но окончилось благополучно, так что сегодня (5-ый день, как его поранили) Вася уже встал с постели и даже дошел до дому. Эти дни он лежал у нас, и все время отчаянно кричал и стонал. Теперь все прошло, и опять у нас затишье. В гимназии у нас начались репетиции, особенно трудного ничего нет, но ужасно неприятное состояние, когда знаешь и ежеминутно ждешь директора, который войдет и будет спрашивать, кого угодно и что угодно.

На днях я получила письмо от Марецкой из Петербурга, ты, должно быть, знаешь, что она на педагогических курсах. После этого письма мне еще противнее ходить в гимназию; насколько наши занятия никуда не годятся, настолько хорошо у них поставлены. Ну, да что об этом говорить, мне и так слишком досадно! Что у вас творится в университете? Сегодня ко мне с этим вопросом обратился Гехтман; да и не один Гехтман, все время только и слышишь этот вопрос. Не знаю, насколько справедливо, но я слышала, что в Петербурге что-то ужасное творится. Мы теперь с таким настроением ждем твоего письма. Я уже обещала, как только получим, сказать Семенниковым.

Не знаю, право, что писать. Ужасное состояние, когда нет ни одной мысли в голове; какая-то тупая боль уже сколько дней не дает мне ничего делать. А между тем у меня лежит к понедельнику реферат по педагогике, боюсь, что не успею его приготовить. У нас тут такая чудная погода, что невозможно заниматься. Солнце, почки распустились, фруктовые деревья, и фиалки цветут. ---

7 марта.

Павля, поберегись хоть для мамы; ведь если ты заболеешь хоть немного, ей сейчас же нужно будет ехать в Петербург¹. Да и так все мы тут достаточно мучаемся за тебя. Я говорю о здоровье твоём. Пожалуйста, почаще присылай известия о себе. Напиши, пожалуйста, Гехтману о том, что у вас делается, а то я тогда не ответила, а теперь самой неловко идти. Андрейка начинает немного говорить и умеет целовать. Он и все мы целуем тебя.

Твоя Люся.

¹ Вероятно, просто описка, т. к. Павел находится в Москве, а не в Петербурге.

1901.Ш.04

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Общежитие студентов. Б. Грузинская. П.А. Флоренскому. Штемпели: С.Петербург. 1901.03.05. Москва. 1901.03.06. <№ 114>

Дорогой Павлуша! Я решительно ничего не понимаю: или я поглупел сильно под влиянием событий – сегодня у нас на Казанской площади убили двух студентов и массу изуродовали – или то же самое случилось с тобой (извини, но, право, я не настроен помнить правила *bon ton*^а) под влиянием подобных же событий. Я, право, не вру, я ровно

«Первокурсница».
Худ. Н. Найдин.
Почтовая карточка
из серии «Типы
студентов». № 90.
1911 г., Киев

Студенческие волнения в Санкт-Петербурге. 1905 г.

ничего не понимаю с первого слова и до последнего. Может быть, ты обиделся, что я прислал тебе открытку, или что не ответил на твое письмо, но пойми же, что я не мог ни о чем думать, ведь я писал о Фете исключительно для того, чтобы письмо дошло, а центр письма, его цель была просьба сообщить о ваших событиях. Все же дальнейшее... я даже предположить не могу, чем оно было вызвано: почему, ты подлец, почему не имеешь права писать; кто тебе сказал, что я не хочу иметь с тобой дела, что я «сам» понял и т.д.? Очень прошу тебя объяснить все это и простить, если я тут виноват в чем-нибудь².

Настроение убийственное, хоть вешайся. Я чувствую себя ужасным прохвостом, что не пошел на сходку и не вотировал против манифестации (это я пишу уже вам обоим)³. Сегодня в 12 ч. на Казанской пл<ощади> была настоящая бойня: били плетьюми, какими то особыми белыми палками, потом лошадьми. Было около тысячи войска. Даже дрожь пробирает, как представишь себе кучку придавленную к стене, которую топчат лошадьми и бьют по головам, по лицу; многие падали на землю, а городовые бросали их под копыта лошадей, так были убиты некто Анненский и Донов и сильно раздавлен Воинов. Огромная толпа вперемежку с войском тянулась от полицейского моста до Аничковско-го. Ужаснее всего сознание, что ничего не можешь сделать, ничем помочь. Забастовка – ерунда, манифестация – прямо преступление; спокойно заниматься прямо невозможно в такой атмосфере.

Прощай. Твой А. Ельчанинов
1901. III.4

Спасибо Эрну за сообщения.
Покамест от меня писем не ждите. АЕ

¹ bon ton (франц.) – хороший тон.

² Так как письма П.А.Флоренского не сохранились, то можно лишь строить предположения по поводу их размолвки, которая длилась недолго.

³ То есть Флоренскому и Эрну.

1901.III.07

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1901.03.08; Москва. 1901.03.13. <№ 117>

<В письмо вложен засушенный цветок цикламена.>

Тифлис

7 марта [1901]

Милый Павлик.

Вчера мы получили твое последнее письмо от 1-го марта. Оно принесло нам мало утешительного. Судя по газетным сообщениям, беспорядки оказываются гораздо серьезнее, нежели можно было думать. Предполагать только, что ты мог попасть случайно в толпу и быть избитым так безобразно, как это случилось с некоторыми, душа возмущается. Конечно, мы уверены в тебе, но ведь бывают же разные случайности! Папа настолько расстроен, что все хочет предложить тебе бросить Московский университет и поехать учиться за границу. Об этом приходится подумать серьезно. Я-то думаю, что это было бы в настоящее время большим уклонением от прямого пути, но... Словом, если кто-нибудь уверит меня, что с тобою ничего не случится, я бы не советовала сделать этот шаг. Пойми только, что папа умеет много предвидеть вперед и над словами его приходится много задуматься. Ты, может быть, посмеешься над нашими страхами, может быть, все это кажется издали гораздо хуже; дай Бог, чтобы это было так!

О нас не могу сказать тебе ничего нового. Все здоровы и занимаются понемногу каждый своим делом. Погода у нас чисто весенняя, так что бываем много на балконе без всякого верхнего платья. На деревьях уже цветы и почки. На днях собирались посеять что-нибудь в садике. Андрик уже совсем

не хочет приходить домой, а все просится гулять. Папа пока здесь, но, вероятно, поедет по делам службы в Баку. Кланяются тебе все. Дети собираются сами писать, но я уже не жду их и пошлю это письмо.

Барваре Николаевне и Пекокам кланяйся от меня. На днях я заходила к Альбине Константиновне¹. Они, видно, совсем не так беспокоятся, как мы. Напиши, не нуждаешься ли ты в деньгах. Хотелось бы, чтобы ты поскорее выбрался благополучно из Москвы, а пока будь здоров, милый мальчик. Целую тебя. Твоя мама

¹ Бабушка Николая Семенникова.

1901.III.08

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Общежитие студентов имени Николая П. П.А. Флоренскому. Штемпели: С.Петербург. 1901.03.09; Москва. 1901.03.10. <№ 116>

Подписей собрать нет никакой возможности¹, т.к. Университет и все высшие учебные заведения (даже медицинская Академия²) закрыты, причем Университет и В.Ж. Курсы³ – по распоряжению Сонины «вплоть до особого распоряжения». Кроме того, наш организационный комитет, насколько я знаю, имеет постоянные сношения со всеми университетами. Затем, я получил твое письмо в 4 часа в четверг, а собрать подписей 50 – для этого нужно дня два-три. Правительственное сообщение, безусловно, неверно; там есть явные абсурды; известно например, что студенты и женщины были без всякого оружия, а казаки действовали лошадьми и нагайками, городовые – особыми белыми палками, вроде каталок; в результате же получается по правительственному сообщению, что потери с обеих сторон почти одинаковы! Точных фактов раньше, как будет разрешено свидание с заключенными, нет никакой возможности достать, т.к.: 1) раненые и убитые сейчас же подхватывались полицией и увозились по тюрьмам; 2) очевидцам верить трудно: ты представь себе такую картину: в воздухе стоит стон от истерических воплей женщин, бросающихся под лошадей, истерические крики бьющих и избиваемых, обмороки женщин и мужчин – тут не до точности, была какая-то всеобщая паника и ужас⁴.

Итак, нельзя знать точно, даже приблизительно, ни числа арестованных, ни раненых, ни убитых. Одного лесника, Дюнова объявили убитым и только на третий день стало известно, что он пролежал в глубоком обмороке 8 часов. Пока у нас объявлены и не опровергнуты три фамилии: Белавина (лесгафтичка)⁵, Тимофеевский (медик)⁶ и Анненский (id.), раненых, говорят, до 200, забранных около 2 000. Судебный пристав, знакомый одной моей знакомой, говорит, что ночью из Казанского собора было вывезено 23 трупа. – Все очевидцы единогласно утверждают, что начали бить казаки, а не манифестанты. – Известно также, что были и те, кто думал спастись в церкви; при этой сцене с одним моим родственником, Микеладзе, сделалась истерика. – На 11 марта снова назначена демонстрация: это прямо какое-то самоуничтожение! Если ты будешь выступать на сходках, я уверен, что ты постараешься предотвратить кровавые истории, которые были у нас. Это даже преступно увлекать на демонстрации несмышленную толпу юношей и девушек, думающих, что у нас с этого года начинается революция; у нас, по крайней мере, очень распространены прокламации такого рода, губящие молодежь, незнакомую ни с историей, ни с положением страны, в которой они думают устроить революцию. Наши требования...

Санкт-Петербург.
Актный зал
Императорского
университета.
Почтовая карточка
1910-х гг. Собрание
Ю.А. Ростовцева

хотел бы я знать, кто на них обращает какое-нибудь внимание. Самая влиятельная часть общества (д<ействительные> статские советники) смотрит на нас, как на распалившихся ребят, которых не мешает посечь. Это сознание полного нашего бессилия перед правительством, с великолепно направленной внешней политикой, с превосходными финансами и ружьями, пробивающими 16 человек подряд, очень тяжело. Я и то удивляюсь, как ты не сбежишь за границу.

Прощай.

Если хочешь получать известия, пришли марки, а то право у меня все деньги рассчитаны до последней копейки; извини, пожалуйста.

Твой Ельчанинов 1901/III/8 четверг 5 часов

¹ О каких подписях идет речь – непонятно.

² Медико-хирургическая академия в Петербурге.

³ Высшие женские курсы.

⁴ В Петербурге 19 февраля у Казанского собора была назначена студенческая сходка, на которую пришли около 5 тысяч участников, среди которых только 200–300 студентов. Сходка была разогнана полицией. Тогда Союзный Совет объединенных землячеств и студенческих организаций Петербурга 1 марта выпустил прокламацию «Ко всем!», в которой призвал выйти на повторную манифестацию 4 марта. Власти оцепили войсками площадь перед Казанским собором. Осажденные разобрали деревянную лестницу собора и, вооружившись досками, оказали сопротивление. В этой потасовке участвовал Максим Горький, который позже писал А.П. Чехову: «Я вовек не забуду этой битвы!.. А студентки – милые люди, славные люди! Лучшие люди в эти дни, ибо бесстрашно идут, дабы победить или погибнуть» (*Горький М. Собр. соч. М., 1954. Т. 28. С. 151*). Сообщалось о 6–8 убитых, более тысячи арестованных, руководители студенческих организаций были высланы в Сибирь. В честь этих событий Горький написал манифест-пророчество будущей революции – знаменитую «Песню о Буревестнике».

⁵ Лесгафтичка – слушательница Курсов воспитательниц и руководительниц физического образования, основанных П.Ф. Лесгафтом в 1896 г.

⁶ Медик – студент Медико-хирургической академии в Петербурге.

1901.III.10

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому
Тифлис. Конверт отсутствует.

Суббота 10 марта 1901 г.

Дорогой Павля, сегодня я получила твое письмо. Ты спрашиваешь, как

идет наш сад. Пока мы посеяли мало семян, потому что еще купили не все сорта, которые хотели купить. На наших 4 вишнях, 5 черных и двух красных смородинах бутоны, хотя, впрочем, красные смородины расцвели, на сирени тоже много бутонов. Абрикосы, мой и Шурин, отцвели. Вишни, когда расцветут, то, верно, вишневые деревья будут совсем белые от цветов. Акация и глициния уже распустили свои почки. Сегодня после обеда Шура был у Меера, он дал ему букет магнолий, 10 горшков с разными цветами и 1 ящик с примулами. Теперь я занимаюсь с мамой каждый день, но только не всеми уроками. Теперь я уже, право, не знаю, что писать. Дорогой Павля, прощай, целую тебя.

Твоя Валя.

1901.Ш.10

Р.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Суббота
10 марта 1901 г.

ПАВЛЯ,

МОИ КУКЛЫ ХОРОШО ПОЖИВАЮТ.
МОЯ ГРЯДКА ПОЖИВАЕТ НЕ ХОРОШО. КАК Я ПИШУ ТЫ
МОЖЕШ УЗНАЕТЬ ПО ПИСЬМУ МОЕМУ
ГОСЯ

1901.Ш.10-15¹

М.М. Асатиани – П.А. Флоренскому

Конверт: г. Москва. Павлу Александровичу Флоренскому. <№ 118>

Павлуша!

Меня неожиданно заставили выехать раньше срока – ты ведь знаешь, что полиция всемогуща и решительна². Хотелось мне повидаться с тобой, но нельзя – еще у меня всего 20 мин. в распоряжении. Если ты не намерен приезжать, то напиши письмо, а если же да, то исполни маленькую (впрочем, большую) просьбу: купи «Эпоху великих реформ» Джантиева³, 9-ое изд<ание> и два словаря – немецко-русс<ий> и

французско-русс<ий> (по 60 к. каждый). *Деньги у Туманова*. Поклон Володе.

Твой Миша.

¹ Письмо не датировано, послано не по почте, датируется по содержанию и номеру.

² Студентов, исключенных из Университета, лишали права жить в Москве и высылали по месту жительства.

³ *Джантиев Г.А.* Эпоха великих реформ. Историческая справка. СПб., 1892.

1901.III.12

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая мамочка!

Вчера вечером получил вашу телеграмму и не знаю, что думать. Если вы хотите, чтобы я приехал домой из-за беспорядков, то я ни в коем случае не могу этого сделать теперь. Уж не говоря о том, что пока все утихло, тем более что студенты обещали комиссии, назначенной для пересмотра устава, на время прекратить всякие демонстрации и посещать лекции, не говоря об этом я, если бы даже счел невозможным оставаться в университете, теперь не могу покинуть университет и товарищей в таком критическом положении. Кроме этого, если бы я и смог приехать, то дня на 3, т.к. мне отпуск дадут только до Страстной недели. Поэтому я жду от вас ответа (думаю получить завтра), надо ли ехать в силу чего-нибудь другого. Мне приходит в голову мысль, не болен ли кто-нибудь: но ведь это было бы написано в телеграмме. Деньги высылаете напрасно. У меня еще много, и на дорогу более чем хватило бы. Если сравнить наши беспорядки с петербургскими или харьковскими, то они окажутся совсем пустяшными. Комиссия обращалась очень вежливо, драка была только одна, да и то без серьезных последствий. В Петербурге же, насколько я знаю, несколько убитых, много сильно раненных и т.д. Положим, там, кажется, для таких репрессий были *особые* причины. Наших из тюрьмы почти всех выпустили и «временн<ых> правил» не применили. В общем 110 человек исключено (*гов<орят>*, им будет разрешено держать в мае экзамены), а остальным различные степени выговоров и т.д.¹ В общем, очень мягкие меры, особенно по сравнению с тем, что делается в других универ-

ситетах. Заниматься пока приходится очень мало и урывками²; да и трудно сосредоточиться, когда сами не знаем, что будет через 2 дня. Уедем ли в Тифлис, останемся ли; будем ли держать экзамены или нет и т.д. Я даже слышал, будто университет на время закроют; но, кажется, это просто чья-то выдумка: профессора об этом не говорили ни слова. Петербургский, впрочем, университет, женские высшие курсы, да и все высшие учебные заведения СПб закрыты.

Если в Тифлисе будут что-нибудь сочинять относительно Москвы, пожалуйста, не верьте и не беспокойтесь. То, что есть, я вам пишу, а остальное все выдумки. Одно время, например, был пущен слух, что казак взял на пику какого-то техника; но это оказалось вздором. Было, правда, два смертных (?) случая, но по вине студентов. Один из них вывалился из окна сверху во время сходки в актовом зале (т.к. стал на подоконник и кричал вниз кому-то) и упал на штыки (?) стоявших внизу солдат. Другой тоже в день сходки поскользнулся на покрытой слоем льда лестнице конки и сверху слетел на мостовую. Как только увидели кареты медицинской помощи, то начали говорить, что будто затоптали лошадьми и т.д. Но это было не так. В Петербурге же, действительно, насколько я мог узнать из писем Ельчанинова и Сандро, творится что-то в высшей степени безобразное. «Правительственное сообщение» бессовестно искажает факты и тем очень повредило студентам во мнении общества. Кроме того, факты эти засвидетельствованы гектографированным письмом «союза писателей», письмом, ходящим в обществе. Если достану себе экземпляр, то пришлю вам. Оно подписано 42 фамилиями, между которыми очень много более или менее известных писателей и писательниц, например, Кареев, Горький, Мамин-Сибиряк, Рубакин, Чириков, Котляревский, Лесевич, Михайловский etc. – Насколько знаю, Горький куда-то засажен за участие в драке с полицией; над Толстым учрежден «домашний над-

М.М. Асатиани.
Фото Э. Клара.
Тифлис. Весна
1900 г. Архив
Л.В. Ромасенко
(Асатиани).

Подобная карточка
приложена к личному
делу М.М. Асатиани
(ЦИАМ. Ф. 418.
Оп. 314. Ед. хр. 40.
Л. 6)

зор» и он отлучен от церкви. Вообще, как говорит бабушка, свет вверх дном перевернулся.

Целую вас всех, дорогая мамочка. Пожалуйста, не беспокойтесь, т.к. я буду стараться делать так, как нужно, и теперь тоже, насколько возможно при таких обстоятельствах, сохраняю хладнокровие. Дома ли теперь папа и Ремсо тетя? Целую тебя. Твой П.

Москва 19 12/III 01

¹ В начале апреля 1901 г. в Московском университете было вывешено объявление:

«Из числа участников беспорядков, происходивших 29 января и 23 февраля суду Правления Университета подлежали 495 студентов. По тщательному расследованию и обсуждению степени виновности каждого из них Правление в заседаниях своих 5, 6, 7 и 8 марта 1901 года постановило:

23 студента уволить без прошения;

87 студентов уволить по прошению;

223 студента подвергнуть выговору с предупреждением и, – в виду того, что эти студенты еще проявляют упорное нежелание дать обещание подчиниться безусловно всем действующим университетским правилам, – обязать этих студентов дать соответствующую подписку; в случае же отказа с их стороны от этого – уволить по прошению;

65 студентов подвергнуть выговору с предупреждением;

45 студентов – выговору от Правления;

52 студента – выговору от Инспекции.

Ректор А. Тихомиров»

² В 1965 г. Софья Васильевна Андросова (подруга Павла Флоренского еще по Батуму) рассказывала, что во время беспорядков встретила как-то на бульваре Павла, идущего из университета. На ее вопрос, что он делает, тот сказал, что ходит на занятия, где, кроме профессора, он один в аудитории.

1901.III.13

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Отрезной купон 5 руб. коп. (сумма перевода).

От Александра Ельчанинова. С. Петербург Вас. О. 9 л. д. 64 кв. 20. Штемпели: С. Петербург. 1901.03.13. <№ 119>. *Письменное сообщение на обороте купона*

Выпиши, пожалуйста, на мое имя, если это тебя не затруднит, «Вопр<осы> ф<илософии> и пс<ихологии>» на этот год. Буду очень благодарен. Что у вас делается? Как тебе, вероятно, известно, манифестация 11-го признана делегатским собранием ненужной и даже вредной.

АЕ. 1901/III/13

1901.Ш.16

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Большая Грузинская, общежитие студентов Императора Николая II, Ст. Павлу Александровичу Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1901.03.16; Москва. 1901.03.21. <№ 120>

16/Ш 1901.

Тифлис.

Дорогой Павлуша,

Письма твои не дают ничего утешительного ни на настоящее, ни на будущее. Нормальная жизнь Университета нарушена и, вероятно, надолго. Поэтому волей-неволей приходится думать о практическом выходе, но найти его, главным образом, зависеть будет от тебя. Мне было бы очень печально, если бы в тебе потерялась будущая научная сила, так как это была моя лучшая надежда в жизни, поэтому, надеюсь, что ты в вихре событий все-таки подумаешь обо всем этом и возвратишься сюда с более или менее определенным решением.

Мы более или менее, насколько это возможно, все находимся в благополучии. Я, вероятно, на днях выеду в Баку на довольно продолжительное время и поэтому боюсь, что не буду о тебе ничего знать.

До свидания, мой дорогой. Мама, тетя и дети тебя целуют. Здесь все в цвету и уже в зелени.

Твой отец.

1901.Ш.17, 18

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

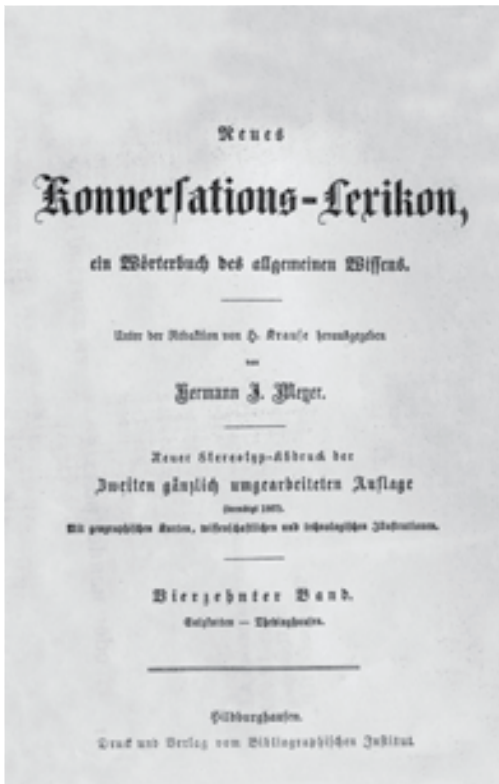
Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая мамочка!

Если судить по внешним признакам, то у нас все спокойно. Комиссия¹, о которой я тебе писал, всеми силами старается прежде всего установить нормальный ход занятий и уже почти со всеми курсами различных факультетов вошла

*Студенты в
Бутырской тюрьме.
Собрание музея МГУ*

«Meyers
Conversations. Lexikon
für die gebildeten
Ständen» в 43 томах,
изданный Мейером
Йозефом (1796-1856)
в 1840-1855 гг. Это
издание было в семье
Флоренских на Кавка-
зе, о рисунке обезьяны
в нем вспоминал
П.А. Флоренский
в книге «Детям
моим...», с. 35

потом, если только на это нет каких-нибудь особо важных причин. А что этот год пропал для моих занятий (или почти пропал) – с этим придется примириться. Может быть, взамен успею заняться как следует летом. Если бы для меня, кроме того, нашлось какое-нибудь занятие, то я был бы очень рад. Теперь такое настроение, что нет никакой возможности писать много; уж я выжимаю, выжимаю из себя и более, решительно, ничего не лезет в голову. Папе скажи, что «Conversat. Lexic» Meyer'a (t.t. 19-20) я *выслал* ему. Стоили эти 2 тома 10 р. Я заплатил 3 р. залога, а остальное надо будет внести на почте. Деньги (40 р.) я получил, но они мне совершенно не нужны, т.к. остается еще много старых, хотя я достаточно тратил на книги. Люсе скажи, что я отвечу ей в следующий раз, а теперь очень не хочется, да и нет совсем времени. Целую вас всех, дорогая мамочка.

Москва 1901 18/III

Твой П.

по поводу этого в соглашение. Почти каждый день у нас на том или другом факультете происходят курсовые сходы под руководством профессоров, направленные к выявлению причин волнения и желательных реформ. Одно время дело обстояло так, что я совсем окончательно решил, что, если меня не удалят из университета, то я выйду сам²; но теперь, когда быть может и будет изменено, надо переждать, тем более что к будущему году уже все будет закончено (на это есть основание надеяться).

Как теперь здоровье Васико?³
19 17/III 01

Сегодня заходил к нам Худатов проездом через Москву. Он вышел из университета и собирается ехать во Францию, а теперь медленно поедет в Тифлис. – Вы мне так и не отвечаете, зачем надо было мне приехать в Тифлис. Уехать теперь я считаю положительно невозможным, что бы ни было

¹ «Комиссия по вопросу о причинах студенческих волнений и о мерах к упорядочению университетской жизни».

² Вероятно, Павел ожидал последствий после своего заявления на имя ректора.

³ См. письмо Ю.А. Флоренской от 7 марта).

1901.Ш.19

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1901.03.19; Москва. 1901.03.24. <№ 122>

Тифлис

19 марта [1901]

Милый Павлик.

Письмо твое от 12 числа доставило нам большое утешение, так как мы узнали, что вы все здоровы и посещаете свои лекции. Здесь распространились разные небылицы про тебя, Семенникова и Эрна. Хотя мы все знаем, что все это не имеет никакого основания, а все же не можем не беспокоиться. Папа потерял даже всякое хладнокровие, я же думала, что это вздорные слухи, как оно и оказалось, мы телеграфировали тебе о приезде в Тифлис, чтобы избежать всяких случайностей и быть вдали от беспорядков. Раз ты пишешь, что занятия в университете восстановились и беспорядки окончились, мы уже не станем настаивать на этом. Теперь уж рассуди сам, как лучше поступить, но, пожалуйста, извещай почаще о себе. У нас все благополучно. Все здоровы. Детей скоро распустят на пасхальные каникулы. Папа покуда в Тифлисе, и на этой неделе он, вероятно, уедет в Батумскую и Елизаветпольскую губернии по делам службы. Ремсо тетя тоже собирается с ним в Баку. На праздники, видно, придется остаться одной с детьми. Я не думаю, чтобы тебе стоило приезжать домой из-за трех дней. Это слишком утомительно. Мы предлагали тебе приехать на случай, если ты захотел совсем уехать из Москвы на этот семестр. Хорошо будет, когда пройдут эти два месяца! Варваре Николаевне и Пекок много кланяйся. Скажи Варваре Николаевне, что у них все здоровы. Вчера я была у них. Нюта¹ выглядит отлично и все занимается.

Что подельываешь ты? Боюсь, что ты сильно соскучишься, когда приедешь сюда на лето. У нас такая монотонная жизнь.

До свидания, милый. Будь здоров.

Твоя мама.

¹ Младшая сестра Николая Семенникова.

1901.III.19

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Общежитие студентов, Б. Грузинская. П.А. Флоренскому. Штемпели: С. Петербург. 1901.03.19; Москва. 1901.03.20. <№ 121>

Почему ты спрашиваешь о том, что со мной было между 13 и 15 февраля? Я совершенно не могу вспомнить, ведь это было так давно. «Вопр<осы> филос<офии>» попросила меня выписать на мой адрес Маня Худадова, т.к. она не знает, останется ли здесь; она хотела, чтобы я получал здесь первые книжки (две кажется), а потом переменил адрес на ее тифлисский; поэтому, если ты еще не внес подписную плату, то выпиши по моему адресу петербургскому. У нас настроение очень беспокойное, решено очень энергично проводить обструкцию на экзамене, т.ч. я, вероятно, держать не буду. Ходят слухи, что курсы закрыты на 3 года; я только удивляюсь, почему их совсем не закрывают, пользы от них правительству никакой, один расход и хлопоты; мне не особенно жаль тех, которые не занимались (их большинство), а путем демонстраций всякого рода делали невозможным дальнейшее существование курсов; жаль тех 10–20 девушек, которые с самыми серьезными намерениями приехали учиться, чтобы потом быть полезными, а теперь принуждены бросить все и опять опуститься в прежнюю скучную, однообразную жизнь. Напиши, кем устроена ваша комиссия и в чем состоят ее работы; как у вас насчет экзаменов? – Может быть, тебе интересно знать, за что закрыли «Союз русских писателей», его члены подали М<инистру> вн<утренних> дел петицию с предложениями реформировать университеты и разрешить большую свободу печати, т.к. она одна может успокоить взволнованное общество, текст петиции могу списать и прислать. Напиши, если в настроении, как ты смотришь на все это,

на этот поход против Университетов и всяких родов и видов знания, на демонстрации и пр. На мой взгляд, смысл имеют только последние, и то только *смысл*, т.е. они не так дики как обструкция, изгнание профессоров из аудиторий etc. – Может быть, ты спрашиваешь насчет 13-15 марта, а не февраля, тогда дело другое. – Мне интересно, все ли мои письма доходят до тебя. Еще раз прошу, напиши ты или Эрн о ваших делах подробнее, особенно насчет комиссии.

Твой А. Ельчанинов 1901/III¹/19

¹ Ошибка. Правильно III, т.е. март, а не февраль.

1901.III.24

В.Н. Семенникова – О.П. Флоренской

Открытка: Тифлис, Куки, Николаевская, соб. дом. Ея Высокоблагородию Ольге Павловне Флоренской. Штемпели: Москва. 1901.03.24; Тифлис. 1901.03.29.

24 Марта

Многоуважаемая Ольга Павловна

Павлуша совершенно здоров, бывает у нас раза два, три в неделю. Неужели Вы думаете, что если бы Павлуша был болен, или ему угрожали бы какие-нибудь неприятности, я бы не дала знать Вам. Не беспокойтесь о нем, если бы что надо было бы сделать для него, я бы все сделала с удовольствием. Будьте здоровы, и не беспокойтесь. Мне, видно, придется пробыть здесь еще недели три. Поклон всем Вашим. Я и Коля кланяемся Вам. Верно, к праздникам получите письма от Павлуши. Я знаю, он собирался писать.

Ваша В. Семенникова

1901.III.25

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Открытка: Тифлис. Е.В.Б. О.П. г-же Флоренской. Николаевская, 67. Штемпели: Москва. 1901.03.26. Тифлис. 1901.04.01.

Дорогая моя мамочка! У нас тут удивительная погода: то солнце, почти жарко, потом минут через 5 сильный снег. Пойдет он минут 20, а потом минут 5–10 солнце, и так целый день.

Ректор
Императорского
Московского
университета
(1899–1904)
Александр Андреевич
Тихомиров
(1850–1931).

За это время я несколько раз ходил в Третьяковскую галерею. Жаль только, что она от нас далеко (1 ½ часа, если не больше, ходьбы). Там я нашел для себя очень много интересного. Сегодня, идя туда, прошел через Красную площадь. Там, ради праздника, нечто вроде базара всякой дряни, громадное скопление народа. Между прочим, продают игрушку «профессор Тихомиров» (наш ректор). Это бывший «московский житель» или «морской черт», фигурка, поднимающаяся от теплоты руки в трубке. Сейчас у нас спокойно, а что будет далее, сказать не могу. Ходят неясные слухи, что экзаменов не будет, но это весьма туманные гипотезы. Мне бы очень хотелось быть теперь с вами. Вероятно, в Тифлисе так хорошо теперь.

Мы с Колей один вечер чуть было не собрались идти на Давидовскую гору¹. Бабушка вас целует и кланяется; писать она не может, т.к. болит бок, и просила меня поздравить вас от ее имени. Целую вас всех.

Твой П. Москва 19 25/III 01. Вербное Воскресенье.

¹ Гора Давида, куда часто ходила на прогулки тифлисская молодежь – т.е. друзья воображали, что они в Тифлисе.

1901.III.25

О.П. Флоренская – П.А.Флоренскому

Конвент: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1901.03.26; Москва. 1901.03.31. <№ 123>

Тифлис, 25 марта [1901]

Милый Павлик.

Вчера мы получили твое письмо от 18-го марта. Странно, что ты не понял, зачем мы звали тебя в Тифлис. Мы этого хотели ради своего спокойствия и твоей безопасности, тем более что занятий в университете не предполагалось на это время. Если отъезд твой был не нужен, то тем лучше. Помоему, тоже не следует без достаточной причины выбиваться из колеи и отклоняться от намеченной цели. Много придется потом бесплодно сожалеть. А все-таки мы немало тут беспокоились за тебя, особенно папа. Пожалуйста, береги себя.

Сегодня папа уехал в Баку. Он будет в отсутствии больше двух недель; праздники для нас не будут особенно веселыми.

Мы думали одно время, что, пожалуй, ты подъедешь. Тут уже гуляет довольно-таки много студентов, а все-таки приезжать на такое короткое время не имело смысла. Если ты рассудил остаться в Москве до конца семестра и окончания своих дел, то решил очень хорошо. О каких занятиях для себя говоришь ты, я не поняла. Кто сообщил тебе о Васико? Он совершенно здоров и бегал уже на четвертый день после происшествия. Дело оказалось пустяковым, но немало доставило нам тревоги в первое время.

Теперь у нас в Тифлисе прекрасно. Дети уже распущены на праздники. Является и другая забота, как бы наполнить их день, чтобы не скучали. Ты в этом отношении был счастлив, так как умел распределить все свое время по часам. Скажи, как живется теперь тебе в Москве. Не скучаешь ли? Передай наш поклон Варваре Николаевне и Пекок.

Надеюсь, что мы скоро дождемся твоего благополучного приезда, а пока не забывай свою маму.

Деньги мы выслали для предполагаемого твоего проезда до Тифлиса.

Москва. Вербный торг. Почтовая карточка 1910-х гг. Изд. П.Г. Поллак. Собрание свящ. В.З. Дронова

1901.III.28

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Среда 28 марта 1901 г.

Дорогой Павля,
вишни отцвели, абрикосы тоже отцвели,
только уже давно, черная смородина скоро
отцветет, а красная уже с зелеными
ягодами. Сирень расцвела, на розе довольно большие бутоны.
Погода тут с понедельника холодная, в особенности сегодня
очень холодный ветер. Какая погода в Москве? Дома все здо-
ровы. Папа уехал в воскресенье так в час дня. В воскресенье я
и Шура ушли в 8 часов к Мееру, оттуда мы на линейке поеха-
ли с ним в Дидуби¹. Он дал нам цветов. В понедельник Шура
вместе с классом пошел гулять в Дидуби. Вчера мы получили
приложение ко «Всходам» – «Дядя и Чикаго», но я еще не чи-
тала. Дорогой Павля, прощай, целую тебя.

Твоя Валя.

¹ Северный пригород Тифлиса.

1901.III.28

О.А. Флоренская – Е.П. Мелик-Бегляровой¹

Тифлис. Конверт отсутствует.

Среда 28 марта 1901 г.

Дорогая Лиза тетя, наши вишни отцве-
ли, сирень расцвела, и абрикосы отцвели
уже давно, на абрикосах плодов не будет,
на вишнях есть очень маленькие ягодки.

Черная смородина скоро отцветет, на красной – зеленые
ягоды. Погода тут 3 день холодная, в особенности сегодня
очень холодный ветер. Какая погода в деревне. На розе боль-
шие бутоны. В понедельник Шура вместе с 3 классом гулял в
Овчалах. Папа уехал в воскресенье так часов в двенадцать. В
воскресенье я и Шура в 8 часов пошли к Мееру, и оттуда он
взял меня и Шуру на линейке в свой сад, который в Дидубе.
Больше нечего писать. Целую тебя. Твоя Валя.

¹ Это письмо О.А. Флоренская по ошибке послала брату, который пишется об этом матери в письме от 1901.IV.14

1901.ІІІ.29

М.С. Мелик-Беглярова – Ю.А. Флоренской и Р.П. Тавризовой

Конверт: Тифлис. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне Флоренской. Николаевская ул., № 67 сб. дом. Штемпели: Баку. 1901.03.29; Тифлис. 1901.03.30.

Мцхет. Из серии почтовых карточек «Военно-Грузинская дорога». № 55. Изд. Шерер и Набгольц, М., 1904 г.

29 ІІІ 1901

Дорогая Люся,

Хотела писать тебе, как получила твое письмо.

Убедительно прошу тебя и Ремсо тетю приехать ко мне хоть на короткое время. Давид был здесь в то же время, как Александр Иванович, уехал, но в субботу опять приедет, так же и Александр Иванович.

Мы уже решили так, что побудете здесь, посмотрите то, что интересно в Баку, а потом поедем к Давиду в имение на 2 дня, он очень просит и хочет нас непременно повезти. Не долго думая, соберитесь и приезжайте, жду с нетерпением.

Целую тебя

Твоя Маргарита

Дорогая Ремсо тетя,
 Очень прошу, приезжай и привези Люсю. Теперь места у меня еще больше. Финок я отпустила, а русскую прислугу помещу в кухне и в перегородке. Одна комната вымыта и чисто стоит, ждет гостей.

Приезжайте.

Кланяйся Ольге тете. Целую тебя. Твоя Маргарита

1901.III.29

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Общежитие студентов. Б. Грузинская. П. Флоренскому. Штемпели: С.Петербург. 1901.03.30; Москва. 1901.03.31. <№ 124>

Я тебе не писал, так как не хотелось что-то. Вообще как-то скверно и тоскливо; и не только писать, а и делать что-нибудь неохота. Я давно уже сначала с ужасом, а теперь с тупым равнодушием замечаю в себе постепенную потерю интереса ко всему: к занятиям, книгам, философии, людям. Иногда такая тоска, что хочется биться головой об стену, напр<имер> это было в середине февраля: я метался по комнате как угорелый, бросался на кровать, для чего-то садился на пол... Потом я с удивлением некоторым смотрел на себя. Если б я мог делать то, что хочу, я ушел бы от книг, от учебников. Около Мцхета¹ есть ущелье на левом берегу Куры; оно обставлено почти отвесными скалами, там в глубине есть монастырь Святого Шио²; как мне безумно сильно хочется туда, хоть на годик! Но ничего этого не будет; я хожу в Университет, буду скверным педагогом, вечно ноющим, вечно недовольным; буду получать казенное жалованье, толстеть; может, женюсь. Все мое несчастье, что я не могу сильно хотеть.

Твой Ал. Писать буду мало.

<Дата нрзб.>

¹ Мцхет – древняя столица Грузии в 21 км к северу от Тифлиса при впадении реки Арагви в Куру.

² Монастырь Шио-Мгвиме (святого Шио) стоит на левом берегу Куры. В нем находится ассуарий с мощами ассирийских мучеников. Непосредственно над монастырем в вертикальной стене видны недоступные теперь пещеры отшельников.

1901.III.31, IV.02

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.Б.Б. О.П. г-же Флоренской. Николаевская, 67. Штемпели: Москва. 1901.04.02; Тифлис. 1901.04.08.
<марка из конверта вырвана с куском письма>.

Дорогая мамочка!

Ты все спрашиваешь, как я себя чувствую. Но что можно ответить на это: ведь настроение не есть что-нибудь постоянное и окаменелое. Мне очень хотелось бы быть с вами. В большинстве случаев довольно неприятно, что заниматься так, как хотелось бы, не приходится. Ведь во время праздников всякая связь с университетом прекращается, события цепенеют, и все погружается в неподвижное и сонное состояние. А между тем положение дел в Университете в высшей степени неопределенное. Когда не знаешь, что будет через неделю, то трудно заниматься систематически, тем более что неизвестно, надо ли готовиться к экзаменам, или заниматься по своему усмотрению. Я жду поэтому с нетерпением, когда пройдет эта неделя, чтобы началась академическая жизнь. Ходили, напр<имер>, неопределенные слухи, идущие из десятых рук, что министр уничтожил нашу комиссию. Это вопрос первостепенной важности, а теперь узнать что-ниб<удь> нет никакой возможности.

Не знаешь ли ты, уехала ли Маня Худадова из СПб, или остается там. Из Петербурга я довольно давно не имею сведений, и на основании этого мог бы отчасти построить ход событий. Довольно давно тут был Володя¹ проездом, но тогда все было в совершенно неопределенном положении.

Я бываю довольно часто у Варвары Николаевны, так что, если ты все еще продолжаешь понапрасну беспокоиться, то этот факт будет лишним поводом не делать этого. Что делает Люся и дети? Ты мне не писала ни разу, как идут дела Шуры в гимназии.

31-го марта

Уже наступил 2-ой день Пасхи; целый день проходит неизвестно в чем, кажется, что в еде и хождении по улицам. Вчера был у Пекок. Они вам кланяются; бабушка все извиняется, что не могла написать, т.к. ей все также нездоровится. А Готлиб Федорович очень занят: перед самой Пасхой девушка их заболела, и они остались без прислуги, т.к. теперь, во время праздников, никто наниматься не хочет.

У нас тут погода страшно изменчива. Вчера целый день шел дождь и соответственно с этим была грязь на улицах.

Получил ли папа энциклопедический словарь Мейера, который я ему выслал довольно давно? Если да, то напиши мне, в противном случае я зайду справиться относительно него в книжный магазин. Что делает Андрюшка? Он уже, наверно, хорошо бегаёт по всему дому.

Целую тебя, моя милая мамочка. Спешу дописывать, т.к. надо идти. А то после не соберусь снова выйти и бросить в почтовый ящик. Целую вас всех. Вернулся ли папа?

Твой П.

Москва 19 2/IV 01

¹ См. письмо П.А. Флоренского от 17, 18 марта 1900 г.

1901.IV.01

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1901.04.04; Москва. 1901.04.09. <№ 125>

Тифлис. 1 апреля. [1901].

Милый Павлик.

Сегодня мы получили твои письма.

Слава Богу, что ты здоров и даже весел. Картинки твои доставили детям большое удовольствие.

Ремсо тетя и Люся не поехали в Баку, несмотря на приглашение папы. Тем лучше для нас, так как иначе нам было бы очень скучно. Ты напрасно жалеешь, что не с нами теперь. Наверно, на второй же день захотелось бы назад в Москву. Говорят, что молодежь рада назначению нового министра¹ и решила не нарушать правильной университетской жизни. Пожалуй, что и экзамены у вас будут идти своим чередом. На днях уехал Городенский держать государственный экзамен. Он, вероятно, заедет к тебе и о нас расскажет. Здоровье папы все так же; т.е. он не болен, но часто нездоров и не имеет аппетита. Теперь он в Баку. До свидания, милый Павлик. Надеюсь уже скоро повидаться с тобою. Передай наш поклон Варваре Николаевне и Пекокам.

Твоя мама

Пасха. Апрель. 1901.

Передъ обидою.

Дорогой Павел!

Сей-часъ я получила твое письмо.
Поздравляю тебя въ Пасху. Чудно по-
доброму. Мысль и мысль о тебе и о твоихъ
печальныхъ годахъ. Ужъ надо на-
доуметь и пока воздерживаюсь отъ
летописи. Делать надо оми. Вспомни въ
спомни. Поми и все переживала.
надоуметь и не надоуметь. Мысль
прислать тебе сегодня очень кра-
сивые букеты. Француз, у которого
я тебе. Клодъ Павлу.

Поздравительное
письмо Госи
от 1 апреля 1901 г.

¹ После покушения на Н.П. Боголепова в марте 1901 г. министром народного просвещения назначен Ванновский Петр Семенович (1822–1904) – генерал от инфантерии, участник Крымской войны 1853–56, русско-турецкой войны 1877–78 гг. В мае-декабре 1881 г. управляющий военным министерством, в 1882–97 гг. военный министр, с 1899 г. член Государственного совета. В 1899 г. руководил расследованием студенческих волнений. После своего назначения попытался провести реорганизацию высших учебных заведений. В апреле 1902 г. ушел в отставку.

1901.IV.01

О.А. и Р.А. Флоренские –

П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Пасха 1 апреля. 1901 г.

Перед обедом.

Дорогой Павля!

Сейчас я получила твоё письмо. Поздравляю тебя с Пасхой. Люся подарила Лиле и Шуре очень смешные «летающие колбасы». Их надо надуть и, пока воздух выходит, они летят. Величиною они, верно, в аршин. Вот я их нарисовала, надутые и не надутые. Меер прислал нам сегодня очень красивый букет. Прощай, целую тебя.

Твоя Валя.

<Пасха 1 апреля>

1901 г.

ПАВЛЯ

ПОЗДРАВЛЯЮ ТЕБЯ!

ГОСР

1901.IV.08

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1901.04.09; Москва. 1901.04.14. <№ 126>

Тифлис. 8 апреля [1901 г.]

Милый Павлик.

Сегодня мы получили твоё последнее письмо от 2-го числа. Итак, неопределённое положение всё ещё продолжает-

ся, и ты не знаешь, будут ли у вас экзамены. А я то была так довольна; думала, что этот год закончится благополучно, и ты проведешь дома спокойное лето.

Теперь у нас очень хорошо; светло и тепло, как летом. Дети поговаривают уже о холодном купании. Занятия Шуры не особенно блестяще идут. В письменных работах он почти постоянно плошает, и, несмотря на то что имеет репетитора, все также продолжает получать двойки. Папа еще не вернулся из своей поездки и вернется, должно быть, не так скоро. Теперь он еще в Бакинской губернии, а затем поедет еще в Елизаветпольскую и, может быть, заедет и к Лизе тете. Повестку на энциклопедический словарь мы получили, но не взяли его, так как папы нет здесь. Думаю, что его не отошлют обратно. Маша Худадова давно уже вернулась в Тифлис, но, видно, очень сожалеет, что не держала экзаменов. Видно, что всем трудно приспособиться к здешней монотонной жизни, а впереди еще длинное лето. Боюсь, что и ты будешь страдать от этого. До свидания, милый, не забывай нас.

Твоя мама

1901.IV.08

А.А. Флоренский – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

[8 апреля 1901 г.]

Дорогой Павля, поздравляю тебя с праздником. Извини, что я не писал тебе писем. Мне удалось сделать много прогулок, я ездил 2 раза с Мейером в Дидубэ, раз в Овчалы. В Овчалах было очень весело, мы пошли и пришли пешком с Алоизием Алоизиевичем; у нас теперь очень жарко, фруктовые деревья отцвели месяц тому назад. Теперь начинают цвести розы и акация. Садик наш зазеленел и поднялся. Ремсо тетя нашла у нас позавчера несколько шампинионов.

Гимназические занятия немного поправились: Греч<еский>: 4.2, Лат<инский>: 3.3, Ист<ория>: 5, Географ<ия>: 4, Чист<описание>: 4.3, Биология: 4, Рус<ский>: 4.3, Мат<ематика>: 3.2, Франц<узский>: 3.2.

Теперь я подружился с Кесенихом. Напиши мне, как идут твои занятия. Передай поклон бабушке, дедушке и Эрну. Напиши мне письмо.

1901.IV.11.

М.М. Асатиани – П.А. Флоренскому

Конверт: г. Москва. Общежитие имени Николая II. Павлу Александровичу Флоренскому (студенту I курса матем. фак.). Штемпели: Тифлис. 1901.04.12; Москва. 1901.04.17. <№ 127>

11 апреля

Павлуша!

Вот уже около месяца, как я, выброшенный за борт университетской жизни, влачу свое угрюмо-безотрадное существование в Тифлисе. Занят в день более 5 часов уроками, в остальное время занимаюсь немецким языком и своими предметами. Состояние духа довольно нехорошее, но бодрости все-таки немало. Из наших товарищей тут Кипиани (выслан), Коцебов, Арешев, Парсаданов, Фрей, Пирн, Розенштейны и др. Все они решили остаться на второй год.

Что касается меня, то думаю поступить в Военно-медицинскую академию, если примут.

Но все-таки мне бы было интересно разузнать, что делается у вас в Москве, может быть, несмотря на все пожелания, придется опять поступить в Московский университет. Тут слухи очень сомнительного свойства, что будто бы нас всех ожидает амнистия. Это все о себе.

Теперь я тебя попрошу настолько же откровенно и подробно сообщить о своих занятиях, намерениях и душевном состоянии.

Твой Миша

P.S. Если б я не был в особенном настроении, то мое письмо не было бы, может быть, так кратко и так неинтересно.

P.S. S. Как кончилось твое дело?

1901.IV.14

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая моя мамочка!

Давно уж я собираюсь писать тебе, но все приходилось откладывать почему-то. У нас тут дела устраиваются так, что я, кажется, буду держать экзамены. Но в таком случае вы напрасно скоро ждете меня: раньше середины июня я вовсе не рассчитываю быть у вас. Лекции почти прекратились,

Третьяковская галерея. Почтовая карточка 1900-х гг. Изд. И.Е. Селина

так что в университет я не хожу. Первый экзамен, кажется, в промежутке между 25 и 29 апреля.

В Москве стало вдруг очень тепло. Днем даже жарко, а ночью воздух настолько теплый, что мы спим с полуоткрытым окном. У вас, вероятно, теперь уж совсем жарко.

Получил сейчас ваши письма; Валька по ошибке прислала мне письмо, предназначавшееся Лизе тете¹.

Сегодня я был снова в Третьяковской галерее; там очень много интересного и, хотя я был уже раз 5, однако и 1/10 не мог посмотреть так, как хотелось бы. Жаль, что она очень далеко от нас (1½ часа ходьбы), так что если пойти туда утром, то раньше, как к обеду не вернешься. Но если в будущем году буду в Москве, то непременно изучу картины эти как следует.

Вероятно, по случаю того, что не было много лекций, на экзаменах предоставляются всякие льготы и послабления; между прочим, можно откладывать желающим свои экзамены на осень. Но мне бы делать этого очень не хотелось, т.к. в подготовке к экзаменам ничему не научаешься, а время проходит, так что пришлось бы потерять все лето, на которое я возлагаю много ожиданий.

Не знаешь ли ты, где папа собирается провести лето?

Напрасно ты думаешь, что я буду скучать летом дома. Сначала с недельку мне хотелось бы походить по окрестностям, а потом надо засесть заниматься. Дела набралось более чем достаточно, так что если сделаю хоть 1/3, то и то буду очень доволен. Как идут Люсины занятия? Пусть она напи-

шет, не нужно ли ей будет привезти какой-нибудь книги, но напишет вовремя.

Целую тебя, милая мамочка, и вас всех.

Твой П.

Москва 19 14/IV 01

¹ Письмо О.А. Флоренской от 1901.III.28 по ошибке послано не тете, а брату.

1901.IV.18

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1901.04.19; Москва. 1901.04.24. <№ 129>

Тифлис

18 апреля [1901]

Вилли Фрей.
Фото Эйхенвальда.
Москва. Около 1899 г.

Милый Павлик.

Мы давно не писали тебе, и, должно быть, ты не знаешь, чему это приписать. Просто не собрались. День за днем уходит в различных мелких заботах, а по вечерам так хочется читать, что все откладываешь письмо.

Папа все еще не вернулся из своей поездки. Сегодня я получила от него письмо, в котором он пишет, что будет дома только к концу этого месяца. Поездка, видно, вышла очень интересная и разнообразная. Как жаль, что это не случилось позднее, когда и ты мог бы сопровождать его и попутешествовать по Кавказу. Теперь папа заедет, вероятно, и к Лизе тете. Маргарита, оказывается, уехала с какой-то болезнью в Крым, а оттуда, говорят, поедет за границу.

Теперь у нас в Тифлисе то и дело встречаются синие околыши¹. Когда же мы тебя увидим здесь? Вопрос об экзаменах у вас, должно быть, уже выяснился. Как ты думаешь поступить? Думаешь ли теперь же сдать экзамены или отложишь до осени. Если ты экзаменов не держишь и думаешь приехать теперь же, то, пожалуйста, напиши своевременно, чтобы я

успела выслать тебе денег на дорогу. Ельчанинов, кажется, не держит теперь, и его, говорят, ждут домой на днях.

У нас все здоровы и кланяются тебе. Ремсо тетя не уехала никуда пока. Андрик бегаёт всюду, но говорить научается очень туго. До свидания, милый. Жду известий от тебя.

Твоя мама

¹ Синие околыши, то есть студенты университетов, форменная фуражка которых была с синим околышем.

1901.IV.18

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва. Его Высокоблагородию Павлу Александровичу Флоренскому. Большая Грузинская. Общежитие студентов Имени Императора Николая II. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1901.04.19; Москва. 1901.04.24. <№ 128>

1901/18/4¹.

Дорогой Павля!

Что-то от тебя нет так давно писем? Или экзамены уже начались? Я два месяца ждала от тебя ответа, но, кажется, так и не дожусь. Сегодня получила письмо от папы, он здоров, все еще не здесь, возвратится не раньше мая мес<яца>. Маргарита уехала в Крым и за границу. Ремсо тетя не уезжала, но все собирается уезжать, так что все в недоумении <нрзб.> спрашивают про нее. Погода тут прекрасная, даже слишком жарко, в особенности ходить в гимназию заниматься в такое время ужасно трудно; так и тянет в <нрзб.> существование это <нрзб.> опротивело и за <нрзб.> Надя и еще две гимназистки собираются на днях еще пойти; хорошо будет, если удастся; вообще, я эти дни гуляю: вчера была на лекции Воропаева (по физике), сегодня иду на музыкальный вечер, по приглашению Кости Перевозчикова; он сам там участвует. А ты, должно быть, все занимаешься? Будешь ли ты держать экзамен теперь или осенью? Уж приезжай скорее, а то мне досадно видеть всех приехавших. Вилли Фрей² тут, Мария (Худ<адова>) приехала, Володю ждут сегодня вечером. Подробное письмо я тебе напишу на днях. Целую тебя. Тв. Люся.

Дети целуют. Что делают Коля, Эрн?

¹ Текст на открытке написан вдоль и поперек по написанному.

² Фрей Вилли – соученик Флоренского по Тифлисской гимназии, позже – участник революционного движения.

1901.IV.18

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Среда 18 апреля 1901 г.

Дорогой Павля!

Вчера было тепло, но был довольно сильный ветер. Остальные дни был дождь и холодно, сегодня тепло. Какая погода в Москве. Сирень отцвела довольно давно. Розы наши расцвели. Акация расцвела, но от дождей и от ветра ее уже много опало, хотя дерево местами все еще бело. Вишни и смородина скоро верно начнут краснеть. Сегодня получили «Родник», но я еще его не прочла, сейчас его читает Шура. Папа еще не приезжал. От него сейчас получили письмо. Когда ты приедешь. Лиза тетя пишет, что она пригласила к себе в деревню Соню тетю, но если она теперь же не приедет к ней, то она дней на десять приедет к нам. Дорогой Павля! Прощай, целую тебя.

Твоя Валя.

1901.IV.22

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Открытка: Тифлис. Николаевская, 67. ЕВБ Ольге Павловне г-же Флоренской. Штемпели: Москва. 1901.04.22; Тифлис. 1901.04.27.

Дорогая мамочка!

Сейчас у нас время довольно занятое, т.к. приходится готовиться к экзаменам – невероятно скучное занятие. – Около нас есть прекрасный заросший сад с прудом порядочной величины; после обеда мы перелезаем туда через забор (это разрешено) и чувствуем себя как будто не в городе. Напиши мне, куда вы собираетесь на дачу. Лично для меня это все равно; хочется знать, как вы собираетесь провести лето и как приготовиться мне.

Кажется, в скором времени Варвара Николаевна собирается ехать в Тифлис, так что ты от нее сможешь узнать все,

что захочешь. У нас вообще все тихо и спокойно; очевидно, так и закончится этим год.

Что делает Ремсо тетя? Пусть она напишет мне, не надо ли ей чего-нибудь отсюда.

Целую вас всех, дорогая мама.

Твой П.

Москва 19 22/IV 01

1901.IV.22

А.А. Флоренский – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

22 апреля [1900]¹

Дорогой Павля! я передал поклон Александру Иосифовичу. У нас в Тифлисе теперь беспокойно. Все время бунтуют железнодорожные рабочие. Сегодня на базаре была свалка, убили 6 городских и несколько рабочих. Рано утром туда послали отряд казаков. Вчера вечером кто-то выстрелил в открытое Люсино окно. Не знаю, чем все это кончится. Я, может быть, перейду без экзамена. Инспектор совсем здоров. Жалко, что тебя не было у нас на прошлой неделе, когда цвели акации. Худадов и Ельчанинов приехали вчера. Передай поклон Эрну, бабушке и дедушке. У нас в гимназии во время большой перемены кто-то из гимназистов забрался в класс и переломал все перья. За это мы писали 3 часа чистописание в присутствии директора, инспектора и батюшки. Как идут твои занятия в Москве. Напиши мне точно, если можешь, когда ты приедешь. По всей вероятности, нас отпускают 8 мая.

Так, что ты уж приедешь к концу экзаменов.

Твой Шура. 22 апреля 1900 г. воскресенье.

¹ В начале и конце письма год поставлен неверно, надо 1901.

1901.IV.24

П.А. Флоренский – Ю.А. Флоренской

Открытка: Тифлис. Е.В.Б. Ю.А. Флоренской. Николаевская, 67. Штемпели: Москва. 1901.04.25; Тифлис. 1901.05.02.

Дорогая Люся!

Ты напрасно говоришь, что я тебе не ответил на твое письмо. Насколько мне помнится, я ответил вполне достаточно;

быть может, вы моего письма не получили – это другое дело. У нас начались экзамены; через 2 дня у меня будет экзамен по физике. Отчаянная тоска все это время: заниматься нельзя из-за экзаменов, а готовиться к экзаменам – это значит, забыть окончательно все, что знали. Приходится поэтому слоняться и все думать, чем бы убить время. Если обстоятельства позволят, я постараюсь окончить экзамены пораньше (сдали только часть) и приехать домой поскорей; но едва ли это (если только удастся) можно будет сделать раньше конца мая.

Кланяйся от меня Ельчаниновым и узнай, приехал ли Саша. – Напиши мне, играешь ли ты 23-ю сонату Бетховена (ор. 57).

Чем ты намерена заниматься летом? Быть может тебе надо привезти что-нибудь отсюда. Передай маме, чтобы она *ни в коем случае* не вздумала присылать мне денег. У меня хватит на 2 дороги во 2-ом классе, не говоря уже о том, что теперь проезд будет стоить намного дешевле. Да и ждать я их не стану, так что может случиться, что их отошлют все равно обратно. Целую тебя.

Москва 19 24/IV 01 Твой П.

Маме напишу на днях.

1901.IV.28

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Суббота 28 апреля 1901 г.

Дорогой Павля!

Погода тут утром была теплая, но теперь маленький ветер, сейчас, верно, пойдет дождь. 20 апреля получила я твое письмо. На твое письмо сейчас же не ответила, потому что я написала тебе письмо накануне того дня, в который получила твое письмо. Какая погода в Москве? Скоро ли ты приедешь? Дома все здоровы. Папа приехал к нам в эту среду. Он был у Лизы тети. Лиза тетя приглашает нас детей и Ремсо тетю в деревню, через месяц, так как 4 комнаты к этому времени будут готовы. Лиза тетя скоро приедет к нам, побудет немного здесь и скоро уедет вместе с нами. Соня тетя сегодня или завтра тоже едет к Лизе тете. Розы наши все еще цветут. Моя и Шурина герани расцвели. Позавчера Тамара прислала нам роз, а сегодня и Худадовы и

Тхоржевские прислали тоже роз. Худадовы 1 букет, а Тхоржевские 2. Сегодня я кончила по арифметике отдел именованных чисел, то есть курс I класса. Курс I класса по Закону Божьему и по Географии я повторяю.

Дорогой Павля! Прощай, целую тебя!
Твоя Валя.

1901.IV.29

М.М. Асатиани – П.А. Флоренскому

Конверт: г. Москва. Студенческое общежитие имени Николая II. Павлу Александровичу Флоренскому (студенту матем. I курс). Штемпели: Тифлис. 1901.04.30; Москва. 1901.05.06. <№ 131>

29 апреля
Павлуша!

Получение твоего письма как раз совпало с тем днем, когда меня вызвали в Полицейское управление для «чего-то». Скверно у меня было на душе, когда я входил в секретное отделение: «Меня, кажется, вызывали к вам», – обратился я к какому-то чиновнику. «Вы господин Асатиани? – На ваше имя получены из университета бумаги, подпишитесь». Читаю и постепенно прихожу в «сладостное удивление и умиление». В бумагах сказано: «По распоряжению министра народного просвещения вы будете приняты обратно в университет, если подпишитесь, что вы обязываетесь подчиняться университетскому уставу в его настоящем виде, не входя ни в какие критические отношения и рассмотрения». Но отуманенному моему уму уже не было дела совершенно до критики: я схватил ручку и смело, и не задумываясь, подписался под эти условия, совершенно пренебрегая «сомнительного характера хрустальностью» этого поступка. Итак, я принят обратно в Московский университет; событие для меня весьма важное, имеющее ближайшим результатом то, что наконец-то я успокоился вполне и освободился от того болотного, растлевающего настроения, которое вот уже два месяца угнетало меня. Теперь будущее не покрыто для меня такой теменью, которая очень часто убивает молодую энергию, путь расчищен, дело стоит только за доброкачественностью экипажа и возницы. Да и вообще, если взглянуть на наши студенческие дела, то можно с уверенностью сказать, что горизонт начинает проясняться, хотя, надо тебе

сказать, я лично очень неидеально настроен по отношению к этим «сердечным отношениям». Но все же наш новый министр сделал очень много хорошего, даже за сравнительно короткий срок...

Скаждым днем наезжают сюда наши товарищи. Недавно приехал Ельчанинов, отложивший «по причинам морального и педагогического характера» экзамены на осень...

М. Асатиани

P.S. Разузнай, пожалуйста, Павлуша, где Туманов¹ – я о нем ничего не знаю, может быть, несчастный даже голодает. Еще одна просьба: когда соберешься в Тифлис, то купи для меня две книжки «Практической зоологии»: «Голубь» и «Окунь» и привези их с собой сюда.

P.S.S. Тут был небольшой скандал, описывать который нахожу теперь невозможным.

¹ Князья Тумановы, дальние родственники Флоренских через Карямянов. О ком конкретно идет речь в письме – не ясно.

1901.IV.29

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конвент: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.04.30; Москва. 1901.09.06. <№ 133>

Тифлис

29 апреля [1901]

Милый мой Павлик.

На днях я получила твое последнее коротенькое письмо. Надеюсь, хоть от Варвары Николаевны поподробнее узнать о тебе. Ты теперь, вероятно, уже сдал благополучно свой первый экзамен и готовишься к дальнейшим. Пожалуйста, занимайся в меру и не изводи себя понапрасну. Правда ли, что ты постился настоящим образом до Пасхи?

Вот уже третий или четвертый день, как папа вернулся из своей последней поездки. Он здоров и бодр. Насчет дачи мы еще не совсем решили, но, вероятно, поедем в Коджоры. Это единственное место, удобное и для папы.

Впрочем, детям предлагают некоторое разнообразие. Лиза тетя приглашает их к себе на <нрзб.> и черешню. Они, вероятно, поедут на короткое время вместе с Ремсо тетей.

Шуре, должно быть, придется будет держать экзамен, так как отметки его не очень хорошие. Мне бы очень хотелось, чтобы он был освобожден от экзаменов, но вряд ли это будет. Теперь у нас каждый день дождь и дождь, так что все кругом зазеленело. Роза наша вся в цвету, и в саду уже есть некоторые цветочки. Хорошо, если бы и к твоему приезду осталось что-нибудь.

Ты мне не пишешь ничего о своих денежных делах, и я не знаю, как мне быть. Есть ли у тебя что-нибудь на расходы. Я собиралась выслать тебе денег на днях, но думала, было, и на дорогу в Тифлис прислать заодно. Авось у Варвары Николаевны узнаю. Ты должен бы сам сообщать, не нуждаешься ли в чем-нибудь.

Покуда у нас все спокойно, и беспорядков больше никаких не было.

Папа и дети кланяются тебе. Желают тебе успехов в твоих делах, а пока, до скорого свидания. Думаю, что дней через двадцать выедешь домой. Пожалуйста, береги себя.

Твоя мама

1901.V.02

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Его Высокоблагородию Павлу Александровичу Флоренскому. Общежитие студентов имени Императора Николая II. Комната № 41. Штемпели: Тифлис. 1901.05.03; Москва. 1901.05.08. <№ 132>

1901 2/V

Дорогой Павля!

Наконец, я получила от тебя письмо! Ведь я послала 3 письма и ни на одно не получила ответа; очевидно письма пропали. Саша Ельч<анинов> приехал и на днях был у нас, спрашивал о тебе. Собираюсь пойти к ним завтра, после завтра, тогда передам твой поклон. У нас теперь тут тоже своя «революция». Неделю тому назад были страшные беспорядки среди рабочих; главным центром был солдатский базар; несколько убито, масса избитых. По рукам ходят прокламации, хотя я сама не читала, но рассказывают, что в них они хотят уравнения некоторых прав, а главное, своего положения, для чего требуют свободы слова, сходок, забастовок... 1-го мая ждали чего-то очень грандиозного, тем более что успели уже придать национальную окраску (по обыкнове-

нию армянский вопрос), говорили, что 4000 рабочих выехали из Баку в Тифлис; но или это слухи, или слишком осторожные меры были предприняты, только ничего не случилось. Впрочем, несколько дней назад стояли на площадях, говорят, что на вокзале были выставлены пушки, и публике не позволяли собираться там. Говорят, что в гневе стоят студенты; по крайней мере, масса их и гимназистов арестовано.

Грозили нам, гимназистам, что если мы не примем участия в движении, то нам плохо придется, но, конечно, это осталось гласом вопиющего в пустыне.

В гимназии у нас все по-прежнему, т.е. по-прежнему ходим так себе туда и назад. Теперь в особенности, у всех начались экзамены – учителя заняты, так что бездельничаем в полном смысле. Мне бы очень хотелось взять теперь отпуск, все равно там ничего не делается, а дома хоть читать буду, да неловко жаловаться на свое нездоровье; уж слишком явная ложь. Да и мама, должно быть, будет недовольна, так что я уж и не заговариваю об этом. Ты спрашиваешь, что я настроена делать летом? Но я сама еще не знаю. Надо непременно заняться французским языком. А то я целый год ничего не делала и теперь все забыла. Хорошо было бы начать пока латинский или немецкий, да не знаю, удастся ли. Мне, собственно, хотелось поговорить с тобой насчет летних занятий, потому что мне слишком много нужно сделать, и я не знаю с чего начинать, бросаюсь всюду и, в конце концов, ничего не делаю.

Почему ты спрашиваешь, играла ли я 23 сонату Бетховена? Я ее не играла, но если удастся достать (у нас нет ее), то непременно разберу. Я хотела тебя попросить, если тебе не будет трудно и если (видишь, сколько если приходится употреблять) встретишь у букиниста, купить мне концерт Herz'a. Чтобы ты не спутал издания, я напишу точное заглавие.

Cinquième concerto pour le piano, avec accompagnement d'orchestre, par Henri Herz. op. 180¹.

Мне приносила его Марья Александровна (свои консерваторские ноты); а тут нигде нет; впрочем, может быть, и там не достанешь; во всяком случае особенно не ищи.

У нас дома теперь тоже горячка: у Шуры начинаются экзамены 6-го числа, у Лили будет только по ест<ественной> истории. У меня хотя самой нет, но подруга, Лиза Кутателадзе, держит в этом году, и за нее я так же волнуюсь, как за себя. Еще я забыла сообщить одно важное, по крайней мере, для детей, известие; они едут с Ремсо тетей в деревню

Тифлис. Головинский проспект. Революционные выступления. Фото конца 1905 г. Альбом Т. Герсамия «Старый Тбилиси». Тбилиси, 1984. Рис. 206

к Лизе тете, должно быть, в конце мая или начале июня. Ты можешь себе представить их восторг, ведь они из года в год ждали этой счастливой минуты; ждут все, с включением Гусеньки, но без Андрюшки.

Мы же поедем, по всей вероятности, в Коджоры; это будет удобнее всего для папы, так как он должен быть в Тифлисе, и иначе не сможет часто приезжать к нам.

Что делает Эрн?

Как поживает Коля? Выехала ли Варвара <Николаевна>? Кланяйся им. Целую тебя.

Тв<оя> Люся.

Когда у тебя последний экзамен, вообще, напиши мне распределения их.

¹ Герц Анри. Пятый концерт для фортепиано с оркестром (фр.).

1901.V.02

В.Ф. Эрн и П.А. Флоренский – А.В. Ельчанинову
Москва. Конверт отсутствует

Дорогой Саша!

Очень благодарен тебе за сведения. Они мне пригодились. Павлуша давал прочесть твое письмо. Что он думал,

когда читал, совершенно не представляю; знаю только, что всякого рода «общественная деятельность» вызывает у него улыбку. Отвечаю на поставленные тобою вопросы. Наши академики не думают соединяться с радикалами. У них были заседания двух групп, на которых большинство решило придерживаться такой программы. Во-первых, «литературная» деятельность, т. е. развитие своих взглядов посредством бюллетеней. Выпущено уже два, из которых один очень длинный, посвященный критике министерского проекта, пущен в оборот в общество для уничтожения там таких слухов: будто бы удовлетворение желаний студентов дает им прекрасную организацию, а они все волнуются, значит, их волнуют со стороны. Затем академики говорили, что на днях выйдут бюллетени, один из них даст разъяснения насчет Е.Н. Трубецкого¹ (Киевск<ий>). Исп<олнительный> Ком<итет> на днях в одном бюллетене сообщил, что Е.Н. Трубецкой, пришедши (в Киеве) на общую сходку, заявил свою солидарность со студентами, подал в отставку. Академики от нашего Труб<ецкого> узнали, что это чистая выдумка, и об этом оповестят студентов. А в другом бюллетене, призывая студ<ентов> не присоединяться к уличной демонстрации, которая назначена И<сполнительным> Ком<итетом> у нас на 9 февр<аля>, излагают свой план действия. Насколько я слышал, он будет такой. Теперь не отделяться от профессоров (которые очень сочувствуют программе академиков). Профессора наши отказались *единогласно* принять мин<истерскую> организацию, раскритиковали ее и теперь составляют свой проект организации, в основу которого легла организация профессоров, выработанная перед Рождеством академиками. Если этот проект профессоров будет отвергнут в министерстве, в таком случае академики устраивают забастовку, забастовку мотивированную; и к ней постараются привлечь профессоров, на успех чего есть надежда. Вот программа академиков, как я слышал. Не могу с уверенностью сказать, насколько успешно она будет выполнена. Исп<олнительный> Ком<итет> всячески ей противодействует, всякими недостоверными сообщениями играет на нервах студентов и хочет придать движению студентов резко скандальную форму. Но что из этого выйдет неизвестно. Знаю только, что уже из радикалов арестовано 14 человек, в том числе Церетели² и Пермикин. А засим до свиданья. Сообща о решении вашей общей сходки.

Твой Володя.

P.S. АВ. Сия справка о местопребывании требуется НЕ мне, так что ты не подумай, что я, забыв благолепие и скромность, моему званию подобающие, пустился в авантюры по теме «армавиров».

Сообщи, пожалуйста, узнав предварительно от Мани, находится ли Кузьмина-девица в СПб, и, буде таковая имеет свое местожительство в означенном городе Российской Империи, то сообщи, пожалуйста, мне для движения по другим инстанциям об участке, улице, доме и квартире, в коих имеет жительство означенная девица, к коей чувствует симпатию etc другая девица, добродетелям ее нет числа.

Твой П.

Передай Соколовскому, что если он хочет, чтобы ему выслали немецкую «Психологию» Троицкого, то пусть пришлет в редакцию «Вопр<осы> ф<илософии> и псих<ологии>» 65 копеек.

(О сумме гонорара, полученного от Н.Т.³, сообщу особо. Прошу, не говорите об этом. П.Ф. Он теперь заглядывает в письмо, и я не могу писать обо всем открыто).

¹ Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) – философ, правовед, общественный деятель. Профессор Киевского (1897–1905) и Московского университетов, видный представитель религиозно-философской мысли, один из организаторов издательства «Путь» и Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. К религиозной метафизике Трубецкой, так же как и его брат С.Н. Трубецкой, пришел под непосредственным влиянием Вл. Соловьева, с которым был дружен.

Е.Н. Трубецкой, вспоминает мемуарист, относился к студентам как к младшим товарищам, не уклонялся от щекотливых тем, в лекциях затрагивал модные вопросы. И было заведено чтение рефератов по вопросам теософии и энциклопедии прав. В 1906 г, после смерти старшего брата – С.Н. Трубецкого, перешел в Московский университет, где вел философию права.

Ему принадлежит одна из самых серьезных рецензий на работу П.А. Флоренского: Свет Фаворский и преображение ума. По поводу книг свящ. П.А. Флоренского «Столп и утверждение Истины» / Русская мысль. 1914. Май. Отдел 2. С. 25–52.

² Церетели Иракий Георгиевич (1881–1959) – соученик Флоренского, Ельчанинова и Эрнэ по 2-й тифлисской гимназии. В 1900 году поступил на юридический факультет Московского университета, где стал одним из лидеров студенческого движения, за что был сослан в Сибирь (1901–1903). В дальнейшем – один из лидеров меньшевиков, в 1917 г. – член Временного правительства, затем один из руководителей независимой Грузии. С 1921 г. в эмиграции.

³ Лицо не установлено.

1901.V.05
Павел Флоренский

В ПОЕЗДЕ

Всегда один, всегда сердитый,
открыть не можешь сердца ты,
и только демон ядовитый
коробит черствые черты.

Когда, когда... Неужто вечно
себя мне суждено искать.
Чтоб полюбить хоть скоротечно,
ужели вечно мне шагать.

Должно, должно исчезнуть время,
пройти раздельности и тень.
Должно исчезнуть смерти семя,
когда-нибудь наступит день.

Дорогою в Тифлис, 1901, 5 мая

¹ Опубликовано: Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка. Составление, подготовка текстов и комментарий Е.И. Ивановой. Изд. Языки славянской культуры. М., 2004. С. 128.

1901.V.15
О.А. Флоренская – А.И. Флоренскому
Ханаля. Конверт отсутствует.

Вторник 15 мая 1901 г.

Утро

Дорогой папа!

Погода, пока мы ехали, была немного дождливая, когда мы приехали полил дождь. Вчера утром шел дождь, он шел до завтрака. Потом стало даже жарко. После обеда вчера мы пошли в сад. Там трясли туту. После мы катались на лошадях и на осле. Сегодня мы были в огороде, а в саду сегодня еще не были. Сейчас мы пойдем на мельницу. Какая погода в Тифлисе? Все ли дома здоровы? Как идет наш сад? В другой раз напишу письмо Лиле. Прощай, целую тебя.

Твоя Валя.

1901.V.19

О.А. Флоренская – Е.А. Флоренской

Конверт: Тифлис. Ее Высокоблагородию Ольге Павловне Флоренской. Николаевская, 67. Штемпели: Тертер. 1901.05.25; Тифлис. 1901.05.27.

После завтрака
Суббота 19 мая. 1901 г.
Дорогая Лиля!

Скоро ли ты приедешь сюда? Все ли дома здоровы? Помнит ли нас Андрей? Как идет наш сад? Какая погода в Тифлисе? Позавчера вечером Шура, Хамо, Грета и я смотрели, как танцуют рабочие. Они танцуют каждый день. Позавчера погода была хорошая, вчера и сегодня тоже. Вчера утром и после обеда мы были в саду. Вчера вечером мы опять смотрели, как танцуют. Позавчера танцевали в нижней комнате, а вчера на поляне, которая перед воротами. Теперь на дворе вяжут палас. Напиши мне. Сегодня хлебопекша принесла каждому из нас по два яйца, каждому 1 совсем красное, а другое с красными узорами и по узорчатому хлебу. Целую тебя!

Твоя Валя.

Скажи маме, что у Шуры нет ни брюк, ни пояса. Тетя просит прислать. Пояс потерял на дороге, а брюки остались одни.

1901.V.23

О.А. Флоренская – А.И. Флоренскому

Ханалья. Конверт отсутствует.

Среда 23 мая 1901 г.

Утром после чаю.

Дорогой папа!

Дожди тут не идут, но довольно жарко. В новом же доме даже холодно. Мы целый день сидим в постройке. Тут очень много мух и черепах, а также не особенно много змей. Ужей очень много, но тут ужи не считаются за змей, так как не ядовиты. Позавчера мы пили вечерний чай в саду. На днях одна корова чуть не забодала Хамо. Недавно один

из людей Грикор пошел с Шурой и Хамо гулять, прилет отдохнуть, а ему на руку села фаланга, но он ее стряхнул. Вчера утром мы были в саду. Вечером мы были на мельнице и ходили босиком по воде. Сегодня Шура и Хамо устроили вместе с мельником купальню, но я ее еще не видала. Как идет наш сад?

Дорогой папа!
Прощай, целую тебя!
Твоя Валя.

1901.VI.03

Р.П. Тавризова – Ю.А. Флоренской

Конверт: В Тифлис. Ее Высокоблагородию Ольге Павловне Флоренской. Николаевская, № 67. Штемпели: Почтовый вагон <нрзб.> 1901.06.08; Тифлис. 1901.06.09.

1901го 3-го Июня

Ханаля.

Дорогая Люся,

Твои два письма и последнее Лилино я получила. Как жаль, что Лиле не удалось приехать вместе с учителем; она пропустила самое лучшее время – черешен, абрикос и туты. Такое обилие фруктов и так хорошо кругом! Благодаря дождям замечательно небывалая зелень. И за грибами ходят все дети – везде, кругом находят.

Детям здесь так весело, что не знаю, как они оставят и уедут.

Сад очень разросся, и очень часто им пользуемся.

Шуру и Амо вечно приходится разыскивать – особенно Амо, собирает всех собак и будто идет на охоту – забирается так далеко, что приходится рассылать за ним людей. Сергей дядя к детям очень хорошо относится – если где-нибудь запрягают арбу, и дети не знают, он бежит за ними, забирает всех, садится вместе с ними, и так приезжают домой.

Мы буквально через каждые ½ часа принуждены есть что-нибудь – такие все вещи соблазнительные, что не возможно удерживаться. Благодаря послушанию Вали и Госи они ни разу не были нездоровы за все это время.

На днях в 8 часов утра приехали гости – уездный начальник и мировой посредник, и так <как> места не было, им не пришлось ночевать.

Учитель со своими были у нас проездом, в день приезда, верно, устраивает их и не мог к нам прийти. Скоро мы соберемся в Карс на фургоне и арбе с обедом и т.д., вообще, здесь пока хорошо и прохладно.

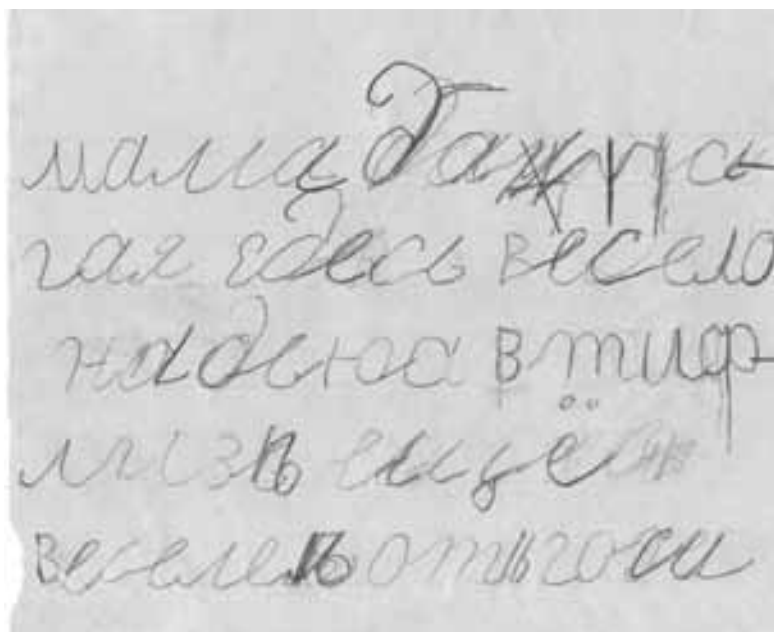
Все-таки, думаю, что надо и честь знать, и в конце июня быть дома.

А пока до свидания. Целую Вас. Мой привет папе. Как его здоровье?

Твоя Ремсо

Пусть Лиля привезет с собой в ящиках пустые банки от варенья для Лизы тети, какие там есть, присланные ею. Сама я давно ничего не думаю варить. Скажи маме, чтобы снабдила необходимыми вещами на 2 недели. В конце июня надеюсь быть с детьми дома. Сегодня они катались верхом. Вообще, Валя да и все чувствуют себя прекрасно. До свидания.

Пожалуйста, купите этой материи $3/4$ ар<шина>: я так длинно выкроила, что мне не хватило на рукав. 3 ар<шина> самой узенькой дешевой бархотки.

Письмо Геси к матери из Ханалы

1901.VI.04

А.В. Ельчанинов – П.А. ФлоренскомуОткрытка: Тифлис. Николаевская, 67. П.А. Флоренскому.
Штемпели: Манглис. 1901.06.05; Тифлис. 1901.06.06. <№ 134>

Дорогой Павлуша! Если будешь у Ягулова, возьми у него «Германию» Тацита и Caeser'я¹ с комментариями, и все это передай Саше Калюжному, а пожалуйста, он сам зайдет за ними к тебе.

Твой А. Ельчанинов
Манглис 1901/VI/4

¹ Тацит Публий, «Германия» – очерк общественного устройства, религии и быта германских племен. Гай Юлий Цезарь, «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне». – По этим книгам гимназисты учили латинский язык.

1901.VI.05

О.А. Флоренская – Ю.А. Флоренской

Ханаля. Конверт отсутствует.

Вторник 5 июня 1901 г.

Перед обедом.

Дорогая Люся,

тут позавчера вечером был дождь. Сегодня страшно жарко. Уже поспела курага, но только мелкая, вот такой величины. Крупная еще не зрелая. Мелкие дикие груши тоже вчера поспели, они очень ароматны и сладки. Какая погода в Тифлисе, и все ли здоровы? Тут все здоровы. Вчера Лиза тетя варила ореховое варенье. Теперь сушатся вишни и черешни. Позавчера я и Хамо пошли

за грибами, и увидели, как уж лез в свою нору, Хамо хотел его вытащить и стал тянуть его со всей силы за хвост, тянул, тянул, да и оборвал хвост. Мы каждый день несколько раз ходим за шампиньонами и приносим их по 15, 20, 30 штук, но так как столько к обеду мало, то мы сушим. Вчера утром мы были на мельнице. Вечером в саду, а сейчас только что пришли из сада, как я пришла, села писать письмо. Целую тебя!

Твоя Валя.

У Лизы тети яблоки пока поспели такой величины, как я нарисовала в начале яблоко, и немного более.

1901.VI

Павел Флоренский

ЗА ЧТЕНИЕМ ШЕЛЛИНГА

Все исполнено стремленьем
К области идей.
Все сверкает отраженьем
Вечных тех огней.

Всюду дух животворящий
Разума сокрыт.
Глас его, нам всем звенящий,
С нами говорит.

Дорогою из Манглиса, 1901 г. Июнь

*Манглис. Подъем.
Протогалка. Фото
А. Ананова, № 11.
Почтовая карточка
1910-х гг.*

Подъем. Протогалка. Манглис.
Protogalka. Manglis.

1901.VI.16

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Тифлис. П.А. Флоренскому. Николаевская, 67.
Штемпели: Манглис. 1901.06.18; Тифлис. 1901.06.18. <№ 135>

Дорогой Павлуша! Если ты достал у Александра Иосифовича книги (Caesar'я и Tacit'a), то пришли их мне по почте (Манглис, Старый, дача Запоросова), деньги я тебе возвращу, когда буду в Тифлисе. Если не можешь, то дай знать.

Твой А. Ельчанинов

Манглис 1901 VI/16

1901.VI.19

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Конверт: Тифлис. Николаевская, 67. П.А. Флоренскому.
Штемпели: Манглис. 1901.06.22; Тифлис. 1901.06.22.
<№ 138>

Дорогой Павлуша!

Твое письмо повергло меня в уныние... Ты пишешь об освежении; да, освежиться перед работой – это очень хорошо. Когда я ехал на Манглис, я был уверен, что пойду с тобой на военно-осетинскую дорогу, как ты мне обещал, или куда-нибудь в другое место; Никол<ай>. Алекс<еевич> приглашал меня с собой в Сванетию, Кузьмины звали в Уагвары; но я, конечно, бы пошел с тобой, если б мог. Причина одна – у меня тут очень ответственный урок: надо пройти за 1 ½ месяца курс двух классов по алгебре и геометрии, поэтому не то что с тобой, а я просто не могу пойти на более или менее крупную прогулку, хотя б на один день. Взял я урок, потому что нужны деньги на зиму; но он меня очень утомляет, т.ч. я его может быть брошу к черту! Кроме этого, у меня еще два урока бесплатные, поэтому всему ты можешь судить, как мне хотелось бы пойти куда-нибудь, тем более что я всю зиму мечтал о большой прогулке. – Очень жалко, что доставил тебе так много хлопот с Tacit'ом; знай я это – я бы прямо попросил бы Ягулова прислать мне, да не догадался. Работается мне ничего себе; жалею только, что мало взял книг по истории и древней философии. Пока прощай, очень благодарен тебе, что вспомнил меня; поклон Володьке и всем вашим.

Твой А. Ельчанинов

Манглис 1901/VI/19

1901. VI.26

Е.В. Ельчанинова – Ю.А. Флоренской

Конверт: Тифлис. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне М-elle Флоренской. Николаевская ул., № 67. Штемпели: Манглис. 1901.06.28; Тифлис. 1901.06.29.

26-го июня.

Дорогая Люся!

Пожалуйста, приезжайте к нам.

Мама просит Вашу маму отпустить Вас. Напишите, пожалуйста, когда Вы приедете, чтобы мы могли Вас встретить, так как омнибус останавливается на новом Манглисе, и нужно идти пешком на старый Манглис. Пожалуйста, приезжайте скорее, мы все будем очень рады Вас видеть. Передайте поклон Вашей маме от нас. Жду. Женя Ельчанинова.

1901

Павел Флоренский

СОН¹

Стояло солнце над Курой,
Как будто недвижимо.
И облаков тяжелый слой,
Как будто дым камина,
Давал какой-то странный свет
В той местности безлесной,
Где встал над городом хребет
Со стороны небесной.
А мы все шли вперед, вперед,
Вперед неудержимо!
Как будто там нас счастье ждет,
Зовет неумолимо.
Я был с тобой, мы шли вдвоем.
О друг, мой друг давнишний!
Мы все идем, давно идем,
Здесь третий был бы лишним.
Молочный свет... И нет теней
Следов неуловимых.
Одни лишь отсветы лучей
На сумрачных вершинах.

Бросая вдаль за взглядом взгляд,
Забыв о возвращеньи,
Идем и грезим наугад,
Не оставляя тени...

1901, Тифлис

¹ Опубликовано: Литературная Грузия. 1988. № 3, С. 71–72; Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка. Составление, подготовка текстов и комментариев Е.И. Ивановой. Изд. Языки славянской культуры. М., 2004. С. 128.

1901, конец июня
Е.А. Флоренская – О.П. Флоренской
Ханаля. Конверт отсутствует.

Дорогая мама!

Мне совсем нечего тебе писать. Валя написала больше чем нужно. Она целыми днями строчит письма – только бумагу изводит. Если вы еще не выслали касторку для Сони тети, то пришлите вместе с нею гребенник для Гози. Она свой потеряла и ходит трепаная. Все, кроме Чики, здоровы. Было 2 урока армянского языка. Выучила 10 букв. Никуда, кроме мельницы и сада, не ходим. После отъезда Ремсо тети уже 3-ий день совсем прохладно. Тучи были, солнца не было. Сейчас опять вышло солнце. Чике лучше. Фаланг меньше. Фрукты также. Мух много. Клопов и блох достаточно. Мельница все время работает. Вода чистая и холодная. Не рисую, ибо ничего не выходит – разучилась и опротивело. На лошади кататься запрещено. Кажется, все новости. Приеду и скажу подробнее, хотя говорить нечего.

Λ.

1901.VII.01
М.М. Асатиани – П.А. Флоренскому
Мукузань Сигнахского. Конверт отсутствует. <№ 140>

19 VII/1 01 г.

Павлуша!

Вот уже неделя с лишним, как я, удалившись от городской суеты, погрузился в глухой деревне в занятия. Не скажу, чтобы настоящий умственный труд особенно меня ра-

довал и удовлетворял, ведь кроме того, что некоторые из моих предметов неинтересны для меня, я еще готовлюсь к экзаменам – последнее, как ты сам согласишься, значительно усложняет дело, но все-таки эти занятия сильно влияют на настроение и с лучшей стороны: они освободили меня на время от того растлевающего и болотного душевного состояния, которое является у меня необходимым спутником бездействия и буржуазного времяпрепровождения. Чтобы приступить к работе, надо отбросить в сторону настроение, но последнее тоже зависит от «настроения»: если оно тоже нуль, т.е. не идет дальше лежания в горизонтальном положении и нежелания изменить состояние покоя, то нечего и думать о возможности работы. Изменить настроение в лучшую сторону может только работа, а работу может создать только настроение – и так вплоть до того момента, пока тебя не потрясет от какого-нибудь сильного толчка. Ты, может быть, думаешь, что я пускаюсь в обычную лентяям философию под специальным названием «философия лентяя» – нет, Павлуша, я хотя лентяй, но лентяй более или менее добросовестный и не имею обыкновения оправдываться в своем нежелании работать «обстоятельствами» и «философией». Да к тому же, нечего, собственно, оправдываться, т.к. я занимаюсь довольно успешно IX – X часов в день. Не могу, однако, похвалиться продуктивностью своей работы, потому что одни предметы трудны для меня – физика, кристаллография, а другие слишком обширны – зоология; только химия ласкает мои нервы своей невинностью и в смысле обширности, и в смысле трудности, и я ее полюбил действительно нежным, благодарным чувством. Между тем удобства занятий у меня полные: чистый, свежий воздух, отдельная комната и горячая пища, и полная свобода. Общество у нас в деревне есть кое-какое, но я не намерен показываться в нем, т.к. дорожу своим временем. Одним словом, я пользуюсь всеми благами деревни, кроме невыгодных для себя, так что не чувствую никаких стеснений. Все это я клоню к тому, чтобы расположить тебя к нашей деревне и притащить сюда каким-нибудь образом. В самом деле, Павлуша, рискни и приезжай в плодоносную Кахетию, в село Уриатубани. Будь уверен, что ты решительно ничем не стеснишь наших, т.к. в деревне может быть остановка только за помещением, а у нас в этом отношении полное изобилие. Я, например, живу совершенно отдельно, даже в другом здании – в школьном. Итак, тебе нечего и думать о каких-ниб<удь> стеснениях, а

проездиться тебе не мешает, увидишь Кахетию – ты ее, кажется, не видал – подышишь деревенским воздухом и доставишь удовольствие другим. Если надумаешь как-нибудь, то отправляйся на Майдан, возьми билет на дилижанс в г. Телав, а оттуда на перекладных в село Уриатубани, которое от Телава в двух станциях.

Твой Миша

Мой адрес: г. Сигнах. Станция Мукузань священнику Чекурову. Для передачи.

1901.VII.09

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Тифлис. Конверт отсутствует.

9/VII 1901.

Сегодня, дорогая, вечером я уезжаю в Батум на неизвестный срок. Здесь очень прохладно: ветры и дожди. От Ремсо известий нет. Посылаю письмо Павлику, которое ранее читал, чтобы вложить в общий конверт, точно так же и письмо Люси, только что принесенное письмо Прасковье оставляю здесь.

Пальто Павлика не знаю где. Часть вещей по списку собрал в столовой. От Ремсо известий нет. Я оставляю ей письмо здесь и предлагаю ей по приезде телеграфировать тебе. Пусть Павлик придет и пришлет денег на переезд, так как у меня остается очень мало. Осипу дал 10 р. жалованья и 5 р. на расходы.

1901.VII.09

А.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Ханаля. Конверт отсутствует.

9 июля среда

Дорогая мамочка, меня очень обрадовало твое письмо. Когда я рассказал крестьянам о том, что Григор уходит от нас, то поднялась целая буря... Григора бранили ... на все лады, говоря, что... если он не мог удержать Богом данного ему места, то он ни на что не годится.

Напиши, пожалуйста, где и за что его побили. Мы все были вчера в Тютке, в лесу, и я привез оттуда куницу. Гося не знает, как ей быть, радоваться или не радоваться приезду

папы. Что делает Анюшечка? Скажи Люсе, чтобы она написала мне. Давид скоро уезжает в Баку. Урожай здесь очень хороший, одна слива дала сам 50-ят... азбуку мы всю уже кончили. Напиши мне, что делают наши. Здоровы ли ты, мамуля? Целую тебя, мамок, пиши мне, как можешь чаще.

Шура

1901.VII.09

Н.С. Перевозчикова – Ю.А. Флоренской

Конверт: Коджоры. Ее Высокородию Юлии Александровне Флоренской. Дача Зданевича. Штемпели: Тифлис 1900.07.10; Коджоры 1901.07.11.

9 июля

Ах, моя противная Люся!

Не нашлось у вас минутки зайти ко мне перед отъездом! Я уже совсем собралась идти к вам, да мама попросила купить клеенку на стол, а потом нужно было уложить пла-

Виньетка в конце письма Шуры

Батум. Аджариц-хальский мост
Почтовая карточка
1900-х гг. Изд.
И.М. Черткова.
Батум. На карточке изображено строительство моста, которое вел А.И. Флоренский. Не исключено, что и он есть на изображении

Батум. Маршининский проспект.
Почтовая карточка
1910-х гг.

ть, в дорожном же я не могла выйти на улицу. Выехали мы довольно поздно, часов около 6, а доехали до Манглиса засветло.

По дороге Зина нас сняла, вчера вечером проявляла, а печатать сегодня нельзя было, т.к. солнышко и не показывалось: второй день страшно холодно – мерзнем в драповом. Зина еще несколько раз снимала меня, когда отпечатает, пришлю вам. Знаете, Люся, я уже второй день за хозяйку: в 4 часа утра (вчера) Леля ушла с пансионом гимназии на прогулку в Белый Ключ, и вчера же уехала мама в Тифлис; Леля придет только завтра вечером, ну, натерпелась же я страху за эту ночь! Наша дача крайняя на той улице, где мы жили прежде; за нами идет какой-то огород, а дальше – обжигают кирпичи и лазарет.

Сегодня попрошу Варвару спать с нами в комнате, а то я опять буду бояться заснуть. Какая вчера с нами произошла странная история: заперла я вечером весь дом, и отправились всей семьей (я, Соня, Зина, Боря) в парк; пробыли мы там до половины девятого и пошли домой вместе с Исаковыми (они живут на параллельной улице). С ними шел Зинин знакомый – некто Завриев – претолстый сту-

дент – я думаю, вечный (переходит с одного факультета на другой). Вот его-то Леля попросила проводить нас домой. Он сейчас же представился нам: «Моя фамилия Завриев» и пошел. Перед домом Соня из вежливости предложила ему зайти к нам: он, к моему удивлению, согласился и даже остался ужинать! Уж болтал всякую чушь, т.ч. я пошла стелить постель, укладывать Борю спать, заказывать обед и т.д. Когда я вернулась на балкон, он уже собирался уйти, чему я, конечно, не препятствовала. Противный, хоть бы больше его нигде не встретить! Люся, только бы мне не хотелось, чтобы кто-нибудь это знал!!

Вы, конечно, уже знаете о смерти Филимонова?! Что-то мы будем делать, если у нас будет Бренев? А это, должно быть, будет так. Я, как нарочно, ничего не взяла для занятий по математике, да и вообще ничего не взяла. Теперь я читаю Мордовцева, а потом постараюсь достать Апухтина у Тамилы, она даже уже предлагала. Из книг по психологии у меня ничего нет и, должно быть, не будет! Я прямо не знаю, что делать!

Какое несчастье случилось у Бреневых! В пятницу они ждали свою дочь с тетей (сестра m-me Брневой). Но их долго не было: оказывается на коджорском спуске их понесли лошади – они ехали в фаэтоне. На третьей версте фаэтон попал в канаву, колеса сломались, кучер слетел, а на него сундук. Сестра Брневой полетела через Лизу, сломала себе палец, руку, поранилась, разорвала губу, выбила два зуба – вообще страшно разбилась. Лошади продолжали тащить поломанный экипаж. Лиза попробовала удержать их вожжами, но не смогла и прыгнула на ходу: она отделалась незначительными ушибами, хотя и ей не позволяет доктор ходить. Кучер, говорят, сломал ногу. На их счастье ехал Фрезе, отвез их в Коджоры. Там им сделали перевязки, и потом в 4 часа они доехали от Коджор до Манглиса! Теперь они уже поправляются.

Какая славная Лиза Брнева: она прыгнула, чтобы не оставить одну тетю!

Ну, до свидания, дорогая Люся, десятый час – нужно укладывать Борю спать и т.д. и т.д. – Поздравьте вашу маму с днем ангела – (ведь не ошибаюсь?). Костины письма до нас еще не доехали – должно быть, папа недавно только вернулся из Тифлиса и еще не переслал их сюда. Лиля думает, что Костя приедет дней через 5, а мне кажется, что раньше начала августа он не приедет.

Очень торопилась и тороплюсь, результаты: ошибки и скверный почерк, но не могу прочитать. Надя

Дорогая Люся, приезжайте вы теперь к нам, а когда мама приедет сюда, я поеду к вам.

1901.VII.10

Е.М. Кутателадзе – Ю.А. Флоренской

Конверт: В гор. Тифлис. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне М-ше Флоренской. Николаевская, 67, дом инженера Флоренского. Штемпели: Гирюсы. 1901.07.16; Тифлис. 1901.07.20.

сел. Каракилисы

10 июля

через Гирюсы

В постели застало меня письмо моего дорогого друга. Да, Люся, если бы ты знала, как радостно было больной получить такую драгоценную вещь от самого любимого друга – от тебя!

Дело в том, что я давно уже из Гирюсов и веду вполне цыганскую долю – кочевой образ жизни. Скучным, быть может, тебе покажется слышать про вечные перемены мест и лиц, но для меня составляет она большой интерес. Но какие чудные роскошные места! Впрочем, боюсь дорогая распространяться, а то надоем.

Да, признаюсь, моя дорогая, у нас сидят гости-врачи, и я страшно тороплюсь писать тебе, а вот в другое время не будет okazji и, следовательно, трудно отправить письма в Гирюсы. Сейчас только мы начали хохотать над одним студентом-ветеринаром (ужасный оригинал!), который бесцеремонно глотает мух и находит, что мухи и мошки гораздо более удобоваримы, чем все то, что мы обыкновенно кушаем. Он, если бы ты его видела, можешь себе представить: сидим мы с ним и начинаем: самым равнодушным и вежливым тоном говорим друг другу колкости, которые возбуждают у всех смех, а мы страшно злимся оба, но делаем вид, что у нас самое мирное настроение. Человек этот в полном смысле скептик, странный, с особенными взглядами на все решительно, не признает начальства, господ и рабов, и вид так разозлившегося драгуна <нрзб.> парламента (во Франции) или же расхолившегося петуха! (я ему даже это выразила, и он все придумывает, как бы мне за подобный эпитет отплатить).

Тифлис. Возвращение
в город. Худ.
О.И. Шмерлинг.
Почтовая карточка
из серии «Ушедший
Тифлис». № 14.
1920-е гг. Собрание
свящ. В.З. Дронова

Зовут, дорогая – спешу.
Целую тебя бесчисленно раз. Пиши и не забывай.
Твоя вечно Лиза

1901.VII.12

Е.В. Ельчанинова – Ю.А. Флоренской

Конверт: Коджоры. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне М-ле Флоренской. Штемпели: Тифлис. 1901.07.13; Коджоры. 1901.07.17.

12 июля

Дорогая Люся!

Очень и очень вам благодарна за приглашение, но, к несчастью, не могу им воспользоваться: у меня случился неожиданный урок, бросить который я никак не могу. Урок этот приблизительно до 10-го августа, может быть, после 10 я смогу приехать. С Павлушей я не могла приехать, так как была уверена, что Вы еще не в Коджорах, как, вероятно, и было; хотя Павлуша и говорил, что вы уже приехали, но и это было бы неудобно, если бы я приехала в один день с вами. У Вас и без того было бы столько хлопот, а тут еще я. Занимаюсь с собой я очень мало, у меня очень немного книг. Пока читаю Руссо. Здесь как-то не читаются серьезные книги, так что я боюсь, что не осилю Руссо. Как бы я рада была, Люся, если бы Вы приехали к нам. Вы нас совсем не стесните, пожа-

луйста, не беспокойтесь насчет этого. Я бы с удовольствием приехала к вам, но вы видите, что я теперь совершенно не могу. Я надеюсь, что вы не откажете и приедете к нам. Жду Вас. Маруся кланяется Вам. Поклон от нас всем вашим.

Ваша Женя Ельчанинова

1901.VII.18

Е.В. Ельчанинова – Ю.А. Флоренской

Конверт: Заказное. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне М-ле Флоренской. Дача Зданевича (около ротонды). Штемпели: Тифлис. <нрзб.>; Коджоры. 1901.07.22

18-го июля

Дорогая Люся!

Судя по Вашему письму, Вы не получили моего, в котором я Вам объясняла, почему я не могу к Вам приехать. У меня урок, бросить который я не могу. Если я кончу его до Августа, то с большим удовольствием приеду. Скажите Павлуше, что я на него очень сердита за то, что он Вам передал совсем не то, что было надо. Я не говорила и не могла бы сказать, что Ваше письмо невежливо, не знаю, откуда он это вывел, просто я боялась, что Вы и я приедем в один день в Коджоры, что было бы для Вас очень неудобно.

Я надеюсь, Люся, что Вы не откажете мне в моей просьбе и приедете хоть на неделю. Я недавно встретила Надю, и она говорит, что Вы хандрите. Дорогая Люся, как это нехорошо! Право, вам нужно поменьше думать над всеми этими трудными вопросами: все равно не разрешите их, а между тем только мучаете себя. Если бы Вы приехали к нам, мы бы с Марусей постарались бы рассеять Ваши мрачные мысли. Приезжайте, Люсенька, Вы доставите нам большое удовольствие своим приездом. Вчера я получила от Светловой письмо. Вы знаете, что она живет в дремучих лесах, где-то около Сочи; она пишет, что там много зверей, которые подходят к их палаткам, вообще там совершенно дикая местность, виды, говорит она, замечательные по своей красоте, море от них на расстоянии 2 версты. Светлова уже научилась плавать. Очень интересно будет расспросить ее обо всем при встрече.

У нас теперь Володя и Шура Худадовы, и все сегодня отправились куда-то в монастырь, очень далеко, кажется,

15 верст; Маня тоже пошла с ними, но, я думаю, ей будет трудно идти. До свидания, Люся, и, надеюсь, до скорого. Мама кланяется Вашей маме. Кланяйтесь от меня всем Вашим. Ваша Женя Ельчанинова.

Адрес: Дача Запаросова.

Маруся Вам кланяется.

1901.VII.20

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Манглис. Конверт отсутствует. <№ 141>

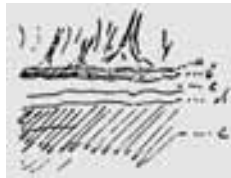
Дорогой Павлуша!

Представь себе, я развязался с уроками и теперь совершенно свободен. Я бы непременно сейчас же доставился бы к тебе, если бы не наша прогулка, которую мы вчера совершили: как только у меня явится какая-нибудь обувь, я сейчас же явлюсь к тебе. Прогулка у нас была очень интересная и полная приключений. Мы хотели попасть в развалины монастыря Гударехи, который мы отыскали на карте верстах в 18-ти от Манглиса. Всех подробностей передавать не буду; сразу мы не попали, а пройдя верст 20, взяли проводника до монастыря из деревни Ваке; назад, несмотря на предупреждения проводника, мы пошли одни без тропинки по страшно дикой местности: монастырь окружен кольцом скал, очень высоких, поросших старым мхом; в этом каменном ящике мы толклись, не будучи в состоянии выбраться, с 4-х часов до 8-ми, уже темнело и приближалась гроза, а мы находились на очень возвышенном плато, без всяких следов жилья, мы пошли наудачу на север; пить хотелось страшно, и мы, чтобы найти воду, начали спускаться в балку; спускались мы около часу, а дна все не было; начался дождь, и было уже совсем темно; во время этого ужасного спуска меня еще расстроил немного Володя: он вдруг остановился и спросил: «Кто это побежал вниз?» Я никого не видел, но он утверждал свое: внизу чернела яма, а дождь продолжал шелестеть по листьям деревьев; наконец, на дне балки около 1 часа ночи мы нашли наклонную скалу и там, трясаясь от холода, дождались утра. В геологическом отношении мы встретили очень интересный хребет: он весь порос старым лесом и в нем возвышаются огромные глыбы крупно-зернистого песчаника, правильной формы, вышпной с трехэтажный дом:

Глыбы песчаника

сначала мы приняли их за огромные постройки; жаль, что у меня не было ни аппарата, ни даже карандаша. Недавно в одной небольшой балке я нашел очень интересное образование: берег в разрезе следующий:

а – сухие листья (сверху лес); б – слой чернозема; с – слой сильно спрессованных листьев и веток (буковых?), переходящих в d – тоже листья, наполовину сгнившие и смешанные с землей (слой

с – толщиной в $\frac{1}{4}$ арш.; е – глинистый сланец, очень рыхлый, по крайней мере, снаружи, слои – горизонтально; образчик слоя с я тебе привезу. Насчет твоего плана не пишу, поговорим, когда увидимся.

Твой Ельчанинов

1901/VII/20

Манглис

1901.VII.20

Рухиладзе¹ – Ю.А. Флоренской

Конверт: Коджоры. Дача Зданевича. Ю. Флоренской.
Штемпели: Тифлис. 1901.07.20.

Я также очень удивилась, когда получила от тебя письмо. Я его не ожидала совсем, т.к. легко верю тому, что ко мне относятся сносно, что говорит о себе и Марецкая. Впрочем, ты, конечно, отчасти написала, и большей частью потому, что хотела объяснить мне, почему не пришла ко мне. Я в душе-то считала себя этим обиженной и негодовала на тебя в слабой степени, но думала, что сама подала причину, не зная сама того, и была недовольна собой, думая, что обидела чем-нибудь тебя, а то просто объясняла это случаем, как и было. Ты в сентябре сведешь со мной счеты.

Впрочем, ты написала письмо, как будто и не писавши его, потому что решительно ничего не говоришь о себе. Приписать ли это тому, что ты думаешь, как будто мне неинтересно это, как ты даешь знать тем, что все утверждаешь, что нахально пишешь мне, или тому, что не хочешь. Должно быть и то, и другое. Второе нельзя уничтожить, но первое я опровергаю. Не знаю, получишь ли ты мое письмо. В конце твоего я, кажется, неверно прочитала твой адрес: «Коджоры, дача Зданевича».

Я говорю, конечно, не о том, что ты не говоришь мне о своем сокровенном внутреннем. Не пойми меня в этом смысле. Это я назвала бы с моей стороны преступлением. Ты пишешь много о Марецкой; пожалуйста, спроси у ней, между прочим, получила ли она мою фотографию. Она дала мне свою и будет, может быть, хотя утверждать этого нельзя, сердиться, что не получила моей. Я пошлю ей, если она не получила, теперь, если она захочет.

Я не понимаю, т.е. хотела бы разъяснения одной ее фразы: «Есть тут одна, и очень она мне нравится, и она, как видно, не прочь сойтись поближе, *но* похожа на Рухиладзе». Это не случайность, или то, что курсистка похожа немного на меня, мешает Марецкой любить ее? Зачем ты мне посылаешь адрес Марецкой? Это смешно.

Мне хочется порвать это письмо, но писать третий раз, я одно уже порвала, еще более противно и досадно на себя, чем посылать это, и я это делаю, пусть будет, какое есть.

Рухиладзе

¹ Рухиладзе – одноклассница Ю.А. Флоренской по гимназии.

1901.VII.22

М.М. Асатиани – П.А. Флоренскому

Конверт: Коджоры, дача Зданевича. Его Высокоблагородию Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому, Студенту математику 2-го к. Штемпели: Мукузан. 1901.07.24. <№ 142>

19 22/VII 01

Павлуша!

Получил твое письмо – очень жаль, что тебе неудобно приехать теперь же, так как это обстоятельство равносильно невозможности совершить тебе путешествие в Кахетию:

через несколько дней я должен быть в Тифлисе с тем, чтобы отправиться в Москву. 30-го я буду в Тифлисе, а 1-го августа уже уеду в Москву, так что, вероятно, не увижусь с тобою. Поэтому ты покамест, до получения моего письма (уже из Москвы) не пиши мне. За приглашение очень и очень благодарен: «Если только будет возможно, то я постараюсь непременно воспользоваться им».

Итак, я еду в Москву, но... с незначительными данными. Хотя курсы я до приезда в Тифлис успею пройти до конца и даже, может быть, повторить немного, но все-таки надо было отложить на подготовку гораздо больше времени, т.к. за этот месяц можно было пройти наши предметы только при усиленном труде. Этот усиленный труд продолжался у меня всего 20 дней, после чего я почувствовал сильный упадок сил, энергии и настроения. С горя принялся я за практические занятия по зоологии – достал кое-как необходимые приборы, лягушек и принялся за препаровку. Но это занятие не удовлетворило меня, так как препараты за отсутствием необходимых принадлежностей (жидкостей для наполнения сосудов и выделения нервной системы и др.) вышли крайне неудачными; тут на мою больную голову приехали в нашу деревню знакомые, родственники – кругом все заволновалось: шум, гам, веселье, песни, оргии – меня подхватили и несколько дней держали в своей атмосфере. Таким образом, я потерял около 4 дней и теперь хочу наверстать потерянное время. А ты, вероятно, зарылся в свою нору и всецело поглотился своими науками – спокоен, т.к. не приходится бороться с теми страстями, которые имеют место среди других смертных и которые страшно мешают правильному течению занятий. В этом у тебя страшное преимущество перед другими...

Твой Миша

1901.VII.23

Павел Флоренский

В ЛЕСУ¹

Посмотри как тот вон луч,
вырываясь из-за туч,
камни с лаской охватил
и сейчас их оживил.

Тайный смысл – везде, вокруг;
он повсюду, милый друг².
Символ все, смысл все таит³:
меж собой все говорит.

Посмотри на пятна света.
Ведь с улыбкою привета
нежно-грустной и больной
шлют намек они нам свой.

Все гармонию скрывает,
Всюду свет идей играет, –
И значенье естества –
лишь Шехина⁴ Божества.

Коджоры, 23 июня 1901

- ¹ Стихотворение из сборников «Ступени», раздел «Идеализм», «Сборник II», раздел «Всюду символы» и «Без Бога». Опубликовано В.А. Никитиным: «Литературная Грузия». 1988, № 3. С. 71–72, а также: Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка. Составление, подготовка текстов и комментарий Е.И. Ивановой. Изд. Языки славянской культуры. М., 2004. С. 129. На авторизованной машинописи это стихотворение посвящено А.В. Ельчанинову.
- ² Парафраз из стихотворения В.С. Соловьева 1892 г.: «Милый друг, иль ты не видишь, что все виденное нами...», отрывок из которого приводится в письме к О.П. Флоренской от 1901.11.26.
- ³ В сборнике строка начинается со слов: «Все символ...», в окончательном варианте Павел Флоренский карандашом изменил порядок слов.
- ⁴ Шехина (*древне-еврейск.*) – одно из имен Бога в иудаизме, выражающее идею его присутствия в мире.

1901.VIII.02

Е.И. Ельчанинова¹ – П.А. Флоренскому

Конверт: Коджоры. Его Высокоблагородию Павлу Александровичу Флоренскому. Дача Зданевича. Штемпели: Манглис. 1901.08.02. <№ 144>

Дорогой Павлуша!

Саша написал мне вчера, что узнал от Вас, что Мгебров² душеприказчик Мирзоевых³. Я написала Александру Ивановичу, прошу его, чтобы он, если можно, попросил Мгеброва о назначении Саше стипендии. Будьте так добры, Павлуша,

Титульный лист
альбома рисунков
гимназиста,
а потом и студента
П.А. Флоренского

если письмо мое папу не застанет в Коджорах, послать его папе, буду очень Вам благодарна.

Я совсем потеряла голову, не знаю, как помочь Саше.

Если Вы что-нибудь знаете о стипендиях Мирзоевых, не откажите написать мне, пожалуйста.

Уважающая Вас, Ельчанинова

¹ Письмо от Екатерины Ивановны Ельчаниновой, матери А.В. Ельчанинова.

² Мгебров Иван Яковлевич, армянин, друг с гимназических времен А.И. Флоренского, крестный отец П.А. Флоренского, мировой судья. Позже из-за революционной деятельности сына лишился должности.

³ Мирзоевы и Сапаровы считались одними из самых богатых семей в Тифлисе. Мирзоевы оплачивали обучение молодых людей. В 1901 г. старший Мирзоев скончался, и стипендии, в том числе и А.В. Ельчанинова, оказались под вопросом.

1901.VIII.05

М.М. Асатиани – П.А. Флоренскому

Открытка: Коджоры. Дача Зданевича. Его Высочество Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому. Студенту-математику Московск. университета. Штемпели: Тифлис. 1901.08.06; Коджоры. 1901.08.06. <№ 143>

5 августа
Павлуша!

По непредвиденным обстоятельствам я остался в Тифлисе дней 6. Завтра выезжаю из Тифлиса. Экзамены начнутся у меня 24 августа и кончатся 31 того же месяца, что очень чувствительно отзовется на ход и успешность их. Жди моего письма к 17 августа – адресую в Тифлис.

Твой Миша

1901.VIII.11

М.М. Асатиани – П.А. Флоренскому

Открытка: Г. Тифлис Николаевск. ул. д. № 67. ЕВБ Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому, Студенту-математику. Штемпели: Москва 1901.08.11; Тифлис 1901.08.16. <№ 145>

Павлуша!

Приехал в Москву и поселился на Малой Бронной, д. Гирм, кв. 96. К экзаменам допущен, они у нас будут 24–31 августа.

Жду тебя.

Твой Миша

Рис. П.А. Флоренского.
Подпись к рисунку:
«Скала возле Көрь-Оглы (Коджоры, Тифлисской губернии) в форме головы <...> из “Руслана и Людмилы”. 1901 г. (с натуры). Стоящая (для масштаба) фигура девочки изображает Валю, которая была тогда со мною на Көрь-Оглы»

1901.VIII.28

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие студентов имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.08.30; Москва. 1901.09.03. <№ 148>

Тифлис

28 августа [1901]

Милый мой Павлик.

Сегодня была у нас Альбина Константиновна и сообщила нам, что вы все благополучно доехали до Москвы. Слава Богу! После твоего отъезда мы все были сильно не в духе. Я в особенности досадовала на себя, что не сумела поудобнее устроить тебя и не уговорила поехать во втором классе. А ты так мало умеешь позаботиться о себе.

У нас все идет по-старому, как при тебе. Ремонт дома мы уже кончили, и теперь понемногу приводимся в порядок. Шура уже вернулся из деревни. Теперь мы занимаемся с ним, чтобы хоть немного освежить его знания. Валя уже держала экзамены; но о результатах нам еще ничего неизвестно. Весьма вероятно, что она не будет принята, так как на четыре вакансии было подано, говорят, более тридцати прошений.

Вот и все наши вопросы на это время. Теперь ты пиши нам о себе. Варваре Николаевне кланяйся от нас. Скажи ей, что Альбина Константиновна здорова. Вчера она заходила к нам на короткое время.

Третьего дня уехал Эрн. Мы послали с ним для тебя сушеных фруктов и немного сыру, так как мне совестно было его затруднять. Сдачу от человека Варвары Николаевны я получила. Ее тебе тоже передаст Эрн.

Папа просит тебя выслать для Люси «Экспериментальную психологию» Непгі (Анри)¹. Мы не нашли ее здесь.

До свидания, милый. Будь здоров. Кланяйся Пекокам. Сумел ли ты отвезти им что-нибудь?

Твоя мама

¹ *Анри Виктор*. Этюды по психологии и педагогике. I. Воспитание памяти. М., 1901. Изд. ред. журнала «Вестник воспитания».

Изобретение интегрального исчисления приписывают Лейбницу и относятся к 1686-му году.

1901

... о предельных значениях функции
... предельных значений функции
... на бесконечно-малых промежутках

II курс
3 семестр

Представим себе ряд величин

$$x_0, x_1, x_2, x_3, \dots, x_{n-1}, x_n,$$

сложенных в возрастающем порядке, которую функцию $f(x)$ конечную и непрерывную в промежутке от x_0 до x_n . Составим из этих величин следующую сумму:

$$(x_1 - x_0)f(x_0) + (x_2 - x_1)f(x_1) + (x_3 - x_2)f(x_2) + \dots + (x_n - x_{n-1})f(x_{n-1})$$

разности: $(x_1 - x_0); (x_2 - x_1); \dots; (x_n - x_{n-1})$ положимы, а значения функций $f(x_0), f(x_1), \dots, f(x_{n-1})$ — величины конечны. Обозначим величину этой суммы буквой S , так что

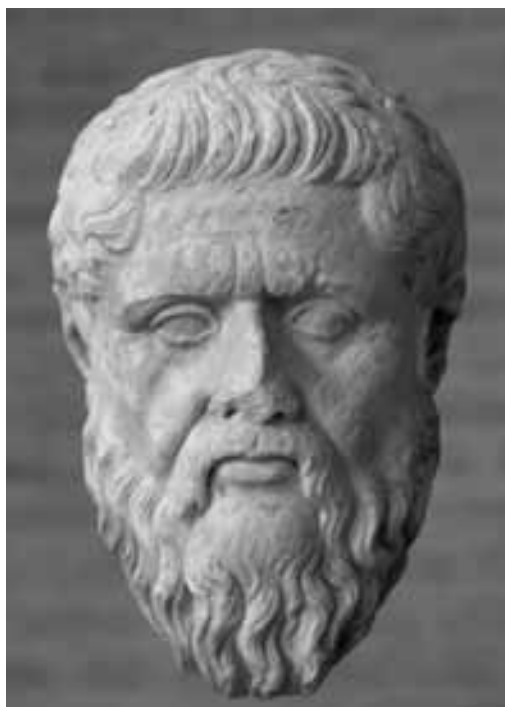
$$S = (x_1 - x_0)f(x_0) + (x_2 - x_1)f(x_1) + \dots + (x_n - x_{n-1})f(x_{n-1}) \dots (1)$$

В этой сумме, с увеличением числа n , (т.е. числа промежуточных точек в ряду: $x_0, x_1, x_2, \dots, x_{n-1}, x_n$) происходят два противоположных явления: абсолютная вели-

МАТЕМАТИКА КАК КЛЮЧ К МИРОВОЗЗРЕНИЮ

В Московском Императорском университете Флоренский выбрал математическое отделение физико-математического факультета. На первый взгляд такой выбор представляется странным. Гимназическая страсть к естествознанию указывала ему дорогу на естественное отделение того же факультета, а увлечение философией – на историко-филологический факультет. Так почему же математика? Точно мы не знаем, но есть одно весьма правдоподобное предположение: на выборе факультета сказалось авторитетное мнение родоначальника европейской философской традиции – Платона. Флоренский писал матери из Москвы 5 октября 1900 года: «...начавшееся в прошлом году увлечение Платоном у меня все усиливается. Я нахожу у него все более и более гениальных мыслей, не проблесков, а именно ясно-выраженных мыслей, только что немного наивным языком, что делает их еще прекраснее. Многие проблемы разрешены, по-моему, исключительно у него, а после того или придерживались его мнений в той или другой форме, или высказывали мнения, с которыми невозможно согласиться». Платон же утверждал, что путь к освоению подлинного философского метода – диалектики – неизбежно проходит через изучение математики. Не случайно в античности сложилось предание, по которому при входе в платоновскую Академию была надпись: «Не знающий геометрии да не входит сюда». Итак, Флоренский, следуя указаниям Платона, решил начать с изучения математики.

Однако с самого начала интерес к Платону переплетался у Флоренского с увлечением идеями Владимира Соловьева, который в последние годы своей жизни работал над проектом современного русского перевода Платона. Первый том «Творений Платона» в его переводе вышел в 1899 году. Вдох-

Платон. Римская копия с греческого оригинала, который был поставлен в Академии после смерти Платона. Глиптотека в Мюнхене, инв. номер 548

новленный Соловьевым студент Флоренский видел свою главную задачу в построении *целостного мировоззрения*. Он с самого начала не собирался ограничивать себя математикой. Познакомившись с расписанием и способом организации занятий в Московском университете, он 3 сентября 1900 года сообщил отцу о своем разочаровании. Набор дисциплин, читавшихся математикам, был слишком узок на его вкус, а на лекции других факультетов нельзя было ходить без предварительной записи и дополнительной оплаты. Качество лекций, как он выяснил немного позже, также оставляло желать лучшего. Однако нескольких сильных и близких ему по духу преподавателей он в Университете все же нашел. Это князь С.Н. Трубецкой и А.М. Лопатин – близкие друзья Владимира Соловьева, которые преподавали на

историко-филологическом факультете, а также Николай Васильевич Бугаев (1837–1903) – глава московских математиков, декан физико-математического факультета и интересный философ-самоучка.

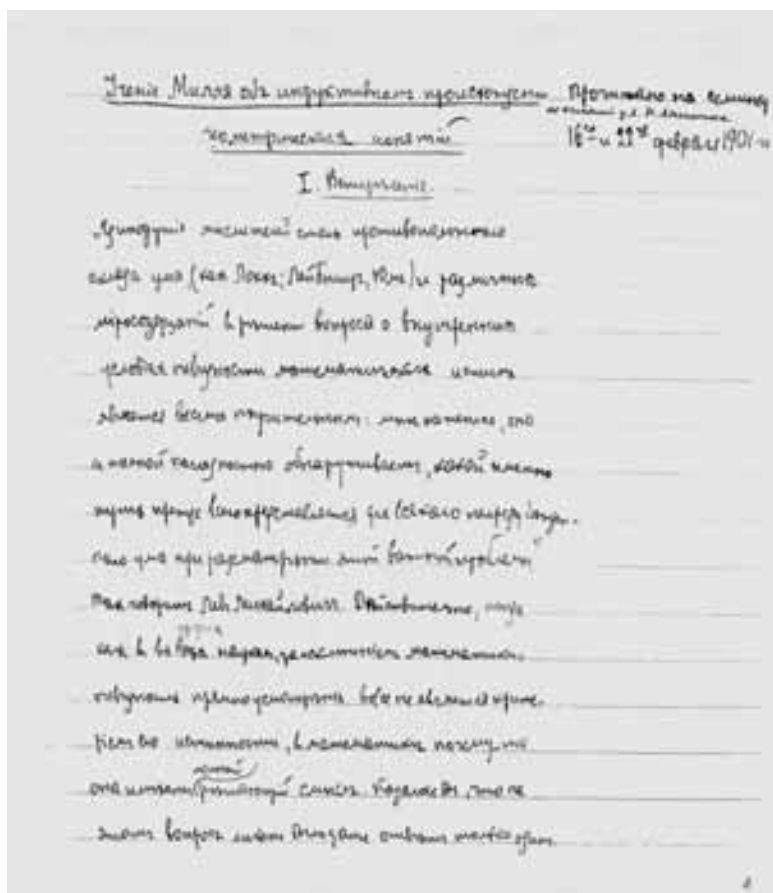
Будучи на первом курсе, Флоренский посещал семинарий по древней философии Сергея Трубецкого, для которого писал рефераты о своем любимом Платоне «“Менон” Платона или взгляды Платона на геометрию» (сентябрь–октябрь, 1900 год), «Время написания диалога “Менон”» (ноябрь, 1900 год) и «Идея блага в Платоновом “Государстве”» (январь, 1901 год), а также семинарий по психологии Льва Лопатина. Для последнего был написан реферат «Учение Милля об индуктивном происхождении геометрических понятий» (январь–февраль, 1901 год). Как видим, темы, которые выбирал Флоренский, связывают математику и философию. У Платона он обсуждал VI–VII книги обширного диалога «Государство», в которых как раз и изложен платоновский взгляд на роль математики в подготовке будущих философов. У Джона Стюарта Милля, одного из крупнейших представителей позитивизма в XIX веке, – те страницы из его главного произведения «Система логики», которые

Образ разделенного отрезка (конец VI книги «Государства» Платона). Из подготовительных материалов к реферату «Идея блага в Платоновом «Государстве»». Отдельный листок, вложенный в тетрадь «Мечты, наброски, опыты. Материалы для работ. Черновые работы. 1900–1901 г.»

посвящены попытке развить последовательно эмпирическое понимание математики, то есть взгляд, диаметрально противоположный платоновскому. Не случайно поэтому реферат о взглядах Милля на математику Флоренский завершал попыткой сформулировать возможные возражения в его адрес.

Большое впечатление на нашего студента произвели лекции Н.В. Бугаева по введению в анализ. «Действительно хороший профессор у нас – это Бугаев, довольно известный своими трудами. Он пересыпает свои лекции остротами, афоризмами, сравнениями, залезает и в психологию, и в

Первая страница
беловой рукописи
реферата
«Учение Милля
об индуктивном
происхождении
геометрических
понятий». 1901 г.

философию, и в этику, но все это делается так уместно, что только дает возможность яснее понимать его объяснения». Так Флоренский писал отцу 17 сентября 1900 года. В то же время он познакомился и с программной статьей Бугаева «Математика и научно-философское мировоззрение», в 1898 году опубликованной в журнале «Вопросы философии и психологии». Его размышления Флоренский воспринял как выражение в слове давно знакомых и близких ему идей. Это была любовь с первого взгляда, как и в случае с Платоном. Флоренский на всю жизнь становится горячим сторонником того, что Бугаев называл *аритмологией*.

Слово «аритмология» происходит от древнегреческого «arithmos» — «число» и означает обычно «теорию чисел». Однако Бугаев вложил в это слово новый и совершенно специ-

фический смысл. Так он называл математику дискретного («прерывного», как говорили тогда), которую пытался развить на основе теории чисел, а также – учение о философском и психологическом значении такой математики.

К XIX веку, полагал Бугаев, применимость математики стала повсеместно отождествляться с использованием математического анализа: интегрального и дифференциального исчислений, дифференциальных уравнений. Но применение такого математического аппарата предполагает принятие *аналитической точки зрения* на изучаемые явления. Это означает убежденность в непрерывности природных явлений и постоянстве управляющих ими законов. Всякое рассматриваемое явление, согласно этому подходу, можно мысленно раздробить на мельчайшие части, а затем вновь собрать из них (это предполагается процедурами дифференцирования и интегрирования соответственно). Последнее же означает, что целое понимается как простая сумма частей. Успехи науки на пути применения аналитического подхода привели к формированию *аналитического мировоззрения*, убежденного, что все явления без исключения могут быть изучены и объяснены таким способом.

Однако в будущем, считал Бугаев, отношение между анализом (математикой непрерывного) и аритмологией (математикой прерывного) изменится на противоположное: если сейчас прерывность воспринимается как нарушение непрерывности, редкое и всегда досадное отклонение от правила, то скоро непрерывность предстанет как предельный случай прерывности, при котором «скачки» становятся бесконечно малыми. Анализ станет восприниматься лишь как первая простейшая ступень развития математики, аритмология же предстанет как «подлинный арсенал математических методов» познания мира.

Сталкиваясь с проявлениями индивидуальности, имея дело с вопросами целесообразности, гармонии, с эстети-

Н.В. Бугаев. Фото
И. Дьяговченко.
Москва. 1876–1877 гг.
ГМП

ческими и этическими задачами, мы вступаем в область, где непрерывность отсутствует и аналитический подход демонстрирует свою ограниченность. Аналитическому мирозерцанию Бугаев противопоставлял *мирозозерцание аритмологическое*, которое дает математические основания для признания реальности добра и зла, красоты, справедливости и свободы, которое поддерживает «самые дорогие, самые возвышенные интересы человека».

Аритмологическая точка зрения, однако, не отменяет аналитическую, но *дополняет* ее, указывает ее законные границы. Непрерывность и прерывность – два понятия, несводимые друг к другу, но между ними «должны устанавливаться не противоречие, а гармония». Также, на взгляд Бугаева, взаимно дополняют друг друга универсальное и индивидуальное, абстрактное и конкретное, общественное и личное, интеллектуальное и

Первая страница статьи Н.В. Бугаева «Математика и научно-философское мирозерцание» в «Вопросах философии и психологии» за 1898 г.

художественное, причинность и целесообразность, необходимость и случайность, анализ и синтез, самоутверждение и самоотрицание. Эти понятия, говорил Бугаев, образуют *антиномию*, в ней «кроется тот жизненный пульс, которым проникнуто все, что мыслит, страдает и любит». Бугаев был убежден в способности подлинного научно-философского мирозозерцания привести антиномии человеческого познания к единству и гармонии.

Конечно, подобные убеждения Бугаева далеко не достаточно были подтверждены имевшимся в его распоряжении формально-математическим аппаратом, однако он верил, что в дальнейшем математика будет интенсивно развиваться в указанном им направлении и в будущем предоставит достаточное основание для заявленных им философских обобщений.

В мысли Флоренского Платон, Соловьев и Бугаев дополняли и поддерживали друг друга. Теперь он был убежден, что целостное мировоззрение может быть выстроено *только*

на математической основе. «То, чего я хотел со 2-го класса от математики, – с воодушевлением писал он матери 5 октября 1900 года, – я теперь начинаю мало-помалу получать, и вполне уверен, что получу больше, чем ожидаю и надеюсь. Математика для меня – это ключ к мировоззрению, такому мировоззрению, для которого нет ничего настолько неважного, чем не надо было бы заниматься, нет ничего не стоящего в связи с другим. При математическом мировоззрении нет надобности намеренно или бессознательно игнорировать целые области явлений, урезывать и достраивать действительное. Натурфилософия соединяется в одно целое с этикой и эстетикой. Религия получает совершенно особенный смысл и находит соответственное место в целом, место, которого она была лишена раньше, почему ей и приходилось строить себе отдельное, изолированное помещение».

Круг интересов Флоренского, которому тогда нет еще двадцати, был на удивление широк и пестр: математика, физика, философия, религия, психология, искусство и т.д. Однако все это было подчинено единой цели – построению мировоззрения. На первый взгляд может показаться, что он разбрасывался, но это не так – он упорно собирал строительный материал для будущей грандиозной постройки. В письме сестре Люсе от 30 сентября 1900 года он так говорил о своих занятиях: «...интересны не сами предметы по себе, <но> то целое, частями чего они являются. Взятые в отдельности они сухи, скучны. Можно сказать, они засыхают, будучи отрезанными от общего ствола. Но при рассмотрении их в целом получается совсем иное. И вовсе нет надобности разом заниматься этим всем: надо только видеть то, что они связаны с другими, с целым и как связаны».

Мировоззрение, к обретению которого стремился всеми силами Флоренский, мыслилось им как *всеохватное, единственное* и, тем самым, – *абсолютное*. Он был убежден: если учесть все требования, – интеллектуальные, религиозные,

Владимир Сергеевич
Соловьев.
Фото 1890-х гг.

этические, эстетические, – то задача поиска такого мировоззрения будет иметь единственное решение. Почему это так? Да потому, что Истина – одна. Правда, Флоренский не считал, что сможет достичь когда-либо такого состояния знаний, которое позволяет сказать: все, постройка завершена, к ней нельзя более ничего добавить и нет нужды что-либо в ней заменять. Это единственное истинное мировоззрение мыслилось им как *открытое для пополнения* (письмо отцу от 25 октября 1900 года).

Первым оппонентом и критиком Павла Флоренского стал его отец. Так в письме к сыну от 2 октября 1900 года отец предостерегал его от *переоценки* тех мировоззренческих перспектив, которые открывает математика. Он указывал, что «природа и человеческие вопросы гораздо сложнее, чем все математические выводы», и, поэтому, желание сына «концентрировать все вопросы в формулах» неосуществимо. Правда, «математика может дать аналогии для многих выводов», но это – далеко не то же самое.

В университетские годы Флоренскому-младшему представлялось, что все мировоззренческие выводы могут быть с *легкостью* получены из чистой математики. В датированном 1903 годом введении к итоговой работе «Идея прерывности», о которой речь пойдет ниже, он восхищался системой великого немецкого философа и математика Лейбница как «только философским коррелятом его работ по анализу, гениальной транспонировкой самим изобретателем математических данных на философский язык»¹. Мировоззрение представлялось ему как «коррелят» математики (т.е. нечто возможное лишь в соотношении с математикой), достаточно «транспонировки» (т.е. несложной перестановки!), чтобы получить на основании математических теорий философские выводы.

Отец справедливо высказывал сомнения по поводу такого оптимизма. Вряд ли можно признать, что сыну удалось в полной мере реализовать намеченный в приведенных высказываниях план. Что же касается «аналогий для многих выводов», о которых пишет отец сыну в указанном письме, то ими математика и в самом деле снабдила его в изобилии, о чем свидетельствуют тексты Флоренского-младшего на самые разные темы и самых разных лет. Хотя Флоренский, в связи с такими применениями математики, настаивал, что это «не аналогии или сравнения, а указания на сходство по существу, – не что-либо, что можно принимать, но можно и не принимать, в зависимости от вкусов, а нечто, правомер-

ность чего определяется достаточно отдельными послылками; короче – необходимо-мыслимые схемы»², но трудно признать этот переход от математики к мировоззрению, как он представлен в работах Флоренского, легким, само собой разумеющимся, а, главное, не требующим почти ничего, кроме знания чистой математики.

Математизированный мировоззренческий *абсолютизм* сына и его стремление ко всеохватности встречало резкое неприятие со стороны отца, им он противопоставлял мировоззренческий же *релятивизм* и *требование самоограничения*. Спор между отцом и сыном по этому вопросу проходит красной нитью через всю студенческую переписку. Еще в письме от 14 мая 1900 года, то есть до поступления Флоренского в университет, отец говорил о своем желании, чтобы сын «отказался от абсолютных построений, которых нет ни в знании, ни в религии». Здесь же он отчетливо выражал собственную позицию: «...ты не доволен слишком большою дозой относительности, которую я признаю в жизни, но другого я не могу дать. <...> Для абсолютного мы слишком малы, а то, что принимается за абсолютное, – есть самообман». Эту мысль он продолжал развивать и в письме к сыну от 26 июля 1900 года: «Относительность, предельность – вот человеческая участь. Поставить себе границы – это одна из величайших задач для человека, желающего быть в мире практической реальной величиной».

Подводя итоги своей жизни в лагерных письмах, Павел Флоренский цитировал Гете, любовь к которому унаследовал от отца: «умение ограничить себя – залог мастерства», и добавлял: «В себе я боролся всю жизнь с безграничностью и кажется безуспешно, в этом моя слабость»³. Не признал ли сын этими словами хотя бы отчасти правоту отца?

Что же касается интереса к *теме прерывности* в математике и в физике, то здесь отец, о чем свидетельствует все то же письмо от 2 октября 1900 года, всячески поддерживал сына. В воспоминаниях о Павла можно прочесть по этому поводу следующее: «Отец считал, что именно идея прерывности лежит пропастью между мировоззрением его поколения и тем, сказочным, мировоззрением чуда, к которому стремлюсь я. По мнению отца, доказать в явлениях природы прерывность – это и значит разбить позитивизм и провести в жизнь обратное. Он говорил, что эта идея прерывности направлена против того, что защищает он, но что он считает делом величайшей важности сделать попытку обосновать ее и полагает

Георг Кантор.
Собрание Вильгельма
Шталя (Stahl)

мои приемы, отвлеченно-конкретные, наиболее соответствующими потребностям нашего времени»⁴.

Весной 1903 года умер Н.В. Бугаев. Итоговую работу (зачетное сочинение на степень кандидата) Павел Флоренский писал под руководством ученика Н.В. Бугаева – Леонида Кузьмича Лахтина (1853–1927). Тема работы – «Об особенностях плоских кривых, как местах нарушения их непрерывности». Но такая, на первый взгляд достаточно специальная, математическая тема имела для Флоренского общемонологический смысл. Не случайно над этим частным заглавием в рукописи работы было помещено более общее – «Идея прерывности, как элемент мирозерцания». О мировоззренческом смысле *прерывности* (дискретности) в ее противопоставлении *непрерывности*

настойчиво говорил, как мы видели выше, именно Бугаев. Флоренский полагал, вслед за другим своим учителем – Л.М. Лопатиным, что идеи Бугаева весьма перспективны. «До последнего времени, – писал он, – на идеи Бугаева не обращали внимания, но смерть прервала его работу как раз в то время, когда сходные, аналогичные с его идеи стали пробиваться из-под камней в разных закоулках жизни»⁵. На свое весьма объемистое итоговое сочинение Флоренский смотрел как на «перепевы бугаевских тем». «Проследить, как закрадывается в непрерывный доколе образ прерывность одного из его свойств, – пояснял свой замысел Флоренский во вступлении к зачетной работе, – будет ли то число касательных, радиус кривизны или что другое, как затем число таких “особенных” точек кривой возрастает, как они образуют точку накопления, как группа особенностей повышает свой вид, как становится группой второго рода и как, наконец, кривая распадается, разлезается по всей плоскости <...>. Одним словом – я хочу рассмотреть дезинтеграцию кривой, разрушение полной ее непрерывности и тем сделать прерывность более удобно воспринимаемой, более убедительной психологически»⁶.

Однако в приведенных словах Флоренского смысл этого исследования выражен не до конца. Для Флоренского чистая математика призвана дать нам исчерпывающий спектр возможных онтологических форм и структур, а тем самым – описать онтологический «скелет» мира как органического целого. Вот почему именно математика, и только она, может и должна служить «ключом» к целостному мирозерцанию. Причем математическому описанию явлений прерывности здесь принадлежит решающая роль, ведь мир, исчерпывающим образом описываемый математикой непрерывного (математическим анализом), – это мир-механизм, в котором нет места ничему органическому, а тем более – духовному и личностному.

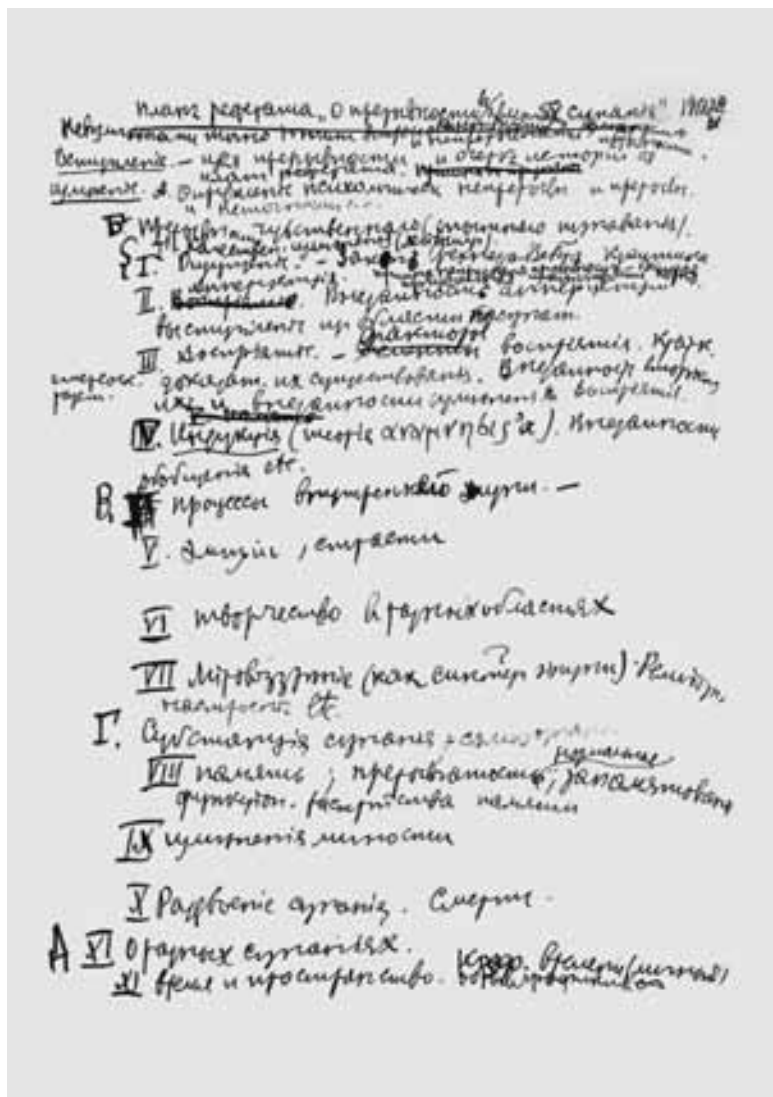
Занявшись аритмологической проблематикой, Флоренский открыл для себя теорию множеств немецкого математика Георга Кантора и основанные на ней работы в области активно развивавшейся в те годы (преимущественно во Франции) теории функций действительного переменного. Идеи Кантора органично соединились для него с идеями Бугаева. Флоренский писал о. Серапиону (Машкину) 5 ноября 1904 года: «...у нас в России этой областью математики никто или почти никто не занимается. В бытность мою в университете, когда я обращался к профессорам с вопросами о Канторе, всегда убеждался, что *horror infiniti* <страх перед бесконечным – В.Ш.> все еще владеет обществом, и потому, хотя никто не может осмелиться объявить работы Кантора неверными, однако почти всякий заявляет, что, мол, “это дело молодое”, что о бесконечности “лучше бы” не говорить и т.д.». «В университетской среде, по крайней мере московской, – вспоминал Флоренский в более поздние годы, – первым заговорил о трансфинитных числах и о множествах я. Эти вопросы были тогда до того чужды решительно всем, что работы Кантора не только не признавали, но и просто не знали. Когда я начал заниматься этими вопросами, то мои занятия казались чудачеством и бесполезною игрою в полубогословские абстракции»⁷. Флоренский делал доклады об идеях Кантора и опубликовал популярную статью о его взглядах⁸. Историки математики полагают, что деятельность Флоренского сыграла определенную роль в формировании Московской школы теории функций действительного переменного, которая заявила о себе на мировом уровне публикациями Дмитрия Федоровича Егорова и Николая Николаевича Лузина в 1911–1912 годах⁹. Впрочем, надо заметить, что самого Флоренского

больше интересовало не столько собственно математическое развитие теории множеств, сколько смысл ее результатов в религиозно-философском контексте.

«Аритмологическая» математика (включающая теорию множеств и теорию функций), убежден Флоренский, незаменима как для описания органического мира, так и для описания сферы сознания, а тем более – духовных явлений. Первоначально работа «Идея прерывности» должна была содержать психологическую часть, к которой Флоренский активно собирал материалы в университетские годы. Как продолжение той же работы он воспринимал и ряд позднейших своих текстов.

История написания Павлом Флоренским зачетного сочинения достаточно полно реконструируется на основании переписки. Работа над ним охватывала период с весны 1902 до весны 1904 года, основная часть написана в 1903 году. Тема работы была выбрана, скорее всего, в феврале – марте 1902 года, хотя, возможно, это произошло и раньше – в осеннем семестре 1901 года. Поскольку тема выглядела очень неопределенной, было не ясно, найдутся ли для нее подходящие материалы. Родителей беспокоила слишком большая широта выбранной сыном темы, они советовали ее сузить. В октябре 1902 года Флоренский писал о своем решении выделить психологическую часть работы в особый реферат. Сохранился план реферата «О прерывности и непрерывности в явлениях сознания», датированный 14 сентября 1902 года. Флоренского интересовало проявление прерывности во всем спектре явлений, относящихся к ведомству психологии: ощущение и восприятие, сознание и мышление, эмоции и творчество, память и личность. Особый интерес вызывал мистический опыт и мистические переживания, религиозные обращения, прерывность в истории и эсхатология.

В ноябре 1902 года он жаловался на Лахтина, который не хотел добавлять новые источники для работы. Отец поддерживал научного руководителя сына в стремлении ограничить широту охватываемых будущей работой материалов. «Твоя гоньба за материалами, – писал он сыну 28 ноября 1902 года, – мне кажется имеет и вредную сторону. Человек – не только потребитель, но и производитель и потому и то и другое должно иметь границы, за которые переходить опасно. В одном случае явится так сказать умственное ожирение, в другом – поверхностность. Ты в настоящее время грозишь

План реферата «О прерывности в явлениях сознания». 1902 г. Из подготовительных рукописных материалов к работе «Идея прерывности, как элемент мирозерцания»

себе потонуть в материалах и убить в себе творчество. Оригинальных мыслителей среди библиоманов очень мало, а зерно великих идей и мыслей заключалось часто в мечтаниях весьма наивных людей, не знавших даже грамоты». Замечания отца попадали «не в бровь, а в глаз». Флоренский-сын действительно был склонен проявлять повышенный интерес к исторической стороне всякого вопроса, раскапывать полную его историю, разыскивать редкие и всеми забытые источники, составлять необозримые списки литературы и

коллекционировать выписки по интересующим его вопросам. Значительный корпус таких материалов, который так и остался необработанным, был собран им и в связи с работой над зачетным сочинением «Идея прерывности как элемент мирозерцания». Но так было не только с итоговой работой по математике, но и со всеми остальными областями, которые его интересовали в позднейшие годы. Это придавало порой его работам, например окончательному варианту знаменитого «Столпа и утверждения Истины» (1914), излишне тяжеловесный вид и вызывало подозрения в неоригинальном, компилятивном их характере, и даже обвинения в плагиате. В определенном смысле опасения отца оправдались.

На Рождество 1902 года Флоренский планировал приступить к написанию текста. В письме к матери от 16 – 17 декабря 1902 года он писал о своей работе: «Она похожа на дракона: чем более я суживаю тему, тем более нарастает мелких подробностей и тем более грозит разрастись она; впрочем я пока еще не приступал к писанию, но на Рождестве 1 или 2 главы думаю написать. Мне кажется, что когда несколько глав будет написано, дело дальше пойдет быстро: только начать трудно решиться. Хочется сделать добросовестно, а не давать суррогат занятий». Отца радовало такое развитие событий: «Тема твоя очевидно с одной стороны (идейности) сильно тает, а с собственно математической – непрерывно растет. Это, по-моему, очень хорошо, так как, насколько я понимаю задачу зачетной темы, это только доказательство знакомства с курсом в узком значении этого слова и первоначальная постановка тобою этой задачи скорее годилась бы как философская тема, чем как узко-математическая. Уметь себя самоограничить – великая вещь для будущего» (письмо от 24 декабря 1902 года).

В феврале 1903 года Павел Флоренский сообщал матери как продвигается работа: он нашел очень интересный материал и продумал работу, «так что кое-что прочесть еще и написать не составит большого труда, но зато придется повозиться с чертежами, т.к. я набрал массу различных красивых кривых в виде образцов» (письмо от 4 февраля 1903 года). Далее, 8 марта, он сообщал матери, что летом 1903 года планирует писать работу, в том числе и психологическую ее часть, в виде серии статей. В этом письме опять подчеркивалась необходимость «понаделать уйму чертежей» со следующим пояснением: «...дело впрочем мне милое, т.к. люблю изящные геометрические картинки и тут хочу порадовать об

эстетике». Итоги летней работы Флоренский подводил в письме сестре Люсе от 7 сентября 1903 года: «Теперь я написал, наконец, значительную часть своего зачетного сочинения, точнее, переписал из нескольких учебников; надо докончить его и переписать начисто, а на это, наверно, пойдет не менее двух месяцев писарской работы. Проклинаю день и час, когда я не сообразил, как оно будет увесисто (в буквальном смысле) и взялся писать его». Летом 1903 года было написано и введение к работе¹⁰.

В этом введении Флоренский ставил вопрос об отличительной черте мировоззрения XIX века и отвечал: это *идея непрерывности*. Именно эта идея, полагал он вслед за Бугаевым, проводится с различной отчетливостью и чистотой, но по всем отраслям знания: «эта цементирующая идея непрерывности соединила все материалы в один исполинский монолит». Введенная в общественное сознание Лейбницем, через успехи математического анализа, идея непрерывности и привычка все рассматривать через ее призму «разлилась широко, хотя часто весьма мелко, в обществе и притом по двум различным руслам». Первое русло – группа наук физико-механических, второе – науки биологические и другие области естествознания. От биологии и геологии влияние этой идеи перешло к языкознанию, истории, психологии и социологии. В итоге идея непрерывности «овладела всеми дисциплинами от богословия до механики, и, казалось, что протестовать против ее захватов значило впасть в ересь».

Именно от математики, как невольной виновницы такого положения дел, следовало ожидать и критики идеи непрерывности. Такая критика, полагал Флоренский, была осуществлена в 80-х годах XIX века Георгом Кантором, который «возвел идею непрерывности на степень понятия непрерывности». Непрерывные множества оказались в итоге весьма частным случаем множеств вообще, а следовательно – нет причин рассматривать непрерывность как основной признак бытия. «У нас нет никаких оснований ожидать, чтобы все явления оказались непрерывными, потому что это – крайне невероятно, и наоборот, есть чисто фактические данные, помимо отвлеченных, указывающие на прерывность многих сторон действительности. Указать, в чем они заключаются, – вот задача настоящего сочинения».

Флоренский указывал на развивающуюся на основе теории множеств Кантора теорию прерывных функций. Да-

лее – на ряд примеров роста популярности идеи прерывности за пределами математики: теория кристаллизации в физике, теория мутаций в биологии, изучение сублиминального сознания и творчества в психологии и др. «Да и само общество, – заключал он, – по-видимому, склонно к тем же идеям, или, точнее, к тем же настроениям. Может быть, господствующий индивидуализм, начинающееся преклонение перед личностью <...> и т.п. являются ничем иным, как зарею нового, прерывного мирозерцания, хотя часто и в карикатурно-искаженной форме».

Излагая общий план своего исследования прерывности, Павел Флоренский писал, что собирается разделить работу на две книги. Вторую – посвятить подробному изложению трудов Кантора и систематизированному обзору фактов прерывности в различных областях знания. Первую же, – имеющую подготовительное значение, – прерывному и методам его изучения в геометрии. Он хотел убедить всех, что «даже в последней крепости непрерывного, даже в *непрерывном по преимуществу* – пространстве, <...>, даже в геометрических образах находит себе место прерывность». Очень отвлеченному учению Кантора ему хотелось предпослать «наглядные представления о прерывности». Кроме того, изучив в первой книге всевозможные кривые, он надеялся изучить, тем самым, и графики явлений, о которых должна была идти речь во второй книге. Первая книга планировалась в двух частях: первая – особенности алгебраических кривых и общие методы изучения особенностей; вторая – особенности трансцендентных кривых в виде серии типичных примеров.

Отец остался недоволен этим текстом. Он писал сыну 17 сентября 1903 года по этому поводу: «Твое введение слишком широко затрагивает целый новый мир вопросов и в самом себе, кроме математического содержания книги, затрагивает область всего знания. Поэтому, сохраняя характер этого введения, по-моему, правильнее было бы его специализировать, сузить сообразно узости самой разрабатываемой тобою специальной темы. Развитие твоей темы в дальнейшем мне представляется таким обширным, что твое введение должно скорее быть заключением, а не началом, а тем более не началом такой специальной части, как чисто математическая, которая сама есть только предисловие для будущего. Будет это будущее или нет, во всяком случае обобщать мировоззрение целого века – по-моему слишком рано и неосторожно теперь». Большой объем и обилие иллюстраций также пред-

Кристаллы
(прерывность
в природе). Из
подготовительных
рукописных
материалов
к итоговой работе
«Идея прерывности,
как элемент
мирозерцания»

Кристаллы

Годы спустя нашла формулы, которые выучил давно, как нашла симметричные кривые для пучков света, ардеиловские Колларовские и они особенно выразило (проф. Лебедев), а теперь собираюсь на одно реальное применение таких кривых. —

Согласно учебнику о симметричных распределении кристаллов, частицы в кристаллах "а), радиально Франкфурта", Вильгельм Соханко Мельник и др., утвержда ~~что они принадлежат к~~ координатам ~~и имеют~~ ряд на равномерных равноточности несколько, мы получим в исследовании их плотности, температуры частицы кристалла. Сохраняются частицы в возникновения плотности обнаружили каждые элементы кристалла, характеризуются функциями вычисления, они по близости кристалла линейно форму можно высчитать из данных элементов и источники получают интерес симметричные зрения могут напр. несимметричные и кристаллах гораздо хрусталь, предназначены Колларовские указательных неравности и применя, на горизонт хрусталь кристаллизируются и выделяются анализ.

В разрезе

плотности, выражены высчитаны по формуле, можно кристаллизируются несколько симметричные высчитаны одна другую и обнаружили ряд элементов на горизонт хрусталь каждые использованы.

В разрезе

Может самое тем хорошо видно на кристаллах сахара — ледяных и т.д.

или формулы Колларовские №54,

19.03 теорема. (Обобщенная теорема Кантора).

Если при n -размерном континууме вырезать отрезковую группу k -размерного континуума, то

$$0 \leq k \leq n-1,$$

то оставшийся континуум будет состоять из непрерывной дуги и аналогичных кривых, непрерывно соединенных между собой континуумами.

Итак, если n -размерный континуум C_n , отрезав группу $(k$ -размерный) континуумов k -размерности A_k и оставив $n-k$ размерный сам-континуум S_{n-k} , то

$$C_n = A_k + S_{n-k} \quad (1) \quad 0 \leq k \leq n-1$$

или, символически

$$C_n = [A_k + S_{n-k}]_k \equiv [A + S]_k$$

Если $k=0$, то A_0 есть n -размерная группа отрезков между, то группа k равна 0. Кантор. Доказано ее имеет $\text{dim}(k) = k+1$.

Итак, пусть мы докажем для k . Тогда мы можем утверждать. Пусть континуум C_n и некоторую n -ую координату x_n . Каждому элементу x соответствующим континууму C_{n-1} , элементу группы x_n , так что $C_{n-1}(x_n)$. для группы, так как x_n ~~элемент~~ элемент, т.е. каждому x_n соответствующим свой C_{n-1} . Следовательно, можно разложить

ставлялись отцу неоправданными, не раскрывающими, а скорее затемняющими основную тему и мысль работы.

В ноябре 1903 года Павел Флоренский сетовал на нехватку времени, в результате чего «работа продвигается вперед чрезвычайно медленно» (письмо к матери от 3 ноября). К началу января 1904 года он понял, что не успеет переписать работу к нужному сроку, и начал подумывать о том, чтобы отложить выпускные экзамены и остаться в Университете еще на год для завершения итоговой работы. Родители были обеспокоены такими планами и старались отговорить его: время было беспокойное. К облегчению родителей, сын отказался от этих мыслей: Лахтин уговорил Флоренского подать первую часть первой книги работы как зачетное сочинение и держать экзамены. В середине февраля 1904 года Флоренский сдал эту часть работы, посвященную алгебраическим кривым, на проверку Лахтину. В письме к матери от 26 марта он сообщал: «Лахтин начал просматривать, наконец, мое сочинение и советует впоследствии не оставлять его, но у меня в голове сейчас такой ворох всякой всячины, что если и исполнить из предполагаемого часть, то это займет всю жизнь». О дальнейшем развитии событий мы узнаем из письма от 16 апреля: «Лахтин первую половину моего сочинения прочел и “содержание оного одобрил”. Он все поговаривает о том, что то и то надо будет видоизменить, когда я буду печатать сочинение, но, понятное дело, такой глупости я вовек не сделаю. И без того книжный рынок завален книгами, которые не читает никто, кроме автора, наборщиков и корректоров».

В архиве семьи Флоренских сохранилась переплетенная рукопись этой итоговой работы. Она открывается рассмотренным выше введением, содержит около 400 страниц и множество тщательно выполненных чертежей. Рукой Лахтина на ней проставлена высшая оценка «весьма удовлетворительно» и дата 31 марта 1904 года.

Публиковать работу Флоренский не хотел. Однако к октябрю 1904 года отец уговорил сына печатать работу, «сократив детали и количество поясняющих чертежей», и тот согласился. Работа однако так и не была не только опубликована, но и приведена в окончательный вид. Вторая часть первой книги (об особенностях трансцендентных кривых) так и осталась в виде набросков к ряду глав и большого количества подготовительных материалов, которые продолжали пополняться даже в 20-е годы. Вторая книга вообще не была написана. Помешали новые заботы, связанные с учебой в Московской

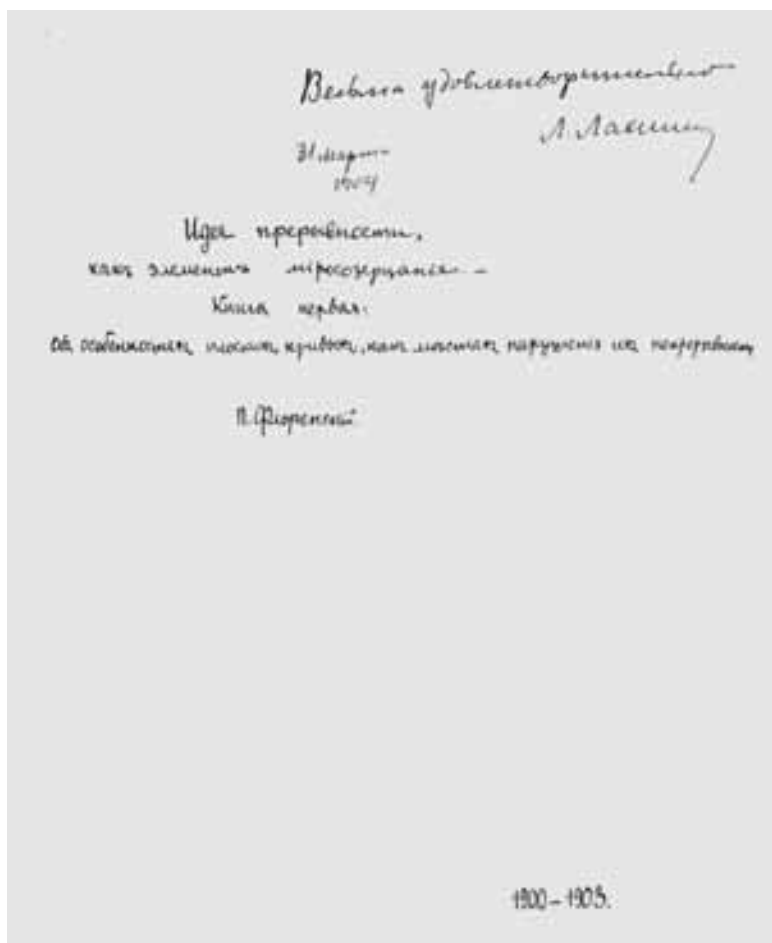
Обобщение теоремы Кантора. 1903 г. Из подготовительных рукописных материалов к итоговой работе «Идея прерывности, как элемент мирозерцания»

Духовной академии, и события первой русской революции. Однако интерес к теме прерывности Флоренский сохранил на всю жизнь и неоднократно к ней обращался впоследствии. В декабре 1916 года Павел Флоренский сделал на рукописи своего кандидатского сочинения посвящение: «Памяти моего отца, столь просившего об издании этой работы».

Параллельно с основной работой о прерывности Павел Флоренский создал ряд более мелких математических текстов. Большинство из них относится ко второй половине 1902 – началу 1903 года, что довольно естественно, ведь на первых двух курсах Университета он только начинал изучать математику, а позднее – был вплотную занят написанием итоговой работы.

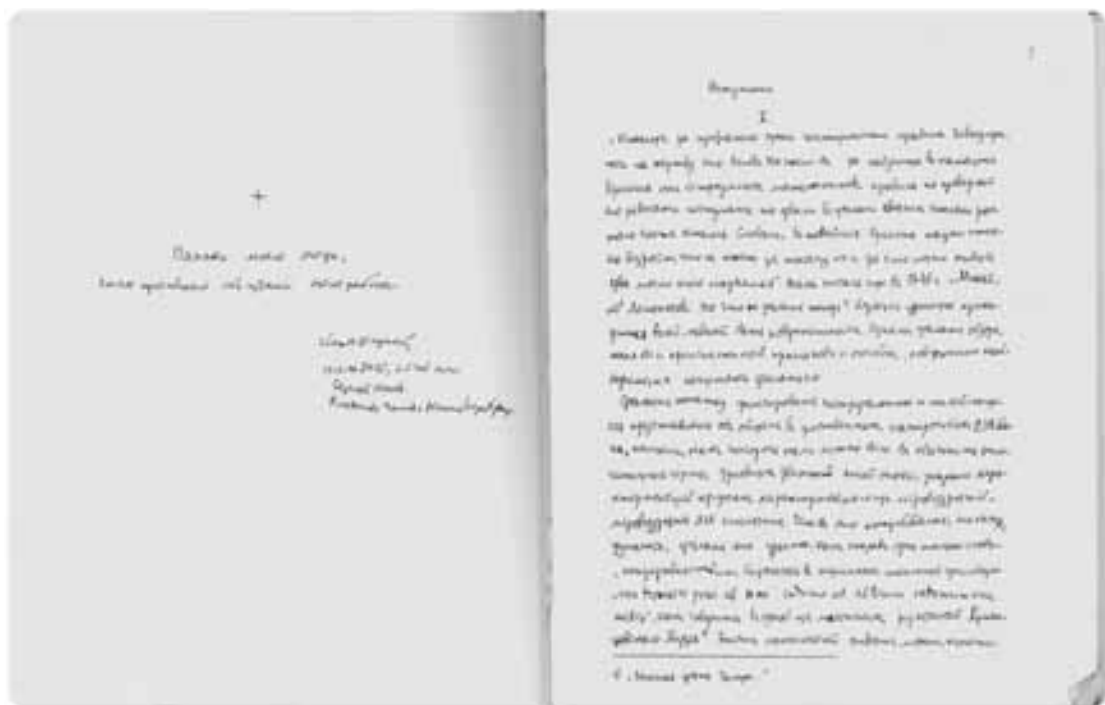
Августом 1902 года датирована рукопись «О расширении области конкретных образов аналитической геометрии на плоскости (Новая интерпретация мнимых величин)», она упоминается в письмах к отцу от 11 ноября 1902 года и к родителям от 17 декабря 1902 года. Этот текст, лишь несколько отредактированный, составил позднее параграфы 2-6 книги «Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии. (Опыт нового истолкования мнимостей). М.: Поморье, 1922». В издании «Мнимостей» 1922 года о нем сказано: «Основная часть настоящей работы написана в бытность мою студентом, в августе 1902 года, и тогда же сообщена проф. А.К. Лахтину и некоторым товарищам, помнится Н.Н. Лузину...». Главная цель «Новой интерпретации» – «дать конкретно-воззрительное содержание» таким объектам аналитической геометрии, как «мнимая точка», «мнимая прямая» или «мнимый эллипс», которые обычно вводятся «чисто формально». Работа содержит новый способ геометрического представления комплексных чисел с помощью «двусторонней плоскости». Этот способ использовался Флоренским и в чертежах итоговой работы.

В переписке не раз упоминается реферат «К вопросу о функциях, постоянных внутри данного контура» (письма к отцу от 11 и 18 ноября и к матери от 24 ноября и 9 декабря 1902 года). Его текст датирован 23 ноября 1902 года¹¹, рисунок к нему – 24 ноября, а дата прочтения – 26 ноября, «на 1-ом собрании возобновленных заседаний неочередных (студенческих) Математического Московского Общества». В письме к матери от 9 декабря 1902 года Флоренский рассказывал о том, как прошло это первое заседание. Его реферат посвя-

щен развитию аритмологической («бугаевской») темы – рассмотрению особого вида прерывных функций – *рестрикторов*¹². Сейчас такие функции называют характеристическими функциями интервалов вещественной прямой. Они, как пишет Флоренский, «равны нулю в известных пределах <т.е. на некотором интервале числовой оси – $V. III.$ > и единице вне этих пределов, или наоборот, равных единице в данном промежутке и нулю – вне его». С помощью рестрикторов Флоренский получал «уравнение части плоскости, ограниченной любым криволинейным или прямолинейным контуром», т. е. «плоского лоскута» (в терминологии Н.В. Бугаева). Соответствующая функция двух переменных и есть «функция, постоянная внутри данного контура». При этом, соответствующие аналитические выкладки были интересны Флорен-

Заглавная страница с проставленной рукой Л.К. Лахтина оценкой «Весьма удовлетворительно» 31 марта 1904 г. Рукопись первой части первой книги итоговой работы «Идея прерывности, как элемент мироздания»

Первая страница вступления с посвящением памяти отца – А.И. Флоренского 24–25 ноября 1916 г. Рукопись первой части первой книги итоговой работы «Идея прерывности, как элемент мирозерцания»

Первая страница рукописи «Новая интерпретация мнимых величин». 1902 г.

скому не сами по себе, а поскольку они позволяют подойти к обобщению понятия функции, «к более богатой по содержанию и объему идее функции». С точки зрения этого, более общего понятия, приравняв нулю функциональное выражение от двух переменных, мы получаем уравнение не линии на плоскости, а «лоскута», и в линию он стягивается лишь в частном, специальном случае. Новая идея функции, говорил Флоренский, «так сказать посвободнее старой». Во вступлении к реферату он намекал на то, в чем принципиальная важность «решения затрагиваемых вопросов для склада всего мировоззрения». Эта важность – в выявлении тех формальных условий, которым должна удовлетворять действительность, как она дана нашему сознанию, чтобы мы имели возможность представлять себя активно действующим, «способным своею силою направлять до известной степени поток явлений». Что же это за условия? «Ясно, – продолжал Флоренский, – что действительность должна давать место нашему действию, должна определяться им и, следовательно, без нашего воздействия должна была бы оставаться не вполне определенной, если не всегда, то по крайней мере иногда: иначе наша активность была бы пустым словом. Но в созна-

Москва 1924 г.

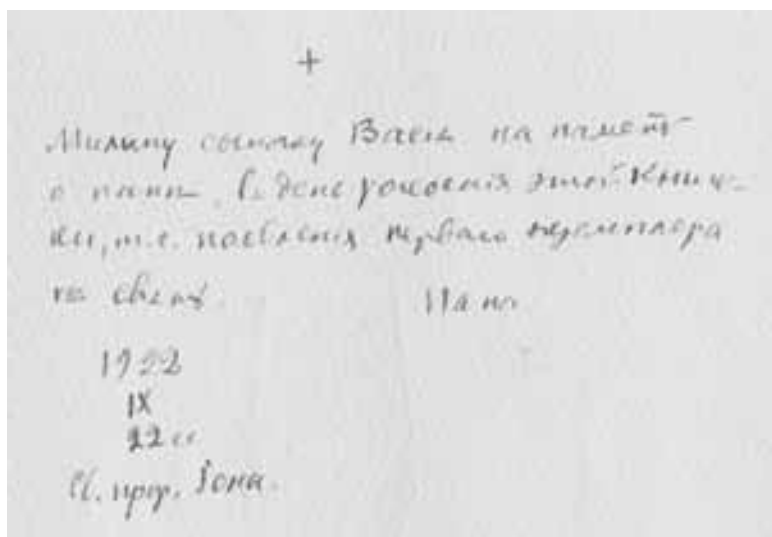
2.

О расширении области конкретности образов
аналитической геометрии на плоскости.
[Новая интерпретация мнимых величин].

Разсуждение П. Флоренского.

В настоящем работе я хоту отчасти покончить исследованием
мнимых величин, не выходя из первоначальной области аналитической
геометрии на плоскости, оставаясь при старом методе
даже определения точки фигуры [или фигуры] координатами и
используя не излитый способ формулировки аналитической геометрии
всего положения. Это в том, что в элементарной геометрии
аналитической геометрии мы имеем и фигуры становятся с
мнимыми образами, но, не будучи в состоянии дать или конкретно
визуализировать Софистику, принуждены прибегать к высшей ступени
обобщения: мерити (попр. мнимая точка и т.п.) Число
формально. Аналитическая геометрия превращается на плоскости
в аналитическую; но будучи сама по себе, некоторая приращение только
анализа, можно из геометрического значения, не мнимых и мнимых
особой важности. Замечу, прибавляю ко всем мнимым величинам
мнимых величин, что в силу прибавления кажется в это
значение и как бы равны. Но фигура определенная образом, круг
буквительно начало фигуры есть пара мнимых величин, первая
точка в действительной точке - центре круга представляется
элементарно парадоксально в первый раз, а потом, как парадокс
мнимых величин кажется мнимой, как и ее совокупность представляется
вспомогательным прибавлением осиротев. Это в во мнимых на аналитической
каких-либо образом соотношений, а по мнимым мнимым и
на основании того, что я знаю о мнимых.

1) см. напр. в лекциях проф. Б. Ж. Моззельского. Аналит. геометрия на плоскости.

Дарственная надпись сыну Василию на книге «Мнимости в геометрии». 22 сентября 1922 г.

нии между явлениями устанавливается функциональная зависимость. Следовательно эта функциональная зависимость должна быть такова, чтобы могла в иных случаях становиться неопределенною и допускать дальнейшие определения *со стороны*. Если график функции – «плоский лоскут», то значению одной переменной соответствует бесконечно много значений другой. Здесь нет однозначности, хотя функционально выраженная закономерность – есть, а, значит, удастся сочетать математически выраженную закономерность и свободу. Такой ход мысли восходит к Н.В. Бугаеву. По тематике реферат примыкает к итоговой работе и должен был войти во вторую часть первой книги.

Еще об одной математической работе этого времени Флоренский писал Эрну 13 января 1903 года: «Сейчас я сижу за математической работой – черчением фигур одним почерком, не снимая пера, и составляю ряд теорем. Это и позволяет отдохнуть и важно во многих отношениях; а особенно приятно сидеть часами и выдумывать замысловатые узоры в виде примеров. Быть может, об этом прочту сообщение». Речь идет о работе «Заметки по теории сетей (Опыт изучения главы из геометрии положения)», написанной в декабре 1902 – январе 1903 года, рукопись которой содержит большое число тщательно выполненных рисунков и чертежей. Реферат, упоминаемый в письмах к матери от 9 и 17 декабря 1902 года, – скорее всего эта же работа. О нем же говорится в дальнейших письмах: к сестре Люсе от

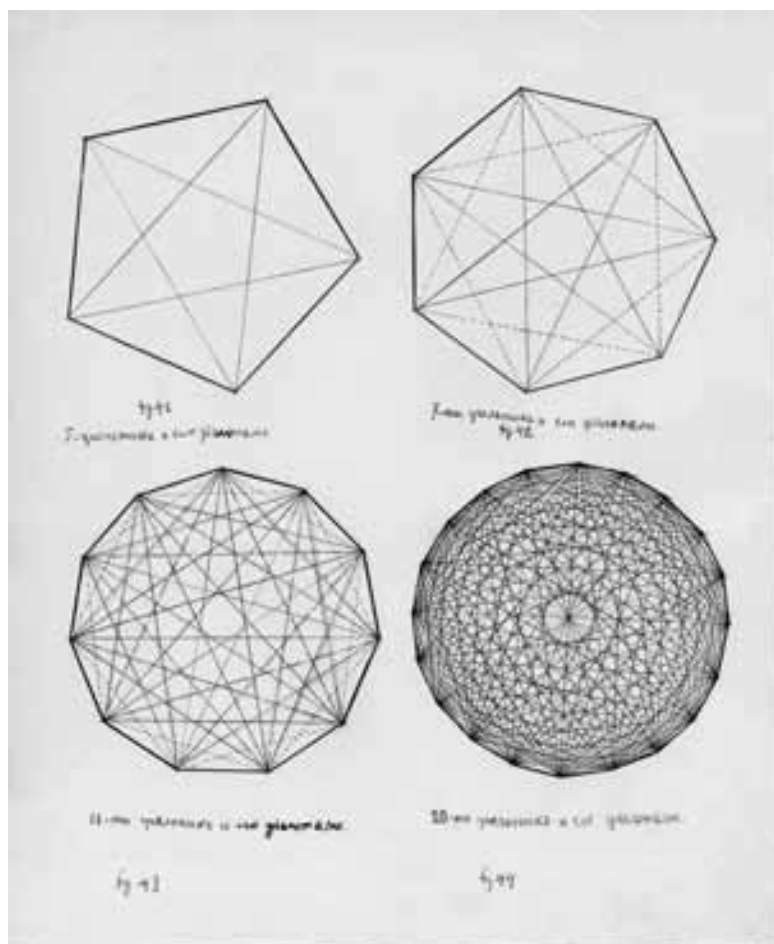
Обложка книги
П.А. Флоренского
«Мнимости в
геометрии». 1922 г.
Гравюра работы
В.А. Фаворского

первой половины января 1903 года; к матери от 21 января, с указанием, что собирается читать его в одном из заседаний студенческого математического общества, а также о том, что показывал этот реферат Н.Е. Жуковскому, который «нашел его интересным»; к матери от 31 января: «висит на мне писание реферата для следующего собрания и приготовление диапозитивов для волшебного фонаря к нему, так как у меня имеются такие путаные чертежи, что сразу их и не сделаешь, скорее не чертежи, а узоры различных видов и даже изящ-

ные»; к сестре от 17 февраля, где сказано, что «собрание прошло довольно удачно, хотя по случаю масляницы было мало студентов». В «Записной тетради (1904–1905)» в перечне «обдуманнные и полуобдуманнные статьи и сочинения, имеющие быть написанными в возможно скором времени» двадцатый пункт гласит: «*Несколько теорем о сетях*» – готово – лежит у П.В. Преображенского для печати¹³. Эта работа так и не была опубликована. Кроме того, Флоренский, видимо, планировал продолжить ее. В том же перечне есть пункт тридцать девятый: «2-ая статья о сетях. Теоремы о сродстве *сетей*»¹⁴.

Работа о сетях выросла из рассмотрения математических забав, собранных в книге Э. Люка (Lucas) «Математические развлечения» (французский оригинал второго издания – Paris, 1891; русский перевод – СПб., 1883). Подзаголовок работы «Опыт изучения главы из геометрии положения» показывает, что Флоренский относил рассмотрение сетей к *Analysis situs*, т.е. топологии. Что такое «сети», которым была посвящена работа Флоренского? Определение гласит: «Всякую конфигурацию прямых или кривых линий вместе с точками их пересечения мы будем называть сетью, а иногда решеткой или фигурой». Сети могут быть ограниченными и неограниченными, ограниченные – однообластными или многообластными, однообластные – одноштриховыми или многштриховыми. Одноштриховые фигуры вычерчиваются непрерывным движением пера. Примеры сетей – лабиринты и многоугольники с диагоналями. Частный случай задачи о сетях – знаменитая задача Эйлера о Кенигсбергских мостах (можно ли обойти все мосты города Кенигсберга, расположенного на реке Прегель, так, чтобы на каждом мосту побывать ровно один раз), или, по аналогии рассмотренная Флоренским, задача о Московских мостах. Является ли многоугольник с диагоналями одноштриховой фигурой? Теорема 8 рукописи отвечает: Если он нечетно-угольник, то – одноштриховая, если – $2n$ -угольник, то – n -штриховая. Последняя, тринадцатая, теорема рукописи о сетях связывает сети с теорией сравнений, устанавливая мостик от топологии к теории чисел. Идея ее очень простая: m -угольник иллюстрирует теорию сравнений по модулю m . Для Флоренского дорога мысль об уяснении с помощью геометрических образов «внутренней структуры числа». Работа о сетях находилась на стыке его интересов к аритмологии и к геометрии (топологии), предвосхищая ряд позднейших работ, посвященных этой тематике¹⁵.

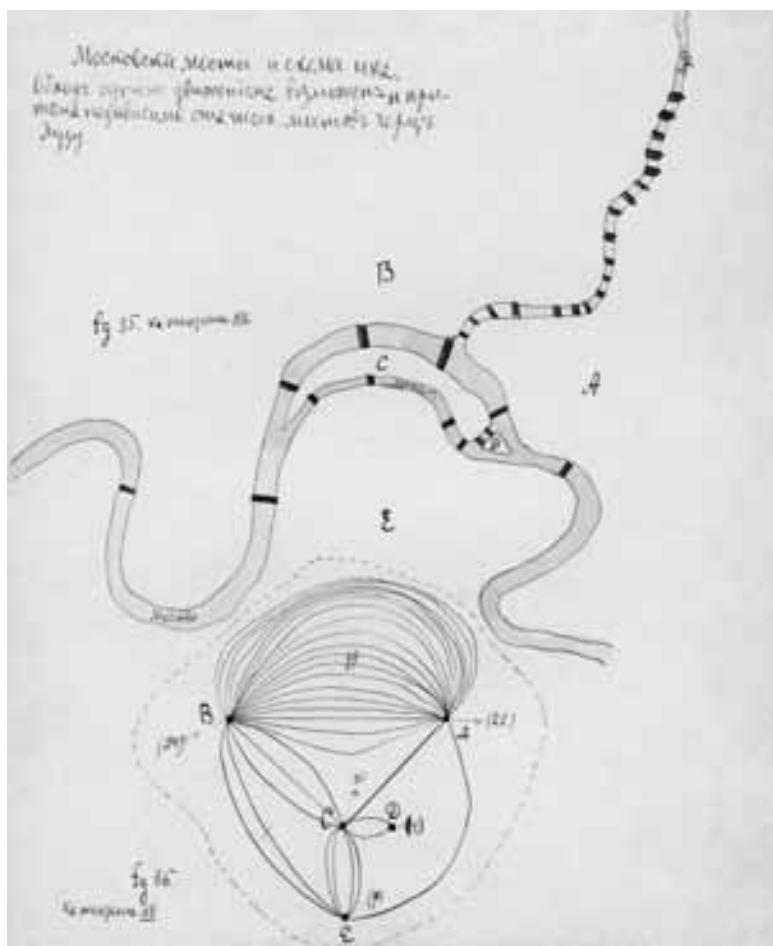
Первая страница рукописи «К вопросу о функциях, постоянных внутри данного контура». 1902 г.

Правильные
многоугольники.
Страница рукописи
«Заметки по теории
сетей». 1903 г.

Нетрудно заметить, что математические работы Флоренского университетских лет объединяет стремление к максимальному расширению понятия функции, с одной стороны, и разработка средств наглядного представления этих функций – с другой. И то и другое вновь явственно указывает на мировоззренческий подтекст его интереса к математике.

Занятия математикой для Павла Флоренского не были просто эпизодом его юности: они сопровождали его на всем жизненном пути, вплоть до сталинских лагерей¹⁶. Любовь к математике и твердая убежденность в глубинной связи ее с жизнью во всех многообразных проявлениях последней – одна из важнейших констант во взглядах и предпочтениях Флоренского. «Математика – писал он дочери Ольге с Дальнего Востока 12 ноября 1933 года, – должна быть в уме не гру-

Московские мосты.
Страница рукописи
«Заметки по теории
сетей». 1903 г.

зом, извне внесенным, а привычкою мысли: надо научиться видеть геометрические соотношения во всей действительности и усматривать формулы во всех явлениях»¹⁷. Сам он в высокой степени обладал этой способностью и заповедовал не только своим детям, но и всем нам, развивать ее в себе. Математика на всю жизнь осталась для него ключом к истинному мировоззрению.

Примечания

- ¹ Введение к диссертации «Идея прерывности как элемент мироздания» // Историко-математические исследования. М., 1986. Вып. 30. С. 160.
- ² См.: О типах возрастания (1906) // Соч. в 4-х т. М., 1994. Т. 1. С. 284.

- ³ Письмо жене и детям от 4 – 5 июля 1936 г. // Соч. в 4-х т. М., 1998. Т. 4. С. 501.
- ⁴ «Детям моим». М., 1992. С. 156–157.
- ⁵ Об одной предпосылке мировоззрения Флоренский П.А. // Соч. в 4-х т. М., 1994. Т. 1. С. 78.
- ⁶ Введение к диссертации «Идея прерывности как элемент мирозерцания» // Историко-математические исследования. Вып. 30. М., 1986. С.165–166.
- ⁷ Запись на книге И.И. Жегалкина «Трансфинитные числа» (1907) от 8 фев. 1920 г. Цит. по: Переписка Н.Н. Лузина с П.А. Флоренским // Историко-математические исследования. Вып. 31. М., 1989. С. 143.
- ⁸ О символах бесконечности (Очерк идей Г. Кантора) // Соч. в 4-х т. М., 1994. Т. 1. С. 79–128. Впервые опубликована: Новый путь. 1904. № 9. С. 173–235.
- ⁹ См.: Демидов С.С. Из ранней истории Московской школы теории функций // Историко-математические исследования. Вып. 30. М., 1986. С.124–130.
- ¹⁰ Оно опубликовано: Введение к диссертации «Идея прерывности как элемент мирозерцания» // Историко-математические исследования. Вып. 30. М., 1986. С. 159–177. В переработанном виде это введение было представлено как статья в символистском журнале «Весь» (№ 9 за 1904 г.). См.: Об одной предпосылке мировоззрения // Соч. в 4-х т. М., 1994.
- ¹¹ Первоначальный вариант этой работы (под другим названием) датирован 28 августа 1902 г. (Тифлис). На титульном листе пометка: «Главн<ые> результаты получены 6 апреля 1902 г. вечером (Москва)». Ниже цитируется окончательный текст реферата.
- ¹² См. также: Лузин Н.Н. <О рестрикторах> // Историко-математические исследования. Вып. 30. М., 1986. С. 177–181.
- ¹³ П. Флоренский и символисты. М., 2004. С. 336. Преображенский П.В. – физик, приват-доцент Московского университета.
- ¹⁴ Там же. С. 338. Указания на текст о сетях есть в нескольких перечнях работ, которые Флоренский составлял в позднейшие годы. См.: Приблизительный проспект собрания сочинений (1919) // Соч. в 4-х т. М., 1994. Т. 1. С. 701; список рукописных работ (1922) // Историко-математические исследования. Вып. 31. М., 1989. С. 190.
- ¹⁵ О роли сетей в творчестве Флоренского см.: Шапошников В.А. Категория числа в конкретной метафизике Павла Флоренского // Число: Сб. статей. М., 2009. С. 354–364.
- ¹⁶ См.: Шапошников В.А. Математическая апологетика о Павла Флоренского // На пути к синтетическому единству европейской культуры. Философско-богословское наследие П.А. Флоренского и современность / Под ред. В. Поруса. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2006. С. 164–180; Шапошников В.А. «Плотскость мысли» (К философии математики о Павла Флоренского) // Историко-математические исследования. Вторая серия. Вып. 14 (49). М., 2011. С. 242–265.
- ¹⁷ Соч. в 4-х т. М., 1998. Т. 4. С. 39.

ПЕРЕПИСКА.

1901 г. Сентябрь – декабрь

1901.IX.02

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Открытка: Тифлис. Николаевская, 67. Е.В.Б. О. П. г-же Флоренской. Штемпели: Москва. 1901.09.03; Тифлис. 1901.09.08.

Дорогая мамочка!

Вчера сюда приехал Эрн и привез ваши посылки и деньги.

Напрасно только ты снова прислала мне денег. После всех покупок у меня осталось более 55 р., из которых еще надо будет истратить немного. Семенниковы наняли себе квартиру и, кажется, сегодня переселяются туда.

Завтра или послезавтра начнутся лекции и притом сразу регулярно, чего в другие года не случается. Напиши мне, у вас ли Лиза тетя?

Я понемножку начал заниматься и устроился в своей комнате. – Сегодня пришел товарищ, и, чтобы занять его, мы пошли в зоологический сад кататься на лодке на Пресненском пруду, где я учился грести. Пусть Шура напишет мне о том, что делается у них в гимназии и как чувствует он себя в новой обстановке. Я так и уехал, не увидавшись с ним. Если вы будете снимать Андрейку, то пришлите мне его. Целую вас всех. Что делает папа?

Москва 19 2/IX 01

Твой П.

1901.IX.04

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Большая Грузинская. Общежитие императора Николая II-го. П. Флоренскому. Штемпели: С. Петербург. 1901.09.05; Москва. 1901.09.06. <№ 149>

*Зоологический сад.
Пруд с лодочной
станцией. Фото
1900-х гг. Архив
музея Московского
зоопарка*

Дорогой Павлуша! Особенно много сейчас написать не могу, т. к. у меня завтра и 7-го экзамен; 7-го же я отправлюсь по всем петербургским букинистам и поищу, что ты просишь; денег, конечно, присылать не надо, т.к. я и так твой должник; насчет твоего предложения (я сначала отвечаю по пунктам), могу сказать, что покамест нахожусь в очень хорошем положении: обедаю на общественный счет в студ<енческой> столовой и жду стипендии; мой перевод в Москву задал мне неразрешимую дилемму: экзамены у нас вообще кончаются в половине сентября, тогда же разбирается вопрос о стипендиях: пока я переведусь в Москву, пока мои документы будут получены там, вопрос о стипендии будет уже решен во всем университете, тем более что прошение надо подавать не позже мая (по уставу), а не могу же я, состоя пока студентом Пет<ербургского> ун<иверситета>, подавать прошение в Московск<ий> ун<иверситет>. Если бы я к Рождеству получил чистую стипендию, я бы постарался перевестись к вам; может быть, можно было устроить перевод и теперь, но мешает моя инертность, при всем моем сильном желании быть с вами.

Мне кажется, что для меня и желать большего нельзя, как быть с тобой, я часто думаю, как много бы я тогда узнал,

сделал бы сам, как работал бы (ты знаешь, что ты действуешь вдохновляющим образом), но я все-таки сижу на месте и вряд ли сдвинусь; на всякий случай попроси Эрн от меня, чтобы он или сам, или через тебя сообщил, что они прошли в прошлом году и что будут проходить в этом (вкратце, конечно), ведь у нас программа совсем разная. Теперь у нас экзамены, но я делаю очень мало, больше хожу из угла в угол или по Малому проспекту; скажи, что делать против лени, принимать ли электр<ические> дүши или молиться Богу? В себе я *почти* не нахожу сил, впрочем с твоей точки зрения дүши, конечно, дело дьявола, что-то вроде мошенничества.

Недавно я перечитывал твои письма, они мне стали значительно понятнее после наших летних разговоров. – Володя уже в Париже, скучает; Маня держит экзамены хорошо; сюда приехал Вахтанг¹ – спит. Прости, что ничего интересного написать не могу – экзамены взяли последние остатки; кстати, если интересно, они у меня идут хорошо.

Кланяйся Эрну и Коле.

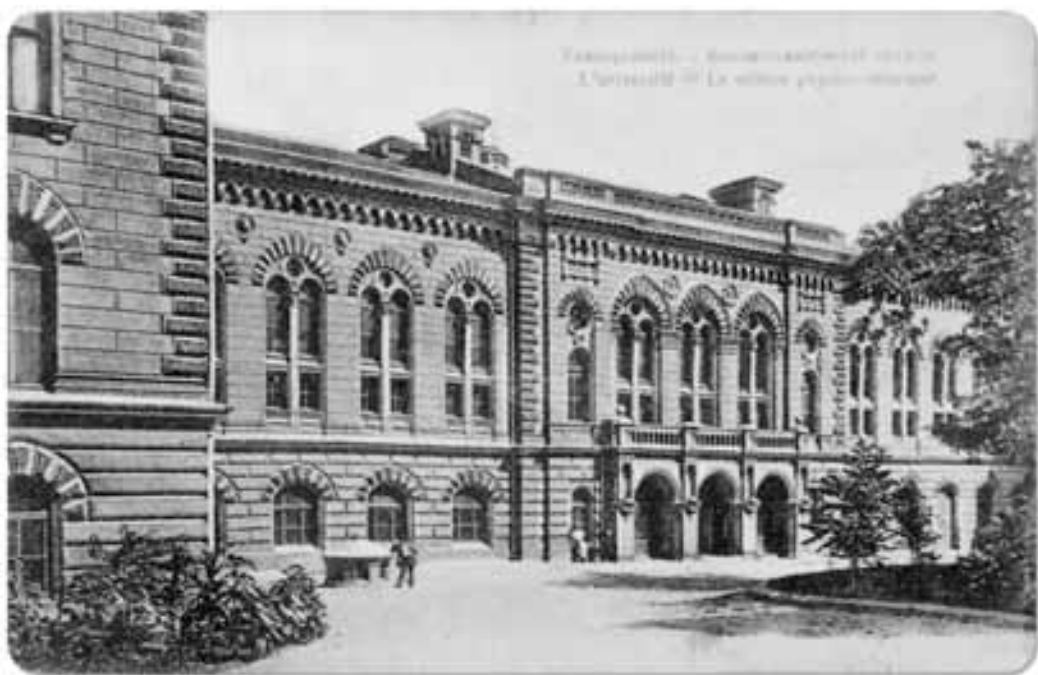
Твой А. Ельчанинов.

СПб 1901.IX.4.

¹ Володя Худадов и Вахтанг Кипиани – одноклассники Флоренского и Ельчанинова по гимназии. Маня (Мария) – сестра В. Худадова.

Париж. Французская почтовая карточка 1910-х гг.

Московский
Императорский
университет. Корпус
физико-химического
отдела. Почтовая
карточка 1910-х гг.

1901.IX.06

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Конверт: Тифлис. О. П. Е.В.Б. г-же Флоренской. Николаевская, 67. Штемпели: Москва. <вырвано с маркой>; Тифлис. 1901.09.12.

Дорогая мамочка!

У нас занятия уже начались, и приходится заниматься довольно много, т.к. литографированных лекций по некоторым предметам нет, и приходится записывать их самому, чтобы потом переписать дома. Я получил на днях твое письмо и очень ему обрадовался. Папино поручение исполнено: книгу Люсе я поручил книжному магазину Карбасникова¹ выслать вам, так что, думаю, скоро Люся ее получит.

Напрасно, моя дорогая, ты беспокоишься обо мне: ты ведь знаешь, что, когда нужно, то я умею действовать и что со мною ничего случиться не может. Я приехал довольно хорошо и спал все ночи, хотя не попал в спальный вагон. Но от Ростова я ехал один, т.к. Коля пересел во 2-ой класс. Теперь они все устраиваются на своей квартире, на которую уже переселились.

Из профессоров у нас пока читал только один новый – Лахтин², и его лекции мне нравятся и кажутся интересными. Он читает приложения дифференциального исчисления к геометрии. Его привлекательная сторона – это то, что он постоянно делает отступления, сообщая многое такое, что редко где встретишь. Затем мне очень нравится, что он, доказав что-нибудь со всею строгостью, затем показывает это самое, делает до осязательности наглядным и удобопредставимым целым рядом аналогий, метафорических выражений и почти поэтическими сравнениями.

Затем сам я занимаюсь, пока главным образом физикой, именно теорией звуковых ощущений и музыки (Гельмгольца³).

Мне бы хотелось записаться на обязательные практические занятия в физической лаборатории, но там помещение очень маленькое, и я не знаю, найдется ли место. Если да, то я буду работать там, хотя это требует 8 часов в неделю, да еще коллоквиум для работающих в лаборатории отнимут несколько часов (по вечерам).

Из других профессоров большинство остается старых, хотя есть несколько и новых, но они еще не открывали своих курсов. По химии опять читается курс таким приват-доцентом⁴, на которого не стоит ходить, как мне кажется. Уж придется заниматься самому как-нибудь, хотя для занятий по химии это очень вредно.

На других факультетах бывать по-прежнему нельзя; да пока еще и не начались мне интересные лекции. Впрочем я, несмотря на запрещение, стану ходить на некоторые.

Эрн кланяется всем вам, включая сюда и Андрюшку. Целую вас всех, дорогая мамочка. Уже поздно, и пора спать.

Бабушка умерла.

Твой П.

Москва 19 6/IX 01

Л.К. Лахтин.
«Анализ».
Обложка изданного студентами конспекта лекций. 1898–1899. 216 с.
На обороте титульного листа написано: «Литографировать лекции разрешаю. Л. Лахтин».
Далее от руки: «Библиотека Николая Соколова, П.А. Флоренского»

¹ Книжный магазин Карбасникова находился на Б. Никитской улице, недалеко от университета.

- ² Лахтин Леонид Кузьмич (1853–1927) – математик. В 1892–1896 гг. – профессор в Юрьевском университете, а с 1896 г. и до конца жизни – в Московском. Ученик Н.В. Бугаева.
- ³ Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (1821–1894) – немецкий ученый, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук (1868), автор фундаментальных трудов по физике, биофизике, физиологии, психологии. В области физиологической акустики открыл комбинационные тоны, выдвинул резонансную теорию слуха.
- ⁴ Вероятно, это И.А. Каблуков, будущий академик. П.А. Флоренский готовил стеклографированное издание его лекций.

1901.IX.06

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие студентов имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.09.07; Москва. 1901.09.12. <№ 151>

Тифлис

6 августа¹ [1901]

Милый мой Павлик.

Вчера только мы получили твое письмо из Москвы. Оно почему-то шло слишком долго, а мы с папой все думали, что бы могло помешать тебе известить нас о себе. А причина, видно, все-таки была. Мне крайне жаль, что ты попал туда в такую тяжелую минуту². Как тяжело ей бедной мучиться столько и не иметь около себя единственной любимой дочери! – Ты, пожалуйста, все-таки не слишком предавайся этому тяжелому настроению и старайся отвлечься в другую сторону.

Что ты опять устроился по-старому, это мне очень нравится. Покуда, мне кажется, это наилучшая комбинация для тебя. Боюсь только, чтобы ты не истощал себя усиленной ходьбой.

Вчера была у нас Альбина Константиновна. Она совершенно здорова, передай Варваре Николаевне, но о тебе я узнать у нее не могла ничего. Должно быть, ты теперь не особенно часто видишься с ними.

О наших домашних делах ты, видно, очень интересуешься, гораздо больше, чем когда ты с нами. Нового у нас мало. С ремонтом мы совсем окончили и почти совсем устроились.

Папа только вчера уехал по делам службы: до сих пор его все задерживали. Валя сдала экзамены и теперь уже ходит в гимназию. Учиться ей там пока более чем легко. Остальные

*Кавказское застолье.
Почтовая карточка
1910-х гг. Альбом
Т. Герсамия
«Старый Тбилиси».
Тбилиси, 1984.
Рис. 229*

тоже еще не вполне втянулись в занятия. Люся перешла в девятый класс. Она намерена кроме этих обязательных занятий взяться еще и за немецкий язык, что, я думаю, будет ей слишком тяжело.

Вот и все о наших делах. Надеюсь, что ты будешь беречь себя и не слишком обременять занятиями. Приехал ли Эрн? Передай мой поклон Г.Ф. Пекоку и Варваре Николаевне. Дети целуют тебя и постараются скоро написать. Твоя мама

¹ Вероятно, описка, надо – сентябрь.

² Речь идет о тяжелой болезни Александры Владимировны Пекок. Алина, ее дочь, находилась за границей. К моменту написания этого письма Александра Владимировна Пекок уже умерла – о чем пишет Павел в письме от 6 сентября.

1901.IX.06

Е.М. Кутателадзе – Ю.А. Флоренской

Конверт: Заказное. В гор. Тифлис. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне М-ше Флоренской. Николаевская улица, № 67. Дом Инженера Алекс. Иван. Флоренского, от Лизы Кутателадзе. В Джебраил (Джебраильск. уезд) Е.В.Б. Елизавете Михайловне Кутателадзе. Штемпели: Гирюсы. 1901.09.07; Тифлис. 1901.09.11

6 сентября. Гирюсы

Спасибо за память, мой милый и дорогой друг, прошу только об одном, не укоряй меня за долгое молчание – право,

Джигитовка.
Из альбома
«Живописная
Россия». Т.9. Кавказ.
М., 1883. С. 184

так сложились обстоятельства, что я не имела возможности при всем моем желании черкнуть тебе хотя бы две строки, тем более теперь, когда мы переезжаем в соседний Джебраильский уезд, куда перевели моего папу, но утешаюсь тем, что все-таки ближе к Тифлису и к тебе. Я чуть не приехала в августе к маме в Тифлис, думала, по крайней мере, но, к сожалению, помешал перевод наш в Джебраил.

Не могу тебе наверно сказать, рада ли я сама нашему отъезду из Гирюсов: во-первых, полагаю, что я очень мало знаю о Джебраиле, во-вторых, я в последнее время очень свыклась с Гирюсами, а в особенности с здешним обществом, а последнее в данное время очень славное и милое... набралось очень много симпатичных людей, людей «свежих», мало похожих на прежних, которых я тебе раньше описывала довольно несимпатично. Словом, в последнее время состав общества менее разнокалиберное и враждебное, как прежде, что страшно мешало обществу ужиться дружно, да оно отчасти и понятно – разные взгляды, различные понятия и привычки не могут вместе привиться!..

ты, пожалуй, мой друг, будешь противоречить мне и скажешь, что именно люди с различными взглядами скорее могут ужиться, так как один пополняет другого, с этим я вполне согласна с тобою, но это можно сказать насчет двух личностей, а не целой массы, которая благодаря этим противоречиям разделяется на партии. Впрочем пора об этом умолкать, а то надоем тебе. Вчера 5-го папа торжественно справлял мои именины, был большой вечер, на лицо было все общество – Гирюсинская интеллигенция. Провели время очень, очень весело: рассуждали, пели, играли, танцевали. И разошлись только сегодня утром после чая. Словом, я очень, очень довольна своим вечером, конечно, за отсутствием мамы моей я была полновластной хозяйшюшкой... Впрочем все это мелочи, которые вовсе не стоят внимания, чтобы на них останавливаться. Пиши же, моя дорогая, я с удовольствием перечитываю каждую твою страничку. Как приеду в Джебраил, непременно напишу тебе подробное письмо. Что-то там мне предстоит?.. Я теперь понемножку хочу уговаривать папу отпустить меня на Зубоврачебные курсы. Хочу быть дантисткой. Помолись, чтобы это случилось, а я обещаю даром *выдергивать* тебе зубы или *вставлять* (воображаю себе твое разочарование!!!). Нет, Люсик, даю лучшее обещание: если ко мне явится Шенгер, то вырвать ему все зубы... Городенскому – вместе с зубами язык, зато Гехтману озолотить все решительно зубы...

Мы поедem 14-го Сентября. Мой адрес: В Джебраил (Елисавет. губ.). Ее Высок. Елизавете Михайловне Кутателадзе.

Сейчас получила письмо тети Аси, которая опять собирается с Бельским развезжать по Турции... Правда, счастливая? Твоя Лиза.

Пиши. Целую тебя.

Твой верный друг Лиза.

1901.IX.07

В.Ф. Эрн – А.В. Ельчанинову

Конверт: В С.-Петербург. Васильевский О-в. 9 линия, д. 64, кварт. 26. Студенту Александру Викторовичу Ельчанинову. Штемпели: Москва. 1901.09.07; С. Петербург. 1901.09.09

7 сентября 1901 г.

Дорогой Саша! Павлуша мне сказал, что ты просишь меня написать тебе, какие лекции у нас были в прошлом

году, какие в этом. Исполняю это с величайшим удовольствием. В прошлом году у нас читались следующие лекции:

*Звездочкой обозначены те предметы, по которым был экзамен.

по сравнительн<ому> язык<ознанию>	2*
По Богословию	3* лекции
по греческому – «Медея» Эврипид	3*
практич<еские> зан<ятия> (Антология)	
по латинскому – pro Celio Цицерона	3*
практич<еские> занятия (Овидий)	
по старо-церковн<ой> грам<матике>	2*
по новой истории	2

18-ый век – преимущественно история идей и немного (в главных чертах) французская революция

по истории Греции – 2 лекции до Пелопоннесской войны, подробно родовой быт, восстановление первоначальной истории Греции по оставшимся памятникам (законодательство Ликурга, Солона, гомеровский вопрос) и греческая историография.

по истории древней философии * 2 часа

до Аристотеля включительно. Особенно подробно досократовская философия, связь греч<еской> филос<офии> с религиозными представлениями.

по Логике *2 часа

Белкин читал за весь год раз 6 и потому успел только охарактеризовать направления в логике да сделать несколько заметок об индукции и дедукции.

А в этом году будет читаться у нас:

По лат<инскому> языку> – Катул*	*3 часа
По русской др<евней> литерат<уре>*	*2
По психологии – Лопатин	*2
По истории з<ападно>-евр<опейской> литер<атуры> – Веселовский	*2
Виноград<ов> по Средн<ековой> ист<ории>	*2
Греческий оратор*	*3
Лат<инские> упраж<нения>	1
Греч<еские> упражнения	1
Герье: Римская история	*2
Ключевск<ий>: Русская истор<ия>	*4

Лекции еще не начались и потому не могу сказать, как кто читает. Если тебе нужны какие-нибудь справки, то пожалуйста только прикажи – напишу с большим удоволь-

ствии. А если ты сам сюда переведешься, то буду очень и очень рад.

Твой В. Эрн

1901.IX.08

В.Н. Худадов – П.А. Флоренскому

Открытка: Russie, Moscou. Россия. Москва. Павлу Александровичу Флоренскому. Большая Грузинская, общежитие Николая II. Штемпели: Москва. 1901.09.12. <№ 150>

21-8 сентября/1901 г

Сим извещаю своих друзей и знакомых, что вполне благополучно прибыл в Париж 12 – 31 числа/1901 г. после восхитительного и интереснейшего путешествия. Я останавливался в Монте-Карло, в Марселе, в Константинополе, в Трапезунде. Теперь же сижу безвыходно в своей комнате и зубрю всю французский. О Париже пока и представления не имею. Наш квартал очень тихий. Привет мой всем знакомым. Мой адрес: Paris, rue Lutot

Париж. Мэрия.
Французская
почтовая карточка
1900-х гг. Послана
П.А. Флоренскому
В.Н. Худадовым из
Парижа 8 сентября
1901 г.

1901.IX.10

П.А. Флоренский – Ю.А. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая Люся!

Напишу, прежде всего, к тебе просьбу, которую, пожалуйста, исполни: в моем шкафу с приборами находятся коробки с фотографическими *негативами*; если можешь, достань их всех оттуда, затем в другом шкафу или в ящике с тетрадами от стола возьми *альбом с рисунками* и листики из маленького альбома (они, кажется, в портфеле), пачку фотографий (в моих бумагах) и *альбом (синяя тетрадь)* с фотографиями, наклеенными туда. Все это пришли мне, т.к. мне очень нужно, особенно негативы и фотографии тех камней, которые Ельчанинов и я нашли за Тифлисом. Быть может, между прочим, я вам привезу некоторые из них в увеличенном виде.

Ту книгу, которую ты просила, я выслал тебе. Если понадобится еще что-ниб<удь>, напиши без стеснения, и я вышлю, тем более что тут можно дешево иногда купить у букинистов.

Сегодня я ходил на площадь возле Сухаревой башни, той самой, где учился Ломоносов¹. Возле нее каждое воскресенье нечто вроде нашего солдатского базара, т. е. продажа всякой дряни и хлама, начиная от яблок и кончая пыльными и заржавелыми гвоздями и гайками, шум, сутолока. Но там продают много старых книг. Хотя на этот раз я не нашел ничего из книг, но зато сделал интересное приобретение. Купил за 30 к. картину (кажется, апостол Марк или Лука), весьма грязную и запыленную. Теперь я ее вымыл и вычистил, и, по некоторым соображениям, мне кажется, что она принадлежит кисти нашего известного художника Иванова¹. Во всяком случае живопись мне безусловно нравится, а что написана она талантливым и опытным художником, – в этом нет сомнения. Там же я купил две весьма старых, побуревших от времени и уже разлезавшихся гравюр, о ценности которых, впрочем, пока ничего не могу сказать.

Лекций у меня пока было еще немного, но зато прибавились интересные и известные профессора, так что после двух часов слушания бывает очень досадно на звонок, прерывающий чтение. Но на филологическом фак<ультете> лекции еще вовсе не начинались, так что интересного ничего сообщить тебе не могу, равно как и не мог узнать для

Тамары о том, что она просила, т.к. проф<ессора> Герье пока не видно в университете, и, быть может, он еще не приехал.

Целую тебя, дорогая Люся; надо идти в университет и поэтому кончаю. Целую всех.

Твой Павел

Москва. 19 10/IX 01.

Кланяйся от меня Ельчаниновым.

*Вид со Сретенки на
Сухареву башню.
Почтовая карточка
1910-х гг.*

¹ Сухарева башня находилась на Садовом кольце при пересечении его с улицей Сретенкой, являлась Сретенскими воротами Земляного города. Сооружена по инициативе Петра I в 1692–95 гг. близ Стрелецкой слободы полка А.П. Сухарева (отсюда название). В палатах башни помещалась созданная Петром I Школа математических и навигационных наук, позднее переведенная в Петербург. В начале XVIII в. в верхнем ярусе башни была оборудована астрономическая обсерватория, в которой вел наблюдения Я.В. Брюс. Разобрана в 1934 г. На площади перед башней находился вешевой рынок.

² Иванов Александр Андреевич (1806–1858) – русский художник, испытывавший влияние Н.В. Гоголя, членов московского кружка любителей и главы немецких назарейцев Ф. Овербека.

1901.IX.13

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие Студентов имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.09.15; Москва. 1901.09.20. <№ 152>

Тифлис
13 сентября [1901]

Милый Павлик.

Завтра праздник, и я пользуюсь свободным вечером, чтобы написать тебе несколько слов. Я очень рада, что занятия у вас уже начались, так что тебе поневоле некогда будет скучать. Как видно, работы у вас будет немало, а ты, по своему обыкновению, будешь браться за все, к сожалению моему.

У нас уже начались дожди, и зимнее настроение в доме; но пока занятия не обременительны для детей.

Вале, как видно, будет очень легко в этом классе, если только не будет затруднять немецкий язык. Лиля не будет посещать рисовальных классов, так как музыка и язык берут у нее слишком много времени.

Папа уехал вчера в Кахетию и вернется дня через 4-5. В остальном никаких новостей. Скучать все-таки некогда. Я даже на выставку не сумела пойти до сих пор.

Известие о смерти бабушки не было для меня неожиданностью; а все-таки страшно жаль бедную за такой безотрадный конец. Расскажи, как переносит Готлиб Федорович этот тяжелый удар. Имели ли какое-либо известие от Алины?

Видишь ли Семенниковых? Им, по-моему, не следует передавать, но с Альбиной Константиновной случилось неприятное происшествие, а именно: она попала под копыта лошадей. Каким-то чудом она совершенно почти невредима, если не считать легких ушибов, уцелела и теперь даже не лежит.

Если скажешь Варваре Николаевне, она встревожится, а дело уже прошлое. Альбина Константиновна теперь совсем уже бодрa, как говорит Женя, бывшая у нее вчера в гостях. Здорова и весела даже.

Эрну спасибо за память. Кланяйся ему от нас, а сам извини за такое неразборчивое письмо. Все глаза себе перепортишь. Андрика еще не снимали. Целуем тебя все. Твоя мама.

1901.IX.14

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому
Тифлис. Конверт отсутствует.

Пятница 14 сентября 1901 г.

Утро.

Дорогой, Павля!

Тут уже четвертый день идет дождь. Позавчера был сильный ливень, так что по улицам текли реки. Я и Шура, когда пришли из гимназии, были совсем мокры. Лиля пришла позже и потому не промокла. Сегодня праздник и потому я дома. Мама теперь занимается с Госей.

В гимназии я французскому не учусь, а учусь немецкому. Дома все здоровы. Шура приехал 26 августа. Сергей дядя был тут и недавно уехал. Лиза тетя скоро приедет к нам. Мы ждем ее каждый день. Какая погода в Москве? Папа уехал позавчера. Мы были на выставке, сегодня мама опять идет туда.

Дорогой, Павля!

Прощай, целую тебя.

Твоя Валя.

Тифлис. Занятия во Второй Ольгинской Тифлисской женской гимназии. Фото 1910-х гг. Альбом Т. Герсамия «Старый Тбилиси». Тбилиси, 1984. Рис. 171

Квитанция ученицы
2-й Ольгинской
Тифлисской женской
гимназии Ольги
Флоренской за
обучении во 2-м
классе 1901–1902
учебного года

1901.IX.17

Ю.А. Флоренская¹

17 сентября

Скучно до невозможности, а главное надоела мне моя голова, ничего не могу делать. Сегодня удрала из гимназии, не досидела до конца уроков...

Знаешь, сегодня был мой первый дебют в дежурстве; впрочем, не могу похвастаться, что он хорошо сошел, опишу тебе только один час. Марья Ивановна (мы у нее дежурили: Надя, я, Рухиладзе, Светлова, Ельчанинова) просила заняться армянками, т.е. пойти на свободный класс, рассадить их, не позволять шалить, кричать etc. Пер-

вую задачу я исполнила, даже рассадил, но на мою беду армянский священник не пришел, и тут началось главное мученье: одни лезут на окно (3-ий этаж), другие дерутся на кафедре, третьи скачут по скамейкам...

Глотка-то у меня неудовлетворительная, гаркнуть нельзя, а просить не шуметь – все равно, что стену. Помогая мне усмирять друг друга, они взаимно угощали пинками и не обошлось, конечно, без слез. Одна у меня надежда, что не одна я, а то совершенно руки опускаются. После этого часа, я прямо шляпу на голову и удрала.

А все-таки славные есть девчонки, ужасно хорошие мордочки! Главное, такие доверчивые, так мало похожи на гимназисток.

У нас в городе теперь страшное оживление с выставкой, масса народу понаехало, еще больше шуму, гаму.

¹ Адресат неизвестен. Возможно, неотправленное письмо.

1901.IX.19

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая мамочка!

У меня последнее время так мало остается времени, что хотя бы мне и хотелось писать тебе почаще, но никак не

могу. Вот уже сколько дней, как все собираюсь написать тебе, и каждый вечер откладываю на следующий. Не то чтобы много занимался (хотя занятий очень много); просто долго возишься в университете, далеко идти домой, так что вечером оказывается, что весь день прошел, а еще ничего не сделано из того, что надо было сделать. – Я записался на практические занятия по физике и раз уже был в лаборатории. Собственно, работа там скучная и довольно-таки механическая: производство всевозможных измерений, взвешиваний и т.п., но придется заняться и этим, т.к. это необходимо. Попасть туда вообще довольно трудно, т.к. даже между теми, у кого на экзамене 5, бросают жребий; я уж попал случайно, благодаря тому, что имел 5+. У нас есть несколько очень хороших профессоров, но, в общем, в университете мне душно; то, что бы хотелось послушать как следует, приходится выслушивать от какого-нибудь Соколова¹, который читает для меня очень неинтересно, скучно и так, что за целый год я не узнал от него ничего нового. Вот другое дело проф<ессор> Умов; но он, к несчастью, ведет 1 и 3 курсы, а наш Соколов будет терзать нас до самого конца. Прямо потеря времени бывать на его лекциях, а между тем уйти боюсь, т.к. все-таки, хоть и изредка, опыты производятся; а где их увидишь в другом месте? На филологическом фак<ульте> лекций мне интересных, мне кажется, не придется послушать; одни не совпадают с моими свободными часами, а другие нельзя посещать вследствие того, что тамошний субинспектор никого постороннего не пускает.

Варвара Николаевна вам кланяется. Я был недавно у них после университета; они уже устроились на отдельной, небольшой, очень светлой и чистой квартирке. Нюта собирается поступать на курсы, только неизвестно.

Передайте Тамаре, что, как оказалось, вольнослушательниц на курсы проф<ессора> Герье не допускают вообще. Что же касается до поступления на курсы, то едва ли будет это возможно.

Недавно я встретил случайно на конке Нину, и мы немного говорили. К ней я зайти не решаюсь, т.к., во-первых, это страшно далеко, а, во-вторых, я боюсь ее тетушки и вообще в этом доме чувствую себя очень неловко: светскость и

*Московский
Императорский
университет.
Старый ректорский
домик, в котором
помещалась
лаборатория
Н. А. Умова.
Почтовая карточка
1910-х гг.*

аристократизм средней высоты – для меня нет ничего более неприятного.

Что делает папа, и в Тифлисе ли он? Мне бы хотелось написать ему, но никак не могу собраться. Пожалуйста, напиши мне относительно того, где Лиза тетя. Целую тебя, моя милая мамочка. Передай мое извинение Ремсо тете, что еще не собрался написать ей. Целую вас. Прекращаю, т.к. надо бежать на лекции.

Твой П.

Москва 19 19/IX 01

¹ Соколов Алексей Петрович (1854–1928) – физик, профессор, см. прим. 1 к письму П.А. Флоренского к А.И. Флоренскому от 27 сентября 1900 г., с. 165.

1901.IX.19, 21

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: Е.В.Б. Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпелей почтовых нет. <№ 155>

19 сентября [1901]

Дорогой Павля,

получила твое письмо, но насколько могу исполнить твою просьбу – не знаю. Дело в том, что я не нашла того, что тебе нужно. Ты не пишешь, какие негативы выслать; судя по письму, тебе нужны относящиеся или к геологии, или археологии, но я не нашла у тебя в шкафу *ни одного* такого. Может быть, ты отдал их, или куда-нибудь отдельно заложил?

Поищу еще сегодня, если не найду – придется отослать только альбомы. За книгу благодарю и опять попрошу: если попадется у букиниста 5-ый концерт Henzelta¹, то, пожалуйста, купи. У меня есть экземпляр Марии Александровны, но больше держать у себя не могу, тем более что больше не занимаюсь с ней; впрочем совсем бросить заниматься я тоже не хочу, не знаю только к кому обратиться.

У кого занимается сестра Эрна и довольна ли она?

21 сентября

На этой неделе вступила в исполнение своих обязанностей в гимназии – дежурство, и пока очень довольна. Нас пять дежурных, все наша компания: Надя, Женя, я и др. Классная дама тоже давно знакомая – сестра нашей бывшей; класс прекрасный; дети замечательно славные, доверчивые

и, что удивительнее всего, слушают даже, немножко. Классная дама все предупреждает нас, чтоб не распускали их, держали построже; но я совершенно не могу, например, запрещать им шуметь, говорить, и вообще подчинять их дисциплине, и делаю совершенно обратное.

Теперь надо приступить к дневнику для Гехтмана, но я совершенно не знаю, как это делается. Жду первой нахлобучки от Георгия Николаевича.

Как устроились Семенниковы – вообще и Нюта в частности?

Кланяйся им и Эрну.

Пока закончу письмо. Целую тебя.

Тв. Люся

Если вспомнишь, где можно найти негативы, напиши; сегодня я опять везде искала, но не нашла. Альбом высылаю².

Если достанешь в Педагогическом московском обществе при университете «Обращение к родителям (по вопросу изучения душевной жизни детей)» и т.д., то, пожалуйста, вышли 2 экземпляра. Мне не хочется обращаться письменно самой, не знаю, в какой форме. Впрочем, если это тебя затруднит, то не надо. Сейчас у меня есть экземпляр Гехтмана, но переписывать, хоть он и сказал, совершенно нет времени. За целую неделю я не могла даже написать дневника, не говоря об остальных уроках. Если не сумеешь выслать, то, пожалуйста, напиши, чтобы мне не остаться совсем без.

Люся

¹ Гензельт Адольф (Henzelt, Henselt) (1814–1895) – немецкий композитор и пианист.

² Сведения и рисунки из альбома приведены в письмах начала августа 1901 г. из Коджор, с. 378.

1901.IX.19

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Большая Грузинская. Общежитие студентов. П.А. Флоренскому. Штемпели: С.-Петербург. 1901.09.21; Москва. 1901.09.22. <№ 153>

Дорогой Павлуша!

Связного и толкового письма от меня не жди, так как лень и нет настроения; я даже не хотел писать, т.к. очень не люблю делать этого, не находясь под влиянием вдохновения;

Санкт-Петербург.
Университет.
Комната для
объявлений.
Почтовая карточка
1910-х гг. Собрание
Ю.А. Ростовцева

чаще всего такое восторженное состояние является следствием внешних стимулов, но иногда приходит и «само». Только что я перечел книгу Иова¹, которую не раскрывал с прошлой зимы. Что за чудная вещь, какая сила и т.д. Я никак не могу понять ее иначе, как протест против всего Ветхого Завета, какого-то гения, далеко опередившего современников, иначе я не могу понять многочисленные места вроде следующих: «Если я невинен, то Он признает меня виновным» (9, 20) «нет между нами посредника» (9, 33) «Если я виновен – горе мне! Если и прав, то не осмеюсь поднять главы моей», насчет мщения «до седьмого колена» – «пусть воздаст он ему самому, чтобы он знал»... «ибо какая ему забота до дома своего после него?» и много др.

Вместе с тем, какое неподходящее заключение, полное примирение, полная уступка. Прометей превращается в покорного раба; ей богу, если бы я был вполне филологом, я бы всю фабулу отнес бы к «позднейшим наслоениям» и «добавлениям благочестивых писателей» и т. д. – Мережковского² я перечел три раза: по-моему, его аргументация, если она есть, сильно хромает, почему он принимает, что именно России выпадет надолго синтезировать «плоть и дух»? У Достоевского³ доказательством этому служит общая психология русского человека: его всечеловечность, широта, способность примирять даже противоречивые идеи; но у Мережковского об этом нет упоминания совсем. Можно подумать, что он подразумевает, что раз, мол, в России были наиболее сильно

выражены эти две стороны человека, то на долю России же и выпадет примирить их; но, во-первых, этого совершенно логически нельзя вывести, а, во-вторых, по словам самого М<ережковско>го, на западе еще раньше, в XVI ст<олетии> было не менее сильное выражение того же в произведениях Леонардо и Микель-Анджело. Потом у него неясно, признает ли он то, что на западе только – «плоть», и ее крайний выразитель Ницше с его человекобогом-сверхчеловеком (это утверждается на 4-ой стр.) или же верным считает то, что и Западная Европа имеет богочеловеческое начало – как его выразил Леонардо. Тогда существенного различия между нами и Европой нет, а сл<едовательно>, и толковать об особой роли России нечего. Я не говорю, чтобы его общие выводы были ложны – они только сбивчивы и логически неубедительны – в них только хочется верить.

Лекции у нас начинаются на днях; собственно, должны читать уже с 18-го, но профессеры отдыхают. Спасибо Эрну за сообщение.

У нас в этом году в первом полугодии Введенский будет читать и разбирать Платона (2 часа), а в весеннем полугодии – Аристотеля; все это для классиков – но я, конечно, буду слушать; кроме того, у нас он читает логику и психологию. Кроме него интересны некоторые курсы по класс<ическим> языкам – напр<имер>, *Antologia lyrica graeca*⁴, *Silvae Statii*⁵, *Σωφροσύνη Πλάτωνος*⁶, *Ευριπίδης*⁷ и др.

Пока прощай.

Твой АЕ.

Если ты слушал речь Мережковского у вас в Москве, то, пожалуйста, напиши, о чем он читал и как, а главное, что наша публика – неужели «тупа и равнодушна»?

А. Ельчанинов.

С.-Петербург 1901/IX/19

¹ Ельчанинов читает книгу Иова в синодальном переводе. «Книга Иова» – одна из самых ярких и загадочных в Ветхом Завете, о смысле ее спорят, в особенности о причинах примирения Иова с Богом, после того, как Тот «отвечал Иову из бури». Выслушав что говорит Господь, Иов отказывается от своих обличений: «... что буду я отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои» (39, 34). Видимо, разгадка перелома в позиции Иова таится в его заключительных словах: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя. Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (42, 5–6). В европейском Средневековье образ Иова воспринимался как идеал примерной покорности. В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» отклик на книгу Иова содер-

жится в спорах Ивана и Алеши Карамазовых о страдании невинных, в рассказе старца Зосимы.

² Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – писатель и поэт-символист. Имеется в виду работа Д.С. Мережковского «Толстой и Достоевский» (СПб., 1901).

³ Об отношении к Ф.М. Достоевскому в семье Флоренских см. «Детям моим...». С. 68–70.

⁴ Греческая лирическая антология.

⁵ «Сады», или «Леса», – сборник стихотворных импровизаций Папиния Стация.

⁶ Целомудрие Платона.

⁷ Еврипид.

1901.IX.26

О.П. и А.А. Флоренские – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие студентов имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.09.26; Москва 1901.09.30. <№ 154>

Оружейная
мастерская.
Фото 1896–1897 гг.
Альбом Т. Герсамия
«Старый Тбилиси»,
Тбилиси, 1984.
Рис. 46

Тифлис. 26 сентября [1901]

Милый Павлик.

Вчера мы получили твое последнее письмо. Видно, университет не совсем-то удовлетворяет тебя; но этого и нужно было ожидать. Все же для тебя именно это великое благо не заниматься одному только, не быть предоставленным себе, а быть частью какого-нибудь целого. Я думаю, что дальше ты будешь более доволен.

У нас дома все идет довольно хорошо. Теперь дети дома по случаю юбилейных торжеств¹. В городе шум и суматоха, улицы разукрашены, князья грузинские в праздничных бархатных платьях и разубранных лошадях то и дело ездят туда и сюда. В общем, это довольно красиво. Нас же все эти празднества мало касаются. Папа теперь дома. На будущей неделе поедет в Кутаис, но ненадолго.

Из знакомых, кроме Худадовых, как-то не приходится никого видеть. Говорят, дела М-те Ельчаниновой идут очень хорошо, чему я рада.

Почему ты не пишешь больше ничего о Пекоке? Что он подделывает и как чувствует себя? Ты просил Люсю выслать тебе какие-то негативы и альбомы. Последние я высылаю тебе завтра, но негативов мы не нашли.

Напиши, в каком состоянии находятся твои денежные дела? Не нужно ли тебе уже выслать? Кла-няйся от нас Варваре Николаевне, когда увидишь. Дети целуют тебя. Твоя мама.

Ремсо тетя просит передать тебе, что она нисколько не в претензии, что ты ей не пишешь. Все равно письма мы читаем все вместе, а ты можешь себя не затруднять напрасно.

Дорогой Павля, Лиза тетя приедет через 2 недели, потому что в деревне Давид. У меня дела в гимназии идут хорошо. Нас распустили на 3 дня. Приехали из Баку, Кутаиса и других городов ученики школьники, и их распределили по гимназиям. Напиши мне о себе. Шура

¹ 26 сентября 1901 г. – 100-летие присоединения Грузии к России, которое сопровождалось пышными празднествами. Прим. В.А. Никитина.

Грузинские князья и дворяне в саду-ресторане «Фантазия». Фото 1900-х гг. Альбом Т. Герсамия «Старый Тбилиси». Тбилиси, 1984

1901.IX.26

П.А. Флоренский – Ю.А. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая Люся!

Я уже давно жду от тебя письма, но ты чего-то не пишешь. Придется писать наскоро самому, наскоро, т.к. совсем нет времени и могу потратить сейчас на это только 20 м<инут>. Вообще занятий вполне достаточно, так что весь день приходится распределять, хотя часто порядок на-

Александра
Владимировна
Пекок (Ушакова),
сестра мачехи
А.И. Флоренского.
Фото Мебиуса. 1876 г.

Елизавета
Владимировна
Флоренская
(Ушакова), мачеха
А.И. Флоренского.
Фото 1870-х гг.
Москва

рушают разные непредвиденности. Ляжем, напр<имер>, поздно; потом поздно встанем, и все утро (если это праздник) пропало. Мне бы хотелось знать, чем ты занята в этом году, и как идут твои занятия. Мама мне писала, что ты занимаешься немецким. Это ты хорошо придумала заняться им пока еще в гимназии, если только знать французский настолько, что не будет получаться из немецкого + французский каша в голове. Я очень жалею, что не выучился ему в гимназии. Хотя я понемножку читаю по-немецки, но все такие книги, где совсем нет достаточно большого запаса слов, так что на них немецкому никогда не научишься. А для иных у меня не хватило бы времени, т.к. *эти* все равно нужно.

У нас на факультете есть несколько кафедр различных приват-доцентов. Напр. Адольф¹ читает «Общую дидактику», Михайловский «Историю педагогики в XVIII и XIX столетиях». Если тебе интересно, то я узнаю, можно ли достать их лекции, и, если можно, пришлю тебе. Не знаю только, как они читают.

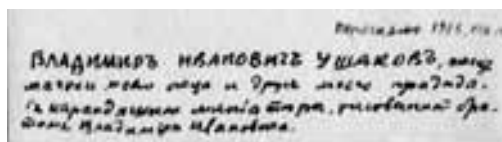
Сегодня решил потратить утро, и пошел в Третьяковскую галерею. Мне бы хотелось, чтобы ты посмотрела ее немножко, т.к. там очень много интересного во всех отношениях. Напиши мне, что вы делаете по математике в гимназии, и есть ли что-нибудь для тебя занимательное?

Ты, конечно, знаешь, что бабушка умерла. Несмотря на все свои многолетние страдания, особенно на последнее лето и месяца 2, когда она почти ничего не ела, ее кончине можно только завидовать. Такое количество бодрости, веры, душевных сил и кротости редко когда встретишь у так тяжело больной. Их горничная, Агрипшина, потом сиделка, прямо молились на нее, хотя хлопот им было более чем достаточно. Ведь им чуть не 2 месяца приходилось не доедать, не досыпать, тем более что все последнее время нужно было непрерывно дежурить. Верный Готлиб Федорович уже и раньше не совсем здоровый, совсем захлопотался, осунулся и похудел, но все-таки не потерял душевной бодрости. Бабушка воспитала ли, или только укрепила в нем религиозность, так что он мне говорил, что как-то чувствует себя даже более близким к православию, чем к протестантству. Тут характерно, как истинная религиозность бабушки нисколько не стесняла верований своего мужа; а она была действительно верующей, не отвлеченно, не рационалистически и рассудочно, а жизненно, но без всякого ханжества.

Целую тебя, дорогая Люся, и всех вас.

Твой Павля

Москва 19 26/IX 01

Владимир Иванович Ушаков. Грифель, копия начала XX века с портрета XIX века. Подпись на фото с копии, сделанная П. А. Флоренским

¹ Адольф Андрей Викентьевич (1857–1905) – филолог и педагог. С 1893 по 1903 г. приват-доцент Московского Императорского университета, где читал курсы по общей дидактике, истории педагогики и методике преподавания древних языков.

1901.X.02

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Е.В.Б. Павлу Александровичу Флоренскому. Общежитие Студентов Императора Николая II, Большая Грузинская. Штемпели: Тифлис. 1901.10.03; Москва. 1901.10.08. <№ 156> <На обороте конверта адрес: Андросовы. Тишинский пер., дом Сумбула, кв. «Детская школа»>.

2 октября

Дорогой Павля!

Ты спрашиваешь, почему я не пишу? Я и сама этого не знаю, так как-то, нет настроения; напишешь страницу и бросишь; так и валяются эти начатые страницы.

Работы у меня не много, да и та такая, что от скуки скоро, кажется, повешусь. *Вся* наша математика этого года ограничивается методикой, да еще зубрежкой и перезубрежкой. Сидим мы над десятичными дробями и т.д. Вдобавок учитель попался невозможный – страшно склочный, вообразил что у него какие-то особенные взгляды, скрипит часами о такой чепухе, что потом приходишь до полного одурения.

Сборник
стихотворений
П.А. Флоренского
«В вечной лазури».
Сергиев Посад, 1907

Пока не забыла, хочу спросить, не узнал ли ты чего-нибудь об Андросовых. Вот кого бы мне хотелось теперь видеть, в особенности Ваню.

Ельчаниновы кланяются тебе. Они устроились по-новому: держат школу и пансион, так что Ек<атерина> Ив<ановна>, да, кажется, и Женя, все время заняты.

Вчера у нас была бабушка Семенникова; живет ничего, но, кажется, очень скучает по своим.

У нас еще одна новость; по случаю сбора на выставку народных учителей, устроены у нас в гимназии субботние чтения по вопросам дидактики, педагогики и т.д. Мысль прекрасная, тем более что и мы, в качестве будущих учительниц, ходим на них; досадно только за выполнение. Чтения и прения происходят в присутствии попечителя, директоров, инспекторов

округа, простых директоров и т.д.; так что ими прения и ограничиваются.

Читают лица ниже критики, по крайней мере, таково содержание прочитанного до сих пор: о наглядных пособиях, о методах преподавания арифметики по Гольденбергу¹, Евтушевскому² и т.д.

Как видишь, темы неинтересные, а, главное, давно уже пережеванные. Правда, раз выступил Гехтман: «экспериментальная психология», но, решив, вероятно, что не стоит метать бисер перед свиньями, отделался самым формальным, чтобы не сказать поверхностным, очерком и признал (чтобы не входить в излишнее празднословие, что так очень любят), признал «среднего ученика» и «переложения душевных способностей» на *цифры!* Это было уж слишком. Впрочем говорить при существующих лакейских отношениях с «его превосходительством» довольно унижительно. Странно только, что Гехт<ман> согласился вначале читать.

Хотим мы начать заниматься немецким языком: Женя, Ланге и я; первый месяц мы пропустили, пока устроится все в гимназии, теперь надо переговорить с ними.

Читать приходится мне мало, а главное, ужасно разбросанно, случайно. Масса времени пропадает даром <нрзб>.

Вчера получила письмо от близкой подруги – Лизы Кутателадзе, с настоящим приглашением приехать к ней в Джебраил. Теперь, конечно, не могу.

Целую тебя, Твоя Люся

¹ Гольденберг Александр Иванович (1837–1902) – математик-методист, один из основоположников методики начальной арифметики, преподаватель математики ряда учебных заведений Москвы и Петербурга.

² Евтушевский Василий Андрианович (1836–1888) – методист-математик, педагог, редактор журнала «Народная школа» (1878–1882), сотрудник многих педагогических журналов.

1901.X.07

Павел Флоренский

ОТРЫВОК ИЗ ГИМНА¹

1-й лик

Чашу хрустальную мира священного
мы раздробили в куски.

Миро пролили мы, нет незабвенного,
им напоили пески.

Голос

Душа к Тебе, мой Бог, стремится,
как жаждет лань потока вод;
и по Тебе мой дух томится,
но забывает средь невзгод.

2-й лик

Чашу прекрасную мира священного
мы раздробили в куски.
Братья, рыдайте! Нет мира нетленного.
Все погубили мы,
миро пролили мы,
им напоили пески.

Москва, 7 октября 1901

¹ Впервые опубликовано в сборнике «В вечной лазури». С. 25. (Сергиев Посад, 1907). В сборнике «Ступени» под заглавием «Из гимнов» включено в раздел «Православие», а в «Сборник II» – в раздел «Без Бога». Автограф имеет заглавие «Из гимнов для мистерий».

1901.X.09

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому
Тифлис. Конверт отсутствует.

Среда 9 октября 1901 г.
После обеда.

Дорогой Павля!

Вчера я получила твое письмо. Дома все здоровы. Погода тут более недели нехорошая. Какая погода в Москве? Отметок у меня семь и все четверки. Я была уже три раза на выставке. Позавчера Лиза тетя прислала нам два ящичка. Один с яблоками, грушами и гранатами, а другой с сухими фруктами. Датико теперь в деревне, он и Лиза тетя на днях приедут к нам. Ты просишь писать о гимназии, но о ней нечего совсем писать. Мы недавно получили «Всходы» «На заре века». Они довольно интересны. В «Роднике» есть интересная очень биография Леонардо-да-Винчи.

Дорогой Павля! прощай, целую тебя.

Твоя Валя

1901.Х.10

Р.П. Тавризова – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. В Общежитие Студентов имени Императора Николая II. ЕВБ. Павлу Александровичу г. Флоренскому. Штемпели: Тифлис 1901.10.11; Москва 1901.10.16.
<№ 157>

1901-го 10 октября

Тифлис

Дорогой Павля,

Твое письмо я получила. Я даже выставку не могу описать тебе, так как была всего два раза, а она такая обширная, что в такой короткий срок нельзя всю ее осмотреть. Погода у нас все время отчаянная – дождь, прямо не переставая, идет – из дому ни шагу я не делаю; – даже Лиза тетя не может выбраться к нам. Она так хотела хорошо осмотреть – интересовалась ею.

Сегодня утром папа вернулся из своей поездки в Кутаисскую губернию.

Сегодня я получила от Сони тети письмо, она пишет, что Амо поступил в гимназию в 1-ый класс и пока учится хорошо. Валя уже не в таком восторге от гимназии, но занимается довольно хорошо.

Ты спрашиваешь относительно немецкого языка – во всяком случае, к твоим ученым словам и знаниям необходимо присоединить мое знание обыкновенных слов, чтобы ты не остался голодным, холодным и не одетым.

Дети все здоровы. – Передай Варваре Николаевне мой привет и скажи что Альбина Константиновна здорова – я к ней заходила, и она была у нас несколько раз.

До свидания, Павля.

Целую тебя.

Твоя РТ

1901.Х.10

Е.М. Кутателадзе – Ю.А. Флоренской

Джебраил. Конверт отсутствует.

1 письмо. Джебраил.

10 Октября

Мой дорогой и милый друг Люся, я пишу под сильным волнением тебе письмо. И такое волнение после твоего пись-

ма – я не могу объяснить тебе причину подобного настроения. Тебе может быть покажется еще смешнее, если я тебе скажу больше, правду: мне хочется плакать, рыдать, и знаю, наверно, была бы ты тут, я бы, наверно, и плакала, но теперь какая-то сила заставляет меня удерживаться. Я один, другой и третий раз перечитала твое письмо и первое что бросилось мне в глаза: это то, что подобно погибающему, хватающемуся за соломинку, хватаешься и за каждую мысль новую, чтобы как-нибудь спасти меня, вернуть меня на путь, который кажется тебе лучше, по которому идешь ты сама и многие твои подружки. Если бы ты знала, как мне страшно стало сразу, вдумываясь и вчитываясь в эти твои смелые для меня строки, которые написаны с такой лихорадочной спешностью и, кажется, но так много, много говорящие мне! Пусть будет это моя фантазия, Люсик, пусть, дорогая, многое лишнее мерещится мне в этих коротких строчках, но я сознаю ясно одну очевидность: *это какое-то сожаление ко мне*. Я никогда не поставлю это тебе в укор – не думай этого, но они, повторяю, волновали и напугали меня, они навели меня на сознание действительности. Я теперь ничто, я живу так же, как обыкновенные «барышни», вполне довольные тем, что у них есть известный комфорт, известное удобство жизни и вполне их удовлетворяет обыденная, глупая, лишенная всякой цели и пользы, кроме эгоистичной, обстановка. Вот так сложилась и моя жизнь, Люся! Каждый день одно и то же, прием гостей, глупые разговоры, визиты, думать о прическе, костюмы... Боже, страшно думать, до чего я дошла?! Добавлю еще, настало *то время*, когда, как и прошлый раз (кот<орый> я тебе писала), должна была выслушать целую <нрзб> непонятных еще мне слов влюбленного. И я *должна была* все это выслушать внимательно, серьезно и, в конце концов, на все это отвечать одно и то же: я молода, я не могу связывать себя такими серьезными обязанностями. Посуди, что я могу больше ответить человеку, который, быть может, искренно полюбил тебя, готов из-за тебя даже трудиться несколько лет, чтобы добиться твоей руки, но которого я не знаю совсем, к которому не питаю того уважения, которое обязана питать жена! А между тем и тут проглядывает горькая истина: ты *должна* все это выслушивать, потому что на тебя смотрят как на девушку, не имеющую определенного занятия, а следовательно, «ей нужно выйти замуж».... Прости, мой дорогой друг, за подобную откровенность, но согласись со мною, что эти мысли слишком реальны, действительны. И вся окружа-

ющая среда привыкла думать так. Если все это чувствовалось раньше мною, но не сознавалось так ясно, то теперь, после твоего выражения о моем решении, я крепко ухватилась за него, действительная, горькая истина ясна и понятна стала для меня! На меня напала какая-то апатия ко всему окружающему – со всеми тут я познакомилась, но ни к кому еще не ходила; сегодня четвертый раз приходит ко мне дочь командира местной бригады, (красавица, о которой я тебе писала, оказалась совсем не такой красивой на самом деле и не такой уж глупой, как мне описывали), она просила идти к ней, но я все отговариваюсь болезнью моей мамы и отказываюсь от ее приглашений... Так что рискую в скором времени получить не особенно симпатичный эпитет от моей веселой панночки Ядвиги (ее так зовут), которая любит каждому давать соответствующее прозвище. Ах, Люсик, приезжай, дорогая, летом ко мне, доставь мне такое громадное удовольствие и счастье!!! Напиши, пожалуйста, адрес Светловой-младшей. Пиши о себе подробнее. Целую тебя крепко.

Твой друг, Лиза.

1901.X.15

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: Е.В.Б. Павлу Александровичу Флоренскому. Большая Грузинская, Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Штемпели: Тифлис 1901.10.16; Москва 1901.10.20. <№ 158>

15 октября

Дорогой Павля!

Сегодня получила программы, высланные тобою, благодарю тебя за них. Давно я тебе собиралась писать с вопросом относительно одного обстоятельства по экспериментальной психологии; но так как он у меня самой как-то смутно бродит, и я его больше чувствую, чем знаю, то решила раньше прочесть Нечаева¹. Женя обещалась дать книгу.

Она кланяется тебе вместе с Екат<ериной> Ив<ановой>. На днях они получили письмо от Саши; Саша кланяется очень! Совершенно не знаю, каким образом это возможно, т.е. что он помнит о моем существовании, потому что я к нему и к Эрну была более чем невнимательна.

Лиза тетя с Давидом приехали вчера; папа тоже, так что дом опять полон.

Эти дни я строчила работу Гехтману – «Дидактические идеи Коменского»². Времени мало, пишу невозможно, хоть и сама знаю это, но исправлять не в силах; и так сумбур в голове. Женя и Маруся Ланге пишут в 2-х других отделениях ту же работу; интересно, как сойдет у них! Следующую работу – биографию Руссо³ я хочу непременно просить себе, не знаю только даст ли Георгий Никол<аевич>. Г<еоргий> Ник<олаевич> в последнее время очень в духе, все время смеемся; даже, кажется, пополнел и порозовел. Говорил на днях, что ты ему не писал ни строчки до сих пор. Не знаю, писала ли я тебе, что Завадский что-то очень полюбил наше отделение, был уже 3 раза у Гехт<мана>; конечно, каждый раз разносил в пух и прах и его, и нас, и систему, и все, что угодно. В первый раз Г<еоргий> Н<иколаевич> был очень огорчен этим и на последующих часах, как говорят, имел вид человека, который не может еще очухаться. Но потом решил, что «начальство для того и создано, чтобы ругать» (его слова). Вообще должна сказать, что чем больше мы с ним живем, тем больше узнаем с лучших сторон, так что даже мое предубеждение начинает исчезать.

За последнее время мне ужасно мало пришлось читать, кажется, даже совершенно ничего. Все время проходит в какой-то беготне. Собираюсь все на выставку; я там была до сих пор только один раз; но теперь опять дежурю, так что раньше пятых не смогу выбраться из гимназии целых 2 недели.

Боюсь, что надоела тебе своей болтовней. Сейчас была у Нади⁴ – она лежит в постели, больна. Получила тоже работу – идеи Локка⁵, но не может писать; придется за нее объясняться. Ну, кончу письмо. Целую тебя

Тв. Люся

Напиши, где ты доставал в Тифлисе «Жизнь И<исуса> Хр<иста>» Ренана⁶? Хочу прочесть и не могу найти.

Лиза тетя кланяется. Ждем письма.

Как живут Семенниковы? Альбина Конст<антиновна> давно не имела от них писем и беспокоилась, присылала даже к нам за известиями. Она здорова – сносно – была у нее позавчера.

¹ Нечаев Александр Петрович (1870–1948) – писатель и педагог, профессор Императорского Александровского лицея по Кафедре истории психологии. Вероятно, речь идет о его книге «Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения» (СПб.: Типогр. И.Н. Скороходова, 1901).

- ² Коменский Ян Амос (1592–1670) – чешский педагог-гуманист, общественный деятель.
- ³ Руссо Жан Жак (1712–1778) – французский писатель, мыслитель, композитор, представитель французского Просвещения.
- ⁴ Надежда Перевозчикова.
- ⁵ Локк Джон (1632–1704) – английский философ-просветитель и политический мыслитель. Разработал эмпирическую теорию познания и идейно-политическую доктрину либерализма. Внес большой вклад в развитие педагогики. Классическим трактатом по педагогике стали «Некоторые мысли о воспитании» (1693), где он исходит из идей о решающем влиянии среды на воспитание, необходимости учета естественных склонностей ребенка, формирования у него здорового тела и духа. Считал, что к обучению следует приступать только после того, как сформирован характер ребенка, притом в семье, где ему должны быть привиты основы морали.
- ⁶ Ренан Жозеф Эрнст (1823–1892) – французский писатель, историк-востоковед. Его работа «Жизнь Иисуса» (1863) была сразу переведена на русский язык, но запрещена церковной цензурой. Издавалась в Германии: 1-е издание, Dresden, V. Wienecke 1864–1865, в 1901 году вышло уже 5-е издание (Berlin, V. Behr – E. Bock).

1901.X.15

Е.М. Кутателадзе – Ю.А. Флоренской

Джебраил. Конверт отсутствует.

15 октября

2-е письмо

Моя дорогая, сейчас я перечла, против обыкновения, свое первое письмо и уже было решила, что не стоило бы его тебе посылать, боюсь, как бы оно не нагнало

на тебя хандру, но потом раздумала, «пусть Люся знает мое истинное настроение», подумала я, да и признаюсь: не всегда человек способен в таком настроении передавать на бумаге свои мысли, и если я тебе пишу большей частью под таким настроением, то это доказывает тебе, как все-таки я горячо тебя люблю, моя дорогая! Знаешь, Люся, какой я странный сон видела позавчера: как будто бы сидит у меня Тося и говорит: «Лизочка, я видела Люсю, она все жалуется на гимназическую жизнь, все чем-то, видимо, не довольна, между тем, как я счастлива, страшно счастлива и боюсь как бы не потерять ее, ведь человек не может так долго быть счастливым!» и она ласкала и обнимала меня, как бывало иногда в Нухе. Я проснулась страшно взволнована чего-то ради, холодный пот выступил у меня, и целый час я, по крайней мере, не могла еще заснуть. Вдруг к утру мне снится Саха-

Дербент.
Крепостные ворота.
Почтовая карточка
1910-х гг.

рова, которая пришла как будто бы ко мне вся разряженная, но очень скучная, и уговаривает меня пойти с ней погулять. Затем как-то вся декорация меняется и ко мне приходит кто-то и сообщает, что Сахарова утопилась в Куре... Словом, меня эти сны страшно заинтересовали, и я как встала, сейчас стала гадать по картам, но задачу не разрешила, так что я в досаде отбросила все прочь... Тося теперь с мужем живет в самом городе Елисаветполе. По ее письмам нельзя судить о ее счастье, посторонние же общие наши знакомые говорят, что они счастливы. – Дай Боже, чтобы это последнее было, хотя как-то не верится этому счастью, Люся, и так часто сердце ноет за Тосю... Я непременно постараюсь навестить их в Елисаветполе. Прости, снова прерываю письмо... сегодня у нас обедает местный богач – *бек* – симпатичный старик, кстати, он мне обещался достать (и, наверно, подарит) хорошую лошадку. Я хотела купить, но он и слышать не хочет – тем лучше для меня – не откажусь от такого подарка!!!

И так тороплюсь, нужно принять более приличный вид. Целую тебя в воображении...

Твой друг верный, преданный и любящий...

Вечером.

Ушел гость...

Я сажусь читать Альфонса Доде – прочитала уже 9 томов его сочинений... Слава Богу тут, по крайней мере, есть библиотека для военных, и я могу пользоваться даром ими, мне обещал Командир здешний. Что делает Надя? Поклон

им всем, а «Надичка гадкая и недобрая», так и покажи ей эти строчки. Лиза. Почему, она догадается.

Сколько бы еще проболтала с тобою, но столько верст разделяет нас.

Привет всем сереньким: Наде, Рухиладзе, Ланге, Ельчаиновой, Ерзенковой, Беясановой – всем.

1901.X.20

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие студентов имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.10.20; Москва. 1901.10.25. <№ 159>

Тифлис

20 октября [1901]

Милый Павлик.

Наконец-то мы получили от тебя давно ожидаемое письмо; я даже собиралась телеграфировать, не зная чему приписать твое молчание. Но, как видно, ты здоров, и слава Богу! Ты все-таки мог бы написать папе несколько подробнее о себе. Ведь таким образом создается отчуждение, о котором и ты пожалеешь в будущем.

У нас все здоровы и все сильно заняты. Люся, видно, увлекается теперь психофизическими работами, а Лиля тоже просиживает теперь целые вечера, готовясь к Лермонтовскому утру.

К нам приехали Лиза тетя и Давид. Последний прожил у нас не более нескольких дней и опять уехал в Баку искать себе занятия, так как он бросил то имение в Дербенте; но трудно у нас прожить таким, как он, не имея вдобавок русского диплома. В настоящее время он сильно удручен, не имея возможности приложить к делу свою энергию и желание трудиться. Мне кажется, что его история может служить хорошим предостережением и для наших детей. Мы должны каждому дать возможность избрать вовремя определенную профессию. Думаю, что наши все и теперь достаточно проникнуты этим. Ты, кажется, даже чересчур. Помни, что жизнь твоя рассчитана не на один год и не изводи себя непосильными занятиями. Ты можешь таким образом истощить в себе всякую творческую способность. Вижу, что ты уже улыбаешься немножко, а потому прекращаю эти знакомые тебе рассуждения.

Ремсо тетя и Лиза тетя кланяются тебе, а дети целуют. Сегодня или во вторник мы сделаем перевод денег на твое имя. На днях я была у Альбины Константиновны. Она здорова совершенно. Варваре Николаевне кланяюсь.

Твоя мама

1901.X.24

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая моя мамочка!

Давно уже не получал от тебя письма, хотя известия из дому все-таки имею, от Люси. У нас очень мало, даже вовсе нет ничего интересного, о чем бы можно было писать. Был 2 раза у Андросовых. Марья Николаевна и Соня учительствуют в городской школе, Соня, кроме того, в воскресной и дает частные уроки. Ваня – в 5 классе: во время этих переездов туда и сюда он потерял год занятий. В общем, как-то с Батума¹ мало все переменилось, по крайней мере, на поверхностный взгляд со стороны. Соня пописывает кое-что, но пока напечатала только один свой рассказ в «Детск<ом> чтении» года 2 тому назад и, хотя готового у нее, как говорила она, есть много, но она собирается в скором времени отдать только 1 рассказ для детей в журнал, уж не знаю какой. Люсе, вероятно, будет интересно прочесть те несколько страниц, кот<орые> напечатала Соня. Он называется «Счастливое время» и под псевдонимом К. Вишнева помещен в «Детском чтении» за 1899 год (декабрь pp. 520–528).

Бываю изредка у Готлиба Феодоровича. Он ждет к себе дочь, и, мне кажется, она теперь приедет, если только успеет выбраться до холодов. Собственно, и ей теперь прямо опасно, как говорил Готлиб Феодорович, двигаться с места, а особенно пускаться в такую тяжелую дорогу.

Я, кажется, писал уже тебе о том физическом обществе, кот<орое> теперь составилось под руководством проф<ессора> Соколова при нашем факультете. Пока, в общем, довольно скучновато для меня, т.к. читают рефераты все уж слишком элементарные и на известные темы. Но все-таки случайно кто-ниб<удь> скажет более интересное. Да и после, вероятно, собрания пойдут с большим успехом.

Семенниковы все время беспокоятся об Альбине Константиновне и хотят просить ее приехать в Москву.

Напиши мне, как чувствуют себя дети в гимназии и не скучно ли Вале? Получил ли папа мое письмо?

Вчера был на заседании физического отделения педагогического общества при нашем Университете. Между прочим, показывали огромную спираль Румкорфа² – недавнее приобретение политехнического музея. Спираль эта дает искры в 95–98 см длины – целая молния. При соединении с лейденскими банками слышится настоящий гром, только такой резкий, что трудно слушать, не зажимая ушей, а блеск искры мгновенно освещает огромную аудиторию и слепит глаза. Кроме того, показывали интересные приборы для усовершенствованного преподавания того или другого отдела физики и т.п.

За последнее время в Петербурге и, кажется, у нас как будто начинаются легкие волнения по поводу какой-то статьи Мещерского³ о курсистках. В Петербурге были 2 сходки, как говорилось в одной прокламации. Из них одна была разрешена Ванновским.

Пишу тебе второпях во время перерыва между лекциями. Целую тебя, моя милая мамочка, и всех вас. Напиши мне, а то я давно ничего от тебя не получаю.

Москва 19 14/X 01 Твой П.

P.S. Скажи Люсе, что те негативы, которые я прошу при-
слать, находятся у меня в стенном шкафу с физическими приборами и, завернутые в бумажки, сложены в коробках от фотографических пластинок.

¹ Раннее детство П.А.Флоренского прошло в Батуме, где жила и семья Андросовых.

² Спираль Румкорфа, или катушка Румкорфа – индукционный аппарат, усовершенствованный немецким ученым Генрихом Румкорфом (1793–1877).

³ Князь Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) – писатель и публицист, издатель газеты-журнала «Гражданин». 11 октября 1901 года он опубликовал редакционную статью «Речи консерватора», в которой с пренебрежением говорил о женском образовании, что вызвало возмущение в кругах общественности. Самый жесткий протест был выражен 28 октября в Петербургском университете на сходке, принявшей резолюцию, осуждающую князя Мещерского и содержащую резкие выпады в отношении его морального облика.

1901.X.26

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Е.В.Б. Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому. Большая Грузинская, Общежитие студентов Императора Николая II. Штемпели: Тифлис. 1901.10.27; Москва. 1901.11.01. <№ 160>

26/X 1901

Дорогой Павлуша,

Твое письмо получил и пришел к заключению, что твои занятия идут не дурно. Хотя ты и жалуешься на значительную трату времени на вычисления поправок и считаешь это если не бесполезным совсем, то, во всяком случае, весьма мало полезным, но я смотрю на это иначе. Разница наша от Европы и заключается в пренебрежении к мелочной, механической работе в умственном труде. Мы желаем, возможно, скорого и, возможно, не утомительного общего вывода, охватывающего частные случаи. Это было бы правильно, если бы силы умственные человека соответствовали его желаниям. Мы – орудие, могущее дать только определенную по количеству и качеству работу и с этим надо считаться. Беря еще во внимание индивидуальность, границы деятельности отдельной личности, как орудия работы – еще более суживаются. Коротко, важнее всего человеку – «познать самого себя», т. е. определить, к какого рода орудиям он принадлежит, чтобы дать максимальную работу в качественном и количественном отношении. Сделать это очень трудно, а иногда прямо невозможно, но все-таки более чем желательно.

Я опять тебе повторяю, что, по моему мнению, оригинального математика из тебя не выйдет. Ты можешь быть и профессором, но это еще не создает оригинальной личности, т.е. созидающей, толкающей вперед знание. Физик же из тебя будет выходящий из ряда ординарностей. Заслуга Герца в науке не менее велика своими экспериментами, как и Максвелл¹, так как количество умственной работы, положенной тем и другим на разрешение вопроса, едва ли у одного меньше, чем у другого; да и в качественном отношении одну работу нельзя считать ниже другой. Разница в характере умственных способностей, а не в степени их.

Труды Максвелла до опытов Герца были достоянием единиц; после ~~двух~~ опытов – это достояние человечества.

Извини, что пишу тебе об этом, но ты сам письмом поднял старые вопросы².

*Титульный лист
лекций профессора
Н.В. Бугаева, состав-
ленных студентами
П. Флоренским и
А. Бутягиным*

Учб. книга П. Флоренского
(Москва 1902)

Интервальное исчисление

Лекции

З.О.П. Буцаева

(Изданіе вышло без протисора з-ти профессора)

составлены студентами
П. Флоренским и А. Бутягиним.

Москва. 1902 г.

Относительно специальных твоих математических вопросов ничего не могу сказать за полную отсталостью. Думаю только, что наиболее интересная часть математики – это то, что у нас называлось высшей алгеброй. Тут и обнаруживается наиболее полное родство математики с вообще естествознанием; невозможность обобщений и необходимость разбираться в частностях; необходимость постоянно возвращаться к элементам начальным, чтоб перейти к обобщениям. Тут это более всего и выясняется, что мир явлений никогда не сложится в одну формулу. Стремление человека свести все к количественной только разнице везде и всюду наталкивается на качественную разницу. В бессилии своем человек бросается к религиозному началу, чтобы дать единство и однообразие миру, но и это напрасно. Много миров явлений, много и богов, и пока нет просвета, указывающего на единое начало. А потому остается одно: *laboremus*³?

Мы, дорогой, живем по-прежнему. Мама без конца работает, дети тоже. Надежды наши в вас всех. Люся редкий человек по настойчивости и последовательности в труде и большая логическая сила. Лиля пока не установилась, но свой путь найдет. Шура занимался бы очень недурно, если

Обложки первых двух из пяти тетрадей, в которые студент второго курса П. Флоренский осенью 1901 г. записывал лекции профессора Н. В. Бугаева

бы не его физическая слабость. Думаю, что это пройдет со временем. Остальные все милые хорошие дети.

Передай Готлибу Федоровичу мое глубокое сочувствие в его горе. Мне трудно ему даже писать, так как словами не выразишь всего, что думаешь и чувствуешь. Пиши сам о своих предположениях насчет Рождества.

Издание лекций⁴ – мне очень нравится, так как дает тебе возможность систематически усвоить весь курс лекций.

До свидания, мой дорогой.

Кланяйся Андросовым и Семенниковым и береги себя.

Твой папа.

Адрес Володи⁵: Paris, rue Dutat

Pension Mme Icenne № 20

¹ «Максуэль» – Максвелл Джеймс Клерк (1831–1879), английский физик. Главное научное достижение Максвелла – создание в 1860–65 гг. теории электромагнитного поля, в основе которой лежит система дифференциальных уравнений, носящая сейчас его имя. На основе этих уравнений он в 1865 г. предсказал существование в пространстве электромагнитных волн, распространяющихся с конечной скоростью. Герц Генрих Рудольф (1857–1894) – немецкий физик. В 1887 г. он предложил конструкцию генератора электромагнитных колебаний (вибратор Герца) и метод их обнаружения

с помощью резонанса (резонатор Герца). Пользуясь этими приборами, Герц в 1888 г. экспериментально показал существование электромагнитных волн, предсказанных теорией Максвелла. Опыты Герца имели решающее значение для признания теории Максвелла.

² Сравни сходные рассуждения в письмах отца от 14 мая, 26 июля и 2 октября 1900 г.

³ *Laboremus* (лат.) – за работу.

⁴ Речь идет об издании «Интегральное исчисление. Лекции Заслуженного Ordinарного Профессора Н.В. Бугаева (Издание вышло без просмотра г-на профессора), составленные студентами П. Флоренским и А. Бутягиным. Москва 1901», 237 с. На хранящемся в архиве семьи Флоренских экземпляре надпись рукою П.А. Флоренского: «Из книг П. Флоренского, Москва 1901». См. рис. на с. 451.

⁵ Адрес Володи Худадова.

1901.XI.02

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. В Общежитие Студентов имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Большая Грузинская. Штемпели: Тифлис. 1901.11.05; Москва. 1901.11.08. <№ 161>

Тифлис

2 ноября [1901]

Милый мой Павлик.

Хотя я давно не писала тебе, но думаю, что это не могло тебя особенно беспокоить, так как ты все-таки имел известия из дому. Да и писать-то, собственно, не о чем. У нас все так неинтересно и скучно. Как-то кажется, что, должно быть, где-то там иначе можно устроить свою жизнь; но все это только мечта. – Живем по-прежнему: мало кого видим и мало что слышим. Только дети сообщают нам о своих гимназических историях, которых бывает немало в последнее время, особенно во второй гимназии.

Все теперь в настроении бунтовать, даже гимназисты первого класса. Впрочем, этого нельзя сказать о наших. Они работают себе, а если есть свободное время, с увлечением читают. Валя в гимназии учится очень хорошо, как можно было и заранее знать; Лиля тоже. Шура хромает немножко по математике; но мы надеемся подправить его в следующую четверть. Люся теперь уже совершенно взрослая, так что кроме удовольствия нам ничего не доставляет. Андрюша и Гося чувствуют себя прекрасно дома. Они уже

играют и шалят вместе. Лиза тетя еще здесь. Ремсо тетя и папа здоровы и кланяются тебе. Папа сообщил тебе адрес Володи в своем последнем письме. Думаю, что ты уже получил его. Если увидишь Марью Николаевну, кланяйся ей от меня. На днях Шура разговаривал с Ягуловым, и тот просил передать тебе поклон и его недовольство, что ты ему не пишешь. Как идет твое издательство? Не слишком ли тебе много хлопот? Прощай, будь здоров и не забывай своих.

Твоя мама.

1901.XI.09

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

9 ноября 1901 г. Пятница.

Утро.

Дорогой Павля!

2 дня тому назад получила я твое письмо. Сегодня я не пошла в гимназию. Я не писала так долго, потому что почти нет времени. Отметки четвертные нам дали в эту среду. У меня они не особен-

но-таки хороши. Вот я их напишу.

З<акон> Божий 4

Чистоп<исание> 4

Рус<ский> яз<ык> 4. 4

Рисование 5

Арифм<етика> 4. 4

Рукоделие 5

Географ<ия> 4

Нем<ецкий> яз<ык> 3

у<стный> 4 письм<енный>

Поведение 5.

5 у меня только по самым неважным предметам. 2-ек у меня еще не было. Дома все здоровы. Погода тут не очень хорошая, по утрам бывает мороз. Книги мы получили: приложение к «Всходам» «На заре века» из времен I Лже-Дмитрия. Вчера к нам приезжал Давид. Лиза тетя у нас уже почти месяц. Андрейка говорит довольно хорошо. Его мы называем Аня, потому что он называет так сам себя, и мы тоже привыкли. У Лили в четверти тоже одна 3, а Шуре четвертных отметок еще не дали.

Дорогой Павля!

Прощай, целую тебя.

Твоя Валя.

*Профессор
Московского
Императорского
университета
Павел Гаврилович
Виноградов, 1900-е гг.*

1901.XI.11

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. О.П. г-же Флоренской. Николаевская, 67. Штемпели: Москва. 12.11.01; Тифлис. 20.11.01.

Дорогая мамочка!

Я получил на днях твое письмо и по нему вижу, что ты все по-прежнему трудишься с утра до вечера. Я бы хотел очень немножко развлечь тебя, но не знаю чем. Нет ничего интересного. Можно рассказать, впрочем, одну университетскую историю. – Прошлогодняя комиссия у нас действовала и в этом году, причем назначила ряд совещаний по курсам относительно статьи Мещерского. Председательствовал в ней наш известный историк П.Г. Виноградов¹.

На днях сюда приезжал Ванновский, между прочим, сидел почти рядом со мной на лекции по физике, так что я мог вполне видеть, что он слушал не очень-то понимая, хотя проф<ессор> Соколов читал прямо иронически-популярно, о чем и заявил после ухода Ванновского; затем он обедал с нами в Общежитии. На почве этого приезда и разыгралась история с Виноградовым. Не знаю дело в точности, но кажется дело было так, что ректор наговорил попечителю Некрасову², что «в университете теперь двоевластие; с одной стороны, он, мол, ректор, а с другой распоряжается комиссия», хотя эта комиссия действовала с его ведома. Некрасов передал это Ванновскому, а <тот> сделал Виноградову выговор, как представителю комиссии.

Виноградов ранее обещал студентам дать возможность опубликовать решение совещаний, так что теперь, считая себя не сдержавшим слово перед студентами и видя в себе оскорбленными профессоров, решил подать в отставку, хотя Ванновский, узнав, как было дело, просил у него извинения и т. д., но заметил, что Некрасова удалить не может, т.к. за ним стоят выше него, Ванновского.

Виноградова просили остаться и профессора, даже чуть ни требовали этого. Когда же он отказался, сказав

только, что около месяца просто не будет ходить на лекции, а потом незаметно уйдет в отставку, чтобы не возбуждать беспорядков, 19 или даже более лучших профессоров объявили, что они выйдут из университета вместе с Виноградовым. Среди них могу указать, напр<имер>, на Цераского³, Тимирязева⁴, Умова⁵, Мензбира⁶, Новгородцева⁷, Герье⁸, Ключевского⁹, Трубецкого и т.д. Тогда за дело принялись студенты. Виноградову на дом (он уже с неделю не является на лекции) принесли благодарствен<ный> адрес с более чем 1000 подписями, в котором высказывали свое понимание, что внешние, не зависящие от Виноградова обстоятельства помешали ему исполнить обещанное и т.д.

Виноградов объявил депутатам (в числе них был и Эрн), что одна причина его ухода уничтожена и, если он сможет остаться с честью и уладить дело с начальством, то останется.

Не так давно была история с Герье, по поводу той же статьи Мещерского. Именно некоторым не понравилось, что Герье не ответил на нее так, как им бы хотелось, и решили устроить ему большую демонстрацию. Едва-едва профессора наиболее уважаемые убедили большинство отказаться от этой безобразной затеи, указывая на громадные заслуги Герье перед обществом и университетом и его 30-летнюю безупречную деятельность.

Вот тебе, моя дорогая, и новости вместо газеты. Меня-то они мало интересуют, равно как и газеты, но едва ли ты о них сможешь узнать из официальных источников, и поэтому пишу тебе, если только интересно.

Дома ли папа? – Ты спрашивала об издании лекций¹⁰. Вышло у нас четыре листа, на днях выйдет пятый. Времени они отнимают больше, чем я предполагал и особенно скучна корректура после переписчика, т.к. он, будучи студентом юристом, нет-нет, да и напутает что-нибудь.

*Профессор
Московского
Императорского
университета
Владимир Иванович
Герье. Фото
А.Я. Пекарского.
1890-е гг*

Целую тебя, моя хорошая, и всех вас. Варвара Николаевна вам кланяется. – Андросовых я очень давно не видел: страшно занят, так что до сих пор не передал твоего поклона. Целую тебя еще раз, мамочка.

Твой П.

Москва 19 11 / XI 01

¹ Виноградов Павел Гаврилович – см. прим. к письму П.А. Флоренского к О.П. Флоренской от 17 сентября 1900 г., с. 146.

² Некрасов Павел Алексеевич (1853–1924) – математик, активно интересовавшийся также социологическими и философскими вопросами. Ученик и последователь Н.В. Бугаева. В 1897–1905 гг. – попечитель Московского учебного округа. См. о нем в воспоминаниях Бугаева-младшего: *Белый Андрей*. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 73.

³ Цераский Витольд Карлович – см. прим. на с. 310.

⁴ Тимирязев Климент Аркадьевич – профессор Московского Императорского университета, см. прим. 1 на с. 145.

⁵ Умов Николай Алексеевич – профессор Московского Императорского университета, см. прим. на с. 281.

⁶ Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) – зоолог, с 1886 г. профессор Московского университета.

⁷ Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – глава московской школы философии права, с 1903 г. профессор Московского Императорского университета. Инициатор и редактор сборника «Проблемы идеализма» (М., 1902), ставшего первым манифестом нового идеалистического движения в русской философии. В 1920 г. эмигрировал. Умер в Праге.

⁸ Герье Владимир Иванович (1837–1919) – профессор Московского Императорского университета, см. прим. на с. 146.

⁹ Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – историк, с 1882 г. профессор Московского Императорского университета, автор многотомной истории России. См. также прим. к письму П.А. Флоренского к О.П. Флоренской от 1 марта 1901 г., с. 308. С его сыном 70-летним Б.В. Ключевским П.А. Флоренский проходил по одному делу в 1933 г.

¹⁰ Лекции профессора Н.В. Бугаева, изданные студентами П. Флоренским и А. Бутягиным. См. прим. на с. 454 и рис. на с. 451.

Профессор
Московского
Императорского
университета
Павел Иванович
Новгородцев.
Почтовая карточка
1910-х гг.

1901.XI.15

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская, общежитие студентов Императора Николая II, Студенту П.Ал. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.11.15; Москва. 1901.11.25. <№ 163>

15 Ноября 1901

Тифлис.

Дорогой Павлуша, извиняюсь, что не отвечал тебе на твое последнее письмо. Мнение мое о надлежащей теме для зачетного сочинения – тебе из всего прошлого, вероятно, хорошо известно, да и теперь поздно, должно быть, об этом говорить¹.

Нам нужно знать, как ты располагаешь провести Рождественские каникулы, т.е. собираешься ли приехать сюда? Напиши об этом маме подробно. Затем ты не сообщил до сих пор, получил ли ты деньги, высланные тебе в Октябре.

У нас здесь довольно скверная все время погода: дожди, холода, слякоть. Я мало езжу, и больше дома.

До свидания, мой дорогой.

Дети целуют.

Твой папа.

¹ Тема зачетного сочинения – «Идея прерывности как элемент мирозерцания».

1901.XI.16

Павел Флоренский

НА МОТИВ ИЗ ПЛАТОНА¹

Душа себя найти желает,
томится по себе самой;
тоскливо по себе вздыхает
и плачет горькою слезой.

Дрожащий в тусклых очертаньях
пред ней витает мир идей,
и Эрос, мощный чародей,
душой во сне или в мечтаньях

в какой-то миг овладевает.
 Душа томится и рыдает.

И вот почудилось, что снова
 душа-близнец ей найдена,
 что путь в тот мир свершать готова
 в своем единстве не одна.

Но сон проходит, и тоскливо
 она глядит кругом себя.

И шепчет жалко-сиротливо:
 «найди меня, найди меня...»

Москва, 16 ноября 1901

¹ Опубликовано в сборнике «В вечной лазури». С. 11. (Сергиев Посад, 1907) как первая часть сюиты «Звездная дружба». В сборнике «Ступени» включено в раздел «Идеализм», в «Сборнике II» – в раздел «Без Бога». В авторизованном машинописном тексте посвящено «В. Эрну» (Архив П.А. Флоренского).

1901.XI.21

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие студентов имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.11.22; Москва 1901.11.28. <№ 165>

Тифлис
 21 ноября [1901]

Программа
 гимназического
 спектакля
 во 2-й тифлисской
 гимназии
 11 ноября 1901 г.

Милый Павлик.

Вчера я получила твое письмо и очень ему обрадовалась. Видно, что ты здоров и бодр, насколько можно это вывести из твоего письма. Ты нам не пишешь ничего о себе; т.е. думаешь ли приехать на Рождество, в каком состоянии твои денежные дела и т.п. Нам это нужно было бы знать заранее, чтобы успеть вовремя выслать тебе денег. Во всяком случае, на днях мы вышлем; авось к тому времени и письмо от тебя получится. Я слышала, что ты даешь Нюте уроки латинского языка?

Люся уже записалась на курсы Храпко и ходит заниматься во вторую гимназию. Теперь и ей пора серьезно подумать о дальнейших планах. Она тоже старается все усвоить, берется за многое, но не знаю, хватит ли ей сил. Занимается очень много, так что мы ее мало видим.

Вчера Лиза тетя уехала от нас, только не в деревню, а в Баку, так как получила известие, что Давид заболел. Папа теперь дома, и если уезжает иногда, то ненадолго. Жизнь наша, как и всегда, проходит суетно, но не весело. Боюсь, что и ты по приезде домой скоро разочаруешься. Сообщи, как идет твое издательство. Не слишком ли тяготит тебя. Боюсь, что ты из-за него остаешься без всяких средств. Пожалуйста, сообщи откровенно. Как поживает Эрн. Кланяйся ему от меня, а также Варваре Николаевне. На днях была у нас М-те Ельчанинова, которая теперь чрезвычайно радостна, так как оба ее сына получили стипендию, и она теперь может быть спокойна за них. Люся теперь бывает у них чаще, так как вместе с Женей и ее подружками собираются для совместного чтения.

Дома все у нас здоровы за исключением Андрика, у которого теперь болит горло, кажется, вследствие простуды.

Кланяются тебе все.

Милый мальчик, будь здоров и не забывай нас.

Твоя мама.

1901.XI.25

О.А. и Е.А. Флоренские – П.А. Флоренскому
Тифлис. Конверт отсутствует.

Фрагмент
письма О.А. и
Е.А. Флоренских к
П.А. Флоренскому
от 25 ноября 1901 г.

Воскресенье 25 ноября 1901 г.

Вечер.

Дорогой Павля!

погода тут все нехорошая, раз даже был снег. У Андрея

корь, высыпало его в эту пятницу, но теперь ему уже, кажется, лучше. Потому мы в гимназию не ходим. Сегодня я почти целый день рисовала парту. Вчера мы получили «Родник», а сегодня приложение к «Всходам» под названием «Рыжик», в II частях. Там говорится об одном приеме-ше. Давид болен. Мы в этот вторник получили телеграмму, чтобы Лиза тетя выезжала немедленно, потому что Давид сильно болен. Сегодня Шура получил твое письмо. Гося просит сказать тебе, что она занимается кроме праздников каждый день.

Дорогой Павля,
прощай целую тебя.
Твоя Валя

Дорогой Павля!

У Андрика корь. Все сидят дома и мерзнут. Скука страшная. Мама не выходит из детской, к Ане нас не пускают. Все, кроме него, здоровы. Я ничего не рисую. Валя учится очень хорошо. У нее всего одна 3-ка в четверти за

немецкий письменный. Шура учится лучше, чем в прошлом году, но не очень хорошо. Он все время занимается с папой. Гося занимается каждый день с Люсей. Вчера она сказала, что у Бога 3 головы и 1 нога, и 10 глаз (ведь он все видит). 3 головы – потому что Бог имеет 3 лица.

Лиля

1901.XI.

Р.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Дорогой Павля наши занятия идут плохо патаму что у мамы нет времени. Мне Прака принесла два платья и одну юбку для моих кукол и ишо одну шляпу хатя он ея принес не для моих кукол аненава пасту но иму ана аказался балшой и патаму он их дал мне

Страница письма
Р.А. Флоренской
к П.А. Флоренскому.
Ноябрь 1901 г.

1901.XI.25

Е.М. Кутателадзе – Ю.А. Флоренской

Джебраил. Конверт отсутствует.

25 Ноября

ур<очище> Джебраил

Прости, мой друг, за долгое молчание, я еще не «очухалась», как говорится, дело в том, что меня не было в Джебраиле... Недавно мы получили приглашение от Бригадного Командира из Ванка (в 30 верстах отсюда) на полковой праздник, который продолжается с 21-го Ноября по 24-е... Я долго не решалась ехать, но меня уговорили и, наконец, решилась... Приехала туда с большой компанией Джебраильцев. 21-го утром побывала у всех с визитом, как подобает по хорошему тону... Затем отправилась на парад... Не говорю уже о том шике, который меня тут поразил, я совсем не то ожидала в маленькой провинции... Но больше всего меня поразила не по средствам богатая обстановка у бригадных офицеров, то есть скажу лучше и яснее, я редко встречала в Тифлисе в богатых домах такую чудную обстановку, но это я говорю между прочим!

Я, должно быть, очень понравилась старичкам – бригадному командиру и его семье, потому что они очень любезно обошлись со мною и не отпускали меня от себя. Скажу тебе по правде, прямо чудные люди! Я так полюбила моих стариков, в особенности его, что мы расцеловались. Теперь непременно воспользуюсь их приглашением и погощу у них, по крайней мере, недельку... У них нет детей, а между тем страшно любят молодежь и поэтому неудивительно, если они меня полюбили сразу и даже называют «доченькой»...

После парада был обед общий, тут невольно опять мое внимание было обращено на чудные костюмы бригадных дам. Т.е. я невольно вообразила себя где-нибудь в Тифлисе, в Кружке, словом в городе... «Вот и Люся придет!» Потом

Лезгинка. Худ. О.И. Шмерлинг. Из серии почтовых карточек «Ушедший Тифлис». 1920-е гг.

я смеюсь над мелькнувшей фантазией... и уже начинаю обращать внимание на их внутренние уже качества, и тут уже пришла в действительность и решила, что по внутреннему миру не так далеко отстали от нас... провинциалов... В общем было весело, танцевали две ночи вдоволь. Но, если бы на третий день предложили танцевать, я бы ни за какие миллионы бы не согласилась, до такой степени была утомлена этой суматохой, новыми впечатлениями, знакомыми, все-таки это утомило меня уже отвыкшей от подобной безумной шумной жизни... М-lle Шумская не произвела такого фурора, какого я ожидала, там такие интересные молоденькие дамочки! Отсюда я опять возвращаюсь с компанией некоторых знакомых верхами до самого Джебраила. В Ванке нас провожали некоторые офицеры, даже выехали под торжественный марш. Словом, было очень весело... но тем не менее явилось еще больше *рвения учиться, стремление к более благородной жизни...*

Пиши, что делаешь и что нового? Больше нет материала для сегодняшнего письма.

Прости за безалаберное письмо... но что делать, мой Люсик, когда у меня такое же безалаберное настроение сейчас! Целую тебя бесконечное число раз. – Лиза.

Я до такой степени утомлена, что прямо не могу думать ни о чем. Лиза.

26 Ноября

Мой друг, я тебе понаписала всякую чепуху, которая, пожалуй, наведет тебя на мысль, что я начинаю увлекаться праздной жизнью, нет, Люсик, ты меня оскорбишь этим страшно! Я очень сошлась с одной курсисткою – женою бригадного архитектора, с молоденькой очень интересной дамочкой и большой умницей, и она, узнав, что я собираюсь на курсы, видимо, очень обрадовалась за меня и целый вечер так увлекательно и интересно описывала мне курсы... что я на танцевальном вечере – в клубе... Словом, скажу тебе по правде, в вихре вальса, в то время, как мой кавалер напевал мне обыкновенные банальные офицерские фразы, я только думала о курсах, о тебе мой Люсик и т.д... Я бы очень желала, чтобы ты летом приехала ко мне и вместе побывать в Ванке.

Пиши же, дорогая, и не забывай тебя искренне любящую Лизу.

Привет сереньким.

1901.XI.26

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая моя мамочка.

На днях я получил письмо папы. Я уже очень давно не имел ничего от вас и давно ждал письма. Если бы было возможно, как бы я хотел хоть на 2-3 дня приехать к вам, но с этим экзаменом, который чего-то отложили, все расчеты перепутались, и я не знаю, когда удастся высвободиться от зачетов и т.п. Они только мешают заниматься, отнимают массу силы и времени и совершенно понапрасну задерживают.

Деньги, конечно, получены, так что ты, пожалуйста, не вздумай присылать: если можно будет приехать, то на отъезд более чем достаточно.

Не знаю, как проведу Рождество, но уже теперь накопилось много работы: изрядное количество толстых томов, да еще мне бы хотелось написать кое-какие статьи¹, если только будет время и силы. На каждом шагу наталкиваешься на полнейшее невежество свое во всех областях, так что кажется смешным делать попытки на что-ниб<удь> новое, хотя бы и самое мелкое. И главное, ясно видишь, что вот, если бы то-то и то-то знал, то вопрос и поставленная задача решались бы сразу.

У Готлиба Феодоровича новое горе: как мне он говорил вчера, Алина (кажется, насколько я понял) умирает, так что он решительно не знает, что делать. Вообще, с тех пор, как я приехал сюда, смерть витает над всем их домом. Ты, вероятно, знаешь о семье Соколовых², к которым они относились с большою любовью, как сами говорили, бóльшей, чем к родным. И вот менее чем в один год заснула летаргическим сном, а потом скончалась девочка одной из дочерей Соколовой, сама Соколова и, наконец, недавно сын ее, за которого держалась вся семья. Кажется единственное, что осталось у Готлиба Феодоровича – это его «Школа пения», которую он окончательно отделяет до последних мелочей. Он мне говорил, что многие знатоки ставят ее очень высоко, напри<мер> директор Киевской консерватории и музыкант Булериани, – близкий знакомый Готлиба Феодоровича именно благодаря ей. Но напечатать ее, вероятно, будет затруднительно, т.к. это дорого стоит, так что даже консерватория не могла взяться за такое дело.

Дорогая мамочка. Вам кажется странным и нелепым мистицизм; или же в лучшем случае думаете, что это самообольщение и самоутешение. Но это не так. Тут не может быть самообольщений, когда переживаешь мистические события как факт, как самое достоверное, что только возможно. Если философия подвергает сомнению, напр<имер> достоверность восприятий, то вовсе не для того, чтобы убедить в том, что их нет, а только ради теоретического исследования; но никакие аргументы (если бы они были возможны) не способны убедить (убедить, а не доказать), что не ощущаем, напр<имер>, того, что сознаем себя ощущающими. А тем более никакие рассуждения не смогут доказать мнимость событий внутренней жизни более реальных и более достоверных³. Ты, может быть, помнишь это:

«Милый друг, иль ты не видишь,

«Что всё видимое нами

«Только отблеск, только тени,

«От незримого очами.

«Милый друг, иль ты не слышишь,

«Что весь этот гул трескучий

«Только отклик искаженный

«Торжествующих созвучий»⁴.

Со стороны это обыкновенно кажется либо метафорами, либо бредом, а что же делать (если это уж так неприятно!), что же делать, когда в известные моменты слышишь эти созвучия. На меня (скажу заранее) все аргументы вроде несварения желудка и т.п. не действуют; мне кажется, что я сам прошел полный «курс» (быть может, слишком полный) и «несварений желудка», и отрицаний и т.п. Никакие «научные доводы», как их *почему-то* называют, меня теперь не удивят, а только могут вызвать недоумение, зачем уже 20 раз слышанное повторяют в 21. Я не берусь решать, в какой степени на них отвечено, так сказать, официально, но думаю, что даже слишком много. А себя я считаю разобравшимся во многих сомнениях и даже имеющим нечто положительное.

Целую тебя, моя милая мамочка, и вас всех. Поздно и поэтому кончаю письмо.

Твой П.

Москва 19 26/XI 01

¹ Первая статья Флоренского, «О суеверии и чуде», будет написана только в декабре 1902 – январе 1903 г.

- ² Бабушка П.А. Флоренского, Анфиса Уаровна происходила из рода Соколовых, материалы о котором собирал П.А. Флоренский. («Детям моим...»). С. 455 и др.).
- ³ Сравни описание мистических зовов, относящихся к весне – лету 1899 г., в воспоминаниях: «Детям моим...». С. 210–216.
- ⁴ Стихотворение В.С. Соловьева (1892).

1901.XI.27

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Б. Грузинская. Общежитие студентов Николая II-го, П.А. Флоренскому. Штемпели: С.-Петербург. 1901.11.27; Москва. 1901.11.28. <№ 164>

Дорогой Павлуша!

Ты, вероятно, по уши ушел в математику, что о тебе ничего не слышно; я не писал тебе приблизительно по той же причине: была масса дел самого разнообразного сорта; во-первых, много интересной научной работы, во-вторых, организация кружков с научными целями, в-третьих, политика, которой теперь не оберешься и от которой при всем желании и отсутствии гражданских чувств невозможно освободиться. Только что я вернулся от Лапшина¹, очень милого доцента (он читает у нас новую философию). Собственно, я просил у него: 1) устроить практические занятия по философии в У<ниверсите>те и 2) дать программу и темы для нашего «гносеологического кружка» (Маня, Адрианович, Кузьмина, Пащенко, Калюжный, Филиппова и я)². Оказалось, что практические занятия – его мечта, и дело скоро наладится; относительно кружка он был очень доволен, дал много дельных советов и обещал самое энергичное содействие нашему процветанию. Но больше всего берет времени и сил вводимая у нас организация, выборы старост, предвыборная агитация и т.д. Слава Богу, все это приходит к концу. – Чтобы не забыть – напиши, пожалуйста, или попроси Эрн, в чем состоит *техническая* сторона практич<еских> занятий у Лопатина³. Я слышал, что ты не едешь домой на Рождество; очень жаль, потому что я поеду, т.к. мама очень просит, а сам я охотно позанимался бы здесь. Едет ли, по крайней мере, Эрн? Сообщи, пожалуйста, если бы я хотел заехать к вам по дороге, то можно ли это сделать, если можно, то насколько времени можно у вас остановиться и т.д.

Наш кружок снова возбудил мое рвение к гносеологическим вопросам, а то я думал было бросить их к дьяволу, при-

знав свою полную неспособность к отвлеченному мышлению; но и теперь иногда появляются смущающие вопросы, вроде: «метафизика, ядро философии, собственно, от теории познания мало получает; больше того, она прямо теряет от прикосновения гносеологии; сравнить только Платона без гносеологии, Плотина, Каббалу⁴, христианскую метафизику и гносеологию Канта, лишенного метафизику; такие сопоставления мало утешительны», или: «если для этики, как нормы поведения, нужна метафизика, то для логики, как нормы мышления, нужна та же метафизика; а ее-то откуда взять: значит *не* логическим путем, а сверхлогическим; но тогда где гарантии истинности такой метафизики?» Уж конечно, логика, гносеологические исследования тут ничего не сделают; гарантия в согласии с моим внутренним чувством? Но чем это лучше? Но я стараюсь пока не задавать себе таких вопросов и благонамеренно стараюсь поумнеть, авось тогда все разъяснится.

Писать лень, прости, пожалуйста. Нижайший поклон Эрну и Коле.

Твой А. Ельчанинов

С.-Петербург 1901/XI/27

¹ Лапшин Иван Иванович (1870–1952) – философ, историк философии, ученик А.И. Введенского, профессор Санкт-Петербургского университета.

² Среди участников кружка известны тифлисцы Мария Худадова, Наталья Кузьмина и Александр Калюжный. О других участниках сведений не имеется.

³ См. примечание к письму П.А. Флоренского от 23 сентября 1900 г.

⁴ Каббала – мистическое течение, возникшее в начале XIII в. и соединяющее в себе пантеистические построения неоплатоников, мифологемы гностицизма и иудейскую веру в Библию как мир символов.

1901.XI.29

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская, общежитие студентов Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.11.29; Москва. 1901.12.05. <№ 166>

29/XI 1901.

Дорогой Павлуша,

Сегодня мама выслала тебе 50 р. Мы надеемся тебя увидеть на Рождество, хотя предоставляем решить это само-

му. Соображай при этом главным образом с продолжительностью отпуска и возможностью для тебя отдохнуть здесь.

У нас Андрюша болеет корью, и дети принуждены не ходить в гимназию. Остальное все по-прежнему. Лиза тетя уехала в Баку.

Надеюсь, что ты, во всяком случае, сообщишь о получении денег, а также и тех, которые были высланы тебе в Октябре (30 р.). Дело <нрзб.>

До свидания, мой дорогой, мама и дети целуют тебя.

Твой папа.

1901.XI.29

А.А. Флоренский – П.А. Флоренскому

Тифлис.

Конверт отсутствует.

29 ноября пятница

Дорогой Павля, мои дела в гимназии идут довольно хорошо. Я поправился по математике, а у Гехтмана я на очень хорошем счету.

Ученики четвертого класса ничуть не умнее третьего. Я познакомился с Тихоновым, и мы ходили с ним и Люлиными подругами гулять на Соленое озеро, а с Ланге в Бедутовку и возвратились при луне домой. У нас теперь очень неприятная погода: то ветер, то дождь. Я теперь немного подружился с Декаприлевичем. Напиши мне письмо поскорее. Приедешь ты на праздники или нет? И если сам приедешь, то которого выедешь? Передай поклон Эрну, Семенникову и другим.

Около Бедутовки я нашел несколько групп каких-то кристаллов и куски камней с отпечатками хвощей и кусками каменного угля.

Напиши мне о себе как можно больше. У Андрюшки была корь, но он уже поправляется.

Шура

Билет-контрамарка
на гимназический
вечер

1901.XII.01

А.И., Ю.А. и О.П. Флоренские – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Общежитие студентов Императора Николая II. Большая Грузинская. Ст. Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.11.30; Москва. 1901.12.06. <№ 169 – № 170>

1/XII 1901 г

Дорогой Павлуша, в нашей переписке по поводу рода твоих занятий, мне кажется, заключается доля взаимного непонимания. В данном случае вопрос не идет вовсе о моих личных желаниях, большего или меньшего предрасположения к той или другой области знания с моей стороны, а идет вопрос о твоём умственном я и где оно может дать наиболее плодотворные результаты. Для меня эта сторона всегда весьма важная: поставить себя в наиболее выгодное положение в занятиях, исходя не только из личных желаний, но из сущности и характера умственного облика человека. Мне и кажется, что твоё настоящее предпочтение к математическим выводам истекает, или, скорее, имеет свою исходную точку – в твоём личном разочаровании в экспериментальных занятиях, в незначительности результатов по сравнению с положенным трудом. Но это ещё не доказывает, что математический путь даст больше, так как это зависит не только от силы самого употребляемого орудия, но и от характера способностей самого человека, применяющего орудие. Из наблюдения над твоим детством я, безусловно, не могу считать тебя математиком *pur sang*¹. Кто-то из английских учёных ясно выразил это, высказавши, что он не понимает и не может понять математического вывода, пока не представит его себе в виде некоторой реальности. В таком же положении, мне кажется, находишься и ты. Твой умственный склад, мне кажется, допускает скорее переход от реального факта к математическому обобщению, чем обратно.

Можно ли предъявлять к личности требование, чтобы она анализировала свои способности при выборе своего жизненного занятия, если хочешь, ремесла?

Я думаю – да. Я считаю, безусловно, необходимым подразделять себя как члена общества от собственно индивидуума. Если природа так гармонично создала человека, то обе эти стороны совпадают, т.е. стремления индивидуума совпадают с требованиями общества к нему, то это лучшее, что можно желать. Человек любит живопись, музыку, это

еще не значит, что он художник, музыкант в общественном значении этого слова.

Таков мой взгляд на дело, мой дорогой, но не как на личное желание относительно тебя. Я, конечно, имею свои желания относительно тебя, но они вовсе не касаются собственно твоих занятий как занятий, и высказывать их несвоевременно теперь, когда ты даже не на распутье своей жизни, а только на дороге, когда она не начала еще развиваться, когда придет момент выбора того или другого пути.

Перейдем теперь к практическим делам. Я не советую тебе приезжать домой, если по расчету ты не можешь пробыть здесь от 3 до 4 недель. Иначе путешествие сюда и обратно будет тебе слишком утомительно. До свидания, дорогой. Твой папа.

P.S. О получении денег все-таки не мешает сообщать.

Дорогой Павля!

Должно быть, так и не дождусь твоего письма до приезда (твоего). На днях я пересматривала негативы в пятый раз и нашла в глубине, наконец, те, которые, как мне кажется, ты просишь; их всего 3, но один разбит на мелкие осколки.

Не знаю, прислать ли? Папа говорит, что и сам ты теперь скоро у нас будешь. Все эти дни сижу дома – у Андрюшки корь – боюсь разносить. Впрочем, чем меньше делаешь, тем меньше свободного времени; так и я теперь не успеваю за день сделать даже обычных занятий.

В гимназии я немного потеряю занятий – две недели и, собственно говоря, очень рада, что можно не ходить.

Андрюша совсем здоров; очень трудно удержаться, чтобы не ходить к нему: он такой веселый, просит открыть мою дверь. Конечно, долго его так продержат невозможно. – Я была за все это время раз в театре на «Потонувшем колоколе»², только ушла оттуда с огромнейшим вопросом. Вообще эта пьеса служит интересной темой для наших разговоров. Тем более что со мной были и Женя, и Маруся. Первое время мы столько говорили, что чуть не обра-

*Андрик. Фото
П.А. Флоренского.
Лето 1902 г.*

Программа
гимназического
спектакля во
Второй Тифлисской
гимназии в декабре
1901 г.

тились за разрешением к Гехтману, но во время одумались. Одно можно заключить, что Генрих, по выр<ажению> Г<еоргия> Н<иколаевича>, «прыгнул выше головы». Напиши свое мнение.

Целую, Люся.

Тифлис.

1 Декабря,

Дорогой Павлик.

Значит, мы не увидим тебя здесь на Рождество. Это будет в первый раз, что ты отсутствуешь так долго, если ты, в самом деле, найдешь, что не стоит приезжать. Оно и правда, что пуститься в такое продолжительное путешествие из-за нескольких дней пребывания дома, слишком утомительно. Напиши, что будешь делать это свободное время и как веселиться. У нас все здоровы. У Андрюши была корь, но теперь он почти совершенно здоров. Давид тоже поправился. Детям это время было трудно, так как пришлось пропустить много уроков и сидеть дома целых две недели.

Видишь ли Пекок? Что он теперь делает? Кланяются тебе все.

Твоя мама.

¹ pur sang (франц.) – чистокровный.

² «Потонувший колокол» (1896) – пьеса немецкого драматурга Г. Гауптмана (1862–1946), главы немецкого натурализма.

1901.XII.05

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва. Б. Грузинская. Общежитие студентов. П.А. Флоренскому. Штемпели: С. Петербург. 1901.12.05; Москва. 1901.12.06. <№ 167>

...письмо¹ и там я кажется написал ерунду: я выезжаю в 3 ч. 6-го (четверг), а буду в Москве в пятницу в 7 ч. утра; про-

буду 3 ч. 50 м. – до 12 ч. 50: все по петерб<ургскому> времени. Очень бы хотел видеть вас, конечно.

А. Е. 1901.XII.5

¹ Начало письма утрачено.

1901.XII.05

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва. Б. Грузинская. Общежитие студентов. П.А. Флоренскому. Штемпели: С.-Петербург. 1901.12.06; Москва. 1901.12.06. <№ 168>

Дорогой Павлуша!

Я буду в Москве в 7 ч. утра, а пробуду до 12 ч. 50 м. по петерб<ургскому> времени.

Твой А. Ельчанинов

1901/XII/5

1901.XII.08

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие студентов имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1901.12.08; Москва. 1901.12.13. <№ 171>

Тифлис. 8 декабря [1901]

Милый мой Павлик.

Видно из газет, что у вас в Москве какие-то смуты в среде студентов, аресты и т.п. Напиши, пожалуйста, в чем же дело? Пожалуй, опять будет разрушен порядок в ваших занятиях? В таком случае ты поневоле будешь свободен от занятий и найдешь время приехать к нам?

Ты слишком многим задаешься, много хочешь сделать. Это мне неутешительно, так как скорее может привести тебя к разочарованию и сознанию слабости своих сил, в несоизмеримости их сравнительно с взятой задачей. Конечно, это отчасти делается помимо нас и стремление все понять и уяснить себе так естественно.

Настроение, которое ты переживаешь теперь, мне не кажется нисколько абсурдным. «И звуков небес заменить

не могли ей скучные песни земли» сказал еще Лермонтов¹ до Соловьева, конечно, несколько в старомодном смысле, а сущность ведь одна и та же. Да и сама часто испытываешь то же самое: слушаешь ли музыку, смотришь ли на произведение искусства или читаешь поэтов, все те же мысли неотвязно являются в голове: в каком небольшом и ограниченном круге вращается все кажущееся разнообразие человеческих ощущений и страстей, и как еще ограниченнее и однообразнее наши способы выразить их. С высокого перевала горы кажутся такими незначительными зубчиками на земной поверхности, и как все это должно быть мизерно с опасной большой высоты! Только мы все жалки и ничтожны, и мир, и все, и все сравнительно с чем-то другим... Но это не мешает нам все-таки чувствовать, когда нам больно, и холодно, и голодно, чувствовать удовольствие, когда нам удастся сохраниться. (Кстати, видно, что разговор происходит зимой, а то летом пришло бы на ум другое сравнение; и, значит, несварение желудка не так уж можно совсем ощущать.) И потому, несмотря на все, приходится заниматься своими маленькими делами, и чем меньше задача, тем скорее человек может разрешить ее и тем он счастливее. Акакий Акакиевич был право очень счастливым существом, и думаю, что он скорее годится как положительный нежели как отрицательный тип.

Вернемся лучше к своим делам. Конечно, приезжать на два или три дня не стоит, если нельзя на больший срок.

У нас теперь все здоровы. Андрик поправился совсем, и дети вчера уже пошли в первый раз в гимназию. Агуся занимается эти десять дней с Люсей, так как ей поневоле пришлось сидеть дома. Это был ее первый опыт применения своих педагогических знаний. За это время ей пришлось, к сожалению, прекратить и свою латынь; другие не занимались тоже музыкой, так что наша машина несколько приостановилась. Зато же и скучно было у нас! Папа пока дома; если и уедет, то, вероятно, только после праздников. – На днях мы всей семьей, кроме папы, пошли на Симфонический концерт, к сожалению, не совсем удачный. Это была, так сказать, первая наша вылазка против домашнего однообразия. Больше всего удовольствия доставляют нам Агуся и Андрик. Последний до того мило и забавно болтает и сам так изящен собою, что приходится просто любоваться им.

Кто из твоих товарищей приезжает на каникулы домой? Если увидишь Готлиба Федоровича, передай ему наше

чрезвычайное сожаление и сочувствие его горю, а также и искренний поклон Глафире с Алиной. Неужели же она так серьезно больна?

До свидания, милый мой Павличек. Не забывай свою
Маму
Надеюсь, что ты здоров.

¹ Строки из стихотворения М. Лермонтова «Ангел».

1901.XII.11

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. О. П. г-же Флоренской. Николаевская, 67. Штемпели: Москва 1901.12.12; Тифлис 1901.12.17.

Дорогая мамочка!

Я надеюсь, что к Рождеству успею приехать к вам, по крайней мере, постараюсь, т.к. мне уже очень давно хочется хоть день побыть дома. Скажи Лизе тете, чтобы она не уезжала в деревню и подождала моего приезда, а то я не увижусь с нею до лета.

Лекции у нас пока читаются, хотя профессора 2 закончили семестр на этих днях. Но, вероятно, кончится не ранее, как на той неделе, числа 20–23. За последнее время почти не приходилось заниматься; с этим экзаменом, ожиданием отъезда и неизвестностью положения было больше суеты и беготни, чем спокойного сидения.

У нас теперь все спокойно, но боюсь, что после Рождества, когда будет введена организация, не будет так; ходят слухи об этом, но, конечно, заранее никто не знает.

С Ньютой Семенниковой я занимаюсь, но так редко (всего 1 раз в неделю), что на это времени уходит очень мало, тем более что занятия наши происходят во время тех часов, кот<орые> я все равно не посещаю и которые обыкновенно проходят как-то неопределенно. – Большое неудобство, что университет далеко от общежития.

*Профиль сидящего
П.А. Флоренского,
сделанный
по неудачной
фотографии.
Вложен в письмо*

Москва. Соборная
площадь Кремля.
Почтовая карточка
1910-х гг.

Бывает иногда свободен час-другой между лекциями. Домой идти не стоит, так как едва-едва в час успеешь быстрым шагом пойти до подъезда общежития и вернуться обратно. Иду я обыкновенно в библиотеку, но это представляет свои неудобства, т.к. пока-то дадут книгу, пока соберешься читать, час прошел.

Марья Николаевна кланяется вам.

До свидания, дорогая мамочка. Целую тебя и вас всех.
Твой П.

Москва 19 11 / XII 01

1901.XII.25

Н.А. Семенников – П.А. Флоренскому

Конверт: Тифлис. Николаевская, 67. ЕВБ Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Москва. 1901.12.25; Тифлис. 1901.12. 31. <№ 173>

Дорогой Павлуша!

Поздравляю тебя с новым годом и заранее благодарю за упыря. Посылаю тебе довольно интересную, по моему мнению, для тебя картинку, переснятую мной с одной весьма старинной гравюры. Твой Н. С.

<Строчка зачеркнута>

P.S. Сейчас же после Рождества предвидятся крупные беспорядки, о чем напишу отдельно.

NB Пожалуйста, не говори бабушке.

1902

II курс

4 семестр

Дорогой папоска!

На днях я получил твое письмо, в котором узнал, что Вера снова простудилась. Какими же мы с тобой, поцарапанной кожей, или же еще держим ее дома. Мамы, Суровый, хороший товарищ. А мы так же мурлыкаем, пофиги (со всем криком маме, на прогулках мажорского, что пофиги маме, на улице гуляешь мурлы), и скучно по всем, что мы делаем поскорее приехали. За последнее время я больше занимаюсь теорией вещей, пока совершенно читаю Дичлет и лекции (минирадуван) мамы. Дачкина, да Суровый. Мухомор очень нравится, маме и папоске от нас сродно сварено. А при желании пока никаких проблем, то можно заниматься со всеми без исключения. Пусть же у меня доброты папоска мелькает одна мысль, в смысле виемаление.

ПЕРЕПИСКА.
1902 год. Январь – август

1902.І.12

Р.П. Тавризова – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. В Общежитие Студентов Императора Николая II. Большая Грузинская. Его Высокоблагородию Павлу Александровичу Г. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. <нрзб.>; Москва. 1902.01.20. <№ 174>

1902–12-го Января.

Тифлис.

Дорогой Павля,

Я бы сумела исполнить свое обещание, если бы Маргарита и Хр<ристофор> Алекс<андрович> не вздумали откладывать своей поездки с 8-го на 9-ое; я хотела приехать 10-го вечером, а приехала только 11-го в 8 часов. Очень жаль, что нам не удалось повидаться с тобой. Очень и очень благодарна тебе за внимание – ты очень хорошо увеличил воронцовский парк, и красиво вышло.

Поездка наша была очень удачная – даже елку устроили для крестьянских детей, они все в первый раз видели елку с бенгальским огнем и были в полном восторге; потом они рассказывали другим, что они были в раю и вернулись. Словом, все сошло хорошо, и погода нам не мешала устраивать прогулки, а Шуре кататься верхом со всеми остальными.

Вот и опять ты за работой, хорошо, если ничто Вам не мешает и спокойно сдадите экзамены.

Только, пожалуйста, постарайся вернуться немного полнее, а то тяжело было смотреть на тебя в этот приезд.

До свидания, дорогой Павля

целую тебя крепко за Новый год и твое рождение.

Сообщи, как доехал и как себя чувствуешь.

Твоя РТ.

Семенниковым и Эрну мой привет передай.

1902.I.12

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Открытка: Тифлис. Е.В.Б. О.П. г-же Флоренской. Николаевская, 67. Штемпели: Почтовый вагон № 95. 1902.01.13; Тифлис. 1902.01.14.

Дорогая мамочка!

Мы ехали до Баладжар¹ хорошо: сначала было народу не очень много, а потом даже поезд совсем опустел. Из нашего отдельного купе пришлось выйти, т. к. на одной из станций до Елисаветполя поймали какого-то разбойника – татарина, сильно его изранив, и посадили в наше отделение.

Теперь приходится ждать поезда в Баладжарах. Погода очень хорошая и светит солнце.

В Акстафе² я не мог видеть тети с детьми, т. к. наш поезд день дождался того и, как только последний пришел, отошел. Целую вас всех. Твой П.

Баладжары 19 12/I 02

¹ Баладжары – железнодорожная станция вблизи Баку.

² Акстафа – железнодорожный узел, станция, расположенная на отрезке пути Тифлис – Баку.

1902.I.17

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. В Общежитие Студентов имени Императора Николая II. Большая Грузинская. Студенту П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.01.18; Москва. 1902.01.24. <№ 175>

Тифлис

19 января¹ [1901]

Милый мой Павличек.

Так мне жаль, что ты так плохо провел время здесь и уехал под плохим впечатлением. Теперь было бы тебе, вероятно, веселее дома.

Что у вас делается, и как ты нашел Москву? Вчера я видела во сне, что ты вернулся домой вследствие сильных беспорядков, а след за тобою приехал твой товарищ подраненный и с рассеченным ухом. Словом, можешь по сну видеть, как настроены наши мысли. Надеюсь слышать о тебе только хорошее. Если и в самом деле будет так невозможно зани-

маться, то, конечно, вернешься домой. Мы так мало сумели приласкать нашего угрюмого мальчика.

Наши вернулись из деревни в тот же день вечером. Приехали все здоровыми и веселыми, хотя оказалось, что Валя в деревне заболела плевритом. Благодаря Марго и Христофору и их энергичному лечению, она скоро поправилась совершенно и даже пополнила, а теперь, походивши дня два в гимназию, простудилась опять. Теперь держу ее в комнате и не выпускаю.

Думаю, что ты будешь беречься, как следует. Не простудился ли ты дорогой, будучи так легко одет? Носишь ли теплое пальто? Я вижу отсюда твою ироническую улыбку. Не смейся, пожалуйста. У нас все еще держится прекрасная погода, но, кажется, теперь уже ненадолго. Нового у нас решительно ничего. Дети кланяются тебе. Тетя, кажется, и сама написала по приезду из деревни. Будь здоров, милый. Передай мой поклон милому Эрну.

Твоя мама

¹ Ольга Павловна ошиблась: письмо было написано раньше, т. к. 18 января оно уже было на почте (см. штемпель).

1902.I.20, 22

П.А. Флоренский – О.П., О.А. и Р.А. Флоренским

Конверт: Тифлис Е.В.Б. О.П. г-же Флоренской Николаевская, 67. Штемпели: Москва. 1902.01.22; Тифлис. 1902.01.27.

Дорогая мамочка!

Хотя я уж несколько дней, как приехал в Москву, но все-таки как-то чувствую себя непристроившимся: лекции начнутся только завтра, эти дни мне приходилось мало бывать дома, так что пока заняться, как следует, мне не удавалось. – Тут так тепло, особенно когда я приехал, что можно только удивляться. 19 20/I 02

Сегодня был в Университете на нескольких лекциях. У нас кое-какие курсы читаются новые. Пока проф<ессор> Лахтин¹ начал очень интересные лекции по «теории чисел». Записался снова в физическую лабораторию на прак<ические> занятия, но пока еще не работал: начну на этой неделе.

Был у Готлиба Феодоровича. Он здоров, кланяется вам. Алина зовет его к себе в Италию, но он не хочет делать этого,

Профессор
Московского
Императорского
университета Леонид
Кузьмич Лахтин

т.к. придется тогда отказаться от печатания его «Школы пения», которая совсем готова.

Когда увидишь Анну Владимировну, то передай ей, что деньги и письмо, кот<орые> она дала мне, доставлены по назначению.

На днях тут проездом была Маня Худадова и пробыла несколько часов у Семенниковых. Получил письмо от Ремсо тети; ответу ей в следующий раз.

Дорогая мамочка, напиши мне скорее о всех Вас: мне было очень неприятно и тяжело уезжать из дому и тем более это теперь неприятно, что дня 2–3 еще можно было бы остаться.

Целую тебя, моя мамочка, и вас всех. Нужно бежать в Университет.

Твой П.

Москва. 19–22/1 02

Дорогие Валя и Гося!

Присылаю вам начало сказки, кот<орую> я обещал Гесе перед отъездом. Напишите мне, что вы читаете интересного и много ли бываете во дворе.

Целую вас.

Ваш Павля

¹ Под руководством Л.К. Лахтина Павел Флоренский писал кандидатское сочинение «Идея прерывности как элемент мирозерцания». См. прим. к письму П.А. Флоренского к О.П. Флоренской от 6 сентября 1901 г.

1902.1.23

П.А. Флоренский – А.И. Флоренскому
Москва. Конверт отсутствует.

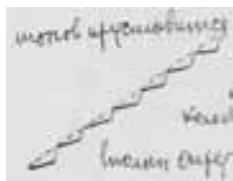

Дорогой папочка!

На днях я получил письмо мамы, из которого узнал, что Валя снова простудилась. Напишите мне скорее, поправилась ли она уже, или все еще держите ее дома.

Теперь, вероятно, хорошо в Тифлисе. А тут такая мерзкая погода (со всех крыш течет, на тротуарах так скользко, что ходить нельзя, на улице глубокие лужи) и скучно по вас, что мне бы хотелось поскорее приехать.

За последнее время я больше занимаюсь теорией чисел¹, пока, собственно, читаю Dirichlet² и лекции (литографирован<ные>) нашего Лахтина, да слушаю его. Мне она очень нравится, так и пахнет от нее седою стариною. И приложений пока никаких нет, так что можно заниматься совсем бескорыстно. Впрочем, у меня довольно неясно мелькает одна мысль, но едва ли скоро можно будет приводить ее в исполнение. Это именно – найти общий вид «числовой музыкальной функции», как я бы хотел ее назвать, – иными словами, положить начало математической эстетике. В идее то дело простое: всякая музыка, музыкальное произведение отличается характером числовой прерывной функции. Это потому, что если мы выбрали какую-нибудь ноту с определенным числом колебаний (напр<имер> «нормальное la_1 »), то уже далее, согласно законам эстетических чувствований и психо-физиологических восприятий, мы не можем употреблять ноты с *любыми* числами колебаний, непрерывно изменять высоту (это будет подвывание). А если и станем, то для восприятия, что вполне доказано, все-таки этот непрерывный ряд тонов представится не иначе, как прерывный ступенчатый, причем высоты этих ступенек, т.е. кажущиеся числа колебаний, будут находиться в известных вполне определенных отношениях к числу колебаний выбранного нами основного тона.

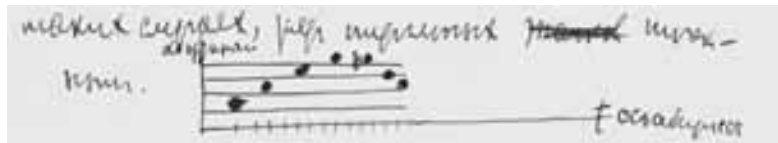

Но мало того: из этого комплекса (ограниченного по числу) тонов после данного тона, согласно законам «музыкальной функции», собранным в специальных музыкальных дисциплинах вроде гармонии etc, нельзя взять всякий, а только один или несколько из известной ограниченной группы: музыкальная функция *многозначна*, но если мы, при начале игры, могли брать любой из тонов, то, по мере развития эстетической идеи пьесы, при каждом новом выборе одного из нескольких значений данной функции, налагаются на исполнителя или композитора дополнительные условия: свобода выбора все более и более суживается, чтобы в конце почти или совсем свестись к нулю: заключительный аккорд не в нашей власти или *почти* не до-

пускает выбора, и вот почему всегда можно предсказать его, первый раз слушая пьесу.

В сущности говоря, тут работы не так уж много, если хорошо усвоить себе теорию чисел. Все правила и законы с эстетическ<ой> стороны есть; есть канонические произведения музыкальн<ого> искусства. А задача с математ<ической> стороны ставится так: дано число. Функцию его требуется найти, раз дан известный комплекс законов, которым эта функция должна удовлетворять.

А если это удастся, тогда можно отсюда извлечь очень много для теории музыки, для психологии творчества. По виду функции, выражающей то или другое произведение, можно сразу указать его общий характер, даже смотря на выражение функции – эстетически наслаждаться, как наслаждается опытный музыкант, глядя на партитуру. Можно видеть, в чем ошибка или ошибки произведения. В сущности говоря, графика этой функции уже есть: это ноты. Время – независимое переменное, выражаемое ритмом – числом тактов; высота звука – функция времени, функция прерывная и многозначная, так что вместо кривой получается, как во всех таких случаях, ряд отдельных точек – ноты.

В конце концов, я зафантазировался, а теперь уж очень поздно. Целую тебя, милый, и всех вас. На днях напишу маме и детям.

Твой П.

Москва. 19 23/I 02

¹ Интерес к теории чисел для Флоренского отнюдь не случаен. Аритмология Бугаева, столь важная для всего мировоззрения Флоренского, выросла из теории чисел – главной области интересов Бугаева. С теорией чисел связана работа Флоренского «Заметки по теории сетей» (декабрь 1902 – январь 1903), а также – «Об элементах α -ичной системы счисления» (март 1906 г.), изданная позднее под названием «Приведение чисел» (Богословский вестник. 1916. Т. 2. № 6. С. 292–321). В 1922 г. Флоренский планировал издать книгу «Число как форма», для которой написал предисловие «Пифагоровы числа» (Соч. в 4-х томах. Т. 2. С. 632–646). В нее, кроме того, должны были войти работы «Приведение чисел» и «Повышение чисел» (рукопись последней статьи на настоящий момент не обнаружена).

² Речь идет о книге «Лекции по теории чисел» немецкого математика Петера Густава Лежен-Дирихле (1805–1859), крупнейшего

исследователя в области аналитических методов теории чисел первой половины XIX века, сделавшего, кроме того, очень много для придания элементарного характера существовавшим в этой области теориям и популяризации теории чисел среди математиков. Г. Минковский сказал о нем: «Он обладал искусством соединять с минимумом слепых формул максимум зрячих мыслей». См.: *Lejeune-Dirichlet P.G. Vorlesungen über Zahlentheorie*. Braunschweig, 1863 (Переизданы затем в 1871, 1879 и 1894 годах). Русский перевод: *Лежен Дирихле П.Г. Лекции по теории чисел*. М.; Л., 1936 (*Примеч. В.А. Шапошникова*).

1901.I.27

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.01.28; Москва. 1902.02.02. <№ 176>

<На обороте конверта написано рукой П.А. Флоренского: та-
лая вода. Варенье. Тамарин. Доктор.>

Тифлис

27 января [1902]

Милый мой Павличек.

Сегодня мы получили твое последнее письмо. Если ты сожалеешь о своем отъезде, то я еще более. Главное меня беспокоит твой плохой вид. Если ты сам так пренебрежительно относишься к своему здоровью, то не мешало бы тебе подумать, сколько беспокойства это доставляет нам. Если ты допустишь развиться в себе какой-нибудь болезни, ведь потом будет уже трудно бороться с нею. Жить и без того становится так трудно и так много забот является со всех сторон, что долг каждого из нас постараться хоть со своей стороны не увеличивать их. Покуда я не увижу тебя хоть немного пополневшим и со здоровым цветом лица, до тех пор я не могу быть спокойна. Тебе непременно нужно заниматься поменьше, а спать и есть побольше. Не нужно также ходить чересчур много. Это истощает тебя.

О нас ничего нового сообщить не могу. Конечно, живем нормальнее, нежели при тебе, так как кончились праздники. Валя до сих пор не ходит в гимназию. Завтра думаю уже послать ее, Агуся и Андрик совершенно здоровы и веселы. Первая уже сейчас после елки стала заводить разговоры о даче и все просит не ехать в Коджоры, а куда-нибудь в другое место. Лиля и Люся усердно занимаются. Теперь Лиля

начала рисовать масляными красками в гимназии под руководством Столовского. Шура, хотя и занимается недурно, но мысли его направлены совершенно в другую сторону. Он только и думает, как бы дерево посадить, какие бы семена приобрести и т.п. Папа пока дома и не собирается уезжать. У нас только и разговору, что о дворниках, помощи и тому подобное. Можно подумать, что не в Тифлисе. С этими новыми правилами создалась всем домовладельцам порядочная возня. Часто жалеешь, что живешь не на квартире, а в своем доме. Слава Богу, что ты хоть избавлен от таких забот и живешь в общежитии. Я это очень ценю.

У Худачевых умерла бабушка, Елена Антоновна. Вчера мы были на похоронах. Там же видела и Альбину Константиновну. Если увидишь Варвару Николаевну, скажи ей, что она совершенно здорова, но скучает без своих ужасно.

Получил ли ты мое предыдущее письмо? Дети кланяются тебе. До свидания, мой милый мальчик. Будь здоров.

Твоя мама

1902.I.30

Е.М. Кутателадзе – Ю.А. Флоренской

Конверт: Заказное. В гор. Тифлис Ея Высокоблагородию Юлии Александровне Мlle Флоренской, Дочери Инженера. Николаевская, № 67. Собствен. дом. Штемпели: Джебраил. 1902.01.30; Тифлис. 1902.02.02

Дорогой мой друг!

Не сердись и не обращай внимания на краткость моего письма, пишу в Уездном Управлении, где я теперь служу. Я тебе, кажется, писала уже о том, что я работаю на Ремингтоне (пишущая машина) и даже получаю жалованье. Ты заранее, без объяснений поймешь мою радость – все-таки чем-нибудь да занята. Словом, собою очень довольна, если не очень, то, по крайней мере, совесть менее мучает меня.

Пиши же, Люсик, почему ты не отвечаешь на мои последние два письма?

На днях получила письмо из Трапезонда от Аси, которой ровно 4 месяца я не писала письма, т.е. со дня выезда из Гирюсов, зато на днях ей послала громадное послание, в 8 листах (чтобы загладить свой грех)! Люсик, дорогая, я к тебе обращусь с просьбой, ради Бога, постарайся исполнить ее. Вот в чем дело: одна моя хорошая знакомая просила меня

выписать ей ноты для пения (для возобновления старых романсов), я ей не могла отказать и взялась смело побеспокоить тебя, моя дорогая.

Ты только зайди в магазин Сузанаджянца и скажи ему, чтобы он выслал сам *наложенным* платежом следующие ноты:

I. Из «*Пиковой дамы*» муз. Чайковского:

а) Дуэт Лизы и Полины: «Уж вечер, облаков померкнули края».

б) «Уж полночь близится» – партия Лизы.

II. Из *Евген<ия> Онегина*: муз. Чайковского.

а) «Пускай погибну я» – *меццо-сопрано*.

б) «Куда, куда вы удалились» – для *меццо-сопрано*.

Затем романсы:

1) «Верь, что и счастье на свете живет».

2) Любовь цыганки.

и какой-нибудь новый романс (можно несколько), полагаюсь на твой выбор вполне, так как ты по музыке поймешь хорошо или же нет. Дорогая, все романсы должны быть *со словами*. Ради Бога, не откажи. Денег тебе *платить не нужно*, так как сам Сузанаджянц должен выслать *наложенным* платежом.

В магазине оставишь адрес мой:

Уроч. Джебраил (Елисавет. Губер.) Его Высочайшему Михаилу Ивановичу Кутателадзе. Управляющему Уезда. А мне можешь писать по тому же адресу, как и раньше.

Тебя любящая, твоя Лиза.

Чем скорее поторопишься, тем больше буду благодарна тебе.

1902.П.03

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.02.04; Москва. 1902.02.09. <№ 177>

Тифлис

3 февраля [1902]

Милый мой Павличек.

Сейчас мы получили твое письмо к папе. Как-то странно слышать, что ты так скучаешь по дому. Когда ты бываешь здесь, кажется, как будто никто тебя особенно не интересуется.

Ваннский
собор (армяно-
григорианский)
в Тифлисе.
Фото и подпись
П.А. Флоренского.
Конец 1890-х гг.

Валя теперь поправилась совершенно и ходит в гимназию. Занятия Шуры идут довольно хорошо, но в последний раз он ухитрился получить 2 за русскую работу: видно, отозвалось на нем почти месячное ничегонеделание. Французское письменное тоже идет у него пока очень плохо, несмотря на то что по устному имеет 5. Лиза тетя еще не приезжала в Тифлис, и не собирается. Зато и ее и Ремсо также снова приглашают в Баку на масленицу. Не знаю, поедут ли.

До сих пор и у нас была прекрасная теплая погода. Было что-то праздничное в этих ясных солнечных днях, сегодня уже поднялся ветер, который грозит нам погнать тучи и снег.

Был ли ты у своих новых знакомых, которых встретил по дороге? Может быть, было бы недурно зайти куда-нибудь в гости, когда тебе становится скучно. Все же было бы тебе развлечение.

У нас в доме тоже все скучают. Вале, видно, хочется чего-то другого, чего не знаю и что трудно найти. Люся почти не занимается, но это, видно, не совсем удовлетворяет ее и меня тоже. Хотелось бы видеть в детях большую близость и задушевность, чего почему-то не бывает, пока дети находятся дома. Как будто что-то мешает людям понимать друг друга и сходиться. Не замечал ли ты того же самого? До свидания, милый, береги и себя, и не забывай твою

Маму

Наш Кавказ постигают всевозможные напасти. Слышали о бывшем у нас сильном землетрясении. Говорят, город Шемаха¹ разрушился совсем, и погибло несколько сотен человек, если не больше. Не осталось ни одного целого здания. У нас в Тифлисе землетрясение было тоже, но очень слабое. На нашей стороне оно еле чувствовалось.

¹ Шемаха – древний город в 122 км от Баку. Землетрясение силой в 6,9 баллов по шкале Рихтера, самое сильное в Закавказье более чем за столетие, привело к полному разрушению города и многочисленным жертвам. *Прим. В.Г. Трифонова.*

1902.П.03

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому
Тифлис. Конверт отсутствует.

Воскресенье 3 февраля
1902 г.

2 часа дня

Дорогой Павля,

дома теперь все здоровы. Погода тут теплая, вчера вечером шел маленький дождь. С нами из деревни никто не приехал. Мы приехали вечером в этот день, когда ты уехал. Поезд опоздал на 2 часа, что очень хорошо, так как по дороге на Геран фэтон перевернулся, и мы опоздали бы к поезду. В деревне было очень весело, хотя я больше половины времени не выходила из дому. Твое письмо получила два дня тому назад. Какая погода в Москве?

Дорогой Павля!

Прощай, целую тебя.

Твоя Валя.

1902.П.09¹

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской
Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая моя мамочка!

Сегодня я получил твое письмо и вижу, что ты беспокоишься обо мне. Совершенно напрасно, т.к. теперь причин на это менее чем когда-либо: у нас все совершенно спокой-

*This Statue is renowned Shakespeares' Soule of th' age
The applaus: delight: the wonder of the Stage:
Nature her selfe was proud of his designs:
And joy'd to weare the dressing of his lines:
The learned will Confesse, his works are such:
As neither man, nor Mice, can praysc to much.
For ever live thy fame, the world to tell:
Thy like, no age, shall ever parallell.*
w.m. Audygn.

но, даже прокламаций не ходит на лекциях, да, насколько я знаю и соображаю по настроению университета, ничего и не предполагается. Записался я на практические занятия в лаборатории (по физике) и сегодня уже работал немного в ней. Как и предсказывал проф<ессор> Соколов, теперь, во втором полугодии желающих работать едва-едва набрали в достаточном количестве, а в прошлом полугодии приходилось между получившими «5» кидать жребий. А занятия теперь интереснее, чем в прошлом семестре, т.к. более содержательны.

Успел ли Шура подогнать пропущенное им? Он опоздал с приездом, вероятно, приблизительно на неделю.

У нас бывают морозцы но не большие; максимум, был -12° С и то рано утром; а т.к. ветра нет, то кажется на дворе теплее, чем у нас в Тифлисе без всякого мороза при холодном ветре; только надо закрыть уши. Я хожу в легком пальто, а для оправдания могу указать на то, что даже Коля, с согласия Варвары Николаевны, ходит в легком пальто: значит, уж совсем тепло.

Вильям Шекспир.
Гравюра работы
Мартина Дройсхута
1623 г., приведенная
в книге сонетов
Шекспира, изданной
в 1640 г. Джоном
Бенсоном

Занимаюсь понемножку Шекспиром², т.е. перечитываю перевод Соколовского³ и читаю кое-какие комментарии и Брандеса⁴. И чем более вчитываешься, тем более убеждаешься в своем давнишнем мнении, что тут яснее, чем в других случаях, проявляется мистико-религиозная подкладка всякого творчества. Я прямо не могу ни понять, ни признать того, чтобы сознательно можно было, кому-то ни было, создать такое совершенство. Оставим в стороне эстетические качества, психологичность и т.д. Это настолько заговорено, что не стоит указывать, а я сошлюсь на великое множество деталей. Вскользь брошенное сравнение – а ведь оно предвосхищение того, что сделано было очень не скоро. Отдельный мелкий факт, – а для него надо быть вполне знакомым хотя бы с современным автору положением науки, даже не быть знакомым, а быть самому ученым этой области. Если читать

внимательно, то таких замечательных мест найдем сколько угодно; это небрежно брошенные гениальные открытия, из которых многие порознь могли бы создать солидную ученую репутацию. А ведь значение Шекспира от этого всего изменится весьма немного. Это только оттеняет его рост.

Эта странная угрюмость передавалась как будто по наследству от отца к сыну в роде баронов фон В*** наконец дошла и донныне здравствующего барона Фридриха. Можно было думать, что самый вид замка и особенно башни навоят на него глубокую печаль и целый рой мрачных мыслей. Наконец, видимо, все это ему стало не в мочь, и он внезапно объявил пораженным детям и старому слуге о немедленном их переселении в соседнюю деревню, причем настрого запретил заходить оттуда в замок. Это было накануне того дня, когда маленькому Карлу должно было исполниться 8 лет. С огорчением на другой день дети рано утром увидели, что вся мебель уже уложена на телеги⁵.

¹ Датировано по письму О.П. Флоренской от 17 февраля 1902 г.

² На протяжении всей жизни Шекспир привлекал внимание П.А. Флоренского. В воспоминаниях об отце он писал, что «евангелием его был гетевский “Фауст”, а библией – Шекспир» («Детям моим...». С. 117). Около 1905 г. для журнала «Весы» была подготовлена статья «Гамлет» (См.: Соч. в 4-х томах. М., 1994. Т. 1. С. 250–280). В списке «Обдуманнные и полубодуманнные статьи и сочинения, имеющие быть написанными в возможно скором времени» есть пункт: «Гамлет (как тип религиозного кризиса). Характеристика. – Это будет переделка гимназической письменной работы “О Гамлете”». В лагерных письмах 1936 г. вновь находим строки, посвященные великому драматургу: «Но что же можно сказать о Шекспире в неск<ольких> строках? Ведь Ш<експир> – это океан, то бушующий, то мирно-плещущийся, принимающий все возможные цвета, скрывающий в себе все мыслимые существа...» (Соч. в 4-х томах. М., 1998. Т. 4. С. 379). «Теперь о Шекспире. Нет ни одного поэта, который передал бы в такой полноте и с такою правдивостью весь диапазон человечности, – если разуместь под этим словом человеческие чувства и страсти...» (Там же. С. 387.)

³ Соколовскому А.А. принадлежат переводы, в основном, трагедий, которые публиковались в первых трех изданиях «Полного собрания драматических произведений Вильяма Шекспира в переводе русских писателей» (Изд 3. СПб., 1880, изд. Н.В. Гербеля). В последующих изданиях его сменили другие переводчики.

⁴ Брандес Георг (1842–1927) – датский литературный критик. В 1895–96 гг. вышла его трехтомная монография «Шекспир, его жизнь и произведения» (русский перевод – 1899), входившая в серию литературных портретов, написанных под влиянием взглядов Ф. Ницше (с которым он состоял в переписке) на роль личности в развитии общества и культуры. Также он автор статей о И.С. Тургеневе, Ф.М. Достоевском, М. Горьком.

⁵ Крупными печатными буквами Павел пишет сказку для младших детей. Весьма ироничная оценка сказки в письме О.П. Флоренской от 10 февраля 1902 г.

1902.II.09

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Общежитие студентов имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Большая Грузинская. Штемпели: Тифлис 1900.02.09; Москва 1900.02.14. <№ 180>

9/II 1902 г.

Дорогой Павлуша,

Я не так скоро собрался тебе писать, так как настроение было совсем не соответствующее. Мирские заботы и дела слишком много занимают места и не дают времени на другое.

Тема поднятая тобою мне мало понятна¹. Если ты и найдешь математическую формулу возможных сочетаний музыкальных звуков – то она будет формулой – только для данного времени и данного места. Но, может быть, я не понял тебя хорошо?

Жизнь наша идет прежним порядком, да и о ней тебе сообщают подробнее мама и дети.

Пиши и ты о себе подробнее. Кланяйся от меня и всех нас Готлибу Федоровичу и поблагодари за добрую память.

Целую тебя, дорогой.

Твой папа.

¹ Ответ на письмо П.А.Флоренского от 23 января 1902 г.

1902.II.10

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту П.А. Флоренскому. Штемпели: Тифлис 1902.02.11; Москва 1902.02.16. <№ 178>

Тифлис

10 февраля [1902]

Милый Павличек.

На этой неделе мы еще не имели известия от тебя, после твоего последнего письма к папе. Надеюсь, что ты здоров,

и все у вас благополучно. Здесь ничего интересного. Живем, как и прежде, мирно, но не всегда весело. Теперь и у нас пошла слякоть, снег и т.п., но это тоже имеет свои приятные стороны и дает разнообразие. Этот месяц было у нас скучновато, так как мы запоздали с выпиской журналов. Только вчера получили один номер «Мира Божия», на который, конечно, все набросились с любопытством. Какие все печальные темы! Видно к тому, кто с удовольствием предавался своей мрачной меланхолии, нечего любоваться собою! Таких, видно, слишком много развелось, и это стало общим местом. Интересно там все-таки многое. Ну, не вяжется у меня ничего. Задано Вале просклонять полтора дюйма и все пристаёт с вопросами? Нужно ли писать полуторным дюймом, или полутораго дюймом и т.п.

Будет ли продолжение их сказки? Кажется, и эта сказка будет в современном стиле? Агуся, надеюсь, скоро напишет тебе сама. Мы с нею уже возобновили занятия, и она уже старается сама записывать свои произведения, хотя и часто пишет у вместо р. Напиши, что у вас делается. Передай мой поклон Эрну и Варваре Николаевне. Будь здоров, милый мой мальчик.

Твоя мама

1902. II. 13

Н.А. и В.П. Семенниковы – П.А. Флоренскому и В.Ф. Эрну
<Две записки в одном конверте.>

Конверт: Большая Грузинская. Общежитие студентов имени императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. <№ 179>

Павлуша и Эрн!

Приходите завтра к нам. Мы пойдем на панихиду по Вилли¹, который скончался 13-го. Н. С.

Вилли Фрей. Фото
Я.А. Пекарского.
Около 1901 г.

Павлуша и Эрн!
Если хотите быть на панихиде по бедному Вилли, приходите сюда 11½ часов сегодня. Если не будете – дайте знать.
В. Семенникова

¹ Фрей Вильям – одноклассник П.А. Флоренского по гимназии. О нем в юношеской записной книжке П.А. Флоренского написано: «...англичанин (американец). Местожительство – 1-я женская гимназия, дверь направо». Он упоминается как гимназический друг, так подписана и его фотография. Умер в Москве в начале 1902 г.

1902.II.14

О.П. Флоренская – А.И. Флоренскому

Конверт отсутствует.

Тифлис
14 февраля
Милый Миша,

Ты верно отгадал: мы тебя ожидали со дня на день, а ты оказывается отложил свой приезд еще на одну неделю.

Нового у нас ничего нет. Из детей никто кроме Лили не ходит в гимназию, так как они говеют эту неделю.

К сожалению, сегодня начался сильный дождь, который обещает затянуться надолго, и им трудно будет выходить в непогоду. У нас немного нездоровы Ремсо и Валя, но серьезного ничего нет, и они ведут свою обыкновенную нормальную жизнь.

От Павлика имела два письма из Москвы. Он, видно, по-старому устроился в общежитии и доволен своею обстановкою. Занятия в университете идут своим порядком, хотя и были попытки со стороны некоторых студентов помешать им. Как видно, пока там все спокойно.

Были у нас без тебя гости. Приезжал Давид, который нашел себе место управляющего и приехал сделать кое-какие заказы, а теперь здесь Сергей Теймуразович.

Вот уже две недели, как у Сони благополучно увеличилась семья еще одной дочкой. Она здорова, но подумать, сколько ей предстоит неурядиц при условиях бакинской жизни и при отсутствии порядочной прислуги! Нужно сказать ей большое спасибо Лизе, за то, что та поехала и повезла ей вдобавок свою женщину на это время. Вообще я думаю, что мы все недостаточно умеем ценить то, что она всегда является в трудное время и старается всем помогать.

*София Павловна
Карамян с детьми
Хамаяком,
Маргаритой и
Эльзой. Фото около
1906 года.*

Кажется, теперь тебе известно все о нас. Андрик и Гося здоровы и немало доставляют нам удовольствия своим видом. Даже интересно будет видеть тебя в роли постоянного папаши, так отвык ты от этого. Сумеем ли устроиться удобно, чтобы не стеснять друг друга, вот вопрос. Надеюсь, что ты не рассердишься за это маленькое сомнение, а пока до скорого свидания и встречи.

Твоя Маша.

1902.П.16

В.Ф. Эрн – А.В. Ельчанинову

Открытка: В гор. Петербург. Его Высокоблагородию Александру Викторовичу Ельчанинову. Васильевский о-в, 9 л., д. 64, кв. 26. Штемпели: Москва. 16.02.1902; С.Петербург. 17.02.1902

Дорогой Саша! По некоторым причинам, разъяснению которых не тут место, я решил остаться по болезни на второй год; если мне удастся устроить это с формальной стороны удовлетворительно, то я выеду в Тифлис в конце недели; в четверг, пятницу или в субботу. Ответ, осчастливит ли меня судьба ехать с тобой.

Твой В.Ф. Эрн

1902. II. 16, 20

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

16 февраля

Дорогой Павля!

Извини, что до сих пор не ответила тебе, а теперь, пожалуйста, и сам раньше с нами увидишься. Слухи у нас ходят самые ужасные и разноречивые, не знаешь, чему верить. Пожалуйста, пиши чаще, а то такое напряженное состояние, все ждешь чего-то ужасного. Сегодня еще узнали о смерти Вилли. Конечно, всех это страшно поразило.

Наши занятия по психологии идут пока плохо, мои, вернее, совсем не идут. У всех в гимназии масса мелкой, преглупой работы, у меня еще латинский, который отнимает массу времени, хотя знаем мы очень мало, так что и даже думать об экзамене боюсь, а экзамен сравнительно скоро, сейчас же после Пасхи.

20 февр<аля>

Благодарю тебя, дорогой Павля, за карточку (Ada Negri¹). Я ее уже повесила у себя над столом. Сейчас была у Жени, потом с ней и Марусей пошли гулять; мы ведь свободны, распущены на юбилей Гоголя, масленицу и первую неделю В<еликого> поста, всего на 12 дней; все мы собирались за это время много работать, но пока только собираемся, т. что занятия наши идут очень медленно. Главное, ужасно трудно доставать книги; вот и сейчас не могу достать даже «Психологию» Бена, а нужно к воскресению прочесть.

У нас дома будет теперь страшно шумно, много народу. Папа уехал на 2 дня и приедет завтра, вчера приехала Лиза тетя, в воскресенье – С<ергей> Тейм<уразович>, потом едет Давид, а может быть, и из Баку соберется Николай Ростомович или Маргарита.

Должно быть, ты уже знаешь, что Екатерина Ивановна выписала Сашу сюда, так что его ждут 24 февр<аля>. Дело в том, что Ек<атерину> Ив<ановну> страшно напугали, и она телеграфировала от имени Жени и без ее ведома, что «стала больна». Женя страшно негодует.

Как ты живешь и что делаешь? Что делается у вас вообще?

Храпко каждый раз пытается меня насчет тебя и твоих, но я очень политично только поддакиваю ему и молчу, т.к. имела уже предостережение со стороны против него, как

ярого члена некоторого учреждения. Впрочем это не мешает нашим занятиям. В конце поста он хочет даже удвоить порцию, заниматься каждый день. Нужно как-нибудь подготовиться к экзамену.

До свидания, дорогой Павля. Целую тебя. Твоя Люся

P.S. Если случайно скоро приедешь, то захвати с собою Сочинения Соловьева, а то приходится все время клянчить, затем у тебя было введение в философию, что ты давал прошлой зимой. Теперь мне часто приходится жалеть о нем.

Лиза тетя кланяется, дети целуют. Поклон Эрну.

23 февр<аля>. Сейчас приехала Маргарита; очень удивилась, что тебя нет здесь.

Привези словарь иностранных слов, если он тебе не нужен.

¹ Негри Ада (1870–1945) – итальянская поэтесса, происходившая из бедной семьи и пользовавшаяся популярностью в России в начале XX века. См.: Борьба и любовь. Жизнь и произведения А. Негри. М., 1900; *Негри А.* Стихотворения, вып. I, перев. с предисл. В. Шулятикова. М., 1900.

1902.П.17

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Общежитие студентов имени Императора Николая II. Большая Грузинская. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.02.18; Москва. 1902.02.23. <№ 181>

Тифлис

17 февраля [1902]

Милый мой Павличек.

На днях мы получили твое письмо от 9-го числа¹. Ты можешь себе представить, как мы были обеспокоены. Неужели же так и нельзя вам будет спокойно предаться своим занятиям без этих тревожений? Уведомь, пожалуйста, будут ли у вас идти лекции и что ты намерен делать? Не рискованно ли будет оставаться на это время в Москве? Ведь одно то, что ходить в студенческой форме будет мешать тебе вести жизнь спокойную.

Из газет мы узнали о происшествиях в университете, об арестах и т.п. Говорят, что и в Петербурге дела обстояли не лучше, так что вряд ли можно надеяться, что все войдет в норму в скорое время.

Здоров ли ты? Пожалуйста, береги себя. Право же, если ты приедешь к нам опять такой же худой и истощенный, как в прошлый раз, то я смотреть на тебя не захочу, так мне это больно.

У нас все по-старому. Все здоровы. Папа еще не собирается уезжать. Тетя тоже здесь. Лиля усиленно работает над биографией Гоголя, которую она должна прочитать на Гоголевском утре. Люся занимается, сколько сил хватает и даже гораздо больше. Я не знаю, что за мания овладела вами всеми. Даже Лиля и то набирает столько работы, что раньше двенадцатого часа никогда не может лечь спать.

Должно быть, как тебе хочется быть теперь дома!

Напиши, пожалуйста, из-за чего началась история в университете?

Если ты решишь, что тебе лучше вернуться домой пока, то извести, чтобы выслать тебе денег на проезд. А пока до свидания, милый мальчик. Береги себя.

Твоя мама.

Люся просит передать тебе, что ответит на днях, так как эти дни она была занята. Передай мой поклон Эрну и Варваре Николаевне.

¹ Это письмо не сохранилось. Возможно, волнение Ольги Павловны вызывает сообщение о сходке в Московском университете 9 февраля. В этот день войска и полиция оцепили университет, участники сходки бросились в инспекторскую комнату, уничтожили характеристики студентов и секретные документы инспекции, а затем забаррикадировались в актовом зале. Все участники были арестованы и посажены в Бутырскую тюрьму.

1902. II. 17

В.Ф. Эрн – А.В. Ельчанинову

Открытка: В г. Петербург. Его Высокоблагородию Александру Викторовичу Ельчанинову. Вас. о-в, 9 л., д. 64, кв. 26. Штемпели: Москва. 17.02.1902; С.Петербург. 18.02.1902.

Дорогой Саша! Извини, что даром взбудоражил тебя. Оказывается, выехать не могу, потому что Заведующий Общежитием требует внесения всех 90 р., следуемых за полугодие, чего я при всем желании сделать не могу. Извини за беспокойство.

Твой В. Эрн

1902. II. 18

П.А. Флоренский – А.А. Флоренскому

Открытка: Тифлис. Николаевская, 67. Е.В.Б. А.А. Флоренскому. Штемпели: Москва 1902.02.19; Тифлис. 1902.02.24.

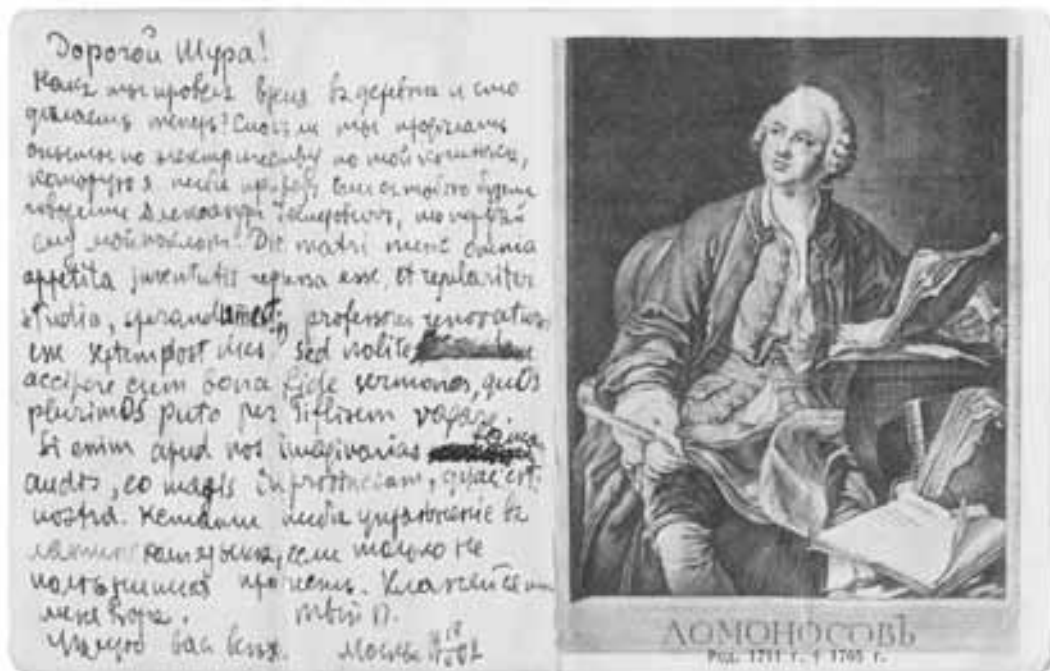
Дорогой Шура!

Как ты провел время в деревне и что делаешь теперь? Смог ли ты проделать опыты по электричеству по той книжке¹, которую я тебе привез. Если с тобою будет говорить Александр Иосифович², то передай ему мой поклон. *Dis matris meae omnia appetita juventutis repressa esse, et regulariter studia, sperandum est³; professores renovaturos esse septem post dies. Sed nolite accipere cum bona fide sermones, quos plurimos puto per Tiflisem vagare. Si enim apud nos imaginariam famam audis, eo magis improductiam, quia est nostra⁴.* Кстати тебе упражнение в латинском языке, если только не полениться прочесть. Кланяйся от меня Боре. Твой П.

Целую вас всех. Москва 19 18/II 02

¹ Речь идет о книге И.И. Святского (1857–1898) «История электричества». СПб., изд. Сойкина П.П., 1897. Интересно, что на следующий год Святский Иван Иванович издал книгу о содержании певчих птиц в неволе.

Письмо
П.А. Флоренского
к брату
А.А. Флоренскому.
Написано на
почтовой карточке
1890-х гг. Изд Шерер,
Наволя и Ко.
Москва

² Ягулов Александр Иосифович – преподаватель древних языков 2-й тифлисской гимназии.

³ Вероятно, опшибка, правильно – *sperandum est*.

⁴ «Скажи моей маме, что все требования молодежи подавлены, и надо надеяться, что занятия, как положено, преподаватели снова начнут через семь дней. Но не слишком доверяйте разговорам, которые, как я полагаю, в большом количестве ведутся в Тифлисе. Если же ты услышишь призрачный слух, тем менее он достоверен, потому что наш» (то есть «исходит от нас». – *Пер.*). *Перевод с лат. А.А. Тахо-Годи и В.Г. Мостовой.* Вероятно, латинский текст дан не столько для обучения брата, сколько для того, чтобы его пропустила возможная цензура.

1902. II¹

Е.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

<карандашом> 1902 – до лета, весна

Лиана Кавальери.
Французская
почтовая карточка
1900-х гг.

Дорогой Павля!

У нас почти все нездоровы, начиная с Андриюшки и кончая папой, который, впрочем, уже выздоровел. Тут очень холодно.

Наверно, будет снег. Ельчаниновы оба приехали из Петербурга. В Тифлисе много студентов. В гимназии у нас все всполошились: раз нагрязнул Завацкий и господам «учебному персоналу» презрительно влетело. Мы издаем журнал. В этом году выйдет только 2 номера, потому что на носу экзамен. Нам не позволили издавать «журнала» (директор заявил, что у нас взгляды еще не сложились и что мы можем все перевернуть, если вздумаем писать критику). Но мы не обратили внимания на его слова и только переделали слово «журнал» на «сборник» и назвали его «Плоды просвещения». 1-ый номер уже вышел. 2-ой выходит. Я теперь совсем не рисую. На уроках географии обыкновенно учу что-нибудь. Стаховский ничего не замечает. У него никто никогда не рисует.

Люся все время или уходит куда-нибудь, или пишет, или читает и скоро станет, наверно, старой девицей в очках.

Я теперь уроков почти не готовлю. Как-то не успеваю: все время нужно что-нибудь читать. К Гоголевскому юбилею я написала его биографию. Вообще почти все биографии к юбилеям пишу я. Пожалуйста, пришли мне, если можешь, открытое письмо с портретом Лины Кавальери. Ты наверно знаешь, кто она: знаменитая петербургская красавица². Если пришлешь, то выбери тот портрет, где она снята в простыне. Сегодня я, Лиза-тетя и Шура ездили в Пушкинский сквер и купили разных цветов и деревьев. Про твое латинское письмо Шура сказал Ягулову, а тот просил принести ему. Но мама, кажется, не дала.

Лиля

Люся просила написать тебе, что ответит на днях, а теперь очень занята.

¹ Датировано по письму П.А. Флоренского от 18 февраля 1902 г.

² Лина Кавальери на рубеже XIX и XX веков своей красотой покорила весь мир, но особенно популярна была в России. Родилась в 1874 г. В шестнадцать лет ей предложили сфотографироваться для открыток, которые затем разошлись по всей Европе с невероятным успехом. Лина была похожа на ангела, каким его тогда рисовали на рождественских открытках. Кавальери объездила весь свет в качестве оперной певицы. В 1901 г. впервые гастролировала в России с огромным успехом, где ее сердце покорила князь Иван Сергеевич Барятинский, богач, ловелас и писанный красавец. Но Лина не желала быть любовницей, она могла войти в дом Барятинского только став его женой. Вскоре Кавальери покинула Россию, увозя с собой значительное состояние, коллекцию драгоценностей, несколько шуб, – и разбитое сердце. Умерла в 1944 г.

1902.П.21

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Четверг

21 февр<аля> 1902 г.

½ второго пополудни

Дорогой Павля,

я позавчера получила твое письмо. Вчера вечером уехал в Елисаветполь папа, но он вернется завтра. Вчера же приехала Лиза тетя. Вчера нас распустили до понедельника. Сегодня после обеда Лиля идет на Гоголевский вечер. Погода тут хорошая. Вчера мы были в Школе Садоводства. Но там

не хорошо, так как к выставке вырубili тогда все деревья. Дома все здоровы. В воскресенье приедет Сергей дядя.

Дорогой Павля!

Прощай, целую тебя.

Твоя Валя.

1902.П.23

Е.М. Кутателадзе – Ю.А. Флоренской

Конверт: Заказное. В гор. Тифлис. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне Флоренской. Николаевская, № 67. Собственный дом. Штемпели: Джебраил 1902.П.02; Тифлис 1902.П.05.

Тифлис

23 февраля.

Как я соскучилась, Люсик, так долго не получая от тебя письма. Что случилось, какая причина такого упорного молчания? Не заболела ли ты, моя дорогая? Хотя и я отчасти виновата пред тобою, но все же моя вина вполне должна забыться, так как сегодня я с тобою хочу подольше побеседовать, следовательно, нужно ожидать, что формат сегодняшнего письма будет не меньше нескольких моих писем. Первая причина моего молчания – это мое отсутствие из Джебраила. Как-то к нам приезжала жена одного тифлисского офицера и несколько раз повторяла свою просьбу навесить ее как-нибудь. Я недолго заставила себя ждать: я страшно стремилась узнать и ознакомиться с жизнью наших пограничных офицеров, которые отдельными семьями живут на постах в нескольких десятках верстах друг от друга. Ты не путай *штаб*, который я видела в Ванке, о чем и сообщила тебе, – с отдельными начальниками отряда, расположенными очень далеко от штаба – на самом берегу Аракса – первые живут вместе – в одном месте, с известным комфортом, как я описывала тебе раньше, а вторые разрозненно и приезжают в штаб бригады изредка, в месяц раз, или по делу, или же для того, чтобы немного повеселиться в обществе своих сотоварищей. Итак, я, воспользовавшись приглашением одной из жен командира отряда, уговорила папу поехать со мною. К нам присоединились два офицера: один командир отдельного отряда, а другой молоденький казак, который был с нами раньше знаком (в Нухе еще) и, встретив нас, присоединился к нашей компании. Уже приехали мы к назначенному месту, как папа

Торня (Пекарня)
в Елизаветполе.
Почтовая карточка
1910-х гг.
Изд. Р.Ш.С., Баку

получил письмо, написанное на татарском языке. Соседний Хан персидский, узнав, что мы приехали на пост, приглашает нас переправиться к нему на тот берег Аракса в *Персию*. Папа предлагает мне познакомиться с Ханом, про которого я еще раньше слышала. Я в восторге и, опасаясь, чтобы Папа не переменил своего намерения, уже приказываю сопровождающим нас казакам седлать лошадей. Папа решил переправиться только через *первый* рукав Аракса (рукавов 2, а затем самый Аракс, от которого в двух верстах живет Джавад-Хан (так его зовут), и вызвать на нейтральный остров, чтобы переговорить между прочим кое-что о контрабанде, но, конечно, хоть последнее было только поводом. У меня все больше и больше берет нетерпение: торопила всех скорее отправиться, не давала никому покоя с постоянными расспросами о Хане, несколько раз влезала на вышку и с биноклем в руках рассматривала правый и левый берега Аракса, который был как на ладони со всеми мельчайшими изгибами его рукавов; вот и дом Хана с неясными очертаниями расположившихся около него других домов и пристроек к ним. Господи! что бы я дала, думала я в ту минуту, чтобы хоть одним глазком взглянуть поближе на эти постройки!

Наконец, наши кончили завтракать, продолжительность которого, между прочим, страшно меня бесила, что усердно старалась скрывать перед гостеприимными хозяевами. Судьба, очевидно, благоприятствовала нам: чудная погода, ни малейшего ветерка – ясное небо, следовательно не надо нам запасаться теплыми платьями, башлыками, плащами –

*Нико Пиросмани.
Разбойники
готовятся
к нападению.
Масло. 1910-е гг.*

несносными атрибутами всех разъезжающих по таким пустырям. Мы незаметно очутились на нейтральном острове и постарались поудобнее расположиться. Через несколько времени я увидела на том берегу нашего посыльного, персидско-подданого, который, чтобы лишний раз не переправляться через бурную реку кричал, что Хан минут через двадцать будет тут. Я не могла сидеть на одном месте от нетерпеливого ожидания. Мой знакомец – казачий офицер, тем временем старался меня занять своим рассказом о жите-бытье Хана, которого он несколько раз посещал и, между прочим, добавил: «Несмотря на то что Джавад-Хан выглядит вполне джентельменом – он страшный варвар и деспот в семейном быту. Вам стоит взглянуть на лица их, чтобы совершенно увериться в моих словах. Не так давно, продолжал мой собеседник, как

Хан, заподозривший свою первую жену в измене, сам *милостиво* позволил ей попроситься с детьми и на глазах последних выстрелил из револьвера, уложив на месте свою спутницу и подругу жизни! И на второй день ввел в дом молодую красавицу (про которую я тебе расскажу уже ниже). Я как-то недоверчиво посмотрела на своего собеседника, но, посмотрев на его молодое честное лицо, никогда, кажется, не главшее (ведь я его знаю хорошо), сама устыдилась своей недоверчивости. Но вот, зашевелились кустарники на том берегу, показалась длинная вереница вооруженных всадников с 3-х линейными винтовками. Впереди на чудной вороной лошади арабской породы едет сам Хан. Он один с двумя родственниками переправился к нам, а сопровождавшая его конница осталась на том берегу рукава. Я с любопытством направилась к нему, довольно бесцеремонно рассматривая его особу. Внешность его довольно симпатичная: высокого роста, выше – средних лет и замечательно добродушная физиономия – это первое впечатление. Я была удивлена, вспомнив рассказы моих знакомых, которые свидетельствовали Хана с самой несимпатичной стороны, а между тем наружность ведь тоже отчасти обрисовывает внутренний мир человека?!

Тут я уже более критически стала рассматривать его, и невольно мои глаза встретились со взглядом Хана. Но, Люси, если бы ты могла представить себе эти глаза: маленькие, карие, с выражением какой-то злой хитрости, насмешки и такая непреклонная сила воли! «Захочу и будет» – говорили эти глаза. Тут ко мне подошел племянник его «Беюк-Хан» – известный тоже своим деспотизмом. У этого те же глаза, как и у дяди, но с какой-то дерзкой самоуверенностью молодого хищника. Знаешь, этот племянник вполне законченный живой тип героев *Купера* – индейцев, с их умом, ловкостью и хитростью, плюс ко всему этому варварская бесчеловечность. «Какие сравнительно русско-подданные татары симпатичнее» – подумала я. Хан обратил внимание, что я его так усиленно рассматриваю и как-то снова каким-то магическим взглядом снова с ног до головы осмотрел меня – лучше сказать, его взгляд выражал – взгляд большого барбоса, который с презрением оглядывает маленькую несчастенькую, жалкую собачонку или болонку, лаявшую попусту на него. Но я тоже не отставала и тоже с дерзкой усмешкой посмотрела на него пристально, этого должно быть он не ожидал, потому что одну бровь поднял удивленно и уже стал разговаривать с Папой.

Хан стал папу уговаривать поехать к нему на тот берег. Папа, конечно, не решался со мной ехать в Персию. «Почему же, Хан, ты сам не хочешь переправиться к нам?» – спросила я его по-татарски. Он, услышав свой язык, приятно поразился и ответил: «Мои проводники не могут ехать тогда со мною, так как их в России преследуют как известных разбойников». Я стала упрашивать Папу переправиться. Папа колебался... Но не долго. И я, не дождавшись его ответа, уже усаживалась на лошадь. Хан заметив мое движение, очевидно, был поражен моей смелостью, потому что как-то удивленно поддернул плечами: он, очевидно, хотя и приглашал, но не ожидал, что я, девушка, верхом решусь переправиться через реку, которая благодаря последним ливням стала ужасно бурная. Он (Хан) подвел мне своего коня и, посадив меня на него, сказал: «Не бойся, конь мой знает реку очень хорошо и на ней не рискуете упасть», а затем, когда уже вслед за мной выехали наши, Хан сказал, обращаясь ко мне: «Ни одна русская женщина не переправлялась еще к нам – вы первая». Вода была громадной глубины – я не ожидала, что Аракс такой глубокий, но я замечательно ехала храбро, чувствуя под собою надежного коня. Была секунда, когда мне показалось, что немного закружилась голова от воды, да отчасти от того страха, который нагнал на нас казачий офицер, чуть не утонувший. Но это было делом только минуты: заметя по одну сторону Дядю – Хана, а с другой – его помощника, я невольно снова подбодрилась. Наконец, мы переехали реку, и я снова пересела на свое дамское седло и помчалась во весь опор. Хан и его проводники (лучше сказать целое вооруженное войско, встретившее нас на берегу) с удивлением смотрели на мою бешеную скачку. Я до сих пор не могу понять, чего ради я скакала! «Елизавета Михайловна, не удаляйтесь от нас далеко – не забывайте, что вы у хищников» – предостерегал меня казачий офицер, но эти предостережения я не принимала особенно близко к сердцу! Меня ввели к ханше, в замечательно богатом костюме, восседавшей на ковре со своими служанками. Но я первый раз видала такую красавицу! Нас усадили, одарили меня подарками: Хан подарил мне лошадь-иноходца, очень красивую, которая пока у знакомого кавалериста, который ее выезжает. Я скоро буду на ней кататься. Довольно пока и это. Целую тебя, Люсик дорогой.

Привет твоим.

Пиши и не забывай меня. Твоя Лиза.

Люся, скажи, кто тебе теперь заменяет старых друзей, например меня? Ведь ты ни слова не пишешь мне, и я уверилась, что ты совершенно позабыла все по-прежнему глубоко любящую тебя Лизу.

*Возвращение с набега.
Почтовая карточка
1910-х гг.*

1902.П.25

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.02.26; Москва. 1902.03.04. <№ 183>

Тифлис

25 февраля [1902]

Милый Павличек.

Судя по последнему твоему письму, у вас теперь уже идут регулярные занятия. Хорошо, если бы удалось довести их до июня, но сомневаюсь. Здесь в Тифлисе уже масса студентов. Между прочим, приехали и Ельчаниновы, которых вызвала из Петербурга их мать. Что думаешь ты? На днях выслали тебе денег, и если найдешь нужным, приезжай и ты. Об этом

вопросе мы как-то не составили себе решительного мнения. Тебе, конечно, лучше знать. Только, пожалуйста, береги себя.

На масленицу приехали к нам Маргарита, Лиза тетя и Сергей дядя. Ждем также Давида на короткое время. Кланяются тебе все.

Будь здоров, мой милый.

Твоя мама

1902.II.27

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская, общежитие студентов имени Императора Николая II. Ст. Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис.1902.03.02; Москва. 1902.03.08. <№ 184>

27/II 1902.

Дорогой Павлуша,

Завтра мы делаем тебе перевод на 50 р. Как сложатся твои занятия, очевидно, ни тебе и никому неизвестно, и можно ли тебе остаться в Москве, конечно, решат обстоятельства, предвидение которых ни в твоей, ни в нашей власти. Сообразно моменту и решишь этот вопрос сам. У нас теперь гостят тетя Лиза и С<ергей> Т<еймуразович>, а также приезжала Маргарита. Нового ничего нет. Недавно я по службе ездил в Елисаветполь на два дня. У нас настоящий март: то тепло, то холодно, ветер. Но деревья уже в цвету.

До свидания, мой дорогой. Если решишься приехать, приезжай, не запрашивая нас. Тебе все кланяются.

Твой папа

1902.III.03

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская, общежитие студентов имени Императора Николая II. Ст. Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.03.04; Москва. 1902.03.10. <№ 185>

3 марта 1902 г.

Дорогой Павлуша,

Сегодняшнее письмо твое для нас было очень приятно, так как из него видно, что ты был в это время занят для тебя

интересной работой, а потому и не хандрил.

Меня также обрадовало, что ты нашел, наконец, нужные тебе материалы, на что я совершенно не надеялся. Задача, взятая тобою, не только интересная, но, думаю, весьма важна возможными последствиями при разрешении во всей области естествознания¹. Могу тебе только пожелать не встретить на этом пути непреодолимых трудностей, на которые указывает и крайняя бедность материалов по этому вопросу. До сих пор на этот вопрос скорее только натыкались случайно и поскорее проходили мимо его. В настоящее время я начинаю дело с твоим переводом, и по всем вероятностям, он будет помещен в нашем журнале² по частям в виде приложения³. Относительно гонорара – возможно, это его получить

(я полагаю) или деньгами, или же 600 экземпляров отдельно сброшюрованных для выпуска в продажу. Последняя комбинация, думаю, лучше, но потребует долгого времени для реализации, т.е. распродажи. Напиши мне свой взгляд и желание по этому делу, хотя окончательно буду действовать по обстоятельствам.

У нас все по-прежнему, дорогой. Март – как март: то холодно, то тепло.

До свидания, мой дорогой. Пиши о себе подробно все, включая до количества употребленных на масленицу блинов.

Твой папа.

*Бада и Бибер.
«Ассенизация
Парижа».
Титульный лист
книги, переведенной
гимназистом
П.А. Флоренским,
но вышедшей
под именем
А.И. Флоренского.
Тифлис, 1902*

¹ Речь идет о теме зачетного сочинения «Идея прерывности как элемент мирозерцания».

² «Инженерное Дело» – журнал, издаваемый Кавказским отделением Императорского Русского технического общества с 1901 г. в Тифлисе, а с 1904 г. в Москве по 4 номера в год. Редакторы М.В. Карпович и Г.П. Передерий.

³ *Бада и Бибер.* «Ассенизация Парижа по сравнению с таковою же в больших городах Европы: Берлине, Амстердаме, Гааге, Брюсселе и Лондоне», издана в Тифлисе в 1902 году в серии «Техническая библиотека журнала “Инженерное дело”», перевод с французского делал под руководством отца П.А. Флоренский.

Москва. Колокольня
Ивана Великого.
Стереофотография.
1890-е гг.

1902.III.10

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. В Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.03.11; Москва. 1902.03.16.
<№ 189>

Тифлис

10 марта [1902]

Милый Павличек.

Сегодня мы получили твое милое письмо, которое доставило нам большое удовольствие. Видно, что ты бодр духом и вполне предан своим занятиям. Только напрасно думаешь взяться еще за новую работу. Не налегай на себя так сильно: ведь не год и не два надо тебе работать. Может случиться, что ты растратишь свои силы раньше времени, и потом явится у тебя разочарование и неохота к чему бы то ни было. Право, не мешает тебе обратить некоторое внимание на мои опасения, хотя я знаю, что ты считаешь себя все понимающим и знающим. Но ведь это не ты один. Другие так же думали. Извини, дорогой, но ты так не силен физически, что я поневоле возвращаюсь к этому надоевшему тебе вопросу. – Эти дни у нас были гости. Приезжали Лиза-тетя, Маргарита, Давид и Сергей Теймуразович. Было, конечно, оживленнее обыкновенного. Теперь уже все разъехались по местам. Давид тоже весь увлечен своею практическою деятельностью.

Теперь у него множество планов, из которых хоть некоторые у него удадутся, судя по нашему мнению. Имение он оставил и поедет туда только в гости.

В последнее время мы все были нездоровы поочередно. У всех болело горло. Теперь уже поправились. Это было вдвойне неприятно, так как Люсе и Вале пришлось просидеть дома и пропустить занятия. Теперь придется догонять. Шура же занимается регулярно. Сегодня он с товарищем и со студентом Ельчаниновым (которые оба здесь по желанию матери, как тебе, вероятно, известно) отправились в Мцхет на прогулку.

Люся кое-как дотягивает свои занятия в гимназии; но усердно занимается латынью и др<угими> предметами. Как видишь, я стараюсь писать тебе о каждом члене семьи, так что ты не можешь жаловаться на нас. Очень приятно, что ты нашел интересного родственника в Готлибе Федоровиче. Я была о нем совсем иного понятия. О нашей истинной педагогической системе он, вероятно, был бы совершенно иного мнения, если бы увидал нас поближе; но, к счастью нашему, он будет знать нас только из прекрасного далека. Он, вероятно, судит по тамошнему экземпляру.

Папа просит тебя не разбрасываться в твоих работах и не братья за предлагаемую тему, а лучше остановиться на первой теме, которую он очень одобряет. Он предлагает тебе заняться ею, если только она хоть сколько-нибудь подвигнута у тебя. Сообщаю тебе, между прочим, новость, что он, кажется, скоро пристроит твой летний перевод. Редакция журнала теперь уже торопит его дать поскорее статью для напечатания. Будь здоров, милый. Кланяются тебе все домашние.

Твоя мама

Получил ли ты деньги? (50 р.)

Кланяйся Эрну и Варваре Николаевне.

1902. III. 12

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая мамочка!

Тут все идет по-прежнему, т.е. нормально. Но сейчас, после Пасхи начинаются экзамены, так что теперь находишься в глупом метании: с одной стороны, надо готовиться к экза-

менам, с другой, готовиться к лекциям и посещать их. Хотя к экзаменам я пока еще не готовлюсь, но свои работы пришлось, конечно, совсем забросить, т.к. времени не хватает даже на подготовку к лекциям, тем более что за последнее время бывал часто в гостях. Мне втайне очень хотелось бы, чтобы экзаменов почему-нибудь не было; они отнимают совершенно непроизводительно почти 3 месяца, сильно утомляют и в результате так засоряют голову, что после уж ничего нужное долгое время не лезет в нее.

Насчет перевода скажи папе, чтобы он поступал, как знает: я к нему совершенно равнодушен, но хотелось бы иметь 3 экземпляра в своем распоряжении, если это окажется возможным.

Соня Андросова усиленно занимается латинским языком, т.к. собирается держать в скором времени экзамен.

50 рублей я получил, но, как уже писал, вы прислали их совершенно напрасно. У меня еще из старых денег осталось 40 р. Я раньше вам писал, что у меня 40, но, покопавшись в сундуке, я откопал еще 10.

Вчера мы с Эрном ходили на Сухаревку¹ и нашли там довольно много интересного, а главное страшно дешево. Напр<имер>, я достал себе «Теорию чисел» Сохоцкого², которая представляет теперь библиографическую редкость. Пусть Люся напишет, не надо ли ей достать чего-нибудь, да и вы все тоже; тогда будет надежда на исполнение. А то когда перед самым отъездом начинаешь бегать по городу и разыскивать что-ниб<удь>, то никогда не можешь натолкнуться на нужное.

Целую вас всех, дорогая мамочка. Нужно сейчас идти, а задерживать письмо не хочу.

Твой П.

Москва 19 12/III 01³

¹ Сухаревка – Сухаревский рынок, находился на Б. Сухаревской площади. Возник в конце XVIII в. как место торговли съестными припасами. На Сухаревке торговали также картинами, скульптурами, изделиями прикладного искусства. Сухаревский рынок и прилегающие переулки к концу XIX в. были одним из центров букинистической торговли. Существовала в 1920-е гг.

² Сохоцкий Юлиан Васильевич (1842–1927), с 1882 г. – ординарный профессор Петербургского университета. Книга, о которой идет речь, – это либо литографированные лекции «Теория чисел» 1884–85 гг., либо – Высшая алгебра. Ч. 2: Начала теории чисел. СПб., 1888.

³ Ошибка, надо 1902.

1902.Ш.12

С.В. Андросова – П.А. Флоренскому

Конверт: Здесь. Его Высокородию Павлу Александровичу Флоренскому. Большая Грузинская ул. Студенческое общежитие. Штемпели: Москва. 1903.03.13. <№ 187>

*Сухаревский рынок.
Почтовая карточка
1920-х гг.*

12 марта 1902 г.

Буду чрезвычайно благодарна тебе, если ты зайдешь к нам на днях, ибо мне очень надо с тобою посоветоваться. Студент, дающий мне уроки латинского языка, оказался недостаточно сведущим, т.ч. дальнейшие занятия с ним я считаю бесполезными. Не можешь ли ты указать мне на более подходящего или посоветовать что-либо иное? Подробности сообщу на словах. Заходи хотя поздно вечером, от 10 ч. дома.

С. Андросова

Если можешь, то постарайся быть до пятницы.

1902.III.14

С.В. Андросова – П.А. Флоренскому

Конверт: Его Высокородию Павлу Александровичу Флоренскому. <Почту не проходило> <№ 188>

Прошу тебя быть сегодня, т.е. 14 марта у нас в 9 ½ часов вечера *непрерменно*.

С. Андросова

1902.III.21

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Е.В.Б. Павлу Александровичу Флоренскому. Большая Грузинская. Общежитие Имени Императора Николая II. Штемпели: Тифлис 1902.03.29; Москва 1902.04.03. <№ 192>

<На конверте рукой Ю.А Флоренской>: Конверт так просвечивает, что пришлось обернуть письмо.

Тифлис

21 марта [1902]

Дорогой Павля!

Давно не писала тебе, но и ты не ответил на мое последнее письмо.

Дело в том, что у меня и во мне за это время в жизни были такие пертурбации, что, право, не могла сосредоточиться на чем-нибудь.

Занятия наши в гимназии идут по-прежнему, или лучше, совсем не идут, конечно, исключая педагогику. Все дело заключается в том, чтобы критиковать уроки друг друга. От скуки и безделия чувствую, как дурею. Ты спросишь, почему же сама ничем не занимаюсь? Пробовала, но решительно невозможно. Эти две недели до Пасхи я надеюсь выхлопотать себе отпуск по случаю латинского экзамена; думаю, что отпустят, тем более что уроки я дала все и делать в гимназии мне больше нечего.

Последнее время приходится усерднее заниматься латинским; оказывается, я решительно ничего не знаю; страшно и подумать об экзамене.

Пока здесь Саша, организовались правильные и очень интересные прогулки за город. Ездили в Мцхет и оттуда к Лермонтовскому монастырю¹; вчера без меня пошли из Авчал в какой-то женский монастырь. – Компания очень боль-

Ельчанята.
Подпись на обороте:
«Флоренскому.
Тифлис. 1900 П/6.
А. Ельчанинов»

шая – 18-20 человек, но все свои, тоже гимназисты – 4-го класса (Ельчаниновский кружок). Вообще, в этом году я страшно много гуляю и одна, и с другими. Много проектов прогулок и на лето, но не знаю, удадутся ли.

Как живешь ты и когда собираешься приехать?

У нас тут теперь такая жара, как летом. Живешь с открытыми окнами и, конечно, все летнее.

Я хотела попросить тебя, если сумеешь исполнить, купить мне у букинистов некоторые книги, которых здесь я не могу достать. Я тебе пишу порядочный список; быть может, случайно попадутся какие-нибудь из них

Гижицкий – Основы Морали².

Потебня – Мысль и язык³.

Тэн – Об уме и познании⁴.

Паульсен – Введение в Психологию⁵.

Папа, кроме того, просит достать ту книгу, о которой он писал в предыдущем письме. Напиши, пожалуйста, сколько понадобится денег, чтобы можно было выслать.

Еще просьба – вышли тоже наложенным плат<ежом>: *Виноградов* «Накануне нового века»⁶ – 2 экземпляра. Мы хотели достать через Центральную, но слышим только обещания, вот уже около 1 ½ месяцев. Извини за поручения, если не придется, то не делай. Целую тебя.

Твоя Люся.

Кланяйся Эрну.

Не знаешь ли ты: есть по-русски 6 лекций по дидактике о Герберте Рейна. Г<еоргий> Н<иколаевич> читал нам в классе, но кажется, перевод с немецкого, и немецкий же экземпляр предлагал нам, но я ничего ведь не понимаю.

Мама, тетя и все целуют тебя и кланяются.

¹ Вероятно, имеется в виду монастырь Самтавро, расположенный в Мцхете, а, возможно, остатки монастыря, упраздненного уже во времена Лермонтова. Лермонтов странствовал по Военно-Грузинской дороге и в Мцхете наткнулся на одного монаха, или, вернее, монастырского служку, последнего из братии упраздненного близлежащего монастыря. Рассказ монаха послужил основой для сюжета поэмы «Мцыри».

² Г. фон-Гижицкий, профессор. Общее благо как принцип нравственности. // Образование. СПб., 1895.

³ Потембин Александр Афанасьевич (1835–1891) – философ, филолог, профессор Харьковского университета. П.А. Флоренский неоднократно обращался к его труду «Мысль и язык». Первая публикация в Журнале министерства народного просвещения, второе издание – Харьков, 1892.

⁴ Тэн Ипполит Адольф (1828–1893) – французский философ, психолог, эстетик, писатель, историк. Родоначальник эстетической теории натурализма, основатель культурно-исторической школы в искусствоведении, развивавшей историко-генетический анализ искусства. «Об уме и познании» (1870, рус. пер. 1872) развивает материалистическую точку зрения в противовес агностицизму Канта и индуктивизму Дж. Ст. Милля.

⁵ Паульсен Фридрих (1846–1908). Введение в Психологию. Русский перевод 1 изд. – М., 1894; 2 изд. М., 1 изд. Московского психологического общества. 1899.

⁶ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – академик. «Накану»

Мцхет. Вдали на горе
«Лермонтовский
монастырь» – Храм
Святого Креста –
Джвари.
Гравюра. «Живописная
Россия». Том 9,
«Кавказ». М., 1883.
С. 43.

не нового столетия». Лекция. Отчет Московского университета за 1900 г. С. 77. Изд. Т-ва И.Д. Сытина. М., 1902.

1902.III.24

Е.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская, общежитие студентов имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.03.24; Москва. 1902.03.30. <№ 191>

<1902.III.24>

Дорогой Павля!

У нас все здоровы. У меня очень много занятий. Не очень, но достаточно. Кроме того, нужно очень много прочесть, а я почти ничего не успеваю. Я совсем не рисую. Мы, то есть наш класс, издаем журнал. Первый номер уже вышел; второй выходит. Мы думаем, чтобы выпустить в этом году только два или три номера, так как у нас должны быть скоро репетиции и экзамен. А в будущем году постараемся издавать каждый месяц. Нам сначала директор запретил издавать его. Но мы не обратили внимания. Теперь все уладилось. Он страшно боится нашей «критики», как он сам выразился, то есть боится, как бы *мы* не задели учителей.

Я хочу писать биографию Жуковского, но кажется не найду ни одной дельной биографии. Пока я еще не искала. Кроме того, у меня нет даже его сочинений, и я их не читала.

Шура каждый праздник ходит на прогулку с Ельчаниновым и другими. Иногда с ними ходит и Люся. А я сижу дома, и ко мне никто не ходит. Мама сердилась, когда я ее просила пойти куда-нибудь или отпустить к подруге; я решила теперь не просить никогда, пока мама сама не захочет. А это будет, когда мне будет не меньше 20 лет. Она чего-то боится, находит, что мне решительно все еще рано. У Люси каждый день латинский урок; после Пасхи она держит экзамен. У нее очень много занятий. Она продолжает вегетарианничать и дошла до того, что иногда, идя в гимназию, должна возвратиться вследствие головокружения, сердцебиения или тому подобных вещей. Валя занимается очень хорошо. Андря дерется, и все время просит сладкого. Гося, кажется, не занимается, но зато раз принялась было писать «свои похождения на необитаемом острове», под влиянием «Елены

Робинзон». Она нашла, что ее новая кукла, очень смахивающая на поросенка, гораздо красивее Кавальери.

Целую тебя.

Лиля

Благодарю за карточки.

1902.III.24

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

Воскресенье,
24 марта 1902 г.

Дорогой Павля,

извини, что я так долго не писала. Погода тут страшно жаркая. Какая погода в Москве? Лиза тетя уехала уже давно, 7 марта вечером. Сегодня я была в Муштаиде¹. Сейчас мама и Лиля на выставке картин. Тут все здоровы. Твое письмо получила я давно. В саду теперь цветут вишни и смородина, а абрикосы уже отцвели. Ты спрашивал, что было на Гоголевском утре. Ничего особенного, только читали его биографию и сочинение его «Заколдованное место», а также показывали его туманный портрет.

Дорогой Павля!

Прощай, целую тебя.

Твоя Валя

¹ Муштаид – квартал и парк в западной части Тифлиса.

1902.III.25

С.В. Андросова – П.А. Флоренскому

Записка:

Павля!

Очень прошу подождать меня, к 3 ½ часам буду дома *непрерывно*.

С. Андросова

<Притиска рукой П.А. Флоренского>:

Соня у меня во вторник 25-го *утром*.

1902. III. 27

П.А. Флоренский – Ю.А. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. Ю. А. Флоренской. Николаевская, 67. Штемпели: Москва. 1902.03.29; Тифлис. 1902.04.03.

Москва. Храм
Христа Спасителя.
Почтовая карточка
1890-х гг. с текстом
послания неустанов-
ленного лица

Дорогая Люся!

Сейчас искал твое письмо, но у меня в ящике от стола получился такой хаос, что никак не мог найти. Придется писать так.

На днях уехала Нюта. Она взялась довести тебе Кюльпе¹ и «Словарь» Павленкова². Я думаю, что она приедет раньше моего письма.

Если ты собираешься поступить на курсы Герье в этом предстоящем году, то прошение необходимо присылать поскорей, кажется до 15 мая, т.к. преимущество отдается подавшим прошение ранее других. Документов там прилагать не надо, а только написать все свои отметки, отделение, на кот<орое> хочешь поступить (естественное, историческое, математическое), отделение, на кот<ором> была в 8 и 9 классах гимназии и т.п. Это делается как-то через вашего директора, так что там узнаешь лучше всего. Надо также написать о согласии родителей и на чьи средства подательница

прошения будет жить. Впрочем, надо сказать, что на курсах Герье профессоров, особенно на историческом отделении, осталось немного; большинство перессорилося с Герье и отказалось читать лекции.

Последнее время очень много занятий, а в то же время столько часов приходится тратить на пребывание в университете, что решительно не знаю, когда успею подготовиться к экзаменам. По большей части возвращаешься из университета, пообедаешь и, не успеешь немного отдохнуть, как уже чай.

Недавно попала мне книжка – сборник рассказов молодого писателя Андреева³. У него есть талант, но иногда Андреев страдает вычурностью, а иногда истасканным и переистасканным жанром в духе Успенского–Чехова–Горького. Ему удаются особенно настроения, кот<орые> можно назвать недосказанными, жуткость и тягостная придавленность, но не страх. Можно было бы, пожалуй, хотя несколько односторонне, охарактеризовать его поэзию словами одного из рассказов: «Это не была тишина, потому что тишина – лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось могли бы говорить, но не хотят». Именно в лучших его рассказах наблюдается такое молчание: автор не хочет говорить ни кто́, ни что́, и в результате получается глухой набат зловещей тайны. Впрочем это не везде, но именно там, где этого нет, рассказ слаб.

Но тема эта, по преимуществу рассказа «Молчание», заимствована из такого же по заглавию произведения По⁴. Читая Андреева, я как-то невольно вспомнил о замечательном бельгийском поэте Ж. Роденбахе⁵ (его я читал только посмертные рассказы). У него тоже недосказанность. Но какая разница в тонкости. У Андреева грубо, пожалуй, иногда вульгарно. У Роденбаха как будто проносятся клочья тумана. Особенно хороши его женские типы, впрочем едва ли можно назвать их типами, – образы никому неизвестные, полные благородства и никому неизвестные.

В одном рассказе говорится про какую-то бедно одетую женщину с великолепными волосами, настолько исключительно-замечательными, что их в магазине волос не хотят купить: они не подойдут к посредственным волосам покупательниц магазина.

В параллель могу привести слова Андреева: «То, что усваивалось другими на лету, ему стоило мучительных усилий и все-таки, даже врезавшись в память неизгладимо, оставалось

чужым, посторонним точно это была не живая мысль, а попавшая в голову книга, коловшая мозг своими углами».

Роденбах настойчиво проводит эту мысль об антагонизме между поэтом и толпой, и правильность ее на нем самом сказывается скорее всего. Его произведения не из тех, кот<орые> могут быть популярны. Они слишком тонки для большой публики.

Я писал Георгию Николаевичу, но почему-то так и не отправил писем.

Целую вас всех. Напишу маме на днях. Скажи папе, что бы с переводом поступал, как знает; только мне хотелось бы иметь 3 экземпляра, а остальное мне решать нет ни малейшей претензии.

Твой Павля

Москва 19 12/III 01⁶

¹ Кюльпе Освальд (1862–1915) – немецкий философ. «Введение в философию». Перевод с 2-го немецкого издания. Изд. О.Н. Попова. СПб., 1901.

² Павленков Флорентий Федорович (1839–1900) – книгоиздатель. За распространение идей революционных демократов подвергался преследованиям, около 10 лет провел в тюрьмах и ссылках. В ссылке составил «Наглядную азбуку» (наглядно-звуковой метод обучения грамоте), издававшуюся в России 22 раза, и краеведческо-публицистический сборник «Вятская незабудка». Вернувшись в Петербург, развернул издательскую деятельность, выпуская дешевые книги, оформленные художниками В.М. Васнецовым, Н.Н. Карзиным, А.И. Лебедевым. Издал 600 названий книг общим тиражом около 3 млн. экземпляров. Серии сочинений классиков «Пушкинская библиотека», «Гоголевская библиотека», «Лермонтовская библиотека», романы Диккенса, Скотта, «Сказочную библиотеку», биографии замечательных людей, Библиотеку полезных знаний. Широкою известность приобрел однотомный энциклопедический словарь (92 печатных листа), выпущенный Павленковым в Петербурге в 1899 г. В семье Флоренского были сочинения А.С. Пушкина в издании Ф.Ф. Павленкова. Во время обыска их конфисковали.

³ Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) – писатель. В начале 1900-х годов сблизился с М. Горьким, примыкал к группе писателей «Знание». «Рассказы», сборник. СПб., изд. Знание. М., 1901.

⁴ По Эдгар Аллан (1809–1849) – американский писатель и критик, представитель романтизма, один из родоначальников фантастической и детективной литературы, предвосхитил декадентскую литературу.

⁵ Роденбах Жорж (1855–1898) – бельгийский поэт, вместе с Верхарном представитель старшего поколения бельгийских символистов. Автор 7-ми поэтических сборников, 2-х романов и нескольких пьес.

⁶ Ошибка, надо 1902.

1902.III.30

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва. Е.В.Б. П. А. Флоренскому. Большая Грузинская, Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Штемпели: Тифлис. 1902.03.30; Москва. <нрзб.>.

19 III/02

Дорогой Павля!

Получил ли ты мое последнее письмо? Там я тебя просила выслать мне Виноградова; если ты еще не выслал, то не нужно, потому что и тут, наконец, получили.

Эти дни сижу дома, зубрю латинский, т.к. получила отпуск, о котором тебе писала. – Сегодня имели повестку на новый том энциклопедического словаря. У нас продолжает парить; ждем первой основательной грозы. Что у вас? Целую тебя

Твоя Ю. Ф.

1902.IV.07

О.П. Флоренская – П. А. Флоренскому

Конверт: Москва. Большая Грузинская. В Общежитие студентов Имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.04.08; Москва. 1902.04.13. <№ 193>

Тифлис

7 Апреля [1902]

Милый мой Павличек.

Давно не писала тебе, и ты, вероятно, беспокоишься. Сколько раз я собиралась писать тебе, начинала и потом не доканчивала письмо. На днях была у нас Нюта и привезла вести о тебе. Передай Варваре Николаевне, что приехала она совершенно благополучно. Теперь она занялась энергично приведением в порядок нижнего этажа и устройством. Все это, вероятно, ей, конечно, известно из писем Нюты, но пишу так, на всякий случай, если будет спрашивать тебя. У нас после сильных жаров настали опять холода и дожди. Детей уже распустили на праздники, и теперь эта непогода очень чувствительна им. Гехтман советовал Шуре прочитать несколько книг по истории, но, к сожалению, у нас их нет и не знаю, где достать. Придется поневоле все их купить – Виппера¹, Дю-Кутре², Варенина и др. – Сегодня мы полу-

чили телеграмму от Лизы тети с приглашением в деревню, но дети не поедут, да и Ремсо-тетя, кажется, нет. – Читал ли ты в «Вестнике психологии и философии» статью Жаркова³. О ней было вскользь сказано в одном <нрзб.>, и мне кажется, что тема близко подходит к твоей. Так ли? Кланяются тебе все. Папа не уезжает никуда.

Твоя мама

*Библиотека
в гимназии.
Альбом Т. Герсамия
«Старый Тбилиси».
Тбилиси, 1984.
Рис. 167*

¹ Вишпер Роберт Юрьевич (1859–1954) – историк, академик. С 1900 г. Вишпер начал издавать серию учебников: «Древняя история для среднего возраста», «История средних веков», «Новая история для старших классов гимназий».

² Дю Кутре Густав (1858–1906), историк. «Краткая история цивилизации». 2 т. Приложение к журналу «Детское чтение» 1898–1899 гг. М., 1900.

³ Это ошибка: статья не Жаркова в «Вестнике психологии и философии», а Жакова в «Вопросах философии и психологии». См.: Жаков К. Понятие бесконечности в алгебре, в анализе, в геометрии, в философии; проблема о бесконечности пространства; проблема о бесконечности вещества // Вопросы философии и психологии / Под ред. кн. С.Н. Трубецкого и Л.М. Лопатина. Кн. I (61), январь-февраль 1902. С. 568–580. Жаков Каллистрат Фалалеевич (1866–1926) – коми-зырянский этнограф, философ, писатель. Он прошел путь от материализма и атеизма к религиозному мистицизму. Создал собственное

философское учение – «лимитизм» («философию предела»), которое изложил в работах: «Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания» (1904); «Понятие предела в математике (с точки зрения логики)» (СПб., 1905); «Основы эволюционной теории познания (Лимитизм)» (СПб., 1912); «Лимитизм: Единство наук, философии и религии» (Рига, 1929). Он так же, как и П.А. Флоренский в университетские годы, стремился осуществить синтез искусства, науки, религии и философии на основе математики.

1902.IV.09

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому
Тифлис. Конверт отсутствует.

Вторник 9 апреля 1902 г.

2 часа дня.

Христос Воскресе!

Дорогой Павля!

Погода здесь почти целую неделю плохая, только сегодня выглянуло солнце,

но ветер все еще холодный. Какая погода в Москве? Деревья фруктовые отцвели, на них уже даже небольшие плоды. Получил ли ты мое письмо. Яиц в день у нас штук по 9. В пятницу или субботу к Лизе тете приедут Давид и Маргарита, а может быть, и Христофор. Лиза тетя приглашает Шуру, Ремсо тетю и Павлю Сапарова¹, но они не едут.

Дорогой Павля!

Целую тебя, прощай.

Твоя Валя.

¹ Павел Аркадьевич Сапаров – двоюродный брат детей Флоренских.

1902.IV

Р.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Дарагой Павла паздравляю тэбя с праздником

От Госи Павли

1902.IV.10

Ю.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва. Е.В.Б. П.А. Флоренскому. Большая Грузинская. Общежитие Студент. Имени Императора Николая II. Штемпели: Тифлис 1902.04.10; Москва. <нрзб.>. <№ 195>

Дорогой Павля! Как ты проводишь там праздники? На днях была у нас Ньюта и принесла Кюльпе и словарь. Благодарю за них. Георгий Никол<аевич> жалуется, что ты все изобретаешь для него какие-то особенные письма. Я ему говорила, что ты не послал писем.

Если тебе попадутся, пожалуйста, достань мне лекции по химии с медиц<инских> курсов. Хочу потом заняться.

Тут я часто вижу Сашу; брал он твои какие-то ключи. До свидания. Целую. Когда кончатся тв<ои> экзамены.

Тв<оя> Люся.

1902.IV.10

Е.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Большая Грузинская. Общежитие студентов имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.04.10; Москва. 1902.04.15. <№ 194>

<карандашом> 1902.IV.10

Дорогой Павля!

Нас распустили. Читать и заниматься нельзя, потому что нужно готовить подарки к Пасхе. Скучно. Холодно; был дождь и прошел. Слякоть, хотя подсыхает.

Все здоровы. У нас кутерьма. Все кипятятся, мерзнут, чистят, ворчат, дуются, работают, выдумывают подарки, ходят в город за подарками.

Валя шалит, Гося каждую минуту раскрывает рот во всю ширину и ревет на весь дом из-за всякого пустяка. Шура пристаёт ко всем. Слава Богу, ему Гехтман дал на праздники работу. Люся бегает целый день по улицам, то на латинский, то к Наде, к Жене, то прогуляться, то за книгой. Она еще вегетарианничает и скоро станет такая:

Андрей бегает один в дождь и слякоть то в прачечную, то к нам вниз, то еще куда-нибудь. Нос у него всегда разбит.

*Сестры Сапаровы.
Фото Зарафова.
1870-е гг.
Надпись на
обороте рукою
П.А. Флоренского:
«Слева направо:
София Павловна
Сапарова, впослед-
ствии Карамян.
Елизавета Павловна
Мелик-Беглярова,
<у>рожден. Сапарова.
Репсимия
Павловна Сапарова,
впоследствии
Тавризова, а затем
Коновалова.
Ольга Павловна
Сапарова, впослед-
ствии Флоренская».*

Мама вечно думает, как бы так заказать обед, чтобы было и постникам, и Люсе, и скоромникам.

Все шьют и кроят. Лиза-тетя приглашала Ремсо тетю, но она не поехала. Нам в гимназию недавно подкинули прокламации. В каждом классе, на всех лестницах, даже в уборной их находят по 6-7 штук. Говорят, что их подкинула

гимназистка... Да, наверно, врут. Хотя, может быть, и правда. В тот же день такая же прокламация, называющаяся «К тифлисским учащимся», была подкинута в таком же количестве во 2-ую мужскую гимназию. Дробоглав струсил. Недавно во 2-ой мужской гимназии гимназисты устроили бунт из-за того, что старшие классы хотели заставить говеть на 7 неделе. Гимназисты (это было 1-го апреля) принесли всевозможных вонючих веществ: махорки, серы, кармина, и все это подожгли. Поднялась страшная вонь. Во всех

*А.И. Флоренский
(в центре).
Фото 1880-х гг.*

Письмо
Ю.А. Флоренской -
П.А. Флоренскому на
почтовой карточке
Церковь Св. Давида.
1900-е гг.

углах коридора стреляли ракеты. Бедный Дробоглав и Гам-крелидзе совсем перетрусили, не знали куда бежать, кого усмирять. Кончилось тем, что гимназисты добились своего. На другой же день их распустили. Теперь уже все говели. Воображаю, как они навоняли. Хотела бы понюхать!

Лиля

Беда в том, что хочется играть, а надоедать всем своим брэнчанием не хочется.

Рисование отложила до лета, а теперь хочу играть на пианино. Играю уже 3-ую сонату Бетховена подряд. Она мне очень нравится.

Кавальери больше, пожалуйста, не присылай. Она мне опротивела, с тех пор как я нашла несколько ее портретов в модном журнале. Вообще, она, кажется, дура и при том не красавица, а только хорошенькая.

1902.IV.12

Е.П. Мелик-Беглярова – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. Большая Грузинская. Общежитие Николая П. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Почтовый вагон. 1902.04.12; Москва. 1902.04.18. <№ 196>

Извини, дорогой Павля, что так поздно отвечаю тебе. Сергей все время собирался в Москву, и думала, он навестит тебя и передаст письмо. Теперь он раздумал ехать.

К завтраму жду Маргариту, Христофора и Давида. Очень я просила тетю Ремсо приехать ко мне на праздники вместе с Шурой, но она отказала. Пока не имею письма, чтоб узнать причину.

Пока еще Давид не занят ничем определенным. Думает открыть в Баку маленькую ферму, но едва ли это ему удастся.

До сих пор у нас был разгар весенних работ. Теперь почти все работы кончены. Все время было тепло, но в начале Апреля два-три дня были сильные дожди и мороз, который повредил многим фруктовым деревьям.

Надеюсь, дорогой мальчик, хоть летом заглянешь ко мне в деревню и увидишь новый дом, и как разросся наш сад.

Как кончатся твои экзамены? Хоть после окончания занятий отдохни от книг. Такая непрерывная сидячая жизнь даром не может пройти, может плохо отразиться на здоровье.

Целую тебя, мой Павля, и прошу хоть изредка вспоминать свою старую

тетю Лизу.

12 Апреля.

P.S. Поздравляю тебя с праздником. Кланяйся Варваре Николаевне.

*Древняя керамика
из Эчмиадзина.
Акварель
П. Флоренского
из его альбома
(см. илл. на
с. 378–379)*

1902.IV.15

О.П. Флоренская – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие студентов имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.04.16; Москва. 1902.04.21. <№ 198>

Тифлис

15 Апреля [1902]

Милый Павличек.

Вчера мы получили твое письмо и карточки детям. Они им доставили большое удовольствие, в особенности Лилина смешная карточка заставила всех немало посмеяться. Видно из писем твоих, что ты бодро и удачно справляешься со своими делами, и это сильно радует нас, в особенности, папу. Праздники мы провели довольно плохо; папа даже занимался себе.

Лиза тетя приглашала Ремсо тетю и детей к себе, но они не поехали, зато Шуре удалось устроить поездку в Эчмиадзин¹ и др. вместе с Евангуловым, его сыном и другими железнодорожными служащими. Как-то ты проводишь праздники? Не скучаешь ли? Ты ничего не пишешь о своих экзаменах. Мне Нюта говорила вчера, что Коля уже сдал два

Эчмиадзинский
монастырь. Гравюра.
«Живописная Россия».
Т. 9. «Кавказ»,
М., 1883. С. 197

Библиотека рукописей в Эчмиадзине. Без головы вышел, кажется, Марр.

«Библиотека рукописей в Эчмиадзине. Без головы вышел, кажется, Марр». Конец 1890-х гг. Фото и подпись (на обороте) П.А. Флоренского

или три экзамена. Значит ли это, что и ты уже сдал или у вас разное распределение их?

Как бы я была рада, если бы ты поскорее справился с этою скучною обязанностью. Что слышно у вас нового в учебном мире? Интересно знать, какие будут перемены с назначением нового министра. До нас тут все ведь доходит слишком поздно.

Папа просит передать тебе, что Клебша² у него нет, и Руссея³ будет нужно тебе, судя по содержанию, а не ему. Так и распорядись соответственно этому.

Передай наш поклон Варваре Николаевне и Пекоку. Эрну желаю удачи и всего лучшего. Скажи ему, что и у нас о нем сохранилась лучшая память. Это составляет и наше желание, чтобы ваши друзья были бы и нашими и чтобы было общее между нами, несмотря на такую разницу возраста. До свидания, милый. Целуем тебя все.

Твоя мама

¹ Эчмиадзин – исторический центр Армянской апостольской церкви в 20 км от Еревана, где находятся монастырь с резиденцией ка-

Письмо Лизы
Кутателадзе
Ю.А. Флоренской.
На почтовой
карточке 1890-х гг.
портрет Великого
князя поэта
К. Романова.
Лицевая и обратная
стороны

толикоса, кафедральный собор. Вблизи Эчмиадзина руины храма Звартноц (641–661).

² «Лекции по геометрии» Рудольфа Клебша, изданные его учеником Линдеманом. См. примечания к письму О.П. Флоренской сыну от конца марта 1902 г.

³ Рассел Бертран (Russell, 1872–1970) – английский философ, логик, математик, общественный деятель. Речь идет, по-видимому, о книге «Очерк оснований геометрии» во французском переводе: *Russell B. Essai sur les fondements de la géométrie*. Traduction par Albert Cadenat. Paris: Gauthier-Villars, 1901. Английский оригинал: *An Essay on the Foundations of Geometry*. Cambridge: At the University Press, 1897.

1902.IV.17

Е.М. Кутателадзе – Ю.А. Флоренской

Открытка: В гор. Тифлис. Ее Высокоблагородию Юлии Александровне Флоренской. Николаевская ул., № 67. Соб. дом. Штемпели: Джебраил. 1902.<нрзб.>; Тифлис. 1902.04.21.

Воистину Воскресе! Мой дорогой друг; сейчас получила твою открытку, за которую тебе благодарна. Пишу тебе мало, так как через несколько дней буду в *Тифлисе*. Если бы ты знала, какая радость овладевает мною, когда я вспо-

минаю, что через несколько дней я увижу моих друзей... тебя... Тут их у меня никого нет... не с кем поболтать, поделиться мыслями... Для всех я так ЧУЖДА!!...

Искренний привет всем твоим. До скорого свидания... Твой друг, Лиза.

1902.IV.19

Павел Флоренский

ПЕСНЯ ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ

(папе, хотя он этого не примет)¹

Весь согласно дышит мир,
тайну дивную тая.
Но не делай свой кумир
из земного бытия.

Глубже, пристальней всмотришь
сквозь безжизненность коры,
но и там ты не молись:
узришь воли ты дары.

Ниже, ниже взор бросай;
смысл всего ты постигай,
смысл всего и образец,
лад которым внес Творец.

Сквозь идеи будто сон
падай взором в мглу Эон².
Их прозревши до конца,
светоносный ризы край.

Вечно-сущего Отца,
Бога-Господа Творца
во смиреньи лобызай
и с восторгом созерцай.

Москва, 1902 г. 19 апреля

¹ В сборнике «Ступени» включено в раздел «Идеализм», в «Сборнике II» – в раздел «Всюду символы».

² Эон (*греч.*) – век, эпоха.

1902.IV.20

А.И. Флоренский – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Общежитие студентов имени Императора Николая II. Ст. Павлу Александровичу Флоренскому. Большая Грузинская. Штемпели: Тифлис. 1902.04.20; Москва. 1902.04.25. <№ 197>

20/IV 1902.

Дорогой Павлуша, вчера было получено твое письмо. Книга Russel'я¹, я предполагал, будет интересна для тебя, судя по нашим прошлым разговорам. Если это не так, то лично для меня ее не приобретаю. Перевод твой начали печатать, но пока в виде приложения к журналу «Инженерное Дело». В майской книге будет напечатано три листа. Тут затевается издание ряда монографий по отдельным техническим вопросам, причем твой перевод должен быть первым блином. По окончании печатания в журнале будет выпущено 600 экземпляров в виде отдельной книги. Такая комбинация хотя и не совсем практична, но надо было сообразоваться по обстоятельствам: этим путем издание обходится значительно дешевле. Летом тебя ждет работа – окончание

перевода. Если наши планы по изданию состоятся, что выяснится в конце мая, то тебе можно будет иметь переводную работу круглый год.

У нас все по-прежнему, по крайней мере, насколько я замечаю. Шура совершил на Пасху поездку в Ани и Эчмиадзин и приехал в совершенно восторженном состоянии. Занятия его идут так себе, благодаря страшной рассеянности.

До свидания, мой дорогой. Кланяйся Готлибу Федоровичу и Варв<аре> Ник<олаевне>.

Твой папа.

P.S. Напиши нам о состоянии твоих финансов, в особенности на проезд, так как это надо сделать своевременно.

Эрну от мамы и нас всех сердечный поклон и благодарность за доброе чувство к тебе. Пожелаю вам обоим дружбу школы перенести и в жизнь, так как новых друзей едва ли найдешь.

¹ См. прим. к письму О.П. Флоренской от 15 апреля 1902 г.

1902.IV.20

О.А. и Е.А. Флоренские – П.А. Флоренскому

Конверт: Москва. В общежитие студентов Императора Николая II. Ст. Павлу Александровичу Флоренскому. Большая Грузинская. Штемпели: Тифлис. <нрзб.>; Москва. 1902.04.29. <№ 199>

20 апреля. Суббота. 1902 г.
½ первого дня.

Дорогой Павля!

Письмо твое я на Пасху получила. Шура в четверг 11 апреля уехал с Евангуловыми путешествовать по Эриванской губернии, был и в Ани. Он нашел старинный глиняный подсвечник. Приехал 16 апреля. Погода тут очень не постоянная, то жарко, то холодно, сейчас идет маленький дождь. Акация еще не расцвела. Получил ли ты мое письмо? Какая погода в Москве? Гося просит написать тебе: «ты спрашивал, что привезти, привези одну из книг или “Синее знамя” или “Снежный король” или “Тысячу одну ночь”».

Дорогой Павля! целую тебя, прощай.

Твоя Валя.

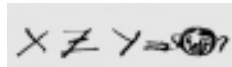
Дорогой Павля

Ничего не только интересного, но даже неинтересного, кажется, не случилось. Только сегодня в Тифлис приехала Люсина подруга Кутателадзе с отцом. Оба были сегодня у нас. Валька от избытка усердия и лени написала биографию Жуковского. Теперь она переписывает ее начисто и, кажется, находит необыкновенное удовольствие в охании, ахании и пересчитывании исписанных листов. «Ох! уже я написала 6 листов. Ах! О-о-ох!» Гося ноет все время, ибо у нее расстроен желудок. Как кто-нибудь наденет шляпу, чтобы идти, она подымает такой рев, если ее не берут, что ее стоит хорошенько высечь. Привези хорошие розги. Тут хороших нет. Почти все время лил дождь, а теперь поднялся ветер. Завтра предстоит идти в гимназию, а сегодня вечером приготовить уроки, потому что все праздники я не занималась. Теперь тут такая кутерьма с дворниками, что папа несколько раз говорил, что продаст дом.

Скучно, кажется, не только мне, а всем, начиная с папы и кончая Андриюшкой. Он (Андрей) дерется превосходно. Если тебе понадобится обстричь волосы или «бороду», приезжай сюда: он тебе все волосы до последнего выдерет с корнем.

Я совсем не рисую: опротивело. Буду рисовать летом. Играю хоть немного, но довольно аккуратно, потому что Мария Александровна задает только сонаты Бетховена, а не дурацкие этюды и гаммы.

Все-таки Бетховен, видно, был умнее разных Ниезин'ов, Лютте и т.д... Валя дурит от скуки: пришли ей для развлечения самую разбористую карточку, что она могла вполне законно над ней смеяться.

Люся заказала для портретов Бетховена и Моцарта, которые ты ей прислал, рамки. Вышли хорошие картины. Вообще у нее на стенах целая коллекция карточек.

1902.IV.20

А.А. Флоренский – П.А. Флоренскому

Тифлис. Открытка.

Дорогой Павля, поздравляю тебя с Пасхой. Кланяйся от меня Эрну. Пиши мне почаще.

Я только во вторник вечером приехал из Эриванской губ<ернии>. Ездили с Евангуловыми в Эчмиадзин, в Ани и другие места. Из Ани я привез старинный глиняный подсвеч-

ник и армянскую монету очень интересную. Напиши мне подробно о том, что у вас творится, и когда ты приедешь. Шура.

1902.IV.23

Х.Н. и М.Н. Карамян – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву ЕВБ. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Общежитие Александра III. Штемпели: Баку. 1902.04.24; Москва. 1902.04.29. <№ 200>

Павля, почему ты мне написал такое маленькое письмо? В Баку жарко и пыльно. Недавно нас совсем занесло пылью. Вчера был маленький бунт. Мы хотели в начале лета поехать в Кубу, а потом, к Лизе тете в деревню, 10 сент<ября> в Баку. Я получил от Христофора Александровича книгу «Маленький человек». А от папы «И все это правда. Ум и нравы животных». Я давно получил 3 четверть.

Нас распустили 5 апреля, мы пошли 22 и нас опять распустили.

На каникулы нас распустят 25 мая.

Поклон твоим товарищам и твоему профессору, который тебе одному читал лекции.

Твой Амо

Адрес: Угол Чадровой и Морской. Дом Тараева, № 251.

Вторник 23-го Апреля. 1902 года

Дорогой Павля. Моя кукла не франтит, чтобы прислать ее к тебе на воспитание.

Эльза разбила ей ногу, и она не может сделать такого большого путешествия

к тебе. Павля, Воскресение был маленький бунт. Павля, ты спрашивал, как зовут мою маленькую сестренку, ее зовут «Эльза».

До свидания, дорогой Павля.

Твоя Грета.

Впрочем еще немного подожди. Я имею тебе сказать о своем учении. Павля, я почти каждый день сперва решала по 32 задачи в день, а теперь по 50 в день. И почти каждый день пишу страничку под диктовку и одну списываю с книги. До свидания дорогой Павля.

Твоя Грета.

Приват-доцент
Московского
Императорского
университета
Иван Алексеевич
Каблуков

Первая страница
частично подготов-
ленных к изданию
студентом
П.А. Флоренским
лекций
И.А. Каблукова

1902.V.03

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Конверт: Тифлис. Е.В.Б. О.П. Флоренской. Николаев-
ская, 67. Штемпели: Москва 1902.05.04; Тифлис 1902.05.09.

Дорогая мамочка!

Теперь лекции уже почти совсем кончились, и на днях придется начать подготовку к экзаменам. Издание лекций по интегральн<ому> исчислению¹ тоже почти закончено. Остался один лист. Но вот теперь мне пришлось потерять несколько дней, т.к. меня просили издать конспект лекций по органическ<ой> химии². Они были совсем уже составлены, и мне пришлось переписывать и только кое-что взять из книги. Я себе наготовил довольно много книг на лето, главным образом, по математике и психологии для работы. Очень хочется поскорее избавиться от всех формальностей и заняться своим делом. Жаль только, что на даче не будет университетской библиотеки. На днях было в Москве утро, посвященное памяти Бетховена. Я попал на этот концерт. Исполнение было хорошее, но, к сожалению, играли все такие вещи, которых я никогда раньше не слышал. А Бетховена слушать без предвари-

тельной подготовки нельзя как следует. Спроси, пожалуйста, папу, нет ли у нас книги Clebsch «Vorlesungen über Geometrie, bearbeitet von Lindemann»³. У меня она сейчас взята из библиотеки, но я не знаю, можно ли будет взять ее с собою. Если нет, то тогда я поищу себе ее здесь.

Тут при филогическ<ом> фак<ультете> составилось научное общество, недавно утвержденное попечителем округа⁴. Хотя я и записан там членом, но едва ли буду принимать в нем участие. Между прочим, сегодня будет собрание.

Придется мне приехать поздно: экзамен последний кажется 30-го мая, так что пока соберешься, пока получишь отпуск, пройдет дней 5, и поэтому раньше 10-15 июня ждать меня нечего.

Во-время беспорядков Френ из любопытства пошел на сходку, чтобы посмотреть, как он говорит, как будут действовать, но за это поплатился⁵. Он до сих пор сидит в тюрьме, а теперь отправлен в тюрьму в Орел и будет там что-то вроде трех...⁶

¹ Об издании лекций по интегральному исчислению см. в примечании к письму А.И. Флоренского к П.А. Флоренскому от 26 октября 1901 г.

² Органическая химия. Конспект лекций приват-доцента И.А. Каблукова. М., 1902. Стеклографированные. В сохранившемся неполном экземпляре – 24 с.

³ Клебш Рудольф Фридрих Альфред (Clebsch, 1833–1872) – немецкий математик, сыгравший заметную роль в развитии теории инвариантов. Речь идет о «Лекциях по геометрии» (Vorlesungen über die Geometrie), изданных его учеником Линдеманом в 1875–1876 гг.

Студенты – участники беспорядков 1902 г. в Бутырской тюрьме. Собрание Музея истории МГУ

На эту книгу П.А. Флоренский постоянно ссылается в своей итоговой работе.

- ⁴ Речь идет о студенческом обществе при историко-филологическом факультете Московского университета, руководителем которого стал С.Н. Трубецкой. Флоренский называет его в письмах «филологическим обществом». Общество имело четыре секции: философскую (руководитель Л.М. Лопатин), историческую, историко-литературную и общественных наук. Позднее, в конце 1903 – начале 1904 г., образовалась секция философии и истории религии, инициаторами создания которой были П. Флоренский В. Эрн, В. Свенцицкий и А. Белый. Официальная регистрация ее произошла только в сентябре 1904 г., когда Флоренский уже учился в Московской Духовной академии.
- ⁵ После сходки 9 февраля были арестованы и посажены в Бутырскую тюрьму 623 студента университета, около 400 были исключены, многие затем были высланы в Восточную Сибирь.
- ⁶ Окончание письма отсутствует, возможно, не случайно, и было уничтожено из-за каких-либо сведений, связанных с беспорядками.

1902.V.05

О.П. и О.А. Флоренские – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. Общежитие Студентов Имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Комната № 42. Штемпели: Тифлис. 1902.05.06; Москва. 1902.05.19. <№ 201>

Тифлис. 5 мая 1902 г.

Милый мой Павличек.

Мы не писали тебе так долго, все поджидая письма от тебя, а ты, пожалуй, беспокоишься. Хотелось бы нам с папой знать, как ты поживаешь, что твои экзамены и т.д.? Пожалуйста, не набирай опять на лето много работы, а постарайся посвятить его на отдых. – У нас все по-старому. Люся уже выдержала экзамен по латыни и получила, кажется, свидетельство восьми классов, что ей важно в случае поступления в заграничный университет, но зато и она порядком истощена. Теперь предстоит нам решение вопроса о дальнейшей ее судьбе. Вопрос чрезвычайно трудный. Большой помехой служит ей также невладение новыми языками, а в России ей трудно и почти невозможно попасть в медицинский институт. Обо всем этом, впрочем, будет немало говориться и по приезде твоём сюда. Год этот кончится, кажется, довольно хорошо в учебном отношении, и никому не придется держать экзамены, по всей вероятности. Шуре все как-то везет разъезжать. Теперь его пригласили на про-

Ольга Павловна,
Андрик и Агуся.
Начало мая 1902 г.
Фото Б.Н. Мищенко,
Тифлис

гулку в Тквибульские копи¹, и он уехал, воспользовался двумя днями праздника. Папа, тетя и все здоровы. Теперь у нас уже нет няни для Андрика, и приходится бегать за ним по всему дому от чердака до кухни. На днях мы ездили сниматься втроем; он, Агуся и я. Кажется, вышло нехорошо. Лиля опять получила фотографический снимок в награду за рисование. Ремсо тетя поджидает твоего приезда, чтобы поучиться у тебя этому искусству. Когда же можно ожи-

дать тебя домой? Если ты находишь, что у тебя достаточно денег, то мы уже не вышлем тебе на проезд. Будь здоров милый и береги себя. Поклон наш Эрну и Варваре Николаевне. Скажи ей, что Ньюта здорова. Дети кланяются тебе. Твоя мама.

Дорогой Павля!

Погода тут все плохая. Завтра я с классом хотела идти в Ботанический сад, но нам верно не удастся, так как идет сильный дождь. Вчера вечером Шура опять уехал с Евангуловыми и вернется завтра. Шура Худадов дал ему несколько шелковичных червей, и они у него живут. Дома все здоровы. Скоро ли ты приедешь к нам? Отчего ты так долго не пишешь? Получил ли ты мое письмо? Вчера приехал Сергей дядя. Мы ожидаем со дня на день Лизу тетю. Дорогой Павля, прощай. Ремсо тетя тебе кланяется, она хотела написать письмо, но не успела. Твоя Валя.

Воскресенье 5 мая 1902 г. Полдень.

¹ Тквибульские копи – каменноугольные копи, расположенные на юго-западных склонах Рачинского хребта. О посещении этих мест см. «Детям моим...», с. 222.

1902.V.07

П.А. Флоренский – О.П. Флоренской

Москва. Конверт отсутствует.

Дорогая мамочка!

Вчера я был у Семенниковых, и мне там сказали, что ты беспокоишься, долго не получая моего письма. Каждый вечер откладываешь письмо, т.к. засиживаешься с подготовкой к экзаменам, а потом уже оказывается поздно. В скором времени, так числа 16-17 отсюда уедет Эрн, так что ты можешь узнавать о том, что тут делается, от него.

Как вы решаете насчет дачи и всего дачного вопроса. Пожалуй, вы уедете до моего приезда, т.к. я выеду не ранее 6-7 июня и, значит, буду дома около 12-13-го.

Недавно я зашел на короткое время проведать Андросовых. Оказывается, что Соня провалилась на латинском экзамене, к которому готовилась очень усердно, но провалилась благодаря случайности. Как идут занятия Люси, если только она еще не держала экзамена?

На днях я получил посылку от Ремсо тети; благодарности за нее буду высказывать тете особо, а пока замечу, что присланный сыр к экзаменам пришелся очень кстати.

После одного из экзаменов мы с Колей и Эрном ходили в Симонов монастырь¹, кот<орый> находится на некотором расстоянии от Москвы. Оттуда, с исполинской колокольни, выстроенной при Алексее Михайловиче², открывается замечательно широкая перспектива. В Москве есть очень интересное занятие, – смотреть церкви снаружи. Церквей довольно много, но замечательно, что каждая из них вполне индивидуальна, не то что у нас, где обыкновенно одну церковь разве по величине отличишь от другой. Особенно характерны маленькие храмы, – один мрачно-таинственный, как будто там совершилось масса убийств и преступлений, заброшенный, желтовато-серый, другой весь нащетиновый, колючий, как какой гад, третий феноменально-безвкусный, с тошнотворными матово-синими, как будто синька, куполами; эти купола, существующие у порядочного количества церквей, прямо невыносимы; они сушат зрение, как-то странно впитывая в себя свет; эти редиски в чехольчиках, какие-то пятки в синих чулках как будто нахально ухмыляются, торжествуя над всякими

Москва.
Вид Симонова
монастыря.
Почтовая карточка
1910-х гг. Изд. ИС

законами прекрасного. Переходы так резки, что не поймешь, неужели все еще находишься в одном городе. От какой-нибудь старинной бесцветной церковки, подслеповато выглядывающей какими-то нелепо-помещенными окошечками переходишь к дикой, сумасшедшей величественности Василия Блаженного, к кошмару великого архитектора, гениальному бреду, от него к простой святости и чистоте Собора Спасителя, стройного, светлого, серьезного, напоминающего маленькую тихую девочку; потом вдруг странное сочетание зеленого и голубого цвета, потом ряд изящных безделушек, потом церкви из шоколада, из сахара, наконец, что-то не то вроде майонеза, не то вроде макарон.

Целую тебя, дорогая моя мамочка и всех вас.

Твой П.

19 7/IV 02 Москва³

Москва. Церковь Успения на Покровке. Почтовая карточка 1910-х гг.

¹ Симонов Успенский мужской монастырь в Москве основан в 1379 г., расположен на левом, высоком берегу Москвы-реки. Собор и колокольня снесены в 1930-е годы, сохранилось несколько крепостных башен.

² Царь Алексей Михайлович Романов (1645–1676).

³ Ошибка: месяц не IV, а V.

1902.V.10

О.П. и Ю.А. Флоренские – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие студентов Имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.05.10; Москва. 1902.05.15. <№ 204>

Тифлис. 10 мая [1902]

Милый Павличек.

Вчера мы получили твое последнее письмо¹ к большому нашему удовольствию. Боюсь, что экзамены эти слишком много стоят тебе: в письме твоём проглядывает полнейшая

усталость, а ты еще говоришь о летних работах. Напрасно совершенно. – Люся уже сдала экзамен по латыни, как я уже писала тебе в предыдущем письме, на днях и с гимназией покончит совсем. Теперь она начала уже заниматься с Агусей вместо меня. Все другие дети будут, вероятно, совершенно свободны к половине мая. Теперь явится другая забота. Как наполнить их дни и чем занять их, чтобы не видеть вечно скучающих физиономий, и не терять непроизводительного времени. Ты не можешь себе представить, как удручающе действует вид вечно угрюмых и скучных физиономий! А ведь и ты грессишь этим немало. Сергей Теймуразович приглашает детей погостить в деревню, но мы раздумываем. О даче еще не знаем ничего. Папа думает начать свои разъезды только в начале июня. Теперь уже начал печататься в журналах твой перевод. Знаешь ли ты, что тебе серьезно следует писать немного разборчивее, а то разбирать твое письмо почти невозможно. До свидания, милый. Береги себя.

Твоя мама

Дорогой Павля!

Давно хотела поблагодарить тебя за книги; я получила все четыре. Не знаю только, сколько времени можно держать те, которые ты взял из библиотеки. Теперь я заканчиваю все свои дела этого периода: сдала латинский, кончила с гимназией; для аттестата придется еще написать отчеты, характеристики, но это займет немного времени. К 28 мая сдам их и буду свободна. Когда ты кончишь и будешь у нас? Эрн, кажется, собирался быть очень рано, как говорили?

Целую тебя.

Твоя Люся.

¹ Письмо П.А. Флоренского к О.П. Флоренской от 3 мая 1902 г.

Москва. Собор
Василия Блаженного.
Почтовая карточка
1900-х гг.
Фотогипсия Шерер,
Набгольц и К^о.

1902.V.16

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Москва. Б. Грузинская. Общежитие студентов. П.А. Флоренскому. Штемпели: С. Петербург 1902.05.17; Москва 1902 05.18. <№ 205>

Радуюсь от всей души, дорогой Павлуша, твоим добродетелям, но, во-первых, я ни за что не воспользовался бы твоей жертвой в два дня (ведь и мы не без добродетелей), а во-вт<орых>, я раньше 15-го не могу выехать... 18-го у меня логика, и у меня в голове хаос от всяких опосредствованных категорических простых и сложных суждений *ponendo tollens'ов*, *tollendo ponens'ов*, *Felapton'ов*, *Bramantip'ов* и т. д. – Ты знаком, вероятно, с этими милыми гекзаметрами... «*Barbara, celarent, darii*»¹.

Я не унываю и не трушу, т.к. оставил честолюбие в сторону и решил успокоиться на самых умеренных притязаниях. Может быть, ты для освежения ума и сердца проездишься после экзаменов в Питер? Я один в большой комнате, т.е. мог бы тебе дать пристанище с условием только не мешать мне зубрить. А у нас теперь хорошо: весна, Нева, острова и пр.

Прощай

Мой адрес:

В<асильевский> О<стров>, 9 л., 66, 28.

Твой А. Ельчанинов С.-Петербург 1902/V/16

¹ *Ponendo tollens* и *tollendo ponens* – виды разделительных силлогизмов. Латинское стихотворение, написанное гекзаметром, для запоминания девятнадцати сильных правильных модусов категорического силлогизма, восходящее, по крайней мере, к учебнику Петра Испанского (XIII в.):

Barbara, Celarent, Darii, Ferioque prioris;
Cesare, Camestres, Festino, Baroko, secundae;
Tertia Darapti, Disamis, Datisi, Felapton,
Bokardo, Ferison habet: Quarta insuper addit
Bramantip, Camenes, Dimaris, Fesapo, Fresison.

Каждое из выделенных курсивом слов – это название правильного модуса по одной из четырех фигур силлогизма. Эти латинские слова бессмысленны, но названия образованы так, чтобы гласные буквы в них указывали, к какому из четырех типов (обще-утвердительные (A), частно-утвердительные (I), обще-отрицательные (E), частно-отрицательные (O)) относится каждое из трех суждений (большая и меньшая посылки и заключение), образующих силлогизм. В качестве заглавных букв для каждого из четырех основных модусов первой фигуры (*Barbara, Celarent, Darii, Ferio*) были взяты первые согласные буквы латинского алфавита. Остальные модусы

получали заглавную букву такую же, как у того модуса первой фигуры, к которому они могут быть сведены. *Прим. А.А. Тахо-Годи и В.Г. Мостовой.*

1902.V.19

О.П. и Е.А. Флоренские – П.А. Флоренскому

Конверт: В Москву. Большая Грузинская. В Общежитие студентов Имени Императора Николая II. Студенту Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпели: Тифлис. 1902.05.20; Москва. 1902.05.24. <№ 206>

Тифлис

19 мая [1902]

Милый Павличек.

Мы получили твое последнее письмо¹. Пожалуйста, не ставь себе в обязательство писать длинные письма, когда ты так занят. Я думаю, что с отъездом Эрна тебе станет гораздо труднее и скучнее: ведь тебе, кажется, всегда нужна близкая душа.

Мы еще в Тифлисе и о даче не думаем пока. Несмотря на май, у нас совершенно прохладно, и идут дожди. Занятия у детей еще продолжаются, но, кажется, на будущей неделе распустят всех; Люсю же можешь поздравить с совершенным окончанием. Она даже распрощалась со всеми в гимназии, и теперь ей остается только получить диплом.

Как странно, что в твоём письме не слышатся совершенно отголоски современной жизни. Не слишком ли увлекаешься церквами и т.д. У тебя, кстати, и компания подобралась такая, не совсем современная, кажется.

Как идут твои экзамены? Не слишком ли ты утомляешься? Как хорошо будет, когда ты будешь уже дома. На днях ждут также Володю Худадова. Как ни хорошо ему в Париже, но он соскучился по Кавказу.

Передай мой поклон Варваре Николаевне. Нюту мы видели неделю тому назад. Она здорова. Папа продолжает твой перевод.

До свидания. Будь здоров, милый.

Твоя мама

Дорогой Павля!

Нас скоро распустят, наверно в пятницу или среду на будущей неделе. Шуру распустят в среду. Занятий почти нет.

Люся кончила занятия, только она, кажется, должна пойти еще раз в гимназию за аттестатом. Идет дождь. Он бывает тут каждый день. Цветут розы. Мейер прислал сегодня 3 букета роз, причем, кажется, нет ни одной обыкновенной. Мы еще занимаемся музыкой. Мария Александровна недавно подарила мне песни без слов Мендельсона². Лиза тетя хотела к нам приехать из Баку, но опять застряла в деревне. Шенгер³ наш сказал, чтобы мы (кто хочет) прочли «Историю электричества» Святского. Если тебе будет не трудно, возьми в библиотеке и привези. Впрочем, можешь и не привозить. Обойдусь без нее.

Лиля

Я получила награду за рисование за V класс: опять фотография. Я отдала ее Ремсо тете. В будущем году, пожалуй, опять получу фотографию, хотя с большим удовольствием получила бы вместо нее карандаши.

¹ Это ответ на письмо от 7 мая 1902 г.

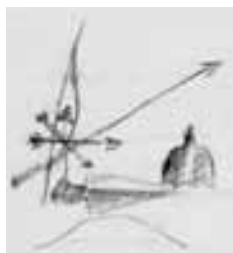
² Мендельсон Якоб (1809–1847) – немецкий композитор, дирижер, органист.

³ Шенгер Рудольф Карлович – инспектор Кавказского учебного округа, учитель математики в тифлисских гимназиях. Автор ряда публикаций, в том числе «Свод статистических сведений по учебным заведениям Кавказского округа за двадцатилетний период (1879–1898 гг.)». Тифлис, 1899, а также «Отчет о письменных работах по математике, исполненных учениками гимназий и реальных училищ Кавказского учебного округа на окончательных испытаниях. Сборник на правах рукописи». Тифлис, 1910 г.

1902.V.19

О.А. Флоренская – П.А. Флоренскому

Тифлис. Конверт отсутствует.

3 час. пополуд<ни>.

Воскресенье, 19 мая

1902 года.

Дорогой Павля!

Погода тут, как назло, в будни хорошая, а в праздники очень плохая, вот и теперь идет с утра дождь. В прошлое воскресенье я была с гимназией в Ботаническом саду. Из твоих картин, что тебе подарила Маргарита, 3 отдала в рамки, именно: Цицилию, мадонну «Ledic» и весталку.

Отчего ты мне не пишешь? Сегодня Мейер прислал нам 3 букета роз. Дома все здоровы. Какая погода в Москве? Лиза тетя обещала приехать из Баку к нам, а поехала в деревню. Глициния наша очень чахлая. Смородина поспевает, и салату и крес-салату так много, что каждый день готовят салат.

Дорогой Павля! Прощай, целую тебя.
Твоя Валя.

1902. VI

Павел Флоренский

НОЧЬЮ¹

Пламя свечи колыхается.
Копоть наверх подымается.
Тень на стене пригинаяется.
Сердце стоит и сжимается.

Длинный язык вон качается.
Спрута рука извивается.
Гадкая слизь расплзается.
Глаз мой устало смыкается.

Кто-то ко мне подбирается.
Прямо над мной нагинаяется.
Дух им сырой выдыхается.
Холод кругом растекается.

Тифлис, июнь 1902 г.

¹ В сборнике «Ступени» и «Сборник II» включено в раздел «Без Бога».

1902. VI.04

**Ю.А. Флоренская – А.И. и О.П. Флоренским, а также
А.А. и Р.А. Флоренским**
Ханалья. Конверт отсутствует.

4 июня. Ханалья
Дорогие папа и мама!

Вот я и уехала из Тифлиса. Ехали мы страшно долго,
7 ½ часов, вместо 4-х, потому что грязь была непролазная.

Ю.А. Флоренская.
Фото
А. Нордштейна.
Тифлис. Весна 1902 г.

Теперь тут ужасно жарко, выходить из дому можно только после заката солнца.

Я целый день или лежу, или ем черешни; даже не читаю, хоть у Лизы тети есть довольно много журналов и газет.

В общем, довольно скучно; несколько дней можно еще так прожить, но долго – нет никакой возможности, от безделья и жары я устаю больше, чем от какой-нибудь работы.

Я забыла оставить папе список нужных мне бумаг, но это ничего; прошения принимают только с 15, а я могу послать и еще позже, все равно это только для формы.

Если я не буду в Тифлисе до 14 числа, то ты, папа, если можешь, зайди в гимназию и возьми мой диплом, так как с 15 все уже разъезжаются, и тогда я сама все равно не сумею. Впрочем, постараюсь быть к сроку. Целую вас, дорогие папа и мама.

Люся

4 июня

Ханаля

Дорогие Шура и Госенька!

Что вы делаете в Тифлисе? Очень ли у вас жарко? У нас тут страшно жарко, так что гулять совсем не приходится; я была только на мельнице и 2 раза в саду. Фруктов тут не особенно много: на черешни неурожай, остальные еще не спели и вряд ли поспеют пока мы тут. Есть только тут, да и та мелкая еще.

Вчера я пробовала кататься на лошади, но ее держали под уздцы; проехала полдороги от мельницы до дому; сегодня постаралась уже ехать сама. Сюда может приехать Соня тетя, но не наверно. Целую вас, дорогие мои.

Люся

1902. VI.06

О.А. Флоренская и Р.П. Тавризова – О.П. Флоренской
Ханаля. Конверт отсутствует.

19 VI/VI 02

Четверг

Дорогая мама!

Здоров ли Аня? Напиши мне письмо. Сегодня Лиза тетя варит смородиновое варенье. Тут ткнут ковер. Абрикосы и мелкие груши уже скоро поспеют, пока же фруктов очень мало. Когда мы приехали, в саду было довольно много дикой клубники, теперь же она почти вся съедена. Сегодня я и Лиля набрали орехов для варенья. Орехов на канаве

около дома много. Занимается ли теперь Гося. Наверно в Тифлисе очень жарко, и потому она целый день сидит в холодной воде. Тут так жарко, что даже когда я в 7 ч. утра выхожу гулять, возвращаюсь домой совсем мокрая. Гуляете ли вы.

Дорогая мамочка! Целую тебя.

Твоя Валя

Дорогая Оля, посылаем фаэтон на вокзал. Сейчас получили от Сони письмо, что приедет к половине июня, верно, к тому времени нас уже не будет, хотя Давид и просил нас через Соню переждать. Здесь довольно тепло и сама Лиза не прочь уехать отсюда хоть на месяц. Люся немного скучает, а дети Валя и Лиля очень довольны. До свидания. Кланяюсь вам всем.

Твоя Ремсо.

*М.В. Карпович
с детьми – Мишей
и Наташей. Фото
Б.Н. Мищенко.
Тифлис. Около 1901 г.
Архив К.Д. Фомина*

1902.VI.21

А.И. Флоренский – О.П. Флоренской

Баку. Конверт отсутствует.

21/VI 1902 г.

Дорогая, я только что вернулся из Ленкорани. Письмо тебе написал, но забыл сдать на почту; так и привез его назад в кармане. Это была наиболее трудная и долгая поездка. При всем желании, я едва ли могу быть ранее 10 июля. Только к 1-му июля окончу с Бакинской губернией. Поездки пока не особенно тяжелы в отношении жары, но пыль доносится. Маргарита уезжает 1-го июля, Давид собирается в деревню в то же время.

Дело с Карповичем идет удовлетворительно; теперь идет сдача покупщику-французу; обе стороны взаимно довольны.

Во всяком случае, еще надеюсь получить от вас одно письмо в Баку, если напишешь скоро.

До свидания, дорогая. Целую всех.

Твой Миша

1902. VI.24

Е.В. Ельчанинова – М.С. Ланге-Поздеевой

Конверт: Тифлис. Чавчавадзевская, 6, кв. 4. М. Ланге-Поздеевой. Штемпели: Манглис 1902.06.25; Тифлис. 1902.06.25

24 июня

Дорогая Марусенька!

Наконец мы дождались Сашу, вчера он прибыл к нам. Не знаю, рассказывал он тебе о своем посещении Георгия Николаевича? Ну, если нет, то я расскажу, особенного ничего. Саша сказал, что ты нашла, что Георгий Николоевич чем-то был расстроен, и он объяснил, что он был болен, у него «стреляло в висок». Саша у них обедал, видел их младенца. Георгий Николоевич носил ребенка на руках, и находит, что ребенок похож на него, хотя Саша этого не находит. Приеду расскажу подробнее. Да, главное, Георгий Николоевич спрашивал о тебе, о твоём здоровье, о том, на какие средства ты едешь в Женеву. Кажется, все. Были ли вы на «той стороне»? Напиши, дорогая, подробно. Если не были, пойдите и вспомните обо мне. От Люси я получила через Сашу письмо и завтра ей отвечу, кланяйся ей от меня. Надеюсь, вы часто видите. Что Женева, не решила ли, когда едешь? Насчет Нины¹ я поразилась, я ничего не знала и обрадовалась ужасно, но на Нину я очень сердита, и даже обижена: ни слова не написать мне, я от нее этого не ждала, передай это ей, если увидишь.

У нас хорошо, тепло, дождей нет. Я ничего не делаю, лень одолела так, что я боюсь за себя, но надеюсь, что пройдет. Скучно мне без вас всех, дорогая Марусенька, очень. Рассказала ты Люсе о нашем визите? Что она. Ты знаешь, когда я вспомню об этом посещении, у меня буквально леденеет сердце.

Теперь еще одно дело, Маруся, вероятно Коля² тебе написал, и я надеюсь, ты ему ответишь, иначе он не пойдет в Тифлис, я думаю, а это для него будет очень тяжело, так как он только и говорит о том, что он пойдет на Манглис, и даже заказал сапоги у нашего хозяина. Я потому боюсь, что ты ему не ответишь, что ты как-то сказала, но, Маруся, уверяю тебя, что это очень и очень нехорошо.

Кланяйся Егору Давидовичу и Тамаре.

До свидания, целую тебя крепко

Твоя Женя Ельчанинова

¹ Арутюнова Нина – одноклассница.

² Николай Викторович Ельчанинов – брат Александра и Евгении Ельчаниновых, будущий супруг М.С. Ланге-Поздеевой.

1902.VI.26¹

Е.В. Ельчанинова – Ю.А. Флоренской

Манглис. Конверт, не прошедший почту.

26 июня

Дорогая Люся.

О посещении Сашиним вы, вероятно, знаете от Маруси, так что я не пишу. Скажу только, что я ждала большего. О нашем *визите* Вы также знаете; и знаете, что «нас» также приняли в «гостиной», что Вы на это скажете?

Не были ли Вы на «той стороне», не случилось ли чего-нибудь нового? Так странно мне быть здесь одной без Вас и Маруси, вот если бы Вы приехали сюда, я надеюсь, что это будет, Вы мне обещали, Люся, что приедете к нам, и, я надеюсь, Вы исполните Ваше обещание; пожалуйста, Люсенька, Вы знаете, что Ваш приезд никого не стеснит из наших, у нас места много. Марусю мы очень хотим вызвать сюда, не знаю, удастся ли. Было бы очень хорошо, если бы мы могли опять собраться вместе. Я ничего почти не делаю, немного занимаюсь с Сашей французским, но иногда бывают дни, что я положительно не могу ничего делать и читаю самые легкие рассказы, после которых чувствую еще больше утомление, чем после серьезной книги. Мне кажется, что вы рады выходу замуж Арутюновой; я думаю, она будет счастлива, сколько я ее знаю (очень мало), мне кажется, у нее такой характер, что ей легко будет жить, а впрочем легко мысленно делать заключения почти не зная человека.

Мои халдейские дела кончились – я «убоялась» начальства и, пока, свободна. Уроков у меня нет, пока.

Ну, Люсенька, до свидания. Коле пора спать, и он должен спрятать письмо, чтобы передать Марусе (так как он едет в Тифлис), а Маруся там. Кланяйтесь Вашим. Целую Вас. Ваша Женя Ельчанинова.

¹ Датировано по содержанию.

1902. VI.29

В.Н. Худадов – П.А. Флоренскому

Был у тебя, не застал, очень жалею.

В. Худадов

29/VI 1902 г

<Записка на листочке бумаги, на другой стороне на машинке: «Экономическая Жизнь Грузии» и текст, напечатанный на машинке на грузинском языке>

1902. VII.09

О.А. Флоренская – О.П. Флоренской

Ханаля. Конверт отсутствует.

19 9/VII 02 г.

Вторник.

5 ч. дня

Страница письма
О.А. Флоренской
к О.П. Флоренской
от 2 июля 1902 г.

Дорогая мамочка!

Тут опять жарко. Поздравляю тебя с именинами. Я не писала тебе так долго, потому что думала поехать с папой, но оказалось, что остаюсь тут. Сергей дядя был в Карачинаре и вернулся позавчера. Вчера мы с папой были в Талышах. Напишите мне письмо. Тут все здоровы. Какая погода в Тифлисе? Все ли здоровы? Позавчера мы с Давидом на арбе поехали в Тутбулах. Шура купил там за 15 к. курицу. Ее в то время, как мы там были, поймал татарин, но т.к. он, ловя, ударил ее палкой по голове, она сегодня ночью умерла, с нее сняли шкуру. Заглавные армянские буквы.

<Подпись армянскими буквами>

Дорогая мамочка!
прощай целую тебя.

1902.VII.15

О.А. Флоренская – Ю.А. Флоренской

Ханаля. Конверт отсутствует.

Ханаля

19 15/VII 02 г.

Понедельник ½ 9 веч.

Дорогая Люся!

Тут жарко. Поздравляю тебя с именинами! 11 Давид уехал в Аджикент и вчера вечером приехал. Армянским занимаюсь теперь только я. Мы почти каждый день устраиваем иллюминации. Шура нашел где-то две коробки бенгальского огня и пачку магния. Какая погода в Тифлисе? Мы устроили на мельнице под водопадом очень хорошую, глубокую купальню, она мне выше пояса. Хотя она и у самой дороги, но мы сделали над нею шалаш, так что купаться очень хорошо. Лиля тут забыла все свои вещи: масляные краски, мешок, карточки, полотно. Тут все здоровы. От Сергея дяди по и клон, (как он сказал, то есть поклон), Гося ложится не очень-то рано, вечно опаздывает на час или пол. Сегодня удалось уложить ее в 8 часов. Как идет наш сад, и что в нем есть. Сейчас пойду спать, т.к. Ремсо тетя позволила ложиться мне в 9 часов.

Дорогая Люся!

Целую тебя.

Твоя Валя.

1902.VII.15

М.С. Ланге-Поздеева – Ю.А. Флоренской

Конверт: Тифлис Ее Высокоблагородию Юлии Александровне Флоренской.

<конверт оборван, карандашом написано: 18 июля 1902 г.>

Манглис

15 – июля

Дорогая Люся!

Вот уже две недели на Манглисе, и ни строчки не написала Вам; все, что Вас интересовало, Вы узнали от Жени, оставалось писать только о себе, а о себе писать (боюсь, что рассердитесь) Вам не интересно, да и право, кажется, не о чем. – Однако, дорогая Люся, после этой прелюдии мне легче будет говорить о нашем «общем деле». Ведь, Люся,

последние известия от Вас решают многие вопросы и более определяют наше положение в будущем году (пишу, Люся, «наше», пот<ому> что чувствую, что и я останусь с Вами). Впрочем об этом не буду писать, т.к. надеюсь, что через несколько дней наше «трио» будет решать вопросы в старо-манглисской роще. Даже у нас с Женей по поводу этих вопросов установилось молчание; объясняю тем, что Вас ждем и только при Вас разрешим себе вслух многое сказать. Женя не может примириться с моим решением уехать в Женеву. Ждем, Люся, с нетерпением Вас. Не задаю Вам ни одного вопроса, т.к. надеюсь скоро, скоро Вас увидеть.

Целую вас крепко.
Маруся.

1902.VII.23

Р.А. Флоренская – А.И. Флоренскому

Конверт: Тифлис. Его Высокоблагородию Александру Ивановичу Флоренскому. Николаевская, 67. Штемпели: Тертер. 1902.07.23 и 1902.07.24; Тифлис. 1902.07.25.

Пава льинда кавальера¹ очен гаткая

¹ Лина Кавальери. См. прим. на с. 481.

1902.VII.26

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытое письмо: Тифлис Николаевская, 67. П.А. Флоренскому. Штемпели: Манглис. 1902.07.27; Тифлис. 1902. <нрзб.>27.

Р.А. Флоренская.
Рис. О.А. Флоренской
Около 1904 г.

Письмо
Р.А. Флоренской

Манглис. Памятник
рядовому Сидорову.
Почтовая карточка
1900-х гг. Фото
А. Ананова

Передай своим и узнай сам, что я прибыл благополучно на место в 11 ч. ночи, ни разу не садился на что-ниб<удь> вроде экипажа. Получил уроки. Очень благодарен твоей маме за провизию: я нашел двух попутчиков и нам троим хватило еды до самого Манглиса. Мама и я были бы очень рады, если бы ты как-ниб<удь> доставилась к нам сюда, хотя бы с Володей Х<удадовым>. То что я хотел спросить у тебя, неловко писать в открытке, хотя это не секрет. Пока прощай.

Твой А. Ельч.

Манглис 1902/VII/26

1902.VII.30

Е.В. Ельчанинова – Ю.А. Флоренской

Манглис. Конверт отсутствует.

30-го июля

Дорогая Люсенька!

Я также должна извиниться перед Вами за молчание, но все как-то не писалось. Ваше решение поехать ранней осенью за границу очень меня поразило, так как я последние дни только как-то утверждала, что вы остаетесь на этот год.

Но обвинять Вас, Люсенька, я не стану, все-таки, мне кажется, я Вас хоть немножко знаю и могу понять, чего вам стоило это решение. Бог даст, все будет хорошо, и через год мы опять сойдемся вместе и, может, повториться что-нибудь похожее на прошлую зиму, а нет, ну, что же делать. Не могу писать об этом – слишком тяжело. Как Вы разочаровали нас в нашем ожидании увидеть Вас на Манглисе, мы так все обрадовались, и вдруг мечтали <нрзб.> с Марусей как будем вместе заниматься, а Вы и перерешили. Но я все же надеюсь Вас увидеть у нас, дорогая Люсенька; Саша просил приехать к нам Павлушу, и мы все очень просим Вас приехать вместе с ним. Когда едет Павлуша в Москву? Наш Саша, кажется, остается до 10-го сентября, и мы еще думаем из Тифлиса ходить на прогулки.

Насчет Маруси ничего не могу написать наверное, так как последнюю неделю почти не вижу ее, так мельком, она довольно спокойна и весела на вид. Но больше ничего не знаю. Ну, до свидания, Люся; целую Вас, Ваша Женя Ельчанинова.

Забудьте, Люся, о всех неприятностях, ну, что же делать, если нет выхода, я боюсь, что Вы очень уж плохо себя ведете. Приезжайте к нам, вместе легче. Ваша Женя Ельчанинова.

*Ольга Павловна
Флоренская,
Андрик и Гося.
Фото П.А. Флорен-
ского. Лето 1902 г.*

1902.VIII.01

А.В. Ельчанинов – П.А. Флоренскому

Открытка: Тифлис. Николаевская, 67. П.А. Флоренскому. Штемпели: Манглис. 1902.08.03; Тифлис. 1902.08.03

Я, кажется, писал тебе, Павлуша, что взял уроки до 20-го августа, как только освобожусь, мы идем на большую прогулку на Зеленый монастырь или куда-ниб<удь> еще, это – ad libitum¹. Я надеюсь, что ты приедешь к этому числу, чтобы пойти вместе: Володя обещал прийти. Если ты в это время не будешь занят, то приезжай, когда тебе удобно. Женя уверена, что Люся захочет доставить ей удовольствие и приедет с тобой. Брат едет 12-го в Тиф-

лис, мама около 20-го, т. чт. у нас будет сушая республика, если не анархия.

Наши кланяются всем вам.

Твой АЕ

1902 VIII / 1 Манглис

¹ ad libitum (*лат.*) – по желанию, по своему усмотрению.

1902.VIII.14

Е.В. Ельчанинова – Ю.А. Флоренской

Конверт: Тифлис Ее Высокоблагородию Юлии Александровне Флоренской. Николаевская ул., № 67. Штемпели: Манглис. 1902.08.15; Тифлис. 1902.08.15.

14 августа

Дорогая Люсенька!

Из Вашего письма видно, что Вы в плохом настроении, что и понятно. Люсенька, объяснить то, о чем Вы пишете, действительно невозможно, это позор на всех нас людей, а не на тех несчастных, помочь которым, не знаю, можно ли; ведь это установлено правительством, следовательно, законно, прямо ужасно, убийство с разрешения правительства, и все люди смотрят как на должное, по крайней мере – большинство, но, право, об этом говорить, только злиться, и сознавать свое бессилие¹. Люся, лучше всего забудьте об этом пока, с этим никогда нельзя примириться, и все же есть надежда, что может быть можно будет помочь.

Как Вы себя чувствуете? Маруся писала, что у Вас сильно расстроены нервы, Люсенька, как это нехорошо; но я надеюсь, что с Марусей теперь Вам будет лучше, и Вы хоть немного успокоитесь. Часто ли Вы видитеесь? Ходите ли туда? Пожалуйста, пойдите, мне будет казаться, что и я была с Вами. Очень хочется поскорее в Тифлис, но не решили, когда приедем, если будет дурная погода числа 20-го. Ваше предположение оказалось верным, у нас с Марусей было, действительно, что-то вроде отдаления, но виновата я, у меня было глупое настроение, и я, по обыкновению, не умела сдерживаться, от того все и произошло, но под конец мы с Марусей объяснились без слов и все кончено. Поцелуйте от меня Марусю и скажите, чтобы написала, я ей на открытку не отвечу. И – до свидания, дорогая Люся, желаю Вам быть веселой, право, это возможно. Целую Вас.

Ваша Женя Ельчанинова
Вашим поклоном от мамы и от меня.

*Ольга Павловна
Флоренская
с Андриком.
Фото П. А. Флорен-
ского. Лето 1902 г.*

¹ 13 августа 1902 г. в ряде городов, в том числе и в Тифлисе, были созданы охранные отделения.

1902. VIII.24
Павел Флоренский

ПОСЛАНИЕ ПЕРВОЕ
К А<ЛЕКСАНДРУ> Е<ЛЬЧАНИНОВУ>

Я жду тебя. Приди скорей,
Приди скорее, жданный,
Оставь других, оставь людей,
(Оставь,) и будешь снова жданный.

* * *

Бушует пламя, и темна
Струя трубы камина.
Шумит поток; порой волна
мутна и недвижима.

* * *

Катит бездушные струи
Поток неудержимый
Рожденья, смерти <...> твои,
Кронос¹ неумолимый.

* * *

Но образ твой во мне стоит:
Стоит он недвижимо,
И лишь греховности закрыт
Он мглой неуловимо.

* * *

Лишь солнце ж ласково взглянет
И луч туман разгонит,
Твой образ снова восстает
И в сердце снова звонит.

24 августа 1902, Тифлис

¹ Кронос, Крон – в греческой мифологии один из титанов, сын Урана и Геи, персонифицирует время.

Именной указатель упоминаний и портретов

Распределение имен в переписке имеет характерную особенность: на порядок чаще упоминаются корреспонденты и адресаты, то есть родственники и самые близкие друзья, которым обязательно передаются приветы и поклоны, о здоровье которых спрашивают или сообщают.

Публикуемая в I томе переписка включает достаточно представительные корпусы писем П.А. Флоренского, А.И. Флоренского, О.П. Флоренской, Ю.А. Флоренской и А.Е. Ельчанинова. Каждому из остальных корреспондентов принадлежит менее 10 писем, обычно – только 1–3. Приведем краткие подсчеты количества сохранившихся и публикуемых в настоящем томе писем основных корреспондентов.

П.А. Флоренский, 50 писем, в том числе: 7 – отцу А.И. Флоренскому, 31 – матери О.П. Флоренской, 8 – сестре Юлии (Ю.А. Флоренской), по 1–2 письма братьям Шуру (Ал.А. Флоренскому) и Андрику (Ан.А. Флоренскому), сестрам Лиле (Е.А. Флоренской), Вале (О.А. Флоренской) и Гесе (Р.А. Флоренской).

А.И. Флоренский, 37 писем, в том числе: 15 – жене О.П. Флоренской, 14 – сыну П.А. Флоренскому, 3 – старшей дочери Ю.А. Флоренской.

О.П. Флоренская, 53 письма: 7 – мужу А.И. Флоренскому, 45 – сыну П.А. Флоренскому, 1 – дочери Ю.А. Флоренской.

Ю.А. Флоренская, 16 писем: 2 – отцу А.И. Флоренскому и 14 – брату П.А. Флоренскому. Сохранились и письма к Юлии ее соучениц по гимназии, которые также публикуются: 12 писем Лизы Кутателадзе, 5 писем Жени Ельчаниновой, а также письма Маруси Ланге-Поздеевой, Нади Перевозчиковой и Рухиладзе (имя не установлено).

А.В. Ельчанинов, 30 писем к П.А. Флоренскому. К сожалению, писем П.А. Флоренского к А.В. Ельчанинову, несмотря на предпринимаемые поиски, обнаружить не удалось. Вероятно, они были утрачены еще в 1910-е годы.

Распределение писем, отраженное в оглавлении, в значительной степени определяет и частоты упоминания имен. Во всей публикуемой в I и II томах переписке насчитывается около 800 упоминаний П.А. Флоренского, 200 – А.И. Флоренского, по 300 – О.П. Флоренской и Ю.А. Флоренской. Более 50 раз, как правило, встречаются имена каждого из родных и двоюродных братьев и сестер, дядей и тетей, а также В.Ф. Эрна, А.В. Ельчанинова и Семенниковых. Такое количество упоминаний делает их включение в именной указатель нецелесообразным, поэтому составители ограничились указанием тех страниц, на которых размещены изображения этих лиц.

Указатель помещены имена, встречающиеся как в текстах, так и в публикуемых автографах и других документах. Страницы, на которых даются характеристики упоминаемых лиц, выделены курсивом, на которых приведены их изображения – полужирным шрифтом.

- Агриппина 437
 Адам 252
 Адольф А.В. 436, 437
 Адрианов В.В. 295
 Адрианович 467
 АЕ – см. Ельчанинов А.В.
 Акакий Акакиевич (Башмачкин) 474
 Александр II, имп. 35, 72
 Александр II, имп., его убийца 280
 Александр III, имп. 280
 Александр Иосифович – см. Ягулов А.И.
 Александровский Ф. 41, 42, 49
 Алексеев А.С. 264, 270, 281, 281, 306
 Алексей, его девочка 161
 Алексей Михайлович, царь 543, 544
 Алексий (Редигер), митр. 21, 24
 Алексинский И.П. 281, 281
 Алина – см. Пекок А.Г.
 Аллах 182
 Алоиз Алоизиевич – см. Мейер А.А.
 Алферьев, полковник 295
 Альберто – см. Санчес Альберто
 Альбина Константиновна – см. Семеникова А.К.
 Альбов Ф. 41, 42, 44
 Амелия 77
 Амо – см. Карамян Х.Н.
 Ананов А. 361, 558
 Анатолий Викторович 144, 146, 245
 Андреев Д.Д. 281
 Андреев К.А. 144, 146, 146, 268, 306, 307, 313, 315
 Андреев Л.Н. 520, 521
 Андрей, апостол 412
 Андрик – см. Флоренский Ан.А.
 Андроник (А.С. Трубачев), иером., игумен 7, 22–24, 51
 Андросов И.В. 438, 448
 Андросова С.В. 326, 448, 512, 513, 514, 518, 542
 Андросова М.Н. 448, 455, 476
 Андросовы 438, 448, 449, 453, 458, 542
 Аникин А. 44
 Анна – см. Флоренская А.М.
 Анна Владимировна 482
 Анненский 318, 321
 Анри Виктор 380
 Анучин Д.Н. 306, 307
 Апухтин 369
 Аргутинская 118
 Арешев Г. 342, 460
 Аристиш из Кирены 218
 Аристотель 157, 422, 433
 Арутюнова Н. 553, 554
 Архангельский Михаил, свящ. 67, 135
 Асатиани М.М. 5, 323, 325, 325, 342, 349, 350, 364, 375, 378, 379
 Аскольдов С.А. 111
 Ассафрей 75, 76
 Ася 90, 93, 228, 287, 421, 486
 Бабанов Г.Н. 175
 Бабанский В. 67, 131, 134, 135
 Бабушка – см. Пекок
 Бабушка Николая Семенникова – см. Семеникова А.Б.
 Багажемидзе 133, 134
 Бадуа 509
 Баланаев 49
 Балмашев С. 283
 Баронянц 117
 Барсов Н.Г. 71, 72, 83, 84, 100
 Барсуков В. 472
 Барятинский И.С. 501
 Бейер Р. 30
 Белавин 321
 Белинский В.Г. 287
 Белкин 422
 Бельский 421
 Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) 5, 6, 94, 284, 458, 540
 Беляев Н.А. 294
 Бен – см. Бэн Александр
 Бенсон Джон 490
 Бергман 295, 298
 Бердяев Н.А. 111
 Березин 49
 Бертло Пьер Эжен Марселен 538
 Бетховен Людвиг ван 348, 352, 472, 528, 536, 538
 Бёук-Хан 505
 Бёясанова 447
 Бибер 509
 Биbihин В.В. 24
 Бильфельд Г. 460
 Блок Александр 94
 Боборькин П.Д. 76, 77
 Бобров А.А. 268, 313
 Бобылев 240
 Бобынин 314
 Бог 12, 432, 433, 440, 460
 Боголепов Н.П. 263, 283, 298, 338
 Богословский В.С. 306, 307
 Болдырев А.В., ректор 40–46
 Бонч-Бруевич М.А. 101
 Борисов А.Б. 50, 51
 Боря – см. Ельчанинов Б.В.
 Брагин В.И. 24
 Брандес Георг 490, 491

- Брандт Р.Ф. 306, 307
 Бренев 77, 78
 Бренева Лиза 369
 Бренева, тетя 369
 Брихничев Иона П., свящ. 278, 284
 Бродовский П. 460
 Брокгауз Ф.А. 218
 Брюс Я.В. 425
 Брюсов В.Я. 263
 Бубнов С.Ф. 306
 Бугаев Н.В. 127, 128, 129, **129**, 130, 144, 146, 164, 176, 198, 202, 214, 223, 264, 270, 274, 306, 307, 314, 315, 385–388, 392, 393, 397, 403, 406, 418, 450–452, 454, 458, 484
 Булгаков Сергей, протоиерей 5, 22, 24, 94, 111, 278, 284
 Булериани 465
 Булыгинский А.Д. 306, 307
 Бурденко Н.Н. 22
 Бурлюк Д.Д. 27
 Бурне Ф.Я. 284
 Бутенко С. 245, 246, 460, 472,
 Бутягин А. 450, 451, 454, 458
 Бэббидж Чарльз 200, 201, 203
 Бэн Александр 229, 230, 496
 Бюхнер Людвиг 201
- В***, барон 491
 В.А. 45
 Валронг 42–44
 Валя – см. Флоренская О.А.
 Вангенгейм А.Ф. 269, 274, 275
 Ванновский П.С. 338, 449, 456
 Варвара 368, 317
 Варвара Николаевна – см. Семенникова В.Н.
 Варвара Соломоновна 233
 Варенин 522
 Варфоломей 284
 Васико 136, 316, 328, 333
 Васильев 50
 Васнецов В.М. 521
 Введенский А.И. 214, 296, 298, 433, 468
 Вебер Э. 202
 Ведель 229
 Векилова Е.Д. – см. Эрн Е.Д.
 Велер 538
 Вернадский В.И. 8, 23, 281, **281**, 306, 307
 Вернадский Г.В. 151
 Верхарн Эмиль 521
 Веселовский 422
 Виндельбанд В. 292, 296, 298
 Виноградов П.Г. 144, 146, 268, 313–315, 422, 456, 457, **457**, 458, 515, 516, 522
 Виноградский А. 40, 42, 44, 47, 49
- Виппер Р.Ю. 306, 308, 522, 523
 Вишнева К. – см. Андросова С.В.
 Власов 315
 Внуков П. 41, 43
 Вознесенский П.И. 190
 Воинов 318
 Володя – см. Эрн В.Ф. или Худадов В.Н.
 Вольтер 216, 218, 252
 Воробьев 42, 43
 Воропаев 345
 Восторгов Иоанн, свящ. 147
 Высочайшее Имя 305
- Готлиб Федорович – см. Пекок Г.Ф.
 Гайдн Франц Йозеф 472
 Гальцева Р.А. 18, 23
 Гамильтон В. 237, 238
 Гамкредлидзе И.Е. 67, 134, 135, 460, 528
 Гамлет 491
 Гаррет-сын 33
 Гарсиа Лорка Ф. 20
 Гауптман Г. 472
 Гашкрендус И. 103, 104
 Гвиниев 304
 Гегель Георг Вильгельм Фридрих 201, 204
 Геллий Авл 255
 Гельмгольц Г.-А.-Ф. 417, 418
 Гензельт Адольф – см. Henzelt А.
 Генриен 252
 Генрих 472
 Геолог 251
 Георгий Николаевич – см. Гехтман Г.Н.
 Гербель Н.В. 491
 Герсамия Т. 61, 179, 211, 353, 419, 427, 434, 435, 523
 Герц Анри 352, 353
 Герц Генрих Рудольф 450, 453, 454
 Герцен А.И. 108
 Гершенмани 245
 Герье В.И. 144, 146, 265, 266, 268, 306, 308, 313, 422, 425, 429, 457, **457**, 458, 519–521
 Гете Иоганн Вольфганг 247, 391, 491
 Геффдинг Г. 215, 215
 Гехтман Г.Н. 28, 32, 35, 58, 61, 111, 130, 131, 133, 139, 183, 190, 206, 210, 214–216, 218, 226, 244, 254, 257, 258, 316, 317, 421, 431, 439, 444, 469, 472, 516, 521, 522, 525, 553
 Гея 562
 Гижицкий 515
 Гиляров А.Н. 254, 255
 Гирм 379
 Главный доктор Москвы Военного госпиталя 49
 Глазов 271

- Гласко 75
 Глафира 475
 Глинка А.С. 278, 284
 Глинка М.И. 241
 Глюк К.В. 460
 Гоголь Н.В. 170, 460, 425, 492, 496, 498
 Голицын Г.С., кн. 245, 250
 Голицын С.М., кн 43
 Голубов Н.Ф. 306, 308
 Гольденберг А.И. 439
 Гольмстен А.Д., ректор 36, 37, 72, 141
 Гомер 18, 404, 422
 Гораций 170, 171
 Городенский И.Н. 160, 161, 421
 Городенский М.Н. 77, 78, 161, 173–175, 175, 176, 192, 193, 239, 241, 286, 338
 Городцов С.Д. 278, 284
 Горький Максим 263, 283, 322, 325, 326, 491, 520, 521
 Горячев 315
 Господь 12, 433
 Гося – см. Флоренская Р.А.
 Грабовский К. 460
 Греков Г. 67
 Грета – см. Караян М.Н.
 Гречанский 43
 Грибоедов А.С. 460
 Григорьев Захарий, свящ. 60
 Григор 358, 366
 Гриман Г. 67
 Гримм Д.Д. 281
 Грот Н.Я. 204
 Губарев А.П. 306, 308
 Губернский секретарь 45
 Гулишамбаров С.И. 54
- Д.С. – см. Мережковский Д.С.
 Давид – см. Мелик-Бегляров Д.С.
 Давид, св. 528
 Давыдов 460
 Давыдов Н.В. 281, 281
 Даймон 33
 Дамир 212, 213
 Данков И. 47
 Датико – см. Мелик-Бегляров Д.С.
 Датошвили И. 460
 Дедушка – см. Кутателадзе М. или Пекок Г.Ф.
 Декаприлевич 469
 Декарт Рене 164, 165, 292, 293, 296
 Демидов С.С. 412
 Джавал-хан 503, 506
 Джамаспов И. 460
 Джантиев Г.А. 323, 324
 Джевонс Стенли 203, 217, 218
- Джемс Уильям 229, 230
 Джугашвили И.В. 284
 Диккенс Чарльз 521
 Диоген Лаэртский 255
 Директор гимназии – см. Дробоглав И.Ф.
 Дмитриевский И. 44, 47
 Дмитрировский 314
 Добровольский И. 42, 49
 Доде Альфонс 446
 Донов 318, 321
 Допотопнов 166, 184, 196, 207, 235, 251
 Дорогов А.А. 18, 23
 Достоевский Ф.М. 77, 284, 432 – 434, 491
 Дробоглав (Дрбоглав) А.И. 72, 73, 83, 84
 Дробоглав (Дрбоглав) И.Ф. 42, 67, 73, 460, 472, 527, 528
 Дройсхут Мартин 490
 Дронов В.З., свящ. 333, 371
 Дубасов Ф.В. 280, 284
 Дунаев А.Г. 23
 Духовской М.В. 268, 306, 308, 313
 Дьяговченко И. 387
 Дьяконов П.И. 306, 308
 Дьячки костромские 34
 Дю Кутре Гюстав 522, 523
 Дюринг Е. 201, 204
- Евангулов, отец 530
 Евангулов, сын 530
 Евангуловы 535, 536, 542
 Еватл 255
 Евгения Давыдовна – см. Эрн-Калашникова Е.Д.
 Еврипид 434
 Евтушевский В.А. 439
 Егор Давидович 553
 Егоров 43
 Егоров Д.Ф. 314, 393
 Екатерина Ивановна – см. Ельчанинова Е.И.
 Елеонский П.А. 306, 308, 314, 315
 Елизавета Александровна – см. Флоренская (Кониева) Е.А.
 Елизавета Михайловна – см. Кутателадзе Е.М.
 Елизавета Федоровна, Вел. кн. 124
 Ельчанинов А.В. 29, 81
 Ельчанинов Б.В. 150, 151, 226, 236, 368, 369, 499
 Ельчанинов Н.В. 553, 554
 Ельчанинова Е.В. 56, 75–78, 133, 226, 236, 363, 372, 373, 377, 378, 426, 428, 430, 438, 439, 461, 439, 443, 444, 447, 553, 560
 Ельчанинова Е.И. 226, 236, 434, 438, 443, 461, 496, 553, 554, 556–561
 Ельчанинова Т.В. 19, 20
 Ельчаниновы 19, 500

- Ельчанията 15, 29, 252-254, 256, 514, 515
 Еля – см. Сапарова Е.А.
 Ерзенкова 447
 Ермаков 31
 Ефимов Д.П. 63
- Жаков К.Ф. 523
 Жарков – см. Жаков К.Ф.
 Жарова И.С. 7
 Жданович 49
 Жегалкин И.И. 412
 Женя – см. Ельчанинова Е.В.
 Жирарди А. 152
 Жуковский А.В. 517, 536
 Жуковский Н.Е. 271, 306, 308, 314, 315, 407
- Завадский 444, 500
 Заведующий общежитием – см. Преображенский П.А.
 Завриев 368, 369
 Запаросова 373
 Заратустра 191
 Зарафов 526
 Захаров 472
 Зданевич 367, 372, 374, 375, 377, 378
 Зевс 404
 Зелинский Н.Д. 281, 281, 306, 308
 Зернов Д.Н. 268, 306, 308, 313
 Зина 368
 Зограф Н.Ю. 306, 308
 Зрашевский 49
- Ибаррури Долорес 20
 Иваницкий А.М. 253
 Иванов С.В. 269
 Иванов А.А. 424, 425
 Иванов Вяч. Вс. 18, 23
 Иванов Н. 460
 Иванов П. 460
 Иванова Е.В. 94, 356, 364, 377
 Иисус Христос 444, 445
 Иконописцы тифлисские 52
 Илья Пророк 253
 Иннокентий (Просвирнин), архим. 19
 Иов 432, 433
 Иосиф Волоцкий, преп. 24
 Исаев А.А. 215
 Исаков А. 472
 Исаковы 76, 77, 368
 Истомина М. 118
 Ишхнели Г. 460, 472
- К. Р. – см. Константин, вел. кн.
 Каблуков И.А. 120, 125, 315, 417, 418, 538, 539
- Кавальери Лина 500, 501, 518, 528, 557
 Казаков 314
 Казанский П. 444
 Казинцев А.С. 67, 215
 Калах 203, 239
 Калашников М.Г. 254, 254, 256, 298, 299
 Калашникова Е.Д. 20
 Калашникова Н.В. 254, 254
 Калашниковы 6
 Калюжный А. 360, 467, 468
 Камаровский Л.А., граф 268, 306, 308, 313
 Кант Иммануил 188, 215, 231, 233, 255, 468, 516
 Кантор Георг 392, 393, 397, 398, 400, 401, 412
 Каразин Н.Н. 521
 Карамазов Алеша 433
 Карамазов Иван 433
 Карамазовы 433
 Карамян (Сапарова) С.П. 70, 495, 526
 Карамян Е.Н. (Эльза) 70, 74, 297, 495
 Карамян М.Н. (Грета) 70, 74, 297, 495
 Карамян Н.Р. 70, 74, 182, 186, 241, 496
 Карамян Х.Н. (Хамо) 70, 74, 297, 495
 Карбасников 215, 416, 417
 Кареев Н.И. 325
 Карл 491
 Карпов 177
 Карпович М.В. 509, 552
 Карпович М.М. 150, 151, 253, 253, 255, 256, 298, 299, 552
 Карпович Н.М. 253, 253, 299, 552
 Карпович П. 283
 Кассо Л.А. 280, 306, 308
 Кастерин 314, 315
 Католикос – см. Мкртич I (Хримян Айрик), католикос
 Катул 422
 Каченовский М.Т., ректор 46–50
 Кашинский П. 41, 42
 Кейдан В.И. 111
 Керер 472
 Кесених 341
 Кинчин А. 40, 42
 Кипиани Вахтанг 342, 415
 Кириллка – см. Флоренский К.П.
 Кириллов 472
 Кирпичников А.И. 124, 125, 264, 270, 306, 308
 Киченовский 47
 Клар Э. 29
 Клара – см. Санчес К.Ф.
 Клеанф 206
 Клебш Рудольф 531, 532, 539
 Клейн И.Ф. 264, 306, 308
 Клейн К.Ф. 270, 306, 308

- Ключевский Б.В. 312, **312**, 313, 458
 Ключевский В.О. 268, 306, 308, 312, 313, **313**,
 422, 457, 458
 Кнот А. 472
 Ковалев 472
 Коваленский 314, 315
 Кожевников Г.А. 281–283, **283**, 284
 Кокушкин П.В. 452
 Колоколов Г.Е. 306, 308
 Колчин 31
 Коля – см. Семенников Н.А.
 Коменский Ян Амос 444, 445
 Кониашвили (Кониева) Е.А. 17
 Кониашвили (Иванишвили) О.Г. 17
 Константин Константинович, Вел. кн. 532,
533
 Корсаков Н.С. 306, 308
 Корш 124
 Костанов П. 460
 Костик В. 24
 Костя – см. Перевозчиков К.С.
 Котляревский 325
 Коцебо. 342
 Крапивин 314
 Крживец В. 460
 Кронос 562
 Крюков А.А. 306, 308
 Ксеркс 27, 56
 Кудрины, братья 54
 Кузьмина 355, 362
 Кузьмина Наталья 467, 468
 Купер Ф. 505
 Кутаисский губернатор 63, 245
 Кутателадзе Лея 368, 369
 Кутателадзе Е.М. 90, 93, 115, 118, 119, 227, 228,
 285, 287, 352, 369, 370, 371, 419, 421, 439, 441,
 445, 463, 464, 486, 487, 502, 506, 507, 532, 533
 Кутателадзе М.И. (папа) 92, 116, 118, 421–487,
 503, 505, 506, 536
 Кутателадзе, мама 116, 285, 368, 421
 Кутателадзе, дедушка 90–92
 Кюльпе О. 216, 218, 519, 521, 525
- Ланге – вероятно, Ланге-Поздеев А.С. 76, 78
 Ланге, брат 469
 Ланге-Поздеева М.С. 373, 444, 467, 471, 496,
 553, 554, 556, 557, 559, 560
 Лаплас Пьер Симон 200, 203
 Лаппо-Данилевский А.С. 190, 191
 Лаптев М. 49
 Лапшин И.И. 439, 447, 468
 Лахтин А.К. 270, 271, 306, 308, 314, 315, 392,
 394, 401–403, 417, 418, 481, 482, 483
 Лебедев А.И. 521
- Лебедев А.П. 306
 Лебедев П.Н. 281, **281**, 306, 308
 Лежен-Дирихле Петер Густав 484, 485
 Лейбниц Готфрид Вильгельм 201, 386, 390,
 397
 Лейст Э.Е. 306, 309, 314
 Ленин В.И. 283
 Леонардо-да-Винчи 206, 433, 440
 Леонтьев К. 49
 Леонтьев М. 47
 Лермонтов М.Ю. 474, 475, 516
 Лесгафт П.Ф. 322
 Лесевич В.В. 204, 325
 Лже-Дмитрий 455
 Либрман Я.И. 460
 Лиза – см. Кутателадзе Е.М.
 Лиза тетя – см. Мелик-Беглярова Е.П.
 Ликург 422
 Лиля, или Лея – см. Перевозчикова Л.С.
 Лиозен Э.К. 67, 134, 135
 Лисовский 460
 Лисовский Н. 47
 Лихачев Д.С. 21
 Локк Джон 386, 444, 445
 Ломоносов М.В. 404, 424, **499**
 Лопатин Л.М. 39, 144, **144**, 146, 156, 157,
 159, 238, 304, 306, 384, 386, 392, 422, 467,
 523, 540
 Лопухов П. 44
 Лорд – см. Пуцкин
 Лосев А.Ф. 18, 19, 23, 24
 Лосский Н.О. 190, 191
 Лузин Н.Н. 5, 6, 393, 402, 412
 Лука, апостол 206, 424
 Лункевич В.В. 149, 292
 Лупóлова П.Г. 76
 Луцилий 206
 Льюнсбюрни Д. 167, 185
 Любавин Н.Н. 306
 Любимский И. 47
 Люка Эдуард 408
 Люся – см. Флоренская Ю.А.
 Лютте 536
- Майевский 166
 Макеев А.М. 306, 309
 Максвелл Д.-К. 450, 453, 454
 Малинов И. 41, 42, 44
 Мальбранш Никола 292, 293, 296, 298
 Мама – см. Ельчанинова Е.И., Кутателадзе,
 Перевозчикова, Семеникова В.С., Флорен-
 ская О.П.
 Мамин-Сибиряк Д.Н. (Мамин) 118, 119, 325
 Манташев А.И. 73, 74

- Мануилов А.А. 280, 281, **281**
 Маня – см. Худадова М.Н.
 Маргарита – см. Карамян М.Н. или Оганьян (Мелик-Беглярова) М.С.
 Марго – см. Оганьян М.С.
 Марешкая 316, 374, 375
 Мария Александровна – см. Туманова М.А., кн.
 Мария, Маша – см. Худадова М.Н.
 Марк, апостол 424
 Маркс А.Ф. 312, 313
 Марр Н.Я. **531**
 Марья Александровна – см. Туманова М.А.
 Марья Ивановна 428
 Матейко Ян 125
 Мгебров А.Б. 80
 Мгебров И.Я. 377, 378
 Мгебров Л.Я. 60, 80
 Медведев В. 41, 43, 49
 Медведков В. 44
 Мейер (Меер) А.А. 305, 323, 334, 338, 340, 341, 548, 549
 Мейер Йозеф 328
 Мелик-Бегляров Д.С. **70**
 Мелик-Бегляров С.Т. 61
 Мелик-Беглярова Е.П. (Сапарова) **55, 70, 526**
 Меликовы 58, 61
 Меликян И. 297
 Менделеев Д.И. 191, 197, 198, 202
 Мендельсон Я. 472, 548
 Мензбир М.А. 280, 281, **281**, 457, 458
 Мережковский Д.С. 278, 284, 432–434
 Мерцалов 314, 315
 Мещерский В.П., кн. 449, 456, 457
 Микеладзе 321
 Микель-Анджело 433
 Миллер В.Ф. 39, 104, **104**, 107, 306, 309
 Миль Джон Стюарт 146, 237, 238, 254, 255, 304, 384, 386, 516
 Милов П. 42
 Миловский 49
 Милосердова Л.В. 7
 Минаков П.А. 280, 281, **281**
 Минковский Г. 485
 Минский (Виленкин) Н.М. 253, 255
 Мирзоевы 378
 Мириманова 81
 Миролюбов Н. 41, 43, 44
 Мискинов А. 460
 Митропольский Н.А. 306, 309
 Михаил Николаевич, Вел. кн. 69, 460, 472
 Михайлов (Шеллер) А.К. 118, 119
 Михайловский 436
 Михайловский Н.К. 215, 325
 Миша – см. Флоренский А.И.
 Мищенко Н. 540
 Мищенко Б. 541
 Мкртич I (Хримян Айрик), католикос 74, 531
 Млодзеевский Б.К. 145, **145**, 146, 281, 281, 306, 309, 314, 315, 405
 Молчановский 49
 Монбарон А. 70
 Мордовцев 369
 Мороховец Л.З. 306, 309
 Мостовая В.Г. 547, 500
 Моторин 43
 Моцарт Вольфганг Амадей 536
 Мрочек-Дроздовский П.Н. 306, 309
 Мухоловкин 166, 196, 207

 Н.Р. – см. Карамян Н.Р.
 Н.Т. 355
 Набгольц 34, 39, 62, 289, 335, 499, 545
 Надежда, Надя – см. Перевозчикова Н.С.
 Найдин Н. 110, 137, 139, 149, 188, 189
 Наполеон 185
 Наседкина Е.В. 94
 Натидзе 472
 Науман 229
 Нахимов Павел С. 43
 Нахимов Платон С. 42, **42**, 43, 45, 46, 49
 Негри Ада 496, 497
 Нейдинг И.И. 306, 309, 317
 Некрасов П.А. 456, 458
 Нерон 125
 Неруда Пабло 20
 Нестеров М.В. 17
 Нефедьев Е.А. 274, 264, 306, 309
 Нечаев А.П. 190, 191, 214, 443, 444
 Ниезин 536
 Никитин А. 435
 Никитин В.А. 24, 377
 Никифоров М.Н. 306, 309
 Николай Алексеевич – см. Худадов Н.А.
 Николай II, имп. 39, 120, 124, 127
 Никольский Б.В. 312
 Никольский Я. 42, 44, 49
 Нина – см. Арутонова Н. или Сапарова Н.А.
 Ницше Ф. 88, 191, 233, 253, 433, 491
 Новацкий И.Н. 306, 309
 Новгородцев П.И. 457, 458, **458**
 Новомейская Е.С. 243, **243**
 Новомейская М.С. 243, **243**
 Новомейский С.Ф. 243, **243**, 245, 246
 Новомейский Ф.С. 243, **243**
 Нордштейн А.С. 111, 118, 126, 550
 Нурредин 184, 196
 Ньюта – см. Семенникова Н.(А.?) А.

- Обидина 107, 109, 111, 124, 126, 130
 Оболенский А.Д., кн. 95
 Овербек Ф. 425
 Овербек Иоганн Фридрих 205, 206
 Овидий 422
 Оганезов Г. 460
 Оганьян (Мелик-Беглярова) М.С. 69, 70, 71, 98, 225
 Оганьян Х.А. 71, 81, 179, 183, 194, 195, 212, 224, 225, 233, 249, 479, 481, 524, 529, 537
 Озеров Г. 47
 Олейникова 93, 228
 Олексенко А.И. 7, 23
 Ольга-тетя – см. Флоренская О.П.
 Ольшевский 49
 Орещина А.Б. 7
 Опель 460
 Оруэлл Джордж 10
 Осип 63, 78, 366
 Осипов И. 460, 472
 Осипов С. 460
 Островский А.Н. 460, 472
 Остроумов П. 41, 42, 44
 Остроухов 49
 Охоцкий Ю.В. 512
- П.В. – см. Флоренский П.В.
 Павел, Павля, Павлик – см. Флоренский П.А.
 Павел, слуга А.И. Флоренского 64
 Павленков Ф.Ф. 86, 519, 521
 Павлинов К.М. 306, 309
 Павлов А.П. 306, 309
 Павлович О.Х. 87
 Пагирев В. 472
 Палиев А. 460, 472
 Палиевский П.В. 19
 Папа – см. Флоренский А.И., или Кутателадзе М., или Перевозчиков
 Параша-Сибирячка – см. Луполова П.Г.
 Парсаданов 342
 Паскаль Блез 100, 101, 133
 Пассионария – см. Ибаррури Долорес
 Паульсен Фридрих 170, 171, 216, 515, 516
 Пащенко 467
 Пекарский А.Я. 457, 493
 Пекок А.В. (Ушакова), бабушка 87, 88, 103, 104, 107, 108, 126, 134, 135, 148, 149, 182, 232, 292, 303, 326, 337, 341, 347, 417, 418, 436, 437, 476
 Пекок А.Г. 148, 419, 426, 465, 475, 481
 Пекок Г.Ф. 134, 135, 148, 135, 182, 188, 213, 227, 337, 341, 347, 419, 426, 435, 437, 448, 453, 465, 472, 474, 481, 501, 511, 531, 535
 Пекок, семья 148, 149, 153, 173, 184, 202, 233, 234, 245, 297, 316, 320, 329, 333, 338, 380
 Перевозчиков Б.С. 74, 76, 78
 Перевозчиков К.С. 74, 75–78, 96, 345, 369
 Перевозчиков С., папа 75–77
 Перевозчикова Л.С. 96, 368, 369
 Перевозчикова, мама 75–77
 Перевозчикова Н.С. 74, 75, 76, 77, 78, 93, 96, 118, 147, 228, 287, 345, 367, 370, 372, 424, 428, 430, 444 – 447, 525
 Передерий Г.П. 509
 Пермикин 354
 Перченок Ф. 23
 Петр I, имп. 232, 425
 Петр Испанский 546
 Петровский А.С. 6
 Петрушевский Д.М. 281, 281
 Пикассо Пабло 20
 Пилат 122
 Пимен, патриарх 21, 24
 Пирн 342
 Пирогов Н.И. 50, 169, 171
 Пиросмани Н. 504
 Писарев Д.И. 117, 119, 287
 Пифагор 404
 Платон 125, 157, 175, 177, 205, 218, 237, 238, 254, 255, 301, 383, 384, 385, 386, 433, 434, 459, 468
 Плотин 468
 Плоченский Ф. 41, 42, 44
 Плюшкин 170
 По Эдгар Аллан 520, 521
 Погирев В. 304
 Попов О.Н. 521
 Попов П. 41, 43, 44, 49
 Попов П.М. 306, 309
 Попов Я. 42, 49
 Порус В.Ю. 412
 Потебня А.А. 515, 516
 Прака 462
 Прасковья 288, 366
 Пращуры – см. Дьячки костромские
 Преображенский (отчисленный из Университета) 43
 Преображенский (окончивший с отличием Университет) 49
 Преображенский В. 40, 44
 Преображенский П. 41, 42, 44
 Преображенский П.В. 120, 125, 127, 408, 412
 Прометей 432
 Просвирнин А. – см. Иннокентий (Просвирнин)
 Протагор 255
 Пушкинс 166, 196, 184, 197, 207, 235, 236, 251
 Пушкин А.С. 17, 171, 241
 Пфистер В. 259
 Пэн 33

- Р.Г. – см. Гальцева Р.А.
 Ражнов А. 47
 Раминский А. 41, 43, 49
 Рассел Бертран 531, 532
 Ратенский 43
 Рачинский А. 44
 Рачинский Г.А. 278, 284
 Ревекка 77
 Рейн Ф.А. 281, 281
 Ректор Московского Императорского университета – см. Болдырев А.В. (1833–1836), Каченовский М.Т. (1837–1842), Тихомиров А.А. (1899–1904)
 Ректор Санкт-Петербургского Императорского университета – см. Гольмстен А.Д.
 Ренан Жозеф Эрнст 444, 445
 Рескин Джон 296
 Реформатский П.Д. 315
 Решетников Ф.М. 287
 Риккер 298
 Роденбах Жорж 520, 521
 Рождественский А. 472
 Розанов В.В. 8, 10
 Розенфельд (Каменев) Л.Б. 27
 Розенштейны 342
 Розов 44
 Ромасенко (Асатиани) Л.В. 325
 Ростовцев Ю.А. 19, 321, 432
 Рот В.К. 281, 281, 306, 309
 Рубакин Н.А. 325
 Рудинский О. 47
 Рудник А.Э. 94
 Румкорф Генрих 449
 Румянцев И.П. 41, 43, 44
 Руссель – см. Рассел Бертран 531
 Руссо Жан Жак 371, 444, 445
 Руставели Шота 17
 Рухиладзе 77, 78, 374, 375, 428, 447

 Сабанеев А.П. 306, 309
 Салтыков А.А. 20, 24
 Сальмон Джордж 145, 146, 163
 Самоквасов Д.Я. 306, 309
 Сандро 325
 Санчес А.А. 6, 19, 20, 21
 Санчес Альберто 20
 Санчес К.Ф. 20
 Сапаров Г. 50, 52
 Сапаров П.А. 524
 Сапаров П.Г. 52, 52
 Сапарова Е.А. 143, 145, 147, 148, 182, 286
 Сапарова М.А. 143, 143
 Сапарова Н.А. 143, 143, 145, 147, 182, 429
 Сапарова Т.А. 143, 143, 145, 147, 182, 348, 425, 429, 485
 Сапаровы 378
 Сахаров 445, 446
 Сахаров 64, 245
 Сахарова М-ме 64, 428
 Свенцицкий В.П. 271, 284, 543
 Селин И.Е. 343
 Семенников Н.А. 126, 287
 Семенникова А.К., бабушка 320, 380, 418, 426, 438, 441, 444, 448, 449, 486
 Семенникова В.Н. 94
 Семенникова Н.(А.?)А., сестра 429, 431, 460, 475, 519, 522, 525, 530, 542, 547
 Семенниковы 316, 413, 431, 444, 449, 453, 479, 482, 542
 Семенов 242
 Сенека Л.А. 206
 Сенкевич Г. 125
 Сеньявский С. 47
 Серапион (Машкин), свящ. 393
 Сербский В.П. 281, 281
 Сергей дядя – см. Мелик-Бегляров С.Т.
 Сергей (П.А. Голубцов), архиеп. 19, 122
 Сергей (Страгородский), митр. 284
 Сиверцов 49
 Сидоров, рядовой 558
 Сидоров К. 47
 Синицин Ф.И. 306, 309
 Синявский С. 49
 Сипягин Д. С. 263, 283
 Скорцов А. 42
 Скороходов И.Н. 444
 Скотт Вальтер 521
 Сметана Бедржих 460
 Снегирев В.Ф. 226, 227, 268, 306, 309, 313, 328
 Соболевский С.И. 306, 309
 Соколов А.П. 160, 163, 164, 306, 309, 314, 315, 429, 430, 448, 456, 490
 Соколов М.И. 306, 309
 Соколов Н. 417
 Соколовский А.А. 32, 49, 56, 135, 190, 191, 254, 490, 491
 Соколовский П. Е. 306, 309, 355
 Соколовы 465, 467
 Сократ 121, 125, 218, 238, 254
 Солдатенков К.Т. 177
 Соловьев В.С. 27, 35, 35, 39, 47, 52, 56, 94, 95, 171, 176, 177, 189, 190, 201, 204, 217, 218, 232, 255, 280, 301, 302, 355, 377, 383, 384, 388, 389, 467, 474, 497
 Соловьев Михаил В., свящ. 46, 47, 48
 Соловьев С.М. 46, 47, 48, 49
 Солон 422
 Солохин 76

- Сомов 87
 Соня тетья – см. Карамян С.П.
 Сохоцкий Ю.Ф. 512
 Спенсер Герберт 201, 204
 Спивак М.А. 94
 Спижарный И.К. 306, 309
 Спиноза Бенедикт (Барух) 164, 165, 275
 Спиркин А.Г. 18
 Станислав 166
 Стаховский 500
 Стейкер А. 281, 282
 Степан, слуга 68, 132
 Столовский 486
 Столоначальник – см. Воробьев
 Стояновская 75
 Страхов А. 41, 42, 44
 Струве Н.А. 19
 Стрыгин А.В. 121
 Стуруа И. 460
 Стыка Ян 121, 122, 125
 Суворов Н.С. 306, 309
 Сударева 472
 Сузанаджянц 487
 Сухарев А.П. 425
 Сытин И.Д. 472, 517
- Т.- Маркозов Н. 472
 Тавдгеридзе Ш. 284
 Тавризова Р.П. 526
 Тайлор 185, 196
 Тамара – см. Сапарова Т.А.
 Тамара Владимировна – см. Ельчанинова Т.В.
 Танюша 289
 Тарасов И.Т. 268, 306, 310, 313
 Тарчигин М.И. 453
 Татиана, великомученица 107, 308
 Тахо-Годи А.А. 19, 23, 500, 547
 Тацит Публий 360
 Теккерей В. 76, 77, 78
 Терновский П.М. 46
 Тимирязев К.А. 144, 145, 267, 281, 281, 457, 458
 Тимофеевский 321
 Титов А.А. 283
 Тихомиров А.А. 264, 306, 268, 271, 310, 313, 326, 332
 Тихомиров В.А. 306
 Тихонов В.П. 7
 Тихонов Н. 460, 469, 472
 Ткачев В. 460
 Толстой Л.Н. 32, 33, 34, 56, 125, 182, 183, 325, 326, 434
 Томà Ф. 226, 227
 Тося 116, 119, 228, 287, 445, 446
 Трифонов В.Г. 489
- Троицкий 355
 Троицкий М.М. 254, 255
 Троицкий Семен, свящ. 34
 Троицкий С.С. 34, 272, 275, 279, 284
 Трубачев А.С. – см. Андроник, игумен
 Трубачев С.З. 24
 Трубачева М.С. 22, 24, 291
 Трубецкой Е.Н. 111, 354, 355
 Трубецкой С.Н. 39, 129, 130, 144, 146, 156, 157, 177, 204, 218, 238, 271, 276, 277, 281, 281, 283, 304, 306, 310, 355, 384, 457, 523, 540
 Трунов Г.В. 41
 Туманова М.А., кн. 235, 236, 296, 352, 430, 548
 Тумановы, князья 324, 350, 350
 Тургенев И.С. 491
 Турчанинов 232, 300, 302
 Тхоржевские 349
 Тэн Ипполит Адольф 515, 516
 Тютчев Ф.И. 210
- Умов Н.А. 268, 281, 281, 306, 310, 313– 315, 429, 457, 458
 Уран 562
 Успенский Б.А. 18, 23
 Успенский Г.И. 520
 Уточкин Н. 47, 49
 Ушаков Симон 24
 Ушаков В.И. 437, 473
 Ушинский К.Д. 210, 212, 257
- Фаворский В.А. 407
 Фарадей Майкл 86, 87
 Фауст 247, 491
 Федя 289
 Фет А.А. 312, 313, 318
 Фехнер Г. 202
 Филарет, митроп. 201
 Филатов Н.Ф. 306, 310
 Филимонов 77, 78, 369
 Филиппов 147
 Филиппова 467
 Фихте Иоганн Готлиб 201, 204
 Флавицкий Ф.М. 198
 Фламарион К. 295
 Флоренская А.М. 15, 17, 19, 20, 21, 22, 56
 Флоренская А.У. 467
 Флоренская Е.А. (Лиля) 39, 55
 Флоренская (Ушакова) Е.В. 56, 436
 Флоренская З.И. 56
 Флоренская О.А. (Валя) 55, 79
 Флоренская О.П. 30, 53, 54, 55, 526, 541, 557, 559, 561
 Флоренская Р.А. (Гося) 55, 379, 541, 557, 559
 Флоренская Ю.А. (Люся) 53, 55, 550

- Флоренская Ю.И. 53, 53, 54, 54, 60
 Флоренский А.И. 31, 53, 54, 55, 79, 367, 527
 Флоренский Ал.А. (Шура) 39, 55
 Флоренский Ан.А. (Андрик) 541, 559, 561
 Флоренский В.П. 6, 7, 55, 406
 Флоренский И.А. 40, 41, 41, 42, 44, 46, 47, 50, 51, 56
 Флоренский К.П. 15
 Флоренский М.П. 87
 Флоренский П.А. 29, 53, 55, 59, 82, 299
 Флоренский П.В. 6, 7, 23, 24 50, 142
 Фокс 33
 Фомин К.Д. 253, 254, 552
 Фомины 6
 Фон В.**, бароны 491
 Фон Гижицкий Г. 516
 Фон-Гиргенсон 107
 Фортунатов Ф.О. 306, 310
 Фохт А.Б. 281, 281, 306, 310
 Фраунгофер Й. 198, 199, 202
 Фрезе 369
 Фрей Вилли 342, 344, 345, 346, 493, 494, 496
 Френ В.Н. 129, 130
 Френ Н. 108
 Френ С.Н. 81, 81, 108, 109, 130, 180, 539
 Фридрих фон В***, барон 491
 Фукс И.Г. 73
- Хамажк, Хамо – см. Карамян Х.Н.
 Хан – см. Джавал-хан
 Хвольсон О.Д. 202, 399
 Хвостов В.М. 281, 281, 306, 310
 Херелефонт 238
 Хомяков 204
 Храпко 496
 Христос 27, 56, 122, 189, 277, 280
 Христофор Александрович – см. Огаянъян Х.А.
 Худадов А.Н. 298, 299, 372, 542
 Худадов В.Н. 82, 104, 110, 111, 123, 299, 337, 345, 347, 372, 415, 423, 547, 555, 558
 Худадов Н.А., отец 110, 111, 130, 131, 362
 Худадова Е.А., бабушка 486
 Худадова М.Н. 110, 111, 122, 232, 255, 330, 337, 341, 355, 372, 373, 345, 415, 468, 482
 Худадовы 349, 434
- Цветаев И.В. 306, 310
 Цветаева М.И. 310
 Цезарь Гай Юлий 360
 Цераский В.К. 268, 281, 281, 306, 310, 313, 355, 457, 458
 Цицерон 422
 Цицианов П. 255, 256, 298
- Чайковский П.И. 472, 487, 548
 Чаплыгин С.А. 281, 281
 Чекуров, свящ. 366
 Черкасов Н.К. 267
 Чернова С.В. 7
 Чертков С.В. 284
 Черткова И.М. 67
 Чехов А.П. 322, 520
 Чижиков В. 67
 Чика 364
 Чингисхан 185
 Чириков Е.Н. 325
 Чичерин Б.Н. 198
- Шайтанов Н. 41, 42, 44, 47, 49
 Шапиро К. 225
 Шапошников В.А. 7, 412, 472, 485
 Шапошников М.Б. 94
 Шекспир Вильям 219, 223, 490, 491
 Шеллинг Ф.-В. 300, 302, 361
 Шенгер Р.К. 140, 421, 548
 Шервинский В.Д. 281, 281, 306, 310
 Шерер 34, 39, 62, 289, 335, 499, 545
 Шершеневич Г.Ф. 281, 281
 Шехина 377
 Шиллер Ф. 88
 Шио-Мгвиме 336
 Шкляревский Ф. 41, 42, 44, 49
 Шкурская Е. 24
 Шмерлинг О.И. 83, 117, 287, 371, 463
 Шмидт А.Н. 94, 95
 Шмидт П.П. 277, 279, 279
 Шопенгауэр Артур 188, 201, 204
 Шталь В. 392
 Штернберг 15
 Штурм Жак Шарль Франсуа 145, 146
 Шульгин 75, 76
 Шулятиков В. 497
 Шуман Роберт 460
 Шумская 464
 Шура – см. Флоренский Ал.А.
 Шутова Т.А. 7
- Эврипида 422
 Эйлер Леонард 408
 Эйхенвальд А.А. 281, 281, 344
 Эккель 203, 239
 Эккерман Иоганн Петер 19
 Эличка – см. Сапарова Е.А.
 Эльза – см. Карамян Е.Н.
 Энтомолог 197
 Эрн В.Ф. 28
 Эрн сестра – Эрн Домна Францевна 430
 Эрн-Калашникова Е.Д. 20, 277, 299

Юзбашев 75
Юля – см. Флоренская Ю.А.
Юм Дэвид 386
Юнг Томас 237, 238

Ягулов А.И. 67, 133, 134, 135, 149, 150, 159, 195, 347, 360, 362, 455, 499, 500, 501
Ядвига 443
Ярошевский Г. 41, 42, 44, 49
Ясько Ю.Г. 5, 51

Balmer 199
Behr B. 445
Beyer R. 30
Bock E. 445

Caesar – см. Цезарь Гай Юлий
Clebsch R – см. Клебш Рудольф
Cornix – см. Флоренский П.А.

Dostor G. 145, 147
Duhamel J.-M. 153, 154, 217

Henri – см. Анри Виктор

Henzelt A. 430, 431
Herz Henri – см. Герц Анри
Horati Q. 171
Kaiser 199

Lejeune-Dirichlet P.G. 483, 484
Lucas E. 408

Milks 198
Moebius A. 399

Negri A. 496

Rowland G. 198, 202
Rudberg M. 198
Runge K. 199
Russell B. 532, 534

Stahl W. 392
Sturm C.H. 146

Tacit 362

Wienecke B. 445